This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 467.26 (1852 / 5-8)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

№ 15789
б 8(4)

Абхазского государств.
Академии
Отдел М. С. В
Инв. № 13011
ШИФР

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть сорокъ четвертая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1832.

D
PSIav 467.26 (1832 5-8)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Апрѣля 23 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 7 SEP 1966

№ 5. Мартъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

Василья Мирошевскаго.

Отправленіе брига Охты изъ Мальты въ Египетъ. Навариномъ. Занте. Жена и дѣти Марко Боццари. Модономъ. Плаваніе возлѣ береговъ Кандіи. Прибытіе въ Александрію.

Едва успѣли мы освободиться изъ карантина (*), какъ бригъ нашъ получилъ повелѣніе, немедленно отправиться съ Англійскимъ фрегатомъ Галатеею въ Александрію, и слѣдовать за нимъ и въ прочія мѣста, если того потребуютъ обстоятельства.

11-го Января (1828-го года) по утру, когда мы стали выпягиваться изъ гавани, попался намъ на встрѣчу Англійскій бригъ, буксируемый гребными судами, и мы увидѣли на немъ Русскаго курьера. Не получая около трехъ мѣсяцевъ извѣстій изъ Россіи, съ какимъ нетерпѣ-

(*) По прибытіи изъ Корфу въ Мальту.

ніемъ ожидали мы новостей о любезномъ отечествѣ! Но, къ сожалѣнію, мы не могли вполнѣ удовлетворить свое любопытство: Капитанъ брига едва на нѣсколько минутъ имѣлъ время съѣхать на берегъ, и возвратясь объявилъ, что Государь Императоръ прислалъ награды за Наваринское сраженіе. Справедливое возмездіе, полученное тѣми, которые оказали себя достойными почестей, доставило намъ живѣйшее удовольствіе. Слава тому, кто умѣетъ служить отечеству; слава Монарху, умѣющему цѣнить заслуги.

Вышанувшись изъ гавани, мы вступили подъ парусы, и направили путь къ берегамъ Мореи. Крѣпкій, попутный вѣтръ принесъ насъ въ двое сутокъ къ мѣсту, ознаменованному уже неоднократно гибелью Турокъ и славою Рускихъ (*). Входъ въ Наваринскую губу имѣетъ около семи сотъ саженъ ширины; при входѣ на правой сторонѣ построена крѣпость, на скатѣ горы; съ лѣвой стороны входа сдѣлано небольшое земляное укрѣпленіе; битва 8-го Октября доказала на опытѣ, какъ ничтожны сіи укрѣпленія.

(*) Къ Наварину (древній Пилосъ). — Наваринъ разстояніемъ отъ Мальты около 360-ти Итальянскихъ миль; онъ во время Турецкой войны, веденной Графомъ Орловымъ-Чесменскимъ, былъ взятъ и разрушенъ Русскими.

Подходя къ Наварину, мы зарядили всѣ пушки, дабы въ случаѣ, когда Турки вздумали-бы салютовать намъ ядрами, платить имъ тою-же почестью; но дѣло не дошло до такихъ учтивыхъ привѣтствій. Фрегатъ не имѣлъ надобности идти въ губу, но подойдя къ ней, легъ въ дрейфъ. Мы сдѣлали тоже и между тѣмъ наблюдали движеніе Турокъ.

Въ губѣ Наваринской видѣли мы военный бригъ, стоящій возлѣ крѣпости, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него 74-хъ пушечный корабль, безъ мачтъ, и съ проломленнымъ бортомъ. Это былъ одинъ изъ старыхъ знакомцевъ союзнаго флота. Между тѣмъ Турки, увидѣвъ насъ, высыпали толпами на крѣпость. Можно-ли вообразить, съ какими чувствами смотрѣли они на флаги, развѣвавшіеся недавно предъ ихъ крѣпостью при громѣ пушекъ, и при освѣщеніи гибельными для нихъ огнями!.. Безъ сомнѣнія, при первомъ взглядѣ на насъ, страхъ и ненависть слились въ душахъ ихъ въ одно мучительное чувство, для котораго нѣтъ наименованія.

По прошествіи получаса, фрегатъ и бригъ снялись съ дрейфа и поплыли въ Занте. Отъ Наварина до Занта около семидесяти миль. Мы плыли уже около двухъ сутокъ, но не прошли и половины этого разстоянія: сперва противный

вѣтеръ, а потомъ штиль (*) насъ задерживали. Что дѣлать? Отчаливъ отъ береговъ и пускаясь на непостоянную стихію (эмблемму нашей жизни), должно имѣть большой запасъ терпѣнія. На третьи сутки мы увидѣли Занть, и благодарили судьбу еще и за то, что остальную половину разстоянія прошли довольно скоро.

Занть назывался въ древности Закинеъ. Этотъ островъ всегда славился плодородіемъ, и потому во время военныхъ эпохъ въ Греціи, часто служилъ сборнымъ мѣстомъ для войскъ. Здѣсь и Діонъ, изгнанный изъ Сиракузъ Діонисіемъ, назначилъ соединеніе своимъ войскамъ, набраннымъ противъ сего тирана.

Зная, что Занть называютъ цвѣткомъ Леванта, я ожидалъ увидѣть здѣсь природу во всей роскоши; но подходя къ сему острову, и видя голыя горы, думалъ, что обманулся въ своемъ ожиданіи. Но когда мы обогнули мысъ, то по другую сторону его виды совершенно перемѣнились: зазеленѣли горы, покрытыя оливными рощами, и посреди ихъ величественно возвысились кипарисы. Мы приближались къ городу, разстилающемуся въ видѣ полумѣсяца у подошвы горы, на вершинѣ которой построена крѣпость. Однимъ словомъ, городъ съ окресп-

(*) Совершенная тишина на морѣ.

восшими предсшавлялъ прелестную карпину. Мы бросили якорь на рейдѣ. Взявъ зрительную трубу, я любовался, разсматривая мѣстоположенія; но вдругъ ужасный предметъ, попавшійся мнѣ на глаза, принуждаетъ меня бросить трубу и наблюденія, и вмѣсто пріятныхъ впечатлѣній въ моемъ сердцѣ, оставляетъ самыя горестныя. Я увидѣлъ на вершинахъ горъ, въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, висѣлицы, на которыхъ висѣли, въ желѣзныхъ клѣткахъ, человѣческіе остовы. Мнѣ сказали, что сіи повѣшенные были Греки, урожденцы Занта, подвергнувшіеся наказанію въ 1820 году за возмущеніе, въ которомъ убитъ одинъ Англійскій солдатъ....

Но окончимъ наши разсужденія, и, чтобъ не терять времени, постараемся скорѣе осмотрѣть Зантъ, въ которомъ мы остановились весьма не надолго. Въ полдень я съѣхалъ съ брига на берегъ и пошелъ осматривать городъ.

Онъ снаружи кажется гораздо лучше и болѣе; внутри не очень красивъ. Въ немъ одна только порядочная улица, прочія-же очень тѣсны; домы не высокіе, большею частію въ два этажа, и такъ-же какъ и въ Корфу, почти всѣ старые и запачканные, архитектуры самой простой. Ходя по улицамъ, встрѣчалъ я много наряженыхъ и въ маскахъ (это было время карнава-

ла). Сіи маски, видя Рускихъ, изъявляли необыкновенный восторгъ; вообще всѣ Іоническіе Греки чрезвычайно любятъ насъ. Въ Корфу они также неоднократно доказывали намъ свою приверженность, но съ большею осторожностію, потому что боятся раздражить Англичанъ, у которыхъ подъ властію. За то, почти каждый Грекъ Іонической республики (*), при одномъ имени Англичанина, напомнитъ вамъ быстрымъ измѣненіемъ своей физіономіи прелестный стихъ великаго Корнеля, и вы скажете:

Je les ai vus pâlir d'horreur et rougir de colère.

Я всходилъ на гору, гдѣ построена крѣпость, и оттуда мнѣ представилась картина, еще прелестнѣе той, которая открывается съ рейда. Весь городъ, гавань, горы въ разнообразныхъ положеніяхъ, украшенныя, какъ я уже упомянулъ, оливами и кипарисами, и внизу на нѣсколько верстъ прелестная долина, покрытая зеленью и чрезвычайнымъ множествомъ виноградника — весь этотъ очаровательный видъ, подъ яснымъ лазурнымъ небомъ, приводилъ меня въ какое-то сладостное упоеніе. Мысль о сча-

(*) Іоническая республика также справедливо носитъ это названіе, какъ и Султанъ именуетъ себя братомъ солнца и дядею луны.

сшія обольщателей сихъ мѣстъ мелькнула въ головѣ моей, но снова висѣлицы попались на глаза мои, и тяжкій вздохъ вырвался изъ груди: мечта исчезла!

Осмотрѣвъ городъ и окрестности, я собрался вечеромъ ѣхать на бригъ (въ это время въ Занте не было театра). Я спросилъ провожавшаго меня Грека, нѣтъ-ли въ Занте еще какого нибудь занимательнаго предмета, котораго я не видалъ? — Здѣсь жена Марка Боццари — отвѣчалъ онъ; — мы можемъ побывать у нея; она мнѣ знакома. — Съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ я предложеніе добраго Грека.

Маркъ Боццари былъ человѣкъ великій въ своемъ родѣ, и безъ сомнѣнія, все, что имѣетъ отношеніе къ людямъ, возбуждающимъ наше удивленіе, должно казаться намъ занимательнымъ.

Орелъ Суліи (*), ополчивъ своихъ соотечественниковъ противъ угнетавшихъ ихъ тиранновъ, далъ порабощенной Греціи примѣръ, какъ должно дѣйствовать герою, жертвующему собою для блага отечества, пренебрегающему всѣ опасности, и сквозь тысячи смертей стре-

(*) Такъ назвали храбраго Марка соотечественники его, Суліоты.

мящемуся смѣло къ предположенной цѣли. Битва при Карпинессѣ была послѣднею въ его жизни. Онъ, съ двумя стами отборныхъ воиновъ, напалъ ночью на многочисленный Турецкій лагерь, разсѣялъ въ немъ ужасъ и смерть, ворвался въ палатку Паши, убилъ сына его, и уже готовился запечатлѣть побѣду смертію самого Паши, когда роковой выстрѣлъ Араба (*) раздался, и храбрый Боццари палъ, обагренный кровію, палъ увѣнчанный громкою славою, и друзья Греціи оплакиваютъ еще нынѣ его кончину:

. . . . . L'enfant de la victoire,
L'honneur de la patrie et si cher à sa gloire,
Descendu triomphant dans la nuit des tombeaux,
A terminé le cours de ses nobles travaux.

Такъ выразился поэтъ, прославляя смерть Марка; впрочемъ, геройскіе подвиги сего любимца Беллоны не прекратились съ его смертію: они возбудили соревнованіе въ сынахъ Греціи; духъ героя одушевляетъ его сподвижниковъ, и они блистательно довершаютъ начатое имъ.

Мы отправились къ его семейству. Взошедши по лѣстницѣ, я очутился въ небольшой ко-

(*) Одного изъ прислужниковъ Паши

ванiе, и увидѣлъ очень милыхъ дѣтей, которые учились за столомъ, стоявшимъ по срединѣ. «Это три дочери Марка,» сказалъ мнѣ Грекъ, «а сынъ его воспитывается въ Швейцарiи.» Между тѣмъ вошла въ комнату и жена героя. Она приняла меня съ ласкою; рѣдкое добродушiе было написано на ея лицѣ. Она средняго роста и имѣетъ прекрасные черные глаза; по наружности кажется ей не болѣе тридцати двухъ лѣтъ. Я говорилъ ей объ участiи, принимаемомъ Рускими въ судьбѣ несчастной Грецiи, и о всеобщемъ уваженiи къ памяти храбраго ея супруга. Изъявивъ свою благодарность, она сказала, что теперь всѣ Греки возлагаютъ свою надежду на Рускихъ, и отъ нихъ ожидаютъ возстановленiя своей независимости; что она съ нетерпѣнiемъ желаетъ возвратиться на свою родину, и видѣть ее свободною. Примѣтивъ, что я взглянулъ на портретъ, висѣвшiй на стѣнѣ, она сняла его, и показывая мнѣ, сказала, что этотъ портретъ снятъ съ сына ея, предъ отправленiемъ его въ Швейцарiю, и имѣетъ съ нимъ большое сходство. Малютка представленъ въ национальной одеждѣ Грековъ, съ пистолетами за поясомъ. Судя по портрету, лицо его очень пріятно.

Жена Марка Боццари недавно пріѣхала въ Занте изъ Анконы. Сперва была она въ стѣ-

сненномъ положеніи; но пожертвованіями друзей Греціи состояніе ея обезпечено. При ней теперь три маленькія дочери; старшей, кажется, не болѣе девяти лѣтъ, а меньшая родилась въ Анконѣ, уже послѣ смерти своего отца.

Смотря на доброе, пріятное лицо жены Марка, я думалъ о храбромъ ея мужѣ. — По видимому, ты былъ счастливъ, храбрый Боццари, съ доброю женою; дѣти твои милы; дни твои текли спокойно въ нѣдрахъ любимаго семейства; но ты оставилъ домашній кровъ, пріютъ благополучія; ты мыслилъ, что не должно гражданину предаваться покою, когда отечество его несчастливо и стонетъ подъ игомъ рабства. Это мысли, достойныя героя! Миръ праху твоему, храбрый Боццари; вѣчная слава твоему имени!

Перецѣловавъ дѣтей героя и поблагодаривъ жену его за ласковый пріемъ, я съ умиленіемъ разстался съ ними.

Ночью пришла изъ Корфу Англійская корвета, на которой находился Лордъ Оберъ-Коммисаръ Іонической республики Генералъ Адамъ, имѣвшій надобность отправиться въ Модонъ, для переговоровъ съ Ибрагимомъ Пашею. Фрегатъ Галатея и бригъ нашъ простояли въ Занте еще сутки, и 16-го числа по утру, вмѣ-

спѣ съ пришедшею корветтою и еще однимъ Англійскимъ бригомъ, отправились въ Модонъ, куда и прибыли на другой день, въ 5-мъ часу по полудни. Крѣпость Модонъ въ двѣнадцати Италіянскихъ миляхъ отъ Наварина; она стоитъ у подножія горъ, на низкомъ мысу; волны орошаютъ ея стѣны; крѣпость сія изъ дикаго камня; стѣны ея не высоки. Она построена Венеціянами и не представляетъ ничего отличнаго. Приближась къ ней, мы увидѣли расположенные на скатѣ горы Турецкіе лагери, въ которыхъ, какъ намъ сказали, было войска около четырнадцати тысячъ. Небольшой бѣлый домикъ, построенный на нѣкоторомъ возвышеніи, видѣнъ былъ болѣе прочихъ; послѣ мы узнали, что онъ служилъ жилищемъ Ибрагиму. Такъ-то война перенесла гордаго и сладострастнаго Пашу изъ пышнаго сераля въ уютную хижину!

Когда мы стали у крѣпости на якорь, Генералъ Адамъ поѣхалъ къ Пашѣ на берегъ. На другой день мы со всѣхъ судовъ салютовали крѣпости, и она отвѣчала намъ равнымъ числомъ выстрѣловъ; послѣ того Г. Адамъ ѣздилъ опять къ Пашѣ, со всѣми Капитанами судовъ, и былъ принятъ весьма хорошо.

Мы простояли у Модона двое сутокъ, и по полученіи на фрегатъ Галатею отъ Ибрагима-Паши бумагъ, для доставленія въ Александрію,

снялись 21-го числа съ якоря и поплыли къ берегамъ Египта.

Вѣтеръ ночью благопріятствовалъ намъ, и мы на другой день по утру подошли къ Кандіи (древній Критъ). Близъ нея, на небольшомъ островкѣ, который есть не что иное какъ голый каменный утесъ, построена крѣпость Карабуза. Это мѣсто было сперва пристанищемъ пиратовъ; но Греческое Правительство успѣло выгнать ихъ. Здѣсь близъ береговъ видѣли мы остатки разбитаго судна, и послѣ узнали, что это былъ Англійскій фрегатъ Камбріанъ, разбившійся у сихъ скалъ за мѣсяцъ до нашего сюда прихода.

Гористые берега Кандіи не представляютъ со стороны Карабузы никакой привлекательной картины: вездѣ голый камень.

Штиль задержалъ насъ возлѣ этого скучнаго мѣста до вечера. Часу въ 9-мъ вѣтеръ засвѣжѣлъ, и мы, поплывъ вдоль береговъ Кандіи, хотѣли обогнуть ее внѣ Архипелага; но предъ разсвѣтомъ, встрѣтивъ крѣпкій противный вѣтеръ, воротились и старались обойдти ее съ другой стороны, т. е. Архипелагомъ; однакоже вѣтеръ и здѣсь насъ помучилъ. Когда мы обошли снова Карабузу и завернули за одну изъ скалъ, недалеко отъ города Канеи, то

бригъ нашъ кружился болѣе часа на одномъ мѣстѣ; вѣтры безпрестанно перемѣнялись, и начинали дуть съ разныхъ сторонъ; едва мы успѣвали поворотить парусы въ одну которую нибудь сторону, вѣтръ, какъ-бы въ насмѣшку намъ, туже минуту перемѣнялся и заставлялъ насъ снова ворочаться и возишься съ парусами.

Берега Кандіи, гдѣ стоитъ упомянутый мною городъ Канея, имѣютъ виды совершенно особенные отъ прочихъ, которые возлѣ Карабузы. Канея, лежащая въ долинѣ близъ горъ, окруженная кипарисными и оливными рощами, кажется съ моря очень пріятною. Она занимаетъ почти то самое мѣсто, гдѣ была въ древности Сидонія, резиденція мудраго Миноса. Отсюда, далѣе внутрь острова, идетъ долина, изобилующая всѣми произведеніями природы, свойственными здѣшнему краю. Извѣстно, что Кандія очень плодородна, и если-бы освободить ее изъ рукъ Турокъ, то безъ сомнѣнія она сдѣлалась-бы вскорѣ однимъ изъ самыхъ богатѣйшихъ острововъ Средиземнаго моря, только не подъ покровительствомъ Англичанъ. Жителей на ней считается теперь около 300,000; величина ея около двухъ сотъ квадр. миль.

Идя перемѣнными вѣтрами, мы на другой день увидѣли въ туманѣ высокую Иду, просла-

вленную рожденіемъ Юпитера. Гора сія находится почти въ самой срединѣ острова.

Двое сутокъ лавировали мы близъ береговъ Кандіи; погода была пасмурная, вѣтеръ противный и довольно крѣпкій; даже и воспоминанія, раждающіяся при видѣ древняго Крита, столь славнаго во времена баснословныя, не могли развлечь скуки. Многихъ матросовъ укачивало: я нѣсколько разъ замѣчалъ, что при противномъ вѣтрѣ и небольшая качка скорѣе причиняетъ болѣзнь, нежели при попутномъ самая сильная. Въ первомъ случаѣ, поглядывая безпрестанно на флюгеръ, ждешь перемѣны вѣтра, и если видишь, что онъ не перемѣняется или становится еще противнѣе, то невольная досада, присоединяясь къ безпокойству качки, увеличиваетъ болѣзнь. Напротивъ того, когда вѣтеръ благопріятствуетъ, то надежда достигнуть скоро пристани, и удовольствіе, происходящее отъ исполненія желанія, развлекаютъ непримѣтнымъ образомъ и заставляютъ почти забывать качку и болѣзнь. Причина этому очень естественная: сила воображенія. На третьи сутки погода нѣсколько прояснилась. Вечеромъ, стоя на ютѣ, я любовался смотря на густыя, бѣлыя облака, которыхъ края горѣли разноцвѣтными огнями; изрѣдка сверкала молнія. Часу въ 8-мъ, когда уже было довольно темно, нашелъ

небольшой шквалъ съ дождемъ. Шквалъ былъ попутный, и мы поплыли настоящимъ курсомъ. Между тѣмъ небо сдѣлалось мрачнѣе и мрачнѣе; часа чрезъ два снова нашелъ шквалъ, и гораздо сильнѣе прежняго, съ ужаснымъ градомъ; ночь сдѣлалась самая темная; только сверканіе молній освѣщало мракъ. Не должно предполагать, что такое зрѣлище возбуждаетъ одинъ ужасъ: для человѣка, ознакомившагося съ бурями жизни, не страшны никакія бури природы; напротивъ того, онѣ имѣютъ для него особенную прелесть. Мракъ ночи, блескъ молній, бурныя волны и утлое судно, несущееся посреди ихъ — картина величественная и чрезвычайно занимательная! Не можетъ-ли она служить вѣрнымъ, разительнымъ изображеніемъ жизни человѣческой?

Всю эту ночь налетали шквалы, довольно сильные; но мы, закрѣпивъ почти всѣ паруса, и принявъ всѣ нужныя предосторожности, не опасались ничего. Два шквала съ градомъ были сильнѣе прочихъ; одинъ, ночью, о которомъ я упомянулъ, а другой на разсвѣтѣ. Впрочемъ, они не сдѣлали намъ никакого вреда; только за темнотою ночи мы потеряли изъ виду фрегатъ Галатею; но на другой день (27-го числа), поставивъ сколько было возможно парусовъ, и

шедши по 17-ти верстъ въ часъ, снова его догнали. Вѣтеръ, цѣлыя сутки сіи, благопріятствовалъ намъ, и 20-го числа, утромъ, мы были отъ Александріи въ двадцати Ишальянскихъ миляхъ; но береговъ еще не видали. Послѣ полудня, когда осталось до города не болѣе 10-ти миль, показалось, какъ будто выходящее изъ волнъ моря, зданіе: это былъ дворецъ Паши. Вскорѣ послѣ того сталъ показываться городъ, и наконецъ открылись низкіе, песчаные берега Египта.

В. Мирошевскій.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ

ИЗЪ ШЕКСПИРОВОЙ ТРАГЕДІИ: *Король Лиръ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛИРЪ, Король Британскій.
Король Французскій.
Герцогъ Бургундскій (Бургундъ).
Герцогъ Корнвалльскій (Корнваллъ).
Герцогъ Альбанскій (Альбани).
Графъ Кентъ.
Графъ Глостеръ.
Эдгаръ, сынъ Глостера.
Эдмундъ, побочный сынъ Глостера.
Куранъ, придворный.
Старикъ, ошкупщикъ Глостера.
Лекарь.
Дуракъ.
Освальдъ, дворецкій Гонериллы.
Офицеръ, при Эдмундѣ.
Джентлменъ, изъ свиты Корделіи.
Герольдъ.
Слуги Корнвалля.

Гонерилла
Регана
Корделія
} дочери Лира.

Рыцари, служащіе при Лирѣ, офицеры, посыльные, солдаты и свита.

Дѣйствіе въ Британіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена первая.

(Тронная во Дворцѣ Лира).

Входятъ: Кентъ, Глостеръ и Эдмундъ.

Кентъ.

Я думалъ, что Король больше любитъ Герцога Альбани, нежели Корнвалля.

Глостеръ.

Оно такъ всегда казалось намъ; но теперь, при раздѣлѣ Королевства, не видно, кого изъ Герцоговъ онъ больше цѣнитъ; ибо равенство частей такъ взвѣшено, что ни того ни другаго смѣшливость не могла-бы сдѣлать выбора одной изъ нихъ.

Кентъ.

Не сынъ-ли это вашъ, Милордъ?

Глостеръ.

Его воспитаніе, Сиръ, мнѣ должно было принять на себя. Я такъ часто краснѣлъ, признавая его, что теперь ужь прикраснѣлся къ тому.

Кентъ.

Я не понимаю васъ.

Глостеръ.

Сиръ! мать этого молодаго человѣка поняла.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Что? вамъ это ошибкой пахнетъ?

Кентъ.

По моему, пусть ошибка оспанется ошибкой, когда она принесла такой прекрасной плодъ.

Глостеръ.

Но у меня, Сиръ, есть сынъ законный, нѣсколько постарше этого; онъ, однакожь, не больше мною любимъ. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Знаешь-ли ты этого благороднаго Лорда, Эдмунда?

Эдмундъ.

Нѣтъ, Милордъ.

Глостеръ.

Милордъ Кентъ. Отнынѣ помни въ немъ почтеннаго моего друга.

Эдмундъ *(Кенту)*.

Готовъ къ вашимъ услугамъ, Милордъ.

Кентъ.

Я долженъ любить васъ, и желаю познакомиться съ вами покороче.

Эдмундъ.

Постараюсь, Сиръ, сдѣлаться этого достойнымъ.

Глостеръ.

Онъ девять лѣтъ былъ за границей, и опять отправится. — Король идетъ.

(За театромъ слышны трубы).

Входятъ: ЛИРЪ, КОРНВАЛЛЬСКІЙ ГЕРЦОГЪ, АЛЬБАНСКІЙ ГЕРЦОГЪ, ГОНЕРИЛЛА, РЕГАНА, КОРДЕЛІЯ и СВИТА.

ЛИРЪ.

Король Французскій и Бургундскій Герцогъ!
Ты, Глостеръ, ихъ прими!

ГЛОСТЕРЪ.

— — — — Исполню волю, Государь, твою.
ГЛОСТЕРЪ и ЭДМУНДЪ *(уходятъ)*.

ЛИРЪ.

Межъ тѣмъ мы объяснимъ свой планъ не-ясный.
Подать сюда мнѣ карту! — Знайте, что
Мы дѣлимъ Королевство на три части,
И твердое намѣренье имѣемъ
Освободить, на старости, себя
Отъ всѣхъ заботъ и дѣлъ; препоручить
Все силамъ молодымъ, а межъ тѣмъ чѣми,
Снявъ бремя, будемъ смерти ждать. Сынъ нашъ
Корнвалль, и ты, не меньше милый сынъ
Альбани, мы, рѣшительно, сей часъ
Хотимъ извѣстнымъ сдѣлать вѣно каждой
Изъ нашихъ дочерей, чтобы теперь
Предупредить всѣ будущіе споры.
Король Французскій и Бургундскій Герцогъ,
Великіе совмѣстники въ любви
Ко младшей между дочерьми моими,
Давно живутъ у насъ, какъ женихи,
И нашего отвѣта ожидаютъ.

Скажите, дочери мои, (как мы
Намерены теперь сдать власть свою,
Земель доходы, суеты правленья)
Кто, спросим мы, из вас нас больше любит?
Чтоб большую мы доброту свою
Там показать могли, где больше встретит
Она достоинства. Ты, Гонерилла,
Дочь наша старшая, скажи нам прежде.

Гонерилла.

Сир! я люблю вас больше, чем словами
Вам это в состоянье изъяснить;
Чем свет очей, свободу и пространство;
Чем все, что можешь быть в цене какой,
Богатым, редким; столько-ж, сколько жизнь
Со красой, здоровьем, славой, честью;
Как только дочь отца когда любила,
Или отец встречал любовь, для коей
Дыханье бедно, речь нема. Люблю вас
Я выше всякой степени любви.

Корделія *(в сторону)*.

Что делать мне? любить, и быть безгласной!

Лиръ *(показывая на карте)*.

Всех сих земель, от этой, вот, черты,
До этой, здесь, с тенистыми лесами,
Богатствами полей, глубоких рек,
Лугов неизмеримых, госпожей
Мы делаем тебя: тебе и твоему
Потомству это в род и род!

Что говоришь вторая наша дочь,
Любезная Регана наша,
Жена Корнваллія Герцога? Скажи!

Регана.

Изъ одного съ сестрой мешалла я,
И той-же съ ней цѣны. Въ откры́томъ сердцѣ
Моемъ я нахожу, что изъясняешь
Она мою, по сущности, любовь,
Лишь очень коротко: а для меня —
Противны наслажденья всѣ, какія
Тончайшее намъ чувство доставляетъ,
И я могу быть счастлива одной
Любовью только къ вамъ, родитель мой.

Корделія *(въ сторону)*.

О бѣдная Корделія! Но нѣтъ!
Я не бѣдна: я знаю, что любовь
Моя богаче, нежели языкъ.

Лиръ *(Регань)*.

Тебѣ, съ твоими; вѣкъ владѣть вотъ этой
Богатой трети странъ прекрасныхъ нашихъ!
Не меньше въ ней пространства, удовольствій
И цѣнности, чѣмъ въ той, какая
Утверждена за Гонериллой. — Ну!
Ты, наша радость, (хоть и послѣ всѣхъ,
Но тѣмъ ни чуть не меньше) въ молодую
Любовь которой вкрасться соревнуешь
Король Французскій и Бургундскій Герцогъ;

Что скажешь ты, чтобъ получить отъ насъ
Треть лучшую прошивъ сестеръ? Скажи!

Корделія.

Я ничего, родитель!

Лиръ.

Ничего?

Корделія.

Да, ничего.

Лиръ.

Изъ ничего не выйдетъ ничего.
Еще скажи!

Корделія.

Несчастная! языкъ
Мой высказать не можетъ сердца. Я
Люблю васъ такъ, какъ дочь должна: ни больше,
Ни меньше.

Лиръ.

Какъ, Корделія? Поправь
Ты рѣчь свою; иначе повредишь
Она твоей форшунѣ.

Корделія.

Добрый Лордъ мой!
Вы дали жизнь мнѣ, дали воспитанье;
Меня любили вы; и я съ моей
Вамъ стороны плачу, какъ долгъ велитъ:
Покорна вамъ, люблю васъ, почитаю.

Что-жъ для сестеръ мужья, коль говорятъ
Онѣ, что васъ однихъ на свѣтѣ любятъ?
Когда судьба мнѣ судитъ выйдти за мужъ,
То Лордъ, котораго рука возьметъ
Мою, возьметъ съ ней вмѣстѣ половину
Моей любви, моихъ заботъ и долга.
Я, вѣрно, никогда не выйду за-мужъ,
Чтобы любить, какъ сестры, одного
Отца.

Лиръ.

Отъ сердца-ль говоришь ты?

Корделія.

Да, Милордъ.

Лиръ.

Такъ молода и нечувствительна?

Корделія.

Такъ молода и искренна, Милордъ.

Лиръ.

Ну, пусть! Но пусть-же искренность твоя
Тебѣ и вѣномъ будетъ! Ибо я,
Клянусь священными лучами солнца,
Гекаты таинствами, мракомъ ночи,
Всей силой сферъ, которая даетъ
Намъ бытіе и насъ уничтожаетъ,
Что отрекаюсь я отъ всѣхъ заботъ
Отца, родства, отъ свойственности крови,

И сердцу моему чужой считаю
Тебя, съ сихъ поръ, на вѣкъ! Жестокій Скиѳъ,
Иль тотъ, своихъ кто собственныхъ съѣдаетъ
Дѣтей, чтобъ утолить свой голодъ, будетъ
Моей душѣ такъ близокъ, жалокъ, милъ,
Какъ ты, моей бывъ дочерью когда-то.

Кентъ.

Мой добрый Государь!

Лиръ.

Молчишь, Кентъ! не ходи между дракономъ
И бѣшенствомъ его! Я больше всѣхъ
Ее любилъ, и въ нѣжности ея
Ко мнѣ надѣялся найдти покой свой.

(Корделіи)

Вонъ! и нигдѣ чтобъ не видалъ тебя!
Пусть такъ меня спокоитъ гробъ, какъ я
Беру отъ ней отеческое сердце!
Французскаго зовешь Короля! — Ну, кто-жь
Идетъ? — Бургундскаго зовешь Герцога!
Корнваллъ! Альбани! вы себѣ возьмите,
Къ приданымъ дочерей моихъ, и эту
Трешь! Пусть на ней оженится та гордость,
Которую она простосердечьемъ
Зовешь! Вамъ совокупно обоимъ
Даю я власть мою, права, и все,
Величество себя чѣмъ окружаетъ.
Оставивши сто рыцарей, которыхъ

Вы на себя должны взять содержанье,
Изъ мѣсяца мы въ мѣсяцъ будемъ жить
У васъ, попеременно. Мы себѣ
Лишь оставляемъ имя Короля
И пышна. Власть, доходы, и всѣмъ прочимъ
Распоряженье — пусть все будетъ ваше,
Любезные сыны; а въ подтвержденье
Того, корону эту раздѣлите
На части межъ собой.

(Даетъ имъ корону).

КЕНТЪ.

Вѣнчанный Лиръ! тебя
Всегда я почиталъ, какъ Короля;
Любилъ, какъ своего отца; тебѣ,
Какъ господину я служилъ, и, какъ
Великаго заступника въ моихъ
Тебя молитвахъ поминалъ —

ЛИРЪ.

Согнутъ, натянутъ лукъ — посторонись!

КЕНТЪ.

Спускай ужъ лучше, хоть стрѣла пронзитъ
Мнѣ сердце: пусть невѣжливъ будетъ Кентъ,
Когда безуменъ Лиръ. Чего ты хочешь,
Старикъ? Ужель ты думаешь, что долгъ
Бояться будетъ говорить, когда
Внимаетъ лести власть? Нѣтъ! откровенной
Должна быть честность . . . . . .
. . . . . Уничтожь

Свой приговоръ, и, лучшимъ разсужденьемъ,
Остановя слѣпую безразсудность.
Я жизнью въ томъ своей тебѣ клянусь!
Дочь меньшая тебя не меньше любитъ;
И не съ пустымъ тѣ сердцемъ, коихъ тихій
Не слышенъ голосъ въ пустотѣ.

Лиръ.

Твоею жизнью, Кентъ! Ни слова больше!

Кентъ.

Жизнь мнѣ всегда была залогомъ только,
Который долженъ я прошивъ твоихъ
Враговъ нести. Я не боюсь лишиться
Ея, для безопасности твоей.

Лиръ.

Чтобъ не видалъ тебя я больше!

Кентъ.

Лиръ!
Размысли лучше, и позволь остаться
Мнѣ мѣтой вѣрною твоихъ очей.

Лиръ.

Ну, Аполлонъ свидѣтель...

Кентъ.

Аполлонъ
Свидѣтель, Лиръ, что по напрасну ты
Клянешься именемъ твоихъ боговъ.

Лиръ.

Вассалъ-измѣнникъ! *(схватывается за мечъ)*

Герцогъ Альбани и Корнваллъ.

Дражайшій Сиръ! осшановишесь!

Кентъ.

Изволь!
Убей врача шы своего, а плашу
Болѣзни гибельной ошдай. Раздѣлъ
Свой ошмѣни; иль до шѣхъ поръ, пока
Дышашь я буду — буду говоришь
Тебѣ: шы худо сдѣлалъ.

Лиръ.

Выслушай
Меня, измѣнникъ! Вѣрносшью швоей!
Ты выслушай меня! — Какъ шы хошѣлъ,
Чшобы нарушили свою мы кляшву
(Но мы и въ жизнь не дѣлали шого),
И съ гордосшью чрезмѣрной сшалъ межь нашимъ
Судомъ и нашей власшью (но шого
Ни нравъ нашъ допусшишь, ни санъ не можешъ) —
Такъ нашу власшь оправь, и вошъ награда!
Пяшь дней шебѣ даемъ, чшобъ шы взялъ мѣры,
Себя ошъ всѣхъ бѣдъ жизни обезпечишь;
А на шесшой — шы долженъ удалишься
Изъ Королевсшва. Если черезъ десяшь
Дней швой изгнанничій скелешъ найдушъ
Среди владѣній нашихъ — ша минуша

Есть смерть твоя! Иди! Клянусь тебѣ
Юпитеромъ, что такъ тому и быть!

Кентъ.

Прощай, Король! Когда твое желанье —
Свобода тамъ живешь, а здѣсь изгнанье.

(Корделіи)

Подъ кровъ тебя да примутъ боги свой,
Дѣвица! Истина ошвѣшъ былъ твой.

(Регани и Гонериллѣ.)

А ваша рѣчь богатая словами,
Любви пусть оправдается дѣлами.
Такъ, Принцы, всѣмъ отъ Кента вамъ: *прости*!
Онъ будетъ тамъ, какъ здѣсь, себя вести. *(уходитъ)*

Входятъ: Глостеръ съ Французскимъ Королемъ,
Бургундскимъ Герцогомъ и свитой.

Глостеръ.

Король Французскій и Бургундскій Герцогъ
Здѣсь, Государь.

Лиръ.

Милордъ Бургундъ!
Сперва мы обратимся къ вамъ, который
Съ нимъ вмѣстѣ Королемъ искалъ руки
Одной изъ нашихъ дочерей. Какого,
По самой мѣньшей мѣрѣ, съ нею вѣна
Намѣрены вы требовать, или
Любовный поискъ свой окончить?

Бургундъ.

Ваше
Величество! Я не желаю больше
Того, что предложили сами вы,
И не намѣренъ предлагать вамъ меньше.

Лиръ.

Бургундскій, прямо благородный Герцогъ!
Когда ее любили мы, то такъ
Ее цѣнили; а теперь — цѣна
Ея упала. Вотъ она, Сиръ! Если
Что-либо въ этомъ, нѣсколько показномъ
Твореньицѣ, или все оно, съ прибавкой
Не-милости отъ насъ — и ничего
Ужъ больше — можетъ быть по вкусу вамъ,
Такъ вотъ она, и ваша!

Бургундъ.

Я не знаю
Сказать что̀...

Лиръ.

Сиръ! ее со всѣми вы
Пороками, лишенную друзей,
Отцовской ненависти дочь, у насъ
Прокляtье взявшую на мѣсто вѣна,
Отвергнутую словомъ роковымъ,
Хотите взять, или оставить?

Бургундъ.

Вѣнчанный Лиръ! прошу простить меня!
Я, при такихъ условьяхъ, не рѣшусь.

Лиръ.

Ну такъ оставьте-жь, Сиръ, ее: я силой,
Которая меня произвела,
Клянусь, что объявилъ вамъ все ея
Богатство!

(Королю Французскому)

Что-жь до васъ, Король великій,
Я-бъ не желалъ такъ далеко отъ вашей
Уйдти любви, и васъ женить на томъ,
Что ненавижу; для того прошу васъ
Любовь свою къ другому обратить,
Васъ болѣе достойному предмету,
Чѣмъ эта тварь, которую природа
Почти стыдится признавать своей.

Французскій Король.

Я внѣ себя отъ удивленья!
Неужели она, до самой сей
Минуты бывъ безцѣннѣйшимъ для васъ
Сокровищемъ, предметомъ похвалы,
Бальзамомъ старости, всего милѣй,
Всего дороже, сдѣлала, въ одно
Сіе мгновенье, что-либо такое
Постыдное, чѣмъ развязать могла
Столь многосложные узлы любви?
Или ея, конечно, прегрѣшленье
Должно быть гнусно такъ, что въ немъ она
Чудовищемъ является ужаснымъ?
Иль ваша прежняя любовь притворна.

Чтобы тому на счетъ ея повѣрить,
Такой быть долженъ вѣры я, какой,
Безъ чуда, мой разсудокъ поселить
Во мнѣ не можетъ никогда.

Корделія.

Я, Ваше
Величество прошу, по крайней мѣрѣ,
(Хотя я лишена таланта плавно
И гладко говорить, чего въ душѣ нѣтъ:
А что въ душѣ, то дѣлаю я прежде,
Чѣмъ выскажу въ словахъ) извѣстнымъ сдѣлать,
Что не порокъ, убійство, или подлость,
Не дѣло гнусное, иль шагъ безчестный,
Лишили вашей милости меня,
Любви, но именно того недостатокъ,
Который я богатствомъ почитаю:
Мой не молящій взоръ, и тотъ языкъ,
Безъ коего я очень рада быть,
Хотя быть безъ него — потери стоитъ
Любви мнѣ вашей.

Лиръ.

Лучше-бы тебѣ
Не жить, чѣмъ не понравиться мнѣ *лучше*!

Французскій Король.

И въ томъ все? Застѣнчивость природы,
Которая не можетъ изъяснить
Того не рѣдко, что желаетъ дѣлать?

Милордъ Бургундъ! что скажете Принцессѣ?
Любовь не есть любовь, когда она
Съ разсчетами мѣшается, и цѣль
Изъ виду надлежащую теряетъ.
Она сама себѣ приданымъ.

Бургундъ.

Вѣнчанный Лиръ! вы согласитесь лишь
Дать предложенную мнѣ часть, и я
Здѣсь за руку Корделію беру
Бургундской Герцогиней.

Лиръ.

Ничего!
Поклялся я, и шпердъ въ своей я клятвѣ.

Бургундъ *(Корделіи)*.

Мнѣ очень жалко васъ: вы такъ отца
Лишились, что должны лишиться мужа.

Корделія.

Напрасно безпокоится Бургундъ.
Когда любовь его въ разсчетахъ вѣна,
Я никогда женой его не буду.

Французскій Король.

Прекрасная Корделія! ты очень
Богата, будучи бѣдна; избранна,
Хотя отринута, и тѣмъ милѣй,
Чѣмъ больше пренебрежена. Тебя

И добродѣтели твои беру
Я здѣсь. Не запрещаютъ намъ законы
То поднимать, что бросили другіе.
О боги, боги! Чудно! хладъ презрѣнья
Въ другихъ — во мнѣ огонь любви, почтенья.
Достанься мнѣ безъ вѣна, дочь твоя,
Лиръ, есть Царица Франціи, моя!
Князья Бургундіи водообильной
Купить не могутъ у меня
Дѣвицы сей, ничѣмъ не оцѣнимой.

(Корделіи)

Скажи *прости* безжалостнымъ душамъ.
Здѣсь бросивъ, лучшее найдешь ты *тамъ*.

Лиръ.

Король! Она твоя теперь! Возьми!
У насъ нѣтъ дочери такой, и мы
Не будемъ видѣть вѣкъ ея лица!
Идите-же — безъ милости, любви
И безъ благословенья отъ отца!
Пойдемъ, Бургундъ мой благородный!

(звукъ трубъ)

Лиръ, Бургундскій Герцогъ, Корнваллъ, Альбани, Глостеръ и свита уходятъ.

Французскій Король.

Простишись съ вашими сестрами.

Корделія.

Отца каменья дорогіе! васъ
Корделія съ слезами оставляетъ.
Я знаю васъ, и, какъ сестрѣ, мнѣ ваши
Назвать пороки очень непріятно
Тѣмъ именемъ, какимъ ихъ называютъ.
О, поступайте вы съ отцемъ, какъ должно!
Его вручаю чувствамъ вашимъ я,
Которыми вы такъ ему хвалились.
Но нѣтъ, увы! когда-бы у него
Была въ любви, я предпочла-бъ его
Гораздо лучшей участи. Простите!

Гонерилла.

Не дѣлай приказаній намъ на счетъ
Того, что дѣлать долгъ повелѣваетъ.

Регана.

Старайся Лорду угодить, который
Тебя по милости фортуны взялъ.
Покорностью ты для отца скупилась;
И стоишь не имѣть, чего лишилась.

Корделія.

Раскроетъ время, хитрость что таишъ.
Пороки кто свои скрываетъ, тѣхъ
Впослѣдствіи осмѣиваетъ стыдъ.
Желаю вамъ всѣхъ благъ!

Французскій Король.

Пойдемъ, прекрасная Корделія! —

Французскій Король и Корделія *уходятъ*.

Гонерилла.

Сестра! я хочу сказать тебѣ не мало кое-чего, что очень близко касается насъ обѣихъ. Я думаю, отецъ нашъ отсюда выѣдетъ къ ночи.

Регана.

Безъ всякаго сомнѣнія, и къ вамъ; а на слѣдующій мѣсяцъ къ намъ.

Гонерилла.

Ты видишь, какъ онъ перемѣнчивъ на старости. Мы это знаемъ не изъ маленькаго опыта. Онъ всегда любилъ нашу сестру больше нежели насъ; и, удивительно, по какой пустой причинѣ теперь отвергъ ее!

Регана.

Это болѣзнь его лѣтъ: но онъ всегда зналъ только поверхностно самого себя.

Гонерилла.

Въ лучшіе годы, пользуясь лучшимъ здоровьемъ, онъ всегда былъ вспыльчивъ: вѣдь послѣ этого намъ надобно ожидать отъ него не столько слабостей

долговременной привычки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и своенравнаго упрямства, неразлучнаго съ болѣзненною и брюзгливою старостью.

Регана.

Вѣроятно и мы ошвѣдаемъ его своенравія въ такомъ вкусѣ, какъ изгнаніе Кента.

Гонерилла.

Не разъ еще доведется услышать такое прощанье, какъ съ Французскимъ Королемъ. Пожалуйста, станемъ дѣйствовать за-одно. Если отецъ нашъ, при такомъ расположеніи, будетъ еще имѣть власть, то отказъ короны его только позоръ для насъ.

Регана.

Мы еще объ этомъ подумаемъ.

Гонерилла.

Намъ надобно сдѣлать что нибудь, пока еще горячо желѣзо.

(уходятъ)

Сцена вторая.

Зала въ замкѣ Графа Глостера.

Входитъ Эдмундъ съ *письмомъ*.

Эдмундъ.

Природа! Ты мнѣ божество! Твоимъ
Законамъ рабъ я! Изъ чего я буду

Томишь себя въ цѣпяхъ обыкновенья,
И позволяшь, чшобъ мудрованье свѣша
Меня лишало по шому наслѣдсшва,
Чшо я чрезъ годъ, иль болѣе, быть можешъ,
Произошелъ на свѣшъ сей послѣ браша?
Чшо за побочный? . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И шакъ, законный брашъ мой, долженъ я
Имѣшь швое помѣсшье. Нашъ ошецъ
Побочнаго Эдмунда шакъ-же любишъ,
Какъ и законнаго Эдгара. Слово
Прекрасное: *законный*! Хорошо,
Законный мой! Когда письмо вошъ эшо
Успѣхъ имѣшь свой будешъ, и моя
Удасшся выдумка, шакъ ужь шогда
Твой низкій брашъ Эдмундъ повыше сшанешъ
Законнаго. — Расшу! Преуспѣваю!
Теперь вступишесь, боги, за побочныхъ!

(Входитъ Глостеръ)

Глостеръ.

Кентъ изгнанъ, шакъ! съ Французскимъ Королемъ
Разсшался въ гнѣвѣ Лиръ! уѣхалъ ночью!
Сдалъ власшь свою! Осшался при одномъ
Лишь содержаньѣ! И все эшо вдругъ!
Эдмундъ! здоровъ-ли шы? Чшо новосшей?

Эдмундъ *прячешъ письмо.*

Съ вашего позволенія, Милордъ, ничего.

Глостеръ.

Для чего съ шакою забошливосшью сшараешься шы спрящашь эшо письмо?

Эдмундъ.

Я не знаю никакихъ новосшей, Милордъ.

Глостеръ.

Какую шы бумагу чишалъ?

Эдмундъ.

Ничего, Милордъ.

Глостеръ.

Ничего? Такъ для чего-же было съ шакимъ сшрахомъ и поспѣшносшью класшь ее въ карманъ? *Ничего* не имѣешъ надобносши шакъ прящашься. Покажи ее сюда! Скорѣй! Если шамъ *ничего*, шакъ очки мнѣ не будушъ нужны.

Эдмундъ.

Прошу васъ, Милордъ, простите мнѣ! Это письмо отъ моего брата; я его еще не дочиталъ; но изъ прочитаннаго вижу, что вамъ нейдетъ читать его.

Глостеръ.

Подай мнѣ письмо!

Эдмундъ.

Я сдѣлаю оскорбленіе, удержу-ли его, отдамъ-ли вамъ. Содержаніе, какъ я отчасти понимаю его, не дѣлаетъ чести сочинителю.

Глостеръ.

Покажи сюда! Покажи сюда!

Эдмундъ.

Я надѣюсь, въ оправданіе своего брата, что это писалъ онъ мнѣ для испытанія моей добродѣтели.

Глостеръ. *читаетъ:*

Эта вѣжливость и уваженіе къ старости лѣтъ причиной, что жизнь намъ несносна въ самыя лучшія лѣта наши; — не даетъ намъ въ руки имѣнія, пока мы, пришедши въ старость, дѣлаемся не способны имъ пользоваться. Я начинаю почитать глупымъ и сумасброднымъ рабольпствомъ зависимость

отъ престарѣлаго тирана, который владѣетъ не потому, что имѣетъ власть, а потому, что это терпятъ. Приходи ко мнѣ; я хотѣлъ-бы съ тобою побольше объ этомъ поговорить. — Если-бы нашъ отецъ спалъ до тѣхъ поръ, пока я разбудилъ-бы его, то ты навсегда могъ-бы пользоваться половиной его доходовъ, и поживалъ-бы себѣ, какъ любезный братъ твоего Эдгара. — Ба! Заговоръ! — *Спалъ до тѣхъ поръ, пока я разбудилъ-бы его;* — *ты-бы навсегда могъ пользоваться половиной его доходовъ.* — Сынъ мой Эдгаръ! Его рука могла это написать? Въ его сердцѣ, въ его душѣ это могло родиться? Когда ты получилъ письмо? Кто его принесъ?

Эдмундъ.

Мнѣ его не приносили, Милордъ. Тутъ употреблена хитрость. Я нашелъ его въ своемъ кабинетѣ; оно было брошено на окно.

Глостеръ.

Ты знаешь, что это рука твоего брата?

Эдмундъ.

Если-бъ содержаніе было хорошее, Милордъ, то я-бы поклялся, что рука его; судя-же по этому, я желалъ-бы вѣрить, что это не онъ писалъ.

Глостеръ.

Это его рука.

Эдмундъ.

Его рука, Милордъ; но я надѣюсь, что его сердца нѣтъ въ содержаніи.

Глостеръ.

Не выѣдывалъ-ли онъ у тебя прежде когда нибудь на счетъ этого?

Эдмундъ.

Никогда, Милордъ. Часто, однакожь, слышалъ я, какъ утверждалъ онъ, что, когда сыновья уже въ совершенномъ возрастѣ, а отцы старѣются, тогда отецъ, по праву, долженъ оставаться на попеченіи сына, а сынъ распоряжать его доходами.

Глостеръ.

О извергъ! извергъ! Эта самая мысль его и въ письмѣ! Подлый извергъ! Безчеловѣчный, проклятый, гнусный извергъ! хуже, нежели гнусный! Поди ты, сыщи его! Я возьму его подъ стражу! Презрѣнный извергъ! Гдѣ онъ?

Эдмундъ.

Я навѣрно не знаю, Милордъ. Если-бъ вамъ угодно было удержать гнѣвъ свой противъ моего брата, пока вы, отъ самого его, точнѣе узнаете о его цѣли, то это было-бы всего лучше для васъ; напротивъ, если вы, обманувшись въ его намѣре-

ния, употребите насильственныя мѣры, то этимъ можете нанесть великое пятно собственной чести вашей, а сына вашего совершенно вооружить противъ васъ. Я смѣю отвѣчать за него моею жизнію, что это онъ писалъ мнѣ единственно для испытанія моей къ вамъ привязанности, а не съ другимъ какимъ-либо опаснымъ намѣреніемъ.

Глостеръ.

Ты такъ думаешь?

Эдмундъ.

Если только не будетъ противно чести вашей, то я поставлю васъ въ такомъ мѣстѣ, откуда вы будете слышать нашъ съ нимъ разговоръ объ этомъ; собственный слухъ вашъ удовлетворитъ вашему желанію; и это не дальше нынѣшняго вечера.

Глостеръ.

Онъ не можетъ быть такимъ чудовищемъ!

Эдмундъ.

И не есть, безъ сомнѣнія!

Глостеръ.

Противъ отца своего, который его такъ нѣжно, такъ искренно любитъ! Небо и земля! — Эдмундъ! Сыщи его! Вывѣдай отъ него, прошу тебя! сдѣлай

шакъ, какъ внушишъ тебѣ собственное твое благоразуміе! Я готовъ отдать все свое имѣніе, чтобъ только узнать истину!

Эдмундъ.

Я сей часъ его сыщу, Милордъ; все сдѣлаю такъ, какъ только возможно будетъ, и обо всемъ извѣщу васъ.

Глостеръ.

Эти послѣднія затмѣнія солнца и луны не предвѣщаютъ намъ ничего добраго. Пусть знаніе природы изъясняетъ ихъ такъ и сякъ; но сама природа часто страдаетъ отъ ихъ дѣйствій. Любовь хладѣетъ; дружба разрывается; братья враждуютъ; въ городахъ бунты, въ селахъ раздоръ, во дворцахъ измѣна; и узы, связывающія отца съ сыномъ, расторгаются. Мой извергъ оправдываетъ предсказаніе! Вотъ сынъ противъ отца! Король высупаетъ изъ границъ природы: вотъ отецъ противъ собственнаго порожденія! Отжили мы лучшія времена. Хитрости, пристворство, измѣна, и всѣ бѣдствія разстройства и безпорядка, не давая намъ покоя ни на минуту, преслѣдуютъ насъ до самыхъ могилъ нашихъ. Сыщи этого изверга, Эдмундъ! Оно тебѣ не сдѣлаетъ никакого вреда; употреби все стараніе! И благородный, прямодушный Кентъ изгнанъ! Его преступленіе — честность! Удивительно! удивительно!

(Уходитъ).

Эдмундъ.

Это прекрасная глупость на свѣтѣ, что, когда мы бываемъ нездоровы фортуной (чему причиною часто бываетъ невоздержность нашего поведенія), то обвиняемъ въ нашихъ несчастіяхъ солнце, луну и звѣзды: какъ будто мы бываемъ бездѣльниками по необходимости; глупцами, по небесному принужденію; плутами, ворами и измѣнниками, отъ дѣйствія сферъ; пьяницами, лжецами и . . . . по неизбѣжной зависимости отъ вліянія планетъ; и всѣмъ тѣмъ, въ чемъ только видна порочность наша, по божественному содѣйствію. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Эдгаръ . . .

(Входитъ Эдгаръ).

А онъ тутъ и есть, какъ катастрофа въ старинной нашей комедіи. Моя роль — бездѣльническая задумчивость, со вздохами, какъ у сумасшедшаго изъ Бедлама. О! эти затмѣнія — предвѣстники этихъ разстройствъ! Фа, соль, ла, ми (*).

(*) По изъясненію Бурнея, это такое неестественное послѣдованіе тоновъ, что древніе музыканты запрещали употребленіе онаго. Эдмундъ, говоря о затмѣніяхъ, какъ чудесахъ и знаменіяхъ, сравниваетъ разстройство и безпорядки погдашніе съ неестественными и оскорбляющими слухъ звуками: фа, соль, ла, ми.

ЭДГАРЪ.

Какъ въ своемъ здоровьѣ, брашъ Эдмундъ? Въ какія важныя размышленія углубленъ ты?

ЭДМУНДЪ.

У меня, брашъ, въ головѣ чиганное мною на этихъ дняхъ предсказаніе о слѣдствіяхъ этихъ затмѣній.

ЭДГАРЪ.

Тебя это занимаетъ?

ЭДМУНДЪ.

Я тебѣ говорю, что все описываемое сбывается, къ несчастію; какъ напр. безчеловѣчіе дѣтей и родителей, смерть, голодъ, разрывъ старинныхъ дружествъ, раздоры въ государствѣ, угрозы и проклятія противъ Короля и вельможъ, ненужная недовѣрчивость, изгнаніе друзей, разсѣяніе войскъ, расторженіе брачныхъ союзовъ, и, мало-ли чего еще.

ЭДГАРЪ.

Давно-ли ты слѣдуешь сектѣ звѣздочетовъ?

ЭДМУНДЪ.

Полно, полно! Когда ты видѣлъ въ послѣдній разъ отца?

ЭДГАРЪ.

Вчера вечеромъ.

Эдмундъ.

Говорилъ-ли ты съ нимъ?

Эдгаръ.

Да, цѣлые два часа.

Эдмундъ.

Хорошо вы разстались? Не замѣтилъ ты ни какого неудовольствія противъ тебя, въ словахъ его, или на лицѣ?

Эдгаръ.

Совершенно никакого.

Эдмундъ.

Припомни, чѣмъ-бы ты могъ оскорбить его; и сдѣлай милость, берегись попадаться ему на глаза; пусть время нѣсколько смягчитъ гнѣвъ его, который теперь такъ пылаетъ, что самое зло, тебѣ имъ сдѣланное, едва уймется его.

Эдгаръ.

Вѣрно какой нибудь бездѣльникъ оклеветалъ меня.

Эдмундъ.

Этого-то я и боюсь. Сдѣлай милость, будь въ безпрестанной осторожности, пока гнѣвъ его немного утихнетъ. Да лучше всего, пойдемъ въ мои комнаты; я такъ сдѣлаю, что ты оттуда услышишь, какъ Милордъ будетъ о тебѣ говорить. Иди, пожалуй-ста! Вотъ тебѣ мой ключъ. Если вздумаешь выйдти, выходи вооруженный.

Эдгаръ.

Вооруженный, братъ?

Эдмундъ.

Братъ! мой совѣтъ тебѣ къ лучшему; выходи вооруженный. Я не честный человѣкъ, если думаютъ сдѣлать тебѣ что нибудь доброе. Я тебѣ намекнулъ столько о томъ, что видѣлъ и слышалъ, но ни малѣйшаго не далъ еще понятія о грозящей опасности. Сдѣлай милость, иди отсюда!

Эдгаръ.

Ты тотчасъ будешь?

Эдмундъ.

Я стараюсь услужить тебѣ въ этомъ дѣлѣ.

(Эдгаръ уходитъ).

Отецъ, котораго легко увѣрить;
И благородный братъ; въ немъ отъ природы
Такой къ злу не способный нравъ, что онъ
Прощиву зла не знаетъ подозрѣнья.
Надъ глупой честностью его, мои
Уловки верхъ берутъ. Я вижу дѣло!
Когда рожденья право не даетъ мнѣ
Земель, такъ пусть мой умъ ихъ дастъ.
Мнѣ честно все, было-бы лишь подъ масть.

Сцена третья.

Комната во Дворцѣ Герцога Альбанскаго.

Входятъ: Гонерилла и Дворецкій.

Гонерилла.

Отецъ прибилъ моего Дженшлемена за то, что онъ выбранилъ дурака его?

Дворецкій.

Да, Миледи.

Гонерилла.

Клянусь днемъ, ночью! Мучитъ онъ меня!
Что часъ, то новая, смотри проказа!
И все вверхъ дномъ! Терпѣнья у меня
Нѣтъ больше! Рыцари его начали
Расшумничать; а самъ онъ насъ бранитъ
За всякую бездѣлицу. Когда
Съ охоты возвратится онъ, не выйду
Къ нему я; ты скажи, что не здорова.
Не худо, если ты съ услугой-то
Не будешь шороплив. Я отвѣчаю
Сама.

Дворецкій.

Я слышу, ѣдетъ онъ, Миледи!

(Рога трубятъ за театромъ).

Гонерилла.

Не слушайся, лѣнись себѣ, какъ хочешь!
Да и другіе тожь! Желала-бъ я
Съ нимъ перемолвишь! Ежели ему
То не понравится, ну такъ пускай
Къ сестрѣ моей идетъ! Она, я знаю,
На этотъ разъ однѣхъ со мною мыслей:
Подъ властію не бышь! Пустой старикъ!
Еще владѣть правами хочетъ, кои
Отдалъ онъ. Нѣтъ! клянусь моею жизнью!
Дѣтьми опять сѣдые становятся
Глупцы — и надобно ихъ удержать,
Когда они хотятъ употреблять
Во зло ласкательства. Ты-жь не забудь,
Что слышалъ.

Дворецкій.

Очень хорошо, Миледи!

Гонерилла.

Холодность къ рыцарямъ между собой
Показывать должны вы. Что ужь выйдетъ
Изъ этого, нѣтъ нужды. Всѣмъ скажи такъ!
Желала-бы имѣть причины я,
Да и должна имѣть, чтобъ объяснишься.
Сестрѣ моей я тотчасъ напишу,
Чтобъ сдѣлала, какъ я. Готовь къ обѣду!

(*Уходятъ*).

Сцена четвертая.

Зала тамъ-же.

Входишъ Кентъ, *переодѣтый.*

Когда лишь такъ-же хорошо приму
Другой я голосъ, коимъ рѣчь моя
Измѣнится, намѣренье тогда
Мое само собой достигнетъ цѣли,
Для коей видъ я свой перемѣнилъ.
Ну, Кентъ изгнанникъ! Если можешь ты
Служить въ томъ мѣстѣ, гдѣ ты осужденъ,
(О, еслибъ это такъ!) то твой Король,
Котораго ты любишь, будетъ
Тебя въ большихъ заботахъ видѣть.

Рога трубятъ. Входятъ: Лиръ, Рыцари и Свита.

Лиръ.

Чтобъ ни минуты я не ждалъ обѣда!
Иди, неси тотчасъ! *(слуга уходитъ).*
Ну! ты что такое?

Кентъ.

Человѣкъ, Сиръ.

Лиръ.

Что-жь ты за человѣкъ? Чего ты отъ насъ хочешь?

Кентъ.

Я ни больше, ни меньше, какъ такой человѣкъ, какимъ кажусь. Я могу вѣрно служишь шому, кшо будешъ имѣшь ко мнѣ вѣру; любишь шого, кшо чесшенъ; дѣлишь время съ шѣмъ, кшо уменъ. Говорю мало. Я боюсь судовъ, могу рубишься, когда шого избѣжашь не льзя, и не ѣмъ рыбы (*).

Лиръ.

Кшо шы?

Кентъ.

Чесшный малый, и шакой бѣдный, какъ Король.

Лиръ.

Если шы шакъ бѣденъ для подданнаго, какъ онъ бѣденъ для Короля, шо шы довольно бѣденъ. Чего шы хочешь?

Кентъ.

Службы.

Лиръ.

Кому хошѣлъ-бы шы служишь?

Кентъ.

Вамъ.

(*) Въ царсшвованіе Елисавешы Каполики были почишаемы — и не безъ причины — врагами государсшва. Опъ шого вышла поговорка: *Онъ чесшный человѣкъ и не дстъ рыбы*, т. е. онъ другъ государсшва и Прошесшанпъ, ибо рыбу употребляли Каполики.

Лиръ.

Знаешь-ли ты меня, любезный?

Кентъ.

Нѣтъ, Сиръ; но вы имѣете въ вашей наружности то, что я охотно желалъ-бы назвать Государемъ.

Лиръ.

Что-жь это такое?

Кентъ.

Повелительность.

Лиръ.

Какія службы можешь ты отправлять?

Кентъ.

Я могу хранить честную тайну; ѣздить верхомъ, бѣгать; разсказать кое-какъ сказку; спроворить не мудреное порученьице; я способенъ ко всему, къ чему способны обыкновенные люди; а лучшее во мнѣ — рачительность.

Лиръ.

Какихъ ты лѣтъ?

Кентъ.

Не такъ молодъ, Сиръ, чтобъ полюбишь молодку за пѣсенку, и не такъ старъ, чтобъ вляпаться въ нее, за что попало. Я ношу на плечахъ своихъ сорокъ восемь лѣтъ.

Лиръ.

Оставайся у меня! Ты будешь служить мнѣ! Если ты не меньше понравишься мнѣ послѣ обѣда, то я не разстанусь съ тобой. Обѣдать! Эй! обѣдать! Гдѣ мой плутъ? Дуракъ мой? Поди ты, позови сюда моего дурака.

(Входитъ Дворецкій).

Ты! ты! эй! гдѣ дочь моя?

Дворецкій.

Извините... *(уходитъ).*

Лиръ.

Что онъ тамъ говоритъ? Позвать назадъ повѣсу! Гдѣ мой дуракъ? а? Какъ будто всѣ позасну-ли. Ну что? Гдѣ этотъ уродъ?

Рыцарь.

Онъ говоритъ, Государь, что дочь ваша не здорова.

Лиръ.

Почему-же онъ, рабъ, не воротился ко мнѣ, когда я звалъ его?

Рыцарь.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, Государь, просто на просто, что онъ не хочетъ.

Лиръ.

Не хочетъ?

Рыцарь.

Государь! Я не знаю почему, только съ Вашимъ Величествомъ, по моему мнѣнію, обходятся безъ должнаго вниманія; примѣтно великое уменьшеніе вѣжливости къ вамъ, какъ вообще въ прислугѣ, такъ и въ самомъ Герцогѣ, и въ дочери вашей.

Лиръ.

А? Въ самомъ дѣлѣ?

Рыцарь.

Прошу васъ, Государь, простить мнѣ, если я ошибся, ибо долгъ мой не позволяетъ мнѣ молчать, когда я думаю, что оскорбляютъ Ваше Величество.

Лиръ.

Ты только напоминаешь мнѣ то, что я самъ замѣтилъ: я замѣтилъ, недавно, самое холодное невниманіе; но я болѣе винилъ шутъ щекотливую свою подозрительность, нежели видѣлъ несомнѣнный признакъ умышленной холодности. Я посмотрю еще! Но гдѣ мой дуракъ! Я его не видалъ два дня сряду.

Рыцарь.

Съ тѣхъ поръ, Государь, какъ молодая Принцесса уѣхала во Францію, дуракъ очень похудѣлъ.

Лиръ.

Ни слова больше о томъ! Я то замѣтилъ довольно! Поди, скажи моей дочери, что я хочу гово-

рить съ нею; а ты поди, позови сюда моего дурака!

(Входитъ Дворецкій).

А! сударь, сударь! Пожалуйте сюда! Кто я такой, сударь?

Дворецкій.

Милединъ отецъ.

Лиръ.

Милединъ отецъ? Милордовъ ты подлецъ!! . . . . . .! рабъ! бездѣльникъ!

Дворецкій.

Никакъ нѣтъ, Милордъ; прошу извинить!

Лиръ.

Ты смѣешь коснуться на меня, подлая тварь?

(Бьетъ его).

Дворецкій.

Я не дамъ бить себя, Милордъ.

Кентъ *(сбивая его съ ногъ).*

И съ ногъ сбить нѣтъ, шелудивецъ!

Лиръ.

Благодарю тебѣ, брашецъ! ты мнѣ служишь, и я буду любить тебя.

Кентъ.

Ну! поднимайся! да поскорѣй вонъ! Я научу тебя *разумѣть*. Убирайся-ка вонъ! А если хочешь еще разъ вымѣрять ослиную долготу свою, такъ подожди; но вонъ! пошелъ! — Съ умомъ ты? Такъ...

(Выталкиваетъ вонъ Дворецкаго).

Лиръ.

Ну, любезный! благодарю тебя! вотъ тебѣ задатокъ за твою службу.

(Даетъ Кенту деньги).

(Входитъ дуракъ).

Дуракъ.

Позволь и мнѣ нанять его. Вотъ тебѣ мой калпакъ!

(Даетъ Кенту калпакъ).

Лиръ.

Что это, плутишка! для чего это?

Дуракъ.

Послушай, братецъ! Всего-бъ лучше тебѣ взять мой калпакъ.

Кентъ.

Почему-же, дуракъ?

ДУРАКЪ.

Почему? Потому, что ты присталъ къ партіи того, кто самъ въ не милости. Право, если ты не можешь улыбаться по вѣтру, то тотчасъ схватишь насморкъ. Ну, возьми-жь мой калпакъ. Вотъ видишь, этотъ пріятель прогналъ двухъ своихъ дочерей, а третьей, противъ воли своей, далъ благословеніе. Если ты будешь служить при немъ, то тебѣ надобно носить калпакъ мой. Какъ ты думаешь, кумъ, вѣдь я желалъ-бы имѣть два калпака, и двухъ дочерей?

ЛИРЪ.

Для чего-жь такъ, братецъ?

ДУРАКЪ.

Для того, что когда я отдалъ-бы имъ все свое имущество, то калпаки оставилъ-бы себѣ. Вотъ одинъ у меня. Попроси другаго у дочерей своихъ!

ЛИРЪ.

Берегись плети, дружокъ!

ДУРАКЪ.

Правда такая собака, которая должна лежать въ будкѣ; ее надобно плетью; а Леди-гончая можетъ стоять подлѣ камина и . . . . . .

ЛИРЪ.

Убійственная пилюля для меня!

ДУРАКЪ.

Послушай! я хочу тебя выучить рѣчи.

Лиръ.

Хорошо.

Дуракъ.

Замѣчай-же куманёкъ.
Меньше показывай, больше имѣй;
Меньше разсказывай, больше умѣй;
Меньше взаймы дай, большимъ владѣй;
На своихъ на двоихъ полегоньку гуляй,
Но побольше гнѣдка для того запрягай.
Не слишкомъ отважно въ фортунку играй;
Трактировъ . . . . . не навѣщай;
Меньше другимъ вѣрь, а больше самъ знай,
Да порѣже четыре стѣны оставляй.
Такъ и будешь больше имѣть, чѣмъ дважды
По-десять больше чѣмъ двадцать однажды.

Лиръ.

Это ничего, дуракъ.

Дуракъ.

Ну, такъ оно похоже на слово стрянчаго, которому не заплатили: вы мнѣ ничего не дали за то. Кумъ! можешь-ли ты употребить *ничто* на *что нибудь*?

Лиръ.

Конечно нѣтъ, братецъ: изъ ничего не льзя ничего сдѣлать.

Дуракъ *(Кенту)*.

Пожалуй-ста, скажи ему, что этому равняются доходы его Королевства; онъ дураку не повѣритъ.

Лиръ.

Досадный дуракъ!

Дуракъ.

Знаешь-ли ты, мой голубчикъ, разницу между досаднымъ и пріятнымъ дуракомъ?

Лиръ.

Нѣтъ, брашецъ. Поучи меня.

Дуракъ.

Кто посовѣтовалъ тебѣ
Земельки-то свои раздать,
Поставь его сюда ко мнѣ,
Иль самъ изволь на мѣсто стать.
Два эти дурака тотчасъ
Предстанутъ въ лицахъ передъ насъ.
Одинъ — здѣсь въ рябомъ калпакѣ;
Другой — отсель не вдалекѣ.

Лиръ.

Такъ ты меня, братъ, дуракомъ называешь?

Дуракъ.

Всѣ другіе шишла свои ты отдалъ; а съ этимъ ты на свѣтъ родился.

Кентъ.

Онъ не вовсе дуракъ, Милордъ.

Дуракъ.

О, нѣтъ! Лорды и великіе господа не соглашаются на это. Если-бъ я имѣлъ монополію (*) на глупость, то они захотѣли-бы участвовать въ ней. Да и барыни не дадутъ мнѣ одному воспользоваться вполнѣ всею глупостью. Онѣ все понемножку будутъ ее отщипывать у меня. Дай мнѣ яичко, кумъ, а я тебѣ дамъ двѣ короны.

Лиръ.

Что-жъ это будутъ за короны такія?

Дуракъ.

Ну, я разобью яичко на двѣ равныя половины, и выѣмъ ихъ — вотъ тебѣ и двѣ яичныя короны. Когда ты ломалъ свою на двѣ части, и обѣ отдавалъ, тогда ты переносилъ осла черезъ грязь на спинѣ своей. Мало было ума въ твоей лысой коронѣ, когда ты отдавалъ свою золотую. Если я говорю это такъ, какъ я, такъ вели того плетью, кто первый то замѣтитъ.

Худой насталъ годъ дуракамъ:
Всѣ въ глупость мудрецы пустились,

(*) Здѣсь осмѣивается тогдашнее злоупотребленіе монополій и корыстолюбіе придворныхъ, которые, обыкновенно, участвовали въ привиллегіяхъ на оныя. *Уарбуртонъ.*

И, давъ смѣшной покрой ужамъ,
Смѣшными тварямъ являлись.

Лиръ.

Съ какихъ поръ у тебя такая привычка распѣвать?

Дуракъ.

Съ тѣхъ поръ, куманёкъ, какъ изъ двухъ твоихъ дочерей стало у тебя двѣ матери, и когда ты имъ далъ розгу . . . . . ! то . . . —

Онѣ отъ радости мгновенной
Заплакали; а я сталъ пѣть,
Съ печали, что Король почтенный
Мой будетъ въ дуракахъ сидѣть.

Пожалуй-ста, куманёкъ, найми учителя, чтобъ училъ твоего дурака лгать. Я-бъ съ охотой учился лгать.

Лиръ.

Если ты будешь лгать, плутъ, такъ мы тебя прикажемъ бить.

Дуракъ.

Я удивляюсь, какое у тебя родство съ твоими дочерьми: онѣ хотятъ меня бить за то, что я говорю правду, а ты хочешь меня бить за то,

что я буду лгать; а иногда меня бьютъ за то, что я молчу. Я лучше-бы желалъ быть чѣмъ нибудь другимъ, нежели дуракомъ; но все я не желалъ-бы быть тобою, куманёкъ. Ты обрѣзалъ умъ свой съ обѣихъ сторонъ, а въ срединѣ ничего не оставилъ. Вотъ идетъ одинъ обрѣзокъ.

Входитъ Гонерилла.

Лиръ.

Что это значитъ, дочь моя? Что-же дѣлаетъ твоя повязка (*)? Мнѣ кажется, съ недавняго времени у тебя показалось слишкомъ много морщинъ.

Дуракъ.

Ты былъ славный малый, когда не имѣлъ надобности заботиться о морщинахъ ея; теперь ты кружокъ безъ цифры. Я лучше тебя теперь. Я дуракъ, а ты — нуль. Но, извините! я придержу свой языкъ; *(Гонериллѣ)* ваше лицо мнѣ такъ приказываетъ, хотя вы и ничего не говорите.

(Поетъ)

Тодди, дадди!
Ни мягкаго, ни корки у кого,
Тотъ будетъ вѣкъ свой безъ кое-чего. —
. . . . . .

Указывая на Лира.

Это гороховая шелуха!

(*) Повязка, которую употребляли для расправливанія морщинъ на лицѣ.

ГОНЕРИЛЛА.

Не только этотъ шутъ, Сиръ — вы ему
Позволили ужь все — но и другіе
Изъ вашей наглой свиты, безпрестанно
Заводятъ ссоры, и въ такомъ распутствѣ
Живутъ, какого здѣсь не льзя терпѣть. Сиръ!
Я думала, что, сдѣлавъ это вамъ
Извѣстнымъ, вѣрно исправленье ихъ
Увижу; но, теперь, я опасаюсь,
По этому судя, что говорили
И дѣлали недавно сами вы,
Вы покровительствуете такой
Ихъ образъ жизни, и его поблажкой
Поддерживаете. Когда ужь такъ,
То строгость останавливать начнетъ
Развратъ, и, цѣлью доброе имѣя,
Вамъ можетъ нанести то оскорбленье,
Которое, иначе, быть моглобъ
Стыдомъ, но, въ крайности, оно
Благоразумія поступокъ.

ДУРАКЪ.

Вѣдь ты знаешь, кумъ, что
Мухоловъ кукушкѣ дотоль ѣсть даетъ,
Пока ему дочка головку склюетъ. —
Ну, свѣчу вынесли, и мы остались въ потьмахъ.

ЛИРЪ.

Дочь-ли ты наша?

Гонериллa.

И, Сиръ! чтобы вамъ употребить-то въ какую нибудь пользу здравый разсудокъ вашъ и бросить эти странности! Вы отъ нихъ, съ нѣкотораго времени, сами на себя не похожи.

Дуракъ.

Можетъ-ли оселъ не знать, когда повозка тащитъ лошадь. — Ихъ, Анюта! я люблю тебя (*).

Лиръ.

Знаетъ-ли кто здѣсь меня? Нѣтъ! это не Лиръ! Лиръ такъ ходитъ? Такъ говоритъ? Гдѣ глаза его? Или его разсудокъ слабъ, или чувства онѣмѣли. Сплю я, или нѣтъ? А! безъ сомнѣнія это не такъ.— Кто можетъ сказать мнѣ, кто я? Тѣнь Лира? Я желалъ-бы знать это! Ибо признаки того, что я Король, что я знаю и понимаю вещи, суть ложныя доказательства того, что у меня есть дочери.

Дуракъ.

Которыя изъ тебя сдѣлаютъ покорнаго отца.

Лиръ.

Ваше имя, прекрасная дама?

(*) Whoop, Jug! I love thee. Припѣвъ изъ одной Англійской пѣсни.

Гонерилла.

Сиръ! полно вамъ! недоумѣнье
Такое, роду одного съ другими,
Недавними проказами отъ васъ.
Прошу васъ въ точности понять слова
Мои: въ такихъ почтенныхъ, старыхъ
Лѣтахъ, вамъ должно-бы разумнымъ быть.
Вы держите сто рыцарей при васъ,
Людей такъ дерзкихъ, наглыхъ и распутныхъ,
Что зараженный нравственностью ихъ
Дворецъ нашъ этотъ — дворъ сталъ постоялой.
Жизнь сладострастная, эпикурейство,
Харчевнѣ дѣлаютъ его подобнымъ
Или . . . . . больше, нежели дворцу,
Живетъ въ которомъ Герцогъ. Самъ позоръ
О скоромъ обузданьи говоритъ!
Позвольте-жь той (которая безъ просьбы
Взять можетъ то, что проситъ), васъ просить,
Чтобъ уменьшили свиту вы свою,
И чтобы тѣ, которые при васъ
Останутся, по вашимъ были старымъ
Лѣтамъ, и знали-бы себя и васъ.

Лиръ.

Адъ и діаволы!!
Сѣдлайте лошадей! сзывайте свиту!
Проклятое исчадье! Я тебя
Не буду безпокоить! У меня
Еще есть дочь.

Гонерилла.

Людей моихъ вы бьете;
Распутная-же ваша сволочь шѣхъ,
Кто лучше мхъ, имѣть слугами хочетъ.

Входитъ Альбани.

Лиръ.

Увы, къ кому приходишь слишкомъ поздно
Раскаянье! А, Сиръ! и вы пришли?
Была то ваша воля? Сиръ, скажите! —
Готовишь лошадей моихъ! —
Неблагодарность! о, мраморосердый
Діаволъ — въ дѣтищѣ являясь, ты
Гнуснѣй чудовища морскаго.

Альбани.

Прошу васъ, успокойтесь, Сиръ!

Лиръ. *(Гонериллѣ)*

Проклятое исчадіе (*)! лжешь ты!
При мнѣ опличный все народъ, который
Во всѣхъ подробностяхъ свой знаетъ долгъ,
И святость сана въ точности возможной
Блюдетъ. О, малозначащій проступокъ,
Какимъ гнусно-ужаснымъ для меня
Въ Корделіи ты показался. Ты,
Подобно пыткѣ колесу, сославъ
Природы изуродовалъ моей,
Исторгъ изъ сердца моего всю нѣжность,
И желчи влилъ въ него. О Лиръ, Лиръ, Лиръ!

(бьетъ себя въ голову)

(*) Въ подлинникѣ: Detested kite, проклятый коршунъ.

Бей въ эту дверь, которая туда
Безуміе впустила, а оттуда
Умъ выпустила! Ну! людей моихъ!

Альбани.

Милордъ! невиненъ я; не знаю даже,
Что сильно такъ могло разгнѣвать васъ.

Лиръ.

Быть можетъ такъ, Милордъ. — Слышь, слышь меня,
Природа! Добрая, услышь меня,
Богиня! Уничтожь опредѣленье
Свое, когда судила ты сей твари
На свѣтѣ производить дѣтей. Пошли
Ей въ ложесна безплодность! Изсуши
Въ ней органы ращенія, и пусть,
Такъ изуродованъ, составъ ея
Не принесетъ ей во всю жизнь плода
Ей въ честь! а если понесетъ она —
Изъ желчи образуй дитя ея!
Пускай оно живетъ, и будетъ ей
Неслыханной на свѣтѣ мукой! Пусть
Оно на молодомъ челѣ морщины
Ей наклеймитъ; горючихъ слезъ струями
Бразды прорѣжетъ на ея щекахъ;
Всѣ матери труды, благодѣянья
Въ насмѣшку и презрѣнье обратитъ!
Пускай она почувствуетъ, какъ зуба
Змѣинаго язвительнѣй имѣть —
Дѣтей неблагодарныхъ! Ѣдемъ! ѣдемъ!

уходитъ.

Альбани.

О боги милосердые! отколь
Все это происходитъ?

Гонерилла.

Совсѣмъ не безпокойся о причинахъ.
Пускай капризъ его то дѣлаетъ,
Къ чему безумiе ведетъ. *(опять входитъ Лиръ.)*

Лиръ.

Какъ, пятьдесятъ изъ свиты въ разъ одинъ!
Въ теченье двухъ недѣль!

Альбани.

О чемъ вы, Сиръ?

Лиръ.

Скажу тебѣ я. *(Гонериллѣ)* Жизнь и смерть! мнѣ стыдно,
Что ты имѣешь силу колебать мое
Такъ мужество; что эти слезы, вотъ,
Горючiя насильно изъ моихъ
Бѣгутъ очей и дѣлаютъ тебя
Достойной ихъ. — Погибель на тебя!!
Не заживающiя никогда

Проклятія родительскаго язвы,
Да поразятъ всѣ чувства у тебя!
Глупые, старые глаза! заплачьте
Еще объ этомъ вы! Я вырву васъ,
И брошу вмѣстѣ съ каплями воды,
Изъ васъ текущей — глину растворять!
А! вотъ къ чему пришло! Пусть будетъ такъ! —
Но у меня еще осталась дочь;
Она, увѣренъ я, добра; она ушѣшитъ
Меня. Услышавъ это о тебѣ,
Она своими, звѣрское лицо
Твое, руками изорветъ. Увидишь
Ты, что опять я буду то, чѣмъ былъ,
Ты думаешь, на вѣкъ я отказался;
Увидишь! я тебѣ за то ручаюсь!

Лиръ, Кентъ и Свита *уходятъ*.

Гонерилла.

Милордъ! ты это замѣчаешь?

Альбани.

Я не могу пристрастнымъ быть, при всей
Моей къ тебѣ любви.

Гонерилла.

Пожалуй-сто не безпокойся. — Ну,
Освальдъ! *(дураку)* Ты, плутъ скорѣе, чѣмъ дуракъ,
За господиномъ поспѣшай своимъ.

Дуракъ.

Кумъ Лиръ, кумъ Лиръ! подожди меня; возьми дурака съ собой.

Въ рукахъ была-бъ лисица у кого,
И дочь покроя съ этой одного,
Съ нихъ шубки снять я-бъ попросилъ того;
Для калпака будь крюкъ лишь моего. —
Ну — — — догонять я кума своего! —

Гонерилла.

Онъ въ полномъ-ли умѣ? Сто человѣкъ!
Прекрасная полишика — позволить
Ему имѣть въ готовности съ собой
Сто рыцарей! На то, чтобы при всякой
Фантазіи, зашѣ, при малѣйшемъ
Неудовольствіи, онъ могъ свое
Поддерживать ихъ силой сумасбродство,
И нашу жизнь въ рукахъ своихъ имѣть.
Освальдъ, я говорю!

Альбани.

Ты, можетъ быть, боишься слишкомъ.

Гонерилла.

Страхъ лучше вѣры. Лучше напередъ
Я отвращу тотъ вредъ, который мнѣ

Грозишъ, чѣмъ буду въ страхѣ ошъ вреда.
Его я знаю сердце. Что̀ накричалъ
Онъ, я сестрѣ писала. Будетъ-ли
Она держать его, и съ нимъ еще
Сто рыцарей, когда я объяснила,
Что это не идетъ. — Ну, что Освальдъ?

(Входитъ Дворецкій).

Ну, що письмо къ сестрѣ шы написалъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Оно готово.

ГОНЕРИЛЛА.

Возьми съ собой людей и поѣзжай!
Увѣдомь шы подробно обо всемъ
Ее, чего я опасаюсь, и прибавь
Самъ ошъ себя, чтобъ было пояснѣе.
Ступай, и сколько можно возвращайся
Скорѣй!

(Герцогу.)

Нѣтъ, нѣтъ Милордъ! Такую тихость,
Учтивость и такой твой образъ жизни
Хоть я не осуждаю, съ твоего,
Однакожь, позволенья — больше ты
За недостаткъ смысла спо̀ишь брани,
Чѣмъ похвалы за тихость нрава.

АЛЬБАНИ.

Какъ далеко ты видишь, не скажу я.
Стремяся къ лучшему, мы часто портимъ
Хорошее.

Гонериллa.

Нѣтъ! ужь тогда...

Альбани.

Ну, ну,
Чѣмъ кончится.

Сцена пятая.

(Во дворѣ Герцога Альбани)

Входятъ: Лиръ, Кентъ и Дуракъ.

Лиръ.

Ступай ты съ этимъ письмомъ впередъ, въ Глостеръ, и не говори дочери ничего, что ты знаешь; отвѣчай только на то, что она будетъ спрашивать у тебя по содержанію письма. Если твоя расторопность не скороплива, то я буду тамъ прежде тебя.

Кентъ.

Я не буду спать, Милордъ, пока не доставлю вашего письма.

Дуракъ.

Если-бъ мозгъ былъ у насъ въ пяткахъ, подвергался-бы онъ опасности имѣть мозоли?

Лиръ.

Конечно, брашецъ.

Дуракъ.

Ну, шакъ радуйся, пожалуй-ста! Твой умъ никогда не будешъ ходишь въ башмакахъ съ оштерну-шыми задниками.

Лиръ.

Ха! ха! ха!

Дуракъ.

Ты увидишь, чшо другая дочь швоя обойдешся съ шобою ласковѣе: ибо, хошя она походишъ на эшу столько-жь, сколько кислица на яблоко, но я могу сказашь, чшо я могу сказашь.

Лиръ.

Ну, чшо шы можешь сказашь, шалунь?

Дуракъ.

Она будешъ вкусомъ походишь на эшу шакъ, какъ кислица на кислицу. — Можешь-ли шы сказашь, для чего носъ у человѣка посрединѣ лица?

Лиръ.

Нѣтъ.

Дуракъ.

Да для того, чтобъ имѣть глаза по обѣимъ сторонамъ носа, и чего не можешъ человѣкъ нюхать носомъ, такъ чтобъ глазами высматривалъ.

Лиръ.

Я ее (*) обидѣлъ....

Дуракъ.

Можешь-ли ты сказать, какъ устрица дѣлаетъ свою раковину?

Лиръ.

Нѣтъ.

Дуракъ.

И я нѣтъ; но я могу сказать, для чего черепаха имѣетъ домикъ.

Лиръ.

Для чего?

(*) Корделію.

Дуракъ.

Для чего? Для того, чтобъ пряшать туда свою головку, а не для того, чтобъ подарить его дѣтямъ своимъ и носить рожки свои безъ чехольчика.

Лиръ.

Я забуду свою природу! — Такого нѣжнаго отца! — Готовы-ль мои лошади?

Дуракъ.

Твои ослы пошли за ними. — Причина, почему семь звѣздъ не больше семи звѣздъ, есть прекрасная причина.

Лиръ.

Потому, что ихъ не восемь?

Дуракъ.

Да! именно! — Ты-бы могъ играть *добраго* дурака.

Лиръ.

Назадъ взять насильственно? Чудовище — неблагодарность!

Дуракъ.

Если-бъ ты, кумъ, былъ мой дуракъ, то я-бъ тебя билъ за то, что ты состарѣлся прежде времени.

Лиръ.

Какъ это?

Дуракъ.

Тебѣ-бъ не должно было дѣлаться старикомъ, не сдѣлавшись прежде умникомъ.

Лиръ.

О небо милосердое! не дай
Мнѣ впасть въ безуміе. Терпѣнье мнѣ
Пошли! я не хотѣлъ-бы быть безумнымъ! —

Входитъ рыцарь.

Ну, что? готовы лошади мои?

Рыцарь.

Готовы, Государь!

Лиръ.

Поѣдемъ, братъ! —

Конецъ перваго дѣйствія.

Василій Якимовъ.

Харьковъ. 1831.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПОВѢСТИ:

Аммалатъ-Бекъ.

Описанное выше происшествіе не выдумка. Имена и характеры лицъ сохранены въ точности; Автору Повѣсти остается только сказать нѣсколько словъ на счетъ измѣненія истины въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Аммалатъ-Бекъ, участвовавшій въ нѣсколькихъ набѣгахъ на Русскія владѣнія, былъ выданъ головою, приведенными въ покорность Акушинцами, самому Главнокомандующему Кавказскимъ Корпусомъ, Генералу отъ Инфантеріи Ермолову, въ бытность его въ Акушѣ, 1819-го года. Авторъ заставилъ Аммалата сдѣлать впаденіе съ Чеченцами за Терекъ, чтобы вставить картину горскаго набѣга.

Полковникъ В., находившійся тогда въ качествѣ Свитскаго офицера при Главнокомандующемъ, упросилъ его помиловать Аммалатъ-Бека, и взялъ съ собою въ Тифлисъ, училъ его, воспиталъ его, любилъ его какъ брата. Съ нимъ, послѣ многихъ походовъ, пріѣхалъ Аммалатъ въ 1822-мъ году и въ Дербентъ, когда по смерти Полковника Ш—ва, назначили В-го

Командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка. Убилъ онъ своего благодѣтеля въ 1823, точно такъ, какъ описано. Читатель замѣтитъ, что Авторъ, не желая растянуть повѣсти на четыре года, сжалъ происшествія въ два года. Проситъ у хронологовъ извиненія.

Что касается до завязки повѣсти, она нѣкомъ досталась Автору изъ рукъ молвы, и онъ не счелъ за необходимое объявлять на иныя главы своего сомнѣнія. Пылкія страсти здѣсь вовсе не рѣдкость, а мщеніе — святыня для каждаго Мусульманина: это канва. Досужая рука могла вышивать на ней какія угодно арабески; исполать ей, если они сохранили Восточную свѣжесть. Впрочемъ, мнѣ многіе очевидцы говорили, что они не однажды слышали, какъ В. описывалъ знойную страсть Аммалата къ Селтанетѣ, которая славилась въ горахъ красотою. Да и мудрено-ль, что молодой Бекъ, скитаясь по горамъ Аваріи, влюбился въ прекрасное личико дочери Аварскаго Хана, хотя ей, по строгой моей выкладкѣ, не могло въ 1819-мъ году быть болѣе 14 лѣтъ: дѣвушки созрѣваютъ на Кавказѣ неимовѣрно рано. Молва повѣствуетъ, что самъ Аварскій Ханъ требовалъ отъ Аммалата головы В., вмѣсто калыму (вѣна) за дочь. Авторъ сохранилъ народное преданье, но помѣстилъ и увѣреніе мамки,

истинно бывшее и наиболѣе убѣдившее Бека. Смерть Султанъ-Ахмета Хана случилась точно въ скорости послѣ убійства В. Авторъ ускорилъ ее для большей игры страстей. Отказъ, какъ говорятъ, послѣдовалъ отъ Хана, ибо Аммалатъ не засталъ уже Султанъ-Ахмета въ живыхъ. Что-же касается до звѣрскаго гробокопства Аммалата, и въ этомъ не отступилъ Авторъ отъ разсказовъ ни на шагъ. Послѣ похоронъ, на другую ночь, могила Полковника Ш—ва, за годъ умершаго, была разрыта по ошибкѣ: ее приняли за могилу В.; трупъ вытащили и отрубили у него голову и руку. Объ этомъ до сихъ поръ съ негодованіемъ вспоминаютъ всѣ солдаты.

Аммалатъ скитался долго въ горахъ, преслѣдуемъ совѣстію. Потомъ ушелъ въ Турцію, былъ въ Истамбулѣ; въ 1828 дрался въ Браиловѣ противъ Русскихъ; оттуда, передъ взятіемъ города, бѣжалъ въ Анапу, и тамъ умеръ въ томъ-же году. Авторъ разговаривалъ съ товарищемъ почти всѣхъ его странствій, однимъ Каракайдакскимъ Бекомъ.

Въ заключеніе сказать должно, что онъ былъ красавецъ собой и съ счастливѣйшими способностями. Всѣ анекдоты объ его удальствѣ въ стрѣльбѣ и скачкѣ, описанные въ 1-й главѣ, до

сихъ поръ ходитъ въ Дагестанѣ; однимъ словомъ: ему не доставало для счастія только твердаго характера и откровеннаго сердца. Селтанета до сихъ поръ прелестна собою, и живучи въ Бурной крѣпости съ мужемъ своимъ, Абдулъ-Мусселимомъ, свела съ ума не одного Рускаго. Въ ушѣшеніе тѣхъ, которые будутъ жаловаться, что Авторъ переморилъ всѣхъ героевъ повѣсти, онъ почтеннѣйше извѣщаетъ, что Селтанета находится теперь въ цвѣтущемъ здоровьѣ, и живетъ, послѣ погрома Тарковъ Русскими войсками, у матери своей въ Аваріи.

Сентябрь, 1831 *года.*

Дагестанъ.

Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, etc.— *De la Politique* et du Commerce des peuples de l'antiquité, etc. (*О политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ Древнихъ народовъ.* Соч. Геерена).

(*Продолженіе*)

Происхожденіе *торговли,* такъ-же, какъ начало обществъ, теряется во мракѣ отдаленныхъ временъ. Вообще, мы можемъ сказать, что въ *потребностяхъ* человѣческихъ, и *мѣнѣ* произведеній, бывшей слѣдствіемъ сихъ потребностей, скрыто начало торговли. Но исторически не можемъ мы рѣшить самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ: когда, напримѣръ, простая *мѣна,* употребленіемъ драгоцѣнныхъ металловъ, какъ мѣры цѣнности предметовъ, сдѣлалась *торговлею?* Какъ распространилось сіе между народами, и какія были постепенно слѣдствія сего, для торговли и образованности? Когда и гдѣ начали бить первую *монету*? и проч.

Торговля въ древности была особенно однимъ изъ главныхъ двигателей общественныхъ, и рѣшительно отличалась отъ новѣйшей, своею сущностью и самыми предметами.

Древнимъ извѣстны были только три главные земные материка (Continente), составляющіе *Старый свѣтъ.* Касаясь одинъ другаго, не отдѣляемые

обширными морями, хотя и заключая въ себѣ пространства нѣсколькихъ большихъ морей, они естественно производили различіе древней торговли отъ новой: она была собственно *сухопутная* (Landhandel); морская присовокупилась уже къ ней непосредственно; когда напротивъ новѣйшая торговля, послѣ открытія Америки, главнѣйше *морская* (Seehandel). Открытіе Новаго Свѣта составило рѣшительную эпоху въ Исторіи торговли. До сего событія, отъ самыхъ древнихъ временъ, она была единообразна. Но послѣ открытія Америки опустѣли складочныя мѣста на Средиземномъ морѣ, оставлены были вѣковые пути черезъ восточныя и другія страны, и мореплаваніе приняло новый образъ дѣйствій.

Естественно, что страны, болѣе богатыя произведеніями, должны были и болѣе отпускать. Европа, до владычества Римлянъ, кромѣ Греціи, южной Италіи и южной Испаніи, была не важна для торговли, ибо немногое могла она отдавать въ обменъ. Греція и Римъ торговали только для собственнаго потребленія, и также немного имѣли предметовъ для обмѣна. Отъ того востокъ Азійскій и сѣверъ Африки были главными мѣстами дѣйствій торговыхъ. Но безмѣрное, сухопутное пространство сихъ материковъ, физическое состояніе ихъ, обширныя степи, и кочевыя орды, были сильными препятствіями, для преодолѣнія коихъ торговля принимала извѣстныя условія и формы. Для сего основывались многочисленныя общества (или *караваны*) торговцевъ, назначались

удобныя мѣста для ихъ сборищъ, и такимъ образомъ устанавливались постоянные пути, мѣста складокъ по онымъ, и въ мѣстахъ сихъ складокъ основывались города, впослѣдствіи дѣлавшіеся цѣлью путешествій религіозныхъ, когда въ нихъ построены были храмы, обогащаемые движеніемъ множества участниковъ торговли.

Всѣ сіи необходимыя условія торга Древнихъ поясняютъ отдаленное появленіе, богатство и постоянную силу извѣстныхъ мѣстъ. Здѣсь причины богатства Вавилона и Александріи. Измѣненія политическія не измѣняли сущности торговыхъ путей и сношеній.

Но караванная торговля требуетъ великаго количества живошныхъ, носящихъ тягости. Верблюдъ, сей *корабль пустыни*, по выраженію Арабовъ, способнѣе всѣхъ другихъ живошныхъ для каравана. И тамъ, гдѣ всегда водится сіе живошное, торговля была дѣятельнѣе. Даже кочующія орды — воспитатели верблюдовъ, принимали особенное участіе въ торговлѣ, доставляя вскормленныхъ ими верблюдовъ, какъ средство перевозить тяжести.

Но сколь ни способенъ верблюдъ къ перевозу тяжестей, сотни верблюдовъ не могутъ однакожь поднять груза одного корабля. Отъ того древняя торговля долженствовала ограничиваться предметами наименѣе громоздкими, и многія полезныя произведенія Востока, хотя и были извѣстны Древнимъ, но въ обороты торговли не входили. Саранчинское пшено, селитра, сахаръ, не вывозились

когда изъ Индіи. Напротивъ, купцы старались возить драгоцѣнные, но легкіе товары: пряныя коренья, благовонія, дорогія ткани, драгоцѣнные камни и металлы.

Но если морская торговля и не была у Древнихъ главною, намъ не льзя, за всѣмъ тѣмъ, упустить ее изъ вида. Главное отличіе древней морской торговли, отъ новѣйшей, состояло въ томъ, что она составляла *прибрежное плаваніе* или *каботажъ* (Küstenschiffahrt). Не въ томъ, что не знали компаса, но въ естественномъ положеніи Стараго Свѣта заключается причина, по которой много вѣковъ прошло, пока человѣкъ дерзнулъ плыть къ неизвѣстной ему цѣли, черезъ океаны, когда умозрѣніе довело его до мысли о существованіи новыхъ земныхъ материковъ.

Но такое понятіе о мореплаваніи Древнихъ не должно заставлять насъ думать, что оно было рѣшительно грубое и ничтожное. Нью-Фоундлендская рыбная ловля, и Нью-Кестльская перевозка земляного угля суть лучшія училища для Англійскихъ моряковъ. И самыя путешествія Португальцевъ въ Индію, мимо мыса Доброй Надежды, были въ сущности прибрежныя плаванія.

Средиземное море (считая *Черное море* частью его) и *Индійскій океанъ* (съ *Чермнымъ моремъ*, какъ заливомъ его, между Аравіею и Африкою, и заливами *Персидскимъ* и *Индійскимъ*) были поприщемъ мореплаванія Древнихъ. Окруженное плодоноснѣйшими и образованнѣйшими странами, усѣянное островами, и лежащее между тремя земными

машериками, Средиземное море было главнымъ мѣстомъ сношеній между обитателями всего Стараго Свѣта. Будь вмѣсто сего моря *степь*, какъ въ срединѣ Азіи, народы остались-бы варварами. Такъ непостижимое Провидѣніе связуетъ цѣпь событій и причины съ слѣдствіями.

Индійскій океанъ также способенъ былъ для плаванія, по множеству острововъ, и постояннымъ *муссонамъ*, которые, съ Мая до Октября, давали способы плыть отъ Африки къ Малабару и Цейлану, а въ другіе шесть мѣсяцевъ обратно (*).

Древняя торговля имѣла вообще систему гораздо простѣе новѣйшей. Многихъ установленій, безъ коихъ нынѣ не могла-бы существовать торговля, тогда вовсе не знали. Люди хотѣли довольствовать нѣкоторыя потребности необходимыя, или прихоти роскоши. Мѣняли вещь за вещь, или продавали, стараясь продать дороже. Торговля была существенно мѣна товара (Waarenhandel), и самое золото брали на вѣсъ, а не по цѣнности, не въ монетѣ, хотя монета существовала, и до насъ дошли Финикійскія, древнія Персидскія деньги и Греческіе дарики. Торговли деньгами (Geldhandel), нынѣ столь обширной, почти во все не было. Въ древности не знали также вексельныхъ оборотовъ,

(*) *Муссонами* (Monsuns) называются вѣтры, постоянно дующіе въ Индійскомъ океанѣ и въ Арабскомъ заливѣ, полгода отъ Сѣвера и Юго-Запада, а другіе полгода отъ Сѣверо-востока и Юга.

ибо, связанные съ общественнымъ кредитомъ, денежные обороты и финансовые учеты тогда не были извѣстны, такъ-же какъ и *почты*, необходимая связь оборотовъ торговли нынѣшней. Сложная машина государственнаго и частнаго кредита была изобрѣтена впослѣдствіи. Въ древности, каждое государство сбирало подати, и въ случаѣ нужды прибѣгало къ простому займу, уплачивая оный попомъ, такъ, какъ частный человѣкъ просто *покупалъ* и *продавалъ* товаръ. Въ первобытной простотѣ, занятія не были притомъ дѣлимы. Торгъ комиссіонный и перевозка товара не раздѣлялись: купецъ былъ начальникомъ корабля, или каравана своего, комиссіонеромъ своимъ, и даже защитникомъ своего достоянія въ пути.

Предметы торговли, какъ уже мы замѣтили, должествовали быть ограниченны и малосложны.

Хлѣбъ составлялъ предметъ главнѣйшій, для пропитанія Древнихъ. Вино, требуя облегченныхъ способовъ перевозки, не могло быть предметомъ особенно обширнаго торга сухопутнаго. Масло, пихапи, благовонія, составляли изысканнѣйшіе предметы торговыхъ дѣлъ.

Не должно полагать, что для изысканій о *политикѣ и торговлѣ Древнихъ народовъ*, время Македонской и Римской монархій представляетъ важнѣйшее, и наиболѣе поучительное поприще. Когда одинъ народъ покоряетъ всѣ другіе, тогда прекращается это разнообразіе политическихъ формъ, составляющее отличительный характеръ Древно-

сти, и торговля подвергается принужденію и игу могущества. Историку надобно взять эпоху, болѣе отдаленную, когда существовали характеристическія народныя разнообразія, и въ самой высокой степени процвѣтала мирная торговля каждаго изъ Древнихъ народовъ. Періодъ *предшествовавшій* и *современный Персидской монархіи* всего болѣе удовлетворяетъ изыскателя въ сихъ отношеніяхъ, и, слѣдовательно, онъ всего болѣе заслуживаетъ обширнѣйшій и подробнѣйшій разборъ. Торговля Александріи, такъ какъ и другія событія, произведенныя Македонскою и Римскою политикою, могутъ быть послѣ того весьма легко изъяснены. Возносясь ко временамъ отдаленнѣйшимъ, находимъ мы всѣ народы на ихъ самобытныхъ мѣстахъ. Берега Средиземнаго моря были повсюду населены народами-мореплавателями и промышленниками. Карѳагенъ обладалъ обширною частію Африканскаго берега, и старался поддержать власть надъ торговлею во внутренней Африкѣ, сдѣлавъ изъ своихъ пристаней главный путь, черезъ который достигали къ Африканцамъ чужеземныя произведенія. Кирина, владычествовавшая надъ восточною частію Африканскаго берега, была соперницею Карѳагена. Противъ нея обитали Сицилійскіе и Итальйскіе Греки, и богатѣли, обрабатывая тучную почву своихъ земель, и едва успѣвая производить масла и вина столько, чтобы можно было удовлетворить ими потребленіе сосѣдней Галліи и безмѣрной Африки, въ коихъ только что водворялись тогда сіи произведенія. Этруски владѣли большею частію

Италіи, и поддерживали себя на Средиземномъ морѣ, не смотря на зависть Карѳагенянъ. Во власти Римлянъ былъ только одинъ Лаціумъ; но корабли ихъ посѣщали Африку, и съ Карѳагенянами заключены были у нихъ торговые договоры. Торговля внутренней Галліи находилась въ рукахъ Марсилійцевъ, самыхъ мирныхъ и счастливыхъ Греческихъ колонистовъ. Въ Испаніи процвѣтали Гадесъ, и другія колоніи, Финикійскія и независимыя, отъ куда смѣлые мореплаватели дерзали пускаться даже въ открытый океанъ. Греція, и особенно Коринѳъ, Аѳины и Іонійскія ихъ поселенія, владѣли торговлею морей Эгейскаго и Чернаго; даже недоступный Египетъ, гдѣ существовалъ еще тронъ Фараоновъ, открылъ Грекамъ вольную гавань въ Навкратисѣ. Надѣясь овладѣть Финикіею и Сиріею, Монархи Египетскіе перешли изъ Мемфиса въ Саисъ, и выдвинули флоты свои на два моря. Побѣдоносные Цари Ассирійскіе и Вавилонскіе не дозволяли рынуться дикимъ народамъ изъ средины Азіи. Насильственныя переселенія, средство изобрѣтенное въ самомъ младенчествѣ деспотизма, для утвержденія за собою завоеваній, столько умножало тогда взаимное сближеніе и торговлю народовъ. Гордый Вавилонъ, самымъ положеніемъ предназначенный обладать Азійскою торговлею, и быть средоточіемъ оной, являлся тогда обширною образованностію и промышленностію, а Тиръ, и другіе города Финикійскіе, поддерживали права свои, и гавани ихъ были пущями главнаго торга Европы и Азіи. Послѣ первобытныхъ бурь древности, сія торговля мало пострадала отъ владычества Пер-

совъ. Тогда получила Азія свое внутреннее, политическое устройство, и по великимъ путямъ оной безъ затрудненія странствовали отъ Сардеса до Вистра и Персеполиса. Развалины чертоговъ Царей Персидскихъ, гдѣ на праздникахъ повелителей, нѣкогда въ нихъ обитавшихъ, представлены народы, пришедшіе предъ троны ихъ, каждый съ своимъ произведеніемъ, служатъ донынѣ доказательствомъ дѣятельной тогдашней промышленности народовъ, и мудрой политики ихъ владыкъ. Присовокупите къ сему торговлю южной Африки и Эѳіопіи, съ Карѳагеномъ и Тиромъ, посредствомъ каравановъ, чрезъ Африканскія и Аравійскія степи, и сія эпоха представитъ вамъ такое зрѣлище общественной жизни, дѣятельности, и торговыхъ отношеній между народами величайшей и прекраснѣйшей части земнаго шара, что оно возбудитъ невольное удивленіе наблюдателя.

Сею мастерскою картиною заключаетъ Гееренъ свое Введеніе. Оно отражаетъ въ себѣ все, что потомъ раскроется въ его твореніи, ибо здѣсь указаны всѣ главныя точки, отъ коихъ идетъ Гееренъ въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ и изображеніяхъ. Сія эпоха, говоритъ онъ, не составляетъ крайняго предѣла историческихъ временъ. Это только часть той эры, въ которой яркій свѣтъ Исторіи начинаетъ теряться во мракѣ, тѣмъ болѣе обольстительномъ для насъ, чѣмъ болѣе можемъ мы изъяснить его. Не будемъ погружаться во глубину мрака, въ которомъ не можетъ руководить насъ свѣтильникъ исторической критики,

но нѣсколько лучей онаго будутъ однакожъ освѣщать для насъ и сей недоступный мракъ, когда собственно изслѣдованія наши отнесутся ко времени болѣе приближенному, историческому.

Кажется, и сихъ выписокъ достаточно-бъ было, дабы читателямъ можно было понять, какъ предѣлы, такъ самую сущность и основаніе Геереновa творенія. Но, чтобы познакомиться въ большей полнотѣ съ характеромъ Геерена, какъ историка, *писателя*, и изслѣдователя, мы почитаемъ необходимымъ изложить здѣсь общій взглядъ Геерена на Азію, ибо въ немъ увидятъ читатели наши, какъ превосходно умѣетъ Гееренъ сливать географическія свѣдѣнія съ историческими изслѣдованіями, и прилагать теоретическія идеи свои къ практикѣ фактовъ.

Болѣе всѣхъ другихъ частей Стараго Свѣта, Азія обращаетъ на себя вниманіе историка-философа, котораго занимаютъ не отдѣльныя изученія Исторіи того или другаго народа, но общность *Исторіи Человѣчества*. Въ Азіи является первая заря сей Исторіи, и въ послѣдствіи вѣковъ, когда мракъ совершенный покрываетъ Африку, и Европа медленно изъ онаго освобождается, надъ Азіею разлитъ свѣтъ яркій, представляющій великіе перевороты, коихъ была она позорищемъ, хотя иногда и не въ равной ясности, однакожъ всегда достаточно для полученія идеи объ оныхъ, и для выводовъ, въ коихъ заключается Исторія Человѣчества. Чѣмъ далѣе идемъ мы въ Исторіи, чѣмъ болѣе

сличаемъ преданія народовъ о происхожденіи ихъ и первобытномъ жребіи, и чѣмъ болѣе познаемъ различія внѣшняго ихъ развитія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что все это приведетъ насъ въ Азію: тамъ была общая колыбель человѣческаго рода. Какъ ни возвысился, или какъ ни унизился человѣкъ въ другихъ частяхъ свѣта, подъ чуждымъ небомъ, отъ обстоятельствъ благопріятныхъ, или неблагопріятныхъ — вѣчный типъ Азіи лежитъ на немъ. Самая Исторія знаній, не смотря на всѣ усилія Запада обогатить ихъ, и напечатлѣть на нихъ клеймо оригинальности, всегда приводитъ насъ на Востокъ. Тамъ находимъ мы, наконецъ, начало, не только нашей божественной Вѣры, но и всѣхъ другихъ Религій, только развивавшихся и усиливавшихся въ другихъ частяхъ свѣта.

Природа удивительно благопріятствовала Азіи географическимъ положеніемъ. Простираясь на Сѣверъ до крайняго предѣла обитаемости человѣка и жизни творенія, Азія объемлетъ все пространство климатовъ умѣренныхъ, а южными островами досязаетъ до экватора. Европа кажется только дополненіемъ Сѣверо-Западной Азіи; Африка, палимая зноемъ, представляетъ въ объемѣ своемъ самую малую часть земель, подобныхъ самой обширной части Азіи.

Безмѣрное пространство Азіи, четыре-кратно превосходящей Европу, и почти четвертью обширнѣйшей Африки, могло быть, и было, величайшимъ позорищемъ, гдѣ жизнь природы одушевленной

и неодушевленной, являлась во всемъ разнообразіи, во всей красотѣ. Всѣ Европейскія произведенія находятся въ Азіи, и только промышленность Европы можетъ уравнять ея произведенія съ Азійскими. Африканская природа производительна, но она однообразна, и, напрошивъ, какое величайшее разнообразіе оной видимъ въ Азіи: сличите произведенія обширныхъ степей Монгольскихъ, цвѣтущихъ долинъ Кашемирскихъ, знойныхъ странъ Бенгала, благоухающихъ лѣсовъ Цейлана, и снѣжныхъ горъ и льдовъ Сѣвернаго берега Сибири!

Сличите потомъ средства сообщенія въ Азіи и Африкѣ. Какъ замѣчательны эти огромные заливы, особенно на югѣ, гдѣ живутъ наиболѣе образованные народы, длинное протяженіе оныхъ внутрь земель, и огромныя рѣки, въ оные впадающія! Положеніе земель и расположеніе водъ, конечно, было одною изъ главныхъ причинъ, что Азія не погребена въ песчаныхъ пустыняхъ, прерывающихъ сообщенія въ Африкѣ. Степи Азіи, (кромѣ Аравіи, которая по природѣ и мѣсту собственно принадлежитъ къ Африкѣ, отдѣляясь только отъ нея прорывомъ водъ, составившимъ Черное море) не грозятъ путешественнику гибелью, устрашающею его въ песчаныхъ волнахъ Африки, гдѣ только берега, отдѣляясь безпрерывною цѣпью приморскихъ горъ, даютъ пріютъ торговлѣ и гражданственности. Единственная песчаная степь Азіи закрываетъ собою Китай, какъ будто отдѣляя въ немъ будущее рѣшеніе су-

дебъ, для грядущихъ періодовъ Исторіи Человѣчества.

Дабы лучше узнать природу самой Азіи и обитателей оной, надобно прежде всего обозрѣть положеніе горныхъ Азійскихъ хребтовъ. Два изъ нихъ идутъ отъ Запада къ Востоку, и, переплетаясь съ Сѣверными и Южными отраслями, составляютъ, такъ сказать, скелетъ, на который наложена вся поверхность Азіи. Первый хребетъ, бывшій почти неизвѣстнымъ для Древнихъ, простирается къ южной Сибири (*Алтай*), начинаясь отъ Каспійскаго моря, и отбрасывая съ сего мѣста цѣпь горъ на Сѣверъ (*Уралъ*). Довольно высокій (отъ 6 до 7000 футовъ), проходящій всю южную Сибирь, расширяющійся по мѣрѣ приближенія къ востоку, онъ охватываетъ наконецъ землю Тунгусовъ, и соединяется съ сѣверною цѣпью горъ. И донынѣ многое еще не изслѣдовано въ восточной онаго части. Южный хребетъ (*Тавръ*), бывшій болѣе извѣстнымъ въ древности, идетъ также отъ запада къ востоку, начавшись въ Малой Азіи, простираясь черезъ Арменію (откуда, уже при значительной высотѣ, простирается отъ него, также къ сѣверу, особая цѣпь горъ, *Кавказская*, и слѣдуетъ по сѣверной Персіи, до восточныхъ границъ древней Согдіаны. Здѣсь дѣленіе его на двѣ отрасли — сѣверо-восточную и юго-восточную. Обѣ составляютъ край песчанаго моря, извѣстнаго Иродоту, и нынѣ называемаго *степью Гобійскою*. Сѣверо-восточная отрасль (часть древняго Иммауса, нынѣ *Белуръ-Дагъ*) есть сѣверная

граница сей степи, и проходитъ черезъ землю Эйгуровъ, Монголію и Чжуньгарію, соединяясь у предѣловъ Сибири съ Алтаемъ. Главная-же отрасль, юго-восточная, ограничиваетъ сѣверъ Индіи, тянется черезъ Тибетъ, и теряется въ срединѣ Китая, на берегахъ Тихаго моря. Ея названіе измѣняется въ разныхъ мѣстахъ: въ Бухаріи, это *Мустагъ (снѣжная гора*, другая часть древняго Имауса); Индійскую цѣпь горъ Древніе называли *Паропамизъ*; горное прошяженіе отъ Кабульскаго пика образуетъ наконецъ *Гиммалайскія* горы — величайшую высоту земнаго шара, превышающую Кордильерскія горы, и простирающуюся до 25,000 *футовъ* надъ поверхностью моря. Множество мѣлкихъ горныхъ отраслей идетъ отсюда къ югу, въ Малакку и къ Коморинскому мысу, образуя собою скелеты полуострововъ Индійскихъ.

Два важные вывода являются намъ изъ разсмотрѣнія горныхъ Азійскихъ хребтовъ: *теченіе рѣкъ*, и *расположеніе высотъ и плоскостей Азійскихъ*, поясняющее различіе климата, почвы и самыхъ обитателей Азіи.

Начинаясь въ огромныхъ узлахъ горныхъ хребтовъ, великія рѣки извиваются изъ нихъ по всѣмъ направленіямъ Азійскихъ странъ. Въ Алтаѣ заключены родники рѣкъ Сибирскихъ, величайшихъ въ Старомъ Свѣтѣ: *Иртыша*, *Енисея*, *Лены*, бывшихъ неизвѣстными Древнимъ. По широкому наклоненію Сибири, къ Сѣверу, сіи рѣки изливаются въ Сѣверное море. — Четыре южныя Азійскія рѣ-

ки были знамениты издревле. Выходя изъ нѣдръ Тавра, *Эвфратъ*, *Тигръ*, *Индъ* и *Гангъ* льются къ югу, и впадаютъ въ Персидскій заливъ и Индійское море. Соединеніе Иммауса и Мустага даетъ начало двумъ огромнымъ рѣкамъ къ западу (*Гіонъ*, или Оксъ, и *Сиръ-Дарья*, или Яксартъ), и двумъ къ востоку (*Гоангъ-го*, или *Желтая рѣка*, и *Янгъ-Тзе-Кіангъ*). Вѣроятно, двѣ первыя впадали прежде въ Каспійское море, хотя нынѣ вливаются онѣ въ Аральское озеро. Присоединимъ еще къ Азійскимъ рѣкамъ и *Волгу*, ибо и она не только содѣйствовала политическому дѣленію Древнихъ Азійскихъ народовъ, но была притомъ такимъ путемъ, по которому разливались образованіе, торговля и роскошь различныхъ Азійскихъ странъ.

Разсматривая пространство Азіи, раздѣленное горными хребтами, находимъ въ ней три части, совершенно отдѣльныя и различныя одна отъ другой.

Сѣверная часть, Сибирь, простирается отъ подошвы Алтая до льдовъ Сѣвера. Она была почти неизвѣстна Древнимъ, а потому не войдетъ въ наши изслѣдованія. Ея малочисленные обитатели, рыболовы и звѣроловы, любопытны для наблюдателя, показывая, что человѣкъ можетъ быть обитателемъ самыхъ приполюсныхъ странъ, хотя самъ видитъ всѣ неудобства своей жизни, и надѣется, что за гробомъ наградятъ его за трудъ и бѣдствія обильная ловля звѣрей, и довольство мяса и крѣпкихъ напитковъ. Но для Исторіи обще-

сшвенносши, образованія, и торговли, здѣсь мало шруда. Соображая преданія грубыхъ шуземцевъ, ихъ природу и языки, видимъ, что эшо должны быть обломки великихъ народовъ южной Азіи, войною, или другими обстоятельствами, заброшенные въ снѣга сѣвера.

Но *средняя* часшь, между Алшаемъ и Тавромъ, для насъ болѣе замѣчашельна. Здѣсь обишаюшъ Монгольскіе народы, Калмыки, Чжуньгары, и другіе шуземцы, смѣсь различныхъ породъ. Теченіе рѣкъ далеко не проспираешся на все сіе пространсшво, а пошому и не дѣлаешъ его равно способнымъ къ земледѣлію. Будучи самою высокою сшраною въ мірѣ, земля обилуешъ здѣсь шучными пажишями, но безлѣсна, и раздѣлена на песшрые оазисы, окруженные дикими сшепями и горами. Жишели, разсѣянные во множесшвенныхъ племенахъ, сушь пасшыри сшадъ неисчислимыхъ, досшавляющихъ имъ пищу и одѣяніе. Кочуя по обширнымъ пространсшвамъ сшепей, не имѣя жилищъ посшоянныхъ, они должны были навсегда сохранишь первобышный, паширіархальный быш общесшвъ. Переходя въ деспошизмъ, сей быш не рѣдко подчинялъ шо или другое изъ племенъ сихъ народовъ желѣзной волѣ одного геніальнаго ихъ соплеменника, мгновенно превращавшаго родичей своихъ въ рабовъ, и покорявшаго ихъ руками окресшныя племена. Изъ среды сихъ покорителей являлись пошомъ люди съ исполинскою волею, и подъ именами Кировъ, Аттилъ, Тимуровъ, гибельнымъ пошокомъ исторгались изъ

степей своихъ въ другія страны. Цѣлыя кочующія народонаселенія шли тогда за ними на югъ и западъ, и нѣсколько разъ рѣшали жребій Азіи, Африки и Европы.

Третья часть Азіи, вообще называемая *южною*, заключаетъ въ себѣ земли южной отрасли Тавра, страны далѣе на югъ, и Малую Азію; словомъ: все пространство Азіи отъ 40° широты до тропика, далѣе коего, уже въ жаркомъ климатѣ, простягиваются еще три огромные полуострова — два Индійскіе и Аравійскій. Здѣсь богатѣйшія и обильнѣйшія въ мірѣ земли: Малая Азія, Персія, отъ Тигра до Инда, Индостанъ сѣверный, и два Индійскіе полуострова, по сю и по ону сторону Ганга, Тибетъ и Китай. Природа истощила здѣсь всѣ свои блага. Кромѣ немногихъ безплодныхъ, или гористыхъ мѣстъ, орошенная множествомъ рѣкъ, лежащая въ благословенномъ климатѣ, богатая разнообразіемъ всѣхъ царствъ природы, золотомъ, серебромъ, шелкомъ, дорогими благовоніями, сія часть Азіи долженствовала быть тѣмъ мѣстомъ, гдѣ человѣкъ началъ свое *высшее бытіе* въ здѣшнемъ мірѣ. Исторія показываетъ намъ, что издревле зналъ онъ здѣсь выгоды общественности и блага образованія, никогда не забывалъ ихъ, и отсюда перенесъ ихъ въ Европу. Сюда передаетъ преданіе начала земледѣлія, винодѣлія, городовъ, и первобытныхъ человѣческихъ обществъ. И здѣсь есть также степныя пажити, на коихъ нерѣдко донынѣ бываютъ раскинуты шатры кочующихъ ордъ,

даже близъ стѣнъ большихъ городовъ. Но сіи орды суть пришельцы, изъ средне-Азійскихъ и Аравійскихъ степей, или народы-пастухи, сошедшіе съ горныхъ высотъ. Замѣчаніе, важное для всей Азійской Исторіи: по праву гостепріимства, или по праву завоеванія явившіеся, сіи кочевые народы всегда оканчивали однакожь здѣсь тѣмъ, что перемѣняли свое кочеванье на осѣдлость, и бродящую жизнь на бытъ, болѣе прочный и спокойный. *Сороковой* градусъ широты можно рѣшительно почесть предѣломъ между пастушескою и земледѣльческою жизнію народовъ. Наше замѣчаніе можетъ быть подвержено частнымъ исключеніямъ, но общность его неоспорима. Здѣсь раздѣляется Кавказъ, Согдіана, Монголія — земли народовъ кочевыхъ и дикихъ, отъ Арменіи Бактріаны и Китая — земель, обитаемыхъ народами, издревле осѣдлыми и образованными.

Какъ ни многочисленны и ни всеобщи были политическіе перевороты въ Азіи, но удивительное *однообразіе* сихъ переворотовъ составляетъ отличительную черту различія исторіи Азіи отъ исторіи Европы. Всегда видимъ мы въ Азіи быстрое возвышеніе великихъ имперій, столь-же быстрое паденіе оныхъ, и принятіе прежнихъ формъ общественныхъ новыми властителями, замѣнявшими упадавшія государства своими, новыми, великими государствами.

Сіи перевороты были мгновенны, внезапны, и неостепенны, производимые движеніями побѣдоносныхъ народовъ изъ средней Азіи. Вотъ первое

условіе для истиннаго познанія исторіи и установленій Азійскихъ.

Мы сказали уже, что средняя Азія, по физическому положенію, наполнена кочевыми и полудикими племенами. Но они занимаютъ, кромѣ того, сѣверную Азію, горныя вышины въ средней, и почти весь Аравійскій полуостровъ. Образъ жизни ихъ, и природа земель, ими обитаемыхъ, долженствовали образовать изъ нихъ побѣдоносныхъ завоевателей, пріучая ихъ къ войнѣ, перенесенію трудностей похода, давая средства образовать конницу, и всегда имѣть съ собою подвижное хозяйство и пропитаніе. Окрѣпнувшіе въ мелкихъ междоусобіяхъ, покорные волѣ великаго деспота, какъ тучи саранчи вылетали они изъ степей своихъ, и спускались съ горъ, на благословенныя долины Персіи и Индіи, покоряли все своему мечу, и плѣненные обиліемъ завоеванныхъ ими странъ, навсегда забывали свою неблагодарную, дикую отчизну. Ознакомленіе съ искусствами, роскошь, нѣга, вліяніе климата измѣняли ихъ нравы. Побѣдители принимали образъ жизни и бытъ побѣжденныхъ, тѣмъ легче, что кочевой человѣкъ не знаетъ отчизны: она тамъ гдѣ онъ—не знаетъ и праотеческихъ нравовъ и постоянства любви къ нимъ: онъ готовъ мѣнять ихъ на то, что для него кажется лучше. Но первобытная характеристика все однакожь сохраняетъ коренные слѣды. Отъ того всегда образовывалась особенная общественность, изъ смѣшенія прежняго варварства побѣдителей и нравовъ побѣжденныхъ. Чѣмъ быстрѣе былъ переходъ, тѣмъ

сильнѣе было желаніе роскоши, и успѣхъ ослабѣвія и испорченности нравовъ. Изъ прежнихъ жилищъ варваровъ выходили потомъ новыя, накопившіяся тамъ орды, сокрушали владычество своихъ предшественниковъ, и въ свою очередь испытывали ихъ участь.

Вотъ, за исключеніемъ эпохи Македонскаго владычества, общій очеркъ исторіи сей части Азіи. Разсмотрите исторію владычества Ассирійскаго, Вавилонскаго, Персидскаго, Парѳянскаго, Сарацинскаго, Монгольскаго и Турецкаго — онѣ оправдаютъ нашу идею.

Узнавъ такимъ образомъ происхожденіе великихъ Азійскихъ имперій, мы естественно приводимся къ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

1-е, что онѣ не могли быть постепенны, и, напротивъ, вдругъ развивались безмѣрно, такъ, что въ одинъ человѣческій вѣкъ, подкрѣпляемая удобствомъ завоеванія и жадностью добычи, начиналась великая имперія, дѣлалась исполинскою, и оканчивалась мыслью о покореніи цѣлаго свѣта, исполненіе которой никогда не могло быть достигнуто, но невольно изумляетъ однакожъ въ исторіи послѣдователей Магомеда, или рабовъ Чингисъ-Хана.

2-е, что побѣдители не могли вдругъ основывать прочныхъ политическихъ постановленій. Начиналось военнымъ деспотизмомъ. Области отдавались во власть полководцевъ, собиравшихъ налоги, или платившихъ оклады, съ присвоеніемъ неограниченной

частной управы. Иногда на семъ положеніи оставляемы были даже прежніе, побѣжденные властители земель, или ихъ потомки. Такъ было у Персовъ и у Монголовъ. Но сего не должно приписывать ни великодушію, ни человѣколюбію: здѣсь причина невѣжество и варварство побѣдителей.

3-е, изъ сихъ военныхъ образованій являлись въ послѣдствіи политическія. Осѣдлость, роскошь, привычка къ нравамъ и обычаямъ покоренныхъ странъ, дѣлали изъ суровыхъ воеводъ изнѣженныхъ сатраповъ. Скрѣпленныя общею властію главнаго деспота воедино, покоренныя области иногда сохраняли и поддерживали отдѣльно все разнообразіе прежнихъ своихъ, частныхъ формъ. Такъ, подъ властію Персовъ оставались даже республики въ Малой Азіи (Финикія, и Іонійскія колоніи Грековъ).

Но все это не поясняетъ еще намъ вполнѣ того: почему сія деспотическая форма владычества постоянно оставалась, развивалась и обновлялась въ Азіи, въ теченіе столькихъ вѣковъ?

Основаніе было заключено въ самомъ источникѣ владычества народовъ-побѣдителей. Патріархальная власть малаго племени необходимо должна была переходить въ свирѣпый деспотизмъ при распространеніи объема племенъ. Отъ одного властителя, она распространялась наконецъ на все его племя, и поддерживалась только жестокою волею и отсутствіемъ всякаго посредства, между главою племени и его рабами.

Далѣе, Религія владычествующаго народа, исключая всѣ другія, должна была содержать умы въ вѣчномъ оцѣпенѣніи, будучи непремѣннымъ условіемъ господствующей власти.

Наконецъ — важная причина находилась въ самомъ семейномъ бытѣ Азійцевъ. Многоженство всегда должно было вести къ гражданскому деспотизму. Неоспоримо, что нравственное состояніе семейнаго быта народовъ отражается на ихъ общественномъ бытѣ. Ничто болѣе многоженства не препятствуетъ нравственности и домашнимъ добродѣтелямъ—источникамъ гражданскихъ добродѣтелей. Деспотизмъ начинается въ нѣдрахъ семействъ, ибо жена является въ немъ рабою, а мужъ полнымъ властелиномъ. Отцы семействъ также повинуются высшему деспоту, и быть иначе не можетъ, ибо его власть есть ручательство за ихъ власть. Любовь дѣтская переходитъ въ унизительное рабство, и любовь къ отечеству существовать не можетъ. Все сливается въ мѣлкія интриги и необузданныя страсти, ведущія къ жестокости и насилію. Такимъ образомъ всего чаще деспотъ повинуется здѣсь рабу, хотя по наружности совершенно повелѣваетъ имъ, а насиліе дѣлается закономъ, служа единственнымъ оплотомъ слабости. Серальское управленіе всегда было причиною бѣшеныхъ страстей и гибели, въ Сузѣ и Персеполѣ, Испагани и Константинополѣ.

Здѣсь скрывается глубокая, и едва-ли не главная причина единообразія деспотизма въ Азіи, и

вмѣстѣ съ тѣмъ невозможности его въ Европѣ, гдѣ тиранъ и деспотъ всегда будутъ такимъ-же исключеніемъ изъ общаго правила, какое добрый благодѣтельный монархъ составляетъ между деспотами въ Азіи. Религія, законы, семейственныя отношенія, ведущія къ уравненію властей, и гражданству — таковы свидѣтельства, что Европа назначена для полнаго проявленія высшаго назначенія человѣческаго, когда Азія представляетъ намъ только величайшее проявленіе силъ и средствъ природы. *Въ Азіи только* могъ отъ нея отдѣлиться, и *только отдѣлиться* могъ отъ нея человѣкъ. Въ Европѣ онъ созналъ свое достоинство и узналъ свое истинное назначеніе.

(Окончаніе впредь).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литература.

— *Стихотворенія Виктора Теплякова.* М. 1832. Въ т. Селивановскаго. XII и 196 стр. in-8 (*).

Говорятъ, что въ наше время не льзя сдѣлать себѣ имени мѣлкими стихотвореніями, и въ доказательство указываютъ на пустое поприще Лирической Поэзіи Русской, гдѣ осеннимъ лебедемъ мелькаютъ иногда люди съ дарованіемъ, но имепъ славныхъ нѣтъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, старыхъ служителей Аполлона. Съ одной стороны, это справедливо, ибо точно время наше во многомъ идетъ на перекоръ Поэзіи вообще, а не одной Поэзіи Лирической. Но если не отрицать въ человѣкѣ силы ума и воли, то едва-ли можно сказать, что въ наше время нѣтъ Поэзіи. Человѣкъ, при всѣхъ измѣненіяхъ обстоятельствъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, слѣдственно всегда обладаетъ тѣмъ, что даровано ему свыше; и слѣдственно

(*) Замѣчательно, что въ этой книгѣ по крайней мѣрѣ четвертая доля бѣлой бумаги: такъ напечатано просторно!

обладаетъ въ наше время Поэзіею. Онъ не былъ-бы полнымъ человѣкомъ безъ Поэзіи, такъ-же какъ безъ сердца, безъ ума, или, въ физическомъ отношеніи, безъ рукъ, безъ слуха и языка. Но истина сія требуетъ ограниченій, ибо хотя Поэзія есть не умирающій элементъ человѣка, однако не всегда является она въ его книгахъ и пѣсенкахъ. Всему есть свое время.

Въ книгѣ Г-на Теплякова мы находимъ доказательство, что и въ наше время есть средство быть хорошимъ писателемъ мелкихъ стихотвореній. Чувство и вкусъ видны почти въ каждомъ произведеніи сего Писателя. Всякій убѣдится въ томъ, заглянувши въ его книгу. Но сего показалось недостаточно Издателю *Стихотвореній* Г-на Теплякова: онъ написалъ Предисловіе къ онымъ, гдѣ, сказавъ по своему мнѣнію, что сказали мы въ началѣ сей статьи, даетъ знать въ заключеніе, что и Г-нъ Тепляковъ — Поэтъ. Намъ кажется выводъ сей не совсѣмъ логическимъ, хотя мы и безъ него сказали, что Г-нъ Тепляковъ точно обладаетъ дарованіемъ неподдѣльнымъ. И такъ, безъ разногласія съ Г-мъ Издателемъ въ семъ отношеніи, мы займемся нѣкоторыми частями его Предисловія, гдѣ изложилъ онъ свою систему.

« Мы ни подъ какимъ видомъ, говоритъ Г-нъ Из-
« датель, не можемъ безусловно согласиться съ
« тѣми, кои почитаютъ Поэзію разсѣяніемъ обще-
« ственнаго существованія... Когда можетъ успо-
« рѣть душа и сдѣлаться предметомъ пренебреже-

«нія для тѣла, движимаго ея могуществомъ?... «Нѣтъ сомнѣнія, что вѣкъ, воспитанный сими «апплетами (Байрономъ, Валтеромъ Скоттомъ, Баранттомъ, Шатобріаномъ, Беранже, Лапласомъ, Мальтебрёномъ, Наполеономъ (*), не можетъ слиш- «комъ высоко мыслить о барашкахъ Г-жи Дезуль- «еръ, о хладномъ мраморномъ *парикѣ* Буало, о *на- «крахмаленной Поэзіи Расина*; нѣтъ сомнѣнія, что «Поэзія Сердечкиныхъ, надписи на ошейнички со- «бачекъ, пряничные стишки на то, на другое, «суть анахронизмы самые неизвинительные; но «Тассъ, но Шекспиръ, но Корнель, будутъ все- «гда, не взирая на совершенное различіе вкуса и «времени, усладою сердца, истинно благород- «наго.»

Мы выписали всѣ положенія Автора, чтобы чи- тателя могли судить о нихъ вполнѣ. Разсмотримъ выписанное нами.

Неужели Авторъ не убѣжденъ, что Поэзія есть удѣлъ юности человѣческой, разсвѣтъ общественнаго существованія? Если онъ очень молодъ, то совѣтуемъ ему пожить еще десятокъ или два лѣтъ, и потомъ взглянуть на свои строки. Да! только чистая, не омраченная тѣнью общества юность доступна Поэзіи! Только тѣло здоровое, юное повинуется могуществу ея! Общество одряхлѣвшее, и даже только возмужалое, нелетворно для Поэта,

(*) Что за сближеніе именъ!

убійственно для всѣхъ живыхъ помышленій: это гробъ дарованія. Авторъ думаетъ, что душа не можетъ устарѣть? Могущество ея не можетъ сдѣлаться предметомъ пренебреженія для тѣла?.. Напрасно. Призываемъ въ свидѣтельство всѣхъ стариковъ, отягченныхъ жизнію: посмотрите на нихъ! У этого-ли искавернаннаго картечью и сабельными ударами инвалида горитъ въ душѣ поэзія? У этого-ли придворнаго, изъязвленнаго еще болѣе всякаго ветерана, осталось чувство къ поэзіи? У этого-ли честолюбца, истратившаго жизнь и силы на службу своей страсти, не изсохли душа и сердце? Наконецъ, у этого-ли сына Поэзіи, который говоритъ:

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь!
Картиной, звукомъ, выраженьемъ,
Во все хотѣлъ я жизнь вдохнуть!

У него-ли остались сіи чувства, послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ борьбы съ жизнью? Неужели Шиллеръ, который подъ конецъ жизни старался самъ разрушить ее; неужели Тассъ, истерзанный страданіемъ; неужели нашъ Озеровъ, нашъ Батюшковъ; неужели Борнсъ, Байронъ, Гольдсмитъ, Шериданъ; неужели тысяча другихъ примѣровъ не убѣдятъ Автора, что время юности есть единое время Поэзіи? Этого мало: не отдѣльныя лица, но цѣлые народы подтверждаютъ сію истину. Много-ли поэтовъ видимъ мы въ одряхлѣвшей Греціи, при владычествѣ Римлянъ? Гдѣ поэты въ Римѣ

при Императорѣ Ѳеодосіи Великомъ? Не Прудэнціусъ-ли, не Клавдіанусъ-ли будутъ ихъ представителями? Гдѣ могущественные поэты Арабскіе въ наше время? А Испанія и Португалія нашего времени? А сама Италія? Если всѣ сіи доказательства, теорія и практика, не убѣдятъ Автора въ ошибочности его положенія, то это будетъ уже вина, по крайней мѣрѣ, не наша.

Далѣе Авторъ утверждаетъ, что нашъ вѣкъ, воспитанный ашлетами, не высоко мыслитъ о Дезульеръ, Буало и Расинѣ. Я пожалѣлъ-бы о вѣкѣ нашемъ, ибо презрѣніе къ симъ Поэтамъ напоминаетъ мнѣ презрѣніе неразумнаго мальчика къ старику, склоненному къ землѣ годами. Но вѣкъ нашъ не виноватъ въ томъ, что взводитъ на него Г-нъ Издатель. Нашъ вѣкъ знаетъ различіе между дарованіями Дезульеръ и Расина, Тасса и Шекспира; онъ никогда не назоветъ Буало шакъ, какъ называетъ его Г. Издатель. *Накрахмаленная Поэзія Расина*!.. Это интересно слышать отъ человѣка, коего современники не написали еще ничего, что было-бы можно приблизить къ изящнымъ созданіямъ Расина. Кто намъ далъ право оскорблять память сего великаго Поэта? Не Ансело-ли? Не Викторъ-ли Гюго? Не Гриллпарцеръ-ли, или Раупахъ? Или ужь не Г-нъ-ли Хомяковъ, со своимъ перекрахмаленнымъ *Ермакомъ*? Дѣти, дѣти!..

Лучше, не оскорбляя недоступныхъ намъ *славъ*, признаемся смиренно, что мы болѣе нашихъ предшественниковъ виноваты въ безплодіи современной Поэзіи. Мы сами едва-ли не смѣшнѣе Г-жи Дезуль-

еръ. При понятіяхъ своего вѣка, она занимала не самое послѣднее мѣсто въ современной Поэзіи; а мы, при нынѣшнемъ состояніи Критики, при утонченномъ, философскомъ разборѣ всѣхъ движеній души и сердца, мы еще не можемъ понять, не можемъ открыть истинной сферы своей Поэзіи! И особенно у насъ, нашимъ милымъ соотечественникамъ, право нечѣмъ погордиться. Предисловіе къ Стихотвореніямъ Г-на Теплякова, и самыя Стихотворенія сіи могутъ навести насъ на важное открытіе, отъ чего происходитъ мѣлкость и бѣдность нашихъ дарованій. Въ вѣкъ, не благосклонный для Поэзіи, въ вѣкъ умственнаго переворота, мы только научились презирать прошедшее — что было и необходимо, для совершеннаго разрыва съ онымъ и для перехода въ вѣкъ новый — мы зашвердили нѣсколько фразъ изъ иностранныхъ писателей, и въ нашей общественной, *нынѣшней* жизни хотимъ находить Поэзію! Нѣтъ! на такомъ основаніи не льзя создать храма Поэзіи: наше зданіе еще долго останется не довершеннымъ, ибо въ то время, когда мы взлѣзаемъ на подмостки, чтобы класть камни вверху, сводъ всего зданія обрушивается незамѣтно для насъ самихъ. Намъ еще надобно жить, жить *своею* жизнію, ибо опыты отцовъ и братьевъ не помогутъ намъ, такъ-же какъ не помогаютъ они никому. Мы теперь въ возрастѣ пятнадцатилѣтняго ребенка, въ которомъ есть способность ко всему прекрасному, но способность только *въ возможности*. Дайте сначала погорѣть и зашихнуть нашимъ страстямъ.

Глядя съ сей точки зрѣнія, кто не согласится съ Г-мъ Ястребцевымъ, что «стѣны городовъ не сооружаются уже нынѣ отъ звуковъ лиры, какъ стѣны Ѳивскія?» Г-нъ Издатель называетъ сіе умствованіемъ односторонним, и въ доказательство упоминаетъ о Гёте, Байронѣ, В. Гюго, Пушкинѣ, въ коихъ есть призваніе свыше, хотя они и современники наши. Но развѣ отрицаетъ это Г. Ястребцевъ? Говоря о воспитаніи вообще, онъ хочетъ, чтобы дѣти наши воспитывались сообразно требованіямъ нашего положительнаго и философскаго вѣка; развѣ не справедливо требованіе сіе? Философія безъ опытныхъ знаній не только мечта, но гораздо хуже: это именно тотъ недостатокъ, которымъ страдаетъ нашъ вѣкъ, и который надобно истреблять. У насъ на все есть требованіе, вслѣдствіе теорій; но нѣтъ никакихъ средствъ, когда дѣло доходитъ до примѣненій къ теоріи. Это порождаетъ пустоту въ умахъ и сердцахъ, это производитъ у насъ противорѣчія во всемъ, за что ни возмемся мы; наконецъ, это есть источникъ и нашего безплодія въ Поэзіи. Примѣры Г-на Издателя не доказываютъ ничего, ибо если Ломоносова драли за уши въ Холмогорахъ, когда онъ просиживалъ ночи за книгами, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы со всѣми поэтами надобно было обходиться также. Онъ, вмѣстѣ съ именованными Издателемъ поэтами, составляетъ исключеніе, ибо такіе люди всегда противорѣчатъ окружающему ихъ, идутъ своими путями, и сами творятъ вѣкъ свой, или, точнѣе сказать, угадываютъ требованія онаго. Въ самомъ дѣлѣ — Гёте

первый изъ Нѣмцевъ обратился къ народности, на перекоръ Французской школѣ Виланда; Байронъ былъ осмѣянъ за свои первыя произведенія, и умеръ далеко отъ отечества — такъ ладилъ онъ съ нимъ! Гюго произвелъ переворотъ передъ глазами нашими! Пушкинъ... подождемъ, чѣмъ кончитъ онъ свое поприще. Начала его были также на перекоръ вкусу времени.

Въ ожиданіи лучшаго будущаго, публика должна быть признательна Г-ну Теплякову за то, что представляетъ онъ ей. Но дѣло Критики — безпристрастно, хладнокровно смотрѣть и на современниковъ, и на людей прошедшихъ поколѣній.

— *Двадцать четыре часа чувствительной женщины*, или важный урокъ. Сочиненіе Княгини Констанціи С..... переводъ съ Французскаго. СПб. 1831. Въ т. Н. Греча. XII и 148 стр. in-8.

— *Избранныя письма Якова Ортиса*. Переводъ съ Итальянскаго. М. въ т. П. Кузнецова. 1831. 332 стр. in-16.

Оба сіи романа изданы уже нѣсколько мѣсяцевъ, и оба остались какъ будто незамѣченными въ публикѣ и въ Журналахъ. Между тѣмъ, это два весьма замѣчательныя сочиненія. Постараемся дать читателямъ нашимъ понятіе объ Авторахъ сихъ двухъ книгъ и о самыхъ книгахъ ихъ.

Княгиня Констанція Сальмъ-Дикъ принадлежитъ къ небольшому числу умныхъ и ученыхъ писательницъ. Она родилась въ Нанцѣ, 7 Ноября 1767 г., и въ 1789 году вышла за-мужъ за Хирурга Пипеле.

Пріѣхавши съ нимъ въ Парижъ, она съ успѣхомъ занималась Литературой. Всѣ знаютъ ея пѣсню: Bouton de Rose, положенную на музыку Прадеромъ. Ея лирическая трагедія: *Сафо*, съ музыкою Мартини, была представлена болѣе ста разъ. Сверхъ того извѣстна ея *Камилла*, драма въ 5 дѣйствіяхъ, и множество стихотвореній мелкихъ, изъ коихъ упомянемъ объ одномъ: Épître aux femmes. Стихи ея были печатаемы въ альманахахъ, въ Журналахъ, и изданы два раза особенною книгою. Еще болѣе достойны вниманія прозаическія сочиненія Княгини Сальмъ-Дикъ (Г-жа Пипеле вышла вновь за-мужъ за Графа Сальмъ-Дика, возведеннаго въ 1816 году въ достоинство Князя). Ея Похвальныя Слова и Академическія Рѣчи возбуждали вниманіе. Eloge de Lalande была сочинена по желанію самого Лаланда, который впослѣдствіи доставилъ Автору примѣчанія. Есть много и другихъ прозаическихъ сочиненій Княгини Сальмъ-Дикъ, но самое извѣстное изъ нихъ: Vingt-quatre heures d'une femme sensible, нынѣ переведенное на Русскій языкъ. Оно отличается прелестнымъ слогомъ. Завязка и содержаніе этого романа очень просты, но милое чувство женщины видно во многихъ мѣстахъ. Княгиня Сальмъ-Дикъ, обладающая многими пріятными дарованіями и очаровательнымъ умомъ, была въ дружбѣ съ отличнѣйшими людьми своего времени. Читатели наши узнаютъ ее изъ слѣдующаго письма П. Л. Курье, писаннаго въ Апрѣлѣ 1811 года.

«Графиня! Скоро минетъ тысяча лѣтъ, какъ вы не слыхали обо мнѣ. Сначала, три мѣсяца бо-

лѣла у меня руна, самымъ несноснымъ образомъ; потомъ другіе случаи разстроили мою систему жизни, и я право не знаю, сколько времени я не писалъ ни къ кому, ни даже къ вамъ, со всѣмъ желаніемъ имѣть отъ васъ извѣстія. Судя потому, что писали вы мнѣ, давно, изъ своего замка Дика (помните-ли вы это?), я полагаю, что вы теперь въ Парижѣ, и заняты двумя драгоцѣнными предметами: изданіемъ вашихъ сочиненій, и свадьбою вашей дочери. Это важно для васъ, какъ для матери и автора. Узнавши, что я еще существую въ мірѣ, вы, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, конечно напишете мнѣ о слѣдствіяхъ вашихъ заботъ; если-же и нѣтъ важныхъ событій, то извѣстите меня по крайней мѣрѣ о своемъ здоровьѣ. На этотъ счетъ ваше письмо не слишкомъ разувѣряетъ меня, хотя вы и говорите, что освободились отъ своей послѣдней, тяжелой болѣзни. Это уже другая, сколько мнѣ извѣстно, другая въ два года, когда я оставилъ васъ. Не говорю уже о прежней, которую помню очень живо. Можно-ли такъ часто быть нездоровой! Вы крѣпки; природа наградила васъ сложеніемъ, при которомъ не надобно знать болѣзней. Не слишкомъ-ли поддаетесь вы Медицинѣ? Берегитесь и будьте увѣрены, что это искуство есть одинъ изъ бичей человѣчества. Мольеръ смѣялся надъ нимъ, но право это совсѣмъ не смѣшно. Наконецъ, что скажу вамъ? Мнѣ пришла эта мысль, и не зная, кого обвинять въ измѣненіяхъ вашего здоровья, виню ихъ, что есть Медиковъ. Не боюсь приписывать имъ зла болѣе, не-

жели они дѣлаютъ его; но если только они милуютъ васъ — прощаю имъ все остальное.

«Противъ намѣренія своего, я провелъ эту зиму въ Римѣ, тихо, увѣряю васъ, безъ жару, безъ холоду, безъ скуки (она была отъ меня за тысячу миль), и слава Богу, безъ друзей! Да, Графиня, я разувѣрился въ дружбѣ, какъ въ Медицинѣ, и все по опыту. Я не сдѣлался отъ этого ни болѣе сварливымъ, ни болѣе мизантропомъ; напротивъ, готовъ жить со всѣми; но позвольте быть безъ дружбы, милостивые государи; не надо друзей: я не хочу быть въ дуракахъ. Слѣдственно, я провелъ этою зимой шесть мѣсяцевъ въ Римѣ, самыхъ лучшихъ, какіе только возможны въ настоящемъ моемъ положеніи. Теперь отправляюсь въ Неаполь, откуда располагаю воротиться въ Парижъ.

«Немногое разскажу вамъ о путешествіяхъ своихъ, потому что нѣтъ ни любопытныхъ замѣчаній, ни приключеній. Я двигаюсь тихонько, не для наблюденій, ибо не намѣренъ продавать описанія своего путешествія съ атласомъ, а для наслажденія, хоть не много, прелестью климата и годоваго времени. Въ самомъ дѣлѣ, я останавливаюсь на концѣ каждаго поля; уже недѣля какъ я здѣсь (въ Альбано), а когда отправлюсь далѣе, не знаю. А что останавливаешь? Весна, какой, право, не знаете вы. Эти лѣса, эти воды, это озеро, эти виды не имѣютъ подобныхъ. Какъ-бы желалъ я описать вамъ все это, и повѣрьте, что было-бы чѣмъ отличиться въ описательномъ родѣ;

но, вы поэтъ, вы не любите поэтической прозы; сверхъ того, вы не *жительница полей*, а еще менѣе лѣсовъ. Мои прохладныя тѣни, мои прозрачные ручьи усыпили-бы васъ безъ подушки. Вы думаете, что живутъ только въ Парижѣ.

«Впрочемъ, и Парижъ имѣетъ свое достоинство, особенно когда вы тамъ, и для того-то я хочу пріѣхать туда прежде вашего отъѣзда въ Дикъ, гдѣ вы, какъ кажется, готовы проводить каждое лѣто; но чтобы застать васъ въ Парижѣ, прошу воображать, что я спѣшу туда. Ѣду musant et baguenaudant, какъ говоритъ Рабеле, до Неаполя; а тамъ, сдѣлавши то, что надобно сдѣлать, увидѣвши, что надобно увидѣть (все дѣло не многихъ дней), возвращаюсь въ Парижъ, скачу сломя голову, въ Парижъ, къ вамъ, Графиня. Явлюсь такъ, какъ есмь въ дорогѣ, пилигримомъ. Это видѣніе позабавитъ васъ, ибо предупреждаю, что пугаться нечего.

«Кажется, не нужно пояснять, что значатъ слова мои: не надо дружбы. Это говорю я человѣческому роду, на который въ правѣ жаловаться; говорю своему калпаку, подобно слугѣ у Мольера. Одинъ древній сказалъ: *Друзья! нѣтъ болѣе друзей*. Не ошибался-ли онъ? Или не появился-ли снова этотъ родъ? Это должны объяснить намъ вы, Графиня. Если есть въ мірѣ друзья, то конечно у васъ.»

Изъ этихъ немногихъ строкъ, мы узнаемъ характеръ сочинительницы *Двадцати четырехъ часовъ чувствительной женщины*, узнаемъ лучше не-

жели изъ самой полной біографіи. Женщина, бывшая въ такихъ умныхъ, дружескихъ сношеніяхъ съ отличнѣйшими людьми своего времени, съ Лаландами и Курьé, вѣрно была достойна ихъ вниманія и уваженія. Жаль, что Русскій Переводчикъ не очень уважилъ ея славу, дурно передавши намъ прелестный разсказъ ея романа. Переводъ его не даетъ никакого понятія о подлинникѣ. Это грубый, часто смѣшной, вездѣ тяжелый пересказъ легкихъ, вѣрныхъ фразъ свѣтской, образованной Француженки.

Избранныя письма Якова Ортиса, знаменитое произведеніе Уго Фосколо, называются въ подлинникѣ: *Послѣднія письма Якопо Ортиса* (Ultime lettere di Jacopo Ortis. Миланъ, 1802). Не знаемъ, почему Русскій Переводчикъ измѣнилъ заглавіе, не упомянулъ объ имени Автора, и пропустилъ многія мѣста подлинника. Впрочемъ переводъ его не совсѣмъ дуренъ, хотя напечатанъ варварски, на *обверточной* бумагѣ. Въ немъ Русскіе читатели пріобрѣли замѣчательную книгу, достойную любопытства по многимъ отношеніямъ.

Уго Фосколо явился на сцену литературную и политическую въ самый разгаръ Французской Революціи. Одаренный отъ природы необыкновеннымъ умомъ, огненною душою и страстями знойными, сынъ гордой Венеціянской Республики, потомокъ знаменитыхъ *Фосковъ*, онъ былъ явленіе современное и своенародное. Намъ, жителямъ холоднаго Сѣвера, только изученіемъ можно постигнуть всю пылкость, весь огонь Итальянца, ибо нашъ ледя-

ной составъ распознался-бы отъ страстей, кипящихъ въ жителѣ Юга. Но каковъ долженъ быть человѣкъ сихъ странъ, почитаемый излишне пылкимъ и между своими земляками? Каково должно быть бурное пламя, пожирающее его, когда оно еще усилено обстоятельствами? Вотъ съ какой точки любопытно разсматривать произведенія Уго Фосколо.

Излагая жизнь Курье, мы замѣтили, что онъ былъ совершенное порожденіе Революціи: Уго Фосколо тоже самое подъ Итальянскимъ небомъ. Не входя ни въ какое сравненіе между сими необыкновенными писателями, скажемъ, что высокія дарованія ихъ были подавлены обстоятельствами. Уго Фосколо обладалъ необыкновеннымъ даромъ стихотворства, и еще болѣе замѣчательною способностью созданія. Онъ былъ Поэтъ, во всемъ значеніи слова — и не произвелъ ничего прочнаго, великаго. Всѣ сочиненія его были произведеніями случаевъ современныхъ. Только немногіе генія бываютъ независимы отъ обстоятельствъ, и Уго Фосколо не принадлежитъ къ числу ихъ. Выступивъ на поприще литературное писателемъ драматическимъ, онъ писалъ послѣ сего патріотическія оды, политическія рѣчи, кидался въ Военное Искусство, въ археологическія изслѣдованія, и кончилъ поприще свое сдѣлавшись участникомъ Англійскихъ *Обозрѣній*. Во всѣхъ сочиненіяхъ его видно дарованіе рѣдкое, но нигдѣ нѣтъ соображенія глубокаго, отдѣлки окончательной, бывающихъ удѣломъ душъ болѣе спокойныхъ. Одно чувство

преобладаетъ имъ вездѣ: тоска по гибнущемъ отечествѣ, и скорбь, что онъ не въ силахъ вырвать его изъ бездны гибели! Чувство благородное, ибо любовь къ отечеству есть самая высокая, первая, безсмертная добродѣтель человѣка общественнаго; но, тѣмъ не менѣе, дарованіе принимаетъ отъ этого направленіе частное, и уже не развивается въ полной, свободной силѣ своей. Вотъ недостатокъ всѣхъ сочиненій Уго Фосколо, недостатокъ жизни его, отразившійся во всемъ, что дѣлалъ, писалъ, чувствовалъ онъ. Этотъ недостатокъ замѣненъ, или, лучше сказать, явенъ и въ сочиненіи его: *Письма Ортиса*.

Тоже волненіе, коимъ была ознаменована жизнь Уго Фосколо, волненіе души, требующей чего-то и не удовлетворенной ничѣмъ, знаменуетъ и сіе созданіе. Нѣкоторые критики рѣшительно говорили, что *Письма Ортиса* есть подражаніе Гётѐву *Вертеру*, ибо въ обоихъ сочиненіяхъ одинакія лица, одинакая завязка, одинакій ходъ; но другіе утверждаютъ, что мнѣніе сіе неосновательно, и что, писавши свой романъ, Уго Фосколо даже не читалъ еще *Вертера*. Мы не можемъ рѣшить сего спора, но думаемъ, что Авторъ *Писемъ Ортиса* могъ сочинить свой романъ и не читавши *Вертера*, ибо, во-первыхъ, два писателя могутъ находиться на одинакой точкѣ зрѣнія, въ одинакихъ обстоятельствахъ, и создать нѣчто одинакое; во-вторыхъ, *Письма Ортиса* сходны съ *Вертеромъ* болѣе наружно, чѣмъ внутренно. Германскій Поэтъ изобразилъ одну страсть, въ постепенномъ

ея развитія, и письма Вертера суть не иное что, какъ дневникъ пламенной страсти, ведущей ко гробу. Напрошивъ, Писатель Итальянскій изображаетъ борьбу многихъ страстей, и кто скажетъ, что главная изъ нихъ есть любовь? Прежде всего, онъ хотѣлъ выразить нѣсколько патріотическихъ мыслей, и во время угнетенія своего отечества не могъ представить ихъ иначе, какъ закрывъ посторонними предметами. Если принять сіе положеніе (а оно совершенно справедливо), то упрекъ въ подражаніи разрушается самъ собою, ибо въ поэтическомъ созданіи форма не главное. Можно взять событіе, которое уже было изображено поэтически, и представишь его въ новомъ видѣ, создашь вновь. На этомъ основана вся Историческая Поэзія. Судьба Ифигеніи, бѣдствія Эдипа, Коріоланъ, Карлъ Смѣлый, и множество другихъ историческихъ и миѳологическихъ предметовъ, были обрабошываемы разными писателями; но кто упрекалъ ихъ въ подражаніи другъ другу? Правда, что упреки сіи слышались и слышатся искони, но ошъ такихъ людей, которыхъ мнѣнія въ дѣлѣ критики значатъ не много. Великаго Гёте обвиняли въ кражѣ предмета для *Германа и Доротеи* и для Reinecke Fuchs. Даже *Вертеръ* его былъ почитаемъ заимствованіемъ изъ *Новой Элоизы* (*).

(*) «Безъ Элоизы не существовалъ-бы и Нѣмецкій *Вертеръ*. Основаніе романа тоже, и многія положенія (situations) въ Вертерѣ взяты изъ Элоизы; но въ немъ болѣе натуры.» *Сочин. Карамзина*, Т. III. стр. 157-я.

Но это все равно, что назвать жизнь Кромвеля подражаніемъ Юлію Цезарю, а Наполеона подражаніемъ Александру Великому. Логика шаже.

Оставимъ этотъ споръ, который не ведетъ ни къ чему при оцѣнкѣ поэтическаго произведенія. Будемъ смотрѣть на *Письма Ортиса* просто какъ на произведеніе оригинальное, и мы убѣдимся, что его породила душа самобытная, но угнетенная, подавленная страстями и отношеніями. Для насъ, иностранцевъ, недоступна красота слога сего романа. Читая его, въ подлинникѣ-ли, или въ переводѣ, мы видимъ

. . . разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ.

Но Итальянцы восхищаются самымъ изложеніемъ въ романѣ Фосколо. Слогъ его созвученъ всѣмъ волненіямъ страстей, одушевляющихъ и лица, и самого Автора. Еще болѣе восхищаетъ ихъ патріотическій жаръ, сверкающій въ каждомъ примѣненіи, въ каждомъ облачкѣ задумчивости сего Писателя. И дѣйствительно, если посторонняя цѣль вредитъ всему созданію его, то она-же даетъ ему и очарованіе неизъяснимое. Вообразите Итальянца, благороднаго, возвышеннаго, пылающаго подобно его Везувію, въ задумчивости, надъ гробомъ отечества, ибо деспотизмъ Наполеона, и вообще Французовъ, былъ гробомъ жизни Италіи. Надобно умѣть переселяться во всѣ положенія, во всѣ страсти, надобно много космополитическаго чувства, чтобы понять сію прелесть намъ, незнакомымъ съ подобными ощущеніями, возросшимъ въ

славѣ народной, и почитающимъ себя выше всѣхъ прошивностей судьбы.

Посему-то, мы не думаемъ, чтобы романъ Уго Фосколо обратилъ на себя вниманіе у насъ въ Россіи. Его прочтутъ и поймутъ немногіе, и въ этомъ будетъ виноватъ самъ Авторъ, сдѣлавшій произведеніе свое слишкомъ односторонниимъ, слишкомъ Итальянскимъ и современнымъ.

Мы никогда не почитаемъ нужнымъ излагать содержанія разсматриваемой книги, если это романъ, ибо такія изложенія похищаютъ и у публики и у Автора многое; тѣмъ менѣе станемъ мы излагать содержаніе *Писемъ Ортиса*. Довольно указаній, которыя сдѣланы выше сего.

Жизнь Уго Фосколо была безпокойна и несчастлива. Онъ родился въ 1773 году, близъ острова Занта, на фрегатѣ. Послѣ ученія домашняго и университетскаго, подъ руководствомъ Чезаротти и другихъ извѣстныхъ ученыхъ, онъ нѣсколько времени шелъ дипломатическимъ путемъ, былъ въ военной службѣ, и вслѣдствіе многихъ непріятностей долженъ былъ оставить свое отечество. Послѣдніе годы свои провелъ онъ какъ изгнанникъ, въ Англіи, гдѣ и умеръ въ 1827 году. Важнѣйшія сочиненія его, кромѣ *Писемъ Ортиса*: *Рѣчь къ Лионскому Конгрессу* (Orazione a Bonaparte pel congresso di Lione), превосходное произведеніе новѣйшаго краснорѣчія; Трагедіи: *Тіестъ*, сочиненный имъ на 20-мъ году жизни; Ricciarda; Ajace; Discorso sul testo di Dante, образцовое произведеніе критики, и

наконецъ другое, большое сочиненіе о Дантѣ, изданное послѣ смерти Автора. Кромѣ того, Фосколо написалъ множество стихотвореній лирическихъ, изъ коихъ многія прекрасны. Въ послѣднее время онъ помѣстилъ въ Англійскихъ *Обозрѣніяхъ* нѣсколько статей, отличающихся изыскательностію, умомъ и превосходнымъ изложеніемъ.

— *Система Логики.* Сочиненіе Фридриха Бахмана. Переводъ съ Нѣмецкаго. *Часть вторая.* СПб. 1832. Въ т. К. Крайя, 429 стр. in-8.

Въ 20-й книжкѣ Телеграфа на 1831-й годъ, мы упоминали о появленіи въ свѣтъ *Первой Части* сего важнаго сочиненія. Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о появленіи *Второй*, которою заключается Русскій переводъ, ибо Г-нъ Переводчикъ не почелъ нужнымъ переводить третьей части Бахманова сочиненія, гдѣ находится *Исторія Логики.* Можетъ быть особенныя причины заставили Г-на Переводчика удовольствоваться двумя частями; но тѣмъ не менѣе публика наша теряетъ хорошую книгу въ третьей части Бахмановой Логики. Впрочемъ, двѣ части содержатъ въ себѣ всю Логику, то есть все, что написалъ Бахманъ собственно о Наукѣ.

Мы слышали, что книга сія введена въ Духовныя Училища. Если это справедливо, то — честь и слава просвѣщенному Начальству Духовныхъ Училищъ! Оно поняло прежде другихъ нашихъ учебныхъ заведеній, что время Баумейстеровой Логики миновалось, и что настала новая эпоха ученія,

когда необходимы такія философскія, безпристрастныя изложенія Науки, какъ Бахманово изложеніе Логики.

Вторая Часть сія переведена столь-же искусно и тщательно, какъ *Первая*. Подвигъ немаловажный.

ЗАМѢЧАНІЯ

овъ Индійскомъ Архипелагѣ (*).

Острова Индійскаго Архипелага были первоначально населены, вѣроятно, выходцами съ Азійскаго материка, и конечно изъ странъ, находящихся между Сіамскимъ заливомъ и Китаемъ. По крайней мѣрѣ такова мнѣніе общее. Оно подтверждается преданіями, и сношеніями, кажется, су-

---

(*) Извлеченныя изъ книги: Memoirs of the life and public services of Sir Thomas Stamford Raffles. London 1830. Реффлесъ былъ Губернаторомъ остр. Явы съ 1811 по 1816 годъ, и Бенкулена съ 1817 по 1824. Его *Исторія остр. Явы*, пролившая новый свѣтъ на первобытную Исторію Индійскихъ островитянъ, извѣстна всему ученому міру. Реффлесъ род. въ 1781 году, посреди моря на кораблѣ; скончался въ Лондонѣ, въ 1826 году.

ществовавшими въ древнѣйшія времена между главными государствами Индійскаго Архипелага и Королевствами Сіамомъ, Лаосомъ и Чампою. Въ томъ-же удостовѣряютъ нѣкоторыя сходныя черты въ характерѣ, языкѣ и обычаяхъ тамошнихъ различныхъ народовъ. Въ наше время не льзя дѣлать основательныхъ предположеній о времени первыхъ переселеній съ материка: когда восточный полуостровъ будетъ лучше извѣстенъ, тогда, можетъ быть, узнаемъ многое.

Отъ кого получили первую образованность дикія племена, поселившіяся на островахъ сего Архипелага: отъ Египетскихъ, или Индійскихъ выходцевъ? Вопросъ, не разрѣшимый удовлетворительно; однакожь, нѣтъ сомнѣнія, что острова сіи были посѣщаемы купцами Восточной Индіи. По всей вѣроятности, Молуккскіе острова, изобилующіе пряными растеніями, прежде другихъ возбудили корыстолюбіе Индійскихъ купцовъ и получили отъ нихъ нѣкоторую образованность. Языкъ жителей сихъ острововъ, превосходствующій надъ языкомъ жителей острововъ сосѣдственныхъ, и письмена, даже и нынѣ носящія на себѣ нѣкоторый признакъ Санскритскаго происхожденія, показываютъ довольно ясно, что тамъ зажглась первая искра образованности. Вскорѣ островъ Целебесъ началъ также пользоваться симъ преимуществомъ, и быстро превзошелъ въ образованности ближніе острова. Начальники онаго, вспомоществуемые предпріимчивымъ духомъ подданныхъ и страстью ихъ къ мореплаванію, простерли свое вліяніе къ сѣве-

ру до Филиппинскихъ острововъ, а къ западу до Малаккскаго пролива. По преданіямъ, отъ одной изъ ихъ экспедицій произошло названіе *Малайцевъ*. Когда Савира Гедингъ, славнѣйшій воитель Целебесскій, говоритъ преданіе, простиралъ свои завоеванія на западъ, тогда, восходя съ флотомъ по одной изъ рѣкъ острова Сумашры, онъ былъ оставленъ нѣкоторыми изъ воиновъ своихъ. Они соединились съ шуземцами и основали во внутренности острова государство Менангкабу. Эти воины принадлежали къ самому низшему классу жителей, и Савира Гедингъ употреблялъ ихъ для доставленія на флотъ дровъ, почему и назвали ихъ *Малаіи*, отъ словъ: *Мала*, приносить, и, *Аіи*, дрова. Отъ сихъ-то бѣглецовъ, прибавляетъ преданіе, произошли Малайцы. Сходство между Целебесцами и Малайцами въ наружныхъ чертахъ, характерѣ, обычаяхъ, нарядѣ, и презрѣніе къ Малайцамъ, донынѣ сохранившееся въ жителяхъ Целебеса, кажется, подтверждаютъ сіе происхожденіе. Какъ-бы то ни было, но Малайцы, обитающіе на полуостровѣ Малаккѣ и островахъ Зондскихъ, такъ-же какъ жители острововъ: Целебеса, Борнео и Молукскихъ, должны быть почитаемы однимъ и тѣмъ-же народомъ, которой говоритъ однимъ языкомъ, и сохраняетъ народный характеръ и обычаи, хотя разбросанъ на обширномъ пространствѣ. Надобно замѣтить, что исключая государство Менангкабу, находящееся во внутренности острова Сумашры, Малайцевъ находятъ только на берегахъ различныхъ острововъ, нами упомянутыхъ. Внутреннія земли сихъ острововъ, и полуострова Малакки, на-

селены народами, совершенно отличными отъ Малайцевъ, говорящими инымъ языкомъ, употребляющими письмена, не похожія на Малайскія, и имѣющими свои собственныя установленія.

Во всѣхъ странахъ Малайскихъ, относительно богослуженія, установленія брака и наслѣдства, соблюдаются законы Курана, съ большею или меньшею правильностью, смотря по степени вліянія, какое имѣли тамъ Арабы, обратившіе Малайцевъ къ Исламизму. По всѣмъ другимъ предметамъ законодательства слѣдуютъ народнымъ уставамъ, составленнымъ въ разныя времена начальниками странъ Малайскихъ, и называемымъ *Ундангъ-Ундангъ*, что значитъ: установленіе. Каждая, нѣсколько пространная область, имѣетъ свой Ундангъ-Ундангъ; однако всѣ сіи уставы согласны въ главнѣйшихъ пунктахъ, и разность ихъ состоитъ только въ немногихъ, легкихъ измѣненіяхъ, сообразныхъ мѣстности. Нѣкоторые Ундангъ-Ундангъ почти исключительно говорятъ о предметахъ финансовыхъ и торговыхъ, какъ-то объ образованіи шаможенъ и постановленіяхъ касательно морскихъ пристаней; другіе, напротивъ, относятся къ важнѣйшимъ частямъ законодательства гражданскаго и уголовнаго; законы о невольничествѣ занимаютъ во всѣхъ значительное мѣсто.

Важнѣйшія области Малайскія, на восточномъ берегу острова Сумашры, суть: Сіакъ, Палембангъ, и Ахимъ. Законодательство сего послѣдняго королевства отличается чрезвычайною строгостью уголовныхъ законовъ, которые, вѣроятно, были

первоначально заимствованы у древнихъ шуземцевъ, но послѣ приняты всѣми Малайцами пролива Малакскаго, и можетъ быть внушили жителямъ кровавыя расположенія, замѣчаемыя въ ихъ нравахъ.

Главныя области Малайскія на полуостровѣ суть: къ западу Гуэда, Малакка, Хогоръ; къ востоку Трингано, Пашани и Пагангъ.

Малайцы полуострова вѣрнѣе нежели островитяне сохранили народный характеръ, нравы и обычаи. Обитая въ странѣ, гдѣ природа снабжаетъ ихъ безъ труда всѣмъ необходимымъ, они безпечны до крайней степени: какъ скоро у нихъ есть нѣсколько рису, для удовлетворенія голода, тогда ничто не можетъ принудить ихъ къ работѣ. Привыкши съ малолѣтства носить оружіе, видѣть собственную безопасность въ личной своей храбрости, и страшиться также одной храбрости, Малаецъ умѣетъ повелѣвать своими страстями и скрывать свои впечатлѣнія; но тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ малѣйшее оскорбленіе, помнитъ его, и если отлагаетъ на время свою месть, то никогда не отказывается отъ нея вовсе. Любя выше всего независимость самую неограниченную, онъ ненавидитъ правильныя формы образованныхъ обществъ, и если его хотятъ ограничить ими насильно, онъ бѣжитъ въ лѣса, и предпочитаетъ лишенія, трудности дикой жизни всѣмъ наслажденіямъ, которыя должно купить пожертвованіемъ свободы.

Вообще Малайцевъ укоряютъ въ предательствѣ, свирѣпыхъ нравахъ, страсти къ грабежу, и въ не-

насыщаемомъ корыстолюбіи; и все это не безъ основанія. Различныя причины способствовали къ укорененію между ними сихъ пороковъ: во-первыхъ междоусобія, коимъ часто подвергаются всѣ Малайскія области, потому что правители оныхъ не имѣютъ власти, достаточной къ поддержанію спокойствія, и потому что нѣтъ закона, которымъ руководствовались-бы въ порядкѣ наслѣдованія, что даетъ поводъ къ кровавымъ спорамъ при всякой перемѣнѣ правителя; во-вторыхъ, домашнее рабство, со всѣми своими пагубными слѣдствіями, какъ-то войнами, которыя безпрестанно происходятъ у различныхъ предводителей, единственно съ тою цѣлію, чтобы имѣть плѣнниковъ и продавать ихъ въ рабство; въ-третьихъ, недостаткѣ въ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ, общихъ всѣмъ областямъ Малайскимъ, и недостаткѣ въ торговыхъ установленіяхъ, предупреждающихъ произвольные поборы въ морскихъ пристаняхъ; наконецъ, привычка къ морскому грабежу.

Морской грабежъ не только не почитается у Малайцевъ преступленіемъ, но и находится еще въ славѣ, въ почести; это, по ихъ мнѣнію, самое приличное занятіе для сыновей начальниковъ, и для молодыхъ, благородныхъ людей; это средство къ обогащенію, употребляемое сими послѣдними. Начало зла относится къ временамъ отдаленнымъ: всѣ древнѣйшія пѣсни и преданія Малайцевъ прославляютъ морскихъ разбойниковъ и начальниковъ разбойническихъ экспедицій. Исламизмъ не только не истребилъ склонности Малайцевъ къ морскому

грабежу, но еще и укрѣпилъ ее, сдѣлавъ, такъ сказать, законною, ибо Шейхи и Сеіиды Арабскіе, распространяющіе на Востокѣ религію Магаммеда, прежде всего стараются внушать, что нѣтъ ничего столь праведнаго, какъ грабить и убивать невѣрныхъ; но, поелику главные народы восточнаго материка, какъ-то Сіамцы, Кишайцы, Кохинхинцы, и большая часть племенъ, населяющихъ острова восточные, не приняли Исламизма, то Малайцы всюду находятъ случай заниматься морскимъ грабительствомъ, не упрекая себя въ совѣсти. Они такъ привыкли къ этому занятію, что развѣ многочисленный и сильный флотъ заставитъ ихъ отказаться отъ онаго.

Съ каждымъ военноплѣннымъ обращаются Малайцы какъ съ рабомъ, и тотчасъ употребляютъ его къ домашнимъ занятіямъ, или велятъ ему беречь стада и обработывать землю. Но тутъ положеніе его еще не слишкомъ тягостно: оно становится гораздо хуже, когда господинъ продаетъ его купцамъ Арабскимъ, Кишайскимъ или Голландскимъ, что и дѣлаетъ онъ тотчасъ, какъ скоро даютъ ему порядочную цѣну. Морской разбой и судебные приговоры дѣятельно снабжаютъ рынки невольниками; первый потому, что люди съ купеческихъ кораблей, взятые разбойникомъ, всегда дѣлаются рабами, а вторые потому, что законъ наказываетъ потерею свободы многія преступленія и даже простую несостоятельность должника. Къ несчастію, высокая цѣна рабовъ сильно подстрекаетъ корыстолюбіе Малайскихъ начальниковъ, побуждая

ихъ всевозможно размножашь судебные приговоры и распри съ сосѣдями. Почти на всѣхъ купеческихъ корабляхъ Арабовъ служашъ невольники, и когда господа ихъ имѣютъ надобность въ матросахъ, то обыкновенно они похищаютъ людей, хитростью или силою, на тѣхъ островахъ, къ коимъ приставютъ для торговли или для покупки провизіи.

До введенія Исламизма на Востокѣ, Малайцы сдѣлали уже много успѣховъ въ образованности, и, какъ мы уже сказали, у нихъ были установленія, по видимому принадлежащія къ отдаленной древности. Сіи установленія имѣютъ болѣе сходства съ Индійскими уставами, чѣмъ съ законами Исламизма, и Малайцы, даже принявшіе религію Магомеда, крѣпко привержены къ онымъ. Отъ сего происходитъ всегда упорная борьба, между приверженцами къ древнимъ Малайскимъ установленіямъ, и Гаджами и Шеихами, которые желали-бы совершенно истребить оныя и замѣнить обычаями Мусульманскими. Вообще, Магомедово ученіе не пустило глубокихъ корней на островахъ Востока. Во внутренности земель почти исключительно господствуетъ идолопоклонство; только на берегахъ есть Мусульмане, но и тѣ, находясь въ частыхъ сношеніяхъ, или съ Китайцами, которыхъ множество въ окрестности, или съ Европейцами, показываютъ гораздо меньше нетерпимости, чѣмъ Мусульмане Арабскіе, Турецкіе или Персидскіе, и не очень величаются строгимъ исполненіемъ обрядовъ, предписываемыхъ Кораномъ.

Баттасы.

Сей народъ обитаетъ на островѣ Сумапрѣ, занимая довольно большое пространство земли, ограниченное къ сѣверу Королевствомъ Ахинскимъ, къ югу Королевствомъ Менангкабу, къ востоку и западу моремъ. Въ округахъ прибрежныхъ почти нѣтъ жителей, но во внутренности сплошныя деревни, и все народонаселеніе простирается до двухъ милліоновъ душъ. У Баттасовъ есть правильный образъ правленія и народныя собранія, гдѣ важную роль играетъ краснорѣчіе. Баттасы храбры, гостепріимны, чрезвычайно откровенны и прямодушны въ дѣлахъ. Языкъ и письмена ихъ, такъ-же какъ законы и обычаи, кажется, имѣютъ признаки Индійскаго происхожденія; не льзя сказать того-же о ихъ религіи. Они признаютъ Всевышняго Бога и поклоняются ему, называя его Дибата Асси Асси, обожая три низшія существа, созданныя имъ, и называемыя: Башара Гуру, Сири Пада и Мангала Булень. Народъ сей, какъ видимъ, довольно образованный, ибо у него письмо и чтеніе въ общемъ употребленіи, народъ сей — человѣкоядцы! Это показалось-бы невѣроятно, если-бы не было рѣшительно утверждено свидѣтельствомъ Сира Томаса Реффлеса, который посѣтилъ страну Баттасовъ, объѣзжая островъ Сумапру, и былъ тамъ принятъ дружески. Начальники народа сказывали Сиру Томасу, что сообщники ихъ ѣдятъ мясо человѣческое не изъ склонности, и не

отъ звѣрства нравовъ, но единственно исполняя законы и установленія своихъ предковъ, и стараясь не удалиться отъ древнихъ обычаевъ. Законъ даетъ имъ право ѣсть непріятелей, убитыхъ въ сраженіи и взятыхъ въ плѣнъ. Онъ также осуждаетъ нѣкоторыхъ преступниковъ быть съѣденными за-живо. Преступленія, за которыя изрекаютъ сей приговоръ, суть: нарушеніе супружеской вѣрности, ночная кража, и бракъ Баттаса съ женщиною одного и того-же поколѣнія, почитаемый кровосмѣшеніемъ. Въ этихъ различныхъ случаяхъ, обвиняемый судится своимъ поколѣніемъ. Если признаютъ его виновнымъ, то начальники, помѣшкавъ дни два или три, приглашаютъ народъ какъ-бы на празднество. Обвиненный выводится на публичную площадь и привязывается къ столбу. По данному знаку, обвинитель прежде всѣхъ подходитъ къ нему и отрѣзываетъ ему уши; за нимъ слѣдуютъ другіе, съ ножами; каждый отрѣзываетъ у несчастнаго какую нибудь часть тѣла, и на мѣстѣ съѣдаетъ ее. Въ заключеніе, когда уже все сожрано, начальникъ отрѣзываетъ голову осужденнаго и съ торжествомъ уноситъ ее, тщательно сохраняя изъ сей головы мозгъ, которому приписываютъ чудесную силу. Женщины исключены изъ этого ужаснаго празднества, потому что право ѣсть мясо человѣческое принадлежитъ однимъ мужчинамъ. Хотя сіи послѣдніе предпочитаютъ его всякой другой пищѣ, но ѣдятъ только въ случаяхъ, предписанныхъ закономъ. Впрочемъ, какова-бы ни была причина осужденія, но обиженная сторона всегда имѣетъ власть спасти виновнаго отъ страшнаго наказанія и да-

ровашь ему жизнь: въ семъ случаѣ онъ дѣлается рабомъ обвинителя. Сиръ Томасъ Стамфордъ справлялся, часто-ли случаются сіи казни; ему отвѣчали, что въ Таппанули, главномъ мѣстѣ государства, бываетъ оныхъ отъ пятидесяти до шестидесяти въ годъ. По великому числу череповъ, виднныхъ имъ передъ домами, въ деревняхъ, черезъ которыя привелось ему проѣзжать, онъ заключаетъ, что казни сіи должны совершаться часто, во всей странѣ Баттасовъ, развѣ за исключеніемъ мѣстъ, находящихся въ сосѣдствѣ Европейскихъ колоній. Начальники поколѣній Баттасовъ неохотно отвѣчали Сиру Томасу на вопросы о подобныхъ предметахъ, и онъ увѣрился, что они почти стыдятся сами своего варварскаго закона. Въ самомъ дѣлѣ, законъ сей рѣзко противорѣчитъ ихъ нравамъ, тихимъ и кротким.

У Баттасовъ есть нѣчто въ родѣ духовнаго начальника: онъ называется Са Синга Мага Раджа, и живетъ въ Бакарѣ. Ему должно наблюдать нѣкоторую воздержность, напримѣръ не ѣсть свинаго мяса и не пить *туаги*, крѣпкаго напитка, весьма любимаго Баттасами. Хотя онъ и не окруженъ большимъ великолѣпіемъ, однако его уважаютъ за сверхъестественную, приписываемую ему силу. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ народъ обращается къ нему и проситъ его заступленія.

Островъ Пуло Ніасъ.

Онъ находится къ западу отъ Сумашры, подъ первымъ градусомъ сѣверной широты, и подъ 95°

восточной долготы отъ Парижскаго меридіана. Почва его чрезвычайно плодоносна; холмы покрыты лѣсами кокосовыхъ и другихъ, прекраснѣйшихъ деревьевъ; въ долинахъ родится рисъ, картофель, ямъ, перецъ и кофе.

Рису, масла, кокосовыхъ орѣховъ и перцу вывозится съ сего острова въ годъ почти на 45,000 рупій; продажа невольниковъ ежегодно доставляетъ около 70-ти или 80,000 рупій. Въ сѣверной части острова торговля находится въ рукахъ Малайцевъ и купцовъ Акинскихъ, заведшихъ поселенія при гаваняхъ острова. Особенно Малайцы умѣли заслужить довѣренность туземныхъ начальниковъ, которые не хотятъ и дѣла имѣть съ чужеземными купцами иначе, какъ черезъ ихъ посредство. На югѣ острова жители сами торгуютъ съ кораблями, приходящими въ ихъ гавани.

Домы на Пуло Ніасѣ деревянные и по наружности хороши; деревни достойны вниманія по своей чистотѣ: онѣ находятся на высотахъ и сообщаются между собою по дорогамъ, обсаженнымъ деревьями. Въ каждой деревнѣ есть двѣ общественныя бани: одна для мужчинъ, другая для женщинъ. Оружія, употребляемыя жителями, и щиты, въ которыя они одѣты, приготовляются на самомъ островѣ, и степень ихъ совершенства показываетъ довольно высокое процвѣтаніе фабрикъ.

Жители Пуло Ніаса высоки ростомъ, красивы и стройны. Они дѣятельнѣе и сильнѣе нежели большая часть тропическихъ народовъ; характеромъ откровенны; жадны къ корысти, но тщательно

соблюдаютъ свои обязательства и не знаютъ страсти къ игрѣ, столь общей между жителями восточныхъ острововъ. Государство ихъ раздѣлено на множество округовъ и поколѣній, коихъ начальники, независимые одни отъ другихъ, часто бываютъ въ войнѣ. Сіи начальники обладаютъ властію почти безграничною и почитаются владѣльцами земли. Законы у нихъ строги: убійство, непозволенное обращеніе съ женщинами и кража наказываются смертію, или невольничествомъ для всего семейства преступника; всѣ другія преступленія имѣютъ возмездіемъ простую пеню.

Торговля рабами есть истинная пагуба для острова Пуло Ніаса: ихъ вывозятъ отсюда ежегодно около тысячи пяти сотъ, и по большей части покупаютъ ихъ купцы Китайскіе и Ахимскіе. Упомянутыя нами осужденія, и право кредиторовъ продавать несостоятельныхъ должниковъ, доставляютъ много невольниковъ; но требованіе тѣмъ не удовлетворяется, и потому (въ чемъ сознаются сами Раджи, или начальники) большая часть вывозимыхъ невольниковъ бываютъ лишены свободы совершенно беззаконно. Корысть и просьбы купцовъ заставляютъ Раджей употреблять всѣ возможные обманы, хитрости, и часто даже насиліе, для доставленія себѣ невольниковъ и удовлетворенія своего корыстолюбія.

Когда купецъ проситъ у Раджи довольно большое число невольниковъ, за долги, сдѣланные жителями округа, то ему обыкновенно отвѣчаютъ: «Теперь нѣтъ невольниковъ, но если подождешь нѣ-

сколько дней, по сотню дамъ.» Послѣ этого, начальникъ немедленно посылаетъ къ Раджамъ внутреннихъ земель, и вскорѣ къ нему приводятъ назначенное число невольниковъ. Вѣроятно, Раджи внутреннихъ земель достаютъ ихъ, гоняясь за ними, какъ за дикими звѣрьми. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что прибытіе кораблей купеческихъ къ Пуло Ніасу, служитъ знакомъ къ грабежу и насилію внутри острова.

Жители Пуло Ніаса не много знаютъ идей религіозныхъ. Впрочемъ, они вѣрятъ Всевышнему Существу, называя его Сумбанъ Киштъ, или властитель неба; но понятія ихъ о немъ чрезвычайно сбивчивы. Въ домахъ у нихъ есть деревянные идолы, родъ Ларъ, отъ коихъ ждутъ они какого-то покровительства, но не обожаютъ ихъ. Они также вѣрятъ волшебству и чарамъ. Когда надобно утвердить договоръ или обѣщаніе торжественною клятвою, они отрѣзываютъ голову у свиньи, и просятъ у неба такой-же смерти тому, кто измѣнитъ данному слову. Замѣчательно, что религіозныя вѣрованія жителей Пуло Ніаса имѣютъ мало общаго съ вѣрованіями, вообще господствующими на Востокѣ. Изъ этого было-бы можно заключить, что островъ сей съ ранней поры былъ лишенъ сообщенія съ материкомъ, и что по своему положенію онъ уклонился отъ вліянія религій, въ разныя времена господствовавшихъ въ Индіи. Исламизмъ внесенъ туда уже очень поздно; да онъ и не сдѣлалъ много проселитовъ. Европейцы никогда не покушались основать поселенія на этомъ остро-

вѣ. Онъ часто подвергается вторженіямъ морскихъ разбойниковъ; онъ испытываетъ всѣ бѣдствія, слѣдующія неотступно за торгомъ невольниками; однакожь онъ находится на такой степени процвѣтанія, которая даетъ высокое понятіе о дѣятельности и промышленности жителей.

Островъ Целебесъ.

Главныя орды на островѣ Целебесѣ, суть Макасары и Буджи. Они храбрѣе, предпріимчивѣе всѣхъ другихъ народовъ Восточныхъ, и столь славны своею вѣрностью, что владѣтели Сіама, Камбоджіи, и прочихъ государствъ, нанимаютъ ихъ цѣлыми отрядами въ тѣлохранители себѣ.

Извѣстно, что на всемъ Востокѣ, единственный образъ правленія есть деспотизмъ единовластный. Но въ нѣкоторыхъ частяхъ острова Целебеса встрѣчается и совершенно другой видъ правленія: это избирательная монархія, которая ограничена наслѣдственною аристократіею. Въ этихъ государствахъ предоставлено Совѣту, болѣе или менѣе многочисленному, и составленному изъ избранныхъ членовъ старшихъ фамилій, назначать Короля, однакожь съ тѣмъ условіемъ, чтобы Король непремѣнно принадлежалъ къ семейству Королевскому. Тотъ-же Совѣтъ завѣдываетъ финансами и назначаетъ перваго Министра; онъ имѣетъ право даже отнять у Короля его корону. Безъ согласія Совѣта, Король не можетъ принять никакой важной мѣры. Должности высшаго народоправителя и главнокомандующаго арміею тамъ существовать не

могутъ вмѣстѣ; но если Король, въ военное время пожелаетъ самъ предводительствовать войсками, то ему позволяютъ отречься на время отъ престола, и на мѣсто его назначаютъ Регента, который, вмѣстѣ съ Совѣтомъ, управляетъ государственными дѣлами. По окончаніи войны, Король слагаетъ съ себя предводительство арміею, и снова восходитъ на престолъ. Довольно странный обычай, что женщины и малолѣтные могутъ быть возводимы въ высшія достоинства государственныя: тогда Верховный Совѣтъ назначаетъ къ нимъ попечителя или помощника, который и правитъ должностями, принадлежащими имъ по названію. Начальники областей назначаются Королемъ; ихъ власть ограничена Совѣтомъ, раздѣляющимъ съ ними обязанности управленія.

По всей вѣроятности, прежде говорили на островѣ Целебесѣ однимъ языкомъ; но вслѣдствіе политическихъ переворотовъ, соперничествующія государства, Гоа и Бони, сдѣлались главными на островѣ, и отъ сего установились два различныя нарѣчія. Макассарское, которымъ говорятъ въ Королевствѣ Гоа, чрезвычайно нѣжно, хотя и не такъ богато, какъ нарѣчіе Буджи, употребляемое въ областяхъ Королевства Бони. Письмена въ обоихъ нарѣчіяхъ почти одинаковы. Въ Макассарскомъ согласныхъ болѣе нежели въ нарѣчіи Буджи; въ обоихъ прибавляютъ къ словамъ, кончащимся на согласную, букву *а*, или *о*, дабы смягчить произношеніе.

И на языкѣ Буджи, и на Макассарскомъ есть много сочиненій: это или краткія Исторіи различ-

ныхъ государствъ острова Целебеса, со времени введенія Исламизма, что совершилось въ шестнадцатомъ столѣтіи; или *Галигасы*, какъ называются собранія древнихъ преданій; или пѣсни и поэтическія произведенія, прославляющія любовь, войну и охоту. Есть также истолкованіе Курана, и много сочиненій, переведенныхъ съ Яванскаго и Китайскаго языковъ.

Свѣдѣнія сіи находятся въ перепискѣ Сира Томаса Реффлеса. Они чрезвычайно замѣчательны своею новостью, и еще тѣмъ, что достовѣрны въ высокой степени, ибо не много людей имѣли столь удобные случаи наблюдать предметы, описываемые Сиромъ Томасомъ, и, еще сверхъ того, немногіе имѣли его просвѣщенный умъ и взглядъ. Въ заключеніе, представляемъ сдѣланное имъ описаніе знаменитаго дерева *Богонъ-Упасъ*.

«Дерево, доставляющее славный ядъ *Упасъ*, растетъ въ округѣ, находящемся на восточной оконечности острова *Явы*. Оно принадлежитъ къ классу Линнеевыхъ Монаесіа. Это одно изъ величайшихъ деревъ, растущихъ въ лѣсахъ острова Явы: стволъ его возвышается на шестьдесятъ и даже на восемьдесятъ футовъ; вокругъ его нѣтъ вѣтвей. Оно покрыто бѣловатою корою, которая подлѣ почвы имѣетъ болѣе дюйма толщины. Когда кору надрѣзатъ, то изъ надрѣза вытекаетъ большое количество соку, похожаго на молоко: изъ него-то приготовляютъ ядъ Упасъ. Приготовленіе яду есть

шайна, извѣстная только жителямъ того округа, гдѣ растетъ сіе дерево; изъ внутренней кожицы молодыхъ деревъ сего рода дѣлаютъ шкань, обыкновенно носимую бѣдными людьми. Одежда изъ такой шкани невыгодна, ибо если ее намочитъ дождь, то она производитъ жестокій свербежъ. Когда срубаютъ старое дерево, тогъ что изъ него вдругъ выходитъ много соку, то оно дѣлаетъ окружающую атмосферу вредоносною: приближающіеся къ ней получаютъ сыпь, впрочемъ не столько опасную, сколько непріятную. Исключая сей случай, къ Богонъ-Упасу можно приближаться, и даже взлѣзать на него, безъ всякой опасности. Несправедливо, будто оно умерщвляетъ всѣ окружающія прозябаемыя. Оно бываетъ окружено травою и растеніями, такъ-же какъ и всякое дерево. Ядъ, приготовляемый изъ Богонъ-Упаса, причиняетъ неминуемо смерть.

УСТАВЪ КАЗИМІРА,

Короля Польскаго (*).

Казиміръ Божію милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскый и Русскій, Княже Пруское и Жомонтоскый и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ. Это какъ посмотритъ или чтучи услышитъ. Ижь мы съ Князьми и съ Паны Рады нашего Велыкаго Князьства Литовьскаго и съ всимъ поспольствомъ согадавши оуряділи семо такъ што слицомъ прівѣдутъ татя: Будетли чимъ платити ино заплатити истинну. Пакли чого оу домоу не будетъ. А будетли то жона вѣдала здѣтми оужо и зрослими жоною и дѣтми заплатити самаго нашибѣніцю. А што боудутъ малыи дѣти ниже семи годовъ тыи (sic.) втомъ невінно. Пакли злодѣй неимѣти будѣтъ чимъ платити ино и ліца оу дворъ не имать. Воротиті истецю оу кого оукрадѣно. И просокы по-

(*) Списанный однимъ изъ знатоковъ древностей Русскихъ и Польскихъ, и важный для Исторіи нашей Юриспруденціи. Мы за долгъ почитаемъ благодарить почтенную особу, доставившую сей любопытный актъ для помѣщенія въ Телеграфѣ. *Изд.*

ловіну вергнути а злодѣа на обѣшеніе, а просока по старому. А вкого будетъ украдѣно што судьи прісудятъ. Ино право заплатити истьцю а потомъ исподарь тати тою віну свою бери, а колі выдадутъ жоноу любо дѣти татіный. А оу колцѣ судьи скажютъ, а потомъ возможтъ ли ся вину піті а любо Осподарь ихъ усхочетъ выкупіті и они могутъ ея выкупити. А боудетъ ли того дому старыхъ татя того и онъ домовыми статны плати. Олидобы не было чимъ платити здому ино жоною и дѣтми платити какъ у верхоу пісано. А коли бы злодѣи што оу кого оукравъ, а и гдѣ украдено, тамъ его оухватятъ сліцомъ о онъ удомъ не прінилъ, жона и дѣти того не пожівали, злодѣй терпи а жона и дѣти и домъ ихъ невіненъ. А коли злодѣй издому оукрадетъ што и потѣряетъ а либо што известъ, о кромѣ жоны и дѣтей, или домовыми статкы, што того татя влосное заплатити, а жона и дѣти и статкы женъки отъ того порожни. А коли человѣкъ оузлодѣйствъ оупадетъ, а будетъ сподарь его тое вѣдалъ, а любо и снимъ оудѣлъ имѣлъ, а боудѣтъ на то доводъ и тотъ такъ терпитъ какъ который злодѣй. А которы боудетъ лежні держаті оу своемъ дому тайно, а сусѣдно околніци не оповѣдастъ, а втомъ часоу што оу кого изгинетъ, а боудетъ на то давать аже лежьни дряжалъ: ино дати томоу ранъ другимъ и третии, ижбы того лежня поставілъ а ихъ себѣ извѣлъ. А пакли на ранъ на послѣдниии не поставилъ, заплатитъ, а того ищи, а нашодъ и праву поставити, недѣи исправляется, а то оуже заплачено. А коли бы нашъ человѣкъ а виноу далъ Князькому, или Паньскому или Бояр-

скому чоловѣку, а въ которомъ повѣше надь нашимъ ли намѣстничествомъ, или Тивуньствомъ, и нашему Намѣстнику, а любо Тивоуноу обослаши ижбы нашему человѣку сталися право, а пакли оусхочетъ на обши слѣдъ ино имъ на обши судъ пустишъ и ранъ даши. А боудешли на нашомъ человѣцѣ, Князькый или Паньскый или Боярскый людзи чого искаши ино тому соудъ а право предъ нашими намѣстнікы и тивоуны, который ошъ насъ гдѣ дрожашъ. А нашимъ оурядніком даши право на обѣ стороны. А которому человѣку Князькому или Паньскому или Боярьскому до Князькыхъ и до Паньскыхъ или до Боярскыхъ людей дѣло ино эшо ищетъ на комъ. Ѣхаши ему искаши правомъ предъ Осподаремъ его, а не оудѣлаетъ ли права ино обчии судъ ранъ положівъ со обоу сторонъ, а вожды оудѣлаши и справедливости. Пакли будетъ нѣкоторыи отводиши, ино намъ даши децькою, а коли злодѣя выдадушъ исправа, а чимъ его оузымятъ казниши по его дѣломъ. А кому шапя выдадюшъ, а шопъ не оусхочетъ его казниши, а оусхочетъ на немъ заплашоу побраши а его пусшиши, а любо его собѣ вневолю вѣзаши, а на то будетъ доводъ, шо шоуже исправя выступаетъ и намъ и спаны радою нашею. Великаго Князьсшва Лишовскаго, о шомъ погадавъ какъ его казниши, а исказниші его чого будетъ досшоинъ, а надъ злодѣемъ милосши не надобѣ. А хшо оукрадешъ выше полукопья, а любо каровоу шого оузвѣчиши. А который пѣрвое оукрадѣшъ, а дошуля будетъ некрадывалъ, ино за первую шапьбу віною его казниши, аже будетъ ниже полшины, домовыи рѣчи кралъ, домовымижъ рѣчьми плашвши, хошя

пань пѣрвѣе оукралъ, ано его обѣсити. А который хотя первое оукралъ, а паньская тотьба коня оукралъ слицомъ привѣдоутъ того узвѣсити. А коли татя привдутъ и на кого сонъ усочитъ, а домоучатся татьбы, а боудетъ перво того крадывалъ и кому плачивалъ, а околица та будетъ вѣдать и безліца обѣсити. А пакли сонъ усочитъ на того а лица не будетъ, а пѣрво будетъ, оукралъ. И околица будетъ первое его злодѣйство вѣдати, а будетъ нікому не плачивалъ, ино платити ему татбоу истьцю и віину. А смертною виною не казнити коли тать дасться на муку зеліе злое а знатникы будутъ добрыи на него, сонъ усочитъ, а будетъ пѣрвѣе и того крадывалъ, а либо мучивалъ, а исвѣдомо то околици, ино того зелейніка хотя не домучатся, ино его обѣсити. А коли если паробъки оукрадутъ што оукого. А какъ оусемъ листу верху пісано, какъ за которую татьбу казнити, коли первое украдѣтъ ино его не вѣшати и заплатити бондою его, а не будетъ бонды, ино Осподарь за него заплатитъ, а паробка сказнити и пробити, а коли имѣлъ часто красти послѣ того выше полукопья, ино его оузвѣсити. А такожъ кому будетъ до кого какое дѣло боудетъ земно дѣло ино ѣзданы побрати. А боудоутъ иныи которыи дѣла, ино судьи побрати, а искати правомъ а порубовъ и наездовъ не надобѣ никому же чинити. А которыи бы сами собѣ порубы дѣлали, а либо наезды и чинили, ино комоу сталася кривда тотъ имаетъ ся намъ жаловати. И пакли не пригодится насъ у Велікомъ Князьствѣ Літвьскомъ, и онъ имаетъ паномъ радѣ нашой жаловати. И велети предъ

собою моцно поставить. А и досмотрѣть боудѣтли то того чинимъ. А оусадити его оуказнь и держати до нашего исчастнаго приеханія бо тотъ исправа земьского. А надъ права сягнулъ какъ верху писано, мы пань саемъ ся съ паны радою нашою Великого Князьства Литовскаго смотримъ того, какою казнью того казнити. А коли бы два мѣлися правовать а озьмоуть собѣ ѣздокы и соуди, ино оучинити имъ ронъ, а дати вѣдомо за чотыри недѣли, штобы ся оба два згатовили атомоу рану передъ тыи судьи, судьямъ и ѣздокомъ тамъ выѣхати на реченое мѣстеце. А которыи бы изъ двоу тыхъ сутяжаевъ, не выѣхалъ тотъ безъ суда виноватъ, а которыи выѣхалъ того оправити втомъ чого будетъ искати. И ажъ коли пригодилася бы наша земьская слоужба, а либо болѣсть тымъ того неистратить. А коли бы хто коня а любо клячю знатолъ блоудящюю, или иныи которыи речи изнайденыи, сповѣдати околици неизнайдетъ лица истецъ до 3-хъ дновъ ино повѣсти на Королевскый Дворъ но давномоу до пѣреемь свой возми. А пакли которыи утаить восхочетъ собѣ покорыстовать а боудетъ на то доводъ, тотъ такый злодѣй какъ который будетъ люди выводити, а любо челядь невольнюю, а уватятъ сліцомъ, того нашибѣніцю, а изнайдетъли сонъ, ино томоу право, какъ у семъ листу верху писано потому его судити. А такожъ гдѣ которыи мосты мощівали, за дядю нашаго Великаго Князя Витовта и за Великаго Князя Жинимонта, ту бы и нінѣ каждыи свои мостоници замостили и задѣлали какъ надобѣ, а штобы не мѣшкали сегожъ лѣта удѣлали. А на чьей дѣлніцы

щекопа ея станешъ, образишь ногу изломишь, шоноу плашишь. А пакли которыи незадѣлаютъ своихъ дѣльницъ сего лѣта, а исплошишъ шошъ исправа высшупилъ, на шомъ намъ віны десять рублевъ. Прошожъ како у семъ нашомъ лѣсшу выпісано, по шому бы есше лѣсшу рядили.

А исшого не высшупали (*).

(*) Выписано изъ находящейся въ Румянцовскомъ Музеѣ *Кормчей книги* (№ 3, въ концѣ. Въ сей-же Кормчей находится и хорошій списокъ *Устава о судахъ церковныхъ*). Не это-ли узаконеніе называетъ Г-нъ Востоковъ (*Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ*, въ ч. XVII *Трудовъ Общества Любит. Росс. Словесн.*, стр. 48 и сл.) Судебникомъ Казиміра (IV), Короля Польскаго, принадлежащимъ Графу Н. П. Румянцову? Но Г-нъ В. приводитъ изъ Судебника нѣкоторыя слова, коихъ здѣсь нѣтъ, какъ то: *Судебникъ, Судомиръ*.

СМѢСЬ.

Объ изданіи новыхъ книгъ. — Мы получили извѣстія, что въ скоромъ времени будутъ изданы на Русскомъ языкѣ слѣдующія любопытныя книги:

1-е. *Серапіоновы братья*, сочиненіе Гоффмана. Одинъ молодой Русскій ученый, живущій по дѣламъ службы въ Ревелѣ, перевелъ сію книгу, которая теперь или печатается, или очень скоро поступитъ въ печать. Онъ прислалъ намъ отрывки изъ своего перевода: читатели наши увидятъ ихъ въ слѣдующихъ книжкахъ Телеграфа, и безъ нашего предупрежденія увѣрятся, что Русскій переводъ очень хорошъ. Появленіе одного изъ лучшихъ сочиненій Гоффмана, во всей самобытной красѣ онаго, будетъ истиннымъ праздникомъ для читающей публики Русской, ибо изъ Французскаго перевода она не можетъ получить полнаго, вѣрнаго понятія о неподражаемомъ Гоффманѣ. Лёвъ-Веймаръ, Французскій переводчикъ, при всемъ искуствѣ своемъ, не такъ передавалъ Гоффмана, какъ-бы надлежало. Въ доказательство упомянемъ, что переведя изъ самой Serapions-Brüder, нѣсколько повѣстей, онъ оставилъ безъ перевода большую половину книги, кажется,

не имѣя для этого причины. Онъ выкинулъ изъ ней разсказъ, связывающій повѣсти, и смѣшалъ переведенное съ отрывками изъ другихъ сочиненій Гоффмана; сверхъ того, изъ самыхъ повѣстей, нѣкоторыя онъ оставилъ, а изъ другихъ выпустилъ не только цѣлыя страницы, но и цѣлые эпизоды. Не по такому плану трудился Русскій Переводчикъ. Онъ перевелъ всю книгу, вполнѣ, какъ она есть. Такихъ-то переводовъ и желаемъ мы, ибо настало время изучать геніяльныхъ писателей не поверхностно. Книга сія будетъ любопытна не для однихъ незнакомыхъ съ Нѣмецкимъ языкомъ, но и для тѣхъ, кто читалъ ее въ подлинникѣ, и кто желаетъ чувствовать на родномъ языкѣ тѣ идеи, тѣ образы, которые плѣняли его въ чужомъ мірѣ.

2-е. *О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи*, сочиненіе П. И. Кеппена.

Мы получили отъ почтеннаго Автора слѣдующее увѣдомленіе о новомъ, важномъ трудѣ его:

«Книга сія поступила въ печать. Посвятивъ нѣсколько лѣтъ сочиненію оной, я успѣлъ воспользоваться матеріялами, доступными не для каждаго изъ нашихъ писателей. Кромѣ оффиціяльныхъ свѣдѣній, и рукописныхъ, уцѣлѣвшихъ для насъ документовъ, я изложилъ по сему предмету все, что могъ обрѣсти какъ въ отечественной Исторіи, такъ и въ иностранныхъ сочиненіяхъ, всѣ извѣстія объ употребленіи вина, о торговлѣ онымъ и о мѣрахъ къ разведенію винограда съ древнихъ временъ понынѣ. Надѣясь, что любители отечественной

Исторіи и Статистики не откажутъ мнѣ въ справедливой и снисходительной оцѣнкѣ сего труда, я имѣю честь увѣдомить ихъ, что книга сія будетъ содержать въ себѣ, по исчисленію типографщика, отъ 20-ти до 22-хъ печатныхъ листовъ. Типографія обѣщается довершить печатаніе сего сочиненія въ Августѣ мѣсяцѣ сего года.»

Вмѣстѣ съ симъ Авторъ прислалъ намъ обозрѣніе предметовъ, вошедшихъ въ составъ его книги. Выписываемъ изъ онаго нѣкоторыя статьи, желая болѣе познакомить читателей нашихъ съ новымъ трудомъ Г-на Кеппена: Отдѣленіе I. Похвалы винограду и вину, встрѣчаемыя въ Русскихъ лѣтописяхъ и народныхъ пѣсняхъ. — Первыя извѣстія объ употребленіи винъ въ Россіи. — О древней торговлѣ винами. — Вина церковныя; вина Французскія. — О поддѣлкѣ винъ. — Нынѣшнее состояніе виноторговли въ Россіи. — О разведеніи винограда въ Астрахани. — Попеченія Петра о виноградіи. — Садовая Контора въ Астрахани. — Извѣстія путешествовавшихъ Академиковъ о виноградникахъ въ Россіи. — Учрежденіе казенныхъ училищъ виноградія. — Усовершенствованіе виноградія въ Крыму. — О количествѣ вина, выдѣлываемаго въ Россійской Имперіи. — О сортахъ винограда, разведенныхъ въ Крыму, въ Астрахани, въ Кизлярѣ, въ землѣ Войска Донскаго, въ Югозападной Россіи. — О мѣстахъ, способныхъ для разведенія винограда и для виноградія въ Россіи. — Исчисленіе нѣкоторыхъ средствъ къ распространенію и улучшенію въ Россіи виноградія, и проч. и проч.

Мы выписали означеніе весьма немногихъ статей книги Г-на Кеппена; но изъ немногихъ указаній видно уже, что сочиненіе сіе будетъ полезно и важно, какъ для хозяевъ, такъ для Статистиковъ и даже для занимающихся Исторіею.

Подписка на книгу Г-на Кеппена принимается: *въ С. Петербургѣ* у А. Ф. Смирдина, въ книжномъ его магазинѣ; *въ Москвѣ* у А. С. Ширяева, и въ Конторѣ Московскаго Телеграфа. Цѣна *шесть рублей ассиг.* за экземпляръ.

Во Французскихъ Журналахъ объявляютъ, что вскорѣ будутъ изданы, книгопродавцемъ Госселеномъ, любопытныя книги: *Исторія Великобританіи*, сочиненная В. Скоттомъ, Дж. Мекинтошемъ и Т. Муромъ, въ переводѣ Г-на Дефоконпре; романы *Стелло*, сочиненіе Альфреда де Виньи, *Литтературная жизнь*, сочиненіе Жанена, и еще много другихъ, возбуждающихъ пріятныя надежды произведеній современныхъ писателей. Вообще нынѣшній годъ у Французовъ богатъ литтературными явленіями. — Для насъ Рускихъ интересно, что Госселенъ, между прочимъ, обѣщаетъ издать *Петра Выжигина*, въ переводѣ Г-на Ферри де Пиньи, и — кто-бы думалъ? *Князя Курбскаго*, сочиненіе Б. М. Ѳедорова, переведенное имъ-же! Ясно напечатано въ объявленіи: Le Prince Courbsky, par Fedoroff, 4 vol. — Мы, Рускіе, имѣемъ еще самое неясное понятіе объ этомъ романѣ, и даже не знаемъ, на-

писанъ-ли онъ, а Французы объявляютъ его уже въ переводѣ!

— *О церковномъ пѣніи въ Симоновомъ Монастырѣ.*— Во многихъ мужскихъ монастыряхъ Греко-Россійской Церкви, пѣніе имѣетъ свой особенный характеръ, истинно сообразный священнымъ обитѣлямъ отшельниковъ. Но Московскій Симоновъ Монастырь предсставляетъ рѣдкое явленіе въ семъ родѣ. Попеченіями одного изъ братьевъ знаменитой обители Симоновской (уваженіе къ высокой скромности не дозволяетъ намъ наименовать сего необыкновеннаго человѣка), тамъ составленъ хоръ, коего пѣніе возвышаетъ душу и переноситъ слушающаго въ какой-то неземной, священный міръ. Голосовъ не много; но гармонія ихъ такъ услади-тельна, характеръ ихъ пѣнія такъ соотвѣтственъ священнымъ словамъ, возглашаемымъ во время священнослуженія, что, кажется, искусство не много можетъ идти далѣе. Это привлекаетъ въ каждый праздникъ, и особенно въ дни достопамятныхъ служеній (какъ-то на Страстной недѣлѣ, во время Пасхи, и проч.), безчисленное множество благоговѣйныхъ слушателей. Ни отдаленіе, ни погода неблагопріятная не удерживаютъ жителей Москвы отъ посѣщенія Симоновскаго Монастыря: тамошній храмъ всегда полонъ усердныхъ молельщиковъ, ибо превосходное пѣніе братьевъ располагаетъ душу къ мольбѣ истинно благоговѣйной, и къ забвенію всего мірскаго. Кто не имѣлъ еще наслажденія слышать Симоновскихъ пѣвчихъ, тому совѣтуемъ отправиться туда при первомъ случаѣ. Высокій

Покровитель всего прекраснаго, Государь Императоръ, въ бытность Свою въ Москвѣ прошедшею осенью, удостоилъ слушать пѣніе братіи Симонова Монастыря, и приказалъ изъявить имъ Свое Высочайшее благоволѣніе.

Извѣстіе изъ Тобольска.

Пишутъ изъ Тобольска, что тамъ ожидаютъ скораго полученія полуприбора метеорологическихъ инструментовъ, заранѣе гордясь надеждою, что тамошняя атмосфера, столько тысячъ лѣтъ дичавшая безъ ученой отчетности, будетъ введена въ общую табель наблюдательной науки. Сею услугою г. Тобольскъ будетъ одолженъ просвѣщенной заботливости Г-на Генералъ-Губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова, который тотчасъ, какъ было ему доложено о начавшейся продажѣ вѣрныхъ инструментовъ изъ инструментальной палаты Академіи Наукъ, поспѣшилъ выпискою ихъ, дабы положить начало неоспоримымъ наблюденіямъ. Столь же пріятно упомянуть при семъ случаѣ, что, уже нѣсколько лѣтъ, Тобольскіе любители чтенія пользуются важными книгами изъ библіотеки сего-же достопочтеннаго главнаго Начальника и соревнователя просвѣщенія. Иные изъ Русскихъ представляютъ Сибирь по странною невоздѣланною, наравнѣ съ Березовымъ или Обдорскомъ, по страною неосмотрѣнною — пускай ихъ представляютъ! Но мы

(Сибиряки) честь имѣемъ удостовѣрить, что площадь Тобольской губерніи, въ настоящее управленіе, снята топографически, въ уѣздахъ: Тюменскомъ, Ялуторовскомъ, Курганскомъ, Ишимскомъ, Тарскомъ и частію Тобольскомъ, подобно какъ на всемъ пространствѣ Омской Области, и снята съ точностію и искуствомъ. Нынѣшнею весною (1832 г.) началась военно-топографическая съемка въ Тюкалинскомъ уѣздѣ, равно и въ степныхъ округахъ. Такимъ образомъ, отъ оз. Чановъ и крайнихъ предѣловъ степи, до самаго сліянія Иртыша съ Обью и до Тюмени, къ С. З., вся поверхность земли перейдетъ въ картоны Депо Картъ и Главнаго Начальства Западной Сибири. Можетъ-ли Сибирь не чувствовать благой попечительности мудраго Правительства и совершителя воли его? *(Сообщено).*

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 5.

ОБЩЕСТВО БЕЗЗУБЫХЪ ЛИТТЕРАТОРОВЪ.

(Окончаніе).

Лишь только крытыя дрожки Г-на Городничаго показались на углу улицы, люди, стоявшіе на стражѣ, дали знать Гуру Филашычу и Аѳету Насоновичу. Они, съ другими Членами, отправились встрѣчать знаменитаго посѣтителя у крыльца, и торжественно ввели его и супругу его въ залу. При первомъ шагѣ ихъ, капельмейстеръ ударилъ линейкою, и страшно заревѣли трубы, литавры, басы, скрыпки. Игранъ былъ прелестный Польскій, Верстовскаго: *Что если-бы однакожь я, и точно дѣвушкой родился.* Къ музыкѣ пристали голоса, и хоръ запѣлъ слѣдующія слова, сочиненныя Гуромъ Филашычемъ:

Польскій.

О Музы! вознесите гласъ —
Грядетъ, грядетъ вашъ покровитель,
Грядетъ обрадовать онъ насъ,
Въ сію ученія обитель!

Съ нимъ Музы пляшутъ и поютъ,
И громко, громко восклицаютъ;
Ему вѣнки лавровы вьютъ,
Супругѣ счастія желаютъ.

Ликуй, ликуй, нашъ славный градъ,
И рѣки радостно текиte!
Настала часъ славы и отрадъ,
Наукъ, ученія защитѣ.

Мы рады всѣ читать, писать,
Другіе жертвовать готовы,
И станемъ градъ нашъ просвѣщать,
Честь, славу тѣмъ получимъ новы!

Всѣ присутствовавшіе были чрезвычайно довольны, ибо, замѣтьте, Гуръ Филашычъ въ стихахъ своихъ искусно умѣлъ польстить самолюбію каждаго. Во время пѣнія понесли на подносахъ чай, кофе, и проч. — Это угощеніе касалось однако-же только первыхъ рядовъ собранія, не потому, чтобы скупились, и не хо-

тѣли угощать всѣхъ бывшихъ въ залѣ, да и по Уставу положено угощать всѣхъ безъ различія; но до заднихъ рядовъ не могли никакъ и ничего донести: сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ все съѣдали, выпивали, и кромѣ того, прятали еще въ карманы и ридикюли конфекты и фрукты. Это, говорятъ, и въ столицѣ, на большихъ торжественныхъ праздникахъ, бываетъ. Подумаешь, что гости ничего сроду въ глаза не видывали: такъ рвутъ они съ подносовъ, что желая донести подносъ до главныхъ гостей, обыкновенно сидящихъ впереди, служитель принужденъ поднимать его выше головы. Впрочемъ, у насъ всѣ остались довольны: и сидѣвшимъ назади досталось по чашкѣ чаю, хотя уже спитаго и жидкаго, а также по конфеткѣ. Объ этомъ заботилось нѣсколько молодыхъ Сотрудниковъ, которые за то и приняты въ Общество, что у нихъ есть бѣлые, шелковые чулки, башмаки, и *шапо-клаки*. Имъ въ обязанность поставлено угощать посѣтителей въ торжественныхъ собраніяхъ.

Пока играла музыка, пѣли пѣвчіе, и ѣли и пили посѣтители и Члены, сѣвшіе вокругъ стола, пріятно было разсмотрѣть собраніе.

Впереди представлялся намъ длинный столъ, покрытый сукномъ, на которомъ стояли великолѣпные бронзовые подсвѣчники, съ восковыми

свѣчами, и чернилицы, съ перьями, а также лежали книги и бумаги. Вокругъ него сидѣло болѣе 20-ти почтенныхъ Членовъ, сѣдыхъ и полусѣдыхъ, въ мундирахъ, фракахъ, съ разнообразными физіогноміями, на которыхъ однакожь одинаково были начертаны важность, глубокомысліе, умъ. — Яркое освѣщеніе залы, музыка, пѣніе, служители и Сотрудники, угощавшіе публику, и пестрая толпа посѣтителей, увеличивали важность и великолѣпіе. Тутъ въ первыхъ рядахъ, въ полныхъ мундирахъ, сидѣли чиновники, Г-нъ Городничій, также дамы; за ними торчали бороды купцовъ, подлѣ шляпокъ дамъ; тамъ видѣнъ былъ пучекъ семинариста, подлѣ кудрей на головѣ франта, и длинныхъ косицъ и нестриженой головы студента. Испанская бородка и закрученные усы отставнаго гусара, въ венгеркѣ, являлись рядомъ съ тоненькими бакенбардами, питочкою протянутыми отъ ушей ко рту приказнаго, одѣтаго въ вицъ-мундиръ, и плѣшивою головою сельскаго дворянина, въ нановомъ фракѣ, или густыми, растрепанными бакенбардами, сюртучкомъ и палочкою проѣзжаго изъ Москвы помѣщика. Смотря на все это, невольно приходила въ голову мысль, что собраніе наше есть настоящее изображеніе Русскаго общества.

Наконецъ, музыка и пѣніе умолкли. Громкія рукоплесканія раздались въ залѣ. И они проле-

шёли, какъ все пролетаетъ въ здѣшнемъ мірѣ. Тогда Секретарь началъ чтеніе протокола обыкновеннаго собранія Общества, бывшаго предваришельно. Вотъ онъ:

«18... года, ... дня, *Общество беззубыхъ литераторовъ* имѣло свое первое, предваришельное, обыкновенное собраніе, въ которомъ,

1, былъ прочишанъ и подписанъ Членами Уставъ Общества.

2, Членъ А. Ѳ. Подляковъ предложилъ изъявить Гуру Филашовичу Спиходушину и Афету Насоновичу Грамоѣдову благодарность, за шруды, подъятые ими при составленіи Устава. Положено: Секретарю приготовить проэктъ сей благодарности, и разсмотрѣть оный въ особомъ Комитетѣ.

3, Избранъ балотированіемъ въ Президенты Общества Гуръ Филашовичъ Спиходушинъ (слѣдуетъ реэстръ всѣхъ другихъ чиновниковъ, избранныхъ изъ Членовъ Общества).

4, Президентъ Общества предложилъ, что покровишельство просвѣщенію и любовь къ наукамъ почтеннаго Г-на Городничаго обязываютъ Общество покорнѣйше просить Его Благородіе принять на себя званіе Почетнаго Члена. Положено: предоставить Президенту загото-

вишь бумагу по сему дѣлу, и войдти въ надлежащія сношенія съ Его Благородіемъ.

5, Представлены пожертвованные купцомъ Долгосумовымъ 15 рублей, Тугоуховымъ 2 рубля серебромъ, неизвѣстною особою дюжина стульевъ, съ кожаными подушками, помѣщицею Громкокриковою щепка и пара щипцовъ, а мѣщаниномъ Усердовымъ 100 рублей. Положено: Г-дъ Долгосумова и Тугоухова причислить къ Благотворителямъ Общества, на что и заготовить имъ дипломы; Г-жѣ Громкокриковой и неизвѣстной особѣ изъявить (и изъявлена) благодарность; а мѣщанина Усердова, хотя и слѣдовало-бы причислить къ Благотворителямъ, но такъ какъ онъ мѣщанинъ, то Общество сего сдѣлать не можетъ, допустивъ въ среду сословія, гдѣ участвуетъ лучшее дворянство и богатое купечество. Потому деньги его взять, а ему предоставить право, если онъ выйдетъ въ купцы, искать тогда званія *Благотворителя* Общества.

6, Библіотекарь представилъ пожертвованныя отъ разныхъ особъ книги, а именно: *Похожденія Мирамонда*; Альманахи: *Цефей*, *Вѣнокъ Грацій*, *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ*, *Улыбка весны*, *Майскій листокъ*, *Уранія*, *Сиріусъ*, *Зимцерла*, *Сѣверная Лира*; книги: *Способъ, извѣданный опытомъ*, превратить вѣтреную и упря-

ную жену въ постоянную и послушную; *Сказка о двѣнадцати бутылкахъ*, о вѣдьмѣ, прохожемъ мальчикѣ, купцѣ, и прохожемъ солдатѣ; *Нравственная соль*, то есть: случаи, мысли, и изрѣченія, изъясненныя политически, юридически, и иногда исторически, но съ нѣкоторою умѣренною критикою, при чемъ помѣщено 36 спашей для любопытства; *Цвѣтки Цицероновы*; *Студентъ Клаусъ кандидатъ*; *Котъ во адѣ*; Трагедіи: *Пьянство*, *Храбрые повара*, *Эдипъ Царь*; Комедіи: *Дворянющейся купецъ*; *Рогоносецъ по воображенію*; *Женихъ битъ и доволенъ*; *Кто въ кого родится, тому на томъ женится*; *Мошенникъ*; *Прибытіе Наполеона во адъ*, и другія. Положено: изъявить (и изъявлена) пожертвовавшимъ благодарность.

7, Секретарь представилъ о необходимости имѣть для Общества Адресъ-календарь. Положили: выдать Секретарю сумму, сколько потребно на покупку, и деньги записать въ расходъ.

8, Президентъ объявилъ, что Казначей представлялъ ему о сдѣланіи крючковъ къ книжнымъ шкапамъ; но какъ онъ призванныхъ къ торгу мастеровъ объявлена цѣна высокая, то и просилъ онъ сдѣлать окончательное распоряженіе. Положено: уполномочить Казначея сдѣлать

перепоржку, и о послѣдующемъ предспавишь Обществу.

9, Представлены пожертвованныя: бюстъ Сократа и чучела мыши. Положено: чучелу препроводить въ Музей, а бюстъ поставить въ залѣ собранія; но какъ у сего бюста отбишъ носъ, то предварительно призвать хорошаго лѣпщика, и носъ Сократу придѣлать.

10, Президентъ предложилъ, что такъ какъ, по неосторожности служителей, при мешеніи комнатъ легко можетъ быть что нибудь въ залѣ собранія повреждено, то не должно-ли опрядать Экзекутора, дабы онъ всегда при мешеніи находился? Положено: имѣть о семъ сужденіе въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.»

По прочтеніи сего протокола, читано было письмо Гура Филатыча къ Г-ну Городничему, и ответъ на оное. Прилагаю при семъ вѣрные списки съ того и другаго.

Письмо.

Позвольте мнѣ начать прошеніемъ прощенія Вашего Благородія, что я отвлекаю васъ отъ важнѣйшихъ занятій и дѣлъ; но, въ увѣренности на снисходительное и благосклонное ваше благоволеніе, осмѣливаюсь я дерзнуть имѣть счастіе представить вашему благоусмотрѣнію,

какъ-шо изъ послѣдствій честь имѣть буду всепреданнѣйше изъяснить.

Милость и покровительство, коими всегда ознаменовывалось великое поприще вашей доспюславной, и чести, и пользѣ отечества посвященной жизни, преисполняютъ сердце высокими помышленіями о снисхожденіи вашемъ. Посему и дерзость моя, то есть, чтобы вы сдѣлали честь Обществу беззубыхъ литтерашоровъ, шакъ-же какъ я всепокорнѣйше Вашему Благородію объяснилъ уже, и за симъ въ крѣпкой надеждѣ обрадовать почтенныхъ моихъ сочленовъ. — Съ истиннымъ, наиглубочайшимъ почтеніемъ, и высокою, совершенною преданносшію, имѣю счасшіе пребышь наивсегда, В. Б. и проч.

Отвѣтъ.

Отношеніе ваше, отъ . . . числа, полученное мною того-же числа, имѣвъ удовольсшвіе прочесть, и очень пріятно, милосшивый государь мой, чтобъ быть Членомъ Общесшва, каковое вы устроили, и шѣмъ наипаче, что сіе очень лестно, чтобы быть въ шакомъ общесшвѣ, поелику находишься въ собраніи почтенныхъ людей, съ каковымъ чувствомъ я навсегда въ совершенномъ удовольсшвіи воспріемлю. Съ исш. почтеніемъ, и проч.

По прочтеніи сихъ писемъ, всѣ Члены встали изъ-за стола, и пошли принесши личную благодарность Г-ну Городничему, и поцѣловавши ручку его супругѣ. Все сіе сопровождалось рукоплесканіями зрителей, и было принято весьма благосклонно. За тѣмъ всѣ сѣли прежнимъ порядкомъ, и Гуръ Филатычъ началъ приготовляться читать Рѣчь, на открытіе Общества. Пока онъ кашлялъ, отплевывался и отсмаркивался, зрители толковали о томъ, какъ искусно, кратко и ясно сочинены были письма, и старались узнать: кто ихъ составилъ? Гуръ Филатычъ мастеръ на Риторику, стихи, и прозу литературную, но дѣловыя и учтивыя бумаги совсѣмъ не его дѣло, а также и Г-нъ Городничій — чиновникъ и судья отличный, но до грамоты небольшой охотникъ. Вамъ, М. Г., должно быть извѣстно, что иное дѣло писать стихи и прозу, иное быть чиновникомъ и судьею, и опять шаки иное *бумаги писать*. Въ нашемъ Училищѣ, скажу для примѣра, превосходно сочиняютъ ученики (не говорю уже объ учителяхъ) стихи и прозу, въ какомъ угодно родѣ. Дайте имъ только *тему*, какую хотите: описать пріятности весны; изобразить чувства умирающаго добродѣтельнаго человѣка; изложить прелесть прогулки; сочинить похвальное слово, кому нибудь, или чему нибудь; показать славу Россіи, или доказать необходимость добродѣ-

шели — все это нигомъ сдѣлаютъ, и прекрасно. О стихахъ я не говорю, потому, что тутъ немного и требуется смысла и учености. Обыкновенно, ставятъ сперва лѣсенкой рифмы, подъ рядъ: *радость, мечта, сладость, красота.* Разумѣется, что послѣ того прибрать строчки къ риѳмамъ бездѣлка. Но, самый лучшій ученикъ, вышедши изъ Училища, не умѣетъ написать простой, не-литературной записочки, не знаетъ даже правописанія, и письменно — умѣя разложить и сложить рѣчь Цицерона — не съумѣетъ выпросить себѣ хлѣба порядочно. — Но Гуръ Филатычъ наконецъ крякнулъ: все умолкло, сошни ушей вытянулись, и онъ провозгласилъ:

«Коликое было-бы сіе величественное, и купно достойное умиленія зрѣлище, если-бы я могъ, сердца ваши, Мм. Гг., собравши, и души ваши соединивъ во едино, не только взору вашему васъ самихъ представить, но и изъясненіемъ оное дополнивъ, словами вамъ изобразить! Явилось-бы тогда усердіе ваше къ пользѣ и славѣ отечества; показалось-бы тогда участіе ваше въ просвѣщеніи; означилось-бы соревнованіе быть сподвижниками добра; ознаменовалась-бы радость ваша, что въ сѣнахъ благословенной отчизны начинаютъ процвѣтать Науки и Искусства, гремятъ лиры поэтовъ, раздаются зву-

ки шипановъ, слышашся учености посвященныя бесѣды и услаждается взоръ, слухъ, вкусъ, осязаніе и обоняніе Изящными Искусствами и Художествами.

«Великое откроется, и преславное, для потомковъ нашихъ дѣло: довершать начатое нами, и сѣмыя нами сѣмена просвѣщенія собирая, въ житницы ума складывать, и себя обогащать! Но славно и намъ, Мм. Гг., быть дѣлателями, на томъ великомъ поприщѣ, которое открываетъ Наука, озаряетъ умъ, устроиваетъ Искусство, созерцаетъ потомство, покровительствуетъ Начальникъ нашего города и его почтенные Сотоварищи, освѣщаетъ слава, облегчаетъ пожертвованіе, и утучняетъ, оплодотворяетъ, взрываетъ, увлажаетъ, и благословляетъ наше и ваше усердіе.

«Нѣтъ сомнѣнія, что великое отечество, или лучше сказать, отчизна, то есть, городъ нашъ, цвѣтетъ, благоденствуетъ, красуется славою и просвѣщеніемъ. Кто сталъ-бы въ этомъ сомнѣваться, того да причислитъ общій гласъ къ измѣнникамъ, отчизно-ненавистникамъ и злодѣямъ. Только отвергнувшій правы благіе и добродѣтели праотеческія осмѣлится сказать, что мы не перегнали, не опередили всѣхъ народовъ въ мірѣ; что есть народы просвѣщеннѣе, богатѣе, добродѣтельнѣе, славнѣе насъ; что

Европейскіе народы, всравненіи съ нами, не нищіе, не буяны, не безбожники, не невѣжды. Я даже сомнѣваюсь: явитъ-ли будущіе вѣка что-либо намъ подобное! Раскроемъ-ли лѣтописи минувшаго: мы съ незапамятуемыхъ временъ блистали славою, богатствомъ и просвѣщеніемъ. Доказано, что языкъ Славянскій былъ тотъ самый языкъ, коимъ говорилъ Адамъ. Предки наши, копьемъ и мечемъ вписавшіе имя свое въ Исторію, какъ говоритъ Г-нъ Татищевъ, переписывались съ побѣдителемъ свѣта, Александромъ Македонскимъ, и, вѣроятно, тогда уже обладали литературою, богатою и великою. Въ Холмоградѣ, гдѣ нынѣ почтовая станція Бронницы, на Петербургской дорогѣ, находилась главная библіотека, или книгохранилище Славянское. При Владимірѣ были уже у насъ Академіи; при Ярославѣ недоставало мѣста для книгъ въ Княжескихъ теремахъ. Возмемъ-ли послѣ того нашу Литературу — чего не находимъ? Исчислимъ-ли Піитовъ, Ораторовъ, Историковъ, Любослововъ, Любомудрцевъ нашихъ, отъ Симеона Полоцкаго до Трилунаго, отъ Лазаря Барановича до Толмачева, отъ Поликарпова до Руссова, отъ Лызлова до Вознесенскаго, отъ Епифанія Славенецкаго до Меморскаго — колико именъ великихъ, коликое сіяніе витійства, любознанія, мудровѣдѣнія!

«Честолюбиво было-бы себя назвать достойными послѣдователями таковыхъ мужей на поприщѣ Россійскаго слова, но если мы умолчимъ, то каменіе возопіютъ. Здѣсь, Мм. Гг., вижу я цвѣтъ нашего Дворянства, Купечества, Разночинства, и радостно вопію: Се сыны твои, возлюбленная отчизна! се сыны твои!

«Сказалъ Сенека: Nulli præclusa virtus est. Такъ и мы не исключимъ себя — поревнуемъ, подѣйствуемъ, не стерпимъ, вырвемся, уйдемъ, убѣжимъ изъ предѣловъ молчанія. Возложимъ нашъ ѳиміамъ на алтарь просвѣщенія и Словесности, Наукъ и образованности.

«Вашего покровительства требуемъ мы только, почтенный и знаменитый Начальникъ града, вашей благосклонности, Мм. Гг., вашего усердія, Благотворители! Безъ наградъ, безъ почестей ничего не льзя создать; такъ, какъ безъ дождя безплодствуютъ нивы, безъ поощренія скудѣетъ поэзія, тупѣетъ наука, косноязычествуетъ проза, молчитъ Исторія, заблуждается Философія, и — даже умираетъ Грамматика.»

Гуръ Филатычъ низко поклонился; музыка грянула; рукоплесканія потрясли сѣны залы. Въ заднихъ рядахъ даже кто-то закричалъ: *фора!*

Тотчасъ Квартальный пошелъ отыскивать шалуна: это былъ Коллежскій Регистраторъ Перогрызовъ, очень умный и дѣловый человѣкъ, но зашибается хмѣлькомъ. Его увели. Чтобы утишить непріятное впечатлѣніе сего событія, Членъ Недотыкинъ началъ читать своего сочиненія басню: *Гора въ родахъ*. Къ сожалѣнію, онъ заикается. Самое эффектное слово, въ послѣднемъ стихѣ, послѣ вопроса:

Но что родилось, мнѣ скажите поскорѣе,
И поотважнѣе, и поострѣе,
Не мучьте только лишь —

«*Мышь!*» надобно было произнести сильно, насмѣшливо — а онъ заикнулся, и тщетно старался выговорить. Мы слышали только: *мы.. мы... мъ...* и видѣли усилія мускуловъ лица его, пока съ трудомъ вылетѣло изъ его рта роковое слово — *мышь!*

Слѣдующая за тѣмъ пьеса: *Ода на заложеніе дома помѣщикомъ Золотохвостовымъ*, также *переводъ Гораціевой оды* утѣшили за неудачу. Потомъ читано было ученое разсужденіе Аѳеша Насоновича, *о томъ, что дважды два точно четыре, а не пять*. Оно было прекрасно, но немножко длинновато, и довольно шаги надѣло.

Потомъ, какъ будто желая доказать, что Общество соединяетъ въ себѣ всякаго рода дарованія, молодой Сотрудникъ Грошевиковъ читалъ свою пьесу: *Воспоминанія* — самую романтическую. Особливо понравилась строфа:

Безумства юнаго безкрылыя желанья,
Мечта минувшаго, тяжелый думы слѣдъ,
Мои бываліыя, живыя вдохновенья,
Страстей и призраковъ давно заглохшій цвѣтъ,
Обманъ надеждъ моихъ, и славы обольщенья,
Любви, вина и слезъ живыя наслажденья —
Васъ нѣтъ, давно васъ нѣтъ!

Тутъ приготовился было читать свое *Изслѣдованіе о различіи комара отъ мошки*, Членъ Носоклюевъ. Но Общество не разочло, что собраніе продолжалось уже часа три, все было выпито и съѣдено, зрителей большая часть зѣвала, и тихонько уходила. Когда-же Г-нъ Носоклюевъ началъ, что Г-жа Городничиха поднялась, за нею всталъ Г-нъ Городничій, и всѣ вдругъ вскочили, загремѣли стульями. Гуръ Филапычъ велѣлъ замолчать Г-ну Носоклюеву, и со всѣмъ Обществомъ спѣшилъ провожать знаменитыхъ гостей.

Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ было изъявлено отъ Г-на Городничаго, и другихъ почет-

ихъ посѣтителей, ихъ удовольствіе. На другой день Гуръ Филанычъ, съ нѣсколькими Членами, ѣздилъ всѣхъ ихъ благодарить, и сдѣлалъ у себя обѣдъ, гдѣ пито было здоровье Общества. Теперь во всемъ городѣ только и разговоровъ, что объ Обществѣ.

Вотъ, М. Г., описаніе знаменитаго событія, доказывающаго любовь къ просвѣщенію, и успѣхъ его въ нашемъ городѣ. Если вамъ угодно будетъ помѣстить въ Камеръ-Обскурѣ это описаніе, то я не премину доставлять вамъ извѣстія о дальнѣйшихъ успѣхахъ Общества. Они несомнительны, послѣ того, что я имѣлъ честь изобразить вамъ, и сказать какъ о цѣли, такъ и о трудахъ Общества. —

ОБОЗРѢНІЕ

современныхъ Русскихъ Журналовъ.

«Массену убили! Массену взяли въ плѣнъ! Мас-«сену убили и сожгли!» Такъ восклицали газеты и Журналы, во время оно, когда Массена одерживалъ побѣды. Но храбрый защитникъ Генуи продолжалъ здравствовать и побѣждать. Тоже говорили и писали о Русскихъ Полководцахъ, когда побѣдныя знамена Русскія развѣвались на берегахъ Рейна. Слѣдовательно, не новость помпнальные клики и зловѣщанія людей побѣждаемыхъ. Это утѣшаетъ ихъ въ жребіи часто горькомъ и всегда непріятномъ. Не думая сравнивать съ историческими событіями нашихъ ничтожныхъ распрей, мы напомнимъ читателямъ, что тоже случилось и съ *Московскимъ Телеграфомъ*, о которомъ противники его часто говорили и говорятъ, что онъ умираетъ, что онъ умеръ, что толщина его показываетъ сухотку, чахотку, что веселыя нападенія его на Костромской слогъ и пустословіе недоумокъ отражаются въ ихъ глазахъ судорогами умирающаго,

что книжки его, въ коихъ печатаются статьи Кине, Гершеля, Марлинскаго, суть послѣднія дыханія больнаго, а не громкое и благородное опроверженіе ихъ ложныхъ предсказаній. Судьбѣ угодно было сыграть жестокую траги-комедію съ этими лжепророками; они сами скончались до срока, скончались всѣ, до единаго, такъ что *Московскій Телеграфъ*, о которомъ противники такъ часто говорили, что они взяли его въ плѣнъ, убили и сожгли, оставался къ 1831 году единственнымъ Журналомъ въ Москвѣ. Но въ тоже время выѣхала на журнальное поприще парочная батарея Г-на Надеждина, названная *Телескопъ*. Это названіе оказалось еще слишкомъ умнымъ для такого Журнала; и съ нынѣшняго года онъ издается подъ заглавіемъ: 1832-й *Телескопъ*.

Сказавъ читателю, что этотъ Журналъ издается сочинителемъ извѣстныхъ статей *Вѣстника Европы*, въ которыхъ обвиняли Русскихъ писателей то въ проповѣданіи *нигилизма*, то есть матеріализма, то въ *срамныхъ картинахъ*, то въ нелюбви къ отечеству, и все это болтливымъ, надутымъ, варварскимъ слогомъ, мы могли-бы избавить себя отъ дальнѣйшихъ замѣчаній. Но издавая *Телескопъ*, Г-нъ Надеждинъ оказалъ въ своихъ статьяхъ невѣдѣніе, столь простодушно-жалкое, что читая Журналъ его, мы не разъ смѣялись отъ чистаго сердца, и хотимъ заставить улыбнуться нашихъ читателей:

Смѣяться право не грѣшно,
Надъ тѣмъ, что истинно смѣшно.

И какъ было не смѣяться!.. Начавши исторически излагать появленіе *Телескопа*, духовнаго наслѣдника *Галатеи*, и Вѣстниковъ *Европы* и *Московскаго*, обратимся на минуту къ прошлогодней исторіи его, но есть къ подвигамъ его въ 1831-мъ году. Развернувше какую угодно книжку сего Журнала за 1831-й годъ, и исчислите всѣ ошибки, всѣ вздоры, наполняющіе оную!.. Для тѣхъ, и именно для тѣхъ, кто не читалъ сего уродливаго Журнала, или читавши былъ въ сладкой дремотѣ, заглянемъ въ какой нибудь нумеръ онаго, и замѣтимъ кой-что, мимоходомъ, ибо замѣчанія на все отняли-бы у насъ слишкомъ много времени и мѣста.

Вынялся № 14-й *Телескопа* на 1831-й. Посмотримъ: что въ немъ. *Замѣчанія о Дендерскомъ Зодіакѣ*, статья Г-на Гульянова. Не будемъ говорить о содержаніи сей статьи. Извѣстно, что Г-нъ Гульяновъ соперничаетъ съ Шамполліономъ и состоитъ въ числѣ Членовъ Россійской Академіи; но по-Русски онъ не пишетъ. Вѣроятно и сію статью онъ прислалъ къ Издателю *Телескопа* на Французскомъ языкѣ, а тотъ перевелъ ее. Не знаемъ, каково переведены фразы Г-на Гульянова; но по находящимся тутъ выпискамъ и переводамъ фразъ Шамполліона видимъ, что Г-нъ Надеждинъ ни сколько не

знать Французскаго языка. Просимъ покорно вслушаться: Шампольіонъ говоритъ: «Les cartouches, renfermant ce titre sont presque toujours accolés, ou mis en rapport avec un second cartouche, contenant le nom propre des Empereurs. Mais quelquefois aussi on trouve ce mot dans des cartouches absolument isolés.» Издатель Телескопа переводитъ: «*Рамочки, заключающія* сей титулъ, находится почти всегда *въ сопряженіи, либо въ сношеніи* съ другою *рамочкою, заключающею* собственныя *имена* Императоровъ. Но иногда титулъ сей находится также въ *рамочкѣ* совершенно *одинокой*.» Каково? Г-нъ Издатель не вѣдаетъ, что cartouche значитъ не *рамочка*, а *овальный обводъ*, овалъ, украшеніе вокругъ надписи; renfermant не *заключающія*, а *заключающія въ себѣ*; accolés не *находятся въ сопряженіи* (по-Русски это нелѣпость), а *соприкасаются*; mis en rapport не *находятся въ сношеніи*, ибо сіе послѣднее слово употребляется только въ отношеніи къ предметамъ одушевленнымъ или предполагаемымъ таковыми. Тутъ-же измѣнена мысль Шампольіона, будто бы сказывающаго, что въ соприкасающемся овалѣ находятся *имена* Императоровъ; Французъ говоритъ: имя. Isolé значитъ не *одинокій*, а *отдѣльный*. Далѣе словомъ *одинокость* переведено: particularité; Zodiaque circulaire, (что значитъ: *круглый Зодіакъ*) названъ *сферическимъ Зодіакомъ*. Развѣ *кругъ* и *сфера* одно и тоже?.. Но вотъ еще блестящій примѣръ знанія Г-на Надеждина: «D'après la *belle gravure*, publiée dans la *Description d'Egypte*...» Какъ вы думаете переведены слова: la belle gravure? Прекрас-

ная *гравировка*! И вотъ вся фраза вполнѣ: «Судя по *прекрасной гравировкѣ*, изданной въ *Описаніи Египта* (Э!).» И такъ Издатель Телескопа не знаетъ, что *эстампъ* и *гравировка* такъ же различны, какъ *книга* и *писанье*. Шамполліонъ говоритъ объ эстампѣ, находящемся въ *Описаніи Египта*, а нашъ ученый о *гравировкѣ*!

Но если плохо въ Издателѣ *Телескопа* знаніе Французскаго языка, то не лучше и знаніе иностранныхъ Литературъ. Вотъ неоспоримое сему доказательство. Говоря (въ 14 N°) о повѣстяхъ Цшокке, онъ увѣряетъ, что «Цшокке есть одинъ изъ достойнѣйшихъ соревнователей или сверстниковъ В. Скотта.» Бѣдный В. Скоттъ! Съ кѣмъ на ряду не ставитъ его Г-нъ Надеждинъ! «Его романы *имѣютъ* столько *самобытной оригинальности, отличающей* на себѣ *печать* родной Швейцарской природы, что творецъ ихъ, кажется, не *имѣлъ* никакой нужды въ предшественникѣ на своемъ поприщѣ. *Талантъ* его былъ *свѣтлымъ* и звучнымъ *эхомъ горъ*, служившихъ для него колыбелью. Ихъ живописная простота и неукрашенное величіе отражаются въ его картинахъ, и проч. Повѣсти Цшокке суть *не иное, какъ* прекрасные *отрыски Швейцарской души* его. Сынъ свободныхъ горъ (!), *умащенный долготою* дней, завѣщаваетъ въ нихъ юному потомству плоды мудрой опытности, пріобрѣтенной чрезъ постоянное, спокойное наблюденіе надъ природою и жизнію.» Жаль намъ Издателя Телескопа, но мы вынуждены разочаровать его. Пусть

узнаетъ онъ, что Цшокке не урожденецъ, не воспитанникъ Швейцаріи, и слѣдовательно ни *горъ свободныхъ*, ни *свѣтлаго эха* сихъ горъ, ни *отрывковъ духа Швейцарской*, ни прочихъ нелѣпостей, коими Г-нъ Надеждинъ хотѣлъ сказать, что въ твореніяхъ Цшокке отражается Швейцарія, не могло быть, да и нѣтъ у него. Почти ни въ одной повѣсти своей не рисовалъ онъ Швейцарскихъ нравовъ и природы Швейцарской. Лучшія повѣсти его изображаютъ Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ. Цшокке родился, воспитывался и жилъ до зрѣлаго возраста въ Германіи; долго скитался съ труппою странствующихъ актеровъ; писалъ драмы, изъ коихъ *Абеллино* и до сихъ поръ остается на театрѣ; потомъ сдѣлался онъ и утвердилъ свою славу какъ писатель историко-политическій. Особенныя обстоятельства заставили его переселиться въ Швейцарію, но съ Швейцарами онъ не ладилъ и не ладитъ до сихъ поръ. Скажите послѣ этого, отъ чего-же привидѣлся Издателю Телескопа въ повѣстяхъ Цшокке *Швейцаризмъ*? И можно-ли ему судить о Литературныхъ явленіяхъ такъ *наслышно*, такъ безотчетно? И можно-ли вѣрить послѣ этого ему, если онъ скажетъ, что *видитъ* и *чувствуетъ* то или другое?

Жаль, что нѣтъ мѣста здѣсь поговорить о разборѣ *Рославлева*, помѣщенномъ въ той-же книжкѣ, и о другихъ статьяхъ. Но довольно и того, что написано. Читатели видятъ, что Издатель *Телескопа* судитъ по наслышкѣ, незная предмета; ви-

дишь то, чего не льзя видѣть; переводишь съ Французскаго, не зная сего языка; издаешь Журналъ, не умѣя писать по-Русски. Послѣднее видно изъ выписокъ въ нашей статьѣ. Онъ не знаешь согласованія словъ, не знаешь силы и значенія оныхъ, и потому сближаешь *воющія отъ отчаянія* слова. Совѣтуемъ ему почаще заглядывать въ *Словарь Россійской Академіи* и не писать: *о Юріѣ, Эгипетъ, катедра, Интроффъ*: это прошивъ Правописанія.

Запасшись предварительными свѣдѣніями о *Телескопѣ*, посмотримъ, каковъ онъ въ нынѣшнемъ году.

(До другой статьи.)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Le bleu de ciel est fort à la mode pour les chapeaux du matin. Un bouquet blanc de fleurs de serres, posé dans les nœuds de ruban bleu.

On ne porte de voiles que par goût. Ils ne sont plus du tout objets de modes ni de parure, même en négligé on n'en voit pas, ou très peu.

Les capotes de batiste blanche, conservent encore leurs demi-voiles de dentelle, ou imitation, hauts d'un demi-quart.

Une étoffe dont on avait déjà vu quelques pièces l'été précédent et qui a reparu cette année avec beaucoup de distinction, est une percale rouge, à dessins noirs. — Elle est principalement destinée aux enfans qui ne peuvent porter rien de plus élégant. On trouve de ces étoffes dont le fond, d'un rouge pur et brillant, n'est couvert que d'un léger dessin quelquefois relevé de traits ou de points blancs; avec un pantalon blanc, une pélerine de jaconas ou batiste qui laisse le transparant, c'est une charmante toilette. — Les femmes en font aussi de jolis peignoirs, ou des redingotes négligées.

Une jolie forme de canezou de batiste est: plat devant et sur les épaules où il n'y a point de couture. Le dos est légèrement froncé à la pointe que cache la ceinture; les bords sont garnis de dents rondes allongées, posées

(*) Въ Парижѣ до 1-го Іюня (н. ст.)

l'une sur l'autre comme des écailles ; elles sont bordées d'une petite dentelle et jointes au corps du fichu par un entredeux brodé. Le col très-grand, est rond, en biais ; les devants plats passent sous la ceinture.

Depuis que les boucles de ceinture sont moins portées, on revoit de longs pans noués derrière aux robes habillées. Des coques plates pour celles négligées.

Des fichus plats en batiste ou mousseline faits en pointe devant et derrière, ou à pans très-courts, sont souvent garnis d'une petite bande de mousseline brodée, à un seul rang.

Les plus jolis tulles sont à mailles doubles et dessins de blonde, à quelque pas ils ont toute la légèreté des blondes de soie.

En général, les changemens sont insensibles des autres saisons à celle-ci. Ce qu'il y a de bien arrêté, c'est l'extrême simplicité. Les manches sans aucun poignet ; point de ganses sur les épaules pour joindre les devans avec le dos. Pour le négligé, beaucoup de peignoirs ou redingotes à pélerine.

Для утреннихъ шляпокъ въ большой модѣ цвѣтъ голубой-небесный. На нихъ бываетъ изъ бѣлыхъ оранжерейныхъ цвѣтовъ букетъ, находящійся въ банткахъ голубой ленты.

Вуали носятъ только кто хочетъ, ибо они теперь не составляютъ предмета моды, или наряда. Даже за-просто, ихъ вовсе не надѣваютъ, или надѣваютъ очень рѣдко.

Парижскія моды.

На шляпкахъ-капотахъ изъ бѣлаго батиста, еще встрѣчаются полу-вуали, изъ настоящихъ или поддѣльныхъ кружевъ, но очень коротkіе.

Еще прошедшимъ лѣтомъ появилась одна шкань, которая и нынѣ снова въ большой модѣ: это красный перкаль съ черными узорами. Особенно для дѣтей употребляется онъ, и ничего нѣтъ прелестнѣе для нихъ. По красному, блестящему полю бываютъ на немъ маленькіе узоры, иногда оттѣненные бѣлыми точками или полосками. Съ бѣлыми панталонами и съ прозрачною пелеринкою изъ жаконета или батиста, это нарядъ прелестный. И женщины дѣлаютъ изъ сей шкани прекрасные пудерманшели, или ненарядные реденготы.

Вотъ прелестная форма батистоваго каньзу: на груди и на плечахъ, гдѣ нѣтъ швовъ, гладко; на спинѣ небольшія складки къ углу, который уходитъ за поясъ; края убраны круглыми, продолговатыми зубчиками, наложенными въ видѣ чешуи одинъ на другой, обшитыми небольшимъ кружевомъ, и присоединенными къ самой косынкѣ вышитою прошивкою. Воротникъ каньзу большой, круглый, двойной; передніе концы гладкіе уходятъ подъ поясъ.

Съ нѣкъ поръ какъ пряжки на поясахъ почти вышли изъ употребленія, опять явились длинныя полосы, завязываемыя у нарядныхъ платьевъ назади; у ненарядныхъ гладкіе узлы.

Косынки гладкія, кисейныя или батистовыя, угломъ напереди и назади, или съ самыми маленькими полами, часто бываютъ убраны узенькою полосою вышитой кисеи, въ одинъ рядъ.

Лучшій шюль двойной, съ блондовыми узорами: въ нѣсколькихъ шагахъ онъ имѣетъ всю легкость шелковыхъ блондъ.

Вообще перемѣнъ большихъ нѣтъ въ настоящее время года. Главное, что во всемъ наблюдается чрезвычайная простота. Рукава безъ всякихъ украшеній; у швовъ къ спинкѣ, на плечахъ, нѣтъ никакихъ снурковъ. Запросто носятъ много пудермантелей или реденготовъ съ пелеринами.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Шляпка изъ волнистой шкани, убранная цвѣтами. Реденготъ de pou de soie. — Другая дама въ полутраурѣ: шляпка басповая съ перомъ; платье изъ кашемирьена.

Мужчина. Шляпа шелковая; сюртукъ суконный; панталоны казимировые.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Мая 17 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

Въ типографіи августа семена.

Къ № 6 Моск. Телегр. 1832.

Рис. Иезуитовъ. Гр. Афанасьевъ.

№ 6. Мартъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ ЭНЦИКЛОПЕДІЯХЪ.

Сочиненіе Гизо.

Энциклопедія, Греческое слово, значитъ: *кругъ ученія* (ἐν, въ; κύκλος, кругъ; παιδεία, ученіе, знаніе), или *всеобщее ученіе*, то есть собраніе всѣхъ человѣческихъ знаній.

Смыслъ слова сего показываетъ, что Энциклопедія, въ строгомъ смыслѣ, есть сочиненіе невозможное. Родъ человѣческій не знаетъ всего; но что извѣстно ему, того заключить въ книгу не могъ-бы ни одинъ человѣкъ, ни одно общество людей. Слѣдственно слово: *Энциклопедія*, въ буквальномъ и философическомъ смыслѣ, есть не иное что какъ ложь самолюбія и гордости нашего ума.

Съ половины послѣдняго столѣтія не переставаютъ однакожъ издавать Энциклопедіи, и публика всегда принимаетъ ихъ благосклонно. Въ странахъ, совершенно различныхъ вѣрова-

ями, нравами и гражданскими установленіями, были начаты и выполнены подобныя предпріятія. Въ наше время, стремленіе сіе не только не ослабѣваетъ, но еще распространяется и усиливается; во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, въ Америкѣ, при многихъ, уже изданныхъ Энциклопедіяхъ, издаются или приготовляются новыя. Подъ разными заглавіями, сочиненія сего рода умножаются безпрерывно, и почти всѣ съ успѣхомъ.

Неужели это прихоть, припадокъ энтузіазма, свойственные уму человѣческому? И неужели никто не подумалъ, что подобное сочиненіе есть невозможность? Неужели писатели и публика еще надѣются, первые заключить все въ одну книгу, а другая имѣть въ одной книгѣ все, что можно знать?

Нѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ! Прихоти ума не бываютъ такъ обширны и продолжительны. Начало моды на Энциклопедіи принадлежитъ не намъ. Духъ, породившій въ послѣднемъ столѣтіи первую Энциклопедію нашу, вышерпѣлъ даже сильное противодѣйствіе. Ни одна ошибка, ни одинъ пропускъ сей Энциклопедіи не остались безъ улики. Гнѣвно и даже несправедливо осуждали кичливую суетность самаго предпріятія, и теперь, въ семъ отношеніи, не можетъ быть никакого обольщенія, никакой химерической надежды.

Но Энциклопедіи продолжаются, и даже тѣ люди, которые обвиняютъ ихъ въ причиненномъ ими злѣ, хотятъ исправить оное изданіемъ новыхъ Энциклопедій.

Ясно, что упорство столь общее и непобѣдимое, должно имѣть основаніемъ причину, болѣе могущественную, нежели гордое намѣреніе нѣсколькихъ философовъ. Вѣрно, Энциклопедіи не просто сочиненія литтературныя и ученыя: народность ихъ показываетъ что нибудь иное.

Вопросимъ время перваго ихъ появленія.

Много было говорено о Философіи осмнадцатаго столѣтія, о новости идей оной, о безмѣрныхъ успѣхахъ, какіе при ней оказалъ умъ человѣческій. Правда, что тогда были новыя идеи, были искусные философы, были успѣхи умственные; но это не главная сторона XVIII вѣка, не главный характеръ его. Теоріи чувственности и господства народнаго столь-же древни какъ міръ; Декартъ въ Метафизикѣ могущественнѣе Кондильяка; самъ Руссо болѣе оригиналенъ своимъ дарованіемъ нежели мнѣніями. Если не говорить о Естествознаніи, то XVIII-й вѣкъ былъ на поприщѣ наукъ не тѣмъ вѣкомъ, когда совершены важныя открытія и незабвенные труды.

Его слава и достоинство въ томъ, что онъ отыскалъ и принялъ практическія послѣдствія

своихъ идей, что онъ соединилъ Науку съ обществомъ. Въ изученіи истины самой по себѣ, и въ смыслѣ чисто умственномъ, другіе вѣка представляютъ болѣе оригинальности и глубины; но сей вѣкъ первый сказалъ, что истина должна управлять міромъ. Это вѣкъ примѣненія, гораздо болѣе нежели теоріи, вѣкъ образованности, гораздо болѣе нежели Науки. Немногое останется отъ его ученій; но онъ безвозвратно измѣнилъ состояніе Человѣчества.

Надобно-ли для сего доказательство неопровержимое? Посмотрите, въ какомъ видѣ тогда представлялась уму человѣческому Наука, и съ какимъ расположеніемъ тогда изучали ее. Вѣка предшествовавшіе, и особенно XVII-й, предавались сему изученію съ безкорыстіемъ простодушнымъ и искреннимъ; умы искали истины безъ всякаго предначертанія, безъ всякой скрытной мысли, единственно для удовольствія знать истинное, ничего не ожидая и не требуя отъ него болѣе. Но ихъ знанія, ихъ идеи, не имѣли никакого существеннаго, практическаго дѣйствія; никогда не вооружались ими для дѣйствованія на міръ внѣшній, или для сужденія объ ономъ. Въ отношеніи къ общественному порядку, ученія оставались безъ послѣдствій, истина безъ силы. Осмнадцатый вѣкъ, напротивъ, занимался науками нравственными не для

ихъ самихъ, и не безкорыстно. Въ немъ, намѣреніе, чуждое Наукѣ, явно занимаетъ умы: въ Философіи, въ Исторіи, они идутъ къ цѣли, напередъ опредѣленной; имъ нужны нѣкоторыя послѣдствія; истина для нихъ средство; они отыскиваютъ ее, какъ доказательство въ пользу защищаемаго дѣла, какъ оружіе для битвы. За то, Наука сдѣлалась практическою, истина могущественною: онѣ уже не въ удаленіи отъ міра существеннаго; онѣ разсматриваютъ его, судятъ о немъ, убѣждаютъ его покориться ихъ законамъ. Право требуетъ власти надъ существующимъ; ученія становятся событіями.

Дочери осмнадцатаго вѣка, Энциклопедіи ознаменованы тѣмъ-же характеромъ. Ихъ предметъ успѣхъ общества, болѣе нежели успѣхъ науки. Какъ трудъ философическій, не могутъ онѣ имѣть большаго значенія; но какъ средство образованія, онѣ заключаютъ въ себѣ достоинство безмѣрное: въ томъ ихъ истинное свойство и причина ихъ успѣха.

И можетъ-ли Энциклопедія быть сочиненіемъ философическимъ? Въ ней, по необходимости, нѣтъ единства. Пусть люди, сближенные одинаковостію мнѣній и желаній, соединятъ свои труды и дѣйствуютъ вмѣстѣ, въ одинакомъ направленіи, на своихъ современниковъ: въ общемъ трудѣ ихъ будетъ нѣкоторое практиче-

ское единство, которое можетъ дать сему труду опредѣленное направленіе и произвести важныя послѣдствія. Оно сыщется и въ Энциклопедіи. Но отъ такого несовершеннаго, грубаго единства, годнаго только для дѣйствованія, далеко еще до единства чистаго, истиннаго, господствующаго въ умѣ поэта, художника, философа, единства, которое сближаетъ, объемлетъ, живитъ всѣ части созданія огромнаго, и дѣлаетъ изъ него, можно сказать, тѣло одушевленное, сообразное во всѣхъ частяхъ своихъ. Только мысль одного человѣка порождаетъ такое единство. Никакой союзъ, никакое искуственное сближеніе не произведутъ этого. Общество философовъ столько-же въ силахъ дать міру философическое сочиненіе, сколько общество поэтовъ эпопею или трагедію.

Наши Энциклопедисты не хотѣли сознаться въ этой невозможности. Они жили во время самолюбія и надеждъ; они надѣялись привести въ систему всѣ знанія человѣческія, и хотѣли сдѣлать сочиненіе свое не только средствомъ для дѣйствія, но и памятникомъ. Они вздумали начать систематическою классификаціею знаній человѣческихъ, и таблица, похожая на Баконову, должна была дать Энциклопедіи великій характеръ общности и единства.

Какая странная мысль: помѣстить такую

шаблицу въ началѣ словаря, гдѣ статьи сбросаны въ безпорядкѣ, по случайностямъ алфавита! Назначишь систему для хаоса! Посредствомъ указаній при каждой статьѣ, думали пособить этому неудобству, и связать Энциклопедическое дерево съ самою Энциклопедіею. Но такими механическими хитростями не льзя достигнуть единства: можете ставить нумера, по законному порядку, на разбросанныхъ членахъ, сдѣланныхъ разными художниками и сваленныхъ въ кучу, но въ этомъ никто не узнаетъ статуи. Не смотря на всѣ указанія, дерево Энциклопедическое и Энциклопедія остались чужды одно другой. Единство было приклеено къ фронтиспису, но оно не проникло въ памятникъ.

Да напрасно и проникло-бы оно туда! Если-бы, не слѣдуя простому азбучному порядку, расположили всѣ статьи ученымъ образомъ, по классификаціи Бакона и Даламбера, то Энциклопедія не сдѣлалась-бы отъ этого сочиненіемъ философическимъ: въ ней все не было-бы единства истиннаго.

Для единства мало одной классификаціи. Всѣ классификаціи дѣлаются только для того, чтобы поставить предметы въ нѣкоторый порядокъ, посредствомъ коего умъ можетъ ихъ видѣть, понимать и легко удерживать въ памя-

ши. Такимъ образомъ получаемое единство, совершенно внѣшнее, практическое, бываетъ почти всегда искуственнымъ, произвольнымъ; до него достигаютъ тысячью разныхъ средствъ. Кто не знаетъ, что для всѣхъ наукъ, физическихъ, историческихъ, и даже нравственныхъ, изобрѣтали и употребляли множество различныхъ классификацій, которыя всѣ, единожды установленныя и принятыя, имѣли одно и тоже достоинство: служить руководствомъ для ума и пособіемъ для памяти? Предметы могутъ быть разсматриваемы со многихъ сторонъ и соединяться въ различныхъ отношеніяхъ. Классификація, основанная на томъ или другомъ отношеніи, будетъ достигать своей цѣли безпрерывно разнымъ образомъ.

Къ этому роду классификацій принадлежитъ и Энциклопедическое дерево Бакона и Даламбера. Они искали для него основанія въ различіи умственныхъ способностей; они различали память, разумъ и воображеніе, и классифировали Науки и Искуства по отношеніямъ ихъ къ той или другой изъ сихъ способностей. Не разсматривая здѣсь достоинства самаго основанія сей классификаціи; не изыскивая, значатъ-ли подобныя различія умственныхъ способностей что нибудь другое, кромѣ средства наблюденія и изученія, всякій знаетъ, что

классифировать Науки и Искусства можно по множеству различныхъ началъ. Напримѣръ, можно было-бы найдти средства для классификаціи въ мірѣ внѣшнемъ, а не въ умѣ человѣческомъ, и раздѣлить Науки и Искусства по предметамъ. Общее различіе трехъ царствъ, то есть природа неорганическая, органическая и животная, сдѣлались-бы такимъ образомъ основаніемъ Энциклопедическаго дерева, столь-же обширнаго, столь-же правильнаго, какъ изобрѣтенное Даламберомъ и Бакономъ, которое основано на различіи нашихъ способностей, болѣе произвольномъ, и можетъ быть болѣе пустомъ. Также, въ противоположности міра и человѣка, зрѣлища и зрителя, въ *я* и *не-я*, можно было-бы найдти основаніе классификаціи, взятой, подобно ихъ классификаціи, въ мірѣ внутреннемъ, однакожъ весьма отличной отъ нея. Можно было-бы еще раздѣлить Науки и Искусства по ихъ генеалогіи, въ порядкѣ ихъ рожденія и развитія. Если разсматривать сіи классификаціи съ точки зрѣнія истинно философической, то всѣ онѣ подвергнутся осужденію; но практически, всѣ онѣ имѣли-бы почти одинакія преимущества и произвели-бы одинакое слѣдствіе.

Даламберъ самъ очень чувствовалъ это и спѣшилъ объявить. «Какъ въ общихъ картахъ «земнаго шара, нами обитаемаго, говорилъ

«онъ, предметы бываютъ сближены болѣе или «менѣе, и представляютъ различный видъ, со- «образно точкѣ зрѣнія, на которую глазъ на- «веденъ географомъ, дѣлавшимъ карту, такъ «и форма дерева Энциклопедическаго зависитъ «отъ точки зрѣнія, съ которой будемъ смо- «трѣть на литтературную вселенную. Можно «изобрѣсти столько-же различныхъ системъ для «знаній человѣческихъ, сколько планиглобій раз- «личныхъ проэкцій..... Мы совершенно убѣждены, «что въ подобномъ раздѣленіи всегда будетъ «господствовать произвольность, и потому не «думаемъ, чтобы наша система была един- «ственная или лучшая..... Слѣдственно, наше- «му Энциклопедическому дереву не должно при- «писывать такой важности, какой мы сами не «видимъ въ немъ: это раздробленіе знаній, ко- «торыя можно пріобрѣсти; раздробленіе по- «верхностное, если остановятся на немъ, «полезное, если пойдутъ далѣе.» Въ статьѣ: *Энциклопедія*, Дидеро выразилъ тоже мысль. Сіи умы были выше своихъ собственныхъ произведеній, и оба не хотѣли быть обвиняемы въ томъ, что будто они не понимали истиннаго характера труда, отъ котораго Энциклопедія, по крайней мѣрѣ какъ философическое сочиненіе, ожидала однакожь всего своего единства.

Классификаціи тогда только имѣютъ существенную и ученую значительность, когда онѣ

бываютъ выраженіемъ идеи, слѣдствіемъ системы, касательно самаго основанія вопросовъ, принадлежащихъ Наукѣ. Тогда ихъ достоинство зависитъ отъ достоинства идеи, выражаемой ими, или системы, производящей ихъ. Напримѣръ: Физіологъ, открывъ общій законъ явленій жизненныхъ, и ихъ отношеній къ организаціи, извлекаетъ изъ сего классификацію живыхъ существъ, и она уже не будетъ трудомъ произвольнымъ, не будетъ принадлежать къ порядку, чисто внѣшнему: она представитъ простое и первоначальное явленіе, управляющее сею частію природы, въ его различныхъ формахъ и во всѣхъ его подраздѣленіяхъ. Но сіи, истинно философическія классификаціи, по необходимости, бываютъ ограничены; только въ наукахъ отдѣльныхъ можно надѣяться достигнуть оныхъ. Для Энциклопедіи, подобная классификація невозможна, потому что она имѣла-бы предметомъ всю общность явленій и существъ; она потребовала-бы, чтобы человѣкъ обнялъ всеобщую систему вселенной и открылъ въ ней начало или основаніе; чтобы онъ поставилъ себя въ средоточіе единства высшаго и безконечнаго, для разсмотрѣнія всѣхъ предметовъ, и для понятія соединяющей ихъ связи. Границы его могущества и Науки неизвѣстны; однакожь онѣ не простираются такъ далеко.

Слѣдственно, Энциклопедія не можетъ быть системою правильною, полною, трудомъ истинно философическимъ; въ ней можно достигнуть только несовершеннаго, произвольнаго, наружнаго единства; а единство истинное, котораго потребовала-бы она — выше силъ человѣческихъ.

По крайней мѣрѣ, можетъ-ли она служить прямымъ средствомъ для великихъ и быстрыхъ успѣховъ въ Наукахъ?

Въ этомъ да позволятъ усомниться, особенно по двумъ причинамъ, которыя, по видимому, противоположны, однако ведутъ къ слѣдствію одинакому.

Не льзя постигнуть, до какой степени простирается безкорыстіе и удаленіе отъ всѣхъ чуждыхъ видовъ въ трудѣ людей, посвящающихъ себя какой-бы то ни было наукѣ. Они любятъ ее и занимаются ею для нея самой, для одного наслажденія открывать истину, побуждаемые благородною жаждою знанія, этимъ возвышеннымъ преимуществомъ нашей природы; занимаются — не говорю: безъ всякой мысли о личной пользѣ, но — безъ всякаго примѣненія, не думая, что ихъ труды могутъ имѣть какое нибудь иное послѣдствіе. Кажется, что человѣкъ можетъ достигнуть истины, только со-

предпочивъ для сей цѣли всѣ свои силы; онъ не долженъ развлекашь себя въ эпомъ великомъ намѣреніи никакими отдаленными помыслами и предначертаніями. И только подобное безкорыстіе, забвеніе міра внѣшняго и себя самого, бываютъ награждаемы успѣхами; только они производятъ важныя усовершенствованія въ наукахъ. Пусть укажутъ на великія ученыя открытія, на великія истины, явившіяся отъ чего нибудь инаго, а не отъ единой любви къ наукѣ и истинѣ! Во всѣхъ наукахъ, во времена древнія и новыя, Платонъ и Архимедъ, Ньютонъ и Декартъ, Лагранжъ и Гаюи, всѣ, чье имя напоминаетъ о завоеваніяхъ человѣческаго ума, могутъ быть приведены въ доказательство, что Провидѣніе, въ удивительномъ раздѣленіи даровъ, награждаетъ торжествомъ только чистому стремленія.

Но всякая Энциклопедія, до нѣкоторой степени, есть трудъ практическій, начинаемый съ извѣстнымъ намѣреніемъ, для міра внѣшняго; въ ней Наука не можетъ быть ни единственною, ни даже главною цѣлью. Не такъ зараждается вдохновеніе къ открытію системы міровъ, или къ изслѣдованію тайнствъ судьбы человѣческой! Для такихъ трудовъ потребны: совершенное отверженіе всякихъ преднамѣреній и полный разгулъ мысли, освобожденной отъ бремени мірскихъ помышленій.

Нужна и будущность личной, ясной, нераздѣльной славы. Великія ученыя открытія не бываютъ дѣломъ обществъ и общинъ; это плодъ уединенныхъ размышленій; онъ и долженъ быть вознагражденъ нераздѣльнымъ вниманіемъ и участіемъ публики. Но Энциклопедія есть прудъ безмѣрный и не принадлежащій никому: каждая наука теряется тамъ въ толпѣ другихъ наукъ, каждый человѣкъ въ толпѣ другихъ людей; каждый можетъ тамъ видѣть, какое малое мѣсто занимаетъ онъ, со своимъ знаніемъ, въ океанѣ человѣческаго познанія. Это очень хорошо для униженія гордости Алкивіадовой, но не слишкомъ ободрительно для внушенія людямъ ученымъ того страстнаго усердія, которое заставляетъ ихъ забывать относительную важность трудовъ, и думать только о благородной цѣли — завоеваніи истины.

Наконецъ, люди, раздвигающіе предѣлы наукъ, не могутъ обращаться, и никогда не обращаются къ той многочисленной публикѣ, для которой надобны Энциклопедіи: они идутъ въ путь отъ точки, на коей находится знаніе между учеными, пишутъ только для ученыхъ, и сочиненія ихъ такъ-же исключительны, какъ и публика, могущая судить ихъ. Энциклопедія занимается всѣми предметами, и для читателей всякаго рода; но такого поприща не изберетъ для себя творецъ истинно-ученаго открытія.

Однако, просвѣщеніе сосредоточиваешся въ одномъ фокусѣ для того, чтобы разливаться по всему міру. Цѣль Науки не одно удовлетвореніе благороднаго любопытства. Истина столько-же обильна, сколько прекрасна: не многіе могутъ открывать ее, но всѣ могутъ знать и пользоваться ея благодѣяніями. Успѣхамъ человѣческаго ума должны соотвѣтствовать успѣхи человѣческаго рода. Человѣкъ, разсматриваемый въ его земномъ существованіи, живетъ и трудится для образованности, для развитія и улучшенія быта общественнаго. Здѣсь начинается истинное дѣло Энциклопедій; здѣсь можно открыть всю полезность оныхъ.

Прежде всего, скажемъ о ихъ самомъ общемъ дѣйствіи: онѣ имѣютъ благородное преимущество, однимъ величіемъ представляемаго ими зрѣлища пробуждать, распространять, укрѣплять въ публикѣ вкусъ и уваженіе къ Наукѣ, что, можетъ быть, есть первое, и, безъ сомнѣнія, необходимое условіе для образованности и успѣховъ оной. Какъ великіе и смѣлые памятники даютъ высокое понятіе о народѣ, воздвигнувшемъ ихъ, и заставляютъ удивляться ему изъ рода въ родъ, такъ и сей памятникъ трудовъ ума человѣческаго возбуждаетъ въ душѣ глубокое чувство о правахъ и могуществѣ нашего ума. Разсмотрѣвъ ближе это зда-

ніе, мы увидимъ въ немъ недостатки, несоразмѣрность, упущенія, можетъ быть даже непрочность основанія; но тѣмъ не менѣе справедливо, что общее впечатлѣніе, производимое имъ, бываетъ нравственно, и, если смѣю такъ выразиться, образующе (civilisante): чувствуешь почтеніе къ знанію, любовь къ истинѣ, уваженіе къ умственному порядку, усердіе къ службѣ человѣчеству. Это впечатлѣніе, такъ-же какъ все въ мірѣ, можетъ быть и опасно: можетъ внушить гордость, глупую самонадѣянность, можетъ увлечь людей въ самыя пагубныя заблужденія, но, вообще, благое преимуществуетъ и въ свойствѣ его и въ дѣйствіяхъ; только временамъ успѣховъ и славы можетъ принадлежать оно, и вѣкъ, неспособный къ сему впечатлѣнію, былъ-бы близокъ къ самому печальному, къ единому истинному паденію: у него не было-бы умственной жизни.

Энциклопедіи поддерживаютъ сію жизнь, питаютъ, развиваютъ даже въ тѣхъ умахъ, которые никогда-бы не знали ея, и, можетъ быть, никогда не пожелали-бы узнать. Ѳеологъ-Философъ, честь Шотландіи, Г-нъ Чалмерсъ сдѣлалъ вѣрное замѣчаніе, что въ потребностяхъ умственныхъ бываетъ не такъ, какъ въ физическихъ, которыя тѣмъ нестерпимѣе, чѣмъ долѣе не удовлетворяютъ ихъ. Если не уполянь го-

лода, жажды, то они безпрестанно увеличиваются и дѣлаются наконецъ нестерпимымъ мученіемъ; но въ нравственной природѣ человѣка нѣтъ этой неодолимой, неуклонной потребности: она грубѣетъ, когда ничто не раздражаетъ ея, и чѣмъ болѣе удаляютъ отъ нея приличное питаніе, тѣмъ болѣе привыкаетъ она обходиться безъ него. Пагубное дѣйствіе невѣжества состоитъ въ томъ, что человѣкъ наконецъ теряетъ чувство своей ничтожности и желаніе вырваться изъ оной. Если, напротивъ, умъ его приближается къ истинѣ, онъ становится безпрерывно болѣе жаднымъ къ ней, и если нравственной природѣ нашей необходимо возбужденіе, то, въ замѣну сего, она имѣетъ преимущество не знать ни истощенія, ни пресыщенія, ни даже усталости; трудъ удвоиваетъ ея силы, а наслажденіе желанія. Энциклопедіи, дѣлая доступными тысячи идей для многихъ, которые не подумали-бы, и, можетъ быть, не услышали-бы о нихъ никогда, распространяютъ, и, такъ сказать, приводятъ отвсюду возбужденіе, необходимое для нашего ума. Сочиненія отдѣльныя достигаютъ единственно до тѣхъ людей, которые ищутъ ихъ и уже напередъ хотятъ пользоваться ими. Но посредствомъ Энциклопедій, знанія всѣхъ родовъ сами идутъ на встрѣчу читателямъ: взглядъ занимающагося

Исторіей можетъ пасть на стапью о Философіи; отыскиваніе какого нибудь термина, можетъ обратить вниманіе на практическое объясненіе цѣлаго Искусства. Словомъ, это великая умственная выставка, гдѣ слѣдствія всѣхъ трудовъ ума человѣческаго вдругъ предстаявляются любопытному, и зовутъ его вниманіе.

Я знаю, и потому поспѣшилъ сказать, что такимъ образомъ не зараждается просвѣщеніе основательное, и что желающій сдѣлать предметомъ своего изученія какую либо науку, непремѣнно долженъ искать ее въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. . . . . Но въ Наукѣ, такъ-же какъ и въ обществѣ, образовался многочисленный классъ, который не посвящаетъ ей всей своей жизни, однакожъ не хочетъ и не долженъ остаться чуждымъ для нея; онъ стремится просвѣщать свой умъ, онъ умѣетъ находить удовольствіе, хотя-бы въ мимоходномъ разсматриваніи истины. Этому-то среднему классу умственнаго міра особенно посвящаются Энциклопедіи, въ коихъ находитъ онъ знанія соединенными, сокращенными, и, такъ сказать, выкроенными по его мѣркѣ, ибо распространяться въ нихъ далѣе, и дѣлать обширнѣйшія изысканія, у него нѣтъ ни досуга, ни возможности. Много было говорено

о значительности сего класса въ мірѣ политическомъ; въ нашихъ фабрикахъ и мануфактурахъ произведенія всѣхъ родовъ, ежедневно болѣе и болѣе, примѣняются къ потребностямъ и средствамъ сихъ людей; по какому-же нелѣпому исключенію не могутъ тѣ-же люди имѣть правъ и силы въ мірѣ умственномъ? Неужели съ ихъ удобствами, съ ихъ вкусомъ въ дѣлѣ ученія не должно совѣтоваться, не должно обращать на нихъ вниманія потому, что Наука не есть исключительное и главное ихъ занятіе? Даже процвѣтаніе высшихъ наукъ тѣсно связано съ ученными успѣхами средняго класса.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Впрочемъ, здѣсь-то оказывается прямое и благодѣтельное дѣйствіе Энциклопедій. Онѣ уничтожаютъ преграды, раздѣляющія разныя науки, и заставляютъ одну не оставаться въ невѣдѣніи о другой. Долго въ мірѣ ученомъ господ-

ствовало раздѣленіе на касты. Какъ между учеными и народомъ не было почти никакого сношенія, такъ-же почти люди ученые были почти совершенно чужды одни другимъ: медикъ, юристъ, геологъ, эрудитъ, артистъ, каждый жилъ заключившись въ своемъ ученіи, какъ монахъ въ своемъ Орденѣ. Науки, тѣсно связанныя предметомъ и средствами, напримѣръ Медицина и Хирургія, были строго раздѣлены. И отъ того-то, за исключеніемъ людей геніяльныхъ, каковы Декартъ, Гассенди, Лейбницъ, умъ ученыхъ вообще не отличался обширностію и свободою. Чѣмъ болѣе распространялись занятія, гдѣ необходимо примѣненіе Науки къ потребностямъ обыкновенной жизни, тѣмъ болѣе становились досадны и разительны неудобства этой отшельнической классификаціи. Энциклопедіи уничтожаютъ ее: онѣ дѣлаются связью въ наукахъ, вводятъ въ нихъ духъ общественности, сближаютъ художниковъ съ учеными, практиковъ съ философами, и наконецъ даютъ каждому ученому средство узнать безъ продолжительныхъ усилій то, что не составляетъ предмета особеннаго его изученія, узнать по крайней мѣрѣ столько, чтобы объемъ его новаго познанія, его идей, обратился наконецъ въ пользу его трудовъ. Главная выгода Университетовъ и Академій состоитъ въ

номъ, что всѣ ученые тамъ вмѣстѣ, совѣщаются, спрашиваются, спорятъ, одушевляются и просвѣщаютъ другъ друга. Если книга можетъ замѣнишь живое общество, то это Энциклопедія: она, такъ сказать, окружаетъ ученаго пустынника свѣдущими и благосклонными товарищами, съ которыми онъ можетъ совѣтоваться во всякое время; она не допускаетъ, чтобы отдѣльная жизнь и исключительность его изученій заперли въ тѣсныя границы его идеи и знаніе.

Говоришь-ли наконецъ о ихъ практической и общей пользѣ, о многообразномъ ученіи, о безчисленныхъ свѣдѣніяхъ, которыя доставляютъ онѣ и которыя примѣняются къ стольким обстоятельствамъ, къ стольким потребностямъ жизни? Въ большихъ городахъ, среди всѣхъ удобствъ, всѣхъ богатствъ общества человѣческаго, слишкомъ забываютъ, что множество семействъ, независимыхъ, достаточныхъ, у коихъ занятія не отнимаютъ всего времени и способностей, живутъ въ положеніи совершенно иномъ, въ деревнѣ, или въ маленькихъ городахъ, въ удаленіи отъ всѣхъ пособій Науки и промышленности, тѣснящихся вокругъ насъ. Тамъ-то познается цѣна этой домашней Науки, которая въ нѣсколькихъ то-

махъ переносится въ самую глубокую пустыню. Нѣтъ сомнѣнія, что она ошибочна и не полна; въ примѣненіяхъ ея часто можно ошибиться; но, за всѣмъ тѣмъ, она просвѣщаетъ и еще чаще указываетъ путь; она облегчаетъ въ заботахъ, въ скукѣ, въ удаленіи; она укрѣпляетъ воображеніе; наконецъ, между тысячами разсѣянныхъ человѣкъ и великими хранилищами Науки, она установляетъ родъ умственной связи, которой важность и дѣйствія трудно оцѣнить.

Что жъ такое все это, какъ не явленія образованности, какъ не сама образованность? Энциклопедіи принадлежатъ къ тѣмъ безчисленнымъ средствамъ, которыя употребляетъ, для совершенія своего труда, сила усовершенствованія и успѣха. Успѣхъ есть удѣлъ человѣческаго рода. Одна и та-же сила изобрѣла и Энциклопедіи, и письмо, и книгопечатаніе, и Журналы, и мореплаваніе, и каналы, словомъ: всѣ средства вещественнаго и умственнаго сообщенія между людьми. Такъ стремитъ она все безпрерывно къ своей цѣли, состоящей въ томъ, чтобы болѣе и болѣе развивать природу человѣческую, и каждый день призывать большее число участниковъ къ дѣятельности ума и къ наслажденію благами общественнаго быта.

Нужно-ли окончательное доказательство, что дѣйствительно такова польза и истинное назначеніе Энциклопедій? Пусть разсмотрятъ различныя мнѣнія противъ нихъ: одни нападаютъ на Энциклопедіи какъ на прудъ философическій, и эти нападенія почти всегда справедливы; другіе осуждаютъ ихъ какъ средство образованности: это почти всегда неосновательно, ибо столько-же можно обвинять самую образованность; сколько Энциклопедіи. При первой изъ сихъ точекъ зрѣнія осуждаютъ въ Энциклопедіяхъ невозможность исполнить то, что обѣщаетъ ихъ заглавіе; осуждаютъ разнообразіе въ направленіи каждой статьи, даже и тогда какъ практическое единство было-бы сохранено въ оныхъ; осуждаютъ несоразмѣрность частей, изъ коихъ иныя слабы и обрѣзаны, другія доведены до излишняго развитія, и проч. и проч. При другомъ взглядѣ, намъ говорятъ, что Энциклопедіи передаютъ Науку не вполнѣ, на удачу, не зная приготовлены-ли къ ней умы и могутъ-ли они употребить ее надлежащимъ образомъ, если даже они и хотятъ, и требуютъ ея; что черезъ это, Энциклопедіи способствуютъ, или по крайней мѣрѣ благопріятствуютъ умственной дѣятельности несвоевременной, несоразмѣрной съ обстоятельствами; развиваютъ въ цѣломъ обще-

ствѣ, и слишкомъ поспѣшно, идеи, которыя раждаются въ высшей сферѣ и не должны-бы выходить изъ оной, не подвергнувшись испытанію во времени; что онѣ производятъ много полу-ученыхъ, порождаютъ высокоуміе, легкомысліе въ мнѣніяхъ, въ ученіи, и всѣ недостатки въ частныхъ лицахъ, всѣ опасности, какія могутъ угрожать при томъ народамъ. Не стану оспоривать такого множества важныхъ обвиненій. Ограничусь вопросомъ: Есть-ли хоть одно изъ сихъ обвиненій, котораго не льзя было-бы обратить противъ книгопечатанія, противъ Журналовъ и газетъ, противъ дѣятельнаго обращенія идей и капиталовъ, однимъ словомъ: противъ самой образованности? Справедливо, что она не освобождаетъ человѣка отъ всѣхъ пороковъ, и общества отъ всѣхъ опасностей; напротивъ, она развиваетъ всѣ склонности его природы, всѣ опасности его судьбы. Согласимся въ этомъ; но тѣмъ не менѣе останется справедливо, что образованность есть жизнь человѣчества, законъ, цѣль, слава его дѣятельности на землѣ; что народы, у коихъ цвѣтетъ она, побѣждаютъ величайшія испытанія, переживаютъ величайшія бѣдствія; а тѣ, у коихъ она останавливается, гибнутъ и умираютъ, даже посреди мира, безъ случайностей и безъ непріятелей. Кто осмѣлится ска-

зать, что надобно удушать образованность? Кто станетъ ошвергать средства къ ея развитію?

Но, если здѣсь достоинство и выгода Энциклопедій, то отсюда-же должны происшекать и законы ихъ сочиненія. Онѣ должны быть понимаемы и составляемы какъ средство образованности, а не какъ сочиненія философическія.

При этомъ намѣреніи, ихъ основаніемъ должны быть два условія: надобно, чтобы онѣ, 1-е, были приноровлены къ публикѣ; 2-е, въ точности передавали предлагаемыя идеи и познанія.

Простое означеніе сихъ условій уже показываетъ, что первыя Энциклопедіи, а между ими и Французская, не удовлетворяли онымъ, или по крайней мѣрѣ не удовлетворяютъ теперь.

Съ одной стороны, онѣ были, въ самомъ дѣлѣ, такъ огромны и дороги, что не могли проникнуть всюду, гдѣ чувствовалась въ нихъ надобность; съ другой, онѣ остаются неподвижны, среди образованности, безпрерывно идущей впередъ. Ихъ можно уподобить нашимъ спасистическимъ вѣдомостямъ, которыя со-

ставляются такъ долго, что бывъ окончены, уже не показываютъ онѣ состоянія государства, и такимъ образомъ теряютъ, по крайней мѣрѣ отчасти, свое достоинство, свою пользу.

При первомъ взглядѣ, кажется, что этотъ двойной недостатокъ неизбѣжимъ въ Энциклопедіяхъ, и что не льзя льстишься сдѣлать ихъ доступными великому числу людей, и способными, какъ сама Наука и образованность, къ усовершенствованію и успѣху. Но ничего не бывало! Если до сихъ поръ онѣ еще не могли вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію, то конечно отъ того, что на нихъ глядѣли ложно, думая сдѣлать ихъ, въ одно и тоже время, философическимъ сочиненіемъ, и средствомъ образованности, памятникомъ, и орудіемъ.

Для того, чтобы Энциклопедія была сочиненіемъ философическимъ, хотя по наружности, было-бы необходимо не только заключить въ нее всю общность знаній человѣческихъ, то есть сдѣлать каждое слово языка предметомъ статьи, но и придать всѣмъ, или почти всѣмъ статьямъ нѣкоторую обширность, нѣкоторое значеніе философическое. Со стороны чисто практической, для пользы общей образованно-

сіи, большая часть статей должна была-бы заключать въ себѣ только сокращеніе основныхъ идей и важнѣйшихъ истинъ предлагаемаго предмета. Дать о всѣхъ предметахъ, всѣмъ читателямъ, хотя нѣкоторыя свѣдѣнія, было-бы уже предпріятіе довольно обширное. Но первые Энциклопедисты, занятые однимъ величіемъ своей первоначальной мысли, никакъ не рѣшились-бы писать такимъ образомъ только для публики, собственно такъ называемой: они хотѣли писать для ученыхъ, для ученаго міра. Въ основаніи, первою и главною мыслью всего сочиненія была польза практическая, желаніе образованности; но при исполненіи, въ каждой статьѣ отдѣльно, превозмогало намѣреніе философическое, литтерарное, и каждый авторъ хотѣлъ чтобы его читали для него, и чтобы чтеніе сіе прославило его умъ и знаніе. Важность предмета не входила въ соображеніе. Отъ того, многія статьи, не важныя или часныя, были изложены въ обширнѣйшемъ объемѣ, и въ тоже время, отъ противоположнаго дѣйствія той-же причины, предметы важные, истинно полезные для всѣхъ, не были развиты надлежащимъ образомъ. Слѣдственно, относительная обширность статей была, такъ сказать, на оборотъ противъ ихъ важности, и Энциклопедія получила двойной недостатокъ,

сдѣлавшись неполною и чрезмѣрною, слишкомъ поверхностною и слишкомъ ученою.

Сначала, дѣйствія этого двойнаго недостатка были мало замѣчаемы, и даже мало существенны. Предпріятіе было ново и смѣло; оно давало умамъ движеніе необычайное; оно, такъ сказать, полными горстями кидало на публичную площадь идеи и свѣдѣнія, дотолѣ заключенныя въ тѣсную сферу. Съ неслыханными усиліями старались достигать себѣ Энциклопедію; она быстро возвысила среднюю цѣну общихъ знаній. Жадность и успѣхъ были такъ велики, что многіе почитали удовлетворенными всѣ потребности.

Нынѣ обстоятельства перемѣнились. Съ одной стороны, движеніе не столь быстро, ибо оно, по крайней мѣрѣ во Франціи, отчасти достигло своей цѣли; съ другой, умы стали болѣе требовательны; затрудненія каждаго вопроса извѣстнѣе; нынѣ хотятъ размышленій болѣе глубокихъ, науки болѣе точной и полной; время неограниченнаго самолюбія миновалось вмѣстѣ съ пылкою довѣрчивостью. Недостатки первыхъ Энциклопедій сдѣлались чувствительнѣе и существеннѣе, нежели были во время первыхъ изданій сего рода.

Но не одно это: сама публика перемѣнилась.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . Образовался новый средній классъ, болѣе многочисленный и въ общности болѣе богатый чѣмъ прежде; но богатство лицъ въ немъ рѣже. Въ нравственномъ порядкѣ совершился такой-же переворотъ: склонность и жажда къ просвѣщенію объемлютъ кругъ обширнѣйшій; но рѣже встрѣчаются люди, которымъ продолжительные и удобные досуги давали-бы средство предаваться размышленію, ученію, безъ всякой иной цѣли, кромѣ желанія образовать свой умъ и отличиться знаніемъ. Слѣдственно, теперь гораздо болѣе семействъ, которымъ необходима Энциклопедія для первоначальнаго познанія; но, можетъ быть, гораздо менѣе такихъ, которые охотно взялись-бы, во всемъ объемѣ ея, за Энциклопедію, подобную большой Энциклопедіи прошедшаго столѣтія.

Тоже явленіе видимъ въ большей части странъ Европейскихъ, ибо одного естественнаго хода образованности былъ достаточно, чтобы привести къ тѣмъ-же, хотя и менѣе видимымъ, слѣдствіямъ.

Нигдѣ не дали себѣ отчета въ настоящихъ событіяхъ; но инстинктъ общественныхъ потребностей явился всюду, ибо вездѣ почувствовали, хотя и не объяснили себѣ причинъ, что первыя Энциклопедіи въ наше время не годятся, и что надобно дѣйствовать по новому плану.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

Семейство Холмскихъ (*).

.... Въ числѣ гостей былъ и знаменитый Сундуковъ. Онъ уже успѣлъ пристроить двухъ дочекъ своихъ. Одну изъ нихъ выдалъ онъ за промотавшагося и пожилаго Князя Буасекова. Молодецъ сей не имѣлъ ничего, былъ часто боленъ, глухъ до крайности, и жилъ на хлѣбахъ у тестя, который, въ вознагражденіе убытковъ своихъ, имѣлъ удовольствіе говорить: Дочь моя Княгиня Прасковья Тимоѳеевна. Другая, извѣстная намъ Глафира, вышла за-мужъ за извѣстнаго-же намъ Чадскаго; но онъ успѣлъ уже поссориться съ тестемъ и кинуть жену

(*) Въ 1830-мъ году, Авторъ сего прекраснаго произведенія доставилъ намъ два отрывка, которые и были помѣщены въ Телеграфѣ. Печатая теперь третій отрывокъ, съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшимъ мы извѣстить читателей, что весь романъ вполнѣ печатается, и выйдетъ въ свѣтъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ сего года. Надѣемся угодить симъ извѣстіемъ многимъ, спрашивавшимъ у насъ, словесно и письменно: *когда издастся* Семейство Холмскихъ? *Изд-*

свою: она возвратилась по прежнему въ родительскій домъ.

Сундуковъ былъ Предводителемъ Дворянства, и готовился черезъ два дни принимать у себя въ деревнѣ и угощать одного знатнаго вельможу, начальника своего, который ѣздилъ ревизовать ввѣренный ему край. Всѣ великолѣпныя приготовленія къ пріятію и угощенію уже были сдѣланы; но Сундукову хотѣлось, чтобы болѣе украсить свой праздникъ, пригласить къ себѣ поболѣе людей, что называется, *сальныхъ*. Пронскій былъ Превосходительный, имѣлъ звѣзду и множество орденовъ. Сундуковъ униженнѣйше, почти до земли кланялся и просилъ Его Превосходительство осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, вмѣстѣ съ Ея Превосходительствомъ Софьею Васильевною. Пронскій рѣдко живалъ въ провинціи; ему хотѣлось изъ любопытства видѣть, какимъ образомъ помѣщики, подобные Сундукову, угощаютъ вельможъ въ своихъ деревняхъ; онъ обѣщалъ быть у него. Въ это время подали Пронскому карту играть въ вистъ, и Сундуковъ отправился приглашать прочихъ.

Звалъ онъ разными манерами, смотря по чинамъ и богатству. Къ иному подходилъ говоря: Милости прошу ко мнѣ откушать; другаго ударилъ по плечу, и говорилъ: «А что, брашъ!

не хочешь обѣдать у меня съ Его Высокопревосходительствомъ? Ась! Ну, знаю, знаю, братецъ; какъ не хотѣть!» прибавлялъ онъ шёмъ, которые благодарили его за сдѣланную имъ честь. «А вы что смотрите на меня такъ присталько? И тебѣ хочется? Ну, Богъ съ тобою! пріѣзжай, пріѣзжай; домъ у меня большой: всѣмъ мѣсто будетъ. Да смотри-же, не будь такимъ рохлею, какъ теперь: изволь мундиръ надѣть.» Съ чиновниками уѣзднаго города обходился Сундуковъ совсѣмъ иначе; они были всепокорнѣйшіе его слуги, потому что, по милости его получили занимаемыя ими мѣста. «Эй, вы! смотрите: не зѣвать; пріѣзжайте всѣ въ мундирахъ и пораньше,» говорилъ онъ имъ. «Его Высокопревосходительство хотѣлъ быть ко мнѣ часу въ первомъ, за шёмъ чтобы передъ обѣдомъ осмотрѣть вновь выстроенную по иностранному манеру деревню мою. Его Высокопревосходительство хочетъ тотчасъ послѣ обѣда ѣхать, но авось мы разными забавами кое-какъ его удержимъ; только на это надѣяться не льзя. Ежели онъ не будетъ соглашаться, то вы тотчасъ послѣ обѣда скачите стремглавъ въ городъ, да смотрите, чтобы все было чисто и подметено въ присутственныхъ мѣстахъ. Разбитыя стекла, заклеенныя бумагою, тотчасъ вставить; полы вымыть, со столовъ чернильныя пятна соскоблить осто-

рожно, чтобы не стереть краски, и чтобы на каждомъ столѣ стояли чернильницы и песочницы, и, сохрани Богъ! чтобы не было помадныхъ банокъ вмѣсто чернильницъ. Я тебѣ, Кузьма Петровичъ, давно говорилъ — продолжалъ Сундуковъ, обращаясь къ Секретарю Уѣзднаго Суда — и далъ денегъ, а ты, я думаю, пропилъ ихъ.» — Помилуйте; Ваше Высокоблагородіе, Тимоѳей Игнатьевичъ! — отвѣчалъ Секретарь.— Давно все куплено, но я не отдавалъ подъячимъ: боялся, что они разобьютъ или украдутъ; а для такого торжественнаго случая чернильницы и песочницы непремѣнно будутъ поставлены.— «Тото-же, братецъ, смотри ты у меня. Да послушайте! пожалуста займитесь подъячими: чтобы всѣ они были умыты, чтобы волосы у нихъ были расчесаны и приглажены, ногти обстрижены, бороды выбриты; чтобы на всѣхъ были бѣлыя рубашки; подтвердите имъ также, чтобы, когда Его Высокопревосходительство войдетъ, всѣ низко ему кланялись, чтобы никто въ присутствіи его не осмѣливался сморкаться въ руку, харкать и плевать на полъ; чтобы ни у кого не было разодранныхъ на локтяхъ рукавовъ; чтобы сапоги были у всѣхъ крѣпкіе и не замараны въ грязи: лучше эдакихъ каналій прогнать просто изъ Суда, а то, сохрани Богъ! ежели Его Высокопревосходительство увидитъ такой безпорядокъ, бѣда да и все пустъ.

Онъ не столько взыскиваетъ за упущеніе и медленность въ дѣлахъ, какъ за нечистоту и неопрятность. Пожалуста, чтобы вездѣ было подметено и усыпано пескомъ; Его Высокопревосходительство вездѣ ходитъ и самъ лично своими глазами все осматриваетъ. Впрочемъ все, что Его Высокопревосх. болѣе всего любитъ, кажется сдѣлано. Вѣдь столы въ канцелярскихъ комнатахъ уже выкрашены желтою краскою?» — Какъ-же съ: всѣ выкрашены — отвѣчали Судья и Секретари.

«Ну, а ты, Г-нъ Исправникъ!» продолжалъ Сундуковъ: «что дорога въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ Его Высокопревосх. поѣдетъ?» — Ужъ въ этомъ будьте покойны! Не только всѣ мосты и гати исправлены, но и горы срыты, и дорога вся вычищена, и даже пыль метлами смешена: весь уѣздъ поголовно былъ высланъ — отвѣчалъ Исправникъ. — Говорятъ, на меня хотятъ подавать много просьбъ казенные крестьяне и однодворцы, потому что до помѣщичьихъ имѣній, особенно-же гдѣ живутъ сами господа, я не касался; но вы, Тимофей Игнатьевичъ, всегдашній милостивецъ и благодѣтель, защитите меня. — «О! братецъ, въ этомъ будь увѣренъ. Просто: кто подастъ просьбу, или осмѣлится жаловаться, прямо заковать да и въ тюрьму. Бездѣльники! да о чемъ имъ жаловать-

ся? Теперь рабочая пора.... Ну что за важность? Успѣешь еще убрать хлѣбъ и когда, какъ Его Высокопревосходительство уѣдешь. »

« Чего ожидать, ежели имѣніе настоя-
« щаго дворянина, воспитаннаго въ пра-
« вилахъ хорошей нравственности, пе-
« рейдетъ въ руки взяточника или
« плута? »

Неизвѣстный.

Но, прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію праздника, даннаго Сундуковымъ, исполнимъ наше обѣщаніе: разскажемъ исторію постепеннаго его возвышенія, и посмотримъ, какими средствами нажилъ онъ большое состояніе.

Въ самую блистательную эпоху его величія еще жили старики, помнившіе его отца мѣщаниномъ и цѣловальникомъ; даже и до сего времени двоюродные братья героя нашего, Тимоѳея Игнатьевича, остались въ мѣщанствѣ. Склонность къ мошенничеству обнаружилась въ отцѣ его съ малолѣтства. Онъ искусно приворовывалъ, но не тратилъ краденыхъ денегъ на лакомство, или на какой нибудь вздоръ, а прятalъ ихъ, зарывалъ въ землю, въ отдаленномъ углу родительскаго огорода, и въ лунныя ночи, потихоньку, ходилъ пересчитывать краденыя деньги. Однажды отецъ подмѣтилъ это, выко-

палъ деньги и спряталъ къ себѣ; но увидѣвъ, что любимый сынъ его Игнашка въ отчаяніи, такъ что чуть не наложилъ на себя руки, онъ поспѣшилъ показать ему деньги его, и, не спрашивая, откуда досталъ онъ ихъ, увѣрялъ, что взялъ къ себѣ, только для того, чтобы другіе не украли; а у него будутъ онѣ въ сохранности, и онъ всегда можетъ смотрѣть на нихъ и считать.

Между тѣмъ Игнашка выросъ, возмужалъ, женился на мѣщанкѣ-же, однакожъ съ хорошимъ приданымъ, и вступилъ въ промыселъ цѣловальника въ одномъ богатомъ однодворческомъ селеніи. Тутъ раскрылись всѣ великія его способности: онъ безсовѣстно обиралъ несчастныхъ однодворцевъ, спаивалъ ихъ съ кругу, давалъ вино въ долгъ, причитывалъ, потомъ взыскивалъ, бралъ за безцѣнокъ домашній ихъ скотъ и хлѣбъ, а съ иныхъ просто снималъ шулупы и кафтаны; но, не ограничиваясь однимъ ремесломъ цѣловальника, онъ ссорилъ однодворцевъ между собою, научалъ ихъ подавать просьбы другъ на друга, за тѣмъ, что обыкновенно при слѣдствіяхъ бываютъ сходки спариковъ и сзываются понятые изъ другихъ деревень. Мѣсто такихъ собраній назначается обыкновенно подлѣ кабака, и потому, ежели ссора не оканчивалась мировою, то есть всеобщимъ опьяненіемъ

стариковъ, понятыхъ и обоихъ соперниковъ, но и безъ этого бывала ему всегда большая пожива отъ частыхъ сходокъ, потому что оканчивать слѣдствія однимъ разомъ Земскіе Суды не любятъ.

Но самый главный барышъ получилъ Игнашка цѣловальникъ отъ одного, имъ самимъ изобрѣтеннаго плутовства: онъ часто, на сходкахъ, толковалъ старикамъ, что есть самымъ отличнымъ и избраннымъ изъ всей деревни дуракамъ и пьяницамъ, что они зѣваки, ибо не отыскиваютъ земли, насильно захваченной сосѣдними помѣщиками у ихъ предковъ. «А что малый! Вѣдь Пафнутьевичъ дѣльно гуторитъ. Что мы зѣваемъ?» восклицали эти велемудрые Архонты, воспламененные словами, и еще болѣе виномъ его. Онъ поддерживалъ ихъ и наконецъ взялся доставить имъ хорошаго повѣреннаго. Нѣсколько сходокъ, то есть пьянства, было, чтобы слушать плута повѣреннаго, который имъ доказывалъ и толковалъ, почему ихъ дѣло правое, обнадеживая, что они навѣрное отнимутъ у помѣщиковъ землю. Они слушали его, ничего не понимали и пили вино Пафнутьича. Опять были сходки, чтобы разложить, по скольку собрать съ души на хлопоты повѣренному; потомъ часто возобновлялись собранія сихъ мудрецовъ для слушанія отписокъ повѣреннаго,

въ какомъ положеніи ихъ дѣло: все это умножало пьянство и набивало карманъ Игнашки, который не оставлялъ приномъ употреблять и прочихъ обыкновенныхъ средствъ цѣловальничьихъ, каковы: подшалкиваніе подъ руку, лишній начетъ на выпившагося изъ ума человѣка, и безсовѣстное подливаніе воды въ вино. Но все это еще было ничто всравненіи съ тѣмъ, когда по процессу одподворцевъ пріѣхалъ къ нимъ въ село Землемѣръ съ Земскимъ Судомъ, повѣрять землю въ натурѣ: тутъ Игнашкѣ въ сундукъ полилась золотая рѣка. Кромѣ того что Землемѣръ былъ самъ знаменитая пьяница, и безъ зазрѣнія пилъ простое вино въ видѣ ерофеича, онъ цѣлый мѣсяцъ продолжалъ повѣрку, то есть ежедневное пьянство. Всякій день собирались понятые и рабочіе люди на межу, и сходки спариковъ; всѣ къ вечеру бывали мертвецки пьяны. Однакожъ Землемѣръ, какъ говоритъ пословица, гулялъ, а дѣла не забывалъ: онъ масперски бралъ взятки съ мужиковъ, увѣряя, что рѣшитъ дѣло въ ихъ пользу. Но помощникъ Землемѣрскій, который все дѣлалъ у пьянаго своего начальника, наконецъ прямо сказалъ несчастнымъ, которыхъ они грабили цѣлый мѣсяцъ, что ничего не будетъ, ежели они не дадутъ двухъ тысячъ рублей, и что безъ того они ни къ чему не приступятъ и на другой-же день уѣдутъ. По сему важному случаю онятъ была

сходка, разумѣется, у кабака. Спарики не знали, что имъ и придумать. Деревня вся была ограблена, такъ что не только двухъ тысячь, что есть слишкомъ по рублю съ души, но и по десяти копѣекъ вновь собрать было не льзя.

Именно этого-то давно и ожидалъ Игнашка цѣловальникъ, и по его наущенію Землемѣрскій помощникъ наложилъ такую безсовѣстную дань. Игнашка предложилъ мужикамъ двѣ тысячи рублей, но съ тѣмъ, чтобы они отдали ему въ наймы на десять лѣтъ свои отдаленные, такъ называемые, *загончики* и *сенажки*, то есть около 500 десятинъ общей земли, которая, говорилъ онъ имъ, далеко отъ селенія и совсѣмъ имъ не къ рукамъ. Спарики съ-пьяна тотчасъ согласились. Игнашка вынесъ имъ деньги и съ ними формальную бумагу о сей отдачѣ, заблаговременно приготовленную, написанную по формѣ и засвидѣтельствованную въ Судѣ, такъ что отказаться и нарушить условія никакъ было не возможно.

Деньги тотчасъ были доставлены Землемѣру, который обѣщалъ не далѣе какъ на другой-же день отрѣзать имъ всю землю у помѣщиковъ. Съ утра собралось проекъ 20-ть, съ колокольчиками, и человѣкъ 100 понятыхъ, верхами. Землемѣръ съ-позаранку нарѣзался, съ большимъ трудомъ взлѣзъ на тѣлегу, и со всѣмъ корпе-

жемъ, окруженный старостою, десятскими и множествомъ однодворцевъ верхами, отправился на межу.

«Вотъ это все ваше!» кричалъ Землемѣръ, насилу поворачивая языкомъ, но показывая на обѣ стороны руками. «Эй вы, православные, сторонніе люди, понятые! слышите-ли? Вотъ это все ихъ!» — Какъ-же, батюшка Ваше *Благоуродіе*, слышимъ-ста — отвѣчали понятые, снявъ шляпы. — «Да какъ-же, Ваше *Благоуродіе*, тутъ господскій домъ и усадьба?» — спросилъ староста.—Все ваше, говорю я вамъ. Экой болванъ! говорятъ тебѣ, все ваше!—продолжалъ Землемѣръ, прикладываясь къ штофу съ ерофеичемъ, который былъ поставленъ для него въ тѣлегѣ. — Все вамъ отдаю: и господскій домъ, и усадьбу: все долой! — «Много благодарны за милость твою — говорили простосердечные однодворцы. — «Ну, а вотъ этотъ дальній лѣсокъ: пожалуй намъ, батюшка; лѣсокъ-то больно хорошъ.» — Какой лѣсокъ?— продолжалъ Землемѣръ, который отъ чрезмѣрнаго употребленія ерофеича потерялъ равновѣсіе и упалъ въ тѣлегѣ. — «Вонъ тотъ дальній лѣсокъ.»— Вашъ; возмите его — прибавилъ онъ не смотря, потому что вино совсѣмъ усыпляло его, и онъ лежалъ растянувшись въ тѣлегѣ. — Все ваше! ну вотъ все, что глазомъ окинешь, все вамъ

отдаю. Знай меня, все ваше! помѣщиковъ долой, все берите; бей въ мою голову: я за все отвѣчаю! Да кто прошивъ меня осмѣлится спорить? Я казенный человѣкъ: отдаю вамъ, да и только! — бормоталъ онъ сквозь сонъ, и потомъ такъ сильно захрапѣлъ, что подводчикъ его остановился.

«Что-жь намъ теперь дѣлать?» спросили однодворцы у помощника. — Онъ вамъ отвелъ землю: вотъ и дѣло кончено — отвѣчалъ помощникъ.—«Такъ мы теперь-же отберемъ все у помѣщиковъ; свеземъ ихъ хлѣбъ къ себѣ, разломаемъ и раззоримъ дома ихъ и усадьбы.»—О нѣтъ: этого не могите дѣлать; подождите и пришлите къ намъ въ городъ повѣреннаго вашего. Земля въ натурѣ осмотрѣна, а вамъ все пойдетъ своимъ чередомъ. — Помощникъ, сдѣлавъ имъ сіе наставленіе, велѣлъ везти пьянаго Землемѣра въ городъ, и самъ туда-же отправился: а однодворцы возвратились по домамъ, прославля великодушіе *Межеваго*, что отвелъ имъ такъ много земли, которую они вѣкъ никогда не получили-бы въ свое владѣніе. Остался въ барышахъ Землемѣръ, Помощникъ его, Земскій Судъ и больше всѣхъ Игнатка цѣловальникъ. Онъ туже самую землю, которую взялъ у однодворцевъ за двѣ тысячи на 10-ть лѣтъ, послѣ имъже отдавалъ въ наймы ежегодно по 10-ти рублей за десятину.

Вотъ какъ часто и очень часто поступаютъ крючкотворцы! Плуты пользуются незнаніемъ въ дѣлахъ и простосердечіемъ невинныхъ и несчастныхъ поселянъ, завлекаютъ ихъ въ пустые процессы и раззоряютъ.

Такимъ образомъ богатство, благопріобрѣтаемое цѣловальникомъ Игнашкою средствами столь честными, ежедневно увеличивалось. Между тѣмъ отецъ его умеръ, и ему, какъ старшему въ семьѣ и смышленому сыну, поручилъ весь свой домъ, капиталъ, нажитой мѣлочною торговлею, и меньшихъ двухъ братьевъ. Одного изъ нихъ Игнашка, вскорѣ послѣ смерти отца, постарался отдать въ рекруты, а съ другимъ поссорился, завелъ тяжбу, и тотъ былъ очень радъ отдѣлаться отъ него, получивъ можетъ быть десятую часть того, что ему слѣдовало. Вотъ и еще умножилось богатство Игнашки черезъ погубленіе и раззореніе родныхъ братьевъ.

Хозяинъ его, уѣздный откупщикъ, велъ худо дѣла свои. Цѣловальникъ Игнашка предлагалъ ему услуги, снабжалъ его въ крайности деньгами, показывалъ необыкновенное усердіе, и такъ подбился, что откупщикъ совсѣмъ довѣрился ему и сдѣлалъ его главнымъ повѣреннымъ. Тутъ имѣлъ онъ случай еще блистательнѣе показать свои способности, поощрялъ изъ-подъ

руки подавашь на него ложные доносы о корчемствѣ въ сосѣднихъ уѣздахъ, бралъ взятки съ цѣловальниковъ и позволялъ имъ плутовашь; словомъ: обманывалъ хозяина, обворовывалъ, и въ самое коротkое время приведя его въ совершенную несостоятельность, пустилъ по міру, а самъ сдѣлался вмѣсто его хозяиномъ.

Нѣсколько сроковъ сряду держалъ онъ одинъ откупъ и умѣлъ очень искусно вести свои дѣла; учредилъ, съ пособіемъ *друзей*, непозволительныя выставки на границѣ уѣзда, и продавалъ въ нихъ вино дешевле; нашелъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ сосѣдственныхъ уѣздахъ, принявшихъ на себя благородную должность быть его агентами: они брали отъ него бочки съ виномъ и продавали сами, въ подрывъ своимъ откупщикамъ; умѣлъ запуташь многихъ винокуренныхъ заводчиковъ и завесть съ ними несправедливыя тяжбы въ корчемствѣ; притѣснялъ сдатчиковъ, обманывалъ цѣловальниковъ, построилъ самъ огромный винокуренный заводъ изъ казеннаго лѣсу, который *былъ названъ* негоднымъ къ произрастанію; словомъ: успѣлъ шакъ скоро и шакъ искусно разбогашѣшь и наворовашь шакую кучу денегъ, что не зналъ, куда съ ними дѣвашься.

Въ эшо время, какъ шо обыкновенно съ шакого рода богачами, пришло ему въ голову же-

ланіе быть дворяниномъ. Притомъ-же, куда лучше употребить капиталъ свой, какъ не на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній, которыя у знатныхъ господъ тогдашняго и нынѣшняго времени всегда можно покупать за безцѣнокъ? Онъ нашелъ въ одномъ отдаленномъ уѣздѣ бѣднаго дворянина одной съ нимъ фамиліи. За весьма умѣренную цѣну согласился этотъ дворянинъ признать Игнашку Сундукова своимъ родственникомъ и помѣстить его въ свою родословную. Съ *друзьями* все можно сдѣлать; притомъ-же доказательства Игнашки были такъ *ясны*, такъ *краснорѣчивы*, такъ *убѣдительны*, что невозможно было сомнѣваться въ его дворянствѣ. Онъ съ потомствомъ своимъ, то есть съ героемъ нашего повѣствованія, сыномъ Тимошкою, котораго уже давно начали величать Тимоѳеемъ Игнатьевичемъ, признанъ былъ по всей *справедливости* происходящимъ отъ благороднаго рода Сундуковыхъ, и, не смотря на то, что родные его племянники оставались мѣщанами, ему выдана была Дворянская грамота. Тогда поступилъ онъ въ гражданскую службу, и, занимаясь по прежнему воровствомъ и грабительствомъ по откупамъ, столь *усердно* служилъ, что вскорѣ удостоенъ былъ повышенія въ Офицерскій чинъ. Сынъ также обнаружилъ большія дарованія, достойныя его папеньки: былъ во всемъ самымъ благонадежнымъ сподвижникомъ

его, и даже во многомъ превзошелъ своего отца, то есть, выдумывалъ такія мошенничества и вѣроломства, которыя тому и въ голову не приходили. Онъ также, какъ *природный* Дворянинъ, скоро вышелъ въ чины.

Давно у отца и сына было въ помышленіи купить, изобильныя землею и лучшія въ уѣздѣ, деревни, до пяти тысячъ душъ, у богатаго и знатнаго Князя Мирославскаго, который никогда не выѣзжалъ изъ Петербурга, служилъ при Дворѣ, любилъ проживать деньги, однакожъ, имѣя большое состояніе, довольствовался малымъ оброкомъ, и крестьяне его были первые богачи въ уѣздѣ. Какимъ образомъ приступить къ этому дѣлу? Честь изобрѣтенія принадлежала сыну цѣловальника, Тимоѳею Игнатьевичу, и онъ взялъ на себя свершить весь подвигъ. Прежде всего онъ отправился въ тѣ деревни, подружился съ управителемъ, поилъ его, дѣлалъ ему всякія услуги, обѣщалъ, что ежели успѣетъ купить все имѣніе, то дастъ ему купчую безденежно на особую деревню, триста душъ. Управитель пришелъ въ искушеніе, и, подъ руководствомъ Тимоѳея Игнатьевича, началъ дѣйствовать, сталъ грабить и притѣснять крестьянъ, объявилъ имъ, что получилъ приказаніе отъ помѣщика посадить ихъ на барщину, и вздумалъ отбирать у нихъ землю; крестьяне, подстре-

каемые лазутчиками, подосланными къ нимъ отъ Сундукова, не хотѣли слушаться. Именно это и было надобно. Тотчасъ послано объявленіе въ Земскій Судъ, что крестьяне вышли изъ повиновенія. Всѣ гарпіи и вампиры явились немедленно усмирять ихъ. Началась *секуція*, какъ говорятъ въ деревняхъ, то есть, хватали и ковали правыхъ и виноватыхъ, сѣкли, дѣлали истязанія. *Ходоковъ*, отправленныхъ отъ міра въ Петербургъ, къ барину, съ челобитною на управителя, поймали на дорогѣ, и, какъ главныхъ возмутителей, сковали и посадили въ тюрьму. Въ тоже время послалъ управитель эстафетъ къ Князю, что въ деревняхъ его сдѣлался бунтъ, отъ того, что онъ требовалъ уплаты оброка, столь незначительнаго по ихъ состоянію, и «что они окаянные, забывъ всѣ отеческія ми«лости и милосердіе Его Княжескаго Сіятельства, отдались въ сѣти дьявола, который по«пущалъ ихъ и заставилъ бунтовать противъ «милосердаго отца своего.» Вскорѣ послѣ отправленія эстафеты и самъ Тимоѳей Игнатьевичъ Сундуковъ поскакалъ въ Петербургъ.

Онъ повезъ съ собою много наличныхъ денегъ, но не вдругъ бросился съ предложеніемъ купить имѣніе несчастнаго Князя, котораго Сундуковы въ совѣтѣ своемъ расположились обмануть. Камердинеръ его былъ подкупленъ; онъ сообщалъ

имъ, какъ и когда удобнѣе открышь башарен. Онъ передалъ имъ, что баринъ чрезвычайно огорченъ извѣстіемъ о бунтѣ своихъ крестьянъ и называетъ ихъ неблагодарными, потому что онъ всегда поступалъ съ ними какъ отецъ (отеческія милости его заключались въ томъ, что онъ никогда въ деревняхъ своихъ не бывалъ, нуждъ крестьянскихъ не зналъ и отдалъ все на жертву управителю-мошеннику).

Дѣла Князя были уже давно разстроены; по необходимости надлежало ему продать нѣкоторую часть имѣнія, для заплаты долговъ. Онъ рѣшился сбыть эти деревни и поспѣшилъ объявить о томъ въ газетахъ, покамѣстъ еще слухъ, что мужики бунтуютъ, не сдѣлался гласнымъ; но Тимоѳей Игнатьевичъ, какъ искусный ловецъ, еще все выжидалъ благопріятнаго случая. Ему извѣстно было чрезъ каммердинера, кто являлся торговать и какую предлагали цѣну. Тотчасъ разными способами старался онъ отводить покупщиковъ: иному объявилъ, что крестьяне бунтуютъ и совершенно раззорены; другому внушалъ, что имѣніе малоземельное и не выгодное. Между тѣмъ, разглашая, что Князь совершенно разстроился въ дѣлахъ своихъ, онъ скупалъ за полцѣны векселя его, которые вдругъ представилъ ко взысканію и настоятельно потребовалъ уплаты. Князь самъ долженъ былъ

пригласить его и убѣждать объ отсрочкѣ или сдѣлкѣ, предлагая ему свои деревни; но Сундуковъ отказывался отъ покупки, отговариваясь тѣмъ, что мужики бунтовщики и совершенно раззорены. Въ первый разъ уѣхалъ онъ, не соглашаясь ни на отсрочку, ни на покупку.

Затруднительное положеніе Князя часъ отъ часу увеличивалось. Сундукову было извѣстно, что у него совершенный недостатокъ въ деньгахъ и онъ въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что при Дворѣ назначены были по какому-то случаю праздники, и ему надобно было, чтобы не осрамиться, сшить по крайней мѣрѣ три или четыре дорогихъ Французскихъ кафтана (въ то время еще не было придворныхъ мундировъ). Сверхъ того обязанъ онъ былъ дать большой праздникъ на дачѣ, въ день рожденія жены своей. Въ долгъ никто не вѣрилъ; съ женою дѣлались безпрестанные спазмы и истерика, когда онъ объявилъ, что не имѣетъ возможности, за недостаткомъ денегъ, дать праздникъ, къ которому она уже многихъ пригласила. Словомъ: такое стеченіе бѣдственныхъ обстоятельствъ было слишкомъ тягостно для чувствительнаго сердца Князя. Сундуковъ воспользовался *стѣсненнымъ* его положеніемъ и купилъ имѣніе за безцѣнокъ; а къ довершенію всего, *по ошибкѣ* сдѣлалъ купчую не на имя сво-

его отца, у котораго кромѣ его еще были дѣти, но на собственное свое имя.

По прибытіи въ пріобрѣтенное имъ столь честнымъ образомъ имѣніе, началъ онъ тѣмъ, что не только не отдалъ 300 душъ, обѣщанныхъ соумышленнику его, управителю Князя, но выгналъ его изъ дома, и, обвиняя въ разныхъ злоупотребленіяхъ, остановилъ всѣ его пожитки, и завелъ съ нимъ процессъ, такъ что все, что тотъ наворовалъ во время управленія, перешло по процессу къ Сундукову. Крестьянъ онъ скоро *усмирилъ*: отобралъ кто побогаче, и называя ихъ бунтовщиками, присвоилъ себѣ все ихъ имущество; иныхъ продалъ въ рекруты (тогда было сіе позволено); другихъ сослалъ на поселеніе; дѣтей ихъ взялъ во дворъ; отдалъ иныхъ въ разныя мастерства; изъ другихъ сформировалъ вокальную, инструментальную и роговую музыку; произвелъ нѣкоторыхъ въ пѣвчіе, актеры, танцовщики, то есть, положилъ основаніе многочисленной шеперешней дворнѣ своей.

Такимъ образомъ, зажиточные крестьяне въ скоромъ времени приведены были въ нищету; большая часть земли у нихъ отобрана; заведена значительная господская запашка; устроенъ огромный винокуренный заводъ, на которомъ крестьяне употреблены были въ работу. Имъ

и прежде никогда не приходило въ голову бунтовать, а въ теперешнемъ положеніи еще менѣе: все было тихо и спокойно. Въ два или три года, имѣніе Сундукову само собою совсѣмъ окупилось. Съ отцемъ онъ скоро примирился и тѣмъ, что купилъ имѣніе не на его, а на свое имя: онъ показалъ ему ошибку въ данной отъ него довѣренности на полученіе капиталовъ изъ Опекунскихъ Совѣтовъ; однакожъ не упоминалъ о томъ, что передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, онъ-же самъ сочинилъ и далъ подписать отцу сію довѣренность. Тимоѳей Игнашичъ клялся своему родителю, и снявъ со стѣны образъ, цѣловалъ его въ подтвержденіе своей клятвы, что онъ не воспользуется ошибкою, и раздѣлитъ все поровну съ братьями и сестрами. Отецъ не вѣрилъ его клятвамъ, видѣлъ явную злоумышленность, но онъ уже спановился ѣшаръ, ему нуженъ былъ по обширнымъ дѣламъ его и оборотамъ такой искусный помощникъ; по необходимости показывалъ онъ видъ, что вѣритъ. Впрочемъ, хорошее мнѣніе его объ Тимоѳеѣ Игнатьевичѣ оправдалось послѣ самымъ событіемъ. Не только не раздѣлилъ онъ сего имѣнія поровну съ братьями и сестрами, а присвоилъ все себѣ, но и вошелъ, по смерти отца своего, во всѣмъ оставшемся послѣ него, въ участіе, и получилъ наравнѣ съ прочими. Ссора и вѣчная вражда между имъ и

братьями и сестрами, была слѣдствіемъ сего; но Тимоѳей Игнатьевичъ мало объ этомъ безпокоился, и чтобы нажить побольше богатства, починалъ всякія средства позволительными.

Вотъ Тимоѳей Игнатьевичъ сдѣлался уже богатѣйшимъ помѣщикомъ въ уѣздѣ. Чтобы прикрыть низкое свое происхожденіе и войдши въ родство съ знатными, онъ старался жениться на дворянкѣ извѣстной фамиліи. Въ семействѣ Князя Развратова, который прожилъ все имѣніе, нашелъ онъ предметъ своихъ исканій. Старшая дочь его, довольно пожилая, Княжна Ольга Петровна, рѣшилась забыть знатность и соединить судьбу свою съ богатымъ сыномъ цѣловальника. Супружество ихъ, какъ и должно было предвидѣть, не могло быть счастливымъ; но выигралъ въ этомъ случаѣ одинъ Сундуковъ. Онъ достигнулъ своей цѣли — вступилъ въ родство съ знатными, а бывшая Княжна ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ: мужъ держалъ ее строго и не давалъ денегъ на мотовство; слѣдствіемъ сего были безпрестанныя ссоры: они жили какъ кошка съ собакой. Жена ненавидѣла его, и, раздраженная скупостію мужа, всѣмъ гласно жаловалась, называя себя несчастною, проклинала судьбу свою, не иначе именовала Тимоѳея Игнатьевича, какъ *цѣловальничье отродье*, и даже старалась возстановить дѣтей

противъ него. Но онъ, не взирая ни на что, шествовалъ постоянно избранною имъ дорогою, обманывалъ и поступалъ вѣроломно со всѣми, не исключая рѣшительно никого, ни даже собственныхъ дѣтей своихъ.

Онъ богатѣлъ часъ отъ часу болѣе и болѣе, и безпрестанно покупалъ деревни, сполъ-же честными и благородными способами, какъ у Князя Милославскаго. Въ скоромъ времени большая часть уѣзда ему принадлежала. Оставшихся помѣщиковъ онъ притѣснялъ, или склонялъ на свою сторону. Давая имъ взаймы деньги и потомъ угрожая взысканіемъ, онъ заставлялъ ихъ быть безмолвными; словомъ: онъ всѣхъ завоевалъ, и, разумѣется, нѣсколько выборовъ сряду былъ безсмѣннымъ Предводителемъ; ему всегда подносили бѣлые шары. Партію имѣлъ онъ сильную, потому что бѣдныхъ дворянъ возилъ въ губернскій городъ, къ выборамъ, на своихъ лошадяхъ, обмундировывалъ, поилъ и кормилъ на свой счетъ, но и въ этомъ случаѣ не терялъ разсчетовъ. Ерофеичъ для пойла ихъ приготовлялъ у него дома, изъ своего вина; пиво было также домашнее; множество мерзлыхъ куръ, гусей, утокъ, свинины, и прочаго, доставлялось къ нему въ городъ изъ его деревень, слѣдовательно и содержаніе партіи не такъ дорого стоило. Порядочные и благонамѣренные

дворяне именно потому только не ѣздили на выборы, что знали напередъ безуспѣшность усилій своихъ противостать Чингисъ-Хану Сундукову. У него заблаговременно, еще передъ началомъ выборовъ, собирался въ деревнѣ Сеймъ, на которомъ опредѣлялъ онъ, кому быть Судьею, Исправникомъ и Засѣдателями. Никто не дерзалъ противиться ему, и назначаемые имъ самимъ чиновники, бывъ ему всѣмъ обязаны, и опасаясь навлечь на себя гнѣвъ милостивца и покровителя своего, были всегда покорнѣйшими и послушнѣйшими слугами его. Онъ дѣлалъ въ уѣздѣ все, что хотѣлъ, и горе было тому помѣщику, который не преклонялъ передъ нимъ выи своей! Въ имѣніи такого дерзновеннаго, непремѣнно, или *находили* мертвыя пѣла, или ловили бѣглыхъ, и крестьяне его были *приставодержателями*.

Распространяя далѣе свои *завоеванія*, Сундуковъ употребилъ во зло благонамѣренное постановленіе Правительства, которое назначило награды въ поощреніе благомыслящихъ, дѣлающихъ пожертвованія изъ своихъ избытковъ на богоугодныя заведенія. Сундуковъ выстроилъ огромную больницу въ уѣздномъ городѣ своемъ; по наружности тамъ все казалось прекрасно: кровати были поставлены; въ аптекѣ находились банки съ золотыми надписями; была кух-

ни, щегольски отдѣланная; словомъ: все было чудесно; только *больные* являлись туда по наряду, изъ здоровыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей Сундукова, на короткое время, когда проѣзжали начальники или знатные чиновники черезъ городъ; послѣ они опять *выздоравливали*, и никогда ни одного больнаго въ чудесной больницѣ Сундукова не находилось.

Хотя онъ получилъ крестъ за сіе заведеніе, но честолюбіе его постепенно возрастало: ему хотѣлось еще награды. На большой дорогѣ, въ деревнѣ, гдѣ была всегдашняя его резиденція, онъ выстроилъ все на иностранный манеръ. Каменные, красивые крестьянскіе домы были покрыты черепицею; передъ каждымъ разведены небольшіе садики и посажены фруктовыя деревья; внутри все было чисто и опрятно; передъ домами усыпано пескомъ; земледѣльческія орудія и шѣлеги стояли подъ особымъ навѣсомъ. Среди деревни сдѣлана была площадь, вымощенная камнемъ, на которой выстроилъ Сундуковъ башню съ высокою каланчею, для глаза на случай пожара. Нѣсколько заливныхъ трубъ, бочекъ съ водою и всѣ нужные пожарные инструменты стояли подлѣ, также подъ навѣсомъ. Въ башнѣ сей находилась главная волостная контора и запасный магазейнъ, куда собирался мірской хлѣбъ. Тамъ же хранились го-

лубые и синіе крестьянскіе кафтаны, красныя рубашки, шляпы и коты или сапоги: все это крестьяне его обязаны были надѣвать на то только время, когда помѣщикъ показывалъ посѣтителямъ свою деревню, а потомъ все отбиралось обратно въ магазинъ. Огромная церковь стояла на возвышеніи; кругомъ ея разведенъ былъ Англійскій садъ. Домы Священника и причта были также каменные, крытые черепицею, и прекраснаго фасада. Господскій великолѣпный домъ находился на высотѣ, противоположной церкви. Службы, садъ, оранжереи — все одно другому соотвѣтствовало и представляло блестящую наружность. Сундуковъ пригласилъ къ себѣ Его Высокопревосходительство начальника своего, и приготовилъ ему праздникъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ самъ лично изволилъ видѣть, въ какомъ порядкѣ и какъ чудесно устроена его деревня. Послѣ этого надѣялся онъ убѣдить Его Высокопревосходительство представить его къ наградѣ, какъ примѣрнаго помѣщика, въ поощреніе, чтобы и другіе пріучали крестьянъ своихъ къ такому-же порядку, чистотѣ и опрятности, какіе заведены у него.

« Je suis dévoué de cœur et d'âme aux « personnes de condition; je me plais à « leur être utile et agréable de quelque « manière que cela soit. »

Le Sage.

« Я преданъ всею душею и всѣмъ серд- « цемъ знатнымъ людямъ; за честь « себѣ поставляю быть имъ полезнымъ « и пріятнымъ всякими средствами. »

Лесажъ.

Софья не поѣхала на праздникъ Сундукова. Алексѣй также остался съ больною женою; но Фамусова не хотѣла пропустить случая видѣть, какъ будутъ угощать Его Высокопревосходительство. Она боялась опоздать и поѣхала очень рано. Пронскій желалъ также посмотрѣть всѣ провинціяльныя *продѣлки* при угощеніи вельможи, и чтобы имѣть возможность, издали и не бывъ никѣмъ замѣченнымъ, дѣлать наблюденія, не надѣлъ ни звѣзды своей и ни одного ордена.

« Помилуй, другъ мой! » сказала ему жена его. « Какую безсовѣстную шпуку хочешь ты сыграть съ Сундуковымъ! Онъ именно звалъ тебя такъ униженно для мебели и для украшенія своего праздника, чтобы послѣ говорить: « И « не одинъ Его Высокопревосходительство посѣ- « щалъ меня: на моемъ праздникѣ были и дру-

«гіе кой-кто *лямочники.*» А ты не надѣваешь своей звѣзды. — Затѣмъ-то и не надѣваю, чтобы не быть замѣченнымъ — отвѣчалъ Пронскій. — Я знакомъ съ героемъ, для котораго дается праздникъ; онъ уменъ, и тотчасъ, какъ меня увидитъ, перемѣнитъ свой тонъ; а мнѣ хочется смотрѣть на него во всемъ его блескѣ, какъ онъ, не опасаясь никакихъ замѣчаній, поступаетъ съ своими подкомандующими и въ кругу подобострастныхъ, для которыхъ одинъ взглядъ или одно слово его есть законъ. — «Посмотри: Сундуковъ будетъ въ большой на тебя претензіи; ты уничтожаешь всѣ планы его,» продолжала Софья. — Пускай его сердится! Я ѣду не для того, чтобы имѣть честь присутствовать на его праздникѣ, а для собственнаго своего удовольствія. Я совсѣмъ не намѣренъ быть дѣйствующимъ лицомъ: хочу просто наблюдать разнообразныя физіогноміи — отвѣчалъ Пронскій со смѣхомъ, прощаясь съ женою и садясь въ коляску.

Подъѣзжая къ деревнѣ Сундукова, встрѣтился онъ съ Графомъ Честоновымъ, Адъютантомъ вельможи. Пронскій зналъ и уважалъ этого молодаго человѣка. Онъ остановилъ его. «Помилуй, братецъ, куда ты скачешь отъ праздника?» сказалъ онъ ему. «Ты разрушаешь всѣ мои надежды: я думалъ провесть это время съ то-

бою.» — Мнѣ очень жаль, что я самъ лишенъ удовольствія быть съ вами — отвѣчалъ Графъ Чесноновъ. — Но я спѣшу къ матушкѣ, которая не очень здорова. Чтожъ до праздниковъ, то они мнѣ надоѣли до смерти: скоро мѣсяцъ путешествую я съ Генераломъ; желудокъ мой испортился и голова болитъ отъ всего, что вижу и слышу. Въ ушахъ безпрестанно раздается: *прославимъ, прославимъ! Онъ начальникъ и отецъ. Мы сплетемъ ему вѣнецъ, изъ признательныхъ* (или: такого-то уѣзда) *сердецъ.* Или: *Восхищаетъ онъ всѣхъ насъ;* или: *Славься нѣжный къ намъ отецъ!* А въ одномъ уѣздѣ пропѣли: *Славься нѣжная къ намъ мать!* — Пронскій помиралъ со смѣху. — Однакожъ, иногда эта нѣжная мать — продолжалъ Графъ Чесноновъ — весьма не нѣжно поступаетъ съ дѣтьми своими. Не далѣе какъ вчера, былъ я свидѣтелемъ уморительной и вмѣстѣ съ тѣмъ очень непріятной сцены. Генералъ осматривалъ сосѣдственный съ здѣшнимъ уѣздный городъ. Еще передъ отъѣздомъ своимъ получилъ онъ жалобу на какое-то, уже слишкомъ наглое, злоупотребленіе Суда этого уѣзда. Онъ взялъ жалобу съ собою, съ тѣмъ чтобы лично, на мѣстѣ, разсмотрѣть все дѣло. Какъ будто нарочно, при первомъ вступленіи въ Судъ, начали его сердить: онъ нашелъ ужасную нечистоту на крыльцѣ и на лѣстницѣ. Ни что въ мірѣ такъ не можетъ взбѣсить его, какъ безпорядокъ на-

кого рода. Потомъ, при входѣ въ Канцелярскую, въ Судѣ гнѣвъ его усилился: онъ нашелъ запачканные столы, вмѣсто чернильницъ какія-то банки, дурной запахъ, нечистыхъ, въ изорванныхъ и изношенныхъ сертукахъ подъячихъ, сидящихъ на изломанныхъ стульяхъ, на коробкахъ и сундукахъ, гдѣ хранились дѣла, словомъ: вездѣ отвратительную нечистоту и безпорядокъ. Онъ обратился на Секретаря, бранилъ его воромъ, разбойникомъ, душегубцомъ, обѣщалъ ему примѣрное наказаніе; словомъ: такъ былъ взбѣшенъ, что чуть не бросился его бить. Потомъ вошелъ въ Судейскую, и не отвѣчая на поклоны Судьи и Засѣдателей, сѣлъ на Президентское мѣсто и потребовалъ то дѣло, объ которомъ доведено было до его свѣдѣнія передъ отъѣздомъ изъ губернскаго города. Сгоряча, онъ не имѣлъ терпѣнія ничего читать и только перевертывая листы бранилъ, какъ можно хуже, Судью и всѣхъ Присутствующихъ. Судья осмѣлился напомнить ему, что онъ Дворянинъ и Штабъ-офицеръ. «И ты осмѣливаешься еще говорить?» закричалъ на него Генералъ. «Какой ты Дворянинъ! Благородные люди не дѣлаютъ такихъ мерзостей. Пошелъ вонъ отсюда!» Выгнавъ Судью, принялся онъ за Засѣдателя, стоявшаго ближе къ нему. «Какъ ты осмѣлился подписать такое беззаконное рѣшеніе?» —Кто? я, Ваше Высокопревосходительство? Не

знаю, подписывалъ-ли я; а впрочемъ, ежели Судья подпишетъ и Секретарь скрѣпитъ, то что-же нашему брату остается дѣлать?—«Какъ что? Болванъ! должно смотрѣть, что подписываешь, и не соглашаться на то, что противно законамъ.» – А почему мнѣ знать, Ваше Высокопревосх., что̀ противно законамъ? Секретарь подбираетъ ихъ, а намъ надобно только подписывать. – «Вотъ поди, толкуй съ этимъ осломъ. Давно-ли ты служишь здѣсь Засѣдателемъ?» – Еще первый выборъ. Я недавно вышелъ изъ военной службы. Да что, позвольте правду сказать Вашему Высокопревосх., ежели нашему брату ссориться, то надобно умереть съ голоду. Вотъ я еще жалованья копѣйки не видалъ; все вычитается за штрафы, а со всѣмъ тѣмъ живу покамѣстъ кое-какъ. — На это Генералъ, бывъ вновь разсерженъ за другое, не успѣлъ дать отвѣта: онъ замѣтилъ, что въ дверяхъ другой комнаты, гдѣ помѣщался Земскій Судъ, Исправникъ, бывшій въ ссорѣ съ Судьею, подслушивалъ, торжествовалъ и вмѣстѣ съ своими Засѣдателями потихоньку посмѣивался. Генералъ слышалъ много проказъ и объ Исправникѣ: вызвалъ его и Засѣдателей на сцену, разбранилъ какъ не льзя больше, и въ сердцахъ вышелъ изъ Суда. Коляска его была готова у крыльца; онъ побранилъ еще Городничаго, и прямо по-

ѣхалъ въ дорогу. — «Вотъ за дѣломъ пріѣзжалъ въ Судъ!» сказалъ, пожимая плечами, Пронскій.

— Только началъ было онъ понемногу успокоиваться въ колискѣ — продолжалъ Графъ Честоновъ—какъ вновь былъ взбѣшенъ при одной дурной переправѣ черезъ рѣку, на поромъ; а къ довершенію всего, тутъ-же подали ему крестьяне жалобу на Исправника, который безсовѣстно во всемъ ихъ притѣсняетъ: собравши съ нихъ деньги на мостъ, положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ; моста не дѣлаетъ и позволяетъ поромщикамъ брать съ нихъ-же, что имъ захочется. Вы можете вообразить, что досталось Исправнику: онъ ругалъ его немилосердо, записалъ фамилію и поздравлялъ навѣрное солдатомъ. Вдругъ этотъ подлецъ падаетъ предъ нимъ на колѣни. «Батюшка, Ваше Высокопревосходительство! простите великодушно! будьте мнѣ вмѣсто отца и матери! клянусь вамъ, вѣкъ этого не буду дѣлать.» — Вспанъ, мерзавецъ!—отвѣчалъ ему Генералъ.— И преступленіе и раскаяніе одинаково гадки! Сей часъ отдай крестьянамъ деньги ихъ, мостъ сдѣлай на свой счетъ, и сего-же дня подай въ отставку; иначе я тебя не прощу.« — Милосердый отецъ и милостивецъ! — сказалъ Исправникъ вставая. — Все непремѣнно будетъ сдѣлано. Пожалуйте ручку.» Сколько

ни былъ сердитъ Генералъ, но послѣ этого насилу могъ удержаться отъ смѣха, отвернулся отъ него, и пошелъ садиться въ коляску.»

Прокскій съ негодованіемъ слушалъ сей разсказъ. «И это дворяне!» вскричалъ онъ. «Однакожъ разсуди самъ, любезный Графъ, безпристрастно: можно-ли какому нибудь хорошему человѣку брать на себя должности по выбору? Почему твой Генералъ, по однѣмъ поданнымъ къ нему просьбамъ, не изслѣдовавъ и не распросивъ, позволилъ себѣ ругать неинлосердо Дворянъ? Почему ему знать, точно-ли справедливы эти жалобы? Ну что, ежели который изъ нихъ точно невиненъ, каково ему было слышать незаслуженныя ругательства?» — Конечно это правда — отвѣчалъ Графъ Честоновъ.—Я не оправдываю такого предосудительнаго злоупотребленія власти начальника; но его точно можно извинить. Здѣсь открылись ему такіе ужасы, что хоть кого должны были вывесть изъ терпѣнія. Впрочемъ, воля ваша, почтенный Николай Дмитріевичъ, а всему причиною то, что хорошіе, благонамѣренные Дворяне уклоняются отъ выборовъ, и собственное спокойствіе свое, семействъ своихъ и имѣнія предаютъ на жертву мерзавцамъ. Вы не можете повѣрить, до какой степени достигли здѣсь злоупотребленія.—«Очень вѣрю и согласенъ съ тобою; но ни кому не

надобно забываться: всякій обязанъ знать мѣру своей власти и не выходить изъ границъ — возразилъ Пронскій. — Но это не наше дѣло; каждый разсуждаетъ и поступаетъ по своему образу мыслей. Скажи: ты проѣзжалъ мимо деревни Сундукова? Тамъ, говорятъ, чудеса приготовлены.» — Вы сами увидите; не спану говорить ничего; только повѣрьте: изъ всего, что вамъ представится, самое гадкое и отвратительное самъ хозяинъ. Я не могу равнодушно смотрѣть на этого мерзавца. — «Помилуй, братъ! ежели не смотрѣть равнодушно на всѣхъ мерзавцевъ въ здѣшнемъ мірѣ, то надобно большую часть жизни провесть зажмуривъ глаза. Да за что онъ такъ сильно возбудилъ негодованіе твое противъ себя?» — Кромѣ того, что вся жизнь его есть цѣпь злодѣйствъ, послѣднее вѣроломство его съ общимъ нашимъ знакомымъ, Александромъ Андреевичемъ Чадскимъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. — «Какъ! съ Чадскимъ? Какимъ образомъ могли они сойтиться и гдѣ онъ теперь? Я такъ давно потерялъ его изъ виду.» — Онъ живетъ не далеко отсюда, въ маленькой своей деревенькѣ, оставшейся у него отъ всего большаго его состоянія. По несчастію, у него было значительное имѣніе по близости отъ Сундукова, который, по обыкновенію, сдѣлалъ планъ пріобрѣсть это имѣніе, и употребилъ извѣстныя и всегда одинакія свои

средства. Онъ зналъ, что Чадскій былъ много долженъ; скупилъ векселей его, за безцѣнокъ, тысячъ на пріиска, и тотчасъ представилъ ко взысканію. Чадскій пріѣхалъ къ нему просить отсрочки. Этимъ воспользовалась дочь его Глафира; она довольно умна и большая кокетка; словомъ: Чадскій былъ завлеченъ ею, сталъ свататься и получилъ согласіе, а въ приданое за нею Сундуковъ отдалъ его-же векселя, но заставилъ напередъ Чадскаго переписать ихъ на ея имя. Чадскій нашелъ въ женѣ своей пренесносную, сварливую, злую женщину, которая мучила его, но имѣла однакожъ большое вліяніе на его нравственность. Вы знаете, какой вспыльчивый былъ у него характеръ? Въ самое коротное время она шакъ его перемѣнила, что онъ сдѣлался тише воды, ниже травы, и я часто со смѣхомъ напоминаю ему стихи Хемницера:

Да чѣмъ-же малаго шакъ усмирили?
Женили.

Но представьте, что сдѣлалъ съ нимъ почтенный папенька Онъ заставилъ, обманомъ, или не знаю какими средствами, дочь свою передать векселя мужа на свое собственное имя, и представилъ ихъ ко взысканію. Чадскій ничего не зналъ и не вѣдалъ; вдругъ, въ одно прекрасное утро, пріѣзжаетъ къ нему въ деревню

Земскій Судъ, съ объявленіемъ, что имѣніе его продано за долги и принадлежитъ уже Тимоѳею Игнатьевичу Сундукову. Вы. можете вообразить, до какой степени пораженъ былъ Чадскій такимъ невѣроятнымъ вѣроломствомъ. Онъ поѣхалъ къ доброму тестю, разбранилъ его какъ канальо, но. шѣмъ все и кончилось: поправить ничѣмъ было не льзя; имѣніе перешло въ вѣчное и потомственное владѣніе Сундукова. Жену свою, подозрѣвая въ злоумышленности, не смотря ни на какія оправданія, онъ прогналъ отъ себя, и объявилъ рѣшительное намѣреніе, вѣкъ не видаться съ нею. Происшествіе это сильно разстроило, и безъ того уже слабое, здоровье Чадскаго: онъ часто бываетъ боленъ и такъ постарѣлъ, что его узнать не льзя.—«Хорошъ, хорошъ, Г. Сундуковъ, молодецъ хоть куда!» сказалъ Пронскій, качая головою. «Нѣтъ, еще не скоро у насъ въ Россіи общее мнѣніе будетъ уважено и послужитъ наказаніемъ мерзавцамъ.» Однакожъ, ежели вы хотите застать праздникъ и всѣ *продѣлки* Сундукова съ самаго начала и во всемъ блескѣ — продолжалъ Графъ Честоновъ, вынимая часы — то пора вамъ ѣхать: герой праздника щеперь скоро явится.

(До слѣд. книжки).

CCLX глава изъ III части Странника.

Много разъ слышалъ я, долго и самъ думалъ, что и поэтъ созданъ для разнообразія въ мірѣ, что и онъ, подобно всѣмъ художникамъ и ремесленникамъ, существуетъ для промысла, но... что-же скажу я прочимъ этого холоднаго міру? Вопросимъ Оракула...

Но до Оракула далеко,
Далеко, милые друзья!
Дойдши сего дня до Востока,
Мнѣ кажется не въ силахъ я.
Но нѣтъ! Для васъ, мои богини,
Какъ мысль крылатая паря
Чрезъ Аравійскія пустыни,
Чрезъ горы, степи и моря,
До мѣстъ гдѣ пенлится заря,
Достигну я!.. Достигну, дѣти!
Шалуньи!.. Вотъ ужъ пролетѣлъ
Тму разстояній и столѣтій,
И слава Богу живъ и цѣлъ.
А вы?.. устали?.. о малютки!..
Какъ жаль мнѣ васъ! какъ не пенять!
Ну для чего, затѣмъ вамъ брать
Съ собой въ дорогу предразсудки?..

Тяжелая ноша, избави Богъ, какая тяжелая ноша! сказалъ-бы и Александръ Васильевичъ, Русская душа, великая душа, чистая, огненная душа!

Но вотъ храмъ Аммона, вотъ Оракулъ; слушайте отвѣтъ его:

Погибни въ томъ остаткѣ чувства,
Пусть въ жизни все ему на зло,
Кто даръ считаетъ за искусство,
А трудъ души—за ремесло!
Я жизни сей не рабъ презрѣнный,
Я проводникъ того огня,
Который движетъ всей вселенной
И съ неба льется на меня!

А. Вельтманъ.

III

— *Ермакъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ; сочиненіе Алексѣя Хомякова. М. Въ т. Селивановскаго. 1832. 167 стр. in-8.

Въ наше время, теорія Драматической Поэзіи разсмотрѣна, объяснена, изслѣдована до высокой степени совершенства. Надобно быть знакомымъ съ твореніями знаменитыхъ Критиковъ, освѣтившихъ внутренній смыслъ Драмы Древней, Шекспировской и Классической, чтобы вѣрно судить о явленіяхъ Драмы Новой. Таково благородное назначеніе, такова сила истины: раскрываясь передъ умственнымъ окомъ немногихъ, счастливыхъ любимцевъ своихъ, она, избирая ихъ своимъ органомъ, черезъ нихъ распространяетъ свѣтъ свой на всѣхъ, безъ исключенія. Впрочемъ, не будучи ни волшебствомъ, ни чарованіемъ, истина и должна существовать для всѣхъ людей, ибо иначе она не была-бы истиною. Вслѣдствіе сего закона, теорія Драмы въ наше время существуетъ одна, для всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ, упрямыхъ и лѣнивыхъ умовъ, подобныхъ Алеутскимъ островитянамъ, которые лежа въ десяти шагахъ отъ ручья свѣтлой воды, жалуются на жажду и умоляютъ прохожаго согнать ихъ съ мѣста и заставить напиться. Но гдѣ возбудительный прутъ для нашихъ лѣнивцевъ? Оставимъ ихъ лежать на мѣстѣ и обратимся къ своему предмету.

Почти всѣ главные теорическіе вопросы Драмы рѣшены. Остается пояснить немногое и согласиться въ неконченныхъ вопросахъ о единствахъ, о выборѣ прозы или стиховъ, и подобныхъ предметахъ. Но это уже частности, которыя каждый народъ долженъ рѣшать отдѣльно для себя, соображаясь съ своимъ языкомъ, своею частною привычкою, своими обычаями. Напримѣръ, развѣ богъ Поэзіи могъ-бы передѣлать Французскіе Александрійскіе стихи въ пятистопные безъ рифмъ, но Французамъ это невозможно, ибо несвойственно съ навыкомъ ихъ слуха.

Не странно-ли однакожъ, что теорія столь хорошо объясненная, согласная съ умомъ и требованіями всѣхъ, однимъ словомъ: истинная теорія нашей Драмы, не имѣетъ никакихъ практическихъ доказательствъ, ни у насъ, ни у Французовъ? Въ самомъ дѣлѣ, осмотритесь и укажите хоть на одно произведеніе современное, которое было-бы достойно теоріи Шлегелей, Шиллеровъ, Экштейновъ, извлекшихъ ее изъ безсмертныхъ твореній Шекспира, Кальдерона и первобытныхъ драмъ, столь близкихъ, столь сообразныхъ идеалу Искусства? Нѣтъ, ничего нѣтъ! Ни В. Гюго, ни А. де Виньи, ни Пушкинъ не удовлетворяютъ насъ. Отъ чего? Неужели теорія новая недоступна для нашихъ силъ? Безразсудно было-бы подтвердить сіе, но не совсѣмъ кстати было-бы и намъ предаться изслѣдованію столь огромнаго вопроса въ статьѣ, гдѣ главная цѣль наша: показать настоящее мѣсто *Ермака* въ современной Драмѣ. Мы по необходимости

должны объясниться кратко. Новая теорія не произвела ни одного великаго созданія, именно потому, что она еще слишкомъ нова. Гдѣ изложена сія теорія? Въ полемическихъ спорахъ, гдѣ оспоривали прежнюю Классическую теорію, гдѣ разрушали ветхое зданіе чопорной Драмы многихъ подражателей Древнимъ. Но когда время разрушенія было временемъ созданія? И могутъ-ли съ творческимъ спокойствіемъ приняться за созданіе новаго тѣ руки, которыми на полѣ спора были враговъ? Оканчивались-ли въ одно, въ два, даже въ три поколѣнія всемірные перевороты? Мы только разрушители въ Драмѣ. Безъ внутренняго сознанія, наши Драматическіе писатели находятся подъ вліяніемъ Классической Драмы, еще болѣе нежели они воображаютъ себѣ. Причина понятна: они составили теорію свою изучая образцы чужеземные; но по глубокимъ впечатлѣніямъ, по воспитанію, по привычкѣ остались Классическими Французами. Не изъ души, глубоко проникнутой событіями родными или современными, явилась наша новая Драма, которой у насъ образцы *Борисъ Годуновъ* и *Ермакъ*. Скажемъ мимоходомъ, что главный недостатокъ *Бориса*, по мнѣнію нашему, въ томъ, что Авторъ его слишкомъ *матеріально* подражалъ Шекспиру, не сообразивъ различія временъ и народовъ, и различія источниковъ, изъ коихъ черпалъ нашъ Поэтъ и Шекспиръ.

Ермакъ, по времени сочиненія, едва-ли не старше *Бориса*, и, во всякомъ случаѣ, онъ отрасль того же древа, которое родило трагедію Пушкина. Авторъ *Ермака* принадлежитъ къ новой школѣ Русскихъ Драматистовъ; онъ проникнутъ духомъ пре-

образованія ; онъ принадлежитъ къ реформаторамъ старой Трагедіи. Притомъ, дарованіе его чрезвычайно замѣчательно. Все это обязываетъ насъ заняться тщательнымъ разборомъ его трагедіи, дабы увидѣть: до какой степени простерлись наши успѣхи въ дѣлѣ драматической реформы ?

Сбросивъ съ себя оковы единствъ, вступительнаго акта, изложенія, Академическихъ ситуацій, и проч., Авторъ могъ дать полную свободу своему воображенію, и думать объ одномъ, неизбѣжномъ единствѣ *дѣйствія*, объ одномъ интересѣ общемъ ; во всѣхъ частяхъ драмы, которыя должны принадлежать къ одному, главному событію. Но, воля ваша ! я не умѣю представить себѣ, что можно приходить въ восторгъ систематически, какъ то дѣлывалось прежде, и, по видимому, дѣлается нынѣ. Сначала авторъ задаетъ себѣ тему: написать трагедію, ибо стихи пишутся у него легко и хорошо. Давай искать предмета ! Прежде, бывало, для этого бросятся къ Софоклу, къ Эврипиду, къ Корнелю, къ нѣкоторымъ другимъ, не столь славнымъ и тѣмъ болѣе пригоднымъ трагикамъ ; не то, начинаютъ перебирать всю Греческую и Римскую Баснословную Исторію; иногда обращаются и къ бѣднымъ соотечественникамъ, но съ однимъ условіемъ: Игоря, Олега нарядить въ шлемъ и доспѣхи Французскаго рыцаря, Княженъ Русскихъ преобразить въ придворныхъ дамъ Французской Королевы, а бородатыхъ прислужниковъ ихъ и неловкихъ прислужницъ въ неопредѣленныхъ существъ, извѣстныхъ подъ характернымъ названіемъ наперсниковъ и наперсницъ. Зашѣмъ, всего ближе бывало, взять *Федру*, *Андро-*

паху Расинову, или *Заиру*, *Альзиру*, *Танкреда*, Вольтера, или Дюсисовы подражанія Грекамъ, и половину стиховъ перевесши изъ нихъ, а остальное только расположить по плану которой нибудь изъ означенныхъ трагедій, и дополнить нѣкоторыми своими изобрѣтеніями (каковы: сонъ *Димитрія Самозванца*, пріемъ Посла Ташарскаго въ *Димитріи Донскомъ*) и не многими стихами. После этого оставался одинъ трудъ: писать — и писали, и дописались до того, что сами начали смѣяться надъ собою. Вотъ правила, вотъ пути прежняго воспитанія и вдохновенія! Но при нынѣшней теоріи Драмы, другое требованіе, другія условія. Разрубивъ путы условныхъ законовъ, поэты наши подвергались законамъ, гораздо болѣе и совсѣмъ иначе тяжелымъ. Отъ нихъ прежде всего требуютъ вдохновенія истиннаго. Взыскательность простирается до того, что даже хотятъ, чтобы поэтъ одушевился не мыслью написать то или то, а предметомъ поэтическимъ, который явившись въ радужныхъ цвѣтахъ воображенію, облекся-бы Искусствомъ въ осязаемыя формы и явился въ видѣ гимна, романа (эпопеи нашего времени) или драмы, смотря по свойству своему. Отъ сего-то происходитъ въ наше время и наклонность къ Исторической Поэзіи, ибо сочиненіе, какого-бы то ни было рода, будетъ ближе къ истинѣ поэтической, когда основаніе его взято изъ происшествія невымышленнаго, по извѣстному закону, что никогда воображеніе человѣческое не изобрѣтетъ такого поэтическаго событія, какихъ тысячи представляетъ намъ Исторія, или дѣйствительность, и по тому, что міръ со-

временный представляетъ мало возможности къ поэтическому одушевленію. Въ историческомъ романѣ, напримѣръ, основаніе готовое: умѣйте только найти поэтическія стороны его, умѣйте развить голый, безстрастный разсказъ Исторіи. Тоже условіе и въ трагедіи. Почти всѣ произведенія Шекспира взяты изъ Исторіи или изъ народныхъ преданій. Какъ великій геній, Шекспиръ, можетъ быть безотчетно, провидѣлъ истину, оправданную теоріей, ибо въ Искусствѣ, такъ-же какъ въ наукахъ, событія всегда предшествуютъ системѣ. Чтобы узнать теорію электричества, надобно было прежде похитить искру изъ громоносныхъ облаковъ. Чтобы увидѣть истинное основаніе Драматической Поэзіи, надобно было постигнуть безсмертныя созданія Драматическаго генія. Это одинъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ новой теоріи Изящнаго, гдѣ путь драматическаго поэта столь-же различенъ отъ пути Французскихъ Классиковъ, какъ различны наши дороги съ колеями, по коимъ летаютъ паровыя кареты, отъ ненадежныхъ, грязныхъ дорогъ, по коимъ влачились рыдваны и повозки нашихъ прадѣдовъ.

Авторъ *Ермака*, какъ видимъ изъ самаго созданія его, обладалъ всѣми сими познаніями. У него нѣтъ единствъ времени и мѣста, нѣтъ шестистопныхъ ямбовъ съ рифмами, нѣтъ натяжки въ положеніи. Онъ былъ вдохновленъ предметомъ историческимъ (мы не хотимъ сказать: онъ *избралъ* предметъ историческій, ибо почитаемъ Г-на Хомякова поэтомъ), и что гораздо важнѣе, историческій

предметъ, служащій основаніемъ его трагедіи, заключаетъ въ себѣ истинную поэзію. Сверхъ того, Русь, дикія красоты и полудикіе обитатели Сибири, слава и народность предмета, яркія краски отечественныхъ нравовъ — все представляло богатую жатву для его поэтическаго воображенія, для его изящной кисти. Любопытно послѣ сего видѣть, какъ воспользовался онъ своимъ предметомъ и до какой степени возвысился въ полетѣ своемъ.

Завоеваніе Сибири: вотъ слова, нераздѣльныя съ именемъ Ермака, доставившія ему безсмертіе и народную славу. Пятеро буйныхъ Атамановъ разбойничьихъ, Ермакъ Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, осужденный на смерть за злодѣйства, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ, Яковъ Михайловъ, были ужасомъ береговъ при-Волжскихъ. Не одни окрестные жители мирныхъ селъ, но и воинственные обитатели улусовъ трепетали ихъ имени. Кровавая слава Атамановъ достигла слуха умныхъ богачей своего времени, купцовъ Строгоновыхъ, которымъ Іоаннъ Грозный далъ грамоты на обладаніе безмѣрными пустынями, внизъ по Камѣ, отъ земли Пермской до рѣки Сылвы, и по берегамъ всей Чусовой, дозволилъ ставить остроги, имѣть огнестрѣльный снарядъ и войско на собственномъ иждивеніи, словомъ: какъ умный политикъ, Іоаннъ сдѣлалъ ихъ владѣтелями непріязненныхъ странъ, но направилъ подвиги ихъ къ своей пользѣ. Не храбрые воители, но сметливые, предпріимчивые люди, Строгоновы рѣшились при-

звать Ермака, съ буйными его товарищами-разбойниками, и написали къ нимъ ласковое письмо, убѣждая покинуть ремесло поганое, взять оружіе за дѣло Православнаго Царя, и тѣмъ заслужить отъ него пощаду и помилованіе въ прежнихъ злодѣйствахъ, а отъ отечества честное примиреніе. Получивъ благородное призваніе Строгоновыхъ, Ермакъ заплакалъ отъ умиленія: сія черта освѣщаетъ намъ душу смѣлаго завоевателя, ибо видимъ, что не одно мужество шалось въ ней, но и добродѣтели болѣе возвышенныя. Признаюсь, что для меня Ермакъ, плачущій надъ призывомъ въ честную службу, трогательнѣе, краснорѣчивѣе Цезаря, который проливалъ слезы передъ изображеніемъ Александра Великаго. Я вижу, въ Цезарѣ, сквозь туманъ не разразившихся еще страстей, честолюбца; въ Ермакѣ, грубомъ, отчаянномъ разбойникѣ, благородную душу, которой было доступно раскаяніе, и которую растрогивала мысль о примиреніи съ отечествомъ :

О слезы раскаянья! Вами
Душа мирится съ небесами.

Извѣстны послѣдствія Ермаковой службы у Строгоновыхъ : онъ завоевалъ Царство Сибирское, возложилъ новый вѣнецъ на главу Россійскаго Государя, и наконецъ погибъ въ неравной борьбѣ, имѣя сотни, сражаясь съ тысячами, и противоборствуя не однимъ воинамъ въ полѣ битвы, но и климату непріязненному, и врагамъ скрытнымъ, и голоду. Исторія Ермака составляетъ краткій, но блестя-

ній эпизодъ въ Исторіи Россійской, и нѣтъ выгоднѣе она для поэта, что онъ находитъ въ ней цѣлое, полное событіе, сіяющее поэзіей въ самомъ простомъ, безъискуственномъ разсказѣ. Посмотримъ, что сдѣлалъ изъ нея Авторъ трагедіи *Ермакъ*.

Онъ не хотѣлъ видѣть того, что видимъ мы, и что, вѣроятно, видятъ всѣ. Онъ не хотѣлъ воспользоваться высокою простотою подвиговъ своего героя, не хотѣлъ изобразить въ Ермакѣ завоевателя Сибири: онъ ввелъ его въ трагедію, основанную на вымыслѣ, раскрасилъ историческое событіе любовью, проклятіемъ отца, небывалой измѣной товарищей Ермаковыхъ, заслонилъ его воздушною невѣстою завоевателя Сибири, провѣщателемъ Шаманомъ, и проч. и проч. Надобно разсказать весь ходъ трагедіи, чтобы читатели видѣли все это вполнѣ.

Сибирь завоевана. Дѣйствіе открывается въ станѣ Ермака, гдѣ, какъ видно, отъ нечего дѣлать, завелись уже вражда и распри. Начавъ такимъ образомъ свою трагедію, Авторъ произвольно лишилъ ее цѣлости, отрекся отъ самаго высокаго подвига Ермака, рѣшающагося оставить ремесло разбойника и выкупить прежнюю жизнь новыми, великими дѣлами. Главная ошибка, что черезъ это Авторъ уничтожилъ единство дѣйствія въ жизни Ермака, и безъ всякой причины оторвалъ поэтическое начало того, на что рѣшился и что выполнилъ сей исполинъ темныхъ вѣковъ и народныхъ преданій. Послѣ этого было уже необходимо вы-

защь и пушашь узды изъ гнилыхъ, вешнихъ нишей любви, измѣны, проклятія, и прочихъ, вѣчныхъ принадлежностей Классической Трагедіи. И вотъ онѣ пушаются. Казаки, сторожа станъ, разсуждаютъ, что Ермаку не сдобровать, ибо является много злыхъ предвѣстій; завидѣвъ Ермака, Казаки *отходятъ отъ него подалѣ*. Начинается длинный монологъ, гдѣ Ермакъ исчисляетъ мученія души своей и, наконецъ, засыпаетъ. Входятъ Мещерякъ и Заруцкій (Есаулы, какъ называетъ ихъ Авторъ), вмѣстѣ съ нѣсколькими Казаками. Мещерякъ спарается привести въ сомнѣніе воиновъ, но они худо вѣрятъ ему. Оставшись съ Заруцкимъ, Мещерякъ сказываетъ, что онъ питаетъ ненависть къ Ермаку за умерщленіе брата и за разрушенныя надежды быть Атаманомъ (хотя въ Исторіи онъ вездѣ именуется Атаманомъ), а Заруцкій намекаетъ, что онъ врагъ Ермаку за оскорбленіе, за обиду — какого рода? неизвѣстно. Между тѣмъ, вообразите неосторожность! Они и не замѣтили, что Ермакъ подлѣ нихъ, спитъ, и бредитъ во снѣ. Мещерякъ хватается за кинжалъ, но Заруцкій останавливаетъ его, и Мещерякъ успокоивается. Онъ ведетъ идти коварному товарищу возмущать Казаковъ. Онъ опять занесъ было кинжалъ, но входитъ вѣрный Кольцо. Перемолвка между ими, въ которой Кольцо совѣтуетъ Мещеряку беречься, потому что онъ давно проникъ его замыслы. Эта пищетная угроза оставется безъ всякихъ послѣдствій. Просыпается Ермакъ, и Кольцо извѣщаетъ его, что при входѣ въ станъ, Сибирскій жденъ Посолъ. Отправивъ за нимъ Мещерякa, Ермакъ остается съ

Кольцомъ и въ продолжительномъ разговорѣ опровергаетъ подозрѣнія вѣрнаго товарища противъ Мещеряка, и разсказываетъ вѣщій сонъ, предзнаменующій ему (Ермаку) смерть. Наконецъ, онъ говоритъ, что Кольцо долженъ ѣхать къ Іоанну и вручить ему *жезлъ Сибири*. Радость и мечтанія. Растрогавшись, Ермакъ сказываетъ, что на Волжскихъ берегахъ живетъ *она*, *она*, которую любилъ онъ больше жизни, и что съ нею живетъ проклявшій его отецъ. — Ермакъ отвергъ миръ и условія Кучума; Казаки, взволнованные Заруцкимъ, кричатъ: *Смерть, смерть Ермаку*! — *Разите!* говоритъ Ермакъ, снявъ шлемъ. Разумѣется, такая трагическая выходка обезоруживаетъ безумцевъ, ибо она уже множество разъ обезоруживала Грековъ и Римлянъ во Французскихъ трагедіяхъ. Первому дѣйствію конецъ. Читатели видятъ, сколько въ этомъ дѣйствіи *эффектныхъ* сценъ! Два раза кинжалъ занесенъ надъ Ермакомъ; Ермакъ во снѣ предвидитъ судьбу свою; Казаки буншуютъ и преклоняются при одномъ словѣ Ермака. Дѣйствіе второе на берегахъ Оки. Ольга и Софья (настоящая Классическая наперсница), прядутъ у порога хижины. Софья поетъ прелестную пѣсню, извѣстную всѣмъ и оканчивающуюся куплетомъ:

Но онъ преступникъ, онъ убійца;
О немъ и плакать мнѣ не льзя.
Ахъ, расширься моя гробница,
Откройся тихая земля!

Этотъ преступникъ и убійца — Ермакъ; это Ольга — *она, она*, о которой Ермакъ говорилъ Кольцу. Софья уходитъ, обѣщая придти, *когда смеркнется*, но будучи совершенно лишнимъ лицомъ, уже не является на сцену. Тимоѳей, отецъ Ермака, выходитъ съ жалобами на самого себя, раскаиваясь въ проклятіи, произнесенномъ сыну. Вдругъ ошкуда ни взялись Казаки. Они весело возвращаются съ Царскими милостями къ завоевателю Сибири, и тутъ опять идетъ эффектная сцена, гдѣ все дѣйствіе держится на ниточкѣ: Казаки шерзаютъ старика разсказомъ о завоевателѣ, а старикъ вспоминаетъ, что и его сынъ хотѣлъ быть завоевателемъ; только ни онъ, ни они не произносятъ имени Ермака: и Боже сохрани! этимъ уничтожилось-бы цѣлое дѣйствіе. Мало того: еще приходитъ Кольцо, и опять мучитъ старика; наконецъ, уже кой-какъ дѣло объясняется, и Тимоѳей, вмѣстѣ съ Ольгою, спѣшитъ въ Сибирь, къ сыну. Все это второе дѣйствіе совершенно не нужно, излишне; выкиньте его, и трагедія не потеряетъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ гармоническихъ стиховъ. Дѣйствіе третіе въ ставкѣ Ермака, который прошверживаетъ свое предчувствіе о смерти. Приходитъ Мещерякъ, и между ими завязывается длинный разговоръ, гдѣ Ермакъ говоритъ о близкой смерти своей, называя Мещеряка *другомъ*, а тотъ утѣшаетъ его, напоминая о любви, о славѣ; но тщетно. Заруцкій приноситъ вѣсть (разумѣется ложную), что Царь простилъ всѣхъ, а Ермака осудилъ на смертную казнь. Ермакъ великодушно слышитъ страшный приговоръ,

и оставшись съ Мещерякомъ, опять разсуждаетъ о славѣ, и уже не хочетъ смерти: онъ готовъ воспротивиться велѣнію Царя. Мещеракъ подстрекаетъ его. Ксшаши является колдунъ, Шаманъ, и предлагаетъ Ермаку вѣнецъ, будто-бы скрытый отъ Кучума и предопредѣленный ему. Мещеракъ усиливаетъ желаніе возмутиться противъ законной власти; Ермакъ колеблется, и требуетъ минуты размышленія; оставшись одинъ, читаетъ длинный монологъ, и опровергаетъ всѣ льстивыя обольщенія Шамана, который удаляется съ угрозами. И это третіе дѣйствіе можно почесть вовсе лишнимъ. Къ чему оно, даже по плану самого Автора? Развиваются-ли имъ характеры? Завязывается-ли интрига? Ничего не бывало. Если не жалѣть хорошихъ стиховъ Автора, то и третье дѣйствіе можно выкинуть, не повредивъ трагедіи. Дѣйствіе четвертое открываетъ совѣщаніемъ Заруцкаго и Мещерака, разумѣется о гибели вождя ихъ. Шаманъ приходитъ и составляетъ съ ними планъ сей гибели. Но вотъ Казаки, вотъ Тимоѳей, Кольцо, Ольга. Тимоѳей умираетъ отъ усталости, но ждетъ сына, который тутъ и есть. Чтожъ? Узнали, бросились другъ къ другу? Какъ-бы не такъ! Безъ эффектной сцены? Нѣтъ, Мм. Гг.! Ни Тимоѳей, ни Ермакъ, не узнаютъ другъ друга, говорятъ на трехъ страницахъ, и дѣло не подвигается впередъ. Ольга входитъ на сцену, вскрикиваетъ: Ермакъ! и тутъ-то уже начинаются лобызанія, признанія, утѣшенія; старикъ постепенно слабѣетъ, и Ермакъ, принявъ отъ Кольца дары Царскіе, въ угоду старика наряжается въ броню; тотъ утѣшается

сына — и умираетъ вмѣстѣ съ четвертымъ дѣйствіемъ. Узнавши четыре дѣйствія, читатель все еще не видитъ, къ чему все это сплетеніе? Гдѣ тотъ Ермакъ, котораго знаетъ онъ изъ Исторіи? Посмотримъ, что заключаетъ въ себѣ дѣйствіе пятое. Не будетъ-ли тамъ отраднѣе уму и душѣ. Мещерякъ встрѣчается съ Шаманомъ. Они сговариваются, какъ напасть на Ермака, съ войскомъ, собраннымъ этимъ всевѣдущимъ Шаманомъ, и уходятъ въ лѣсъ. Ермакъ и Кольцо на прощаніи, ибо Ермакъ идетъ въ новый походъ. Онъ опять предчувствуетъ свою смерть, и Кольцо самъ предчувствуетъ ее, однакожь уговариваетъ начальника обратиться къ сердцу Ольги; но тотъ увѣряетъ, что въ душѣ Ольги нѣтъ прежней любви, что она хочетъ заключиться въ монастырь; онъ велитъ проводить ее до горъ Уральскихъ. Кольцо увѣщаваетъ Ашамана, по крайней мѣрѣ, не брать съ собой Мещеряка, но Ермакъ упорно вѣритъ преданности этого злодѣя, и разставшись съ Кольцомъ, читаетъ поэтическій монологъ. Только что ушелъ Кольцо, какъ Ермакъ начинаетъ подозрѣвать Мещеряка въ измѣнѣ; но уже поздно. Приказавъ Заруцкому быть бдительнымъ, онъ уходитъ въ станъ. Заруцкій поитъ (изъ *бутылки*) сторожеваго Казака, и сонное зелье смыкаетъ очи безпечнаго. Является Мещерякъ; закалываетъ сонпаго Казака; за нимъ идетъ Шаманъ, съ толпою Остяковъ; всѣ врываются въ станъ — и сцена остается пуста. Это должно быть удивительно эффектно, особенно когда изъ-за кулисъ слышны крики: *Измѣна! бейте! мстите за Сибирь!* На сценѣ Ермакъ съ За-

руцкимъ, котораго онъ *убиваетъ такъ, что тотъ падаетъ за кулисы.* Но двѣ стрѣлы вонзились въ броню Ермака — и онъ читаетъ длинный, прощальный монологъ. Онъ всходитъ на скалу надъ Иртышемъ. Мещерякъ и прочіе хотятъ убить его, но онъ убиваетъ Мещеряка, бросается въ Иртышъ — и конецъ трагедіи!

Мы вѣрно пересказали содержаніе *Ермака* Г-на Хомякова, и потому можемъ спросить у читателя: видитъ-ли онъ въ этой пьесѣ завоевателя Сибири? Единственная сторона, съ которой Ермакъ доступенъ Поэзіи, просмотрѣна Авторомъ, который хотѣлъ замѣнить интересъ историческій собственнымъ вымысломъ, и исполнилъ это весьма неудачно. Онъ хотѣлъ выставить Ермака не тѣмъ, что былъ Ермакъ въ самомъ дѣлѣ, не грубымъ, хотя и мужественнымъ Казакомъ, не простосердечнымъ, *цѣлокудреннымъ* (по словамъ самой Исторіи), вѣрнымъ слугою Царскимъ, но героемъ, рыцаремъ, Баярдомъ, и вмѣстѣ нѣжнымъ вздыхателемъ по небывалой Ольгѣ. Ошибка непостижимая! Если Авторъ не хотѣлъ слѣдовать прямо Исторіи, если находилъ разсказъ ея не довольно краснорѣчивымъ, если само событіе не казалось ему довольно поэтическимъ, то онъ могъ, онъ долженъ былъ олицетворить народную славу Ермака, представить его такъ, какъ живетъ онъ въ преданіяхъ. Народъ не знаетъ ни цѣли Строгоновыхъ, ни истины въ дѣяніяхъ Ермака, но онъ воображаетъ его и вѣрно и поэтически, представляя себѣ Ермака богомъ побѣды, грознымъ завоевателемъ, умнымъ, находчи-

вымъ во всѣхъ положеніяхъ; онъ говоритъ о единоборствѣ его съ Мемешкуломъ, о слѣпомъ Кучумѣ, приведенномъ въ отчаяніе Ермакомъ; онъ именовалъ его именемъ множество урочищъ, гдѣ побѣждалъ, гдѣ дѣлалъ засады, гдѣ странствовалъ и гдѣ погибъ Ермакъ. Въ темныхъ преданіяхъ народа могъ-бы найдти Авторъ поэзію неподдѣльную, и представить намъ *Казака*, *завоевателя Сибири*, ибо повторяемъ, что это единственная и превосходная въ Исторіи Ермака сторона, которою должна воспользоваться Поэзія.

Но что сдѣлалъ Авторъ? Ермакъ и всѣ *добрыя* лица его трагедіи ни сколько не похожи на дерзкихъ, мужественныхъ Казаковъ: это Нѣмецкіе студенты, прекрасно разговаривающіе по-Русски. Если-бы на завоеваніе Сибири отправился какой нибудь Буршъ Гёттингенскаго Университета, съ толпою товарищей и филистеровъ, то въ трагедіи Г-на Хомякова была-бы истина. Но теперь — ея нѣтъ и слѣда.

Видимъ, что въ умѣ Автора остались глубокіе слѣды Классической трагедіи. Онъ только наружно сложилъ съ себя эластическіе оковы, въ коихъ расхаживали Французскіе трагики. Несоблюденіе единствъ не послужило ему ни къ чему. Оно даже болѣе сдѣлало ему вреда, нежели пользы, ибо вмѣстѣ съ единствомъ мѣста и времени, онъ отбросилъ и единственное, необходимое единство дѣйствія. Мы показали, что онъ не воспользовался поэзіею самаго подвига, поэзіею истины; но если су-

дишь его и по сдѣланному имъ плану, то не многое можно сказать въ его пользу. Зачѣмъ онъ пятналъ безвинную память Мещеряка? Развѣ не могъ Ермакъ погибнуть просто отъ непостоянства счастія, какъ было въ самомъ дѣлѣ? Развѣ не могъ Авторъ найдти развязки въ мужественномъ отвѣтѣ Атаманова, которые среди гибели говорили: «Вос«помянемъ, братіе, обѣщаніе свое, какъ мы честнымъ людемъ предъ Богомъ обѣты и слово дали, «отнюдь не побѣжати, хотя до единаго всѣмъ «умрети... И по смерти нашей память наша не «оскудѣетъ, и слава наша вѣчна будетъ.» Не знаю, не болѣе-ли поэзіи въ этихъ немногихъ словахъ, чѣмъ во всѣхъ, хитро-изысканныхъ заговорахъ Мещеряка, Заруцкаго и Шамана. Для чего прицѣплена къ трагедіи любовь Ольги? Къ чему самое лицо старика отца, который только задерживаетъ ходъ пьесы? Зачѣмъ ѣхала Ольга въ Сибирь? На что Софья? Но такимъ вопросамъ нѣтъ конца, и можно сказать положительно, что въ трагедіи *Ермакъ* нѣтъ никакого плана, никакого направленія къ одной, единой цѣли, которая совершившись, выказала-бы полную, поэтическую мысль. Касательно мелкихъ несообразностей въ положеніяхъ, въ сценахъ, мы сдѣлали нѣсколько замѣчаній, излагая содержаніе пьесы. Пристрастіе Автора къ *эффектнымъ* сценамъ не имѣетъ границъ. Какъ самый изыскательный Классикъ, онъ пользуется всякимъ словомъ дѣйствующихъ лицъ, и доводитъ все это до необычайной тонины, таковы, напримѣръ, сцены встрѣчи Тимоѳея съ Казаками и съ сыномъ. Тутъ подлинно все держится на ниточкѣ. Пусть скажутъ

дѣйствующія лица одно слово, и цѣлаго дѣйствія какъ не бывало.

Наконецъ, надобно упомянуть и объ языкѣ дѣйствующихъ лицъ, что онъ вовсе не сообразенъ, ни съ вѣкомъ, ни съ историческою истиною, ни даже съ понятіемъ какого угодно читателя. Трагедія Г-на Хомякова извѣстна давно, и недостатокъ сей оцѣненъ всѣми. Посему не почитаемъ себя обязанными подкрѣплять общаго мнѣнія выписками и указаніями. Разверните какую угодно страницу, и рѣшайте, кто это говоритъ: Русскіе-ли мужики и Русскія крестьянки, или Нѣмецкіе студенты и воспитанные на романахъ Нѣмочки нашего времени?

Но, высказывая откровенно все, что кажется намъ достойнымъ осужденія въ трагедіи Г-на Хомякова, мы хранили до конца удовольствіе сказать и то, что не зрѣлое, очень несовершенное произведеніе его доказываетъ въ немъ истиннаго поэта. Все, что говорили мы до сихъ поръ, доказываетъ только то, что Г-нъ Хомяковъ не трагикъ, что онъ не знаетъ своего истиннаго призванія. Но прочитавъ его трагедію, всякій убѣдится, что какъ Лирикъ, онъ не много имѣетъ себѣ соперниковъ во всѣхъ поэтахъ Русскихъ. Забудьте, что слѣдующіе стихи говоритъ Ермакъ, и наслаждайтесь красотою картины и гармоніею звуковъ:

Какъ я люблю, подъ темнымъ кровомъ ночи
Прохладнымъ воздухомъ дышать,

И съ тихимъ вдохновеньемъ очи
Къ лазури неба подымать!
Тамъ звѣзды яркія катятся
Вокругъ невидимыхъ осей;
Онѣ текутъ, онѣ спремятся,
Рѣка не гаснущихъ огней.
О спражи соннаго эѳира,
Средь черныхъ и угрюмыхъ тучъ
Залогъ спокойствія и мира!
Какъ мнѣ пріятенъ вашъ дрожащій лучъ!
Мнѣ кажется, онъ въ сердце проникаетъ,
И силой тайной, неземной,
Успалой груди возвращаетъ
Давно упраченный покой.

Еще болѣе поэзіи въ слѣдующихъ словахъ молодаго, будто-бы Казака:

Смотри,
Какъ вдалекѣ, волнистыми грядами,
Ложится утренній туманъ;
Какъ всходитъ солнце, неба великанъ,
Увѣнчанный безсмертными огнями:
Вокругъ него, какъ раболѣпный дворъ,
Сѣдыя облака спадаются,
И отъ лучей его златятся;
Но онъ, увы, мой ослѣпляетъ взоръ!
. . . . . .
Земля прекрасна. Свѣтлою росою,
Какъ сѣтью сребряной, покрылися поля:
Но тамъ, подъ твердью голубою,
Все, все прекраснѣй тѣмъ земля.
Тамъ жаворонка пѣснь такъ сладко раздается;
Играя съ вѣтрами, къ нему, къ Царю свѣтилъ,

Орелъ такъ весело несется.
Ахъ! пищетно вслѣдъ за нимъ душа кипитъ и
рвется:
У смертныхъ нѣтъ его могущихъ крылъ.

Признаюсь, именно эти стихи я люблю пристрастно: съ ними соединено для меня трогательное воспоминаніе!.. Въ одно прелестное утро, въ кругу искреннемъ, незабвенный Веневитиновъ читалъ ихъ, подъ открытымъ небомъ, глядя на восходящее солнце, довѣрчиво предаваясь надеждѣ, и не предчувствуя, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже не будетъ видѣть красотъ природы, не будетъ озлащать ихъ своимъ высокимъ одушевленіемъ!... Можетъ быть это нескромность; но я не стыжусь ея!..

Вообще стихи Г-на Хомякова прекрасны. Трагедія его, написанная разномѣрными, вольными стихами, большею частію безъ рифмъ, служитъ самымъ громкимъ опроверженіемъ всѣхъ восклицаній защитниковъ шестистопнаго ямба съ рифмами. Кто и послѣ сего опыта не убѣдится въ превосходствѣ для трагедіи избраннаго Авторомъ рода стиховъ, съ тѣмъ не должно спорить.

Не смѣя указывать пути дарованію истинному, мы жалѣемъ, что Г-нъ Хомяковъ не болѣе обращаетъ вниманія на Поэзію Лирическую.

К. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

Брошюрки. Издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. № V, VI, VII. Харьковъ. Въ Университетской типографіи. 1831. 67, 82, 98 стр. in-8.

Мы долго замедлили извѣщеніемъ о трехъ послѣднихъ нумерахъ *Брошюрокъ*, издаваемыхъ Г-мъ Кронебергомъ. Чтожь дѣлать! Множество разныхъ обстоятельствъ отнимаютъ иногда всѣ средства заниматься предметами важными, глубокими, къ коимъ принадлежатъ и издаваемыя Г-мъ Кронебергомъ книжки, основанныя на вѣрныхъ началахъ Философіи, глубокомысленныя, полныя идей, слѣдственно ускользающія отъ взгляда бѣглаго, минутнаго, къ какому чаще бываетъ расположенъ Журналистъ, и какого чаще требуютъ наши книги, столь-же не глубокія, легкія, прозрачныя, какъ и общество наше, это вѣрное подражаніе Китайскимъ тѣнямъ.

Отдохнемъ отъ этихъ эфемерныхъ явленій за плодоноснымъ трудомъ человѣка истинно ученаго, Европейца съ Русскою душою.

№ 5-й *Брошюрокъ* заключаетъ въ себѣ любопытную статью *О переселеніи твореній Искусства* изъ

завоеванныхъ земель въ Римъ. Дивный Римъ, средоточеніе міра въ продолженіе многихъ столѣтій, покорилъ оружіемъ народы: таковъ общій *адпжъ*, который найдете вы и въ первой учебной книжкѣ, и въ устахъ *нашихъ* образованныхъ людей. Но умъ нашего времени, вникая въ Исторію Рима, и разсматривая героевъ его (ибо Исторія каждаго народа заключается въ его герояхъ), видитъ, что завоеванія Рима были совершены не потому только, что Римскіе солдаты дрались храбрѣе Карѳагенскихъ или Греческихъ. Нѣтъ! Римляне были выше и могущественнѣе всѣхъ современныхъ народовъ, не однимъ мужествомъ на полѣ битвы: добродѣтели ихъ, сдѣлавшіяся пословицею, въ противоположности вѣроломству Карѳагенянъ, fides punica; ихъ неутомимая дѣятельность, и жалкая изнѣженность Грековъ; ихъ гражданская образованность, и грубое варварство народовъ Галліи и Германіи—вотъ истинная сила и оружіе, которыми Римляне покорили себѣ міръ. Когда Историческая чреда Рима кончилась, когда доблестныхъ сыновъ его замѣнили потомки недостойные, поддавшіеся гнусному эгоизму и страстямъ Цезарей, тогда Римское оружіе потеряло свою волшебную силу, и Римъ началъ клониться къ паденію. Воины Римскіе поддерживали свою славу и во времена Императоровъ, но вожди ихъ забыли свои добродѣтели, и выигрывая поля сраженій, не пріобрѣтали ничего болѣе. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ доблестію, Римскіе властители потеряли и вкусъ къ произведеніямъ Искусства, ибо со временъ Нерона прекратился безпрерывный вывозъ статуй и картинъ изъ Греціи.

Можно почесть грабительствомъ сіе насильственное лишеніе прелестной Греціи лучшаго ея украшенія; но какое-же завоеваніе не есть насильство? И въ наше время, человѣкъ, достойный Рима, силою завоеваній собралъ въ столицѣ Европы лучшія сокровища Искусствъ. Многіе называютъ сіе грабительствомъ; но едва-ли справедливо. Въ гражданахъ Римской Республики была какая-то особенная страсть къ похищенію сокровищъ Искуства Греческаго. Каршина, представляемая Г-мъ Кронебергомъ, въ этомъ отношеніи разительна и любопытна. Не знаете, чему изумляться болѣе: ненасытимости-ли Римскихъ собирателей сихъ сокровищъ, или непостижимому множеству оныхъ, неисчерпаемому богатству, котораго не могло истощить ничто, кромѣ времени. Одно исчисленіе драгоцѣнностей, похищенныхъ Варрономъ, столь славнымъ по обвиненію Цицеронову, кажется утомляетъ воображеніе; но такихъ Варроновъ были тысячи!

Для полноты каршины, представляемой Г-мъ Кронебергомъ, не худо напередъ прочесть, имъ-же помѣщенное въ *Амалтеѣ*, изслѣдованіе о причинахъ изобилія пластическихъ произведеній въ Греціи, сочиненное Якобомъ. Къ сожалѣнію, оно не кончено.

Гораздо замѣчательнѣе и важнѣе N° 6-й *Брошюрокъ*, гдѣ Г-нъ Кронебергъ помѣстилъ *Матеріялы для Исторіи Эстетики*. «Каждая Наука имѣетъ свою Исторію, и справедливо поступаютъ тѣ, кои Исторію Науки излагаютъ, изложивши напередъ

самую Науку, потому что чрезъ сіе самое Исторія оной содѣлывается яснѣе.» Но у насъ Эстетика почти не существуетъ, и все, «что до сихъ поръ писано, представляетъ наборъ мыслей и понятій неосновательныхъ, незрѣлыхъ, несвязныхъ, большею частію ложныхъ, или есть иностранное дерево, пересаженное на почву, для онаго еще неприготовленную. Переводы Нѣмецкихъ Эстетикъ никакой у насъ не принесутъ пользы, ибо онѣ всѣ основаны на Философіи своего времени, которой у насъ вообще нѣтъ. А когда и у насъ Философія возникнетъ къ жизни, тогда всѣ таковые труды будутъ имѣть только историческую значительность. Не чрезъ то обогащается государство и пріобрѣтаетъ силы, что оно получаетъ извнѣ, но чрезъ то, что собственная его почва порождаетъ и производитъ... Познакомимся напередъ съ происхожденіемъ Эстетики, съ разными понятіями, которыя съ оною сопрягали, съ успѣхами ея, и нынѣшнимъ ея состояніемъ. Изъ сего, кажется мнѣ, явствовать будетъ, чего по сіе время искали, чего искать не должно, и въ чемъ собственно состоитъ задача Эстетики (стр. 5, 6, 7-я).» Вотъ причины, побудившія Г-на Кронеберга заняться Исторіею сей Науки. Послѣ сего онъ начинаетъ изложеніе свое, разумѣется, Баумгартеномъ. Мы говорили уже, въ извѣстіи о 1-мъ N° *Брошюрокъ*, гдѣ также шла рѣчь объ Эстетикѣ, что не полагаемъ начала сей Науки у Нѣмцевъ. Каждый вѣкъ и каждый образованный народъ имѣетъ свою Философію, слѣдственно и свои понятія объ Изящномъ, свою Эстетику. Но сія Наука не была *систематизирована*,

говорятъ намъ; мы согласимся съ этимъ положеніемъ, если намъ докажутъ, что не только во время Баумгартена, но и въ наше время систематизирована Философія. Мы съ благоговѣніемъ смотримъ на успѣхи сей послѣдней въ концѣ осмнадцатаго вѣка, но съ тѣмъ вмѣстѣ не думаемъ, чтобы Философія была приведена въ систему. Такъ и Баумгартенъ въ Наукѣ Изящнаго былъ ступенью, но не первымъ началомъ. Хотя не прямо, однакожъ наше мнѣніе оспориваетъ Г-нъ Кронебергъ, въ спорѣ о Баумгартенѣ; посему и почитаемъ мы себя въ правѣ подкрѣпить свое мнѣніе *собственными словами* Г-на Кронеберга: «Баумгартенъ не со всею точностію представилъ себѣ объектъ своей Науки, ибо онъ называетъ ее и Теоріей Изящныхъ Искуствъ, и наукой Гнозеологіей, и Искуствомъ прекрасно мыслить; почему у него и повторяются: pulchritudo cognitionis sensitivæ, pulchre cogitare, pulchre cogitata, и т. п. *Его Эстетика*, оставшаяся по причинѣ его смерти неконченною, *есть въ сущности только теорія такъ называемыхъ Словесныхъ Искуствъ*» (стр. 11-я). И еще, говоря о Баттѣ: «Теорія Изящныхъ Искуствъ и Эстетика суть два дѣла розныя (стр. 14-я).» Какъ согласить сіи слова съ слѣдующими: «Если мы послѣдуемъ за постепенно развивавшимися за симъ понятіями о Природѣ, Искуствѣ, Идеѣ, и сравнимъ Баумгартеново опредѣленіе *соотвѣтственности предмета съ его понятіемъ*, съ аксіомою нынѣшнихъ Эстетиковъ, *творенія исходящаго отъ идеи*, то мы видимъ тутъ не только первое и послѣднее кольцо цѣпи Эстетическихъ мыслей, но и

всѣ прочія кольца, связующія послѣднее съ первымъ (стр. 12-я). »

Добросовѣстно представивъ наше несогласіе съ мнѣніемъ Г-на Кронеберга, слѣдующаго въ семъ случаѣ мыслителямъ Нѣмецкимъ, мы отнюдь не почитаемъ себя непогрѣшительными: напротивъ, мы готовы сознаться въ ошибкѣ, если докажутъ, что наше мнѣніе несправедливо.

Послѣ сего Г-нъ Кронебергъ излагаетъ понятія объ Изящномъ слѣдующихъ писателей: Баттё, Винкельмана, Мендельзона, Зульцера, Канта, Гейденрейха, Шиллера, Шеллинга, Жанъ-Поля. Съ досадою встрѣтили мы въ концѣ статьи о Жанъ-Полѣ: *Продолженіе впредь*, ибо чрезвычайно любопытно видѣть изложеніе дальнѣйшаго развитія Эстетики, и особенно мнѣнія Г-на Кронеберга о нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ объяснителей Изящнаго, какъ-то Шлегеляхъ, Экштейнѣ, и современныхъ Французахъ школы Шотландско-Нѣмецкой. Не льзя представить себѣ, съ какимъ искуствомъ излагаетъ Г-нъ Кронебергъ многообъемлющія теоріи. Особенно замѣчательны статьи его о Кантѣ и Шеллингѣ. О семъ послѣднемъ онъ сказалъ на нѣсколькихъ страницахъ все, что было должно сказать, и притомъ представилъ вкратцѣ все введеніе Шеллинга къ его System des transcendentalen Idealismus. Это образецъ отчетистаго, яснаго изложенія Философическихъ идей. Справедливо почитая Шеллинга блистательнѣйшею звѣздою въ мірѣ Философіи, Г-нъ Кронебергъ говоритъ: «Шиллеръ заключаетъ минувшее столѣтіе; Шеллингъ начинаетъ текущее. Шел-

лингъ, какъ и всѣ великіе люди, имѣлъ и слѣпыхъ обожателей, и зоркихъ порицателей. Одни превозносили похвалами, другіе подавляли презрѣніемъ и насмѣшками его Философію. Достоинство оной здѣсь разсматривать не у мѣста. Извѣстно, что она имѣла и нынѣ еще имѣетъ великое вліяніе на обрабатываніе Наукъ. Эстетика получила чрезъ нее совершенно новую жизнь и форму, и заняла между философскими науками первое мѣсто.»

Въ 7-мъ N° *Брошюрокъ* напечатано довольно большое сочиненіе: *О Рыцарской Поэзіи Германцевъ* (стр. 37 — 98-я). Сей предметъ, важный и новый на Русскомъ языкѣ, представленъ Г-мъ Кронебергомъ чрезвычайно занимательно. Совѣтуемъ многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, часто и безъ толку толкующимъ о Рыцарской Поэзіи Среднихъ вѣковъ вообще, прочесть диссертацію Г-на Кронеберга. Они увидятъ огромность и величественность сего предмета. Впрочемъ и для всякаго, даже знакомаго съ подлинными сочиненіями, или съ подробными Исторіями Рыцарской Поэзіи, изложеніе Г-на Кронеберга не будетъ лишнимъ, ибо сей Писатель умѣетъ всегда освѣщать свой предметъ яснымъ свѣтомъ идей глубокихъ, философскихъ.

Первыя 30 страницъ N° 7-го *Брошюрокъ* заняты отдѣльными мыслями о разныхъ предметахъ, почти исключительно относящимися къ теоріи и практикѣ Изящнаго. Многія изъ нихъ превосходны. Душа и умъ чувствуютъ какой-то благородный восторгъ, встрѣчая, напримѣръ, слѣдующія мысли:

« Кромѣ Бога, никто не понимаетъ нашей Музыки: мы ее производимъ какъ глухо-нѣмые образуютъ слова, и не понимаемъ языка, которымъ говоримъ.

« Сдѣлавшись какъ хочешь, ты все думаешь быть зрящимъ. Человѣкъ имѣетъ сновидѣнія, можетъ быть для того только, чтобы не переставать зрѣть. Весьма возможно, что внутренній свѣтъ изъ насъ когда нибудь выступитъ, такъ что не будемъ имѣть нужды въ другомъ.

« Есть люди, преисполненные колоссальныхъ остатковъ, подобно землѣ самой; въ глубинѣ ихъ охладѣвшихъ сердецъ лежатъ окаменѣлые образы цвѣтовъ лучшаго времени; они уподобляются сѣвернымъ камнямъ, на коихъ видны изображенія Индійскихъ цвѣтовъ.

« Любовь умираетъ, какъ люди, чаще отъ пресыщенія нежели отъ голода; она живетъ любовью, но уподобляется Альпійскимъ растеніямъ, которыя питаются всасываніемъ въ себя влажности облаковъ, и истребляются орошеніемъ.

Лѣта юности! — вотъ наша Италія и наша Греція, наполненныя богами, храмами, радостію и веселіемъ — но увы! часто, часто опустошаемыя Готѳами и Вандалами.

«Книги составляютъ новый родъ историческихъ существъ, но весьма значительный. Онѣ, можетъ быть, поступили на мѣсто преданій.

«Три періода духовной жизни человѣка. Въ первомъ, человѣкъ живетъ внѣ міра; во второмъ, въ мірѣ; въ третьемъ, міръ живетъ въ немъ.

«Человѣкъ можетъ только къ тому имѣть чувство, что уже въ немъ находится; мы понимаемъ только то, что органически въ насъ развивается; ученіе есть только пища, возбужденіе организма.

«Винкельманъ говоритъ, что несогласіе мнѣній о красотѣ въ природѣ основывается на чувственныхъ наслажденіяхъ. — Отъ чего-же происходитъ то, что и послѣ удовлетворенія чувственнаго остается таже привязанность къ предмету, и его форма тоже доставляетъ удовольствіе, хотябъ она и не принадлежала къ прекраснымъ? Даже и на умъ не приходитъ сравнивать ее съ лучшими формами. Отъ чего происходитъ то, что чувственность не болѣе привлекается красотою, какъ и не красотою, какъ-бы ожидать должно? Не сокрыта-ли въ человѣкѣ форма, ищущая или ожидающая встрѣчи соотвѣтственнаго предмета? и мнѣ Аристофановъ у Платона въ Симпозіонѣ не болѣе-ли нежели мнѣ? Или и люди неблагообразные имѣютъ фулгураціи красоты, покрывающія блескомъ

своимъ непригожство, и озаряющія для души созерцателя внутреннюю красоту, какъ предъ физическимъ взоромъ нашимъ молнія разверзаетъ небо? И не достаточно-ли сей, однажды узрѣнной красоты, чтобы прилѣпиться къ ея, хотя и не красивой оболочкѣ? И не возможно-ли и то, чтобы сія, въ душу созерцателя блеснувшая красота, изъ оной опять вышекая, озаряла образъ, и облекала его въ прелести, коихъ онъ иначе не имѣетъ? Тѣмъ болѣе, что красота не есть нѣчто мертвое, слѣдовательно не одна форма, но нѣчто живое, духъ живущій въ формѣ.»

Во всѣхъ сихъ мысляхъ видимъ нѣчто знакомое; но кто станетъ доискиваться, принадлежатъ-ли онѣ кому нибудь другому, кромѣ Г-на Кронеберга, или знакомство ихъ съ нами основано только на истинѣ, общей всѣмъ мыслящимъ? Самый языкъ Г-на Кронеберга, почти вездѣ правильный, смѣлый, оригинальный, заключаетъ въ себѣ особенную прелесть.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія *Брошюрокъ*, ибо надѣемся вмѣстѣ съ новыми имѣть новое наслажденіе и новую пользу.

— *Статистическая Записка о Москвѣ.* Сочиненіе В. Андроссова. М. 1832. Въ Т. Селивановскаго. X и 185 стр. in-8.

Съ нѣкотораго времени безпрестанно слышатся слова: *числа управляютъ міромъ*; *числа суть важнѣйшіе факты*; *все повинуется числамъ*. Эти слова, подслушанныя у какого нибудь Дюпена, повторяютъ у насъ, въ Россіи, значитъ не понимать ихъ. Неоспоримо все сказанное о числахъ, или лучше

сказать, о Статистикѣ; но у насъ истина чиселъ не имѣетъ примѣненій. Объяснимся.

Статистика можетъ быть двухъ родовъ: или таблицы, расположенныя по какой либо системѣ, но безъ всякихъ выводовъ; или главныя числа, многи сихъ таблицъ, разсматриваемые по основаніямъ Политической Экономіи. Примѣромъ Статистики перваго рода могутъ служить издаваемые у насъ отчеты Департамента Внѣшней Торговли, Статистическія таблицы Рязанской Губерніи, изданныя по распоряженію бывшаго Генералъ-Губернатора Балашева, и проч.; въ примѣръ другой Статистики можно назвать Дюпеново сочиненіе: Forces productives et commerciales de la France. Сочиненія перваго разряда служатъ основаніемъ всякой Статистики, и могутъ быть разсматриваемы каждымъ, смотря по степени его потребностей и образованія; сочиненія втораго разряда бываютъ удѣломъ обществъ, находящихся на извѣстной степени образованности. Ими обыкновенно доказывается какая либо истина Политической Экономіи, гдѣ числа служатъ только данными, по коимъ судятъ и дѣлаютъ выводы. Въ семъ послѣднемъ случаѣ можно сказать, что *числамъ повинуется все*, ибо не льзя оспоривать того, что доказывается самымъ событіемъ. Въ этомъ-то отношеніи важно и любопытно сочиненіе Дюпена, раскрывающее и доказывающее многія, великія истины. Но у насъ, въ Россіи, сочиненія сего рода невозможны по многимъ причинамъ, и слѣдственно у насъ *числа не управляютъ міромъ и повинуется имъ не все.*

Г. Андроссовъ, кажется, не подумалъ о сей истинѣ, и вмѣсто единой возможной у насъ Спашистики, *таблицъ*, издалъ книгу, наполненную по большей части его сужденіями и выводами. Нужно-ли говорить, каковы сіи выводы? Они не могутъ быть вѣрны еще и потому, что не льзя довѣрять представляемымъ имъ числамъ, которые, по видимому, собраны большею частію Полицейскимъ управленіемъ; а всякому извѣстно, какъ собираются, и каковы свѣдѣнія сего рода.

Вотъ общее раздѣленіе книги Г-на Андроссова: I. Физическая топографія. II. Политическая (?) топографія. III. Домы. IV. Народонаселеніе. V. Смертность. VI. Количество (т. е. *число*) родящихся. VII. Потребленіе. За симъ, подъ особою рубрикою: *Гражданственность*, слѣдуютъ: VIII. Вѣроисповѣданіе. IX. Просвѣщеніе. X. Общественная благотворительность. XI. Театръ. XII. Народные памятники. XIII. Промышленность. На каждое изъ сихъ отдѣленій можно было-бы сдѣлать много замѣчаній; мы ограничимся немногими, изъ коихъ однакожъ читатели увидятъ достоинство книги.

Ни въ одномъ изъ сихъ отдѣленій *нѣтъ полноты*. Напримѣръ, въ статьѣ о *водѣ*, упущенъ изъ виду важнѣйшій предметъ: прекрасные и огромные фонтаны, устроенные въ послѣднее время, и хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ города они открыты лѣтъ около двухъ, но въ *Запискѣ* названы *предположеніемъ*; сверхъ того, ни слова не сказано,

какъ и ошкуда доставляется вода въ сіи фонтаны, и что еще хочетъ сдѣлать попечительное Начальство касательно сего предмета. — Не упомянуто, сколько въ Москвѣ *Частей* и *Кварталовъ*. Вообще объ устройствѣ Полиціи и Пожарной команды не сказано почти ничего: а это предметъ весьма важный въ огромномъ городѣ. О судебныхъ и вообще о Присутственныхъ мѣстахъ нѣтъ ни единаго слова. — Нѣтъ никакихъ извѣстій о нищихъ и бродягахъ, которыхъ въ Москвѣ такое множество, что Правительство учредило особенную Коммисію для искорененія сего зла. — Статья о Просвѣщеніи ограничивается сужденіями Автора объ учебныхъ заведеніяхъ. Число учащихся въ Университетѣ показано только за одинъ годъ; о числѣ *учащихъ*, нѣтъ ни слова. Свѣдѣнія о другихъ учебныхъ заведеніяхъ чрезвычайно не полны. Каково напримѣръ слѣдующее извѣстіе: «Въ частныхъ пансіонахъ учатся: въ 13 мужскихъ 295 *человѣкъ*, и въ 14 женскихъ 505 *дѣвицъ* (дѣвица не *человѣкъ*!)» Но когда это? въ какомъ году? «Пансіоны всѣ содержатся иностранцами и иностранками: только въ трехъ мужскихъ содержатели Русскіе.» Для чего-же тутъ слово *всѣ*? Говоря объ учебной части, Авторъ позволилъ себѣ много замѣчаній; почему-же не сказалъ онъ ни слова объ этой толпѣ учителей, описанныхъ Студентовъ, Кандидатовъ, пріѣзжихъ и урожденныхъ иностранцевъ, которые цѣлый день ходятъ и ѣздятъ, изъ дома въ домъ, *давать уроки*? Сказавъ, сколько роженицъ въ Университетскомъ Повивальномъ Институтѣ разрѣшилось отъ бремени, Авторъ не упомянулъ: сколько чиновни-

ковъ слушали Университетскія лекціи. — Вовсе пропущены Авторомъ слѣдующія учебныя заведенія: Александринскій Институтъ, Училище при Удѣльной Конторѣ, Училище купцовъ Прохоровыхъ, и, *кажется*, всѣ Приходскія училища, ибо по неясности и сбивчивости извѣстій Автора, мы не могли ихъ доискаться. Впрочемъ, важный недостатокъ, если и *одинъ* читатель не находитъ того, чего ищетъ.—О благотворительныхъ заведеніяхъ не льзя получить никакого понятія изъ извѣстій Автора. Что сказалъ онъ о Голицынской, Маріинской, Павловской, и другихъ больницахъ? Ничего! А это весьма важныя благотворительныя заведенія. — Извѣстія и понятія Автора о Театрѣ, прелестны! — Ни въ одномъ отдѣленіи нѣтъ извѣстія о достойномъ вниманія Заведеніи Искусственныхъ Минеральныхъ водъ.

Трудно уличать Автора въ ошибкахъ касательно чиселъ, ибо мы не знаемъ всѣхъ источниковъ, коими онъ пользовался; но извѣстія его, не подкрѣпленныя указаніями, и безъ нашихъ замѣчаній будутъ имѣть въ глазахъ всякаго настоящую свою цѣну.

Однимъ словомъ: Авторъ сей книги ни въ чемъ не достигъ своей цѣли. Онъ не далъ намъ ни таблицъ вѣрныхъ, ни выводовъ Дюпеневскихъ, ни даже характеристики Москвы. Въ нынѣшнемъ состояніи своемъ, Москва болѣе всего есть городъ промышленный и торговый, городъ средняго сословія. Вотъ съ какой точки долженъ былъ Авторъ смо-

трѣть на древнюю нашу столицу. Но, разсуждая обо всемъ, онъ именно это упустилъ изъ виду. — Помѣщенная въ концѣ статьи о *Промышленности*, слишкомъ краткa, недостаточна и сбивчива. Впрочемъ, Авторъ и самъ не доволенъ ею. Мы, съ своей стороны замѣтимъ, что онъ пропустилъ многія фабрики и заведенія; не упомянулъ даже о числѣ типографій въ Москвѣ: самая его книга не напомнила ему, что онѣ есть въ Москвѣ!

Главною причиной недостатковъ *Записки о Москвѣ* была сбивчивость понятія, какое Авторъ имѣлъ о своемъ предметѣ. Что хотѣлъ онъ сдѣлать? Истинно, мы не понимаемъ! *Числа управляютъ всѣмъ! Все повинуется числамъ!* Но, видно что числа повинуются не всѣмъ и не всякому.

— Élémens de Géographie moderne, par M. I. F. Lamp, Professeur de Géographie et d'Histoire au Gymnase de Strasbourg. Nouvelle édition, entièrement revue et augmentée par Auguste Oldecop. (*Основанія Географіи Новой.* Сочиненіе Профессора Лампа, совершенно пересмотрѣнное и умноженное А. Ольдекопомъ). СПб. Въ т. III-го Отдѣленія собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества. 1832. XV и 245 стр. in-8.

Въ Предисловіи къ сей книгѣ Г. Ольдекопъ говоритъ: «Издатель сего сочиненія (Г. книгопродавецъ Брифъ) просилъ меня составить на Французскомъ языкѣ, для Россіи, Географію, совершенно по плану *Основаній Географіи*, соч. Г. Лампомъ. Я согласился, желая, по силамъ своимъ, написать

книгу, полезную для Русскаго юношества, ибо Г. Ламп, Французъ, всего болѣе занимался своимъ отечествомъ. Онъ начинаетъ подробнымъ описаніемъ Франціи; я начинаю Россіею. Въ описаніи разныхъ государствъ Европы, именно Англіи, Германіи, Норвегіи, я измѣнилъ многое, и сокрашилъ описаніе Франціи. Дѣла Бельгіи еще не были рѣшены, и я ничего не перемѣнилъ въ описаніи Нидерландовъ. Необходимымъ почелъ я присовокупить описаніе Греціи.

« Въ Азіи прибавилъ я описаніе Сибири. Картина Африки у меня совершенно иная; къ разнымъ государствамъ сей части Свѣта, прибавилъ я всѣ новыя открытія. Въ этомъ отношеніи я пользовался превосходнымъ Географическимъ Словаремъ, котораго издано 7 томовъ.

« Въ Сѣверной Америкѣ измѣнено немногое; описаніе Америки Южной совершенно передѣлано, по новой Статистикѣ Америки, изданной Г-мъ Липсомъ.

« По желанію многихъ наставниковъ, я прибавилъ извлеченіе изъ Краткой Географіи Г-на Лампа касательно Географіи Физической, и счелъ полезнымъ окончить книгу алфавитною росписью Географическихъ именъ. »

Вотъ планъ, цѣль и объемъ новаго шруда Г-на Ольдекопа. Нужно-ли прибавлять, что сей Писатель, извѣстный своею точностію, тщательно обработалъ свою книгу во всѣхъ частяхъ? Послѣ

сего, кажется, можно рекомендовать ее для первоначальнаго обученія Географіи.

Справедливость требуетъ прибавить, что Г-нъ Брифъ, уже двадцать лѣтъ производящій торговлю книгами Нѣмецкими, Французскими, и на древнихъ языкахъ печатанными, съ нѣкотораго времени издалъ много пріятныхъ и полезныхъ книгъ. Имѣя передъ глазами реэстръ симъ книгамъ, укажемъ на слѣдующія:

Теоретическія и практическія упражненія въ переводахъ съ Россійскаго языка на Французскій. Изд. Ег. Зоричемъ. 2 части. 1830. 2 р. 50.

Schnitzler, Essai d'une Statistique générale de l'Empire de Russie. I v. 1829. . . . . 8 р.

Schnitzler, Notice sur les principaux tableaux de l'Ermitage de St. Pétersbourg. 1829. 1 vol. 5 р.

Сочиненія Г-на Булгарина, переведенныя на Нѣмецкій языкъ Г. Ольдекопомъ.

Сверхъ того Г. Брифъ печатаетъ *Дочь купца Жолобова*, въ Нѣмецкомъ переводѣ, и *Политическую Экономію, Дроза*, на Русскомъ языкѣ.

Со всѣхъ сихъ книгъ, и многихъ другихъ, наиболѣе учебныхъ, Г. Брифъ уступаетъ отъ 20 до 33⅓ процентовъ, смотря по большему или меньшему требованію; а для училищъ бѣдныхъ дѣтей прибавляетъ, сверхъ сего, еще по десяти экземпляровъ на сто. Относиться должно къ нему лично, въ С.Петербургъ.

— *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.* Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. *Книжка вторая.* СПб. Въ т. А. Плюшара. 1832. XVI и 354 стр. in-12.

Разнообразныя сужденія Русскихъ Журналовъ о первой части сей книги, могли-бы, между прочимъ, послужить доказательствомъ, что у насъ нѣтъ Критики. Смѣшно и жалко вспомнить, что въ доказательство превосходства сочиненія Пасичника, употреблено было даже мнѣніе одного извѣстнаго Поэта! Въ опроверженіе не безусловной хвалы нашей *Вечерамъ на хуторѣ*, возставлено было подозрѣніе, что будто мы кого-то *подозрѣвали* въ сочиненіи этой книги! Такія логическія доказательства не заслужили-бы ни отъ одного учителя Логики извѣстныхъ похвалъ учительскихъ: *изрядно*; *порядочно*; *довольно хорошо*. Еще въ одномъ Журналѣ была помѣщена цѣлая книга, или книжка, гдѣ исчислены всѣ отступленія Автора отъ Малороссійскихъ повѣрій и присловій!.. И это у насъ называютъ Критикою!

Откровенно сказавъ мнѣніе свое о первой части сей книги, мы не отступаемся отъ него и теперь, когда первое впечатлѣніе миновалось, и когда указанія другихъ Критиковъ могли-бы что нибудь пояснить намъ. Но, пора говорить о *второй книжкѣ*.

Она гораздо превосходнѣе *первой*. Въ ней Авторъ открываетъ, или лучше сказать, поясняетъ

намъ то свойство Малороссійскаго характера, которое безспорно принадлежитъ однимъ Малороссіянамъ, изъ всѣхъ разнородныхъ обитателей нашего отечества. Въ Русскомъ человѣкѣ почти нѣтъ этого юмора, непринужденнаго, веселаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ мелочнаго, не глубокаго. Русскій любитъ сарказмъ, и живость его характера не даетъ ему времени хладнокровно задумываться надъ пустяками, для того чтобы представить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Его насмѣшка есть брань или злая сатира. Въ этомъ мы наслѣдники Римлянъ. Но Малороссіянинъ — совершенно иное! Какъ будто неспособный къ живому чувству, онъ преспокойно останавливается надъ уродливою рѣпою, или надъ исполинскимъ огурцомъ, и на досугѣ читаетъ о нихъ предлинную *рацею*, прибирая въ ней всѣ смѣшныя сравненія, и высказывая свои критическіе намеки съ такимъ безстрастнымъ видомъ, что противоположность его рѣчи съ лицомъ, важнымъ, степеннымъ, невольно смѣшитъ и развеселяетъ читателя. Таковы-же преданія и суевѣрія Малороссіянъ. Сказаніе о чортѣ, укравшемъ мѣсяцъ съ неба, и обжегшемъ имъ свои руки, могло родиться только въ головѣ людей, на все умѣющихъ смотрѣть съ комической, но по своему комической стороны. Во *второй книжкѣ Вечеровъ на хуторѣ*, Авторъ, во многихъ мѣстахъ, очень хорошо воспользовался юморомъ своихъ земляковъ, и многое представилъ въ живописномъ, истинномъ видѣ. Его неистощимая веселость дала ему средство оживить свои

разсказы. Но здѣсь оканчиваешся вся наша похвала Автору. Вмѣстѣ съ преимуществами, принадлежащими почти каждому Малороссіянину, юморомъ, хладнокровною насмѣшливостью, смѣшными преданіями, умъ его сохранилъ не только всѣ недостатки Малороссіянина, но и многіе недостатки, принадлежащіе Авторамъ всѣхъ временъ и народовъ. Мы уже упомянули, что Малороссіянинъ не бываетъ глубокъ въ своихъ замѣчаніяхъ: это ярко отражаешся въ сочиненіяхъ Автора *Вечеровъ на хуторѣ*. Шутки его минутны; сближенія, изобрѣтеніе, главныя мысли не оставляютъ въ душѣ читателя никакого слѣда. Съ удовольствіемъ читаете *Ночь передъ Рождествомъ*, *Ивана Ѳедоровича Шпоньку*, *Заколдованное мѣсто*, но прочитавъ, забываете все; ни одна мысль, ни одна каршина, ни одно выраженіе не западаетъ въ душу. Это плясовая музыка: ласкаетъ слухъ, заставляетъ даже старика бить шагъ и потопывать ногою — но съ послѣднею нотою, она исчезаетъ, не оставляя по себѣ ничего, подобно кругу на водѣ отъ брошеннаго камня. Но, кто не знаетъ, что и въ напѣвахъ и въ преданіяхъ каждаго народа есть многое, что переживаетъ столѣтія. Этого-то вообще недостаетъ Автору *Вечеровъ на хуторѣ*. Другой недостатокъ его — скудость изобрѣтенія, или, лучше сказать, воображенія. Всего болѣе могъ-бы онъ показать свою изобрѣтательную силу въ сказкѣ: *Страшная месть*. Тамъ многія мѣста прекрасны, но цѣлое не имѣетъ связи, ибо не истекаетъ изъ одной мысли. Не знаю, изъ на-

родного-ли преданія взята основа этой сказки, но не думаю, чтобы народное преданіе могло быть не прикрѣплено къ какому нибудь, болѣе плодоносному корню. Іуда Петро могъ-бы быть испанскимъ созданіемъ, если-бы Авторъ поглубже вникъ въ причину его нравственнаго паденія. Мысль о злом началѣ принадлежитъ всѣмъ народамъ, но каждый народъ олицетворяетъ ее по своему, и въ развитіи, въ показаніи сего олицетворенія могъ-бы открыть Авторъ силу и красоты неисчерпаемыя. Какъ развита и проявлена у Малороссіянъ мысль, существующая и у Браминовъ, и у Египтянъ, и у Русскихъ, и у Германцевъ? Вотъ что истинно любопытно и занимательно. Безъ такого взгляда, злодѣянія отца Катерины утомительны, безцвѣтны, и не смотря на многія, отдѣльно прекрасныя картины, не образуютъ общности высокой. Какъ будто зная свою слабую сторону, Авторъ безпрестанно берется за то оружіе, которымъ лучше владѣетъ онъ, за насмѣшку; но, насмѣшка и насмѣшка, въ продолженіе цѣлой книги, сдѣлавшись наконецъ утомительна.

Можетъ быть скажутъ, что мы слишкомъ высока судимъ о произведеніи веселаго воображенія. Но мы, не умѣя вообразить всѣхъ претензій и оправданій защитниковъ Автора, скажемъ въ свою очередь, и въ отповѣдь на всѣ подобныя возраженія, что судимъ ни низко ни высоко, а такъ, какъ должно судить о поэтическомъ созданіи. Намъ самимъ смѣшны привязки къ археологическимъ и мѣстнымъ невѣрностямъ Автора, который пишетъ

не Курсъ Археологіи и не топографію Малороссійскаго края; но мы въ правѣ, мы должны замѣтить его отступленія отъ устава вкуса и законовъ Изящнаго. Обращаемъ нашу обвинительную рѣчь къ гласному судилищу публики, и просимъ ее вникнуть въ наши обвиненія.

Наконецъ, важный недостатокъ Автора — что замѣтили мы и въ критикѣ на первую часть его сочиненія — какая-то неопытность, шаткость въ языкѣ, а иногда и явное незнаніе Грамматики. Непріятно высказывать такія истины, однакожь должно. Авторъ избѣгъ во *Второй книжкѣ* отъ той высокопарности слога, въ которой мы упрекали его, и которая наводила непріятную тѣнь на его сочиненіе; но послѣ этого недостатка у него еще остались неумѣнье совладѣть съ фразою и большія неправильности въ языкѣ. Подкрѣпляемъ себя доказательствами: «*Черезъ* трубу — клубами *повалился* дымъ (стр. 4).» Надобно было-бы сказать: *изъ* трубы — *повалилъ* дымъ. «Удивительно видѣть чорта, *пустившагося и себѣ* туда-же (стр. 13).» — «Много осталось ночевать у Есаула на широ-«комъ дворѣ; а еще больше козачества заснуло «само непрошенное подъ лавками, на полу, возлѣ «коня, близъ клева (хлѣва?), гдѣ пошатнулась съ «хмѣля козацкая голова, тамъ и лежитъ и храпитъ «на весь Кіевъ.» (стр. 138) Если на задачу писать несвязный періодъ, то лучше этого не удастся! — «*Они* свои такъ *угрюмо надвинулись бровями*. (стр. 143)» — «Вѣшніе кресты *толпились въ кучку*

(стр. 144).» — «Говорилъ — сухощавому, высокому въ коротком шулупѣ мужику съ *обросшею* бородою, *доказывавшею*, и проч.» (стр. 14). «Тихо *встрепенувшія* жилы (стр. 26).» — Такихъ ошибокъ можно найдши въ книгѣ Пасичника сотни; а у кого встрѣчаются онѣ сотнями, тотъ едва-ли хорошо пишетъ.

Непріятно также встрѣчашь, *на каждой страницѣ*, ошибки противъ Правописанія. Авторъ пишетъ: *теперишнія*, *проповѣдей*, *полѣнами* и *всемъ чемъ* ни попало, *вымѣстить* (вм. вымесшишь), *здѣлалось*, *отламать*, *суставомъ*, *этаго*, *завидывать*, *за чемъ*, и проч. и проч. Въ хорошей книгѣ, Правописаніе, кажется, не было-бы лишнимъ.

УСПѢХИ

въ изслѣдованіи Восточной Литтературы.

Годовой отчетъ Парижскаго Азіятскаго Общества, читанный Секретаремъ онаго Евгеніемъ Бюрнуфомъ, въ торжественномъ собраніи Общества, 28-го Апрѣля 1831-го года (*).

Мм. Гг.!

Представляя вамъ отчетъ въ трудахъ, свершенныхъ въ продолженіе истекшаго года, Совѣтъ Общества одушевляетъ себя воспоминаніемъ о справедливости, съ какою умѣете вы оцѣнивать препятствія всѣхъ родовъ, встрѣчающіяся на пути къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на него вашею довѣренностью. Увѣренный, что вамъ извѣстны постоянныя усилія его къ преодолѣнію

(*) Мы постоянно помѣщали ежегодные отчеты сего Общества, исключая 1830-й годъ, когда, по смущеннымъ обстоятельствамъ того времени, отчетъ ограничивался нѣсколькими страничками и былъ вовсе не занимателенъ. Представляемый нынѣ вознаграждаетъ за сей пропускъ. *Изд.*

сихъ препятствій, Совѣтъ находитъ въ сей увѣренности правило для своихъ дѣйствій, какъ скоро насшаетъ обязанность предсшавишь вамъ, чшо сдѣлано имъ для прекраснаго рода ученосши, вами ободряемаго. Ваша снисходишельносшь вызываетъ его ошкровенносшь; и если, прибавивъ чшо либо къ сокровищницѣ Восточной Лишшерашуры, Совѣтъ съ удовольсшвіемъ извѣщаетъ васъ, чшо успѣхъ увѣнчалъ шруды его въ изданіи какого нибудь сочиненія, онъ умѣетъ шакже, когда слѣдсшвія не ошвѣчали его надеждамъ, въ чувсшвѣ своей обязанносши находишь смѣлосшь объявишь вамъ и о шомъ.

Если-бы Совѣтъ ошвергнулъ какой либо шрудъ, проливающій новый свѣтъ на физическую и нравсшвенную Исшорію одного изъ многочисленныхъ народовъ Восшока; если-бы изъ числа прежде начашыхъ изданій было хошя одно, объ окончаніи коего не позабошился онъ, то, конечно, ему было-бы шяжело сознашься, чшо исшекшій годъ не представляетъ сшоль обильной жашвы, какъ многіе изъ предшесшвовавшихъ. Но ободренію вашему не было предложено ни одного сочиненія; изъ нѣхъже, конхъ печашаніе назначено прежде, нѣтъ ни одного, не обрашившаго на себя усилій Совѣша, сшарающагося окончишь оныя всѣми средсшвами, какія сосшоятъ въ его распоряженіи по Усшаву. Вѣрныя мѣры приняшы для дѣяшельнаго надзора надъ сочиненіями начашыми. Въ числѣ сихъ мѣръ, одною изъ обѣщающихъ самыя счасшливыя послѣдсшвія, наименуемъ ошчеты, ежемѣсячно предста-

вляемые авторами или издателями сочиненій, вами печатаемыхъ, или ободряемыхъ. Совѣтъ могъ, не страшась стѣснить независимости Авторовъ, требовать, чтобы они чаще представляли доказательства своего усердія къ окончанію изданій, вамъ принадлежащихъ, по крайней мѣрѣ по великодушному вашему покровительству. Принявши на себя блюденіе за пользами, столь драгоцѣнными для васъ, Совѣтъ почелъ-бы не выполненною свою обязанность, если-бы поколебался употребить право, коимъ вы облекли его.

Изъ трехъ, печатанныхъ на счетъ Общества изданій, только одно окончано вполнѣ: это извлеченіе изъ Грузинской лѣтописи, переведенное Г-мъ Броссе по рукописи Королевской Библіотеки. Вы не одинъ разъ ободряли ревность Г-на Броссе въ изученіи языка, доколѣ мало извѣстнаго у насъ, и прилежаніе, съ коимъ обрабатываетъ онъ сіе новое поле Восточной Филологіи. Любители основательныхъ свѣдѣній будутъ благодарны ему за то, что онъ умѣлъ обратить свои познанія на пользу изученій историческихъ. Грузинская лѣтопись, которой текстъ Г-нъ Броссе представилъ посредствомъ литографіи, начинается 1373 годомъ и оканчивается 1703-мъ. До 1529-го она содержитъ въ себѣ одно краткое изложеніе событій, но отъ 1575 года разсказъ ея становится весьма подробнымъ. Однакожь, все еще есть нѣкоторые перерывы въ семъ повѣствованіи, которое могло-бы часто представлять намъ съ большею истиною героизмъ и рыцарскіе обычаи, коихъ мы привыкли

искать, по описаніямъ путешественниковъ, у смѣлыхъ горцевъ Грузіи. Впрочемъ, недостатокъ сей ни мало не уменьшаетъ достоинства изысканій, въ какія вошелъ Издатель, и тщательность его въ разсмотрѣніи всѣхъ, любопытныхъ для историка и филолога мѣстъ, заставляетъ жалѣть только о томъ, что Г-нъ Броссе не имѣлъ болѣе полной рукописи оригинала, или болѣе полной Исторіи народа, славнаго по многимъ отношеніямъ.

Изученіе одного изъ любопытнѣйшихъ Азіятскихъ языковъ, занимающее нашего ученаго Предсѣдателя, доставившаго онымъ новую славу Французской учености, сіе изученіе ожидало многаго отъ искуства и терпѣнія Г-на Курца, которому Совѣтъ поручилъ надзоръ за изданіемъ Китайско-Латинскаго Словаря, Отца Базиля Гламонскаго. Это сочиненіе, изготовленное въ рукописи Г-мъ Курцомъ, долженствовало быть литографировано Г-мъ Жуи, и первые листы онаго были представлены вамъ въ торжественномъ засѣданіи прошедшаго года. Но Г-нъ Курцъ не могъ остаться во Франціи до окончанія сего огромнаго сочиненія, и Совѣтъ былъ принужденъ остановить литографированіе онаго. Въ послѣднее время, Г. Курцъ предложилъ разныя средства для улучшенія матеріяльной части сего труда, и Совѣтъ былъ обязанъ, еще не рѣшая ничего касательно первоначальнаго плана, разсмотрѣть предлагаемыя средства въ отношеніи къ скорости и къ сбереженію издержекъ. Послѣдствія сего разсмотрѣнія должны быть вскорѣ извѣстны. Впрочемъ, Совѣтъ не можетъ упре-

кать себя въ замедленіи, котораго причины вамъ понятны, ибо вмѣстѣ съ желаніемъ доставить посвящающимъ себя Китайскому языку необходимую книгу, онъ чувствуетъ также, что сему изданію Словаря О. Базиля должно придать большее достоинство противъ изданія, напечатаннаго въ 1813 году въ Императорской типографіи.

Тѣ-же причины, а въ послѣдніе мѣсяцы и перемѣщеніе Восточнаго отдѣленія Королевской типографіи, заставили прекратить печатаніе Манчьжурскаго Словаря и Грузинской Граммашики. Совѣтъ надѣется, что оба сіи сочиненія вскорѣ будутъ вновь продолжаемы, и что въ засѣданіи слѣдующаго года онъ будетъ имѣть удовольствіе, увѣдомить объ успѣшнѣйшемъ печатаніи оныхъ. Распоряженія, которыя принуждена была сдѣлать Королевская типографія, для удобнѣйшаго употребленія многочисленныхъ средствъ своихъ въ печатаніи на Азіятскихъ языкахъ, ни мало не воспрепятствовали изданію *Азіятскаго Журнала*. Комиссія, занимающаяся составленіемъ онаго, постояннымъ усердіемъ и неутомимымъ трудомъ привела въ порядокъ изданіе книжекъ, опаздывавшихъ многими мѣсяцами. Здѣсь усмотрите вы также, что изъ всѣхъ сочиненій Общества, самымъ исправнымъ и замѣчательнымъ по быстротѣ успѣховъ было то изданіе, которое непосредственно состоитъ подъ надзоромъ Совѣта.

Статьи, достойныя вниманія, отличили прошедшій годъ сего изданія Общества, и, смѣемъ сказать, поддержали его на первой степени въ числѣ

изданій, относящихся къ языкамъ, Литературѣ и Исторіи народовъ Азіи. Нашъ Почетный Президентъ, Баронъ Сильвестръ де Саси, помѣстилъ тамъ глубокомысленныя замѣчанія о формулѣ, употребляемой въ надписяхъ нѣкоторыхъ монетъ Персидскихъ. Издательная Коммисія поспѣшила внести туда-же изслѣдованія двухъ иностранныхъ ученыхъ, Гг. Вильсона и Гогдзона, желая сдѣлать болѣе извѣстными ихъ труды о религіи Будды, ибо для извѣстности не можетъ быть удобнымъ огромное и рѣдкое собраніе *Азіятскихъ Изысканій*, издаваемое въ Калькуттѣ. Въ то время, когда Журналъ нашъ отдавалъ сію справедливость двумъ заслуженно-славнымъ ученымъ, неутомимое усердіе Г-на Клапрота почти одно поддерживало сіе изданіе и обогащало его важными диссертаціями, плодомъ труда легкаго и разнообразнаго. Такимъ образомъ, кромѣ ученыхъ статей объ изданіяхъ О. Іакинѳа Бичурина, мы одолжены Г-ну Клапроту переводомъ *Описанія Тибета*, увеличеннымъ столь обширными дополненіями, что онъ составляетъ новое сочиненіе, изданное, благодаря Г-ну Клапроту, и отдѣльно. Двѣ другія статьи того-же Автора, хронологическая таблица главнѣйшихъ событій касательно Буддизма, и превосходное изъясненіе священной формулы, знаменитой въ Тибетѣ, представляютъ объясненія предмета, особенно занимающаго Оріенталистовъ нашего времени. Г-нъ Вроссе продолжалъ сообщать въ *Азіятскій Журналъ* плоды своихъ изысканій о Грузинской Поэзіи и романѣ: Таріель. Если, вмѣстѣ съ сими диссертаціями, большею частію относящимися къ обы-

чаямъ и религіямъ народовъ Восточной Азіи, къ сожалѣнію, не видно довольнаго числа отрывковъ, заимствованныхъ изъ Литтературъ Персидской и Арабской, то сему есть причина особенная. Въ изученіи языковъ Восточныхъ бываютъ эпохи, когда нѣкоторые народы, дотолѣ не обращавшіе на себя вниманія ученыхъ, становятся предметомъ ближайшихъ изслѣдованій, и требуютъ у публики должнаго вниманія. Впрочемъ, какъ-бы ни изъясняли означаемый нами случай, мы можемъ увѣрить васъ, что Совѣтъ и Коммисія Журнала, съ особенною готовностью спѣшили помѣщать всѣ представленныя имъ о народахъ Арабскихъ и Персидскихъ статьи.

Есть изданія другаго рода, на кои Совѣтъ не можетъ имѣть столь прямаго дѣйствія, потому что они печатаются не вполнѣ на иждивеніи Общества, и, въ замѣну болѣе или менѣе значительной подписки своей, Совѣтъ не можетъ требовать столь строгаго отчета, на какой пріобрѣтаетъ онъ право касательно сочиненій, единственно вашимъ пособіемъ издаваемыхъ. Можно было ожидать, что замѣшательства, уже болѣе года стѣсняющія книжную торговлю, подѣйствуютъ непріятнымъ образомъ и на изданіе тѣхъ сочиненій, которыя не поддерживаются ободреніемъ публики. Послѣ этого, конечно съ удовольствіемъ узнаете вы, что изъ пяти сочиненій, на которыя подписалось Общество, только два подверглись остановкѣ, оказывающейся въ литтературныхъ предпріятіяхъ: это текстъ Китайскаго романа

Іу Кіао-Ли, и текстъ Арабской Географіи Абульфеды. Совѣтъ можетъ удостовѣрить васъ, что не отъ ревности издателей, Г-дъ Левассёра и Жуи, зависѣло ускореніе сихъ двухъ, литографируемыхъ сочиненій. Другія частныя предпріятія, на которыя подписался Совѣтъ, шли довольно удовлетворительно. *Вендидатъ-Саде* отпечатано шесть тетрадей; отписки седьмой находятся передъ вами. Въ послѣдней, Г-нъ Жуи, занимающійся литографированіемъ текста, оказалъ прежнюю тщательность и прежнее искусство. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ явилась третья тетрадь *Законовъ Ману*, трудъ Г-на Луазелёръ-Делоншана. Она содержитъ въ себѣ извлеченіе изъ Санскритскаго Комментарія Куллуки, уже напечатаннаго въ Индіи, и варіянты, заимствованные изъ прекраснаго Гаугтонова изданія того-же сочиненія. Первый томъ *И-Кинга* оконченъ и явится вскорѣ со вторымъ, котораго первые листы нынѣ предстанутъ вамъ.

Теперь, Мм. Гг., вамъ извѣстны труды, совершенные попеченіемъ Совѣта въ истекшемъ году, и вы можете убѣдиться, что, исключая два сочиненія, во всѣхъ другихъ оказаны быстрые успѣхи, коихъ можно было ожидать отъ усердія Издателей. Моя обязанность теперь была-бы кончена, если-бы знаменитый ученый, призванный вашимъ избраніемъ предсѣдательствовать въ Совѣтѣ, не пріучилъ васъ, въ донесеніяхъ о трудахъ Общества, находить извѣстіе о всемъ важнѣйшемъ, что сдѣлано въ Европѣ и Азіи касательно предмета, коего распространенію посвящаемъ мы труды

своя. Званіе, коимъ облекла меня благосклонность ваша, налагаетъ на меня исполненіе той-же обязанности. Но могу-ли надѣяться представить вамъ сужденія, всегда столь вѣрныя истинной Критикѣ, и въ то-же время запечатлѣнныя снисходительностію? Могу-ли, еще болѣе, представить вамъ съ такимъ искусствомъ характеристику каждаго труда, и чрезъ то назначить настоящее мѣсто оному въ общности открытій и предпріятій, безпрерывно совершаемыхъ? Это выше моихъ способностей, Мм. Гг.! и если я осмѣливаюсь, послѣ Г-на Абель-Ремюза, судить о столь важномъ предметѣ, то мнѣ необходима увѣренность, что вы не предполагаете во мнѣ ни самолюбія идти въ состязаніе, ни страха, можетъ быть не менѣе самолюбиваго, быть побѣжденнымъ.

Изъ всѣхъ ученыхъ сообществъ, имѣющихъ цѣлію распространеніе свѣдѣній о языкахъ и образованности Азіи, ни одно не оказало Наукѣ заслугъ столь блистательныхъ, какъ Азіятское Общество въ Калькуттѣ, коего учрежденіе служило образцомъ для обществъ Бомбейскаго, Мадрасскаго и Лондонскаго, имѣющихъ туже цѣль. Ученый міръ уже могъ оцѣнить достоинство статей, наполняющихъ шестнадцатый томъ Transactions, изданный симъ знаменитымъ сообществомъ. Послѣ великихъ изысканій Кольбрука и Вильсона, казалось, трудно было-бы прибавить что либо къ высокой славѣ сей драгоцѣнной коллекціи. Шестнадцатый томъ рѣшилъ сію задачу. Не говоря подробно о всѣхъ частяхъ онаго, можно-ли безъ живаго чувства при-

знательности читать статьи Гг. Вильсона и Гогдзона, одну о сектахъ Индійскихъ, другую о Буддизмѣ въ Непалѣ? Особенно сія послѣдняя достойна вниманія, не только по свѣдѣніямъ, въ ней находящимся, но и по чрезвычайной занимательности выводовъ. Сіе сочиненіе, столь полное и оригинальное, конечно получитъ новую цѣну въ глазахъ вашихъ, когда вы узнаете, что оно имѣетъ связь съ изысканіями о догматахъ и Исторіи религіи Саманейской, недавно начавшими особенно занимать насъ. Первая часть семнадцатаго тома той-же коллекціи, явившаяся послѣ сего, заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей о Геологіи Индійской, вмѣстѣ со множествомъ гравированныхъ рисунковъ. Это первый томъ, изданный съ того времени когда сіе Общество, которому не чуждо ни одно знаніе человѣческое, рѣшилось вносить въ отдѣльныя части своихъ трудовъ статьи, относящіяся къ Естествознанію, и диссертаціи, посвященныя Наукамъ Историческимъ.

На ряду съ сими высокими трудами, мы должны обратить уважительное вниманіе ваше на произведенія не столь славныя, но не менѣе полезныя, принадлежащія Обществу, которое конечно по одному скромному наименованію своему не пріобрѣло тѣхъ похвалъ, коихъ достойно его трудолюбіе. Четыре года назадъ составился въ Калькуттѣ, подъ покровительствомъ Ость-Индской Компаніи, Комитетъ для общественнаго просвѣщенія. Онъ имѣетъ цѣлію распространить между Индусами Классическія сочиненія ихъ обширной литтературы.

Книгопечатаніе служитъ дѣйствительнымъ средствомъ для сего почтеннаго общества, которое, сколько можемъ мы судить о намѣреніяхъ его по слѣдствіямъ, предполагаетъ, что для воззванія сего падшаго народа къ лучшему состоянію, необходимо внушить ему любовь къ изученіямъ, нѣкогда прославившимъ его предковъ, и возвратить Индіи народность Науки, въ вознагражденіе за политическую независимость, не однажды похищенную у нея чуждыми властителями. Намъ кажется, что предпріятіе сіе показываетъ глубокое познаніе духа, потребностей Восточныхъ народовъ, и особенно безпристрастную оцѣнку того вліянія, какое могутъ имѣть на сіи, столь отличные отъ насъ народы, наши идеи, наши методы. Благоразуміе людей, предпринявшихъ и выполнившихъ сей планъ, полагало, что надѣяться вполнѣ примѣнить къ народу, занятому мистическими размышленіями, раздѣленному языками и кастами, слѣдствія, черезъ долгое время пріобрѣтенныя въ Европѣ духомъ изыскательности, значитъ не понимать собственнаго характера Индійскаго народа. Они думали, что если дѣйствительно должно исполниться предвѣщаніе о всемірномъ распространеніи нашей образованности, то вѣрнѣйшимъ средствомъ для приготовленія къ оной Индусовъ можетъ послужить участіе всѣхъ классовъ сего общества, столь сложнаго, въ просвѣщеніи ихъ древнихъ мудрецовъ, коимъ доселѣ исключительно пользовалась одна каста. Такимъ образомъ, желая облегчить изученіе языка ученаго, Санскритскаго, Комитетъ издалъ двѣ Грамматики: одну, *Лагукаумоди*, довольно краткое извлеченіе

изъ огромнаго сочиненія Панини, другую, *Могдабода*, особенно употребляемую въ Бенгалѣ. Къ симъ учебнымъ сочиненіямъ должно присовокупить поэму, называемую *Баатти*, въ которой Авторъ, бывши глубокимъ грамматистомъ, умѣлъ, съ чисто грамматическою цѣлью, раскрыть всѣ богатства Санскритскаго языка. Два сочиненія о Риторикѣ: *Сагитіа дарпана*, и *Кавіа дарша*, съ величайшею подробностью представляя правила многочисленныхъ сочиненій, извѣстныхъ Индійцамъ, обѣщаютъ Критикѣ виды новые и занимательные. Въ самомъ дѣлѣ, если Критика наша, столь усовершенствованная въ Европѣ и опирающаяся на сравнительный разборъ произведеній столькихъ различныхъ Литтературъ, можетъ вѣрно означить истинный характеръ Индійскихъ стихотвореній, то не менѣе любопытно изслѣдовать, какое мнѣніе Критики Индійскіе, лишенные всѣхъ сношеній съ другими народами, и предоставленные природнымъ вдохновеніямъ, какое мнѣніе могли составить они о великихъ произведеніяхъ, ознаменовавшихъ могущество ихъ генія? За сими дидактическими сочиненіями слѣдовало изданіе драмы: *Возъ глины*. Это чрезвычайно любопытное сочиненіе было помѣщено въ знаменитомъ Вильсоновомъ собраніи Индійскаго Театра. До сихъ поръ, вотъ уже другая драма, на Санскритскомъ и Пракритскомъ, которою обладаетъ Европа въ подлинникѣ. Соображая, какъ мало рукописей Индійскихъ театральныхъ сочиненій находится въ нашихъ библіотекахъ, и какъ важенъ Театръ въ общности Брамінской Литтературы, можно понять, сколько признательны должны быть Индіанисты Комитету Калькутитско-

му, за счастливый выборъ, *Мрихакаши*. Произведенія, болѣе строгаго характера, не остались чужды собранію, долженствующему представить самые важные памятники генія Браминовъ. Отдѣльныя сочиненія о различныхъ частяхъ Юриспруденціи, предназначены для распространенія между Индусами познанія ихъ законодательства, а изданія аксіомъ Философіи Ніаіа и системы Веданта, соотвѣтствуя склонности Браминовъ къ созерцательной учености, даютъ надежду, что Комитетъ вскорѣ умножитъ, посредствомъ писченія, число такихъ древнихъ книгъ, каковы Веды и огромныя Миѳологическія поэмы, уважаемыя Индусами какъ божественное основаніе ихъ религіи, и ожидаемыя въ Европѣ съ нетерпѣніемъ.

Сіи различные Санскритскіе тексты назначаются для высшихъ классовъ, которые могутъ читать сочиненія, писанныя на языкѣ ученомъ. Но, поелику большая часть народонаселенія въ Бенгалѣ употребляетъ нарѣчіе простонародное, то Комитетъ издалъ, на Бенгальскомъ, множество сочиненій о религіи, нравственности, Философіи, Юриспруденціи, которыя преимущественно суть только переводы самыхъ уважаемыхъ сочиненій Браминской Литтературы. Въ этомъ отношеніи они для насъ не такъ важны, какъ оригинальныя сочиненія на Санскритскомъ, и мы упоминаемъ о нихъ потому только, что вы имѣете право знать обо всемъ, что дѣлаетъ для человѣчества сіе полезное общество.

Счастливыя дѣйствія великодушныхъ предпріятій оказались также и въ отношеніи къ прежд-

нимъ завоевателямъ Индіи; нынѣ подвластнымъ Компаніи. Между изданіями на языкахъ Арабскомъ и Персидскомъ, назначенными для Мусульманъ, должно отличить произведеніе, важное для изученія Мугаммеданскаго законодательства: *Фетава Алемгвири*, и извлеченіе изъ *Сеиръ-Алмутахеримъ*, новой Исторіи Индіи. Можетъ быть должно пожелать, чтобы издано было все сочиненіе, вполнѣ, а не отрывокъ, хотя и значительный. Другія сочиненія на Персидскомъ языкѣ могли-бы доказать, въ случаѣ надобности, истинно ученый духъ Комитета, который, принимая иногда въ свое собраніе переводы изъ книгъ Европейскихъ, рѣдко подражалъ другому, также почтенному *Обществу учебныхъ книгъ*, кажется, по плану своему не достигающему столь удовлетворительныхъ послѣдствій.

Сіи великія заслуги, оказанныя Англичанами, могли-бы уже доставить имъ почетное мѣсто среди народовъ, привлекаемыхъ благороднымъ любопытствомъ къ изученію Востока. Но, благодаря пособіямъ, доставляемымъ Англіи удивительнымъ положеніемъ ея въ Азіи, она съ гордостью можетъ указать еще на услуги, безпрерывно оказываемыя Восточной Литтературѣ Королевскимъ Азіятскимъ Обществомъ Великобританіи. Вамъ извѣстно, какой блескъ получили Transactions сего Общества отъ ученыхъ и оригинальныхъ диссертацій Кольбрука, касательно различныхъ системъ Философіи у Индусовъ. Вторая часть втораго тома, явившаяся въ продолженіе 1830 года, занимаетъ достойное мѣсто подлѣ предшествовавшихъ частей. Въ

сшашьѣ Г-на Гарріоша, множество сближеній о языкѣ толпъ, извѣстныхъ въ разныхъ странахъ Европы подъ именемъ Цыгановъ и Египтянъ (*), подтверждаетъ принятое мнѣніе, что поколѣніе сіе происхожденія Индійскаго. Сшашья Г-на Девиса, подъ заглавіемъ Poeseos Sinicae commentarii, есшь родъ Антологіи, состоящей изъ отрывковъ, запечашлѣнныхъ благопристойностью, которая заслуживаетъ вниманіе въ Китайской Поэзіи. Она заставляетъ желашь, чтобы Авторъ употребилъ свои познанія въ слогѣ сего рода къ развитію поэтическаго языка, весьма затрудняющаго синологовъ. Ученый Гаугтонъ глубокомысленно объяснилъ еще одну Куфическую надпись. Г-нъ Бриггсъ, извѣстный переводомъ Исторіи повелительства Мусульманскаго въ Индіи, сочиненія Феришшаха, сообщилъ подробную Біографію сего славнаго Автора. Наконецъ; Г-нъ Тодъ, по случаю Индійскаго перстня, найденнаго

(*) Замѣчательно многоразличіе названій сихъ бродящихъ толпъ у разныхъ народовъ. Русскіе и Нѣмцы называютъ ихъ Цыганами (Zigeuner), Голландцы *Язычниками*, Шведы и Датчане Тапарами, Англичане Египтянами (Gypsies), Французы Богемцами, Испанцы Гитаносами (что вообще означаетъ *лукавца, хитреца*), Итальянцы Влахами или Волохами, Турки Цингарами и Чинганами. Сами себя именуютъ они, въ иныхъ мѣстахъ Фараонами, въ другихъ Сиптами, что напоминаетъ Египетъ и Индію. *Примѣч. Пер.*

въ Англіи, умѣлъ снова извлечь любопытныя сближенія, уже не одинъ разъ занимавшія его, о сходствѣ между обычаями и мнѣніями Индусовъ, и преданіями народовъ Сѣверной Европы.

Труды, совершаемые Лондонскимъ Азіятскимъ Обществомъ, ни сколько не задерживали дѣятельности Комитета, учрежденнаго въ оном для перевода книгъ восточныхъ. Разнообразныя изданія, изъ коихъ многія займутъ почетное мѣсто въ наукѣ, доказываютъ превосходный духъ, управляющій Комитетомъ, и ревность принадлежащихъ къ нему ученыхъ. Переводъ *Записокъ Тимура*, сдѣланный Маіоромъ Стюартомъ, пополняетъ трудъ Виша, и представляя для Исторіи Азіи въ XIV-мъ вѣкѣ новыя свѣдѣнія, заключаетъ въ себѣ еще и ту занимательность, которая нераздѣльна съ Біографіями знаменитыхъ людей, когда онѣ писаны ими самими. Г-нъ Бальфуръ издалъ *Біографію Шейха Мухаммеда Али-Гасскма*, гдѣ видимъ живое изображеніе частной жизни благороднаго Персіянина, и несчастій отечества его въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Нѣмецкій Оріенталистъ, Г-нъ Нёйманнъ, перевелъ съ Армянскаго *Исторію Короля Вартана*, во многомъ объясняющую войны за религію, между Армянами и Персами V-го столѣтія нашей эры. Одно изъ сочиненій фантастическихъ, какими изобилуетъ Востокъ, романъ *Гатимъ Таи*, переведенъ Г-мъ Форбесомъ. Но самымъ оригинальнымъ изданіемъ Комитета можно почесть Малайскую книгу, переведенную ученымъ Марсденомъ. Записки семейства Малайскихъ купцовъ лю-

бопытны и по исторической занимательности, и по многимъ подробностямъ нравовъ, и по прелестной простотѣ слога. Онѣ даютъ столь-же выгодное понятіе о народномъ характерѣ Малайцевъ, сколь невыгодное о Голландскомъ Правительствѣ той эпохи. Наконецъ, въ числѣ переводовъ, которые Комитетъ обѣщаетъ издать вскорѣ, мы должны упомянуть о книгѣ Г-на Бриггса, намѣревающагося прибавить къ прежнимъ, огромнымъ трудамъ своимъ объ Исторіи Мусульманской Индіи, трудъ новый. Это преложеніе *Сейралмутахеррма*, которое можно признать новымъ, потому что прежнее, сдѣланное въ Бенгалѣ однимъ Французомъ-ренегатомъ, было очень дурно, да и самое изданіе онаго почти все погибло въ кораблекрушеніи.

Лестно намъ, Мм. Гг., считать въ числѣ учрежденій, наиболѣе способствовавшихъ успѣхамъ Восточной Литтературы, почтенное Общество Библейское. Не намъ судить о благородной цѣли его и безкорыстныхъ усиліяхъ; но мы не можемъ забыть неоцѣненныхъ услугъ его въ сферѣ менѣе возвышенной, въ Филологіи и Этнографіи. Не говоря объ изданіяхъ Библіи и Новаго Завѣта на нѣкоторыхъ, вообще изучаемыхъ языкахъ, какъ-то на Еврейскомъ, Арабскомъ, Персидскомъ, Ново-Греческомъ, мы знаемъ, что вскорѣ будутъ изданы Священныя Писанія на языкѣ Берберовъ Африканскихъ, и часть Новаго Завѣта на Яванскомъ, печатаемая въ Серампорѣ, попеченіями Г-на Брюкнера. На Югѣ Индіи Общество продолжаетъ тщательный пересмотръ Тамульскаго перевода Г-на Реніуса, и ста-

раешся придашь сему труду несомнѣнное преимущество надъ преложеніемъ Фабриціевымъ. Изданія Новаго Завѣта на *Малаіялимскомъ* (Malayalam) и *Канарскомъ* (Canara) печатаются. Не съ меньшимъ удовольствіемъ узнаютъ также, что Комишетъ Коломбоскій (*) рѣшился начать печатаніе Новаго Завѣта на языкѣ Пали, Бирманскими буквами. Г-нъ Джодзонъ, составитель перваго Словаря Бирмано-Англійскаго, напечаталъ три религіозныя Разсужденія на языкѣ Бирманскомъ, въ коихъ находится изложеніе Христіанской религіи, въ четырехъ частяхъ, Катехизисъ для дѣтей, и, наконецъ, Разсужденіе, подъ заглавіемъ: *Золотые вѣсы*, представляющее сравненіе Христіанства съ Буддизмомъ. Два первыя изъ сихъ сочиненій переведены на Сіямскій, и всѣ три на *Таінгскій*, языкъ, употребляемый въ большей части Пегу. Въ тоже время, почтенный Томлинъ началъ переводить Евангелія съ Китайскаго на Сіямскій, при пособіи Сіямскаго толмача, Китайца по рожденію. Легко предвидѣть, какія объясненія получатся для многихъ, еще мало извѣстныхъ нарѣчій, отъ сихъ различныхъ изданій, и мы не можемъ довольно возблагодарить ревностныхъ Миссіонеровъ, предпринимающихъ оныя. Какъ важное улучшеніе, надобно означить стараніе Общества Библейскаго присовокупить къ себѣ отличнаго Оріенталиста, Г-на Гриндфильда, коморому

(*) *Коломбо*, главный городъ Англичанъ на островѣ Цейланѣ. *Прим. Перев.*

поручено строго разсмотрѣть часть Филологіи Восточной. Избраніе сіе удостовѣряетъ, что Библейское Общество не ослабѣетъ въ своихъ трудахъ, и мы въ правѣ надѣяться, что въ надзорѣ Г-на Гриндфильда найдетъ оно обезпеченіе отъ ошибокъ, въ какія можетъ увлекать иногда самое желаніе скорѣе достигнуть цѣли благородной и полезной.

Если подвиги ученыхъ Обществъ, изложенные въ семъ обозрѣніи, имѣютъ право на почтеніе всѣхъ, принимающихъ участіе въ успѣхахъ человѣческихъ знаній, то какую признательность должны мы питать къ тѣмъ трудолюбивымъ людямъ, которые одни, безъ могущественныхъ пособій, доставляемыхъ духомъ сообщества, стараются увеличивать и умножать открытія, безпрерывно производимыя на Востокѣ Европейцами? Надежды, подкрѣпляющія ихъ, наши надежды; цѣль, къ которой стремимся мы Обществомъ, есть цѣль каждаго изъ нихъ отдѣльно. Такимъ образомъ имѣютъ они двоякое право на ваше вниманіе, коимъ удостоиваете вы все, что можетъ разливать свѣтъ на Физическую и Нравственную Исторію народовъ Восточныхъ.

Литература и языкъ одного изъ древнѣйшихъ Азійскихъ народовъ, Евреевъ, продолжаетъ быть предметомъ трудовъ, долженствующихъ болѣе и болѣе обобщать знаніе оныхъ. Г-нъ Ли въ Лондонѣ издалъ Еврейскій Словарь; Г-нъ Глеръ издалъ такойже въ Парижѣ. Трудъ Г-на Глера, тщательно исполненный по лучшимъ лексиконамъ, имѣетъ особенною цѣлью одушевить юныхъ Членовъ Французскаго Духовенства любовію къ изученію, слишкомъ пре-

небреженному. Почтенныя желанія Автора конечно не останутся безплодными, когда онъ издастъ Еврейскую Грамматику, составляемую по тому же плану. Съ другой стороны, Г-нъ Кармоли, желая распространить между Израильтянами познаніе ихъ Исторіи, издаетъ на Еврейскомъ: *Біографіи знаменитыхъ Израильтянъ*. Первая часть сей книги заслужила одобреніе особъ, свѣдущихъ въ Литературѣ Раввинской. Въ Германіи, славный гебраистъ Розенмюллеръ издалъ двадцатый (заключающій въ себѣ *Экклезіаста* и *Пѣснь пѣсней*) томъ *Схолій*, огромнаго репертуарія всего, что Критика произвела самаго точнаго и глубокомысленнаго касательно Ветхаго Завѣта. Тотъ-же ученый издалъ новый томъ четвертой части *Библейской Археологіи*, содержащій въ себѣ Минералогію и Ботанику Библейскую. Сія послѣдняя гораздо превосходнѣе Цельзіева сочиненія: Hierobotanicon, которое, впрочемъ, сдѣлалось очень рѣдко. Кромѣ сихъ отдѣльныхъ сочиненій, въ Германіи явилось изданіе, имѣющее болѣе общую занимательность; это: *Критическая Исторія религіозныхъ идей Ветхаго Завѣта*, Г-на Грамберга. Сіе обширное сочиненіе, плодъ Критики самой смѣлой, кажется, должно занять мѣсто въ числѣ тѣхъ трудовъ, коими гордится Нѣмецкая ученость.

Изученіе Арабскаго языка обогатилось въ семъ году важными пріобрѣтеніями, коими одолжены мы Г-ну Фрейтагу, въ Боннѣ. Первый томъ новаго изданія Словаря Голіуса явился въ свѣтъ, и половина втораго, какъ увѣряютъ, окончена. Множество

прибавленій дѣлаютъ сіе сочиненіе совершенно новымъ; сверхъ сего, оно имѣетъ то неоспоримое преимущество, что дѣлаетъ доступнымъ занимающимся изученіемъ Арабскаго языка Словарь, съ давняго времени бывшій рѣдкимъ. Г-нъ Фрейтагъ издалъ еще полное изслѣдованіе о стихотворныхъ мѣрахъ Арабскихъ, отчасти въ опроверженіе системы другаго Нѣмецкаго ученаго, Г-на Эвальда. Г-нъ Рёдигеръ, въ Галлѣ, издалъ вновь Басни Локмана; вскорѣ явится сіе-же сочиненіе, литографированное въ Парижѣ Г-мъ Прайсомъ. Къ числу книгъ, долженствующихъ вскорѣ явиться въ свѣтъ, отнесемъ прежде всего новое изданіе большой, прекрасной Граммашики Г-на Сильвестра де Саси. Намъ обѣщаютъ, что вскорѣ будетъ довершено сличеніе Курана, полезный трудъ, коимъ занимается много лѣтъ Г-нъ Глеръ. Въ Лондонѣ, Африканское Общество напечатало послѣднюю часть Записокъ Буркхардта. Онѣ состоятъ изъ сочиненія о Бедуинахъ, исполненнаго подробностей новыхъ, и изъ книги пословицъ, собранныхъ Буркхардтомъ у степныхъ Арабовъ, и объясненныхъ исторически и грамматически. Сиръ В. Оузелей, благосклонно принявъ на себя смотрѣніе за симъ изданіемъ, отдалъ тѣмъ послѣдній долгъ одному изъ самыхъ добросовѣстныхъ и дѣятельныхъ путешественниковъ нашего времени. На ряду съ симъ изданіемъ должно поставить чисто историческій трудъ, превосходную книгу Г-на Вилькена о Крестовыхъ походахъ. Недавно вышедшій, VI-й томъ оной, начинается XIII-мъ столѣтіемъ, послѣ взятія Константинополя Крестоносцами, и оканчивается 1247-мъ го-

домъ, обнимая такимъ образомъ періодъ, уже тщательно объясненный изысканіями Гг. Мишо и Рейно. Ученый Г-нъ Вилькенъ, частыми ссылками отдавая справедливость трудамъ своихъ предшественниковъ, не оставляетъ однакожь безъ критическаго разсмотрѣнія источниковъ, употребляемыхъ имъ самимъ, и, сколько можно, черпаетъ свѣдѣнія изъ Авторовъ оригинальныхъ. Драгоцѣнное достоинство разнообразія и обилія въ подробностяхъ, пріобрѣтаемое только познаніемъ текстовъ, отличаетъ также знаменитый Историческій трудъ Г-на Гаммера: *Исторію Оттоманской Имперіи*, которая не одинъ разъ заслужила отъ Совѣта нашего свидѣтельства уваженія, коихъ въ семъ быстромъ обозрѣніи не можемъ мы представить. Если политическая потребность, знать причины возвышенія и ослабленія могущества Оттоманскаго, способствовала отчасти успѣху огромнаго сочиненія Г-на Гаммера, то одинакая причина, интересъ дипломатическій, заставляетъ обращать вниманіе на Краткіе Французско-Турецкіе Словари, изданные Г-мъ Аршинъ-Гандуглу, въ Вѣнѣ, Г-мъ Разисомъ, и нашимъ соотечественникомъ Г-мъ Біанки.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ФИЗІОГНОМИЧЕСКІЯ

и

Хиромантическія свѣдѣнія Древнихъ Россіянъ.

Желая знать *народность* нашу, мы должны видѣть прошедшій и настоящій бытъ Руси во всѣхъ, даже самыхъ мѣлочныхъ отношеніяхъ. Вотъ почему, мы думаемъ, что помѣщая различныя свѣдѣнія, поясняющія намъ характеръ, мнѣнія, повѣрья, свѣдѣнія нашихъ предковъ, мы не обременяемъ вниманія просвѣщенныхъ читателей Телеграфа предметами ничтожными и безполезными. Все это также матеріялы для Исторіи Русской, какъ и грамоты, списки съ старинныхъ актовъ.

Въ одномъ изъ старинныхъ сборниковъ, XVII-го вѣка, мы нашли извѣстіе о Физіогномическихъ и Хироманшическихъ замѣчаніяхъ нашихъ предковъ. Не можемъ сказать: самобытное-ли это произведеніе, или переводъ? Въ томъ и другомъ случаѣ, оно любопытно; этому *вѣрили* старики наши. Они вообще не умѣли сомнѣваться въ писанномъ, или печатномъ. «Такъ въ книгѣ пишется,» говаривали они, думая, что говорятъ о сильнѣйшемъ доказательствѣ. Выписываемъ упомянутое извѣстіе, въ

совершенной точности, безъ наблюденія только правописанія старинnаго.

«*Се о знаменіяхъ человѣческихъ.*

«Аще у человѣка будетъ знамя на челѣ, многимъ господинъ будешъ, аще изъ добраго рода, а изъ худаго, то самъ послужишъ.

«Аще знамя будетъ между бровьми, то жену Христіанину поймешъ.

«Аще знамя будетъ на брадѣ, тому съ мѣста на мѣсто переходити.

«Аще знамя будетъ *на кебрыніе*, или на усѣ, то богатъ будетъ.

«Аще знамя будетъ на чревѣ, то пѣяница и многоядецъ будетъ.

«Аще знамя на руцѣ, то многоплодемъ будетъ.

«Аще знамя надъ сердцемъ, промышленникъ будетъ.

«Аще знамя на персѣхъ, то убогій сирота.

«Аще велико чело у кого, то мудръ есть; аще ли мало, то есть мыслію, словесы и дѣломъ разуменъ. Аще-же кругло чело, то шщивъ и гнѣвливъ, и шужливъ.

«Аще брови приклонилися къ носу, то ярокъ, и высокъ, сердитъ, и ужасливъ. Аще брови приклонилися ко *скорыньямъ*, то ругатель и пронырливъ.

« Аще будушъ очи закрышы, шо многими любимъ будешъ.

« Аще очи *лисы*, временемъ страшливъ, а временемъ укрѣпишся.

« Аще очи черны, шо есшь временемъ крошокъ и высокоуменъ. Аще-же очи велицы черны, шо пышливъ чужаго жишія. Аще-же велицы и сѣры, многоглаголивъ, и въ немъ *разсмотръ* есшь.

« Аще очи, аки-бы шрещены, въ шомъ нѣсшь ума: чшо видишъ, шо и разумѣешъ.

« Аще очи внушрь впали, осшрѣйшій мыслію бываешъ.

« Аще часшо мигаешъ, шо умъ не усшоишъ на единомъ мѣсшѣ. Аще-же не часшо мигаешъ, шо не сшыдливъ.

« Аще знамя на колѣнѣ, шо жену поймешъ богашу Хрисшіанину.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

отъ Сочинителя, повѣсти:

Андрей, Князь Переяславскій.

I.

« Нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ Ладо прибыло ! »

Старинная пѣсня.

Въ лѣто, отъ сотворенія міра, по Греческимъ хронографамъ 7335-е, я нижеподписавшійся лежалъ на кровати своей, перелистывая черепословную систему Доктора Галля, развитую Спурцгеймомъ, и очень досадуя на природу, что она не выставила нумеровъ на мозговыхъ моихъ органахъ, для легчайшаго прiиска. Щупая и перещупывая однакожь всѣ выпуклости на кивотѣ моего генія, весьма былъ я изумленъ, когда указательный мой перстъ вспрѣтилъ на немъ шишку воображенія и потомъ пирамиду сравненія, двухъ несомнѣнныхъ спутниковъ Поэзіи. Чортъ меня возми! вскричалъ я тогда (грѣшный человѣкъ, это мое любимое восклицаніе), мудрено-ль, что у меня издавна чесались руки на стихотворство, когда сама природа предназначила меня быть поэтомъ! И какъ до

сихъ поръ не послѣдовалъ я своему призванію? . . Не говорилъ-ли мнѣ Нѣмецъ, сапожникъ и эстетикъ вмѣстѣ, что въ ногахъ моихъ есть что-то поэтическое! Не пожаловала-ли меня въ Русскаго Парни полдюжина пріятелей, съ которыми осушилъ я двѣ дюжины Шампанскаго! Не назвали-ли меня двѣ премилыя дамы поэтомъ за то, что въ альбомахъ я поставилъ ихъ, кажется двумя градусами, выше всѣхъ языческихъ богинь! А собственное сознаніе, Мм. Гг., развѣ копѣйка? Я съ младенчества чувствовалъ, что во мнѣ шевелится эксентрическое сердце, и если подъ розгами не плакалъ гекзаметрами, подобно славному Латинскому Поэту, за то ранѣе могъ отличить ямбъ отъ хорея, чѣмъ винительный падежъ отъ предложнаго. Притомъ-же два Доктора, съѣвшіе на черепахъ зубы, должны знать свое дѣло, и мадамъ-природа вѣрно не такъ не учтива, чтобы избрать мою голову для забавнаго исключенія. Рѣшено и подписано: я поэтъ; поэтъ на зло судьбѣ!

Нечего и сомнѣваться, что по духу времени и вкусу я былъ романтикъ до конца ногтей. Нечего и сказывать, что я хотѣлъ первую попытку свою вылить въ историческую форму. Не доставало мнѣ только героя, а герои, въ нашъ героическій вѣкъ, отъ стеченія ихъ на базаръ славы, стали такъ рѣдки, что самъ Байронъ перечелъ сотни двѣ именъ не зацѣпись ни за одно. Надобно было просѣвать пепелъ Русской старины, а на бѣду я жилъ тогда въ чужой землѣ, безъ Русскихъ книгъ, даже безъ Русскихъ знакомцевъ. Перерывая въ сумкѣ памяти

(которой крѣпостію не могу похвалиться), понялъ я на Андрея Князя Переяславскаго, именованнаго *Добрымъ*: его-то избралъ я козломъ грѣхоносцемъ; на него-то навьючилъ всѣ грѣхи своего поэтическаго Израиля, всѣ ошибки воспоминанія. Разъ, два — и повѣсть, носящая на себѣ это имя, вылѣзла изъ головы моей до половины, какъ Минерва изъ головы Юпитера, въ заржавой, старинной кольчугѣ, только въ недошитомъ кафтанѣ и съ носомъ недорослемъ, который злая судьба грозилась уже ему приставить безъ моего содѣйствія. Господа стихотворцы знаютъ, какъ пишутся нынѣшнія поэмы, и потому не для чего мнѣ распространяться, какъ я бросалъ мысли за недочетомъ рифмъ, или рифмы за неявкою мыслей: изъ десяти начатыхъ картинъ, едва-ли двѣ доходили до половины, и я было хотѣлъ, по вольности словеснаго цеха, сшивать оконченныя бѣлыми стихами, какъ бѣлыми нитками. Одиночество удивительно какъ надуваетъ самолюбіе: самъ пишешь, самъ себя похваливаешь. Сперва смиренно говоришь: « Кажется, это не дурно! » Потомъ, *кажется* превращается *въ точно*, и точно въ *несомнѣнно*. Никому оспорить, покритиковать, исправить. Скоро однако-же простылъ творческій жаръ мой: я усталъ прыгать по стрекозиному отъ предмета къ предмету, не имѣя терпѣнія склеивать ихъ гладко. Два мѣсяца потомъ мое разбросанное сочиненіе казалось мнѣ прекраснымъ; еще черезъ два хорошимъ, тамъ изрядным, и черезъ полгода я нашелъ его только, только что сноснымъ. Лица въ немъ были замысловаты не по своему вѣку, рѣчи

пышны не по людямъ; однимъ словомъ: я обулъ въ Русскіе лапти Нѣмецкую Философію. Это сознаніе, соединенное съ божественною лѣнью, по которой я самъ могу мѣшишь въ полубоги, было виной, что Князь мой остался о двухъ головахъ, хотя я предполагалъ его сдѣлашь, какъ змѣя Горынича, шестиглавымъ. Не то, чтобъ я отрицалъ въ этой повѣсти всѣ достоинства: въ ней есшь свѣжія картины, удачныя сравненія, звонкіе стихи, нигдѣ не заимствованныя мысли; смѣю сказашь, что если-бъ я продолжалъ ее, остальныя главы, возвышаясь занимашельностію, могли-бы искупишь недосшашки предъидущихъ; но все шаки я убѣдился, что въ ней не было-бы этой купности, этого цѣлаго, знаменующаго физіогномію геніяльныхъ произведеній, и бросилъ поприще, на которомъ не льстился опередишь многихъ. Для себя собственно, я не на всегда ошказался ошъ прелестной болшуньи Поэзіи, которая дарила меня столь сладостными часами забвенья страданій; но шеперь я удовольствуюсь однѣми прогулками, а не дальними пушешествіями съ нею. И шакъ, Мм. Гг., не смотря на свою поэшическую звѣзду, на свои призвашельныя шишки на черепѣ, подъ № 16 и 30-мъ (зри Френологію), даже не смотря на увѣренность, что я съ большою легкостію могу писашь шакъ-же вздорно какъ другіе, я ошказался ошъ бумажнаго вѣнка поэша. Очень-бы радъ былъ, если-бъ моя исповѣдь послужила урокомъ для многихъ молодыхъ стихошворцевъ.

Впослѣдствіи, пересѣкая Россію, чтобы отправишься въ одну изъ дальнихъ ея провинцій, я ош-

далъ одной, душевно уважаемой мною, знакомой дамѣ, единственную черновую тетрадь, въ которой заключались двѣ главы Андрея Переяславскаго, и нѣкоторые отрывки слѣдующихъ, ошдалъ, какъ обломокъ Вавилонскаго столба, на которомъ хотѣлъ я спастись отъ потопа забвенія, какъ летучій слѣдъ моей пролетной метроманіи.

Вотъ, въ одно прекрасное утро, въ 1828 году, приносятъ ко мнѣ Московскія Вѣдомости; и что-же? Между продажными пустопорожними мѣстами, поѣзженными дормезами, и прачками, которыя умѣютъ шить и гладить и проч. и проч., отпускаемыми въ услуженіе, начитываю, что мой безкорыстный Андрей Переяславскій напечатанъ и поступилъ въ продажу! Если справедливо выраженіе, что люди падаютъ съ облаковъ отъ изумленья, такъ это былъ я. Вообразите себѣ лунатика, пробудившагося посреди полнаго партера въ халатѣ и калпакѣ, и вы еще будете имѣть не совершенную идею объ Авторѣ, котораго въ шакомъ не приборномъ видѣ вывели въ публику! Никогда не приходила мнѣ мысль, даже въ самомъ пылу сшихотворной горячки, печатать неконченную пьесу, не только едва набросанную главу ея. Донъ Жуанъ не указъ для шѣхъ, кто не рожденъ съ геніемъ Байрона, и по пословицѣ: «Первый кусъ разбойникъ,» я зналъ; что завтракъ поршитъ вкусные обѣды. Какова-же была моя досада, увидѣвъ себя такъ напечатаннымъ! Я хотѣлъ писать опроверженіе, ссориться съ Издателемъ, бѣсновался какъ Шаманъ, но до почтоваго дня уходился, пришихъ

и размыслилъ, что публика навѣрно пропуститъ безъ вниманія пьесу, написанную безъ связи, слѣдственно забвеніе постигнетъ ее такъ-же хорошо въ книжномъ анбарѣ, какъ и въ чемоданѣ моемъ. Дѣло вышло однакожь не совсѣмъ по моему. Г-да Журналисты вытянули ее на мигъ изъ Леты своими вопросительными удочками: одинъ сказалъ, что повѣсть эта грѣшитъ надмѣрною отдѣлкою стиховъ, другой, что они слишкомъ небрежны, но никто не замѣтилъ важнаго промаха моей памяти, что я, Богъ вѣсть за какую вину, сослалъ Андрея, Князя Надднѣпровскаго Переяславля, подъ Карпатскія горы, на Дунай. Не желая накликать на себя большой грозы, я притаился, и благодаря все умиряющему сопѣстному судьѣ, времени, повѣсть моя, критика на нее, и рецензія на критику — все кануло въ воду.

Вдругъ, ровно черезъ три года, явилась 2-я глава моего Андрея, въ 41-мъ N° Журнала *Галатея*, съ повѣсткою, что она продается и особо — явилась, и, признаться сказать, еще неумытѣе старшей сестрицы своей. Вельми изукрашена была первая пропусками, описками, недописками, ошибками самородными и привитыми корректоромъ; но вторая далеко оставила ее за собой: она, по словамъ Вальтеръ-Скотта, представилась «въ самомъ удивительномъ безпорядкѣ.» Я думаю, крѣпко ахали разногласные отрывки и параграфы, когда мочная рука переплетчика свела ихъ на очную ставку! Во многихъ мѣстахъ не доставало цѣлыхъ страницъ, въ другихъ не вписано поправленныхъ или вычерк-

мутныхъ стиховъ, полусмышій, тирадъ; да кромѣ того, рука моя такъ походитъ на гусарскую цифровку, что не мудрено было перемѣнить смыслъ ошибками, и надо признаться, что ихъ куча, и презабавныхъ для всѣхъ, кромѣ Автора (*).

Публика, не вѣдающая ни отношеній, ни намѣреній Сочинителя, была въ полномъ правѣ ожидать, что онъ, послѣ трехъ-лѣтняго молчанія, вѣроятно посвященнаго отдѣлкѣ, поподчуетъ ее чѣмъ нибудь совершеннѣйшимъ перваго образчика; что разсказъ его будетъ плавнѣе, дѣйствіе живѣе, поэзія блистательнѣе — и увидѣла вмѣсто того какой-то сонъ Жанъ-Поля, съ намеками, связанными бусами точекъ, многозначащихъ и ничего не стоящихъ!.. Она не можетъ не осуждать Автора за такую небрежность; но, съ своей стороны невинный въ этомъ Авторъ, т. е. я, не дѣлавшій никого своимъ душеприкащикомъ, объяснивъ происхожденіе Андрея Переяславскаго, считаю долгомъ *объявить* почтеннымъ читателямъ, которые были завлечены на чтеніе онаго любопытствомъ, и по-

---

(*) Напримѣръ, возмемъ послѣдній параграфъ, когда Любоміру во всемъ слышатся ужасы, то вмѣсто: «и тяжекъ *стонъ* коростеля» — напечатано: «и тяжекъ *сонъ* коростеля.» Желаю знать, какой смыслъ находилъ тутъ Издатель? Многіе наблюдали мечтанія спящихъ собакъ, но никто еще не проникъ въ тайны грезъ птичьихъ; да если-бъ и было такъ, я все еще не понимаю, почему эти грезы могутъ казаться тяжкими. *Прим. Сос.*

кинули его отъ нетерпѣнія, что повѣсть сія напечатана *не только безъ моего вѣдома, но противъ моей воли.* Въ отношеніи-же къ неизвѣстному даже мнѣ Издателю 1-й главы, и приславшему къ Г-ну Ранчу 2-ю, я *сожалѣю если это нескромность, и негодую если спекуляція.*

Александръ Марлинскій.

Дагестанъ.
1831.

II.

Еще нѣсколько словъ его-же къ Издателю Московскаго Телеграфа.

Съ удивленіемъ начиталъ я въ 53 N° *Литтературныхъ Прибавленій* къ Инвалиду, отрывокъ изъ моей Повѣсти: Андрей, Князь Переяславскій, напечатанный съ подписью Г-на Петрова, изъ Енисейска. Не имѣя чести знать Г-на Петрова, не только передавать ему право печатать подъ своимъ именемъ чужіе стихи, съ прибавкою поправокъ, пропусковъ и ошибокъ всѣхъ родовъ, я полагаю, что эта выходка принадлежитъ вполнѣ Г-ну Воейкову . . . . . .
. . . . . Для сего прошу васъ перепечатать, если будетъ можно, сіе стихотвореніе, съ имѣющагося у васъ списка, а о поступкѣ Г-на Издателя Литтерашурныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду упомянуть нѣсколькими словами. Не потому желаю сей гласности, чтобы я высоко цѣнилъ слабое свое произ-

веденіе, но во избѣжаніе впредь подобныхъ похищеній. Не довольно того, что уже двѣ главы оной повѣсти напечатаны безъ моего позволенія и противъ моей воли, теперь находятся люди, которые подписываютъ подъ отрывками изъ ней свое имя.

А. М.

Дагестанъ. 1831 года.

Издатель Телеграфа, печатая справедливыя возраженія Автора Повѣсти: *Андрей, Князь Переяславскій*, не считаетъ нужнымъ прибавлять что либо отъ себя. Дѣло такъ явно и ясно, что всякій можетъ по достоинству оцѣнить поступокъ Гг. Рачча и Воейкова.

Издатель Телеграфа сожалѣетъ только о томъ, что не могъ раньше напечатать возраженій Г-на Марлинскаго, полученныхъ имъ уже довольно давно.

СМѢСЬ.

Изъясненіе картинки. — Очеркъ съ картины, приложенный къ сей книжкѣ нашего Журнала, представляетъ одно изъ лучшихъ произведеній Мециса. Самое изображеніе, видимое въ сей картинѣ, служитъ предметомъ спора между Англійскими и Французскими знатоками. Издатель *Британской Галлереи* утверждаетъ, что Мецисъ изобразилъ здѣсь двухъ скупыхъ; Французскіе Издатели *Музея Живописи и Скульптуры*, напротивъ, хотятъ видѣть въ сей картинѣ совсѣмъ иное. «Это Банкиръ, говорятъ они, или негоціянтъ: онъ сосчиталъ деньги и заноситъ ихъ въ главную книгу. Онъ чрезвычайно занятъ своимъ счетомъ, и жена, кажется, напоминаетъ ему, что онъ ошибся, забывъ разницу въ цѣнности монетъ, находящихся подъ его рукою, и другихъ, которыя лежатъ на столѣ.»

Мы думаемъ, что банкиръ и банкирша, скупой и скупая, не дѣлаютъ здѣсь никакой разницы. Главная прелесть картины въ выраженіи лицъ, и въ искуствѣ, съ коимъ живописецъ изобразилъ всѣ принадлежности. Вы видите тайное засѣданіе

человѣка, состарѣвшагося въ богатствѣ, вмѣстѣ съ милою половиною его.

Кентенъ Мецисъ, иногда называемый Антверпенскимъ кузнецомъ, родился въ городѣ Антверпенѣ. Сначала онъ дѣйствительно былъ кузнецъ, но послѣ болѣзни, приключившейся ему на двадцатомъ году, оставилъ сіе тяжелое занятіе, и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ живописцевъ Фламандской Школы. Представляемая здѣсь картина его, писанная на деревѣ, долго хранилась въ Амстердамѣ; но, лѣтъ шестьдесятъ тому, она куплена Англійскимъ Королемъ, и нынѣ находится въ Виндзорской галлереѣ. Вышина ея 3 фута 5 дюймовъ, ширина 2 фута 10 дюймовъ. Два раза были сняты съ нея эстампы: Ричардомъ Эрломомъ, en mezzotinte, и Фишлеромъ, au burin.

— *Вызовъ, сдѣланный Академикомъ Д. М. Велланскимъ.* Въ N° 133-мъ Сѣверной Пчелы напечатано слѣдующее объявленіе, достойное любопытства и вниманія всѣхъ любителей Наукъ:

«*Опытная, наблюдательная и умозрительная Физика*, сочиненная Академикомъ и Профессоромъ Д. Велланскимъ, вышла въ свѣтъ въ послѣднихъ числахъ Октября 1831 года. Со стороны ученой публики не воспослѣдовало еще никакого отзыва о семъ сочиненіи, которое опровергаетъ рѣшительно всю систему обыкновеннаго Физическаго

СМѢСЬ.

Изъясненіе картинки. — Очеркъ с.
приложенный къ сей книжкѣ нашего Ж.
ставляетъ одно изъ лучшихъ произведе.
Самое изображеніе, видимое въ сей кар
житъ предметомъ спора между Анг.
Французскими знатоками. Издатель *Г*
Галлереи утверждаетъ, что Мецисъ
здѣсь двухъ скупыхъ; Французскіе Издате
Живописи и Скульптуры, напротивъ, хо
дѣтъ въ сей картинѣ совсѣмъ иное. «Э
киръ, говорятъ они, или негоціянтъ: он
шалъ деньги и заноситъ ихъ въ главную
Онъ чрезвычайно занятъ своимъ счетомъ, и
кажется, напоминаетъ ему, что онъ ошиб
бывъ разницу въ цѣнности монетъ, находя
подъ его рукою, и другихъ, которыя лежа
столѣ.»

Мы думаемъ, что банкиръ и банкирша, ск
и скупая, не дѣлаютъ здѣсь никакой разни
Главная прелесть картины въ выраженіи ли
и въ искуствѣ, съ коимъ живописецъ изобра
всѣ принадлежности. Вы видите тай

я написать Физику
днако многимъ она
обу изложенія, для
ное свѣдѣніе. Для
аго и обширнаго
ашкое извлеченіе
ь напечатано въ

Общей Физі-
которая безъ
ической при-
ъ собствен-
е начерта-
нынѣшняго

е произве-
Довольно
ый міръ,
но де

од-
имъ
ъз-
ъ,
ы
!

ученія, въ теоретическомъ его смыслѣ, и представляетъ Науку въ другой формѣ, сообразно прочнѣйшему основанію идеальнаго ея устройства. Авторъ считаетъ сочиненіе свое первымъ произведеніемъ Физической Литтературы въ Россійскомъ Ученомъ Свѣтѣ, и проситъ знатоковъ подвергнуть, хотя нѣкоторыя статьи изъ онаго, безпристрастному критическому разбору.

«Надъ симъ сочиненіемъ Авторъ трудился 8 лѣтъ, да приготовлялся къ оному 20 лѣтъ; а посему и точный разборъ онаго долженъ быть не малотруденъ. Движимый любовію къ истинному познанію, Авторъ предлагаетъ ученымъ людямъ въ Россіи: вступить съ нимъ въ истолковательную *полемику*, о какомъ нибудь предметѣ, изложенномъ въ его Физикѣ. Если полемизаторъ разрушитъ теоретическую конструкцію сего предмета, и на мѣсто оной созиждетъ основательнѣйшее умственное зданіе, то Авторъ дастъ ему тысячу рублей *премін*, и съ благодарностію признаетъ его теорію. Когда-же прошивное изложеніе не будетъ выведено изъ высшихъ началъ умозрительнаго понятія, и Авторъ докажетъ неосновательность онаго, то въ такомъ случаѣ, полемизаторъ долженъ дать Автору половину предлагаемой имъ *премін*, то есть пять сотъ рублей ассигнаціями.

«Предметы, о которыхъ Авторъ желалъ-бы полемизировать, суть: *свѣтъ*, *тяжесть*, *теплота*, *магнетизмъ*, *электризмъ*, *химизмъ* и *гальванизмъ*, кои въ особенной Физикѣ излагаются весьма слабыми и превратными гипотезами.

«Сколько Авторъ ни старался написать Физику свою ясно и вразумительно, однако многимъ она не понятна, по особливому способу изложенія, для котораго нужно предуготовительное свѣдѣніе. Для удобнѣйшаго обзора столь сложнаго и обширнаго сочиненія, Авторъ составилъ краткое извлеченіе изъ онаго, которое имѣетъ быть напечатано въ Сынѣ Отечества.

«Авторъ занимается сочиненіемъ Общей Физіологіи, или Органической Физики, которая безъ предварительнаго изложенія неорганической природы не могла быть представлена въ собственномъ ея значеніи, и которой основное начертаніе можетъ быть кончено въ теченіе нынѣшняго года.»

Любопытно наблюдать, какое дѣйствіе произведетъ столь оригинальное объявленіе? Довольно хорошо зная нашъ ученый и литературный міръ, мы могли-бы предсказать Автору, что... но до времени удержимся отъ этого.

— *Египетскіе сфинксы въ С.Петербургѣ.* Въ одномъ письмѣ изъ Сѣверной столицы пишутъ къ намъ слѣдующее: «Недавно ходилъ я смотрѣть пріѣзжихъ сфинксовъ, которые куплены въ Египтѣ, какъ говорятъ, за 70 тысячъ рублей, и привезены сюда на Греческомъ кораблѣ. Что за корабль! Мачты превысокія, бока столько что обшиты тесомъ; вездѣ прочностію пожертвовано легкости. Видно, что онъ принадлежитъ такому народу, ко-

ученія, въ теоретическомъ его смыслѣ, и представляетъ Науку въ другой формѣ, сообразно прочнѣйшему основанію идеальнаго ея устройства. Авторъ считаетъ сочиненіе свое первымъ произведеніемъ Физической Литературы въ Россійскомъ Ученомъ Свѣтѣ, и проситъ знатоковъ подвергнуть, хотя нѣкоторыя статьи изъ онаго, безпристрастному критическому разбору.

«Надъ симъ сочиненіемъ Авторъ трудился 8 лѣтъ, да приготовлялся къ оному 20 лѣтъ; а посему и точный разборъ онаго долженъ быть не малотруденъ. Движимый любовію къ истинному познанію, Авторъ предлагаетъ ученымъ людямъ въ Россіи: вступить съ нимъ въ истолковательную *полемику*, о какомъ нибудь предметѣ, изложенномъ въ его Физикѣ. Если полемизаторъ разрушитъ теоретическую конструкцію сего предмета, и на мѣсто оной созиждетъ основательнѣйшее умственное зданіе, то Авторъ дастъ ему тысячу рублей *премію*, и съ благодарностію признаетъ его теорію. Когда-же прошивное изложеніе не будетъ выведено изъ высшихъ началъ умозрительнаго понятія, и Авторъ докажетъ неосновательность онаго, то въ такомъ случаѣ, полемизаторъ долженъ дать Автору половину предлагаемой имъ *премію*, то есть пять сотъ рублей ассигнаціями.

«Предметы, о которыхъ Авторъ желалъ-бы полемизировать, суть: *свѣтъ*, *тяжесть*, *теплота*, *магнетизмъ*, *электризмъ*, *химизмъ* и *гальванизмъ*, кои въ особенной Физикѣ излагаются весьма слабыми и превратными гипотезами.

«Сколько Авторъ ни старался написать Физику свою ясно и вразумительно, однако многимъ она не понятна, по особливому способу изложенія, для котораго нужно предуготовительное свѣдѣніе. Для удобнѣйшаго обзора столь сложнаго и обширнаго сочиненія, Авторъ составилъ краткое извлеченіе изъ онаго, которое имѣетъ быть напечатано въ Сынѣ Отечества.

«Авторъ занимается сочиненіемъ Общей Физіологіи, или Органической Физики, которая безъ предварительнаго изложенія неорганической природы не могла быть представлена въ собственномъ ея значеніи, и которой основное начертаніе можетъ быть кончено въ теченіе нынѣшняго года.»

Любопытно наблюдать, какое дѣйствіе произведетъ столь оригинальное объявленіе? Довольно хорошо зная нашъ ученый и литтературный міръ, мы могли-бы предсказать Автору, что... но до времени удержимся отъ этого.

— *Египетскіе сфинксы въ С.Петербургѣ.* Въ одномъ письмѣ изъ Сѣверной столицы пишутъ къ намъ слѣдующее: «Недавно ходилъ я смотрѣть пріѣзжихъ сфинксовъ, которые куплены въ Египтѣ, какъ говорятъ, за 70 тысячъ рублей, и привезены сюда на Греческомъ кораблѣ. Что за корабль! Мачты превысокія, бока столько что обшиты шесомъ; вездѣ прочностію пожертвовано легкости. Видно, что онъ принадлежитъ такому народу, ко-

ученія, въ теоретическомъ его смыслѣ, и представляетъ Науку въ другой формѣ, сообразно прочнѣйшему основанію идеальнаго ея устройства. Авторъ считаетъ сочиненіе свое первымъ произведеніемъ Физической Литературы въ Россійскомъ Ученомъ Свѣтѣ, и проситъ знатоковъ подвергнуть, хотя нѣкоторыя статьи изъ онаго, безпристрастному критическому разбору.

«Надъ симъ сочиненіемъ Авторъ трудился 8 лѣтъ, да приготовлялся къ оному 20 лѣтъ; а посему и точный разборъ онаго долженъ быть не малотруденъ. Движимый любовію къ истинному познанію, Авторъ предлагаетъ ученымъ людямъ въ Россіи: вступить съ нимъ въ истолковательную *полемику*, о какомъ нибудь предметѣ, изложенномъ въ его Физикѣ. Если полемизаторъ разрушитъ теоретическую конструкцію сего предмета, и на мѣсто оной созиждетъ основательнѣйшее умственное зданіе, то Авторъ дастъ ему тысячу рублей *премію*, и съ благодарностію признаетъ его теорію. Когда-же прошивное изложеніе не будетъ выведено изъ высшихъ началъ умозрительнаго понятія, и Авторъ докажетъ неосновательность онаго, то въ такомъ случаѣ, полемизаторъ долженъ дать Автору половину предлагаемой имъ *премію*, то есть пять сотъ рублей ассигнаціями.

«Предметы, о которыхъ Авторъ желалъ-бы полемизировать, суть: *свѣтъ*, *тяжесть*, *теплота*, *магнетизмъ*, *электризмъ*, *химизмъ* и *гальванизмъ*, кои въ особенной Физикѣ излагаются весьма слабыми и превратными гипотезами.

«Сколько Авторъ ни старался написать Физику свою ясно и вразумительно, однако многимъ она не понятна, по особливому способу изложенія, для котораго нужно предуготовительное свѣдѣніе. Для удобнѣйшаго обзора столь сложнаго и обширнаго сочиненія, Авторъ составилъ краткое извлеченіе изъ онаго, которое имѣетъ быть напечатано въ Сынѣ Отечества.

«Авторъ занимается сочиненіемъ Общей Физіологіи, или Органической Физики, которая безъ предварительнаго изложенія неорганической природы не могла быть представлена въ собственномъ ея значеніи, и которой основное начертаніе можетъ быть кончено въ теченіе нынѣшняго года.»

Любопытно наблюдать, какое дѣйствіе произведетъ столь оригинальное объявленіе? Довольно хорошо зная нашъ ученый и литтературный міръ, мы могли-бы предсказать Автору, что... но до времени удержимся отъ этого.

— *Египетскіе сфинксы въ С.Петербургѣ.* Въ одномъ письмѣ изъ Сѣверной столицы пишутъ къ намъ слѣдующее: «Недавно ходилъ я смотрѣть пріѣзжихъ сфинксовъ, которые куплены въ Египтѣ, какъ говорятъ, за 70 тысячъ рублей, и привезены сюда на Греческомъ кораблѣ. Что за корабль! Мачты превысокія, бока только что обшиты тесомъ; вездѣ прочностію пожертвовано легкости. Видно, что онъ принадлежитъ такому народу, ко-

ученія, въ теоретическомъ его смыслѣ, и представляетъ Науку въ другой формѣ, сообразно прочнѣйшему основанію идеальнаго ея устройства. Авторъ считаетъ сочиненіе свое первымъ произведеніемъ Физической Литтературы въ Россійскомъ Ученомъ Свѣтѣ, и проситъ знатоковъ подвергнуть, хотя нѣкоторыя статьи изъ онаго, безпристрастному критическому разбору.

«Надъ симъ сочиненіемъ Авторъ трудился 8 лѣтъ, да приготовлялся къ оному 20 лѣтъ; а посему и точный разборъ онаго долженъ быть не малотруденъ. Движимый любовію къ истинному познанію, Авторъ предлагаетъ ученымъ людямъ въ Россіи: вступить съ нимъ въ истолковательную *полемику*, о какомъ нибудь предметѣ, изложенномъ въ его Физикѣ. Если полемизаторъ разрушитъ теоретическую конструкцію сего предмета, и на мѣсто оной созиждетъ основательнѣйшее умственное зданіе, то Авторъ дастъ ему тысячу рублей *премію*, и съ благодарностію признаетъ его теорію. Когда-же прошивное изложеніе не будетъ выведено изъ высшихъ началъ умозрительнаго понятія, и Авторъ докажетъ неосновательность онаго, то въ такомъ случаѣ, полемизаторъ долженъ дать Автору половину предлагаемой имъ *премію*, то есть пять сотъ рублей ассигнаціями.

«Предметы, о которыхъ Авторъ желалъ-бы полемизировать, суть: *свѣтъ*, *тяжесть*, *теплота*, *магнетизмъ*, *электризмъ*, *химизмъ* и *гальванизмъ*, кои въ особенной Физикѣ излагаются весьма слабыми и превратными гипотезами.

«Сколько Авторъ ни старался написать Физику свою ясно и вразумительно, однако многимъ она не понятна, по особливому способу изложенія, для котораго нужно предуготовительное свѣдѣніе. Для удобнѣйшаго обзора столь сложнаго и обширнаго сочиненія, Авторъ составилъ краткое извлеченіе изъ онаго, которое имѣетъ быть напечатано въ Сынѣ Отечества.

«Авторъ занимается сочиненіемъ Общей Физіологіи, или Органической Физики, которая безъ предварительнаго изложенія неорганической природы не могла быть представлена въ собственномъ ея значеніи, и которой основное начертаніе можетъ быть кончено въ теченіе нынѣшняго года.»

Любопытно наблюдать, какое дѣйствіе произведетъ столь оригинальное объявленіе? Довольно хорошо зная нашъ ученый и литературный міръ, мы могли-бы предсказать Автору, что... но до времени удержимся отъ этого.

— *Египетскіе сфинксы въ С.Петербургѣ.* Въ одномъ письмѣ изъ Сѣверной столицы пишутъ къ намъ слѣдующее: «Недавно ходилъ я смотрѣть пріѣзжихъ сфинксовъ, которые куплены въ Египтѣ, какъ говорятъ, за 70 тысячъ рублей, и привезены сюда на Греческомъ кораблѣ. Что за корабль! Мачты превысокія, бока только что обшиты тесомъ; вездѣ прочностію пожертвовано легкости. Видно, что онъ принадлежитъ такому народу, ко-

Женихъ весны, зимы супругъ
И лѣта благодатный другъ...
Нѣтъ, нѣтъ! не развѣвай унынья,
Не грѣй чела и не лови
Въ глазахъ обманчивой любви
Моей слезы . . . . . .
Убитый рокомъ — я отнынѣ,
Посхимленъ горестью на вѣкъ —
Моя судьба судьбѣ упрекъ,
Упрекъ безжалостной судьбинѣ...
Надежды свѣтъ мнѣ не златитъ,
Бывалой прелестью долины,
Не золотитъ весны картины,
И солнцемъ счастья не горитъ...
Я — мертвеца живаго видъ,
Пугаю всѣхъ моей мечтою,
Разстался съ дѣвой не-земною,
И погубилъ свой идеалъ!
Подай мнѣ тяжкій свой фіалъ,
Моя знакомая, привѣтомъ
Меня мирившая со свѣтомъ,
И съ благодатью тяжкихъ мукъ —
Ты исцѣли мнѣ мой недугъ,
Ты, мой сопутникъ неизмѣнной,
Отрада горести блаженной,
Костлявый гость моей весны!
Мой конченъ миръ, отточены,
Мгновенья радости живыя,
И сны надежды золотые!

И. Пр. . . нъ.

Политическія новости.

Англія. Говорятъ, что Лордъ Норфолькъ вчера обѣдалъ у Лорда Пальмерстона; но другіе увѣряютъ, что Его Свѣтлость только позавтракалъ, а обѣдать изволилъ у себя дома.

Бельгія. Вчера проѣхалъ черезъ Бриссель курьеръ, съ важными депешами.

Египетъ. Мегеммедъ-Али съ нѣкотораго времени куритъ по одной лишней трубкѣ табаку, каждые послѣ обѣда.

Португалія. Донъ Мигуэль недавно осматривалъ укрѣпленія Лиссабона, и готовится къ отпору флота Донъ Педро, который до сихъ поръ не вышелъ еще изъ Терцейры.

Новости не-политическія.

20 ч. сего мѣсяца, съ утра была у насъ прекрасная погода, но потомъ сталъ накрапывать дождикъ; хотя-же и скоро онъ пересталъ, но многія дамы побоялись нарядиться на бывшее въ этотъ день гулянье, и потому публика, весьма многочисленная, не отличилась нарядами.

— Пишутъ, что Г-нъ Мансонъ сдѣлалъ новыя, важныя усовершенствованія въ паровыхъ машинахъ.

— Одинъ Лионскій фабрикантъ изобрѣлъ машину, замѣняющую руки для нюханья табаку. Онъ намѣренъ просить привиллегіи. Недавно выдана намъ привиллегія на вѣтряную мѣльницу, которая, особенно устроенными на крыльяхъ ея бритвами, бреетъ весьма чисто и ловко въ двѣ минуты. Стоитъ только подойдти къ крылу и подставишь рыло.

Что дѣлать съ дѣтьми?

Въ N° 7-мъ 1832-*го Телескопа*, издаваемаго въ Москвѣ Г-мъ Надеждинымъ, помѣщенъ превосходный разборъ *Статистической записки о Москвѣ*, соч. Г-мъ Андроссовымъ. Съ изумленіемъ видѣли мы въ этомъ разборѣ глубокія соображенія Рецензента, подписавшагося буквами: *N. N.*, видѣли *много предметовъ для размышленія, до котораго рѣдко могутъ доводить* шекущія (?) *бумаги*, и проч. и проч. — Намъ особенно понравились папріотическія выходки Рецензента: «Такого статистическаго сочиненія, въ духѣ *Дюпеневомъ*» — говоритъ Г-нъ N. N. о книгѣ Г-на Андроссова — «не бывало еще у насъ въ Россіи, не исключая *Французскихъ* разсужденій о смертности, самоубійствахъ, и прочемъ, Г-на Германа, лѣтъ придцать, кажется, *сидящаго на почетныхъ Академическихъ*

креслахъ, и начальствующаго Статистическимъ Отдѣленіемъ въ Петербургѣ.» Поразивъ такимъ образомъ тоненькою книжечкою Г-на Андроссова *тридцати-лѣтніе труды старца*, котораго, не только мы, невѣжды, но и Европа почитали однимъ изъ первыхъ современныхъ Статистиковъ, Рецензентъ, само по себѣ разумѣется, уже безъ всякой жалости убиваетъ Кирилова, за котораго нѣкогда заступался Г-нъ Погодинъ, Вирста, Шторха, и проч. и проч. — Но этого мало: Рецензентъ грозно наступаетъ на самую СПбургскую Академію Наукъ, и подсказываетъ ей, что она должна дать Г-ну Андроссову 5,000 рублей за его книгу. «Дай Богъ» — говоритъ онъ — «чтобы Академія Наукъ, *пишущая и читающая до сихъ поръ*, къ стыду нашему, *только по-Французски и по-Нѣмецки*, оцѣнила по достоинству это *Русское сочиненіе* и увѣнчала его Демидовскою наградою!»

Все это довольно скромно, прекрасно, превосходно. Но верхъ всего составляютъ мечты Рецензента, *мечты пылкія и сладостныя*, какъ онъ называетъ ихъ (1832 *Телескопъ*, стр. 388). Сіи мечты показываютъ, сколь высоко можетъ залетѣть воображеніе въ жару филантропическихъ мечтаній. Со слезами радости видимъ мы въ достойномъ нашемъ соотечественникѣ соперника басурману Мальтусу, и другимъ не-

вѣждамъ-чужеземцамъ, которые ломали голову, но никакъ не могли рѣшить важнаго вопроса Политической Экономіи, о соразмѣрности народонаселенія съ способами прокормленія и воспитанія народнаго.

Слава Богу! Г-нъ N.N. совершенно разрѣшилъ этотъ вопросъ. Онъ привелъ его въ крайчайшее и проспѣйшее значеніе. *Что дѣлать съ дѣтьми?* спрашиваетъ онъ. Да, Мм. Гг., извѣстное дѣло: всякій-бы радъ жениться, да чѣмъ дѣтей кормить, и какъ воспитать ихъ? — Не безпокойтесь-же объ этомъ болѣе — дѣло кончено! Внимайте рѣшеніе вопроса:

Съ тѣхъ поръ, какъ учрежденъ Воспитательный Домъ, число родящихся увеличилось въ Москвѣ *почти третью*, а число браковъ *третью* уменьшилось (Телеск. стр. 388). Это доказываетъ, что при открывшемся удобствѣ сбывать дѣтей, стали родить ихъ свободнѣе. Чего-же тутъ думать? Г-нъ Андроссовъ предложилъ первый — учредить Воспитательный Домъ для законно-раждающихся, а Г-нъ N. N. распространяетъ и поясняетъ эту истинно Платоновскую мысль.

Надобно, говоритъ онъ — 1-е, учредить дѣтскія кассы въ каждомъ городѣ. Кто не станетъ жертвовать на такое прекрасное дѣло? «Клянусь Богомъ,» восклицаетъ Г-нъ N. N.,

« что я, бѣдный человѣкъ, получающій въ годъ 1000 рублей жалованья, прибѣжалъ-бы съ нею, безъ памяти отъ радости, при первомъ извѣстіи о такомъ учрежденіи» . . .

2-е, на сіи деньги, продолжаетъ Г-нъ N.N., должно устроить Воспитательные Домы, въ которые всякій бѣднякъ могъ-бы отдавать своихъ дѣтей.

Какова мысль, Мы. Гг.? Я, признаюсь, три раза снялъ калпакъ съ головы моей, и заочно поклонился трижды Г-ну N. N.

« Если-бы у насъ, по всѣмъ городамъ, были учреждены Воспитательные Домы для законнорожденныхъ дѣтей, куда всякій гражданинъ, безъ малѣйшаго затрудненія, могъ-бы отдавать дѣтей на воспитаніе, какого-бы возраста они ни были, то довольство, спокойствіе, благоденствіе гражданъ вдругъ увеличилось-бы въ нѣсколько крашъ. Слѣдствія неисчетныя. . . »

Г-нъ N. N. исчисляетъ сіи слѣдствія:

1, касательно *нравственности*, ибо всякій-бы женился, не думая о томъ, чѣмъ содержать дѣтей;

2, касательно *народонаселенія*, ибо отъ усиленія браковъ усилилось-бы рожденіе дѣтей;

3, касательно *промышленности*, ибо каждый когда занимался-бы работою для себя и жены,

копилъ денежки, пускалъ ихъ въ торгъ, или проживалъ, а не раззорялся на дѣшей, а отъ сего,

4-е, обращеніе денегъ сдѣлалось-бы живѣе, и умножилось-бы *народное богатство*; а сверхъ того,

5-е, усилилось-бы самое *просвѣщеніе*, ибо всѣ дѣти получали-бы надлежащее воспитаніе, и, само по себѣ разумѣется,

6-е, явилось-бы тогда *общее благоденствіе*, какъ «результатъ вышеписанныхъ факторовъ» (1832-й, *Телескопъ*, стр. 390).

Великая мысль, великое предпріятіе! Такъ нѣкогда одному помѣщику доносилъ управитель: куда прикажешъ онъ дѣвать мусоръ, скопившійся горами, послѣ построенія огромныхъ его палатъ? — «Выкопай, братецъ, большую яму, и свали въ нее мусоръ.» — Но куда-же прикажете положить землю, изъ ямы вынятую? — спросилъ управитель. — «Ахъ, какъ ты глупъ!» возразилъ помѣщикъ — разумѣется, положишь ее въ ту-же яму!»

Восхищенный глубокими свѣдѣніями въ Политической Экономіи нашихъ соотечественниковъ, искренно благодаря Г-на N. N., я осмѣлюсь прибавить, что также пишу проэктъ. Г-нъ N. N., вѣроятно, еще не женатъ, а потому не знаетъ, что не только боясь дѣтей, но и не зная

чѣмъ жену содержать, многіе не женятся. Можетъ быть, это остановитъ и его отъ вступленія въ супружество — но, не бойтесь, Г-нъ N. N., не бойтесь — средства мною найдены! Я хочу предложить слѣдующее: учредить заведеніе, куда всякій-бы долженъ былъ отдать свою жену, гдѣ станутъ ее кормить, поить, содержать, и упражнять въ работѣ. Мужья могутъ къ женамъ приходить иногда, но жить должны дома, на кварширѣ, или тамъ, кто гдѣ занятъ. Слѣдствія неисчислимыя! Жены не станутъ шалить, ссориться и драться съ мужьями, видясь съ ними, какъ съ любовниками; дѣтей прямо передавать въ Воспитательные Домы будетъ легче; жены не будутъ стоить расходовъ ни одного гроша, и еще скопятъ капиталы своею работою, народное богатство умножится, промышленность оживится, просвѣщеніе усилится (ибо въ часы досуга женъ нашихъ станутъ учить), и общее благоденствіе явится — какъ *результатъ вышеписанныхъ фактовъ*. — Меня останавливаютъ въ моемъ проэктѣ маленькія запрудненія. Желалъ-бы я посовѣтоваться объ нихъ съ великимъ Г-мъ N. N., который смѣло можетъ теперь назваться — *Русскій Анти-Мальтусъ*.

Доровей Неженатый.

Библіографія.

— *Сокольникъ*, или поколебаніе владычества Ташаръ надъ Россіею. Историческій романъ XIV вѣка. Эпизодъ изъ княженія Димитрія Донскаго. Сочиненіе Сергѣя . . . . каго. Часть I. М. 1832 года, въ Универ. т., in-12, VIII и 168 стр., съ картинкою, изображающею, какъ Русскій витязь, Всеславъ, сѣчетъ плетью Ташарскаго витязя, Бешара.

Въ то время, когда вся просвѣщенная Европа, не могши отнять у гордой Британніи трезубца, устремилась обрывать лавры литтературные съ смѣлыхъ сыновъ ея, мы, Русскіе, не отставаемъ отъ другихъ народовъ въ семъ подвигѣ, патріотическомъ и отважномъ. И когда-же отставали мы отъ другихъ, шла-ли рѣчь о томъ, чтобы колотить надменнаго Наполеона, или о томъ, чтобы вмѣсто париковъ носить волосы *à la* Titus, или о томъ, чтобы писать стихи à l'eau de rose, или à la Byron?

Такъ и нынѣ. Шотландскій монополистъ *Историческихъ романовъ* едва-ли не съ горя умираетъ, а не отъ паралича, какъ писали въ новѣйшихъ извѣстіяхъ. И можно-ли не горевать ему, видя, что при жизни еще его, повсюду его преслѣдовали, догоняли, догнали и перегнали? Но если-бы зналъ В. Скоттъ, съ какою честію стали отличаться на поприщѣ Исторіи-

ческаго романа наши Русскіе Литтераторы, онъ, конечно, давно-бы умеръ съ досады.

Вновь вышедшій романъ: *Сокольники*, блестящимъ образомъ подтверждаетъ истину словъ нашихъ. Юный Авторъ умѣлъ соединить съ истиною Исторіи занимательность Романа, въ такой высокой степени, что читая его книгу, сомнѣваетесь, и спрашиваете сами себя: что это — *Наталья Боярская дочь*, или *Исторія государства Россійскаго*? Слогъ романа, роскошью выраженій и нѣжностью чувствъ, напоминаетъ первое, а силою мыслей, патріотизмомъ и идеальностью героевъ второе. Проникнутый любовью къ отечественной славѣ, Авторъ изображаетъ намъ каждаго Русскаго старца мудрымъ, каждаго юношу героемъ, каждую дѣву Русскую образцомъ красоты. Въ противоположность сему, Татары представлены у него истинными чудовищами, которыя душатъ, грабятъ, рѣжутъ, жгутъ, распутничаютъ, какъ сумасшедшіе. Русскіе безпрерывно бьютъ ихъ, ругаютъ, побѣждаютъ, и читатель соглашается, что они достойны этого за свои злодѣйства, свою подлость, развратъ и трусость.

Въ первой части еще ничего *Историческаго* нѣтъ, хотя глубокія познанія Автора въ Русской Археографіи видны уже изъ словъ: *охобень*, *баскакъ*, *гридница*, *пулы*, и проч., что встрѣ-

чаемъ мы безпрестанно. — Вся первая часть состоитъ изъ слѣдующаго: прелестная Марія хотѣла *любить кого нибудь*, увидѣла и полюбила Всеслава. Сердце ея сказало: *это онъ*. Всеславъ взаимно полюбилъ Марію. — Въ это время, въ Москву пріѣхалъ Баскакъ Татарскій, извергъ, который убилъ двухъ своихъ женъ, брата и отца, готовъ отдать душу чорту, и при всемъ этомъ страшный волокита. Описывается драка Москвичей съ его свитою; потомъ Великій Князь угощаетъ Баскака обѣдомъ, и дѣлаетъ для него *каруселъ* (?), на которой герой романа, Всеславъ, не только сбиваетъ съ коня Татарскаго богатыря, но еще и сѣчетъ его, очень больно, плетью. Потомъ слѣдуетъ охота, и разговоръ охотниковъ, о предполагаемомъ походѣ Великаго Князя на Татаръ. За симъ описывается гулянье въ Троицынъ день въ Сокольникахъ, гдѣ Марія играетъ въ горѣлки съ подругами. Вдругъ страшный дождь и громъ! Марія бѣжитъ спасаться въ лѣсъ. Тутъ она находитъ Всеслава. «Ты-ли это, милое созданіе прекрасной природы? Громъ и бури даютъ мнѣ тебя!» кричитъ онъ. — «Ахъ! это ты, тотъ незнакомецъ, знакомый мнѣ давно!» отвѣчаетъ Марія. Они цѣлуются, обнимаются, клянутся въ любви. — Слѣдуетъ ночь. Татары тихонько собираются въ Сокольникахъ. Баскакъ — извергъ — хочетъ убить Всеслава и похитить Марію; онъ влюбился въ нее смер-

тельно. Съ нимъ сговаривается другой извергъ, Елисей колдунъ, и этою ужасающею, Микель-Анджеловскою сценою кончена *первая* часть. Съ нетерпѣніемъ ждемъ слѣдующихъ.

Ни одинъ изъ Русскихъ Историческихъ романовъ не отличался еще такою прелестью слога, какъ *Сокольники*. Вотъ начало: «*Отгрянутая* слава временъ минувшихъ должна быть священна и въ *безбрежномъ хаосѣ будущности*! Сколько столѣтій кануло въ вѣчность послѣ того, которое *я вызываю* изъ праха забвенія, *чтобъ оно основало незыблемое владычество въ памяти Русскихъ не подобно молніи*, которая мгновенно вспыхнетъ, *зарѣетъ* на небѣ — и угаснетъ. *Дѣла знаменитыя не тронетъ время*; все разрушающая коса его *несоскоблитъ* съ *души патріотизма* мечты умиленія,» и проч. — Описываетъ-ли Авторъ Марію, вотъ какъ говоритъ онъ: «Вся она облечена была въ формы небесныя, вся она была прекрасна, вся она сіяла, какъ въ лучахъ.» — Но, вотъ идетъ братъ ея: «Природа опитнила характеръ его врожденною *флегмою*.» Здѣсь строгій критикъ замѣтилъ-бы, что *флегма* значитъ вообще мокроту, *слюну*, и *отмѣтить флегмою* что нибудь, значитъ, говоря просто, *плюнуть на тотъ предметъ*; но кто не забудетъ сей нечистости выраженій, читая далѣе, что «правѣшы самой ду-

ши его были ничто иное, какъ лобзаніе могильнаго остова.» — Хотите-ли *наивной* прелести? Вотъ разговоръ Маріи съ сестрою: «Милая Надежда! какъ назвать это чувство... что, вотъ такъ шевелитъ сердце, такъ двигаетъ душу... такъ *нудитъ* взглянуть... быть вмѣстѣ — *поближе*... — *Да къ чему*, къ кому это, мой другъ? спросила ее Надежда. — «*Къ мужчинѣ*» — отвѣчала Марія запинаясь.». . — Но не думайте, чтобы Авторъ неумѣлъ быть ужаснымъ. Вотъ какъ говоритъ у него извергъ-Баскакъ: «Полно, стерва! Да разлетится языкъ твой въ дребезги! Что-жь ты, подлый рабъ, не закапилъ ему ножа въ горло? Дьяволъ! все зарево ада раздулъ онъ въ душѣ моей своими разсказами! — Залилъ-бы тебѣ глотку свинцомъ! О сю пору ужь дьяволъ называетъ меня своимъ... я твой! Говори, требуй смѣло — я не боюсь тебя, со всѣмъ адскимъ причетомъ твоимъ! Чего хочешь: души что-ли?»... Какой мерзавецъ! настоящій Татаринъ!

Поздравляемъ Русскую публику съ этимъ прекраснымъ литературнымъ явленіемъ, и нетерпѣливо ждемъ окончанія.

Библіографическія новости.

Много блестящихъ надеждъ могутъ имѣть читатели Русскіе для наступающей осени. Мы *слышали*, что извѣстный поэтъ и критикъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ готовитъ новое изданіе, своего перевода, *Филоктета*, трагедіи Лагарпа; Александръ Аѳимовичъ Орловъ хочетъ издать литтературную переписку свою съ А. С. Пушкинымъ, и другими Русскими литтераторами; нашъ Русскій Омиръ, Г-нъ Свѣчинъ, оканчиваетъ новую эпическую поэму, а Г-нъ Пуговочниковъ рѣшается издать къ святкамъ новый Альманахъ. Даруй Фебъ, чтобы все это сбылось, и слухи не оказались ложными!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

1. Вчерашняго числа, изъ квартиры одного Повытчика, неизвѣстно кѣмъ, покрадены разныя вещи, составлявшія небольшое движимое его имущество, скопленное изъ маленькаго, получаемаго имъ жалованья, по 350 рублей въ годъ. Оныя вещи суть: трои часы золотые, одни съ репетиціею, и трои часы серебряные, два фрака Англійскаго сукна, плащъ альмавива, Голландскаго сукна, полдюжины табакерокъ серебряныхъ и золотыхъ, четыре дю-

жины ложекъ столовыхъ, двѣ дюжины чайныхъ ложечекъ, одна позолоченая, два перстня съ бриллiянтами, одинъ съ бирюзою, чайный приборъ Саксонскаго фарфора, и другія мѣлочи, а всего не упомнитъ. Да сверхъ того украдены еще 4 билета, на сумму, взнесенную, на имя неизвѣстнаго, въ разное время, въ Сохранную Казну Воспитательнаго Дома, каждый въ 5,000 рублей, и наличными деньгами около 2,000 рублей.

2. Одинъ изъ обывателей, ѣхавши третьяго дня по улицѣ, обронилъ списокъ именинъ и дней рожденія почтенныхъ своихъ друзей, пріятелей и родственниковъ, составляющій 120 страницъ, и переплетенный въ сафьянъ, съ бѣлыми листами, для записки вновь прибывающихъ друзей и родни, съ ихъ дядюшками, тетушками, бабушками, дѣдушками, племянниками, племянницами, кумами и кумами, сватьями и сватами, благодѣтелями и покровителями. А какъ обронившій имѣетъ крайнюю надобность въ сей драгоцѣнной росписи, по случаю наступающихъ праздниковъ, то покорнѣйше проситъ нашедшаго оную принесть къ нему, за что получитъ, кромѣ благодарности, пятьдесятъ увѣреній въ искренней дружбѣ.

3. На городскомъ Театрѣ представлена будетъ завтрашній день: *Окровавленная рука, или палачъ самого себя*, романтическая мелодрама

въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ хорами, балетами, похоронною процессіею, сраженіями, военными маршами, и изображеніемъ казни преступника. За оною послѣдуетъ: *Балакиревъ въ гостяхъ*, Историческій водевиль, въ 5-ти актахъ, съ Русскими, Гошпентошскими, Казацкими, Калмыцкими, Исландскими, Эскимосскими и Турецкими танцами. Передъ началомъ спектакля дана будетъ: *Оплеуха*, анекдотическая шутка въ одномъ актѣ, а въ заключеніе спектакля: *Венеціянскіе гондольеры*, дивертисманъ, въ которомъ представленъ будетъ бѣгъ въ гондолахъ; дѣвица Пискунова будетъ пѣть стихи Козлова: *Тихо Брента протекала, серебримая луной;* Г-нъ Безголосовъ прочитаетъ стихи Пушкина: *Ночной зефиръ струитъ эѳиръ;* серенада, составленная изъ Русскихъ пѣсенъ Г-мъ Безуховымъ, заключаетъ дивертисманъ. Спектакль начнется въ 5-ть часовъ по полудни, и продолжится, считая половину времени на антръ-акты, до 4-часовъ по полуночи.

4. Господа занимающіеся переводами симъ извѣщаются, что новое сочиненіе Г-на Бальзака: *Les cent contes drolatiques*, colligez ès abbaïes de Touraine, et mis en lumière par le sieur de Balzac (Парижъ, 1832 года), переведенное для поспѣшности въ шесть рукъ, скоро поступитъ въ печать. Переводъ украсится картинкою, изображающею пажа Рене и Бланку,

какъ представлены онъ и она въ 4-й главѣ повѣсти: Le péché vesniel. Переводчики надѣются, что почтенная публика поблагодаритъ ихъ за поспѣшность, съ какою постарались они представить ей это прекрасное, нравственное сочиненіе.

5. Въ книжной лавкѣ Амоса Курносова принимается подписка на новую книгу, подъ названіемъ: *Сорванная маска съ Философа-Самозванца, или Кузенъ предъ судомъ Аристарха Никодимовича Недоумки*, филологико-критико-историческо-ирритабильно-сатирическое изслѣдованіе, въ 3-хъ томахъ, сочиненное Иваномъ Бѣлоомушовымъ, съ эпиграфомъ изъ повѣсти М. П. Погодина: «*Гдѣ я? Въ вертепѣ нищихъ, воровъ, площадныхъ мошенниковъ... И вотъ какія происшествія, другъ мой, не производятъ во мнѣ никакого болѣзненнаго ощущенія. Удивительное явленіе!* (*Телескопъ* 1832 года, N° 7, стр. 362). Въ семъ новомъ, достойномъ особеннаго вниманія твореніи Г-на Бѣлоомушова, доказывается явно, что Кузенъ есть шарлатанъ и обманщикъ; что онъ обокралъ Нѣмецкихъ Философовъ, не понялъ ихъ, перевралъ, и только гнуснымъ краснорѣчіемъ своимъ заставилъ Европу думать, будто и онъ не послѣдняя спица въ колесницѣ современнаго мышленія. Ясно также доказывается и подтверждается тутъ, что каждый Русскій студентъ смыслитъ Философію луч-

ные Кузена, и что Русскіе давно уже проникали умыслы этого революціонёра, обманщика и мыслекрада. — Цѣна за три тома, содержащіе въ себѣ не менѣе 8-ми печатныхъ листовъ, полагается самая умѣренная — по *два двугривенныхъ*. Вырученныя деньги обращаются въ пользу одного бѣднаго семейства, которое пятьдесятъ разъ объявляло о своей бѣдности въ газетахъ.

6. Смотритель Тюремнаго Замка симъ объявляетъ, что доставлено было къ нему, для выкупа бѣдныхъ, за долги въ тюрьму посаженныхъ, 300 рублей, на которые и выкупленъ мѣщанинъ Осипъ Ломоньевъ, отецъ девятерыхъ маленькихъ дѣтей, и единственный кормилецъ дряхлой старухи матери, и больной жены. Онъ содержался полтора года, за долгъ здѣшнему первостатейному купцу и заводчику Фокѣ Ѳомичу Обдиралову. И хотя претензія, съ процентами и рекамбіо, составляла 302 р. 79¾ коп, но желая оказать христіанское милосердіе, Г-нъ Обдираловъ уступилъ 2 р. 79¾ коп., и согласился взять только 300 рублей ровно. О такомъ благодѣтельномъ поступкѣ Г-на Обдиралова, симъ доводится до свѣдѣнія публики. — Въ тоже время Г-нъ Обдираловъ пожертвовалъ въ тюремную кружку 10 коп. серебромъ, составляющихъ съ лажемъ 12 коп. — *Доброхотнаго дателя любитъ Богъ.*

7. Вновь пріѣхавшій въ сей городъ портной, учившійся у иностранныхъ мастеровъ, честь имѣетъ извѣстить почтенныхъ охотниковъ, что онъ шьетъ разное платье, по новѣйшимъ модным картинкамъ, которыхъ привезъ онъ съ собою до 100. Живетъ онъ въ Шарлатанской улицѣ, подъ вывѣскою: « *Матвѣй Сукнокрадовъ, Лондонскій, военный и пратикулярный портъ-ной.*

ОБОЗРѢНІЕ

современныхъ Русскихъ Журналовъ.

Скажите, ради истины: чего признакомъ бываетъ фанатизмъ, въ какомъ-бы ни являлся онъ видѣ? Невѣжества, самаго дурнаго невѣжества, которое губитъ всѣхъ Мусульманъ и раскольниковъ. Кажется, не льзя дать иного отвѣта на предложенный выше сего вопросъ. Неужели-же Издатель 1832-*го Телескопа* станетъ упрямиться и *фанатизировать*, не соглашаясь съ нашими обличеніями въ томъ, что языкъ Русскій, это упрямое дитя, не повинуется его отлично-устроенному воображенію, и злаотщевенныя фразы его превращаетъ въ нелѣпости? Нужны-ли еще доказательства? За ними дѣло не станетъ. Ксщати намъ говорить теперь о *Телескопѣ* 1832-го года, или 1832-*мъ Телескопѣ*, какъ назвалъ его самъ Издатель.

Прежде всего, совѣтуемъ ему признаться, что это

заглавіе неправильно, а признавшись, исправишь свою ошибку. Неужели ему весело, что читатели, за каждою новою книжкою начинаютъ снова смѣяться? Далѣе: для чего изгналъ онъ изъ своего Правописанія точки? Это знакъ необходимый. Совѣтуемъ ему спросить у кого нибудь, кто знаетъ Русскій языкъ: можно-ли безъ точекъ писать: 1832-*й Телескопъ* N° 1 *Оглавленіе* I. . . . Можно-ли писать: *Телескопъ годъ вторый*? Что за *вторый*? Второй, М. Г., а не вторый. И это въ заглавіи! Что-же должно быть въ самой книжкѣ? Посмотримъ.

Съ какой стороны угодно вамъ смотрѣть на 1832-*й Телескопъ*? Со стороны языка? Изложенія? Даже скучно выписывать періоды, подобные слѣдующему: «Если *иногда кипящій* сокъ разыгравшейся жизни *приливаетъ* (?) съ особенною силою, въ необыкновенномъ количествѣ, то сіе особенное напряженіе выражается разрушеніемъ обыкновенныхъ пропорцій, выступленіемъ изъ общихъ формъ, дикой оригинальностью, *величественнымъ уродствомъ*.» Такимъ языкомъ пишетъ Издатель *Телескопа* о Русской Литературѣ! И такими-то хитро-сплетенными фразами думаетъ онъ нравиться и даже научать! Но, если вездѣ дуренъ, неправиленъ, даже неопрятенъ языкъ Г-на Надеждина, то въ сужденіяхъ о Французской Литературѣ онъ принимаетъ какой-то особенный характеръ. Послушайте, напримѣръ: «Говорится обыкновенно, что «левъ реветъ (*), собака воетъ, голубь воркуетъ;

(*) Реветъ корова, реветъ оселъ, а левъ *рыкаетъ*. Справьтесь въ Академическомъ Словарѣ.

«въ нѣкоторыхъ современныхъ Французскихъ ро-
«манахъ мычаніе верблюда выражается звуками:
«бдгргздлг (*), но для выраженія рычанья Гана
«Исландскаго алфавитъ не имѣетъ довольно согла-
«сныхъ. Второе лицо мелодрамы — бѣлый медвѣдь,
«другъ и сопутникъ Гана. Сцена дѣйствія перено-
«сится безпрестанно: изъ острога (!) въ домъ
«палача, отъ палача къ висѣлицѣ, отъ висѣлицы въ
«берлогу. Развязка — пожаръ шюрьмы, гдѣ все
«взлетаетъ на воздухъ. Говорятъ, что еще не ви-
«дано было нигдѣ столько палачей, череповъ, *кро-
«ви*, *гноя*, *костей*, *смраду*, однимъ словомъ, всѣхъ
«элементовъ *современной драмы*.» Фай!... Не вѣ-
рю глазамъ своимъ, что элементами современной
драмы почитаютъ такія гадости! Но это говоритъ Г-нъ Надеждинъ, и я вѣрю, что онъ *такъ* думаетъ. Но имѣетъ-ли онъ право такъ думать, по есть понимаетъ-ли онъ, знаетъ-ли Французскую Литтературу? Въ послѣдней книжкѣ Телеграфа мы показали образчики его переводовъ; теперь укажемъ на образчики его знанія.

Выписавъ заглавіе книги: Saynettes, par M. Paul Foucher, онъ спрашиваетъ: «Что такое *сейнеты*?» И послѣ нѣсколькихъ словъ прибавляетъ: «И такъ *сейнеты* не что иное какъ — *сейнеты*! Болѣе сказать нечего!» Французскій Авторъ не виноватъ, что Г-нъ Надеждинъ не умѣетъ ничего сказать и не

(*) Жаль, что Издатель *Телескопа* не приложилъ перевода этого выраженія: онъ знаетъ такъ много языковъ, и знаетъ ихъ такъ *славно*!

знаешь, что Saynettes называются въ Испаніи простонародныя театральныя пьесы, родъ буффонадъ. Въ такомъ смыслѣ принялъ слово сіе и Французскій Авторъ. « Въ современной школѣ Французской Лит-« тературы, *гекзаметръ* Расина и Вольтера ка-« жется слишкомъ однозвучнымъ: Фушеру то и *на* « *руку* (?): онъ разбиваетъ его на *тысячи кусковъ*, « *толчетъ*, *такъ сказать*, *въ ступѣ*. Современные « поэты любятъ мрачность, ужасы: Фушеръ пу-« скается въ *душегубство*, *омокаетъ* руки въ кровь « по локоть (1832-й *Телескопъ*, кн. 3-я, стр. 430-я).» Мы уже замѣтили, что Издатель Телескопа не можетъ говорить о Французской Литтературѣ, не приходя въ какое-то особенное состояніе, и потому не станемъ говорить, можно-ли *разбивать стихъ на тысячу кусковъ*, и *толочь его въ ступѣ*; пропустимъ *душегубство*, *и руки*, *омокаемыя въ кровь по локоть*; остановимся только надъ неслыханною диковинкою: надъ *гексаметромъ Расина и Вольтера*. Этотъ гексаметръ доказываетъ: 1-е, что Г-нъ Надеждинъ не читалъ ни Расина, ни Вольтера, ибо иначе онъ зналъ-бы, что ни у того, ни у другаго нѣтъ гексаметровъ; 2-е, онъ не знаетъ Французскаго языка и стихосложенія, ибо иначе ему было-бы вѣдомо, что у Французовъ нѣтъ гексаметра, и что стихосложеніе у нихъ силлабическое; 3-е, онъ однакожь судитъ о томъ и о другомъ, слѣдственно судитъ о томъ, чего не понимаетъ, въ чемъ не видитъ зги. Вѣрьте послѣ этого сужденіямъ Г-на Надеждина!

Хороши будутъ свѣдѣнія объ иностранныхъ Литтературахъ отъ такого знатока! Однакожь онъ

обѣщается: «Знакомишь Русскую публику съ бо-
«гатствомъ Нѣмецкой Словесности, освѣщая каж-
«дое замѣчательное явленіе ея краткимъ разбо-
«ромъ.» Я боюсь только, чтобы это освѣщеніе, на которое употребляются самые дурные матеріялы, не закоптило, не выѣло глазъ читателямъ. Каково, напримѣръ, слѣдующее сужденіе о Нѣмецкой Литературѣ: «Не смотря на множество *хла-*
«*ма* и *мусора*, коимъ *загромождень* еще послѣдній
«каталогъ, замѣчаютъ, что *отложеніе грубыхъ*
«*веществъ*, *составляющее главную причину* особен-
«наго *дородства* Германской библіографіи, обна-
«руживается въ немъ нѣсколько слабѣе; что *пухлые*
«*наросты*, коими она покрывалась, отчасти *из-*
«*дряблн*; и что слѣдовательно *для* будущности
«предвидится, съ *возрастающимъ оскуденіемъ*
«*излишней тучности*, большая *сосредоточенности*
«въ производительныхъ силахъ умственной дѣя-
«тельности, которая должна принести *плоды* бо-
«лѣе *прочные* и *основательные*.» Но, всего забавнѣе, что послѣ этого пустословія, Г-нъ Надеждинъ, какъ будто понимая слова свои, говоритъ: «Надежды сіи кажутся и намъ основательными.» Я думаю, не только истинные любители Нѣмецкой Литературы, но и Нѣмецкіе сапожники не будутъ довольны этимъ *хламомъ* и *мусоромъ*, который Г-нъ Надеждинъ видитъ въ Нѣмецкихъ авторахъ, такъ-же какъ *кровь*, *гной* и *смрадъ* во Французскихъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les bonnets du matin se font extrêmement simples. Le fond, arrondi, à la forme de la tête, est quelquefois à trois pièces dont la coupe varie. Un nœud de ruban est posé sur le côté ou sur le haut de la tête, où il semble serrer les extrémités pour les réunir. Trois rangs de dentelle, égaux dans toute la longueur, et hauts seulement de quatre petits doigts, font la garniture.

Quelquefois toutes les garnitures ne sont pas relevées d'une façon semblable. Le premier rang est à petits tuyaux, et le rang supérieur à plis irréguliers.

A une promenade nous avons observé un élégant landeau, dans lequel étaient deux femmes mises avec un goût parfait. Leurs peignoirs de mousseline étaient à pélerine toute de dentelle; de longues plumes safran et vert-pomme ornaient leurs chapeaux de crêpe des mêmes couleurs. Voici comment étaient leurs manteaux et comment ils sont tous à la couleur près :

En marceline vert-émeraude, doublé d'une simple marceline vert-pomme; et l'autre en marceline aventurine, doublé de blanc. Un seul col carré tient au petit collet. Point de pélerine. Ce manteau beaucoup plus léger qu'un schall, garantit de l'air mieux que tout.

Les jupes de robes se font depuis long-temps plutôt longues que courtes, venant au coude-pied.

(*) Въ Парижѣ до 15-го Іюня (н. ст.)

Парижскія моды.

On rencontre des capotes de paille cousue, grossières, très-grossières, aussi grossières que possible, autant que les chapeaux de glaneuses ou de porteuses d'eau. Et bien, qu'elles soient coupées d'une pure forme anglaise, doublées sous la passe de florence couleur paille, une touffe de fleurs des champs, ou une verdure, ou enfin toute autre fleur simple, posée, élevée sur le côté de la tête, et elles seront d'une élégance recherchée.

On voit des canezous de batiste dont les garnitures, festonnées et à petits plis, semblent une étoffe rayée. Les plis sont séparés de distance en distance par des intervalles unis.

On porte peu de ruches de cou. Des cols arrondis, droits par devant.

Une des jolies imitations nouvelles sont les applications d'Angleterre. Sur un fond de tulle on fixe des fleurs de dentelle. On donne ainsi à un col, à une pélerine, la forme qui convient, sans qu'il soit nécessaire de couper, joindre des parties, de même que lorsque cette dentelle ne se faisait qu'en bandes.

Утренніе чепчики дѣлаются чрезвычайно просто. Верхняя часть ихъ, кругловатая, по формѣ головы, иногда состоитъ изъ трехъ частей, которыя выкраиваются различно. Ленточный бантъ накладывается на верхушку или на одну сторону головы, гдѣ онъ какъ будто соединяетъ части. Уборку составляютъ три ряда кружевъ, равные на всей длинѣ, и шириною только въ четыре мизинца. — Иногда не вся уборка бываетъ одинакаго фасона: пер-

вый рядъ состоитъ изъ маленькихъ трубочекъ, а верхній изъ неровныхъ складокъ.

Французскій Журналистъ съ восхищеніемъ описываетъ нарядъ двухъ дамъ, видѣнныхъ имъ на прогулкѣ. Онѣ были въ кисейныхъ пудерманшеляхъ, съ пелеринами изъ кружева; длинныя перья, шафраннаго и зеленаго цвѣта, украшали ихъ шляпы, креповыя, тѣхъ-же цвѣтовъ. Манто, которые нынѣ у всѣхъ одинаковы, и только разнообразятся цвѣтомъ, были у одной изъ зелено-изумруднаго марселина, подбитый простымъ зеленымъ марселиномъ; у другой изъ аванturиноваго марселина, подбитый бѣлымъ. Одинъ, четыреугольный воротникъ около шеи; висячаго воротника, или пелерины, вовсе нѣтъ. Такое манто легче всякой шали и защищаетъ отъ воздуха лучше, нежели что либо другое.

Съ давняго уже времени платья дѣлаются длинныя.

Встрѣчаются шляпки-капоты, соломенныя сшивныя, грубыя, очень грубыя, шакъ грубыя, какъ только можно: почти какъ у рабошницъ и крестьянокъ. Что-же? Если онѣ имѣютъ настоящую Англійскую форму, подбиты флорансомъ соломеннаго цвѣта подъ полями, украшены пукомъ полевыхъ цвѣтовъ, или зеленью, или какимъ нибудь самымъ простымъ цвѣткомъ на боку — то это будетъ самая изысканно-модная шляпка-капотъ!

Носятъ батистовыя каньзу, которыхъ уборка, фестонами и въ маленькихъ складкахъ, кажется полосатою тканью. Между складками оставляется нѣкоторое разстояніе.

Кругомъ шеи мало носятъ рюшей. Воротнички круглые, и прямые напереди.

Одно изъ прелестнѣйшихъ подражаній — Англійскія накладки. На шюль нашиваются кружевные цвѣшы. Такимъ образомъ, воротничку, пелеринкѣ, придается форма приличная, и уже нѣтъ надобности разрѣзывашь, сшивашь, шакъ-же какъ и изъ полосы кружева.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Прическа изобрѣтенія Г-на Сержана, цвѣты Г-на Натье. — Платье изъ водянистой ткани, съ уборкой блондами.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 15 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

Въ типографіи. Августа Семена.

№ 7. *Апрѣль.*

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ ЭНЦИКЛОПЕДІЯХЪ.

(Окончаніе).

Въ послѣднія тридцать лѣтъ, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, было двѣ попытки, противоположныя, судя по первому взгляду, однакожъ происшедшія отъ одинакихъ причинъ. Вездѣ, въ одно и тоже время, явились Энциклопедіи болѣе народныя, вмѣстѣ съ Энциклопедіями болѣе учеными.

Во Франціи, когда Издатели *Энциклопедіи Методической* старались представить для каждой науки словарь, самый обширный и полный, какъ будто наука сія одна занимала ихъ, было издано, подъ заглавіями: *Духъ Энциклопедіи*, *Карманный Словарь*, *Карманная Энциклопедія*, *Краткій Лексиконъ*, *Словарь Наукъ и Искуствъ*, и проч., множество книгъ, въ родѣ первоначальныхъ Энциклопедій, удобныхъ для большей части читающихъ.

Въ Англіи находимъ: *Энциклопедію домашнюю*, *Краткій Словарь Наукъ и Искуствъ*, *Энциклопедію Британскую*, въ 6 томахъ in-8, *Основанія всѣхъ Наукъ*, и проч., и въ тоже время три обширныя Энциклопедіи, изъ коихъ новѣйшая, Эдинбургская, содержитъ въ себѣ цѣлыя огромныя сочиненія о главнѣйшихъ вопросахъ Науки человѣческой и быта общественнаго.

Въ Германіи, вмѣстѣ съ *Всеобщею Энциклопедіею Наукъ и Искуствъ*, Эрша и Грубера, неконченною донынѣ, изданы: *Ручная Энциклопедія*, *Энциклопедія Экономическая*, *Сокращеніе Энциклопедіи Экономической*, *Лексиконъ для разговоровъ*, и проч. и проч.

Видимъ, что вездѣ труды Энциклопедическіе приняли направленіе одинакое: исправить выставленный мною двоякій недостатокъ первыхъ Энциклопедій, слишкомъ ученыхъ для публики вообще, слишкомъ крашкихъ для вопросовъ великихъ.

Изъ сихъ различныхъ попытокъ, особенно двѣ: *Лексиконъ для разговоровъ*, въ Германіи, и *Эдинбургская Энциклопедія* въ Шотландіи, имѣли успѣхъ безмѣрный; отъ чего?

Лексиконъ для разговоровъ, изданный въ Лейпцигѣ книгопродавцемъ Брокгаузомъ, есть самая

полная изъ народныхъ Энциклопедій. Издатель не далъ себѣ вѣрнаго отчета ни въ своемъ намѣреніи, ни въ потребностяхъ своихъ читателей; книга его составлена не вслѣдствіе одной, ясной мысли, которой надлежало слѣдовать во всѣхъ примѣненіяхъ; многихъ статей недостаетъ въ ней; нѣкоторыя части, напримѣръ біографіи людей здравствующихъ, занимаютъ слишкомъ много мѣста, между тѣмъ какъ другія части, напримѣръ искусства и ремесла, слишкомъ неполны. Но книга сочинена съ цѣлью истинно практическою, для общаго наученія людей, не имѣющихъ времени сдѣлаться учеными; отъ сей цѣли Издатель не отвлекся никакимъ требованіемъ ученымъ и литературнымъ. Онъ старался собрать, о безчисленномъ множествѣ предметовъ, свѣдѣнія, изъясненія, извѣстія, для самаго большаго, ежедневнаго употребленія; онъ сжалъ въ тѣсномъ объемѣ огромную массу познаній первоначальныхъ, и не смотря на всѣ недостатки сего сочиненія, которое конечно могло-бы быть гораздо болѣе полнымъ, гораздо болѣе вѣрнымъ главной своей мысли, оно достигло уже седьмаго изданія, оно находится почти во всѣхъ, сколько нибудь достаточныхъ семействахъ; наконецъ, оно много способствовало той общей образованности, тому домашнему просвѣ-

щенію, которое въ Германіи гораздо всеобъемлющее, нежели въ другихъ странахъ (*).

Сотрудники *Эдинбургской Энциклопедіи*, изданной подъ смотрѣніемъ Брьюстера, имѣли планъ и цѣль совершенно противоположные Брокгаузовой Энциклопедіи. Они разсуждали: Къ чему это множество мелкихъ статей, обременяющихъ большія сочиненія сего рода? Онѣ вообще относятся къ словамъ не важнымъ, или мало употребительнымъ, которыя или объяснены вездѣ, или никогда не требуютъ объясненія; между тѣмъ, онѣ занимаютъ много мѣста и не даютъ возможности, даже въ самыхъ многотомныхъ Энциклопедіяхъ, излагать предметы важные въ надлежащемъ объемѣ и съ надлежащимъ тщаніемъ. Надобно удалить этотъ сборъ, пустой и безполезный, который вносятъ въ Энциклопедіи только для того, чтобы придать имъ обманчивый видъ полнаго объ-

(*) Со времени перваго появленія сего Лексикона, въ 33 года его разошлось, въ оригинальныхъ изданіяхъ Брокгауза, 80,000 экземпляровъ. Если причислить къ сему экземпляры трехъ перепечатокъ, сдѣланныхъ въ Германіи, и переводовъ, изданныхъ на Датскомъ, Шведскомъ, Голландскомъ языкахъ, и на Англійскомъ въ Сѣверной Америкѣ, то все число экземпляровъ сей книги, распроданныхъ до 1830 года, простирается за 100,000. *Прим. Пер.*

ема человѣческихъ знаній. Надобно избирать предметы, дѣйствительно важные для всѣхъ, и связанные съ многими идеями и явленіями; надобно излагать ихъ такъ, чтобы это удовлетворило ученыхъ людей и самый требовательный умъ.

Этотъ планъ былъ выполненъ. *Эдинбургская Энциклопедія* содержитъ въ себѣ, обо всѣхъ великихъ вопросахъ Наукъ Нравственныхъ, Политическихъ, Историческихъ, Естествознательныхъ, точныхъ, обо всѣхъ предметахъ, сколько нибудь важныхъ философически или практически, истинныя сочиненія, куда отличнѣйшіе люди внесли плоды своихъ размышленій и трудовъ. Успѣхъ увѣнчалъ сіе предпріятіе. Какъ *Лексиконъ для разговоровъ* проникъ въ Германіи даже въ среду мѣлкихъ горожанъ, такъ *Эдинбургская Энциклопедія* въ Шотландіи сдѣлалась ручною книгою образованныхъ людей, и вездѣ, гдѣ только заводится публичная библіотека или общество для чтенія, стараются имѣть это сочиненіе прежде другихъ.

Что составляетъ общій характеръ этихъ двухъ Энциклопедій, столь различныхъ происхожденіемъ, наклонностью, цѣлью, достоинствомъ? Та и другая были начаты съ намѣреніемъ совершенно практическимъ, безъ систематики, единственно для удовлетворенія нѣко-

шорыхъ потребностей общества. Цѣль ихъ: распространить просвѣщеніе, ускорить ходъ образованности: посредствомъ одной, между людьми уже учившимися, которые могутъ удѣлять время для ученія себя; посредствомъ другой, между тѣмъ многочисленнымъ классомъ, который не хочетъ оставаться въ невѣжествѣ, хотя для ученія мало имѣетъ досуга.

Слѣдственно, въ этомъ случаѣ, какъ почти всегда и во всемъ, событіе предшествовало теоріи; оно рѣшило вопросъ объ истинномъ свойствѣ Энциклопедій, прежде нежели оный былъ предложенъ.

Надобно вѣрить событіямъ, особенно если они развиваются свободно, произвольно, какъ слѣдствіе естественнаго хода дѣлъ, а не какъ произведеніе человѣческаго размышленія, всегда тѣснаго и пристрастнаго. Не удивляйтесь указаннымъ ими недостаткамъ въ планѣ первыхъ Энциклопедій, ибо это недостатки всего 18-го вѣка, всѣхъ явленій его. Тогда общимъ заблужденіемъ была увѣренность въ обладаніи полною наукою, способною удовлетворить всему, и покорить себѣ все. Вышло пословичное, странное только по наружности: никогда умы не были такъ заняты намѣреніями практическими и потребностью примѣнять идеи къ событіямъ,

и никогда столько не презирали событій, никогда такъ мало не уважали примѣровъ, воспоминаній, различій, препятствій, словомъ, всѣхъ обстоятельствъ существенныхъ и внѣшнихъ. Среди надеждъ и предпріятій, совершенно чуждыхъ Наукѣ, страстное желаніе единства и строгости ученой господствовало во всемъ; вѣкъ, можетъ быть менѣе всѣхъ великихъ вѣковъ совершенствовавшій теорію чистую, былъ именно тѣмъ вѣкомъ, когда теоріямъ покорялись и вѣрили самымъ слѣпымъ, фанатическимъ образомъ. Опытъ скоро показалъ, какъ много ошибокъ влекло за собою это незрѣлое, мнимое единство; непонятыя событія отмстили за себя, обличивъ во лжи ученія, и человѣческій умъ долженъ былъ сознаться, что дѣла міра сего не такъ просты, а наука не такъ полна, и могущество ума не такъ несокрушимо, какъ онъ представлялъ себѣ. Исторія Энциклопедій есть краткая сцена изъ этого обширнаго зрѣлища, сокращенный выводъ изъ этой огромной ошибки. Тамъ не думали о различіи состояній, расположеній, нуждъ, о неравенствѣ образованности, достоянія; хотѣли вѣрить, что обращаются къ публикѣ единой, однородной, и что одно сочиненіе должно быть прилично и удовлетворительно равно для всѣхъ читателей. Заблужденіе неизмѣримое! Подъ именами *публики*, *народа*, *общества*, скрывается

множество обществъ, публикъ, народовъ, чрезвычайно различныхъ, коихъ умственныя потребности и средства можетъ быть гораздо разнообразнѣе ихъ нарядовъ и привычекъ. Поэтъ, художникъ, даже философъ, мало заботятся о сихъ различіяхъ; они свободно предаются своему воображенію или своей мысли, занимаясь единственно своимъ трудомъ; одни изыскиваютъ чистую истину, другіе обращаются къ вѣчнымъ и неизмѣннымъ склонностямъ природы человѣческой, къ ощущеніямъ, всегда одинаковымъ, съ тѣхъ поръ какъ они существуютъ, къ способностямъ умственнымъ, которыя, подобно богамъ Омировымъ, касаются своей цѣли, какъ только приходятъ въ движеніе. Но выходя изъ этой высшей области, гдѣ требуютъ только ощущеній или мыслей; желая прямо и практически дѣйствовать на міръ существенный, желая образовывать, научать, необходимо должно соображаться съ общественнымъ состояніемъ, съ степенью образованности, съ досугомъ, съ просвѣщеніемъ: это событія повелительныя, и потому одна Энциклопедія столько-же пригодна для всѣхъ классовъ гражданъ, сколько одинакія училища.

Настало время понять это безчисленное разнообразіе и отдать ему должное; умы склонились къ тому; они постигаютъ, что мнимое,

искусственное единство есть только пищеславіе; они безъ труда сознаются, что изданіе Энциклопедій различныхъ, отнюдь не равныхъ объемомъ и Наукою, есть слѣдствіе самыхъ событій, законъ, налагаемый необходимостью удовлетворить требованіямъ, весьма различнымъ и равно существеннымъ.

Но вѣкъ нашъ долженъ не только удостовѣриться въ ошибкахъ XVIII вѣка, не только избѣгнуть ихъ: этотъ трудъ Критики конченъ; вѣкъ нашъ, въ свою очередь, долженъ ступить впередъ, возобладать новыми истинами и возвысить ихъ своими трудами. Если мы ограничимся только тѣмъ, что признаемъ общественныя различія и обязанность уважать оныя, это будетъ повтореніе того, что говорили философамъ ихъ противники. Заблужденіе доказано давно, только доказано почти вездѣ съ дурнымъ намѣреніемъ . . . . . .

Справедливо, что во всякомъ обществѣ, особенно столь древнемъ какъ Французское, есть множество положеній различныхъ, и развитій природы человѣческой неравныхъ, на которыя можно смотрѣть какъ на степени лѣствицы образованности. Но существуетъ между всѣми классами связь, ибо всѣ они образуютъ одинъ народъ, и каково-бы ни было неравенство ихъ, всѣ они другъ другу не чужіе; одна судьба господствуетъ ими; они могутъ бояться или уважать другъ друга, служить или вредить одинъ другому, но не могутъ жить отдѣльно.

Что-же бываетъ, по ходу дѣлъ, тамъ гдѣ общество возвышается и процвѣтаетъ? Сношенія различныхъ классовъ умножаются; вѣрованія, чувствованія, взаимныя пользы сближаются и соединяютъ ихъ болѣе и болѣе; изъ одного класса переходятъ въ другой чаще и свободнѣе; движеніе общее и восходящее совершается на всей лѣствицѣ; высшія званія ускоряютъ свой ходъ и между тѣмъ менѣе тяготятъ званія низшія. Обратитесь къ Исторіи; взгляните на вѣкъ возрастанія, силы, славы всѣхъ народовъ: такъ всегда совершались событія.

Такимъ образомъ, постепенное сближеніе всѣхъ классовъ, стремленіе къ единству

развившіемъ различностей — вотъ законъ, или, точнѣе, вотъ событіе образованности! Это естественный ходъ жизни, которою Провидѣнію было угодно одушевить собирательныя существа, называемыя обществами.

Слѣдственно, всякое общественное соединеніе, которое признавши различіе состояній, образованности, просвѣщенія, отличающихъ разные классы гражданъ, стремится съ одной стороны отдѣлить сіи классы одинъ отъ другаго, потому что они различны, а съ другой старается удержать ихъ въ сихъ различностяхъ, было-бы дурно въ основаніи своемъ, и противорѣчило-бы естественному ходу. . . . .

Такимъ образомъ, задача общественнаго соединенія состоитъ въ слѣдующемъ: уважать различія и неравенства существенныя; соображаться съ ними во всякомъ случаѣ; въ тоже время, установить между раздѣленными классами необходимую связь и сношенія, такъ чтобы они знали себя взаимно, чтобы обращеніе одного съ другимъ всегда было свободно и открыто, и наконецъ, чтобы они безпрестанно чувствовали себя призываемыми, даже принуждаемыми одинъ отъ другаго, идти вмѣстѣ по пути усовершенствованія.

Я полагаю, что особеннымъ призваніемъ и новымъ достоинствомъ нашего вѣка будетъ: хорошо уразумѣть и ясно утвердить сію великую задачу; откровенно принять всѣ условія оной; не жертвовать стремленіемъ существенности и существенностью стремленію; наконецъ, отвергнуть всякое ложное единство, но не переставая думать и помышлять о единствѣ истинномъ и чистомъ, къ которому постоянно стремится человѣчество, хотя и не можетъ достигнуть онаго.

. . . . . Снова обращаюсь къ сочиненію Энциклопедій, и вижу, что если хотятъ дѣйствовать на всю публику, если хотятъ успѣха образованности вообще, то какое ни употребили-бы средство, законы или книги, представляется опять та-же задача и требуетъ того-же рѣшенія.

Какъ необходимо издавать Энциклопедіи различныя и неравныя, сообразныя различнымъ потребностямъ и неравнымъ средствамъ различныхъ классовъ читателей, точно такъ-же необходимо сближать ихъ, соединять, установлять между ими такое сношеніе, чтобы онѣ взаимно поддерживали и дополняли одна другую, чтобы одна вела къ другой, и чтобы рядомъ съ источниками средней образованности

текли источники науки болѣе глубокой, всегда близкіе, хотя и раздѣленные, всегда доступные тому, кто желаетъ черпать изъ нихъ.

Воображаю себѣ хорошую Энциклопедію первоначальную, гдѣ собраны всѣ слова языка, общеупотребительнаго и ученаго, всѣ свѣдѣнія и объясненія, самыя полезныя большему числу читателей. Она, во множествѣ случаевъ, будетъ не полна чрезвычайно; но, отнюдь не скрывая своей неудовлетворительности, она громко объявляетъ о ней, ибо во всѣхъ статьяхъ, гдѣ важность предмета превосходитъ объемъ оныхъ, она тщательно означаетъ это, отсылая читателя къ другой Энциклопедіи, также слишкомъ неполной въ отношеніи къ числу словъ, но за то разсуждающей подробно обо всемъ, что вошло въ составъ ея, предназначенной для тѣхъ, кто хочетъ внимательнѣе изучать великіе вопросы, и даже, если то прилично, представляющей публикѣ отдѣльныя небольшія сочиненія, собранныя въ одно цѣлое. Такимъ образомъ богатства человѣческихъ свѣдѣній распредѣляются удобно для каждаго; каждый можетъ брать изъ нихъ что нужно ему; но отъ этого части не расположены, не размѣрены, не представлены для каждаго окончательно, какъ будто онъ уже не имѣетъ права ни на что болѣе. Различія поняты и приняты въ

соображеніе; ограниченій нѣтъ; напротивъ, между разными степенями науки и умственнаго развитія учреждено непрерывное, тѣсное сношеніе; въ самой книгѣ, гдѣ собраны основныя свѣдѣнія для тѣхъ, кто не хочетъ или не можетъ идти далѣе, говорится безпрестанно, что представляемая такимъ образомъ наука не полна, ограничена, пригодна только для разсѣянія невѣжества; что о всѣхъ, сколько нибудь важныхъ предметахъ, надобно искать науки истинной не здѣсь. И свѣдѣнія болѣе обширныя, болѣе опредѣленныя, сдѣланы доступными для читателей: они могутъ почерпать ихъ въ другомъ сочиненіи, которое назначено, такъ сказать, отвѣтствовать на вопросы, предлагаемые первымъ, но которое, если хотятъ простерть свое изученіе далѣе, также укажетъ на отдѣльныя, большія сочиненія, гдѣ каждый предметъ изслѣдованъ во всей глубинѣ его. Этимъ предупредится порокъ, часто порождаемый Энциклопедіями: надменность легкопріобрѣтенной науки; но въ тоже время область науки высшей, всегда открытая для ищущихъ образованности средней, распространитъ горизонтъ ихъ идей, пробудитъ новыя умственныя потребности, можетъ быть даже послужитъ къ развитію тѣхъ расположеній, тѣхъ естественныхъ способностей, которымъ часто надобенъ только случай для собственнаго со-

знанія, надобно первое движеніе, чтобы явить себя.

Выполнены-ли всѣ условія задачи? Такъ примѣненныя къ событіямъ, такъ составленныя, въ различіи и въ отношеніяхъ своихъ, по плану хорошаго, законнаго соединенія общеспѣвеннаго, даютъ-ли Энциклопедіи право надѣяться, что онѣ вполнѣ достигнутъ своей настоящей цѣли, что для пользы образованности онѣ разовьютъ все свое могущество?

Онѣ дѣйствительно выполнятъ сіе назначеніе, если останутся вѣрны первой идеѣ своей, если во всѣхъ подробностяхъ исполненія ихъ будетъ господствовать мысль о публикѣ, для коей назначаются онѣ, и объ услугахъ, коихъ она въ правѣ ожидать отъ нихъ.

Ясно, что изъ Энциклопедіи первоначальной должны быть удалены всѣ ученыя и литтературныя требованія. Сочиненіе такого рода назначается не для чтенія послѣдовательнаго, не для того, чтобы о какомъ либо порядкѣ идей или событій, болѣе нежели о другомъ, доставить средства наученія. Оно для тѣхъ, чья жизнь проходитъ въ безпрерывныхъ занятіяхъ, кто не много досуговъ можетъ отдѣлять для чтенія, кто, собственно говоря, не учится ничему особенно, однакожь, не желая оставаться въ невѣжествѣ, имѣетъ нужду въ книгѣ,

гдѣ тотчасъ находишъ онъ, обо всѣхъ предметахъ, какіе могутъ встрѣтиться въ разговорѣ и въ жизни, свѣдѣнія, указанія, достаточныя для того, чтобы разсѣять тму невѣдѣнія его и удовлетворить его любопытство. Эта публика не требуетъ, чтобы передъ нею излагали и оспоривали различныя мнѣнія, приводили въ движеніе мыслящую силу ея новыми и смѣлыми идеями, и доставляли ей обманчивое наслажденіе почитать себя ученою безъ труда: ей надобенъ положительный отвѣтъ на вопросы не высокіе, не запутанные, но безчисленные, касательно Исторіи, Географіи, Наукъ Нравственныхъ, точныхъ, Естествознательныхъ, Медицинскихъ, Искусствъ, ремеслъ, и проч. Въ такой Энциклопедіи, ни одна статья не можетъ имѣть требованія, чтобы ее замѣтили особенно; ни одна наука не должна даже предполагать о возбужденіи особеннаго участія; но за то, всѣ науки должны занять въ ней мѣсто; объясненія должны быть въ ней на такое число словъ, какое только можетъ она заключить въ себѣ, оставаясь доступною величайшему числу читателей. Къ ней не будутъ обращаться съ вопросами учеными, но могутъ спрашивать ее обо всемъ, и она должна быть всегда готова отвѣчать, всегда служить какъ-бы сокращеніемъ всѣхъ частныхъ Словарей, имѣвшихъ предметомъ человѣческія знанія. Чѣмъ менѣе въ

каждой статьѣ будетъ она ученою, тѣмъ болѣе въ общности должна стремиться обнять все. Истинное достоинство первоначальной Энциклопедіи: быть столь полною, столь энциклопедическою, сколько позволено шого надѣяться.

Нечего распространяться о томъ, что статьи должны быть, по необходимости, краткіи, ибо число ихъ гораздо важнѣе нежели объемъ. Онѣ могутъ содержать въ себѣ только: 1-е, опредѣленіе слова; 2-е, различныя значенія онаго, если значеніе не одно; 3-е, общее показаніе главныхъ предметовъ и главныхъ идей, относящихся къ оному. Въ біографіяхъ, напримѣръ, удовольствуются означеніемъ мѣста, времени рожденія и смерши лицъ, и краткимъ извѣстіемъ о жизни и важнѣйшихъ дѣяніяхъ или сочиненіяхъ. Въ Географіи сзначатъ положеніе городовъ, народонаселеніе, важнѣйшія заведенія. Говоря о растеніи, о животномъ, укажутъ родъ, къ коему оно принадлежитъ въ классификаціяхъ Науки, его отечество, его практическую пользу, если можно извлекать оную, и проч. Тщательно постараются избѣгнуть всякаго предпочтенія той или другой науки, всякаго пристрастнаго развитія тѣхъ или тѣхъ статей, въ ущербъ другихъ; ни на минуту не потеряютъ изъ виду, что сочиненіе сіе не

имѣетъ ничего особеннаго, ни въ публикѣ своей, ни въ предметѣ, и что назначаясь болѣе для справокъ, нежели для чтенія, оно должно всего болѣе ошѣчать на вопросы самими предметами и выводами опредѣленными, ясными.

Метода, столь удобная, естественная въ наукахъ, имѣющихъ предметомъ явленія міра вещественнаго, примѣняется не столь легко къ наукамъ нравственнымъ, занимающимся предметами трудными для объясненія, часто спорными, и породившими множество различныхъ системъ. Разсказывая жизнь человѣка, описывая страну, излагая слѣдствія наблюденій природы физической, или пріемы Искусства, обыкновенно почти не льзя дѣлать выбора, нечего оспоривать: надобно сказать, что̀ есть, или по крайней мѣрѣ что̀ можно почитать общепринятымъ. Но въ предметахъ философическихъ, когда, напримѣръ, дѣло идетъ о словѣ: *душа*, или *изящное*, не льзя избѣгнуть необходимости избрать изъ различныхъ мнѣній одно; роль историка идей человѣческихъ могла-бы освободить отъ этого, но въ Энциклопедіи первоначальной она невозможна, ибо тогда надлежало-бы слишкомъ распространить статьи. Надобно пристать къ какой нибудь сторонѣ, и составить всѣ статьи сего рода по одному, опредѣленному мнѣнію и направленію. Въ семъ

случаѣ, только успѣхъ можетъ оправдать выборъ.

Впрочемъ, не о философическихъ предметахъ будутъ всего чаще справляться въ Энциклопедіи первоначальной; изъ нея не должно исключать ни одного слова, относящагося къ симъ предметамъ; но будучи въ необходимости принять систематическія мнѣнія, и не имѣя средствъ доказать оныя, она должна ограничиться, касательно сихъ важныхъ вопросовъ, самыми простыми опредѣленіями, и каждый разъ ссылаться на другую, ученую Энциклопедію.

Сія послѣдняя будетъ сочиненіе не только совершенно инаго размѣра, но и совершенно другое въ основаніи своемъ. Она должна удовлетворять не потребность въ наученіи общемъ, поверхностномъ, но потребность въ свѣдѣніяхъ частныхъ и болѣе опредѣленныхъ. Въ Энциклопедіи первоначальной ищутъ указаній и объясненій того, чего не знаютъ; отъ Энциклопедіи ученой требуютъ, чтобы она подробно и точно разсмотрѣла вопросы, уже знакомые. Главное достоинство первой есть всеобъемлемость; каждая статья въ ней, частно взятая, по необходимости, значитъ не много; во второй надобно заботиться не объ общности сочиненія, но о достоинствѣ каждой статьи от-

дѣльно; въ ней не думаютъ говорить обо всемъ, ибо это значило-бы ошибиться въ границахъ ея могущества и впасть снова въ тотъ порокъ, коимъ означены первыя Энциклопедіи, но обязываются представить обо всѣхъ предметахъ, которые вошли въ составъ ея, извѣстія точныя и довольно пространныя. Конечно, не льзя не желать, чтобы въ ней помѣщены были всѣ важные вопросы; неоспоримо и то, что хорошо было-бы напередъ опредѣлить, какія слова въ каждой буквѣ алфавита требуютъ довольно обширныхъ развитій, и какія удобны для сего, дабы непремѣнно внести ихъ въ Энциклопедію; но всего важнѣе, чтобы потомъ каждое изъ сихъ словъ, въ рукахъ человѣка, вполнѣ обладающаго наукою, къ которой принадлежитъ оно, сдѣлалось предметомъ небольшаго Разсужденія, гдѣ была-бы извлечена и представлена публикѣ вся сущность отдѣльныхъ сочиненій, писанныхъ учеными мужами. Изданныя вмѣстѣ и подъ однимъ общимъ заглавіемъ, Разсужденія сіи, правда, будутъ принадлежать къ одной книгѣ, но не будутъ они сочинены одно для другаго, съ систематическою цѣлью и подъ закономъ мнимаго единства. Надобно даже, чтобы въ случаѣ нужды они отдѣлялись отъ общаго собранія и чтобы каждый, кто пожелаетъ имѣть, о томъ или другомъ предметѣ, извѣстія нѣсколько опредѣленныя, могъ

пріобрѣсти одну, относящуюся къ нему статью, не будучи принужденъ покупать всю Энциклопедію. Надобно также, какъ скоро то или другое изученіе, тотъ или другой вопросъ будутъ особенно занимать вниманіе публики, чтобы они тотчасъ дѣлались цѣлью, къ коей особенно стремятся періодическія изданія Энциклопедіи; такимъ образомъ не только удовлетворятся общественныя потребности при первомъ ихъ появленіи, но и просвѣщеніе гораздо легче проникнетъ и надежнѣе утвердится въ умахъ, ибо оно будетъ связано съ событіями настоящими и представлено во имя необходимости. Наконецъ надобно, когда успѣхи изученій, открытій, идей, озаритъ тотъ или другой предметъ новымъ свѣтомъ, и слѣдственно статья, относящаяся къ оному, устарѣетъ, чтобы новая статья замѣняла ее, и чтобы собраніе оставалось такимъ образомъ всегда въ усовершенствованіи, всегда рядомъ съ наукой и обществомъ.

Только при сихъ условіяхъ Энциклопедія ученая будетъ истинно полезна, будетъ имѣть великое дѣйствіе въ пользу образованности. Она будетъ, такъ сказать, слѣдовать по теченію образованности, распространяя Науку сообразно требованію и нуждѣ, разливая свѣтъ въ ту сторону, куда обращаются взоры, слу-

жа посредствомъ и связью между людьми, посвящающими всю жизнь свою изученіямъ отдѣльнымъ, и тѣми, которые хотятъ примѣнить оныя, или по крайней мѣрѣ знать слѣдствія оныхъ. Сверхъ того, многіе, по необходимости или по склонности, тщательно занимаясь тѣмъ или другимъ предметомъ, никогда не рѣшились-бы изложить своихъ познаній въ книгѣ; но въ подобное собраніе они охотно внесутъ плоды своихъ размышленій или своей опытности, и слѣдственно идеи, изысканія, которыя можетъ быть погибли-бы невозвратно, или были-бы полезны въ небольшомъ кругу, войдутъ въ обращеніе всеобщее. Такимъ образомъ, по указанію общественныхъ потребностей, по мѣрѣ того, какъ будутъ представляться средства удовлетворять онымъ, Разсужденія будутъ присовокупляться къ Разсужденіямъ; слова, напередъ означенныя въ первоначальной Энциклопедіи требующими болѣе обширныхъ развитій, мало по малу будутъ исчерпаны, и ученая Энциклопедія составится естественно, послѣдовательно, всегда на ряду съ событіями, всегда въ границахъ возможности и своего назначенія.

Трудно означить напередъ и въ общихъ чертахъ, по какому плану должны быть составляемы отдѣльныя сочиненія, которыя надобно

соединишь въ ней. Иное дѣло статьи краткія, поверхностныя, вносимыя въ Энциклопедію первоначальную: ихъ можно, до нѣкоторой степени, отливать въ одну форму, и можно преподать касательно ихъ нѣкоторыя правила, пригодныя всюду; но вмѣстѣ съ развитіемъ усиливаются различности, подобно дѣтямъ, у которыхъ черты бываютъ столь сходны въ колыбели и перестаютъ сходствовать въ извѣстномъ возрастѣ. Могутъ-ли быть приличны одни и тѣ-же правила сочиненія для біографіи, для вопроса изъ Политической Экономіи, и для диссертаціи о какомъ нибудь предметѣ Естествознанія, напримѣръ въ статьяхъ: *Аристотель, Анатомія, Капиталъ, Млекопитающія, Паровая машина?* Иногда предметъ долженъ быть разсматриваемъ болѣе со стороны практической, въ примѣненіяхъ Науки къ обществу; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, должны первенствовать идеи общія и поле принадлежитъ теоріи. Когда предметъ есть біографія великаго человѣка, Платона, Декарта, Кромвеля, Люшера, Сюлли, Боссюэта, то могутъ-ли имѣть какую нибудь цѣну анекдотическія подробности о его жизни или особѣ въ сочиненіи, которое не можетъ собрать ихъ всѣхъ, вполнѣ? Онъ занимаетъ мѣсто въ ученой Энциклопедіи сообразно тому дѣйствію, какое имѣлъ на судьбу народовъ или развитіе человѣческаго ума, и тогда его исторія со-

ставляетъ часть Исторіи Человѣчества. Съ этой точки зрѣнія и въ отношеніи его къ своему вѣку надобно изображать и судить его. Въ Наукахъ Нравственныхъ, напримѣръ въ Психологіи, въ Политической Философіи, и проч., могутъ быть излагаемы одни общія начала, и потому представлять образцы методы, или, если возможно, какіе нибудь новые, приводящіе въ движеніе умъ взгляды на великія задачи Науки, гораздо важнѣе, нежели останавливаться надъ вопросами частными, которые могутъ быть рѣшены только при самыхъ событіяхъ, и которыхъ число всегда превзойдетъ пространство, назначаемое для нихъ. Разсуждаютъ-ли, напротивъ, о какомъ нибудь предметѣ изъ наукъ точныхъ или физическихъ, изъ Механики, Физики, Химіи, Ботаники? Тогда, конечно надобно болѣе держаться примѣненій и употребительныхъ выводовъ Науки, ибо этого будутъ преимущественно искать въ Энциклопедіи; ученые по занятію, или тѣ, кто пускается во всю глубину чистой науки, обращаются къ отдѣльнымъ большимъ сочиненіямъ. Такимъ образомъ, статьи, сообразно свойству предметовъ и потребностей, къ коимъ обращается Энциклопедія, будутъ иногда философическими, иногда практическими; теорія и примѣненіе должны господствовать въ ней попеременно.

Но если непремѣнно надобно дать нѣкоторыя общія правила, коимъ можно было-бы слѣдовать при составленіи сихъ небольшихъ диссертацій, то я скажу, что, мнѣ кажется, въ нихъ желательно было-бы видѣть: 1-е, Исторію предмета, то есть историческій очеркъ идей и событій, относящихся къ оному, дабы читатель зналъ, какъ постепенно раскрывался вопросъ, и какъ образовывалась наука, прежде нежели достигла до него; 2-е, изложеніе настоящаго состоянія свѣдѣній и началъ, утвержденныхъ касательно того предмета, о коемъ идетъ дѣло; изложеніе о томъ собственныхъ идей Автора; 3-е, указаніе на недостатки, еще существующіе, на затрудненія, которыя остается еще разрѣшать, и на желаемые или возможные успѣхи въ будущемъ; 4-е, наконецъ, исчисленіе главнѣйшихъ сочиненій, въ коихъ предметъ сей былъ изслѣдываемъ учеными различныхъ странъ, и краткая оцѣнка достоинства сихъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, что написанныя по сему плану статьи соотвѣтствовали-бы всѣмъ потребностямъ, какія можетъ удовлетворить ученая Энциклопедія.

Впрочемъ, повторяю, что это не иное что какъ темные намеки; страсть преподавать правила примѣняется такъ-же худо къ сочиненію Энциклопедіи, какъ и ко все-

му другому: и здѣсь она безпрерывно неволила бы природу вещей и развитіе умовъ: два могущества, великія послѣдствіями и достойныя уваженія. Назначеніе предметовъ, по своей важности или по требованію публики заслуживающихъ быть изслѣдованными въ ученой Энциклопедіи, и выборъ писателей, способныхъ къ сему изслѣдованію — вотъ отъ чего зависитъ успѣхъ. Въ этомъ случаѣ не льзя указать ни на какія правила.

Я старался измѣрить могущество Энциклопедій, опредѣлить истинное свойство ихъ, вывести изъ сего законы ихъ составленія, и слѣдовалъ въ примѣненіи послѣдствій сихъ законовъ до той точки, гдѣ законодательная предусмотрительность ума останавливается передъ безчисленнымъ разнообразіемъ событій, и не можетъ надѣяться привести ихъ въ правила, ни a priori, ни вообще. Мнѣ кажется, что довольно взглянуть на нынѣшнее состояніе общества во Франціи, дабы удостовѣриться, что оба сочиненія, коихъ планъ изложилъ я, вызываются самыми событіями, и что будучи изобрѣтеніемъ дѣятельности, которая всюду ищетъ себѣ занятія и пищи, они ошибудь не могутъ назваться предпріятіемъ случайнымъ и произвольнымъ, ибо ихъ требуетъ необходимость. Начало или источникъ ихъ не въ

одномъ желаніи просвѣщаться и учиться, всегда сопровождающемъ вѣка, сколько нибудь дѣятельные, и общества, идущія впередъ; они соотвѣтствуютъ потребностямъ, болѣе необходимымъ, болѣе прямымъ: ихъ требуетъ общественное положеніе и нравственное состояніе современниковъ. Нынѣшній составъ общества во Франціи основанъ на существующемъ расположеніи умовъ и утвержденъ на обстоятельствахъ мѣстныхъ. Почти всѣ имѣютъ причину быть довольны справедливостью взаимныхъ отношеній, свободою въ занятіяхъ, и всѣмъ, что окружаетъ путь ихъ жизни. Но этому общественному состоянію не достаетъ чего-то; всѣ чувствуютъ это, всѣ ищутъ, часто сами не зная, что имъ не достаетъ умственнаго состоянія, которое соотвѣтствовало-бы и служило дополненіемъ общественному ихъ состоянію. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Теперь есть множество людей честныхъ, значительныхъ, важныхъ по своему богатству, своей дѣятельности, своей силѣ; но ихъ просвѣщеніе не соотвѣтствуетъ ихъ положенію; ихъ свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ ихъ вліянію, правила поведенію, вѣ-

рованія чувствованіямъ; однимъ словомъ: умственная образованность гораздо ниже образованности общественной. Слѣдственно, успѣхамъ умственной образованности надобно помогать . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . надобно утверждать ту гармонію, которая составляетъ славу и упрочиваетъ спокойствіе общества. Вотъ первая и самая благородная потребность нашей эпохи! Кажется, никто не станетъ оспоривать этого, ибо въ наше время удостовѣрились, что просвѣщеніе есть основа всѣхъ добрыхъ началъ для государства. И какъ все измѣнилось! Различные классы общества находятся нынѣ въ томъ положеніи, которое прилично имъ; это всего лучше доказывается незыблемостью государственнаго тѣла, при всѣхъ, даже неблагопріятныхъ потрясеніяхъ. Нынѣ стремятся къ развитію, къ усовершенствованію нравственнаго быта, ибо онъ хочетъ находиться въ согласіи съ существенностью. Не толпы бѣдныхъ желаютъ просвѣщаться, для того чтобы быть богатыми, а богатые вещественнымъ капиталомъ ищутъ богатства умственнаго. Слѣдственно, въ наше время просвѣщеніе и распространеніе положительныхъ знаній, и полное развитіе умовъ,

не только не могутъ вести къ общественнымъ потрясеніямъ, но, напротивъ, составляютъ элементъ порядка, спокойствія, твердости, служатъ средствомъ къ упроченію, къ пополненію того что есть, и къ незыблемому, правильному употребленію силъ государственныхъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Распространеніе познаній всякаго рода, и всѣ средства ведущія къ сему, между прочимъ и Энциклопедіи, суть потребности мирныя, правильныя: онѣ возвышаются

надъ раздорами партій; онѣ только по мнѣнію безразсудныхъ должны быть оставляемы безъ удовлетворенія. Человѣкъ здравомыслящій не страшится того, въ чемъ видитъ благо.

Съ Французскаго. Б.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

Семейство Холмскихъ.

(Окончаніе).

Пронскій нашелъ Сундукова съ компаніею у воротъ дома. Сундуковъ посмотрѣлъ на него съ явнымъ негодованіемъ, замѣтивъ что на немъ не было звѣзды и ни одного ордена; но ему нѣкогда было долго гнѣваться; почти въ одно время съ Пронскимъ подъѣхала коляска, гдѣ сидѣли Секретарь и каммердинеръ Его Высокопревосходительства. Сундуковъ бросился помогать имъ выходить изъ коляски. Для угощенія каммердинера былъ командированъ Судья, а около Секретаря хлопоталъ самъ хозяинъ. « Скоро-ли будетъ Его Высокопревосходительство? » спросилъ Сундуковъ. — Сей часъ. Мы верстъ за

нишь оставили его. — « Князь Ѳедоръ Александровичъ ! » кричалъ онъ своему зятю. « Скажи дамамъ, чтобы онѣ выходили. »

Между тѣмъ Пронскій отошелъ въ сторону, и вмѣшался въ толпу мѣлочныхъ гостей во фракахъ, которые стояли поодаль. Сундукову нѣкогда было заниматься имъ; все вниманіе его обращено было на Секретаря; притомъ-же торжественная минута прибытія вельможи приближалась; у него сильно билось сердце отъ неизвѣстности, успѣешъ-ли онъ угодить ему.

Пронскій увидѣлъ слѣдующія распоряженія. У воротъ ожидалъ самъ хозяинъ, въ мундирѣ и въ башмакахъ. Его окружали всѣ дворянскіе чиновники и много дворянъ, также въ мундирахъ. Не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи стоялъ оркестръ роговой музыки; подлѣ крыльца, на которое вышли разряженныя, въ бриліантахъ и жемчугахъ, жена и дочери Сундукова, находилась духовая музыка; въ открытыя окна дома видѣнъ былъ оркестръ инструментальной музыки и пѣвчіе; подлѣ воротъ, вдоль забора сада, поставлено было нѣсколько пушекъ; доморощеные артиллеристы стояли съ зажженными фитилями и ожидали только начать канонаду. Вскорѣ прискакалъ человѣкъ, поставленный вѣроятно для того, чтобы дать знать, когда покажется экипажъ въ во-

семь лошадей. За нимъ явился Исправникъ, въ шѣлегѣ, на тройкѣ, весь въ пыли. Сундуковъ бѣгалъ, кричалъ, чтобы всѣ становились по мѣстамъ, и самъ спѣшилъ на свой постъ. Наконецъ прискакалъ откидной дормезъ въ восемь лошадей; кучеръ кричалъ на форейторовъ, чтобы поворачивали во дворъ; но вельможа, увидѣвъ что хозяинъ ожидаетъ его у воротъ, велѣлъ остановиться и вышелъ изъ дормеза. Онъ былъ въ сюртукѣ и фуражкѣ, которую снялъ, и хотѣлъ поцѣловаться съ хозяиномъ; но тотъ, не ожидая такой благосклонности, бросился цѣловать его въ плечо и такъ низко передъ нимъ кланялся, что чуть-чуть не упалъ. Вельможа сухо поклонился прочимъ и вмѣстѣ съ Сундуковымъ пошелъ къ крыльцу. Но лишь только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, раздались звуки роговой музыки, началась пушечная пальба и звонъ въ колокола на колокольнѣ. «Звонятъ въ колокола только для Архіереевъ,» сказалъ ему вельможа съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.—Сегодня, Ваше Высокопревосходительство, былъ благодарственный молебенъ за побѣды нашихъ войскъ, потому звонятъ въ колокола — отвѣчалъ Сундуковъ, который, желая придать болѣе блеску и шуму своему празднику колокольнымъ звономъ, напередъ приготовился къ отвѣту. «А, это дѣло другое!» сказалъ вельможа. На крыльцѣ, при звукѣ духовой

музыки, началъ хозяинъ рекомендовать ему жену, Его Сіятельство зятя своего, и дочерей. Княгиня Прасковья Тимоѳеевна, разумѣется, занимала первое мѣсто; потомъ представилась Полковница Глафира Тимоѳеевна Чадская, и наконецъ дочери, которыя были не за-мужемъ.

Лѣстница была уставлена померанцовыми и лимонными деревьями, устлана краснымъ сукномъ, и по ступенямъ стояли оффиціанты и лакеи, въ богатыхъ ливреяхъ и въ башмакахъ. При входѣ въ залу раздались звуки инструментальной музыки, и хоръ пѣвчихъ торжественно прославилъ добродѣтели знаменитаго посѣтителя. Его Высокопревосходительство изволилъ выслушать пѣніе, и, поблагодаривъ хозяина, просилъ, чтобы онъ показалъ ему комнату, гдѣ-бы ему можно было переодѣться съ дороги. Тотчасъ самъ онъ повелъ его въ великолѣпно убранную комнату, гдѣ камердинеръ уже ожидалъ его. Между тѣмъ дамы сѣли по мѣстамъ въ обширной гостиной, гдѣ уже приготовленъ былъ на длинныхъ столахъ завтракъ. Пѣвчіе и музыканты отправились изъ залы и хозяинъ хлопоталъ, чтобы скорѣе подвезли къ крыльцу экипажъ, въ которомъ Его Высокопревосх. хотѣлъ ѣхать передъ обѣдомъ, обозрѣвать новое устройство его деревни. Пушечная пальба и

колокольный звонъ продолжали оглушать всѣхъ, покамѣстъ самъ вельможа не выслалъ сказать, чтобы перестали. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ закричалъ: шшъ! шшъ! Это значило, что Его Высокопревосх. вышелъ изъ своей комнаты. Онъ былъ въ мундирѣ и звѣздахъ своихъ. Сундуковъ, кланяясь ему униженно, просилъ его сдѣлать милость пожаловать въ гостиную; всѣ дамы тотчасъ встали и присѣли передъ нимъ; онъ вѣжливо поклонился и просилъ ихъ садиться. Одна хозяйка, бывшая Княжна, осмѣлилась начать говорить съ нимъ, прося его что нибудь закусить. Онъ подошелъ къ столу, выпилъ водки, и взялъ кусокъ хлѣба и сыру; тогда началось представленіе, прежде почетныхъ дворянъ уѣзда, потомъ чиновниковъ.

. . . . . .

«Позвольте представить вамъ, Ваше Высокопревосх.,» сказалъ Сундуковъ, «почтеннаго нашего дворянина, Г. Коллежскаго Совѣтника Савелья Петровича Рифенашова.» Толстая фигура, съ большимъ орлинымъ носомъ, который почти касался до губъ, съ одутлыми щеками и выкученными глазами, въ мишурскомъ мундирѣ стариннаго покроя, и съ большимъ Анненскимъ крестомъ прежней формы на шеѣ, переваливаясь подошла къ Его Высокопревосходительству и низко поклонилась. — Очень радъ познакомиться съ вами — сказалъ вельможа. — Гдѣ вы

служили? — «Прежде въ Коммерцъ-Коллегіи, а послѣ при таможняхъ,» отвѣчала фигура густымъ басомъ. — Что, имѣніе у васъ родовое, или купленное въ здѣшнемъ уѣздѣ? — «Благопріобрѣтенное, Ваше Высокопревосходительство, на имя жены моей.» — А! понимаю; очень хорошо — прибавилъ вельможа и отвернулся отъ него. За нимъ слѣдовалъ маленькій, худощавый человѣчекъ, замка, въ старинномъ гвардейскомъ мундирѣ. «Вотъ изъ лучшихъ и богатыхъ нашихъ помѣщиковъ, отставной Гвардіи Штабсъ-Капитанъ Сергѣй Аркадьичъ Пустельгинъ.» — А! на васъ такой-же мундиръ, какой и я довольно долго носилъ — сказалъ вельможа. — И я служилъ въ этомъ-же полку. Давно-ли вы въ отставкѣ? — Пустельгинъ хотѣлъ тотчасъ отвѣчать, замялся и покамѣстъ еще представљяли двухъ или трехъ дворянъ, не могъ ничего выговорить; наконецъ, къ общему всѣхъ удивленію, вдругъ вскрикнулъ: 20-ть лѣтъ! Его Высокопревосходительство закусилъ себѣ губы, чтобы не засмѣяться, но Княгиня Прасковья Тимоѳеевна, дочь Сундукова, дама веселаго характера, которая и прежде смѣялась и ненавидѣла Пустельгина за то, что отецъ принудилъ было ее выдти за него за-мужъ, захохотала во все горло и по знаку отца спѣшила уйдти въ другую комнату.

После рекомендаціи дворянъ, которые были всѣ въ мундирахъ, (а во фракѣ ни одного не осмѣлился Сундуковъ подвесть къ Его Высокопревосх.), началось представленіе дворянскихъ чиновниковъ. «Имѣю честь представить Вашему Высокопревосх.» — продолжалъ хозяинъ — «Уѣзднаго Судью нашего Г. Кривотолкова: очень хорошій человѣкъ, смѣю вамъ рекомендовать его. Вотъ Гг. Засѣдатели Лѣнтягинъ и Бульбулькинъ. Пожалуйте, извольте подойдти сюда, господа,» сказалъ Сундуковъ вызывая ихъ впередъ. Судья, съ большимъ брюхомъ, съ багровымъ лакомъ на лицѣ, въ старинномъ армейскомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ; Лѣнтягинъ, высокій ростомъ и также весьма дебелый и плотный, и Бульбулькинъ въ милиціонномъ мундирѣ, который отъ толстоты его не могъ уже застегиваться, и съ лицомъ весьма раскраснѣвшимся, потому что онъ нѣсколько разъ въ продолженіе утра прикладывался къ штофу съ ерофеичемъ, стоявшимъ вмѣстѣ съ закускою въ нижнемъ этажѣ для гостей такого разбора — всѣ они, выпянувшись и сдѣлавъ низкіе поклоны, предстали предъ лицо Его Высокопревосх.— А! это Гг. чиновники Уѣзднаго Суда. Смотрите, сохрани васъ Богъ, ежели я найду у васъ такой-же безпорядокъ и такую-же мерзость, какъ у вашихъ сосѣдей въ Е... уѣздѣ. Они меня вывели изъ всякаго терпѣнія и будутъ

примѣрно наказаны. — «Мы надѣемся, что Ваше Высокопревосх. будете довольны нашимъ городомъ,» сказалъ Сундуковъ, а Судья и Засѣдатели низко кланялись. «Вотъ нашъ Г. Исправникъ Обираловъ,» продолжалъ онъ, взявъ его за руку и представляя весьма плушовскую, блѣдную фигуру. «Рекомендую его Вашему Высокопревосх. и смѣло могу сослаться на всѣхъ господъ дворянъ, что мы всѣ имъ очень довольны. Не правда-ли, господа?» сказалъ Сундуковъ, обращаясь къ дворянамъ, стоявшимъ въ безмолвіи у дверей; они вмѣсто отвѣта кланялись. — Очень радъ слышать такой отзывъ объ васъ — продолжалъ вельможа, намазывая масло на кусокъ хлѣба. — А я хотѣлъ было съ вами поссориться: дорога вездѣ порядочная, только на одномъ мосту меня толкнуло. Какъ вы не осмотрѣли и не поправили этого толчка? — «Сознаюсь въ винѣ моей, В. В., и прошу великодушнаго прощенія,» отвѣчалъ съ подобострастіемъ Исправникъ. «Причина тому та, что я пекусь о благосостояніи поселянъ; теперь рабочая пора и я пощадилъ ихъ.» — Какъ, М. Г.! вы говорите неправду. Не далѣе какъ на послѣдней станціи, въ однодворческомъ селѣ, гдѣ перемѣняли мнѣ лошадей, подана жалоба на васъ, что вы всѣхъ выслали поголовно на большую дорогу, и собирали, будто-бы для моего проѣзда, по 100 лошадей, когда мнѣ

всего нужно только 20-ть. — «Клевета, Ваше Высокопревосх., сущая ложь!» продолжалъ Исправникъ, стараясь скрыть свое замѣшательство. — Мы посмотримъ; я велѣлъ написать бумагу къ Г. Предводителю, нашему почтенному хозяину, Тимоѳею Игнатьевичу, чтобы онъ сдѣлалъ слѣдствіе по этой жалобѣ. — «Повѣрьте, В. Высокопр., что слѣдствіе будетъ произведено съ безпристрастіемъ,» отвѣчалъ Сундуковъ. «Только я напередъ осмѣливаюсь доложить, что просьба несправедлива; я самъ наблюдаю за тѣмъ, чтобы поселянамъ не было никакихъ притѣсненій; какъ-же бы мнѣ не знать, что Исправникъ позволилъ себѣ выгонять всѣхъ поголовно въ рабочую пору? Вѣрно подана вамъ просьба въ однодворческомъ селѣ Разграбленномъ?» продолжалъ онъ. «Тамъ волостной писарь, мѣщанинъ Правдухинъ, извѣстный ябедникъ и клевешникъ; я уже давно его замѣтилъ: онъ вѣрно написалъ эту пустую просьбу.» — Ежели такъ — отвѣчалъ вельможа — то и слѣдствія производить не надобно, а прикажите посадить этого писаря въ шурьму на мѣсяцъ, на хлѣбъ и воду, чтобы онъ впредь не осмѣливался писать несправедливыхъ и вздорныхъ жалобъ.

«Бездѣльники, безсовѣстные, безбожные бездѣльники!» сказалъ потихоньку одинъ пожи-

лой помѣщикъ, Кондратій Ивановичъ Вспышкинъ, стоявшій сзади всѣхъ подлѣ Пронскаго, обращаясь къ сосѣду своему, также помѣщику, Андрею Васильевичу Лужницкому. — Да! — отвѣчалъ тотъ — Бога не боишся грабишь, обижашь и потомъ наказывашь невиннаго человѣка, который осмѣлился возвысить свой голосъ и искать правосудія. — « А мы дворяне! Въ нашихъ глазахъ совершаются такія беззаконія, и мы молчимъ! » продолжалъ Вспышкинъ, возвысивъ нѣсколько голосъ. — Шшъ! тише, тише! отвѣчалъ Лужницкій. Что ты будешь говорить и къ чему все это приведетъ? Тебя-же назовутъ либераломъ и безпокойнымъ человѣкомъ. Ты знаешь, кажется, уже по опыту, каковъ общій нашъ другъ и представитель нашего сословія, Тимоѳей Игнатьевичъ; онъ вѣкъ не забудетъ и станетъ мстить тебѣ, ежели ты осмѣлишься сказать что нибудь противъ него. Терпи и молчи: стѣну лбомъ не пробьешь, говоритъ пословица. Вспышкинъ, покраснѣвъ весь отъ досады и нетерпѣнія, отошелъ отъ него и сѣлъ въ отдаленномъ углу комнаты, подлѣ окна.

« А давно-ли онъ Исправникомъ? » продолжалъ вельможа, обращаясь къ Сундукову.—Уже четвертый выборъ, и я осмѣлюсь доложить В. Высокопр., что мы всѣ имъ довольны; такого

Исправника еще у насъ не бывало. — «Ежели такъ, то можно и къ награжденію его представить; не забудьте мнѣ напомнить объ немъ.» —Слушаю, В. Высокопревосходительство — отвѣчалъ Сундуковъ, низко кланяясь.—Благодари, Карпъ Аншоновичъ, Его Высокопр. за милостивое расположеніе къ тебѣ. — И Карпъ Аншоновичъ такъ низко поклонился, что чуть не ударился лбомъ о паркетъ. «А лучше всего, чтобы не забыть, Тимоѳей Игнатьевичъ, дай записку объ немъ моему Секретарю Ивану Ѳомичу.» — Слушаю, Ваше Высокопр. — и опять возобновились поклоны его и Исправника. — Но не угодно-ли будетъ Вашему Высокопр. поѣхать, осмотрѣть новое устройство моей деревни? Вы хотѣли сдѣлать мнѣ эту милость. Экипажъ уже давно готовъ. — «Хорошо, поѣдемъ покамѣстъ до обѣда. Велите подать мою фуражку.» Исправникъ, Судья и нѣсколько дворянъ бросились исполнить его приказаніе, но Сундуковъ выхватилъ ее изъ рукъ другихъ и торжественно поднесъ ему. Въ продолженіе всей сцены сихъ разнообразныхъ рекомендацій, Пронскому нѣсколько разъ приходили въ голову извѣстные стихи Грессета: « Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes » (Какъ низки покровительствуемые, и какъ глупы покровители)!

Его Высокопревосходительство, вмѣстѣ съ хозяиномъ, сѣлъ въ коляску, запряженную въ шесть прекрасныхъ вороныхъ лошадей, съ двумя форейторами; два высокіе лакея въ новой красной ливреѣ, залитой золотомъ, стали сзади. Исправникъ, которому что-то Его Высокопр. приказывалъ, бѣжалъ долго у колеса безъ шляпы. Для прочихъ гостей приготовлено было нѣсколько длинныхъ дрожекъ, на которыхъ могло помѣститься человѣкъ по 15-ти на каждыя: въ числѣ прочихъ сѣлъ и Пронскій. Всѣ отправились за коляскою, и по прекрасному и гладкому шоссе подъѣхали прежде къ башнѣ, стоявшей среди площади. Осмотръ начался съ главной вотчинной конторы. Сундуковъ, зная чѣмъ болѣе понравиться своему посѣтителю, убралъ комнаты, гдѣ находилась контора, роскошно и со вкусомъ. Стѣны и потолокъ были раскрашены, полъ паркетъ, на окнахъ висѣли шторы и гардины. Нѣсколько писарей хорошей наружности, прекрасно одѣтыхъ, сидѣли за письменными столами краснаго дерева, которые были покрыты зеленымъ сукномъ. Въ углу стояли дорогіе стѣнные часы; въ шкафахъ краснаго дерева за стеклами разложены были по годамъ бумаги. Словомъ, все находилось въ такомъ опрятномъ порядкѣ и чистотѣ, что Его Высокопр. былъ въ полномъ восторгѣ. Оттуда пошли смотрѣть хлѣбный магазейнъ и пожарные инстру-

менны. Но Пронскій оставилъ компанію, отправился къ крестьянамъ, которые въ сапогахъ, синихъ кафтанахъ, держа въ рукахъ хорошія, новыя шляпы, стояли каждый у воротъ своего дома.

«Какъ у васъ все хорошо!» сказалъ онъ, обращаясь къ одному старичку. «Какое изобиліе во всемъ! какъ вы славно одѣты? какой добрый баринъ у васъ! Это отецъ, а не помѣщикъ. Вы должны безпрестанно Богу молиться за него. Я еще отъ роду лучше этого ничего не видывалъ.» — Отецъ.... — отвѣчалъ старикъ, сквозь зубы, унылымъ голосомъ.—Чинимъ мы ему молитвы! Чтобы ему ни дна, ни покрышки не было! Раззорилъ насъ до корня, измучилъ поголовною работою; мы изъ зажиточныхъ крестьянъ, покамѣстъ за грѣхи наши ему не попались, пришли теперь, что называется, въ конецъ. — «Какъ-же ты раззоренъ? На тебѣ сапоги, синій прекрасный кафтанъ и новая шляпа...» — Нѣтъ-то это мое? Все барское. Вотъ какъ вы только уѣдете, все неси назадъ въ *гамазею*; а ежели кто, упаси Боже, изодралъ или измаралъ, то такъ еще спину нагрѣютъ, что ничему не будешь радъ. Дома наши тебѣ, баринъ, нравятся; но пословица говоритъ: не красна изба углами, а красна пирогами. Да и дома-то это не наши; мы въ нихъ никогда не живемъ; выго-

няютъ насъ сюда только на-показъ, на время; а ежели хочешь посмотрѣть, то пройди въ низенькую калитку черезъ дворъ: тамъ увидишь наши хаты и посмотришь наше житье-бытье. Бабы мои, я чаю, обѣдаютъ. Насъ выслали съ утренней зари и велѣли стоять у воротъ. Бабы проголодались и пошли поѣсть, а я умираю съ голоду, но не смѣю отойдти. Не посмотришь, что я старъ: прикащикъ такой озорникъ, такой нехристь, что изуродуетъ на вѣкъ.

Пронскій отправился посмотрѣть въ настоящемъ видѣ житье крестьянъ, у *отца*-помѣщика, у котораго повсюду видно было изобиліе и столь отличный порядокъ. Онъ прошелъ черезъ калитку въ огородъ, и увидѣлъ подъ горою полуразвалившуюся черную избу, крытую соломою, въ которой нашелъ всю семью за обѣдомъ. Въ числѣ ихъ увидѣлъ двухъ бабъ и одного мальчика и дѣвочку, одѣтыхъ въ праздничныя чистыя платья. Они по видимому снѣшили ѣсть, чтобы поскорѣй поспѣть къ своему мѣсту. Прочіе были въ изодранныхъ, запачканныхъ рубашкахъ, отвратительной нечистоты, и босикомъ. Пустые щи и блюдо вареной картофелю составляли весь обѣдъ ихъ. Хлѣбъ былъ пополамъ съ мякиною, и даже, какъ замѣтилъ Пронскій, въ соли имѣли большой недостатокъ. Старуха

бабушка, вѣроятно жена старика, съ которымъ онъ говорилъ, держала подлѣ себя въ вешонкѣ немного соли, и маленькими щепотками отдѣляла всѣхъ. На столѣ стояло ведро воды, изъ котораго черпали и пили ковшиками. Всѣ удивились входу Пронскаго и хотѣли встать. «Не вставайте! не вставайте!» сказалъ онъ. «Хлѣбъ да соль! кушайте на здоровье! Я такъ, нечаянно зашелъ къ вамъ.» — А ты что, кормилецъ, видно холопъ пріѣзжихъ господъ? — « Да, голубушка, я лакей.»— Какой-то, вишь, *Ендаралъ* пріѣхалъ къ нашему барину, и весь въ звѣздахъ; посмотрѣла-бы я на него, что это за *Ендаралы* такіе. — « Да кто-жь тебѣ мѣшаетъ? Выдь на улицу: онъ сей часъ здѣсь проѣдетъ.» — Да поди-ка ты! Покажись только при немъ на улицѣ въ этомъ зипунѣ, такъ изуродуютъ, что не скоро забудешь. — Пронскій съ состраданіемъ смотрѣлъ на нихъ. «Скажи, старушка: неужели у васъ и квасу нѣтъ, что вы воду пьете?«— Вишь ты какой! да ошкуда взять квасу? Мы и хлѣбъ пополамъ съ макиною ѣдимъ.... Да что вы, молодицы, такъ тутъ замѣшкались? Послѣ поѣдите; ступайте-ка, ступайте; того и гляди, что за васъ еще старика моего побьютъ.—Пронскій вынулъ десятирублевую ассигнацію и подалъ старушкѣ. «На, тебѣ, бабушка! Купи соли, да чистой хорошей муки, на хлѣбъ и на квасъ.» Старуха смотрѣла на него,

выпучивъ глаза, и отъ удивленія не знала, что́ отвѣчать. Съ стѣсненнымъ сердцемъ вышелъ онъ изъ избы.

У воротъ нашелъ онъ того-же старика, сильно атакованнаго молодымъ парнемъ, десятскимъ, который хотѣлъ его бить за то, что бабъ и ребятишекъ нѣтъ. «Э, полно, Сидорка, лаяться-то!» отвѣчалъ старикъ. «И безъ тебя тошно. Съ утра маковой росинки во рту не было, а ты еще ругаешься. Довольно и одной собаки прикащика, а тебѣ-бы не кстати бранить старика и дядю. Бабы проголодались и пошли поѣсть; за-разъ будутъ назадъ.» — Да не льзя-же; самъ ты вѣдаешь, коли прикащикъ увидитъ, что ихъ нѣтъ, то мнѣ-же достанется. Но, постой, я побѣгу позову ихъ. Еще демонъ нашъ (такъ называли они своего помѣщика) во дворѣ у дѣдушки Кузьмы; вѣстимо бабы твои и ребятишки успѣютъ подойдти.— Онѣ въ самомъ дѣлѣ пришли въ это время, и десятскій отправился далѣе.

Пронскій, не бывъ ни кѣмъ замѣченъ, присоединился къ компаніи, и вмѣстѣ съ прочими ходилъ по крестьянскимъ домамъ. Вездѣ была необыкновенная чистота: все было прибрано и на мѣстѣ; каменныя тарелки, чашки, ложки, лежали въ порядкѣ въ шкафахъ; полы, лавки, столы, все было вымыто и вычищено. Въ нѣкоторыхъ

домахъ нашли они какъ будто приготовленные обѣды. Сундуковъ увѣрялъ, что хозяева недавно возвратились съ работы, и привлеченные любопытствомъ видѣть Его Высокопр. не успѣли отобѣдать. Хорошо выпеченный хлѣбъ, жирные щи съ ветчиною, жареная курица, ушка, или поросенокъ и пшенная каша съ масломъ, споя-ли на столѣ для *ѣды* крестьянъ; вкусный квасъ, въ бѣлыхъ глиняныхъ кувшинахъ, *готовъ былъ утолять ихъ жажду*. Самъ Его Высокопр. все отвѣдывалъ и находилъ прекраснымъ. — Вообразите—сказалъ Пронскому на ухо тотъ-же пожилой дворянинъ Лужницкій, который удержалъ восклицаніе сосѣда своего Вспышкина, при разсказѣ Сундукова о доблестяхъ Исправника—вотъ этотъ жареный поросенокъ весьма мнѣ знакомъ. Въ пяти или шести домахъ вижу я его; онъ очень проворно и искусно перебѣгаетъ; мы вѣроятно еще встрѣтимся съ нимъ; я нарочно для замѣтки оторвалъ ему ухо.— Пронскій горько улыбнулся и не отвѣчалъ ничего. Ему извѣстно было, чѣмъ и какъ питаются благополучные крестьяне Сундукова.

« Ну что, ребята? » сказалъ вельможа, обращаясь къ нѣкоторымъ крестьянамъ. « Вѣдь вамъ гораздо лучше и покойнѣе жить въ чистыхъ бѣлыхъ домахъ, чѣмъ въ прежнихъ черныхъ избахъ вашихъ? » — Какъ-же, кормилецъ, Ваше Прево-

ходительство, вѣстимо лучше — отвѣчали они съ низкими поклонами по знаку помѣщика. «Я вижу у васъ во всемъ такое изобиліе и довольство; вы должны Бога молить; у васъ не баринъ, а отецъ.» — Такъ, Ваше *Происходительство*, много довольны его милостію: не баринъ, а отецъ. — «Вошъ, господа!» продолжалъ вельможа, относясь къ дворянамъ, «вамъ-бы всѣмъ должно брать примѣръ съ Тимоѳея Игнатьевича, и устроить въ своихъ деревняхъ такой-же порядокъ. Очень, очень все хорошо и превзошло мое ожиданіе, почтенный нашъ хозяинъ! Я поставлю себѣ долгомъ представить объ васъ, какъ о благомыслящемъ помѣщикѣ, дѣлающемъ честь своему сословію!» — прибавилъ онъ, садясь въ коляску, и Тимоѳей Игнатьевичъ, отпустивъ нѣсколько пренизкихъ поклоновъ, сѣлъ подлѣ него. «У меня память не хороша,» сказалъ онъ, оставшись съ нимъ наединѣ въ колескѣ — «скажите моему Секретарю, чтобы онъ напомнилъ мнѣ.» Сундуковъ, зная, что̀ значитъ это *напамятованіе*, не сомнѣвался уже послѣ того, что онъ будетъ представленъ къ награжденію.

Пронекій остался нарочно изъ любопытства въ деревнѣ, чтобы посмотрѣть дальнѣйшія распоряженія послѣ *показа*. Приказчикъ съ старостою и десятскими ходили по дворамъ, отби-

рали ошъ всѣхъ *показныя* плашья, сапоги и шляпы, осматривали и складывали на особыя подводы. Нѣкоторые крестьяне, имѣвшіе несчастіе замарать или прорвать кафшаны, шушъ-же на мѣсшѣ были прибишы пракашникомъ, а одному сверхъ побой объявлено, чшобы онъ къ вечеру привелъ корову свою на господскій дворъ, за шо, чшо нашлось большое дегшярное пяшно на его кафшанѣ. Кушанье, посшавленное *на показъ* въ нѣкоторыхъ домахъ, шакже отбиралось, и было отправляемо въ засшольную, для госшиныхъ людей.

Потомъ пошелъ нарядъ въ городъ, въ барскую больницу. Человѣкъ сорокъ *здоровыхъ больныхъ* назначены были на сію продѣлку. Всякому изъ нихъ прикашикъ объявлялъ его ролю. «Смошрише-же: не забывайше!» восклицалъ онъ. «Ты, Архипка, долженъ совсѣмъ лечь въ посшелю, надѣшь калпакъ, закрышься одѣяломъ и не говоришь ни слова: шы боленъ горячкою. Ты, Евсшрашка, долженъ подвязашь руку: шы порубилъ ее нечаянно шопоромъ. У шебя, Лозушка, бываешъ лихоманка черезъ два дня. Ты, Евсшашка, возьми косшыль: шы упалъ съ возу и разшибъ себѣ ногу.» Такимъ образомъ всѣмъ имъ объяснилъ онъ ихъ роли, съ наисшрожайшимъ подшвержденіемъ не забывашь, кому чшо говоришь, и ношчасъ ѣхашь въ городъ, въ больницу.

Послѣ сего прикащикъ отправился домой, а Пронскій еще прошелъ по деревнѣ, и слышалъ, что крестьяне разсуждали между собою. Ежели-бъ *добрый отецъ-помѣщикъ* зналъ, какъ они благословляли его имя и какія читали ему похвалы!!!

Пронскій возвратился передъ самымъ обѣдомъ. Столъ накрытъ былъ человѣкъ на 70-ть. Большія серебряныя суповыя чаши стояли по концамъ; въ срединѣ помѣщены были бронзовые дорогіе канделабры, съ приготовленными свѣчами, которыхъ по лѣтнему тогдашнему времени никакой не было нужды зажигать; но Сундуковъ видалъ это за большими обѣдами въ Петербургѣ и Москвѣ; притомъ, когда-же удобнѣе и приличнѣе ему было показать ихъ и блеснуть своими дорогими бронзами? Подлѣ нихъ и вдоль стола, между хрустальными тарелками и чашами съ фруктами, конфектами и вареньемъ, стояли прекрасныя фарфоровыя вазы съ цвѣтами; на срединѣ стола помѣщено было большое померанцевое дерево. Словомъ: такъ все было убрано и украшено, какъ для свадебнаго пиршества. Для Его Высокопревосходительства приготовлено было особое почетное мѣсто; приборъ поставленъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ. Золотыя: ложка, вилка и ножикъ положены были для него, и къ его мѣсту при-

двинуты большія кресла, обитыя бархатомъ. Сундуковъ самъ вездѣ бѣгалъ, суетился, осматривалъ, и когда все было готово, доложилъ Его Высокопревосходительству. Онъ подалъ руку старушкѣ, матери хозяина; сынъ насилу могъ уговорить ее снять платокъ, который она всегда носила на головѣ, и для такого торжественнаго дня надѣть чепчикъ.

Когда Его Высокопревосх. занялъ свое мѣсто, то и всѣ прочіе осмѣлились сѣсть: дамы помѣстились по обѣимъ сторонамъ, вблизи его; мужчины по чинамъ и старшинству сѣли далѣе. Сундуковъ, размѣщая гостей своихъ, наконецъ замѣтилъ Пронскаго и просилъ его занять мѣсто выше; онъ поблагодарилъ и сѣлъ ниже всѣхъ, напротивъ героя праздника, чтобы имѣть возможность видѣть, что еще будетъ далѣе. Хозяину неизвѣстно было, что Пронскій знакомъ съ Его Высокопревосх. Какимъ образомъ, думалъ онъ, посадить *фрачника*, на которомъ не было никакого знака отличія, выше прочихъ? Онъ не настаивалъ и былъ очень радъ, что Пронскій сѣлъ на концѣ. Честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ, думалъ Сундуковъ; а самое главное: ему нѣкогда было занимашься Пронскимъ: все вниманіе его устремлено было на то, чтобы угостить Его Высокопревосх. и сохранить должный порядокъ въ подаваніи кушанья и винъ.

Лишь только всѣ помѣстились, раздались звуки инструментальной музыки и хоръ воспѣлъ новое прославленіе доблестей Его Высокопревосх. Не всѣ слова можно было понять, однакожъ Пронскій слышалъ: *отецъ, вѣнецъ, сердецъ*. Послѣ сего одна доморощеная пѣвица, у которой былъ довольно громкій и звонкій, но не обрабошанный голосъ, запѣла соло, арію изъ Русалки: *Придн въ чертогъ ко мнѣ златой, придн, о Князь мой дорогой!* Капельмейстеръ думалъ, что приличнѣе этой аріи ничего быть не можетъ. *Князь*, разумѣется, вельможа, а чертогъ златой домъ его помѣщика, гдѣ онъ угощаетъ Его Высокопревосх. Пѣвица отпускала при этомъ такія чудесныя рулады, что Пронскій насилу могъ держаться отъ смѣха; замѣтно было, что и Его Высокопревосх. съ трудомъ сохранялъ свою важность. Между тѣмъ хозяинъ не садился за столъ, стоялъ почти безотлучно при вельможѣ, и при всякомъ блюдѣ низко кланялся, съ просьбою покушать. Украшеніе обѣда былъ ужасной величины осетръ: четыре человѣка съ трудомъ носили его кругомъ стола; на немъ основывалъ Сундуковъ всю надежду свою, и торжественная улыбка показалась на лицѣ его, когда осетръ явился въ залу и Его Высокопревосходительство изволилъ сказать, что онъ никогда такой величины не видывалъ. Тутъ сердце Сундукова

успокоилось, и онъ на нѣкоторое время отлучился, чтобы поѣсть чего нибудь, и узнать, все-ли готово и ждетъ-ли на назначенномъ мѣстѣ человѣкъ пустить ракету, для возвѣщенія о пушечной пальбѣ, когда какъ будутъ пить здоровье знаменитаго посѣтителя.

Въ продолженіе сего времени, изъ вѣжливости, Его Высокопревосх. изволилъ вступить въ разговоръ съ сидѣвшею близъ него старушкою, матерью хозяина. «Какой добрый и почтенный человѣкъ вашъ Тимоѳей Игнатьевичъ!» сказалъ онъ. «Въ какомъ у него все порядкѣ! Ваше родительское сердце должно радоваться, смотря на него.» — Да, батюшка, Ваше Высокое-превосходительство, много всѣмъ довольна, по милости Божіей.—«У васъ есть еще дѣти? Всѣ они пристроены? и всѣ такъ-же хорошо живутъ, какъ Тимоѳей Игнатьевичъ?» — Такъ, Ваше Высокое-Превосх., всѣ пристроены, дочки замужемъ, сынки поженились.—«Такого примѣрнаго согласія, какъ въ вашемъ семействѣ, рѣдко найдти можно; все это вамъ дѣлаетъ честь, вы такъ хорошо воспитали дѣтей,» прибавилъ Его Высокопревос., хотя онъ зналъ, что почтенный Тимоѳей Игнатьевичъ обидѣлъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, присвоилъ себѣ большую часть отцовскаго капитала, покупкою на свое имя значительнаго имѣнія, и потомъ, по смер-

ши отца, вошелъ въ участіе во всемъ, что послѣ него осталось. Ему извѣстно было, что онъ въ явной враждѣ со всѣми родными, и что даже самой маменькѣ бываетъ иногда худое житье отъ него, особенно-же гдѣ коснется до интереса. Все это зналъ Его Высокопревосх.; «но даръ слова данъ человѣку за тѣмъ, чтобы «не говорить правды и скрывать, что онъ думаетъ,» сказалъ извѣстный Министръ покойнаго Наполеона. Сиарушка Лукерья Ильинишна, мать Сундукова, не знала сего прекраснаго правила, и, можетъ быть, выболтала-бы все, что у нея было на сердцѣ, ежели-бъ разговоръ ея съ вельможею не былъ прерванъ. Приближалась важная эпоха: питье за здоровье Его Высокопревосходительства. Хозяинъ подошелъ къ нему; у всѣхъ гостей были налиты бокалы Шампанскимъ; по данному знаку всѣ встали, поклонились ему и выпили за его здоровье. Въ тоже время пущена была ракета, началась сильная и продолжительная пальба изъ пушекъ; трубы, валторны и литавры заиграли туши; потомъ хоръ пѣвчихъ воспѣлъ аллегро: новое *прославимъ, прославимъ*. Его Высокопрев. самъ изволилъ подняться съ своихъ креселъ, и гости опять встали; онъ благодарилъ и на всѣ стороны раскланивался съ милостивою улыбкою. Когда все успокоилось, и доморощеная пѣвица вновь пропѣла съ такимъ-же искусствомъ арію

Зломѣки, изъ Оперы: *Илья богатырь*, съ аккомпанированіемъ всего хора, Его Высокопревосходительство, взявъ недопитый свой бокалъ Шампанскаго, опять приподнялся съ своего мѣста, сказавъ: «За здоровье хозяина и всего почтеннаго его семейства!» Жена и дочери Сундукова низко присѣдали ему; но старушка Лукерья Ильинишна, маменька его, оглушенная пальбою и лишаврами, не вслушалась, о чемъ дѣло, и покойно сидѣла. Съ негодованіемъ подбѣжалъ къ ней сынъ и толкая ее подъ бокъ сказалъ, чтобы она встала и кланялась Его Высокопревосх. Въ то-же время выхватилъ онъ за руку изъ-за стола зятя своего, Князя Буасекова, и подошедши вмѣстѣ съ нимъ къ вельможѣ, кланялись и благодарили. Сундуковъ былъ въ полномъ восхищеніи, что Его Высокопрев. столь торжественно и въ столь многочисленномъ обществѣ удостоилъ выпить его здоровье; онъ бросился цѣловать его въ плечо.

Наконецъ обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился. Его Высокопревосх. повелъ опять Лукерью Ильинишну въ гостиную. Тотчасъ подали кофе, и сама хозяйка, жена Сундукова, зная, что вельможа любитъ и привыкъ курить послѣ обѣда, поднесла ему трубку его, а дочь ея, Княгиня Прасковья Тимоѳеевна, восковую свѣчку, чтобы раскурить. Онъ долго не

соглашался, говоря, что ему совѣстно безпокоить дамъ; но онѣ всѣ молча присѣдали передъ нимъ и не смѣли садиться прежде его. Онъ закурилъ трубку, на диванѣ, и поставилъ подлѣ себя чашку съ кофеемъ; въ это время и дамы заняли мѣста свои; но мужчины всѣ стояли въ молчаніи подлѣ дверей. Пронскій продолжалъ свои наблюденія, находясь сзади всѣхъ. Къ нему подошелъ опять тотъ-же помѣщикъ Лужницкій, и показывая на осташки обѣда въ залѣ, сказалъ: «Вы вѣрно хорошо покушали, а я такъ совсѣмъ напрошивъ: мнѣ недосталось мѣста за большимъ столомъ; а въ нижнемъ этажѣ, гдѣ было приготовлено для нашей братьи мѣлкопомѣстныхъ, ничего почти не подавали. Весьма не много доходило съ вашего стола до насъ; всѣ блюда послѣ васъ носили прежде къ каммердинеру Его Высокопревосх., потомъ къ собственному его кучеру и лакеямъ, а что уже отъ нихъ оставалось, подавали намъ, и то не все, а чѣмъ угодно было пожаловать столовому дворецкому. А насъ внизу было человѣкъ тридцать: вы можете вообразить, какъ мы хорошо накормлены. Я такъ голоденъ, что съ удовольствіемъ-бы поѣхалъ домой ѣсть свои щи, да не смѣю.» — Какъ не смѣешь? — отвѣчалъ Пронскій. — Кто вамъ можетъ запретить? — «Да, сохрани Богъ, еще какъ нибудь вспомнитъ и хватится меня хозяинъ! Съ нимъ послѣ

вѣкъ не раздѣлаешься.» — Помилуйте! чего вамъ бояться? Вы не столько такой-же дворянинъ какъ онъ, но вѣрно лучше его. Я слышалъ: есть еще старики, которые помнятъ отца его цѣловальникомъ. — « Я самъ это помню, и видалъ теперешняго почтеннаго представителя нашего сословія, Тимофея Игнатьевича, обстриженнаго въ кружокъ, въ одной рубашкѣ и босикомъ, играющаго съ деревенскими мальчишками въ томъ селѣ, гдѣ отецъ его былъ цѣловальникомъ. Но времена перемѣнились; теперь онъ знатный баринъ, первый въ нашемъ уѣздѣ; онъ способенъ разсердишься за всякій вздоръ, а что онъ злопамятенъ и мстителенъ, я къ несчастію знаю по опыту. Только недавно, слава Богу, мы кое-какъ помирились и опять сошлись съ нимъ, а то приходило-было мнѣ очень жутко. Не мудрено нашего брата бѣднаго дворянина притѣснить и разорить. »

Между тѣмъ Его Высокопревосх. отказался отъ партіи въ висть, для него составленной, и, сидя на диванѣ, преважно изволилъ курить трубку, и, бесѣдуя съ хозяйкою, пускалъ дымъ прямо ей въ носъ. Онъ говорилъ съ нею о Москвѣ, гдѣ она родилась и до замужества жила безвыѣздно; разсказывалъ объ отцѣ ея Князѣ Развратовѣ, съ которымъ они служили вмѣстѣ въ Гвардіи и много дѣлали проказъ въ своей

молодости. Сундуковъ съ удовольствіемъ слушалъ разсказы его и внутренно радовался, что онъ имѣетъ честь принадлежать къ такому семейству, которое извѣстно Его Высокопр., кстати улыбался и изрѣдка осмѣливался вмѣшиваться въ разговоръ.

Вельможа сказалъ хозяину, чтобы онъ познакомилъ его съ дочерьми своими. Тотчасъ *Княгиня* Прасковья Тимоѳеевна Буасекова и *Полковница* Глафира Тимоѳеевна Чадская, были вновь подведены къ Его Высокопр., и рекомендованы отцемъ, а меньшія дочери, которыя еще не были за-мужемъ, никакъ не отважились подойдти вмѣстѣ съ сестрами. Вельможа просилъ ихъ сѣсть подлѣ себя и обратился съ разговорами къ нимъ: онѣ, въ особенности-же Глафира, были не застѣнчивы и умѣли поддержать бесѣду съ нимъ. «Вашего Князя я имѣлъ честь видѣть; а гдѣ-же вашъ супругъ?»—спросилъ онъ у Глафиры. Сундуковъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы очернить и оклеветать Чадскаго, разсказывалъ о мнимыхъ недостойныхъ поступкахъ его противъ жены, которые наконецъ вывели ее изъ терпѣнія и принудили возвратиться въ родительскій домъ; то есть, онъ самъ-же обманувъ и поступивъ съ нимъ столь вѣроломно, его-же обвинялъ и клеветалъ. Но это очень обыкновенно; и какимъ образомъ дѣйствовать

иначе людямъ такого разбора, каковъ былъ Сундуковъ?

Въ такихъ и тому подобныхъ разговорахъ шло время. Иныя дамы осмѣливались шопотомъ говорить между собою; но мужчины стояли у дверей, сохраняя глубокое безмолвіе. Все это наконецъ надоѣло Пронскому; онъ искалъ шляпу свою и хотѣлъ уѣхать домой. «Что вы ищете?» сказалъ ему Лужницкій. — Шляпу; я хочу ѣхать домой.— «Да вы, видно, никогда еще не бывали на праздникахъ Тимоѳея Игнашьевича, и вамъ здѣшній обычай неизвѣстенъ? Позвольте спросить, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?»— Я Генералъ-Маіоръ Пронскій. — «Ахъ, В. Пр., извините, что я осмѣлился такъ фамиліярно говорить съ вами.» — Помилуйте — отвѣчалъ Пронскій, пожавъ его руку.— Но скажите, какой-же здѣсь обычай? Ежели тотъ, что Г-нъ Сундуковъ изволитъ сердиться на тѣхъ, кто рано уѣзжаетъ, то я очень равнодушенъ къ его гнѣву, потому что, кажется, я въ первый и въ послѣдній разъ въ его домѣ. — «Это первое, что онъ гнѣвается на тѣхъ, кто не досматриваетъ праздниковъ его до конца; но, разумѣется, для Вашего Превосходительства все равно, будетъ-ли онъ сердиться или нѣтъ; а самое главное: вы не дождетесь вашего экипажа. Всѣ гостинныя лошади отсылаются на ху-

шоръ, версты за три, и здѣшнимъ людямъ строго запрещено, не только по приказанію гостя ходить за его экипажемъ, но даже звать и собственнаго его слугу, котораго-бы могъ онъ послать на хуторъ. Игнатій Тимоѳеевичъ очень часто, и съ свойственною ему учтивостію говоритъ намъ, что домъ его не трактиръ, чтобы поѣвши тотчасъ уѣхать, и что ежели онъ дѣлаетъ честь, зоветъ кого къ себѣ, то надобно знать этому цѣну; изъ чего-же онъ убьется? Словомъ: ежели кто пріѣхалъ къ нему на праздникъ, то жди до конца.» — Вотъ прекрасное угощеніе! — отвѣчалъ со смѣхомъ Пронскій. — Но, видно, дѣлать нечего; надобно вооружиться терпѣніемъ. Да что-жъ такое еще будетъ? — «О, Ваше Превосходительство! увидите еще много чудесъ.» — Посмотримъ, посмотримъ; въ чужой приходъ съ своимъ уставомъ не ходи — прибавилъ Пронскій. — Впрочемъ, я и не въ претензіи, что по необходимости должно еще здѣсь оставаться; весьма любопытенъ досмотрѣть до конца праздникъ Г-на Сундукова: сядемъ покамѣстъ. — Собесѣдникъ его кланялся, но сѣсть подлѣ Его Превосходительства никакъ не отважился.

Изъ-за стола встали въ 6-ть часовъ. Пронскій посмотрѣлъ на свои часы: уже было 8-го половина. «Что-жъ такъ долго длится бездѣй-

сшвіе ? » сказалъ онъ. « Пора-бы начинашь еще какія нибудь шишуки. » — Теперь вѣрно мы скоро пойдемъ въ шеашръ — ошвѣчалъ Лужницкій. И дѣйсшвишельно, въ шо-же время сдѣлался шумъ въ госшиной. Его Высокопревосх., по приглашенію хозяина, всшалъ съ своего мѣсша, и прямо по лѣсшницѣ, черезъ балконъ, ошправился въ шеашръ, бывшій въ саду ; за нимъ гурьбой послѣдовали всѣ госши.

Спекшакль начался Прологомъ въ честь Его Высокопревосходишельсшва. Прологъ сей былъ сочиненъ, или лучше сказань, сосшавленъ домашнимъ секрешаремъ и главнымъ конторщикомъ Сундукова, въ родѣ Пана Чупкевича (*Похубарскія заѣѣи*, Ком. соч. Кн. А. А. Шаховскаго). Онъ очень *удачно* извлекъ нѣкошорыя мѣсша изъ описанія Державина праздника, даннаго Княземъ Пошемкинымъ Великой Екашеринѣ, приклеилъ къ шому много сшиховъ изъ его-же описанія *обишели Добрады*, и заимсшвовалъ даже ошшуда весьма ксшаши: ау ! ау ! ау ! Изъ всей эшой смѣси, украшенной нѣкошорыми чудесными сшихами собсшвеннаго сочиненія самаго Авшора, вышла шакая галимашья, чшо безъ смѣха слушашь было не льзя. Сшихи говорилъ самъ конторщикъ-авшоръ, одѣшый въ какой-шо древній хишонъ, а домашняя пѣвица, въ видѣ Нимфы, пропѣла похвальные сшихи, и надѣла лав-

ровый вѣнокъ на бюстъ Его Высокопревосходительства. Потомъ, оба дѣйствующія лица подошли къ оркестру, низко поклонились, и чрезъ капельмейстера подали говоренные и пѣтые ими стихи Сундукову, который торжественно поднесъ ихъ Его Высокопревосходительству.

Крѣпостная труппа Сундукова уже давно разстроилась. Доморощенные его Милоны, Честоны, Валеры, Эрасты и Эндиміоны, нѣкоторые въ 1812-мъ году поступили въ ополченіе, другіе послѣ того, за пьянство и буйство, согнаны были съ верха и опредѣлены въ низкія должности. Прелестная, но уже поуспарѣвшая *Примадонна* его, за дурное поведеніе, отдана была за крестьянина за-мужъ; словомъ: всѣ его Діаны, Флоры, Нимфы и Дріады порастрашились, и нѣкоторыя со славою исправляли должности скотницъ и стряпухъ для засѣльныхъ людей. Но Сундуковъ выписалъ для сего торжественнаго дня труппу актеровъ изъ Губернскаго города. Первая піеса, представленная ими, была старинная, впрочемъ хорошая Комедія: *Тотъ въ тотъ*. Въ ней весьма также *кстати* были на сценѣ пьяница и взяточникъ воевода, грабитель подъячій, глупая и злая госпожа, то есть, представлена была въ лицахъ исторія многихъ изъ гостей; но разумѣется, этого никто на свой счетъ не бралъ и всѣ смѣялись отъ

чистаго сердца. Спектакль окончился Комедіею Князя А. А. Шаховскаго: *Ссора, или два сосѣда.* Тушъ также было многое не въ бровь, а прямо въ глазъ. Въ антръ-актахъ подавали гостямъ чай, и вельможа, по убѣжденію хозяйки, опять курилъ трубку.

Въ 10-ть часовъ спектакль кончился, и гости, возвращаясь черезъ садъ въ домъ, обозрѣли иллюминацію. Передъ окнами горѣлъ большой щитъ, съ вензелемъ Его Высокопревосх., и съ надписью кругомъ: *Отъ признательнаго сердца хозяина высокопочтенному посѣтителю.* Зала и всѣ комнаты были ярко освѣщены, и тотчасъ открылся балъ. Вельможа прошелъ нѣсколько разъ въ Польскомъ съ хозяйкою и съ дочерьми ея, опять отказался отъ картъ и сѣлъ въ залѣ, въ приготовленныя для него особыя кресла.

Пронскій, при выходѣ изъ театра, увидѣлъ наконецъ своего слугу и послалъ его отыскать и привесть тотчасъ коляску, а самъ покамѣстъ отправился въ залу, смотрѣть на провинціальные танцы. Хозяинъ, за недосугами, не успѣлъ отрекомендовать его женѣ и дочерямъ. Пронскій не находилъ нужнымъ подходить къ нимъ, и не располагаясь уже никогда впередъ быть въ домѣ Сундуковыхъ, очень радъ былъ, что сохранилъ инкогнито и можетъ уѣхать,

не бывъ никѣмъ замѣченъ. Въ ожиданіи коляски спознлъ онъ въ залѣ, въ толпѣ *франтиковъ*, но Каролина Карловна, проходя въ Польскомъ близъ него, вскричала: «Ахъ! Ваше Превосходительство, и вы здѣсь? Я думала, вы не пожалуете сюда.» Слово: Ваше Превосходительство, поразило слухъ вельможи; онъ обратилъ лорнетъ свой въ ту сторону, и увидѣвъ Пронскаго въ толпѣ, тотчасъ всталъ и подошелъ къ нему. Всѣ почтительно отступили передъ нимъ, и хозяинъ, замѣчая всякое движеніе вельможи, далъ знакъ музыкѣ перестать, и самъ поспѣшилъ за нимъ.

«Ахъ! Ваше Превосходительство, Николай Дмитріевичъ! Какъ я радъ васъ видѣть! Какимъ образомъ вы здѣсь?» сказалъ вельможа, бросясь цѣловать его. — Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ женою къ брату ея... — «Какъ! вы женились? Я не зналъ этого; позвольте мнѣ поздравить васъ,» продолжалъ вельможа и снова началъ цѣловать его. — На крестинахъ сына, у брата жены моей, имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ Тимоѳеемъ Игнатьевичемъ и приглашенъ имъ былъ на его праздникъ. — «Такъ вы здѣсь уже давно?» — Съ утра. — «И обѣдали здѣсь?» сказалъ вельможа, посмотрѣвъ съ неудовольствіемъ на Сундукова. — Я имѣлъ честь всепокорнѣйше просить Его Превосходительство,

Николая Дмитріевича, занявъ за обѣдомъ мѣсто подлѣ Вашего Высокопревосходительства; но Его Превосходительству самому не угодно было — ошибочалъ въ большомъ смущеніи Сундуковъ.—«Я не хотѣлъ безпокоить васъ, притомъ же думалъ тотчасъ послѣ обѣда уѣхать; но почтенный нашъ хозяинъ угощаетъ по старинному Русскому обычаю: не любитъ, чтобы гости его скоро разъѣзжались, и употребляетъ самыя благонадежныя средства къ тому: отсылаетъ куда-то далеко экипажи ихъ, такъ что я до сего времени не могу дождаться своей коляски. Впрочемъ, я ни сколько не въ претензіи за это,» прибавилъ Пронскій, пожимая руку у Сундукова. «Я очень благодаренъ за угощеніе ваше, и пріятно провелъ время въ вашемъ обществѣ.»

«Но что-жъ мы стоимъ? Не угодно-ли Вашему Превосходительству, сядемъ вмѣстѣ,» сказалъ вельможа, и взявъ Пронскаго подъ руку, повелъ къ своему мѣсту. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эту сцену. Хозяинъ былъ въ большомъ смущеніи, видѣвъ неудовольствіе вельможи. «Отъ чего прекратились ваши танцы?» сказалъ онъ ему, посмотрѣвъ на него опять съ негодованіемъ. Сундуковъ еще больше сконфузился, сдѣлалъ знакъ музыкантамъ, чтобы играли, и самъ выталкивалъ изъ толпы танцо-

ровъ, не смотря уже, кто былъ въ мундирѣ или во фракѣ. Между прочими, отъ страха, толстый Судья Кривосудовъ, Исправникъ и два Засѣдателя пустились прыгать въ экосезѣ, можетъ быть, иные еще въ первый разъ отъ роду.

Вельможа былъ внутренно взбѣшенъ; онъ никакъ не воображалъ имѣть такого свидѣтеля всѣхъ *продѣлокъ* своихъ, въ продолженіе того дня. Пронскій былъ извѣстенъ и принятъ въ лучшемъ кругу въ Петербургѣ и Москвѣ; онъ могъ разсказать, какимъ образомъ обходился онъ съ дворянами и чиновниками, и какъ еще притомъ курилъ трубку при дамахъ. Воспоминаніе о такихъ подвигахъ и мысль, что они могутъ быть представлены въ весьма смѣшномъ видѣ, усиливали досаду его. Однакожъ онъ преодолѣлъ себя; на лицѣ его не замѣтно было никакой перемѣны, и онъ, сидя съ Пронскимъ вдвоемъ, самъ первый началъ смѣяться надъ хозяиномъ и угощеніемъ его. «Каковъ молодецъ!» сказалъ вельможа. «Это Мѣщанинъ въ Дворянствѣ, Комедія Мольерова въ лицахъ и во всей силѣ слова, потому что онъ именно родился въ мѣщанствѣ. Князь Шаховской много заимствовалъ отсюда, и вѣрно съ него списалъ своего Транжирина. А каковы стишки, пѣтые мнѣ въ честь сегодня нѣсколько разъ, особенно-же въ Прологѣ? Чудо! Я насилу могъ держаться отъ смѣха.

Вамъ вѣрно было веселѣе чѣмъ мнѣ? Вы могли, на свободѣ, не бывъ никѣмъ замѣчены, нахохотаться досыта.» — Да, признаюсь: — отвѣчалъ Пронскій — Прологъ въ самомъ дѣлѣ чудо; и какъ ксшати взято самое лучшее изъ стиховъ Державина: ау! ау! Какъ удачно и къ мѣсту помѣщено это было въ Прологѣ. — Они оба хохотали отъ всего сердца, къ общему удивленію гостей, которые отъ роду не видывали ни съ кѣмъ такого фамиліярства Его Высокопр.— «Вообразите-же себѣ, каково мнѣ было сохранять всю свою важность!» продолжалъ вельможа. «Я, ей Богу! нарочно зашѣмъ сшалъ курить трубку, чтобы какъ нибудь удержать свой смѣхъ. Хотя и не совсѣмъ вѣжливо курить при дамахъ, но все, я думалъ, учтивѣе, чѣмъ захохотать во все горло. Вотъ съ какими скотами долженъ я имѣть дѣло и присутствовать на ихъ праздникахъ! Притомъ-же, я очень знаю, что почтенный нашъ хозяинъ большой мошенникъ, но мнѣ должно щадить его и показывать мое хорошее расположеніе, зашѣмъ чтобы поощрить его усердіе къ учрежденію полезныхъ и богоугодныхъ заведеній, или, называя вещи настоящимъ именемъ, я обязанъ поддержать желаніе его сохранить мою благосклонность, имѣя въ виду воспользоваться этимъ и побудить его къ пожертвованіямъ для общаго блага. Вы не видали, какую огромную и прекрасную больницу вы-

строилъ онъ въ своемъ уѣздномъ городѣ? Теперь хочу я склонить его къ новымъ пожертвованіямъ, для учрежденія Инвалиднаго дома. Вотъ настоящая цѣль посѣщенія моего и необыкновеннаго терпѣнія смотрѣть и слушать всѣ его глупости. Вы согласитесь, что это по крайней мѣрѣ богоугодное дѣло съ моей стороны.»

Въ продолженіе этого разговора вельможи съ Пронскимъ, Сундуковъ былъ въ отчаяніи, что имѣлъ несчастіе обратить на себя гнѣвъ Его Высокопревосходительства. Онъ бранился и говорилъ грубости гостямъ, которые попались ему, въ особенности-же ругалъ жену и дочерей, что онѣ не умѣли занять и угостить какъ надобно Пронскаго. Досталось и зятю его Князю Буасекову: онъ назвалъ его рогоносцемъ, и жаловался, что никто не хотѣлъ ему помочь, а одному распанушься вездѣ невозможно. Тщетно оправдывались они, что онъ самъ виноватъ, зачѣмъ не познакомилъ ихъ съ нимъ, или хотя по крайней мѣрѣ сказалъ-бы, что онъ у нихъ въ домѣ, а по они даже и этого не знали. Сундуковъ ничего не слушалъ и продолжалъ браниться, потому что и ему надобно-же было сорвать на комъ нибудь свое сердце. Но болѣе всего онъ былъ взбѣшенъ на Пронскаго, зачѣмъ не надѣлъ онъ звѣзды своей и орденовъ. Сундуковъ называлъ его либераломъ, вольнодумцемъ,

Вольтеріанцемъ, карбонаріемъ, и ежели-бъ можно было, съ удовольствіемъ побилъ-бы его.

Между тѣмъ была уже 12-го половина, а по церемоніялу, предварительно составленному, предназначенъ былъ въ 11-ть часовъ фейерверкъ, а въ 12-ть ужинъ. Все давно было готово, и конторщикъ Сундукова, главный всему распорядитель, подошелъ къ нему съ докладомъ, не пора-ли зажигать фейерверкъ. Онъ прогналъ его отъ себя въ сердцахъ безъ отвѣта, но послѣ одумавшись остановилъ и съ трепетомъ приблизился къ вельможѣ.

«Извините, Ваше Высокопр.,» сказалъ онъ тихимъ, подобострастнымъ голосомъ. «Я пришелъ доложить Вашему Высокопр., не прикажете-ли зажигать фейерверкъ?» — Все отъ васъ зависитъ, любезный и почтенный нашъ хозяинъ— сказалъ ласково вельможа, который самъ нѣсколько развеселился, думая, что очень искусно, разсказами своими Пронскому, далъ благовидный оборотъ всѣмъ подвигамъ своимъ того дня. — Вы, я думаю, очень устали? — прибавилъ онъ. — Весь день на ногахъ; отдохните, присядьте съ нами. — «Помилуйте, Ваше Высокопревосходительство!» отвѣчалъ Сундуковъ, ободренный ласковостію и милостію вельможи. «Радость и восхищеніе мое, видѣть у себя въ домѣ столь высокопочтеннаго гостя, придаетъ

мнѣ силы. Но, ежели Вашему Высокопр. угодно будетъ, мы просимъ васъ на балконъ. Удостойте сами зажечь голубка, который полетитъ по воздуху, и тогда начнется фейерверкъ.» — Изволь, изволь, любезный хозяинъ! Только не сыро-ли теперь? Мнѣ нужды нѣтъ, но, можетъ быть, Николаю Дмитріевичу угодно будетъ надѣть свою шинель—отвѣчалъ вельможа.—«Эй! Г-нъ Исправникъ, спроси у человѣка Его Превосходительства шинель.»—Тотчасъ Исправникъ, два Засѣдателя и самъ Сундуковъ стремглавъ бросились въ лакейскую. Сундуковъ, въ торопяхъ, схватилъ у перваго попавшагося ему человѣка, вмѣсто шинели, дамскій салопъ; но, къ счастію, самъ запутавшись въ немъ, упалъ со всѣхъ ногъ въ дверяхъ, и въ то время, покамѣстъ онъ вставалъ, Исправникъ отыскалъ слугу Пронскаго и принесъ его плащъ. Пронскій благодарилъ его. Между тѣмъ Секретарь вельможи принесъ и его шинель и фуражку.

Всѣ отправились на балконъ; но Его Высокопрев. съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ Пронскаго, совсѣмъ уже перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе: онъ отказался самъ зажечь голубка, говоря, что честь сія должна принадлежать дамѣ, и что онъ проситъ почтенную хозяйку взять на себя это дѣло.

Фейерверкъ былъ прекрасный и стоилъ дорого; все выписано было изъ Москвы. На щитѣ

опять горѣлъ, въ золотомъ и брилльянтовомъ огнѣ, вензель вельможи, съ надписью кругомъ: *Отцу и Начальнику.... Губернія въ знакъ благодарности.* Пронскій не дождался конца фейерверка, расцѣловался съ вельможею, пожелалъ ему спокойной ночи и отправился въ свою коляску. Но, по выходѣ его съ балкона, вельможа напомнилъ хозяину, что онъ обязанъ проводить гостя. Сундуковъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ за нимъ, догналъ на крыльцѣ и убѣдительнѣйше просилъ остаться ужинать. Пронскій отговорился тѣмъ, что онъ никогда не ужинаетъ, и что уже поздно, а ему довольно далеко ѣхать. Сундуковъ низко кланялся, благодаря за посѣщеніе, и помогалъ ему сѣсть въ коляску.

Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Сочиненіе Ипполита Ѳедоровича Богдановича. *Изданіе десятое*, печатанное съ изданія 1824 года, безъ исправленій. М. Въ т. Лазаревыхъ Институша Восточн. языковъ. 1832. 118 стр. in-12.

« Богдановичъ, Ипполитъ, Государственной Кол-
« легіи Иностранныхъ Дѣлъ Переводчикъ, человѣкъ
« молодый, но искусный во Словесныхъ Наукахъ;
« также во Французскомъ, Итальянскомъ и Рос-
« сійскомъ языкахъ. Сочинилъ поэму: *Сугубое бла-*
« *женство*, довольно шоржественныхъ, духовныхъ
« и анакреонтическихъ одъ, эпистолъ, стансовъ,
« басенъ, сказокъ, сонетовъ, эклогъ, элегій, идил-
« лій, эпиграммъ, писемъ и другихъ сатирическихъ
« сочиненій, которыя всѣ напечатаны въ ежемѣсяч-
« ныхъ сочиненіяхъ, *Полезномъ увеселеніи* 1760, 1761
« и 1762 г., въ Москвѣ, и другихъ книгахъ. Пере-
« велъ съ Итальянскаго языка Г. Мишеля Анжело
« Жіанетти *Пѣснь* Ея Императорскому Величеству съ
« совершеннымъ искусствомъ. Означенныя его поэма,
« пѣснь и нѣкоторыя оды, напечатаны въ Санкт-
« петербургѣ и похваляются много знающими
« людьми. »

Такъ писалъ о твореніи *Душеньки* одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, Новиковъ, за шестьдесятъ лѣтъ до насъ, въ *Опытѣ Словаря о Россійскихъ писателяхъ* (СПб. 1772 г.). Лѣтъ че-

резъ двадцать, вскорѣ послѣ смерти Богдановича, знаменитый Карамзинъ начерталъ жизнь его и разсмотрѣлъ почти всѣ его сочиненія. Еще лѣтъ черезъ двадцать, Н. И. Гречь, въ *Опытѣ Исторіи Русской Литтературы* помѣстилъ краткую біографію Богдановича, слегка коснувшись его сочиненій. Изъ другихъ литтераторовъ, Батюшковъ, къ которому была столь благосклонна Муза нѣжныхъ, прелестныхъ стиховъ, Батюшковъ съ особеннымъ восторгомъ отзывался о Богдановичѣ. Но всего славнѣе для памяти сего стихотворца постоянная благосклонность публики къ его *Душенькѣ*. Передъ нами *десятое изданіе*!... Ни одинъ поэтъ Русскій еще не выслужилъ такой чести. Посдѣ сего любопытно разсмотрѣть, что составляетъ причину столь необыкновеннаго явленія: существенное-ли достоинство, или слава, основанная на преданіяхъ? Въ нашъ скептическій вѣкъ, неужели не удѣлимъ мы вниманія славному творцу *Душеньки?* Неужели разсуждая о многихъ мѣлкихъ современныхъ явленіяхъ, не захотимъ посудить о писателѣ, пользующемся прочною славою? Читатели, конечно, отдадутъ справедливость, по крайней мѣрѣ нашему искреннему желанію, представить имъ разборъ *Душеньки*, до сихъ поръ не оцѣненной надлежащимъ образомъ.

Достойно замѣчанія, что изъ всѣхъ произведеній Богдановича, который писалъ очень много, все предано забвенію, кромѣ его *Душеньки*. Невольно спрашиваешь себя: Развѣ Богдановичъ былъ то-же что Рубанъ, оставшійся у всѣхъ на памяти

за одну свою надпись къ монументу Великаго Петра? Развѣ какой нибудь добрый, и разумѣется умный, геній нашепталъ ему прелестное сказаніе о Душенькѣ, а остальное предалъ злому врагу поэшовъ, генію дурныхъ стиховъ? Или Богдановичъ самъ молился тому и другому, подобно доброму Католику, ставившему свѣчку и своему покровителю, и главному врагу всѣхъ людей? Жаль, что прошли миѳологическія времена; тогда, можетъ быть, мы удовольствовались-бы, отвѣчавъ на сіи три вопроса: Да, да, да! Но теперь, теперь надобно сыскать другой отвѣтъ, и по возможности приблизиться къ истинной причинѣ.

Удивительно, какъ прививается къ человѣку все окружающее его! Поживите въ обществѣ дамъ, хотя-бы то были самыя милыя изъ нихъ, поживите, разумѣется, въ тѣ лѣта, когда сердце, умъ и душа способны принимать впечатлѣнія, и вы сами будете немножко походить на даму. Жаль, что у насъ, для выраженія этого состоянія, нѣтъ приличнаго слова, которымъ можно было-бы перевести Французское efféminé. Или не угодно-ли пожить въ обществѣ волковъ и медвѣдей? Тогда, можетъ быть, бормоча какъ ваши собесѣдники, вы подтвердите пословицу: *съ волками воютъ*. Сдѣлайте еще опытъ: ступайте подышать придворною атмосферою... Никакой Овидій не вообразитъ вашего превращенія! Голова вытянута впередъ, спина гнется какъ тонкій камышь, на устахъ вѣчная улыбка, ноги ходятъ не слышными стопами, и, не умѣя шагать, мастерски шаркаютъ. Правда, шутъ

бываетъ исключеніе: иногда, вмѣсто этого, превращаются въ грубіяна, въ пахала, въ *правдолюба*; но знайте, что это оболочка, шутовская маска; подъ нею скрывается тотъ-же гибкій придворный, и роль его сдва-ли не жалчѣе перваго.

Да и что значитъ наша слабая личность! Что значитъ одинъ человѣкъ. Цѣлые народы не могутъ избавиться отъ дѣйствія обстоятельствъ, и современнаго, то есть окружающаго и проницающаго ихъ духа. Въ наши дни, вся Франція занимается политикой, и нѣтъ лавочника, нѣтъ приказнаго, который не разсуждалъ-бы о Камерѣ Депутатовъ, о свободѣ писменія, о партіяхъ, о Шуанахъ и Вандейцахъ. При Наполеонѣ, кажется недавно, однакожь было совсѣмъ иное: каждый мальчикъ думалъ быть героемъ, каждый мясникъ, разрубая быка, толковалъ о великой націи и мечталъ о всемірной, то есть Французской монархіи. А Мирабо? А Неккеръ? А Людовикъ XV-й и ничтожной памяти Регентъ? Развѣ не настроивалась Франція по ихъ камеръ-тону? Однакожь мы дошли почти до Людовика XIV-го: довольно далекое отступленіе; постараемся употребить его въ пользу.

Вѣкъ Людовика XIV-го, то есть общество, отражавшее въ себѣ все, что было хорошаго и дурнаго при Дворѣ этого великолѣпнаго, шумнаго, славнаго, однакожь недальновиднаго Монарха, общество его продолжалось до ужаснаго взрыва Революціи. Не станемъ проникать глубже въ причины, породившія самый вѣкъ Людовика XIV-го, и

подраздѣлишь его на эпизоды Регента и двухъ слѣдовавшихъ за нимъ Государей: это подлинно были эпизоды въ одной большой драмѣ. Станемъ вести лѣтосчисленіе до-революціоннаго общества во Франціи отъ Людовика XIV-го, и посмотримъ, что представляло собою это общество?

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Былъ классъ людей, сосредоточившій въ себѣ все: люди богатые и знатные. Они обладали всѣмъ: и землею, и правленіемъ, и Литературою. Разсуждая о Литературѣ, мы предоставимъ имъ все остальное; но посмотримъ, какъ управляли они Литературою?

Матеріализмъ, грубый, безумный, отрицавшій божественное въ природѣ и человѣкѣ, владѣлъ симъ

обществомъ. Всего сильнѣе дѣйствуетъ на общество большинство голосовъ, и всего болѣе ослѣпляетъ его наружный блескъ. Воспитанные безъ Философіи, ибо симъ высокимъ именемъ не удостоимъ мы ученія тогдашнихъ умниковъ, знатные и богатые люди спокойно, безотчетно предались чувственнымъ наслажденіямъ. Общій примѣръ и блескъ Двора увлекалъ ихъ; Философія не подкрѣпляла слабаго духа человѣческаго, и наконецъ все заключилось въ наслажденіяхъ будуаровъ и гостиныхъ. О прекрасномъ исчезло самое преданіе: довольствовались лучшимъ, избраннымъ; а что было тогда лучшимъ? То, что поражало чувства, не проникая въ глубину душь и сердецъ.

Такое общество не могло быть жилищемъ Литтературы и особенно Поэзіи. Поэзія есть дитя непринужденнаго развитія духа человѣческаго. Она умираетъ въ тѣсномъ пространствѣ и душной атмосферѣ гостиныхъ. Мѣлкія страсти отвращаютъ ее отъ себя: она боится ихъ какъ человѣкъ, который не можетъ существовать безъ огня солнечнаго, любитъ благотворную теплоту, но страшится пожара, и не приближаетъ свѣчки ни къ стѣнамъ своего жилища, ни къ самому себѣ, ибо дѣйствіе ея было-бы пагубно. Устрашенная пожаромъ мѣлкихъ страстей, этимъ огнемъ отъ сальныхъ свѣчь, а не благотворнымъ жаромъ солнца, Поэзія надолго оставила гостиныя Французскихъ богачей, скрылась въ уединеніе, въ народныя пѣсни, и готовила себѣ торжественный праздникъ въ будущихъ подвигахъ забывшихъ ее людей.

Между тѣмъ, что дѣлало общество?

Оно съ какимъ-то безумнымъ наслажденіемъ упало въ сіпрастяхъ чувственныхъ и ничтожныхъ. Не понимая сиротства Литтературы безъ Поэзіи, оно, подобно древнимъ Израильтянамъ, вылило золотаго тельца, и заставило несчастныхъ литтераторовъ поклоняться ему; но, увы! между ими не было высокодушнаго Моисея, который разбилъ бы скрижали свои при взглядѣ на бездушный истуканъ, выставленный для вдохновенія. Грустно видѣть, какъ преклоняли свои колѣна превосходнѣйшіе геніи! Ни чистая душа Расина, ни могущественная ненависть къ пороку безсмертнаго Мольера, не могли выдержать борьбы съ позлащенною толпою. Многіе изумляются, видя, что Шекспиръ, по гражданскимъ разрядамъ принадлежавшій къ классу мужиковъ, ненавидѣлъ чернь, презиралъ, клеймилъ ее названіемъ тысячеглаваго чудовища, и выставлялъ вездѣ со всѣми ея пороками. Дивлюсь этому изумленію! Неужели и въ наше время еще не понимаютъ, что *чернь*, *толпа* не заключается въ границахъ, отмѣренныхъ масштабомъ гражданскихъ установленій? Неужели только на площадяхъ толпится чернь? Нѣтъ, она не повинуется гражданскимъ законамъ, наряжается въ платье почетныхъ людей, и наводняетъ собою гостиныя, такъ-же какъ грязныя улицы и кабаки. Къ этой-то, не повинующейся общимъ законамъ толпѣ, питалъ ненависть Шекспиръ. Если принять въ собственномъ значеніи слово *душегубецъ*, то никто не погубилъ столько душъ, какъ эта разноцвѣтная и разночинная толпа, эта чернь, под-

раздѣляющаяся и на знатныхъ и на мѣлкихъ, и на богатыхъ и на нищихъ. Она-то, подъ именемъ знати обладая Французскимъ обществомъ, погубила столько душъ во Французскихъ Литтераторахъ. Рѣшительно ни одинъ изъ нихъ не спасся отъ ея обольстительныхъ увлеченій, и не избѣгнулъ отъ ея убійственнаго дыханія. Она олицетворила басню о Сиренахъ, которыя привлекаютъ къ себѣ усладительнымъ пѣніемъ и прелестною половиною тѣла, но, схвативъ обманутаго, топятъ въ волнахъ и захлестываютъ своимъ отвратительнымъ хвостомъ.

Доказательствомъ сего могутъ служить всѣ тогдашніе Литтераторы. Они хотѣли подражать въ своихъ произведеніяхъ тому, что почиталось лучшимъ; а лучшимъ почиталось придворное общество, со своими нравами и духомъ. Чтобы увидѣть и постигнуть, что значило это общество, надобно только прочитать Записки Мадамъ Дюбарри и Записки Дюбуа, называвшагося Кардиналомъ. Вѣжливость, образованность свѣтская, и языкъ, до нелѣпости подчиненный приличіямъ, служили покровомъ и лакомъ для всего, что можно вообразить себѣ развратнаго, ничтожнаго, отвратительнаго. Это несчастное состояніе общества, бывшаго тогда представителемъ Франціи, отражается во всѣхъ сочиненіяхъ современныхъ писателей. Какого угодно вамъ избрать? Не станемъ говорить о Дорашахъ, Буало, Реньярахъ, Бернарахъ, Шольё, Бернисахъ, Башомонахъ, Лафарахъ, и другихъ, еще болѣе посредственныхъ пи-

сашеляхъ; остановимся на минуту при именахъ громкихъ, и достойныхъ громкой славы, при именахъ Расина, Мольера, Лафонтена.

Расинъ, одаренный высокимъ поэтическимъ геніемъ, былъ способенъ, былъ рожденъ для Поэзіи религіозной. Его чистая душа, его строгая добродѣтель, его гармоническій языкъ должны были развиваться и выражать себя въ предметахъ величественныхъ, великолѣпныхъ, основанныхъ на преданности сердца вѣрующаго. Но, какъ мы сказали, религіи не было; Философію замѣнила сухая изыскательность и тѣсный взглядъ вещественнаго Криптицизма; въ Классическихъ Авторахъ видѣли буквы, не понимая внутренняго смысла оныхъ; народныя преданія считались пошлостью; народа не было. Между тѣмъ, все блестящее, все обольстительное для чувствъ и для ума современнаго, который надобно отличать отъ ума, отдѣльно каждому принадлежащаго, все это увлекало робкаго, слабаго характеромъ Расина. Онъ остался вѣренъ благородному призванію поэта, но думая выражать то, къ чему стремился его религіозный геній, онъ выражалъ окружающій его этикетъ Двора, чинность во всѣхъ ощущеніяхъ, и холодное, бездушное великолѣпіе паркетныхъ властелиновъ. Ему надобна была вѣра, при безвѣріи общественномъ, и онъ думалъ найдти ее почти въ божескомъ поклоненіи Двору. Такимъ образомъ ложное ученіе, обманчивый блескъ, и самый духъ Расина, способный къ вѣрованію, къ преданности, лишили потомство одного изъ блистательнѣйшихъ геніевъ.

Мольеръ, бывшій актеромъ, былъ въ тоже время и собесѣдникомъ Нинопы, и придворнымъ. Это видимъ мы во всѣхъ сочиненіяхъ его. Надобно признаться, что большую часть своихъ комедій онъ почерпнулъ изъ чужеземныхъ источниковъ: изъ Театра Испанскаго, изъ Итальянскихъ и старинныхъ Французскихъ буффонадъ, наконецъ изъ Плавта и Теренція. Но и въ заимствованіяхъ онъ умѣлъ быть оригинальнымъ. Въ немъ удивительна его живая, смѣлая кисть, его умѣнье воспользоваться каждымъ положеніемъ, развить его, показать въ немъ новыя стороны. Сильная душа его не довольствовалась этимъ; негодованіе къ пороку хотѣло выразиться яснѣе, могущественнѣе, и онъ создалъ высокую комедію (La haute comédie, la comédie de caractère). Въ этомъ-то родѣ, почти всѣ комедіи его искажены несчастнымъ положеніемъ, въ какомъ находился Поэтъ. Въ *Мизантропѣ*, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы глубоко проникнуть и представить то, что столь простодушно и потому превосходно изображаютъ Записки Маркиза Сенъ-Симона: этотъ ничтожный міръ свѣтскихъ людей, этотъ эгоизмъ, доведенный до высшей степени, эти гнусныя интриги, эти низкія страсти и подлость, прикрытыя лакомъ вѣжливости, пріятности въ обхожденіи, онъ представилъ самые общіе, всегдашніе, почти неизбѣжные недостатки людей: кокетство женское, страсть къ стихоплетенію, угодливость побочныхъ лицъ и несправедливость судей. Отъ того вся комедія холодна какъ ледъ, не смотря на многія, превосходныя отдѣльныя черты. Въ *Тартюфѣ* болѣе современности; но за то

и болѣе односторонности; болѣе желанія уронить набожность вообще, нежели изобразить лицемѣріе, подъ какою маскою ни являлось-бы оно. Тартюфы отвратительны и вредны не потому только, что они прикрываютъ злодѣйскіе умыслы крыломъ религіозности, но потому что употребляютъ во зло и ниспровергаютъ всѣ священные предметы. А въ этомъ отношеніи, менѣе-ли лицемѣрны были поступки Ришельё. . . . . ? Стоилъ-ли стрѣлъ Таліи ничтожный нищій, желавшій обольстить женщину и завладѣть имѣніемъ ея мужа, когда великолѣпные Тартюфы дѣлали тоже съ цѣлымъ государствомъ? Отъ того, опять несообразность предмета съ высокою цѣлью дѣлаетъ произведеніе Комика мѣлочнымъ и мало разительнымъ. Мольеръ могъ-бы создать истинно высокую и характерную комедію, если-бы судьба не приковала его къ колесницѣ Людовика и къ шлейфу Ниноны. Въ свободномъ полетѣ своемъ, комическій геній его представилъ-бы намъ то, что смѣшитъ и бѣситъ насъ въ историческихъ памятникахъ Франціи. Теперь-же, истинную славу и не умирающій комизмъ его составляютъ комедіи, гдѣ изображалъ онъ средній и нисшій классъ людей, и гдѣ не былъ онъ связанъ никакими отношеніями.

Всѣхъ болѣе противоположнымъ современному духу казался Лафонтенъ, со своимъ простодушіемъ, своею добротою и неискательностью. Но и въ немъ видимъ мы придворнаго, болѣе хитраго нежели другіе, и, сверхъ того, сластолюбца, предававшагося всѣмъ низостямъ чувственныхъ насла-

жденій. Басни, которыя составляютъ вѣнокъ безсмертія Лафонтена, Басни его плѣнительны не внутреннимъ смысломъ своимъ, но выраженіемъ, всегда очаровательнымъ, всегда истиннымъ, и часто нѣжнымъ. Онѣ для Французовъ другой и новый міръ пословицъ. Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, истинное ихъ достоинство, и въ чемъ вообще заключается достоинство славнѣйшихъ Баснописцевъ, по большей части переписывающихъ другъ друга. И развѣ мало оно, это достоинство? Развѣ не довольно для вѣнка безсмертія, облечь поэтическимъ выраженіемъ нравственныя истины, и въ одномъ лицѣ своемъ сосредоточить умъ цѣлаго народа? Истина одна для всѣхъ; только каждый народъ понимаетъ и выражаетъ ее по своему.

Но посмотрите на Лафонтена съ другой стороны; вникните въ общность его сочиненій, или хоть вспомните его Сказки. Оставаясь прелестнымъ стихотворцемъ, онъ предается тамъ всей склонности своей къ наслажденіямъ буйнымъ, хочетъ и старается плѣнять одну чувственность. Правда, что многія отдѣльныя стихотворенія, и особенно многіе эпилоги его Басенъ выказываютъ въ немъ душу нѣжную, часто даже являютъ вѣрные слѣды поэтической меланхоліи и грусти; но этому причиной было именно противорѣчіе личности его съ вѣкомъ, въ которомъ онъ жилъ. Лафонтенъ былъ отъ природы безпечнаго, и еще болѣе робкаго характера; но общество сдѣлало его буйнымъ развратникомъ; онъ былъ способенъ любить, и не разъ въ жизнь свою любилъ нѣжно,

истинно; однакожь, проведши день въ Платоническихъ вздыханіяхъ подлѣ предмета страсти своей, онъ предавался ночью разврату самому низкому. Все это раскрылъ нашъ изыскательный вѣкъ.

Такъ былъ губителенъ воздухъ, коимъ дышали во Франціи всѣ люди, принадлежавшіе къ придворному обществу. Поэзія таилась на днѣ иныхъ сердецъ, но не смѣла появляться наружу, гдѣ заразительная атмосфера убила-бы ее. Но чѣмъ однакожь замѣнили ее люди, которые чувствовали въ себѣ что-то высшее, и не могли не передавать ощущеній, коими одѣляетъ насъ Провидѣніе для того, чтобы мы дѣлились ими съ міромъ? Они замѣнили ее желаніемъ *нравиться* въ томъ обществѣ, гдѣ предполагали средоточіе всякой жизни, всего высокаго и прекраснаго.

Съ какою-то недовѣряющею самой себѣ ироніею говоритъ Лафонтенъ, въ Предисловіи къ своимъ Les amours de Psyché et de Cupidon: «Главная цѣль «моя все таже: нравиться. Для этого, я сообра«жаюсь со вкусомъ вѣка, и, послѣ многихъ опы«товъ, мнѣ кажется, что онъ склоненъ къ прі«ятному и шутливому (au galant et à la plaisanterie). «Онъ не презираетъ и страстей; совсѣмъ нѣтъ! «Не находя ихъ въ романѣ, въ поэмѣ, въ теа«тральной пьесѣ, жалуются на это; но въ такой «Сказкѣ какъ моя, гдѣ, правда, много чудеснаго, «но перемѣшаннаго съ шутками, и годнаго заба«влять дѣтей, надлежало шутить съ начала до «конца, надобно было искать пріятнаго и шут«ливаго.»

Вотъ какія понятія имѣли объ изящномъ, вотъ къ чему стремились величайшіе геніи!

Продолжительное отступленіе наше отъ Поэзіи Богдановича могло-бы показаться излишнимъ, если-бы мы писали не о явленіи того времени, когда духъ нашихъ писателей былъ одинаковъ съ духомъ Французскихъ; когда такъ-же точно чувствуя и глядя на предметы, какъ Французы, наши заимствовали у нихъ даже всѣ ихъ изобрѣтенія и всѣ ихъ заимствованія. Писавши о Французахъ, мы писали о Русскихъ. Однимъ изъ тысячи доказательствъ послужитъ намъ *Душенька*.

Богдановичъ заимствовалъ предметъ ея и почти всѣ подробности у Лафонтена; Лафонтенъ у Апулея; Апулей у Лукіана, а Лукіанъ, по видимому, самъ заимствовалъ ее изъ народныхъ преданій. Любопытно замѣтишь, какъ переходило это преданіе.

Лукій, или Луцій Патрасскій написалъ прелестную сказку: *Оселъ*, гдѣ описываетъ свое превращеніе въ осла и разныя приключенія, случившіяся съ нимъ въ этомъ образѣ. Сказка его крашка, написана замысловато, и въ истинномъ духѣ Грековъ, не современниковъ золотаго вѣка Греческой Поэзіи, но Грековъ, уже нѣсколько упадшихъ. Ему, какъ кажется, подражалъ Лукіанъ; говоримъ *кажется*, ибо подлинное сочиненіе Лукіана не дошло до насъ. За то мы имѣемъ Латинское подражаніе оному, извѣстное подъ именемъ Апулеева *Золотаго осла*. Если Апулей все заимствовалъ у Лукіана, то сей послѣдній есть первый творецъ Душеньки,

ибо у него Луціевъ *Оселъ* распространенъ и обремененъ множествомъ эпизодовъ и вставокъ, но большей части нелѣпыхъ, но за то онъ-же обогащенъ и драгоцѣннымъ сказаніемъ о Душенькѣ. Странно даже встрѣтишь этотъ очаровательный вымыселъ посреди глупыхъ разсказовъ о человѣкѣ, очарованномъ старухою, и о томъ, какъ у другаго вѣдьмы отрѣзали носъ, когда онъ заснулъ подлѣ мертвеца. Посреди разныхъ подобныхъ вздоровъ, Душенька блеститъ какъ звѣзда во мракѣ. Посему-то съ достовѣрностью можно заключать, что Лукіанъ, котораго сочиненіе знаемъ мы изъ Апулея, невиненъ въ изобрѣтеніи Душеньки, и что онъ безъ умысла помѣстилъ, на ряду съ другими, и этотъ драгоцѣнный цвѣтокъ Древности (*).

Какъ-бы то ни было, но сказаніе о страсти самой *Любви*, или Амура, къ *Душѣ* или Психеѣ, не принадлежитъ отдаленной Древности. Любовь боговъ къ душѣ человѣческой напоминаетъ многія идеи Ново-Платониковъ. Поэзія воспользовалась этимъ прелестнымъ мивомъ, которому, какъ говоритъ Гердеръ, нѣтъ равнаго въ красотѣ, и выше котораго не дъзя создать ничего. Вотъ содержаніе его, въ самомъ краткомъ и простомъ разсказѣ.

(*) На Русскомъ языкѣ есть любопытный переводъ Апулеева *Золотаго осла*, надъ которымъ трудился *Бакалавръ Ермилъ Костровъ*, впослѣдствіи знаменитый переводчикъ Иліады.

Жилъ Царь, у котораго было три дочери. Двѣ первыя были красавицы, но третья, которая называлась Психеею, была такъ прекрасна, что люди оставили храмы Венеры и начали почитать Психею богинею красоты. Оскорбленная Венера приказала Амуру заставить эту смертную паглинку влюбиться въ самаго отвратительнаго человѣка. Амуръ взглянулъ на Психею и влюбился въ нее самъ. Между тѣмъ отецъ, думая за кого-бы выдать младшую дочь, посовѣтовался съ Оракуломъ, и тотъ изрекъ ему, что Психею надобно нарядить въ траурное платье, и въ печальной процессіи отвести къ одной горѣ, гдѣ найдетъ она своего жениха, чудовище, страшное богамъ и людямъ. Отецъ повиновался. Отвезъ дочь на ужасную скалу и оставилъ ее тамъ. Зефиръ подхватилъ Психею и отнесъ въ очарованный дворецъ, гдѣ наслаждалась она всею возможною роскошью и счастьемъ, и куда каждую ночь, во время мрака, прилеталъ къ ней Амуръ. Онъ сказалъ ей, что она до тѣхъ поръ будетъ наслаждаться своимъ блаженствомъ, пока не вздумаетъ увидѣть его, ибо послѣ этого ожидаютъ ее ужасныя несчастія. Психея не послушала его приказанія: убѣжденная сестрами, которыя также безъ воли Амура пришли къ ней, и изъ зависти увѣрили ее, что всякую ночь прилетаетъ къ ней отвратительное чудовище; она запаслась лампадой, и въ то время какъ Амуръ спалъ глубокимъ сномъ, подошла къ нему, и въ восторгѣ, въ изумленіи, при видѣ самой Любви, капнула на него горящимъ масломъ. Амуръ вспорхнулъ и съ укорами оставилъ ее. Долго бродила безутѣшная Психея; хо-

шѣла утопиться, но не могла; искала всюду Амура и наконецъ явилась къ самой Венерѣ. Злая богиня красоты налагала на нее самыя тяжкія работы и испытанія; но Амуръ тайнѣ помогалъ своей возлюбленной. Послѣднимъ и самымъ опаснымъ испытаніемъ для Психеи было приказаніе: сойдши въ область тѣней и принести отъ Прозерпины ящичекъ съ мазью красоты. Она однакожъ счастливо совершила и этотъ подвигъ, но полюбопытствовала, открыла ящичекъ, и смертный паръ поразилъ ее. Къ бездыханной явился Амуръ и прикосновеніемъ стрѣлы оживилъ ее. Наконецъ Венера умилостивилась; Юпитеръ принялъ Психею въ семъ безсмертныхъ, и она соединилась съ Амуромъ. Это происшествіе праздновали на Олимпѣ съ величайшимъ торжествомъ. Завистливыя сестры Психеи убились, бросившись со скалы.

Изящный геній Лафонтена постигъ прелесть этого сказанія; но умъ его, прикованный къ вѣку золотою цѣпью современнаго общества, охолодилъ и даже во многомъ исказилъ очаровательный Греческій миѳъ. Онъ глядѣлъ на него какъ на забавную сказку, гдѣ можно вклеить много *милыхъ вещей* о любви, о женщинахъ, о красотѣ, и прочемъ. Такъ и сдѣлано. Не смотря на то, что *любовь Психеи и Купидона* описана у Лафонтена прекраснымъ языкомъ, самый разсказъ его не совсѣмъ сообразенъ съ предметомъ, который требовалъ большей простоты. А кто-бы, кажется, могъ быть для этого способнѣе Лафонтена, названнаго и современниками и потомствомъ *простодушнымъ*? Но

вмѣшъ необыкновенный геній не могъ предаться своему сердечному стремленію. Что сказалъ-бы о немъ Буало? Что сказали-бы придворныя дамы? Передъ нимъ было два пути: или сдѣлать великолѣпную поэму, воскресить въ ней всю Миѳологію Греческую, обогатить ее нѣсколькими эпизодами, и написать надутымъ слогомъ; или, выдать свое сочиненіе за пріятную шутку, за бездѣлку, за искру веселаго досуга. Слава ему, что онъ предпочелъ послѣднее. Онъ написалъ свою *Психею* прозою, и въ Предисловіи признается, что проза стоила ему такихъ трудовъ, какъ стихи. «Я не зналъ, говоритъ онъ, какой характеръ избрать? Характеръ Исторіи? слишкомъ простъ. Романа? еще не довольно цвѣтистъ; а характеръ Поэмы уже былъ-бы слишкомъ изукрашеннымъ. Лица мои требовали *пріятнаго*; приключенія ихъ, во многихъ мѣстахъ исполненныя чудеснаго, требовали чего-то *героическаго* и *возвышеннаго*. Употребить въ иномъ мѣстѣ одно, въ другомъ другое — не позволяется: единообразіе слога есть самое тѣсное изъ всѣхъ нашихъ правилъ.»

Видите-ли въ этихъ словахъ, какъ худо понимали тогда древнюю простоту? Прелесть самаго вымысла ни сколько не поражала геніальнаго человѣка, и не входила въ его соображеніе. Разсказъ, хорошій разсказъ, *приличный*, *по правиламъ* разсказъ: вотъ что было нужно ему! Какъ будто предчувствуя будущую Критику, Лафонтенъ говоритъ между прочимъ: «Смотрите на мое сочиненіе безъ отношеній къ тому, что сдѣлалъ Апу-

лей; а на то, что сдѣлалъ Апулей, безъ отношенiй къ моей книгѣ: предоставьте рѣшенiе вкусу.» Нѣтъ, великiй, неподражаемый Баснописецъ! Мы согласимся, что отъ вкуса зависитъ дѣлать двухъаршинную или вровень съ головой прическу, мазать лицо румянами и лѣпить на него мушки; но не согласимся никогда, чтобы отъ вкуса зависѣло надѣвать кафтанъ или женское платье на Греческую сшашую: тутъ не вкусъ, тутъ чувство изящнаго есть верховный судiя. А изящное равно и въ глазахъ Грека, и въ глазахъ насъ, жителей холоднаго, далекаго сѣвера.

Но въ такомъ видѣ, въ разсказѣ придворнаго поэта досталась нашему Богдановичу басня о Душенькѣ.

Мы представили очеркъ тогдашняго общества, бывшаго одинакимъ и во Францiи и во всѣхъ образованныхъ странахъ, разумѣется съ разными оттѣнками. По крайней мѣрѣ у насъ, въ Россiи, понятiя литтературныя были цѣликомъ перенесены изъ Францiи. Явленiе сiе тѣмъ страннѣе, что у Французовъ, какъ мы видѣли, оно было слѣдствiемъ общихъ событiй; но у насъ, умы, ослѣпленные славою Французскихъ писателей, безъ разсужденiй приняли всѣ условiя, всѣ причуды и прихоти чужаго устава Литтературы. Это имѣло чрезвычайно губительное вліяніе на общiй ходъ Литтературы, ибо лишило Поэзiю нашу развитiя самобытнаго.

Удивимся-ли, что Богдановичъ, котораго не льзя и подумать сравнивать съ Лафонтеномъ, удивимся-ли, что и онъ былъ увлеченъ общимъ примѣромъ,

что и онъ просто послѣдовалъ своему образцу, передавъ на Русскомъ стихами то, что нашелъ у Лафонтена?

Конечно, это не было-бы удивительно. Удивительно то, что Богдановичъ пошелъ своею дорогою. Онъ, правда, заимствовалъ все изъ Лафонтена, однакожъ придалъ всему особенный характеръ, особенный цвѣтъ, отливающійся въ разсказѣ его на тысячу оттѣнковъ.

Что въ *Душенькѣ* принадлежитъ собственно Богдановичу? Что заимствовалъ онъ у Лафонтена, кромѣ основанія разсказа, которое безспорно принадлежитъ сему послѣднему? Какое вліяніе имѣли на Русскаго Поэта современныя понятія Литературныя и вообще вѣкъ? Наконецъ: въ чемъ заключается достоинство его произведенія, переживша-го множество явленій литературныхъ, и еще надежнаго къ долгой жизни?

Вотъ вопросы, которые постараемся мы разрѣшить въ слѣдующей статьѣ нашей. Мы видѣли сферу, гдѣ жилъ нашъ Поэтъ; видѣли происхожденіе и переходы басни, которую взялъ онъ въ основаніе своей поэмы; видѣли, что сдѣлалъ изъ нея геніальный Французскій писатель. Посмотримъ, какое превращеніе совершилось съ нею при звукахъ лиры Поэта Русскаго.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— Recueil des actes de la séance publique de l'Académie IMPÉRIALE des sciences de St. Pétersbourg, tenue le 29 Décembre 1831 (*Собраніе актовъ публичнаго засѣданія* Императорской *Академіи Наукъ*, бывшаго 29 Декабря 1831 года). 1832. Въ т. Акад. Наукъ. XVI и 140 стр. in-4.

С. Петербургская Академія Наукъ, основанная по мысли Великаго Петра, оказавшая незабвенныя услуги Наукѣ и Отечеству, заключавшая въ средѣ своей Бернуллієвъ, Эйлеровъ, Байеровъ, Миллеровъ, Шлецеровъ, Ломоносовыхъ, и нынѣ гордящаяся именами Шторховъ, Круговъ, Френовъ, Остроградскихъ, конечно есть первое изъ Россійскихъ ученыхъ заведеній. Труды нашей Академіи Наукъ могутъ показывать, на какой точкѣ находится у насъ — не просвѣщеніе, не образованность, коихъ должно искать въ кругу общественномъ — а Наука, въ высшемъ ея значеніи. Это, можно сказать, *представительство* учености въ нашемъ отечествѣ. Съ сей точки зрѣнія всегда любопытно и поучительно

видѣть: что̀ совершила Академія въ истекшій годъ, и въ какомъ состояніи находится она?

Въ книгѣ *Собраніе актовъ* заключаются слѣдующія статьи: *Состояніе Академіи въ концѣ 1831 года*, или списокъ Академиковъ и Членовъ Почетныхъ и Корреспондентовъ; *Отчетъ за 1831-й годъ*, читанный Непремѣннымъ Секретаремъ, Г-мъ Фусомъ; *Краткое обозрѣніе успѣховъ, коими познаніе животныхъ тѣлъ обязано СПбургской Академіи Наукъ* (на Нѣмецкомъ, сочиненіе Академика Брандта), съ двумя приложеніями, содержащими въ себѣ *Хронологическій списокъ ученыхъ Разсужденій Зоологическихъ* и проч., *помѣщенныхъ въ сочиненіяхъ Академіи*; Краткія Біографіи *Мессершмидта, Дювернуа, Вейтбрехта, Шрейбера, Аммана, Вильде, Вольфа*; — *Состязаніе о Технологической задачѣ, предложенной въ 1829 году*; *Математическая задача на 1833-й годъ*; *Списокъ сочиненій, принесенныхъ въ даръ Академіи.*

Ясно, что изъ всѣхъ сихъ статей, особенное вниманіе наше должна обратишь на себя *Исторія Академіи* за 1831-й годъ, изъ коей можемъ мы видѣть занятія, подвиги и надежды Академіи. Другія статьи обращаютъ на себя одно любопытство, или ученое вниманіе людей, исключительно посвящающихъ себя Наукѣ; но отчетъ, читанный Г-мъ Фусомъ, любопытенъ для всякаго просвѣщеннаго человѣка. Представляемъ извлеченіе изъ онаго, въ которомъ будемъ слѣдовать за изложеніемъ Г-на Непремѣннаго Секретаря.

1831-й годъ былъ тяжелымъ годомъ для всего Отечества нашего. Академія также не избѣгла отъ

влiянiя обстоятельствъ неблагопрiятныхъ. Многiе Члены ея были принуждены, во время господствовавшей въ Петербургѣ эпидемiи, искать въ окрестностяхъ города отдыха для души и тѣла. Два мѣсяца не было засѣданiй въ Академiи, и внѣшнiя сношенiя ея прiостановились. Впрочемъ дѣятельность Академiи не прерывалась.

Въ продолженiе года Высочайше утверждены въ званiи Академиковъ: Г-нъ Брандтъ, изъ Берлина, по части Зоологiи; Г-нъ Гессъ, по Хiмiи; Г-нъ Остроградскiй, по части Прикладной Математики; избраны: Г-нъ Шмидтъ и Г-нъ Шёгренъ, первый для Литтературы и Древностей Восточныхъ, другой для Исторiи и Древностей Русскихъ; уволенъ Г-нъ Лангсдорфъ, съ пожизненною пенсiею въ 5000 рублей, и съ сохраненiемъ ежегодно получаемыхъ имъ 300 червонцевъ, за кругосвѣтное путешествiе съ Г-мъ Крузенштерномъ. Академiя лишилась одиннадцати изъ своихъ Почетныхъ Членовъ и Корреспондентовъ, коими были: Его Императорское Высочество Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Генералъ Графъ Шпейнгейль, Адмиралъ Сенявинъ, Фельдмаршалъ Графъ Дибичъ-Забалканскiй, Генералъ Графъ Опперманъ, Дѣйств. Статск. Совѣтн. Вирстъ, Адмиралъ Сарычевъ, Баршольдъ Георгъ Нибуръ, Графъ Каподистрiа, Профессоръ Щегловъ, Вице-Адмиралъ Головнинъ. Вновь избраны, въ Почетные Члены: Каммергеръ П. Н. Демидовъ; Адмиралъ Князь А. С. Меньщиковъ; Министръ и Статсъ-Секретарь Д. В. Дашковъ; Директоръ Почтов. Деп., Тайный Совѣтникъ К. Я. Булгаковъ; Августинъ Луи Коши, знаменитый Математикъ,

Членъ Парижской Академіи Наукъ; въ Члены-Корреспонденты: Г-нъ Германнъ, Управляющій Техническою частью Московскаго заведенія искуственныхъ минеральныхъ водъ; Полевой, Издатель Московскаго Телеграфа и Авторъ Исторіи Русскаго народа; Г-нъ Вейнманнъ, Ботаникъ Павловскаго сада; Г-нъ Фрейтагъ, Профессоръ Восточныхъ языковъ въ Берлинскомъ Университетѣ; Г-нъ Серюлласъ, Членъ Парижской Академіи Наукъ.

Академическіе Кабинеты не сдѣлали пріобрѣтеній важныхъ, огромныхъ, однакожъ, изъ числа многихъ можно замѣтить: 95 портфёлей славнаго Исторіографа Миллера, по Высочайшему повелѣнію отданныхъ Академіи, и превосходный кусокъ изумрудной руды, найденный близъ Екатеринбурга, и также присланный по Высочайшему повелѣнію.

Въ продолженіе года, Академія издала пятнадцать отдѣльныхъ сочиненій, не считая изданныхъ Академиками на свой счетъ. Болѣе сорока диссертацій было читано въ засѣданіяхъ; въ томъ числѣ 33 сочиненія Академиковъ.

Первый томъ отдѣленія Наукъ Математико-Физическихъ, и первый Собранія Записокъ различныхъ ученыхъ, окончены. Отдѣленіе Наукъ Историческихъ, Филологическихъ и Политическихъ, не могло издать книги, потому что многіе изъ Членовъ сего отдѣленія представили сочиненія слишкомъ обширныя, или, по разнымъ причинамъ неоконченныя. Впрочемъ, четвертая тетрадь тома издана.

За симъ, въ отчетѣ Г-на Непремѣннаго Секретаря слѣдуетъ извѣстіе объ отдѣльныхъ трудахъ Академиковъ, какъ-то: о Курсѣ Небесной Механики и Математической Физики, Г-на Остроградскаго, о Русскомъ переводѣ сочиненія Коши, Г-на Буняковскаго (см. Тел. 1831 г. N° 15), о Химіи Г-на Гесса, объ огромномъ сочиненіи Г-на Купфера касательно Кристаллографіи, о продолженіи Ботаническаго сочиненія Г-на Триніуса, о донесеніи Г-на Мейера, ботаника, путешествующаго на Кавказѣ, о ботаническомъ сочиненіи Г-на Брандта, касательно ядовитыхъ растеній Германіи, издаваемомъ вмѣстѣ съ Г-мъ Рацебургомъ, и наконецъ о Монгольской Грамматикѣ Г-на Шмидта. Академія также пріобрѣла два неконченныя, но важныя сочиненія знаменитыхъ ботаниковъ, Палласа и Маршала-Биберштейна, и намѣрена издать ихъ, дополнивъ своими трудами.

Предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ заняться важнымъ отдѣленіемъ трудовъ Академіи: *Записками*, читанными въ частныхъ собраніяхъ оной. Здѣсь многіе предметы, изслѣдованные Гг. Академиками, достойны особеннаго вниманія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что міръ ученый пріобрѣтетъ важныя наблюденія и глубокомысленныя изслѣдованія, когда будутъ изданы сіи труды Гг. Академиковъ.

Изъ ученыхъ предпріятій Академіи, особенно замѣчательны: Проэктъ объ изданіи полной Флоры Россійской, и труды Гг. Купфера и Ленца, касательно точнаго опредѣленія баромегрической вы-

сомы при берегахъ моря. Предметы сіи кажутся намъ такъ важны, что здѣсь мы будемъ просто переводить слова Г-на Непремѣннаго Секретаря.

« Потребность въ общей Флорѣ Россійской была чувствуема еще во времена Екатерины II-й. Тѣмъ ощутительнѣе потребность сія нынѣ, когда въ познаніи растеній почти всѣхъ частей свѣта совершаются постепенные успѣхи. Россія, занимающая девятую часть всей обитаемой земли, и двадцать осьмую всей земной поверхности, еще очень мало извѣстна въ ботаническомъ отношеніи. Съ этимъ не льзя не согласиться, вспомнивъ, какъ не велико число нашихъ мѣстныхъ Флоръ, и какъ недостаточны росписи, за тридцать лѣтъ извлеченныя, трудами Георгія, изъ путешествій Академиковъ. Но сіи-то мѣстныя Флоры (напримѣръ, Алтайская Гг. Ледебура, Мейера и Бунге), столь богатыя, возбуждаютъ желаніе узнать сокровища другихъ мѣстъ нашей обширной Имперіи, между тѣмъ какъ Ингрійская Флора Соболевскаго, и даже Таврo-Кавказская Маршала-Бибершгейна, требуютъ важныхъ исправленій, чтобы сдѣлаться дѣйствительно полезными Наукѣ. Впрочемъ, даже не думая о выгодахъ, какія получила-бы отъ сего Ботаника систематическая, собственно такъ называемая, легко понять, сколь полезно было-бы для самой Географіи растеній, узнать въ точности мѣсторасположеніе произрастаемыхъ на обширной почвѣ Россіи.

«Но одинъ ботаникъ, сколько-бы ни были богаты его собранія Русскихъ произрастаемыхъ, не въ си-

лях выполнить требований Науки: только содействие всех отечественных ботаников может дать надежду достигнуть сей цели, и не одним, вдруг написанным сочинением, но посредством трудов продолжительных и постоянных. Академии предлежало указать путь к сему важному последствию. Она постановила, согласно с лучшими ботаниками Петербургскими и Дерптскими, пригласить программою всех Русских ботаников соединиться, и общими силами составить *Продромъ* Флоры Российской, ибо прежде всего надобно собрать матеріялы, которые со временем послужат к составлению большаго, предполагаемаго сочинения.

«Число всех сотрудников и собирателей, к коим отнеслась Академія с приглашением, простирается до 60-ти. Въ семъ списке находятся имена Гг. Фишера, Триніуса, Бонгарда, Брандта, Мейера, Прескотта, Петербургских, и, сверх того, все Профессоры Ботаники въ отечественных Университетах, и многіе ревностные ботаники, находящіеся на всем пространстве Имперіи, от границ Польши до Петропавловскаго Порта и Северо-Западнаго берега Америки, и от Архангельска до Персидских, вновь завоеванных областей. Академія твердо увърена, что предпріятіе сіе совершенно согласно с желаніем всех Русских Ботаников, и что каждый из них приметъ живъйшее участіе въ семъ важном трудъ.

«Сначала надобно будетъ согласиться, какое семейство растений изберетъ себъ каждый сотрудникъ; но, дабы трудъ былъ по возможности еди-

нообразенъ, къ каждому экземпляру программы присоединенъ образецъ описанія цѣлаго семейства. Послѣ раздѣленія семействъ, каждый изъ сотрудниковъ, кто имѣетъ собраніе травъ, будетъ долженъ, и для пользы предпріятія конечно поспѣшитъ самъ, сообщить сотрудникамъ своимъ всѣ виды, какіе есть у него изъ другихъ семействъ, избранныхъ ими. Сама Академія подастъ къ тому первый примѣръ, и ея богатые гербаріи даютъ ей въ семъ случаѣ средство могущественнаго пособія. Само собою разумѣется однакожъ, что не только всѣ растенія, сообщенныя такимъ образомъ отъ одного другому, должны быть тщательно возвращены по окончаніи труда, но и что сверхъ сего, всѣ сотрудники постараются, для собственной ихъ чести, внести въ гербаріи Академіи, какъ въ центральный архивъ сего учрежденія, по нѣскольку экземпляровъ, дабы оные служили оригинальными свидѣтельствами и представителями семействъ, обработанныхъ ими. Окончательная редакція сочиненія будетъ произведена подъ смотрѣніемъ Академіи, Центральнымъ Комитетомъ, который учредится въ Санктпетербургѣ. Трудъ сей будетъ издаваться тетрадями, изъ коихъ первыя надѣемся мы представить публикѣ года черезъ три или четыре. Каждый сотрудникъ получитъ изъ оныхъ по одному экземпляру, сверхъ условленнаго вознагражденія за каждый представленный трудъ. Только послѣ совершеннаго окончанія Продрома приступлено будетъ къ составленію самой Флоры. Почитаемъ излишнимъ прибавлять, что каждое семейство явится подъ именемъ того, кто занимался онымъ, и что даже объ

именахъ простыхъ собирателей будетъ упомянуто съ признательностью. Для доставленія симъ послѣднимъ средства сопровождать свои присылки точными указаніями Географическими, къ программѣ прибавлено наставленіе, какъ употреблять барометръ для измѣренія высотъ.

« Знаменитый Лапласъ, о смерти котораго не перестанетъ сѣтовать ученый міръ, Лапласъ, въ послѣднее время жизни своей, обратилъ вниманіе Парижской Академіи на нѣкоторые предметы, особенно подлежащіе изслѣдованію Академій. Каждый ученый отдѣльно, по эгоизму, весьма естественному и извинительному, предпочтительно посвящаетъ себя трудамъ, коихъ самъ надѣется видѣть слѣдствія; Академіи должны покровительствовать и начинать изслѣдованія, которыя имѣютъ цѣль болѣе отдаленную, хотя не менѣе вѣрную, и которыя должны принести плоды одному потомству. Къ такимъ трудамъ принадлежатъ, между прочимъ, точное опредѣленіе состава и давленія атмосферы, измѣреніе дѣятельности магнетическихъ силъ на различныхъ точкахъ земли, изслѣдованіе средней температуры воздуха и почвы въ тѣхъ-же мѣстахъ, и проч. Всякій согласится, что если-бы въ первые вѣка образованности рода человѣческаго собирали подобныя наблюденія, какими обладаетъ Астрономія съ самыхъ отдаленныхъ временъ, то теперь, при всей неполнотѣ оныхъ, мы уже знали-бы перемѣны, испытанныя сими элементами въ теченіе вѣковъ, и Физика земнаго шара не была-бы сборомъ гипотезъ, большею частію неосновательныхъ: она за-

нимала-бы почетное мѣсто въ кругу Наукъ точныхъ, на ряду съ Астрономіею.

«Г-нъ Купферъ, имѣя рѣшительную склонность къ изысканіямъ сего рода, даръ наблюденія и постоянство неутомимое, изъявилъ Академіи желаніе, посвятишь часть своего времени одной изъ сихъ задачъ, для чего самое мѣстоположеніе нашей столицы представляетъ всѣ необходимыя удобства. Задача сія: точное опредѣленіе барометрической высоты на берегу моря. Кто занимался сею частію Физики, тому извѣстно, какъ недостаточны средства наши для точнаго опредѣленія высшаго давленія атмосферы, или, иными словами, для отысканія всегдашней неизмѣнности барометра. Правда, есшь превосходныя изслѣдованія измѣненій сего давленія. Надобно только вспомнишь шруды Карлини, Бувара и Гельштрома. Но при сравненіи двухъ барометровъ ошкрывается шакая великая разница, чшо донынѣ, среди сихъ неправильностей, было невозможно опредѣлишь высшей величины. И между шѣмъ, великій вопросъ, измѣняется-ли среднее давленіе атмосферы, или нѣшъ, можешъ бышь рѣшенъ шолько посредствомъ сихъ высшихъ величинъ, и сравненіемъ оныхъ въ вѣкахъ. Надобно, чшобы примѣръ Г-на Купфера нашелъ подражашелей, и мы будемъ знашь, по крайней мѣрѣ, одинаково-ли сіе среднее давленіе на берегахъ всѣхъ морей.

«Другая выгода, представляемая Петербургомъ для сихъ изысканій: долговременныя и чрезвычайно точныя барометрическія наблюденія Г-на Виниевскаго. Высота моря наблюдается въ Кронштад-

нѣ ежедневно, и она не подвержена такимъ большимъ измѣненіямъ, какія производитъ въ другихъ моряхъ приливъ и отливъ. Относительная высота между Петербургомъ и Кронштадтомъ можетъ быть съ величайшею точностью опредѣлена, посредствомъ соотвѣтственныхъ наблюденій. Слѣдственно, всѣ части труда были приготовлены; оставалось только найдти методу для точнѣйшаго опредѣленія постоянной ошибки въ барометрѣ Г-на Вишневскаго. Метода найдена, и Г-нъ Куферъ началъ свой трудъ, въ которомъ обѣщалъ помогать ему Г-нъ Ленцъ. Академія не колеблясь ободрила сіе полезное предпріятіе, и объ успѣхахъ онаго будетъ постепенно увѣдомлять публику.»

Далѣе Г-нъ Непремѣнный Секретарь представляетъ свѣдѣнія объ Археографическомъ путешествіи Г-на Строева, на которое Академія употребляетъ большія издержки, и о Физическо-Астрономическомъ путешествіи въ Китаѣ и Сибири, Гг. Георга Фуса и Бунге. За симъ слѣдуютъ: извѣстія о разныхъ рукописяхъ и предметахъ, разсмотрѣнныхъ Академіею по препорученію Правительства, и краткое извѣстіе объ учрежденіи Демидовскихъ наградъ.

Читатели наши видятъ и важность трудовъ, занимающихъ Академію, и направленіе къ предметамъ высшей учености, достойныя столь знаменитаго сообщества. Мы увѣрены, что будущій отчетъ ея представитъ послѣдствія, еще болѣе удовлетворительныя и блистательныя.

— *Государственная внѣшняя торговля 1831 года, въ разныхъ ея видахъ.* СПб. 1832. Въ т. Деп. Внѣшней Торговли. 76 стр. in-4.

Почитая книгу сію однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ Государственной Статистики Россіи, мы постоянно извѣщаемъ читателей нашихъ о каждогодномъ выходѣ ея въ свѣтъ, и, по возможности, представляемъ главнѣйшіе выводы изъ оной. Такъ поступимъ и нынѣ.

Неблагопріятныя обстоятельства, коими начался для Россіи 1831-й годъ, заставляли опасаться, что внѣшняя торговля наша потерпитъ большое стѣсненіе. Распространеніе холеры до портовъ Архангельскаго, С. Петербургскаго, Рижскаго, Ревельскаго, и другихъ; строгія каранти нныя мѣры, принятыя въ иностранныхъ земляхъ; война въ Польшѣ и безпокойства въ западныхъ губерніяхъ, чрезвычайно затрудняли торговые обороты; даже на Каспійскомъ морѣ и въ Грузіи торговля пострадала отъ бывшихъ въ Персіи безпокойствъ и заразы. « Не взирая однако на всѣ сіи неблагопріятныя событія, внѣшняя торговля наша, сверхъ всякаго ожиданія, немногимъ уменьшилась противъ 1830-го года, который, какъ извѣстно, превышалъ предшествовавшіе годы: доказательство, что дѣятельность частная нашла возможность преодолѣть или смягчить всѣ препоны. »

Всѣхъ товаровъ отпущено было въ 1831 году,

за границу, на	244,424,257 р.
въ Финляндію на	1,909,341 —
всего на	246,333,598 р.

Привезено:

изъ-за границы на . . .	176,358,626 р.
— Финляндіи на	637,088 —
всего на . .	176,995,714 р.

изъ Россіи отпущено товаровъ болѣе на 69,337,884 р.

Торговля съ Царствомъ Польскимъ, по причинѣ бывшей войны, прекратилась совершенно, и начала возникать уже въ исходѣ 1831 года, но по маловажности своей не могла войдти въ соображеніе при составленіи торговаго баланса. Торговля съ Бессарабіею, сдѣлавшаяся, по перенесеніи въ началѣ 1831 года Днѣстровской таможенной черты на Прутъ и Дунай, внутреннею, также не входитъ въ балансъ торговли заграничной.

Главнѣйшими статьями отвозной торговли были: пшеница (на 40,804,289 р.), рожь (на 14,340,994 р.), ленъ, (на 23,119,005 р.), пенька, (на 17,688,509 р.), сало, (на 40,235,804 р.), сѣмя льняное, (на 15,291,606 р.).

Въ привозѣ всего болѣе было бумаги бѣлой *пряденой*: на 30,600,458 р. (582,720 пудовъ), тогда какъ хлопчатой получено только на 2,179,727 рубл. (104,549 пудовъ). Свѣдѣніе, чрезвычайно любопытное! Оно показываетъ, какъ много еще должно намъ заводить бумагопрядилень, и оправдываетъ рвеніе, съ коимъ учреждаются сіи заведенія. За симъ важнѣйшими статьями были: сахаръ (на 24,621,265 р.), бумажныя издѣлія (на 10,028,607 р.),

и виноградныя вина (Шампанскаго 373,545 бут., на 2,262,194 р., и другихъ винъ на 8,389,284 р.). Еще замѣчательно, что одного индиго получено на 5,440,608 р., и *соли поваренной* на 6,866,787 руб.!

Цѣны на Россійскіе товары не только не уменьшились, но на нѣкоторые еще и возвысились; иностранные-же товары вообще въ цѣнахъ своихъ примѣтно упадали.

Россійской золотой и серебряной монеты (вывозъ коей разрѣшенъ Указомъ 4 Октября 1830 года) вывезено за границу только на 695,834 р., между тѣмъ какъ привезено въ Россію золота и серебра на 44 милліона рублей. Это доказываетъ неосновательность опасній, что дозволеніе вывозить звонкую монету можетъ произвести недостатокъ въ благородныхъ металлахъ.

Собственно таможенныхъ доходовъ поступило въ казну 69,182,189 р. 74 коп.; посторонніихъ въ пользу Государственнаго Казначейства 995,151 р. 23¼ к.; въ пользу разныхъ городовъ и мѣстъ 1,404,554 р. 78 к.; всего 71,581,895 р. 75¼ к.; прошивъ 1830 года болѣе 3,217,797 р. 35¾ коп. Важнѣйшій торгъ, то есть отпускъ товаровъ за границу и полученіе оныхъ въ Россію, производили слѣдующіе купеческіе домы: Шишгинъ на 30,294,932 р.; Томсонъ, Вильсонъ и Харвей на 15,444,898 р.; Клеменцъ и Тундеръ на 15,397,951 р.; Гольфордъ на 12,588,423 р.; Мишчель и Компанія на 10,238,933 р.; Брандъ съ сыномъ (Архангельскій) на 10,128,387 р.; Амиро 9,997,253 р.; обороты всѣхъ другихъ не достигали 10 милльоновъ.

— *Рѣчь о необходимости отечественнаго воспитанія*, произнесенная въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, 11 Декабря 1831 года, Инспекторомъ и Ординарнымъ Профессоромъ М. Талызинымъ, при торжественномъ (?) испытаніи воспитанниковъ, произведенномъ по окончаніи двухгодичнаго предварительнаго курса. СПб. 1832. Въ т. 1 Кадетскаго Корпуса 10 стр. in-4.

Мы конечно не упомянули-бы объ этой книжкѣ въ Библіографіи нашей, можетъ быть даже потому, что торжественныя рѣчи обыкновенно исчезаютъ, вмѣстѣ съ звуками литавръ, услаждающими слухъ посѣтителей, и не доходятъ до самыхъ усердныхъ библіомановъ.

Но мы получили Рѣчь Г-на Талызина отъ неизвѣстной особы, при письмѣ, въ которомъ просятъ насъ вникнуть въ нее и быть къ ней безпристрастнѣе Издателей Сѣверной Пчелы. Благодаримъ неизвѣстную особу, и увѣряемъ ее, что мы будемъ безпристрастны къ сочиненію Г-на Талызина. Не помнимъ, что̀ сказала о немъ Сѣверная Пчела, и даже не хотимъ справляться объ этомъ: нашъ независимый будетъ наше мнѣніе.

Г-нъ Талызинъ былъ извѣстенъ намъ до сихъ поръ какъ сочинитель Логики, умно и хорошо написанной, и какъ авторъ прекрасныхъ, дѣльныхъ и благородныхъ статей о книгѣ: *Военное Краснорѣчіе*. Имя Г-на Талызина всегда пробуждало въ насъ воспоминанія пріятныя.

Тѣмъ съ большимъ изумленіемъ прочли мы Рѣчь его, и даже нѣсколько времени сомнѣвались: нашъ-

ли это Авторъ, который доставилъ намъ нѣкогда столько удовольствія? Послѣ этого мы должны объяснить: отъ чего родилось наше сомнѣніе? Просимъ читать.

Предметъ, избранный Г-мъ Талызинымъ, былъ достоинъ глубокомыслія Платонова и Краснорѣчія Цицероновскаго. Что можетъ быть выше, священѣе, прекраснѣе любви къ отечеству, и слѣдственно воспитанія, развивающаго эту любовь, эту страсть душъ благородныхъ и народовъ великихъ? Если вообще страсти необходимы для блестящихъ, великихъ подвиговъ, то предметомъ страсти цѣлаго народа; даже единственною страстью его должна быть любовь къ отечеству; ею мы, Русскіе, въ 1612-мъ и Испанцы въ 1812-мъ спасли свое отечество отъ чуждаго ига; ею даже Китайцы прожили нѣсколько тысячъ лѣтъ: доказательство, что любовь къ роднымъ камнямъ и воздуху даетъ жизнь и долголѣтіе, и что ею творится все великое, все прочное... Но истины сіи въ душѣ каждаго изъ просвѣщенныхъ читателей нашихъ: оправдываемся въ отступленіи нашемъ не новою, однакожь всегда вѣрною аксіомою, что о близкихъ предметахъ заговариваться невольно.

Посмотримъ, какія средства предлагаетъ Г-нъ Талызинъ, для развитія священной любви къ отечеству.

Сказавъ, что общество, достигшее извѣстной степени образованности, не можетъ обойдтись безъ умственныхъ сношеній съ другими народами,

онъ начинаетъ вопіять противъ иноземнаго воспитанія Русскихъ, и въ доказательство приводитъ или исключенія, или небывалое; а это никогда не убѣдительно. Зачѣмъ представлять предметы въ неистинномъ видѣ ихъ? Когда, напримѣръ, было время, что мы: «Подъ смотрѣніемъ иноплеменни-«ковъ раздружились было съ отечественнымъ сло-«вомъ, отчуждились многихъ священныхъ обрядовъ «Вѣры, съ пренебреженіемъ смотримъ издали на «дѣдовскіе обычаи и забавы нашей меньшей братіи: «все это кажется намъ грубо.»

Мы знаемъ Россію не по одному Петербургу, и смѣемъ увѣрить Г-на Сочинителя, что этого не было въ отечествѣ нашемъ и нѣтъ нигдѣ, начиная отъ великолѣпныхъ столицъ, до деревушекъ на берегахъ Ангары и Чернаго моря. Сочинитель ссылается на книгу, изданную противъ чужеязычія. При всемъ уваженіи нашемъ къ Автору сей книги, скажемъ, что не она обратила Русскихъ къ бо́льшему усовершенію книжнаго языка. Тамъ споръ шелъ о сочиненіяхъ нѣсколькихъ писателей, которые или всѣ умерли, или остались неисправимы: нынѣ дѣйствуетъ поколѣніе новое.

Вотъ еще нѣсколько обвиненій Г-на Сочинителя: «Не знаю, славно-ли было для насъ, что дѣти «Россіи разсказывали съ подробностію о дѣлахъ «Фарамонда и Королей шунядцевъ, и оказывали «сомнѣніе, когда имъ повѣствовали о подвигахъ «Святослава, Владиміра Великаго, Мономаха, Нев-«скаго, Донскаго, ибо иностранцами было напол-«ковано имъ, что Исторія Россіи начинается съ

«Петра Великаго, и то не занимательна? Не знаю, «сколько получала Россія пользы отъ того, что «они въ состояніи были пересчитывать всѣ горо- «да и пригороды Зарейскіе, а на картѣ отече- «ства могли показать только Москву и Пешербургъ, «извѣстные имъ потому, что тамъ были Нѣмецкіе «и Французскіе шпатры? Умножится-ли въ дѣтяхъ «любовь къ отечеству и согражданамъ отъ любви «къ чужеземнымъ обычаямъ и ухѣхамъ, и отъ мы- «сли, поселяемой въ нихъ съ молокомъ кормилицы, «что нравы Россійскіе суть нравы варваровъ?» Кто не согласится, что эта картина слишкомъ и слишкомъ перекрашена въ темный цвѣтъ? Но всего удивительнѣе, что Сочинитель думаетъ доказываетъ одно, а изъ словъ его выходитъ другое. Развѣ это худо, что у насъ дѣти разсказывали подробности историческія и сомнѣвались о подвигахъ Святослава, въ самомъ дѣлѣ полу-баснословныхъ? Развѣ отъ этого менѣе могли они любить свое отечество? Развѣ не справедливо, что новая Исторія Россіи начинается съ Петра? Между тѣмъ эти-же дѣти знали и подвиги Святослава; слѣдственно они хорошо знали Исторію. Только я не думаю, чтобы все это было когда нибудь, такъ-же какъ не вѣрю, чтобы дѣти помнили всѣ пригороды Зарейскіе, а въ Россіи знали только Москву и Пешербургъ по иностраннымъ шпатрамъ, которыхъ даже и не было тамъ, и которые учреждены въ недавнее время. Но, потъ до чего доводитъ пристрастный взглядъ: и молоко кормилицъ нашихъ показалось Г-ну Сочинителю чужеземнымъ! Но чѣмъ-

же прикажете кормить дѣтей? Неужели древними кашами?

Просимъ однакожь подумать, и, если можно, догадаться, чѣмъ предлагаетъ Г-нъ Сочинитель замѣнить или исправить мнимо-чужеземное воспитаніе? Вѣрно не угадаетъ никто! Онъ рекомендуетъ: *кулачные бои, борьбу, ристанія на коняхъ, бѣганіе въ запуски, быстрыя устремленія на крутизны, смѣлые скачки съ высотъ въ глубокіе потоки*, и прибавляетъ: «Ежели, возстановивъ сіи *отечественныя* (*) игры, мы не увеличили-бы храбрости сыновъ нашихъ, то, по крайней мѣрѣ, не должны-бъ были закутывать ихъ во фланель, посылать на воды и покупать имъ очки на 18-мъ году ихъ возраста.» Конечно это превзошло ожиданія каждаго изъ нашихъ читателей! Но вотъ еще средство: «Предки наши любили собираться въ извѣстные дни на могилы отцовъ своихъ, выходя изъ домовъ съ семействами, цѣлыми городами и селеніями, и, совершивъ благоговѣйный обрядъ Вѣры, бесѣдовали о почившихъ предъ дѣтьми своими, раздѣляли между собою печаль о преждевременной утратѣ ихъ, воспоминая ихъ заслуги и добродѣтели. Что̀ если-бы и мы, въ сіи священные дни помновенія, стали водить дѣтей своихъ ко гробамъ отцовъ нашихъ?» Если-бы Г-нъ Сочинитель зналъ Россію, то ему было-бы извѣстно, что этотъ обрядъ сохраняется между простымъ народомъ, и что послѣ поминове-

(*) Полно, такъ-ли? Отечественныя-ли?

нія обыкновенно начинается попойка, часто оканчивающаяся такими оргіями, отъ которыхъ да избавитъ насъ Богъ! Неужели онъ отъ чистаго сердца хочетъ распространенія этого обычая? . . .

Мы вѣримъ, что Г-нъ Талызинъ имѣлъ хорошее намѣреніе, писавши свою Рѣчь; но, 1-е) онъ представилъ злоупотребленія чужеземнаго воспитанія въ такомъ преувеличенномъ, небываломъ видѣ, что никто не узнаетъ въ его изображеніи своихъ ошибокъ, и слѣдственно слова его будутъ тщетны; 2-е, онъ предложилъ такія средства для замѣны любви къ чужеземному, которыя не согласны ни съ временемъ, ни съ нравами, ни съ гражданскимъ устройствомъ нашимъ; 3-е, будучи увлеченъ своею излишнею пылкостью, онъ такъ не логически, такимъ дурнымъ слогомъ написалъ свою Рѣчь, что она не производитъ того впечатлѣнія, которое желалъ произвести Авторъ.

— *Хрестоматія*, извлеченная изъ лучшихъ Французскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ. Въ концѣ пріобщенъ Словарь Французскаго и Россійскаго языка. Издана Л. Нувелемъ. СПб. 1832. Въ ш. Гинце. 105 и 114 стр. in-8.

Назначеніе Хрестоматій: представить дѣтямъ образцы языка во всѣхъ родахъ. Книга, изданная Г-мъ Нувелемъ, съ сей стороны достойна вниманія учащихся Французскому языку. Въ ней найдутъ они хорошо избранные примѣры Французскаго языка. Половину книги занимаетъ Словарь всѣхъ находя-

щихся въ примѣрахъ словъ, кратко, но вѣрно переведенныхъ на Русскій языкъ.

— Abrégé des Aventures de Télémaque, fils d'Ulysse, d'après l'ouvrage de Fénélon. A l'usage de la jeunesse par J. Einerling. *Сокращеніе странствованій Телемака, сына Улиссова.* Твореніе Фенелона, примѣненное къ юному возрасту И. Эйнерлингомъ. Съ присовокупленіемъ жизнеописанія Автора, перевода на Россійскій языкъ труднѣйшихъ выраженій и краткаго Историческаго, Географическаго и Мивологическаго Словаря. Съ картою странствованій Телемака. *Новое изданіе, тщательно пересмотрѣнное и исправленное.* СПб. 1832. Въ т. Гинце. XII и 285 стр. in-12.

— *Краткая Латинская Грамматика.* Сочиненіе Лефранка, Почетнаго Профессора Парижскаго Университета. Примѣненное къ Россійскому языку И. Эйнерлингомъ. СПб. 1832. Въ т. Гинце. XIV и 278 стр. in-12.

При появленіи въ свѣтъ перваго изданія *Телемака*, сокращеннаго Г-мъ Эйнерлингомъ, мы отдали должную справедливость его труду. Теперь, въ доказательство, съ какимъ вниманіемъ принята книга сія учлищнымъ Начальствомъ, прибавимъ, что она одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и назначена для Гимназій. Сверхъ того, ее ввели въ употребленіе многія казенныя и частныя учебныя заведенія.

Латинская Грамматика Лефранка, безспорно есть лучшая изъ всѣхъ Латинскихъ Грамматикъ. Авторъ ея принялъ въ основаніе Грамматику Ломона, напечатанную множество разъ, исправилъ Этимологію оной, и совершенно передѣлалъ Синтаксисъ. Общее одобреніе было наградой Автора, и его трудъ сдѣлался во Франціи Классическимъ. Г-нъ Эйнерлингъ весьма удачно и отчетливо примѣнилъ книгу сію къ Русскому языку, ибо многія правила, необходимыя только для Француза, надлежало исключить или передѣлать, и многое, что не нужно знающему Французскій языкъ, прибавить. Такимъ образомъ, трудъ Лефранка явился на Русскомъ языкѣ въ обдуманномъ примѣненіи, и мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ оное для изученія Латинской Грамматики.

Книга сія принадлежитъ къ *Избранной Латинской Библіотекѣ*, издаваемой Г-мъ Эйнерлингомъ.

УСПѢХИ

въ изслѣдованіи Восточной Литтературы.

(Окончаніе.)

Какъ ни замѣчательны всѣ сіи труды; но, должно признаться, что Литтература главныхъ Мусульманскихъ народовъ не обогащена въ истекшемъ году столь большимъ числомъ сочиненій, какъ нѣкоторыя другія отрасли Восточной Словесности. Изученіе языка и преданій Персидскихъ однакожъ пріобрѣло пособія многочисленныя и разнообразныя. Г. Шармуа издалъ, съ обширными прибавленіями, извлеченіе изъ *Эскендеръ-Наме*, поэмы Низами о походѣ Александра Великаго противъ Русовъ, въ переводѣ Л. Шпицнагеля. Первый томъ сей книги представленъ намъ въ прошлогоднемъ торжественномъ засѣданіи; второй не замедлитъ явиться. Персидскій текстъ огромнаго сочиненія Феришшаха, пересмотрѣнный Г-мъ Бриггсомъ, отлитографированъ въ Бомбеѣ, на иждивеніи Остъ-Индской Компаніи. Счастливымъ нововведеніемъ можно почесть примѣненіе сего средства къ печатанію Восточныхъ текстовъ, ибо если и въ Европѣ литографія произвела слѣдствія неожиданныя, то мы въ правѣ надѣяться, что еще обширнѣйшія произведетъ она на Востокѣ, гдѣ такъ легко

воспользоваться рѣдкимъ искуствомъ каллиграфовъ. И дѣйствительно, удобство сего средства породило многія предпріятія въ различныхъ частяхъ Индіи. Замѣчаютъ съ удовольствіемъ, что машеріяльная часть сего искуства совершенствуется, вмѣстѣ съ распространеніемъ онаго. Первые опыты, сдѣланные къ Калькуттѣ за нѣсколько лѣтъ, заставляли еще желать нѣкотораго улучшенія. *Анвари Согейли*, Бомбейское изданіе, показываетъ успѣхъ значительный; а послѣдніе образцы огромныхъ изданій Библейскаго Общества, печатаемыхъ въ Мадрасѣ, равняются въ совершенствѣ самымъ изящнымъ рукописямъ. Кажется, что литографію можно примѣнить съ равнымъ успѣхомъ ко всѣмъ родамъ изданій: насъ извѣщаютъ, напримѣръ, что въ Бомбеѣ скоро явится въ новомъ изданіи *Бурган-хати*, лексиконъ, необходимый для изученія Персидскаго языка, и уже рѣдкій въ Европѣ послѣ одного изданія. Сиръ Гарфордъ Джонесъ, бывшій Посланникомъ въ Персіи, обѣщаетъ вскорѣ издать Исторію царствующей шамъ фамиліи: онъ получилъ сочиненіе сіе изъ рукъ нынѣшняго Персидскаго Государя, и вѣрилъ переводъ онаго ученому Г-ну Шэ, который уже подарилъ насъ переводомъ перваго тома Исторіи Мирхонда. Отрывокъ изъ *Шахъ-Наме* снова изданъ Г-мъ Робертсономъ, съ буквальнымъ переводомъ. Но изъ всѣхъ относящихся къ Персіи изданій самое важное, безъ сомнѣнія, есть полный текстъ *Шахъ-наме* Фирдуси, напечатанный въ четырехъ томахъ, Капитаномъ Маканомъ. Довершеніе сего почетнаго, великаго предпріятія принадлежитъ щедрости Короля Аудскаго,

который принялъ на себя издержки, послѣ чего какъ Ость-Индская Компанія, начавшая печатаніе, отказалась продолжать оное. Такимъ образомъ сей Государь, другъ Словесности, уже оказавшій оной многія заслуги, подарилъ ученому міру первое полное изданіе огромной эпопеи, этого драгоцѣннаго собранія историческихъ и поэтическихъ преданій древней Персіи. Г-нъ Маканъ прибавилъ къ самому тексту *Фергенгун Шахъ-наме*, или словарь древнихъ словъ. Сіе прекрасное изданіе можно было-бы назвать совершеннымъ, если-бы Издатель присовокупилъ къ нему избранные варіянты: прибавленіе, необходимое для текста столь искаженнаго, надъ которымъ Критикѣ остается еще много труда.

Если должно по числу трудовъ, относящихся къ какой либо Литтературѣ, судить о важности, которую соединяютъ съ познаніемъ народа, ею обладающаго, то можно сказать, что изъ всѣхъ странъ Азіи, въ наше время наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе ученой Европы Индія. Симъ преимуществомъ она обязана высокой славѣ, которою уже вѣка пользуются ея философы, особенно-же яркому свѣту, какой пролили на ея Поэзію, языкъ, и религіозныя системы извѣстія Англійскихъ изыскателей и труды Европейскихъ ученыхъ. Въ то время, когда Исторія Человѣчества призываетъ усилія и занимаетъ любопытство умовъ, какъ-бы отказавшихся отъ живаго участія въ движеніи обществъ новыхъ, народъ, столь древле просвѣщенный, столь оригинальный, столь независимый въ своемъ развитіи, долженъ былъ занять важное мѣ-

сию въ общности историческихъ трудовъ, коихъ предметомъ сдѣлалась Азія. Впрочемъ, мракъ, облекающій Исторію образованности ея, отнюдь не разсѣянъ, и къ важности предмета присоединяется еще самая новость изученія, которое обѣщаетъ всѣмъ занимающимся онымъ слѣдствія, по состоянію науки долженствующія еще много времени имѣть существенную цѣну. Такъ Германія, сія классическая земля учености, безпрестанно порождаетъ труды, прибавляющіе новыя имена къ справедливо прославленнымъ именамъ Бопповъ, Шлегелей и Лассеновъ. Въ С.Петербургѣ, Г. Аделунгъ издалъ, подъ заглавіемъ: Literatur der Sanskrita-Sprache, пространную Индійскую Библіографію. Въ Берлинѣ, Г. Бепари издалъ Латинскій переводъ небольшой поэмы: *Налодаіа*, которой текстъ уже изданъ въ Индіи. Г. Франкъ выдалъ вторую и третью тетради своего собранія, называемаго *Віаза*. Это изданіе достойно вниманія, по любопытнымъ изысканіямъ о различныхъ частяхъ Индійской Философіи. Древнее законодательство Браминовъ пріобрѣтетъ новыя объясненія, въ коихъ нуждается оно, если сей-же ученый исполнитъ обѣщаніе свое, вскорѣ напечатавъ истинно-критическое изданіе древнѣйшаго Индійскаго Уложенія: *Законы Ману*, и если къ объясненію текста прибавитъ онъ достойный комментарій, касательно религіозныхъ и гражданскихъ установленій Индіи, безъ чего перепечатанія древнихъ изданій будутъ всегда приносить пользу ограниченную. Необходимость въ чрезвычайной исправности, столь живо ощущаемая въ странѣ, гдѣ критика слогъ сдѣлала успѣхи

великіе, побудила Г-на Боппа начать новое изданіе прелестнаго эпизода *Налы*, который всегда будутъ уважать, какъ первый Санскритскій текстъ, изданный въ Европѣ, тогда какъ не было еще драгоцѣннаго пособія, Санскритскаго Словаря Вильсона. Половина текста, съ Латинскимъ переводомъ, уже явилась въ свѣтъ; можно ожидать скораго появленія второй части и замѣчаній. Въ Боннѣ, изданіе Басень *Гитопадезы*, столь ученымъ образомъ выполненное Г-ми Шлегелемъ и Лассеномъ, вскорѣ обогатится Латинскимъ переводомъ и замѣчаніями, гдѣ любители Индійской Литтературы найдутъ, вмѣстѣ съ полнымъ объясненіемъ текста, необходимыя подробности о нравахъ и обычаяхъ Индіи, которыя однѣ могутъ придавать Филологическимъ трудамъ пользу и прочную будущность. Сіи различныя перепечатанія текстовъ подкрѣпляются ученымъ разборомъ языка. Такъ Грамматика Г-на Боппа, столь замѣчательная, сдѣлалась предметомъ тщательнаго разбора и обширныхъ замѣчаній Г-на Лассена, гдѣ въ первый разъ узнаемъ труды Грамматиковъ Индійскихъ, касательно первобытнаго состоянія ихъ языка. Польза того-же рода придаетъ *Отрывку изъ Ригведы*, Г-на Розена, значительность, какой не льзя, казалось-бы, приписать столь краткому отрывку. Не столько потому, что въ немъ представляются первыя оригинальныя стихотворенія изъ сего древняго сборника Индійской Теологіи и Философіи, сколько съ точки зрѣнія, по видимому болѣе ограниченной, однакожъ не менѣе обширной, въ отношеніи Филологическомъ. *Отрывокъ изъ Ригведы*

заслуживаетъ все вниманіе ученой публики. Тамъ видимъ большую часть грамматическихъ формъ, которыхъ тайну похитилъ Г-нъ Лассенъ, самымъ изумительнымъ предвѣдѣніемъ, изъ оригинальныхъ Грамматикъ Браманскихъ, и, что не менѣе разительно, тамъ находимъ главныя черты Зендскаго языка книгъ Зороастровыхъ, который уже сдѣлался во Франціи предметомъ особенныхъ изысканій. Такимъ образомъ, теперь и въ Исторіи Литературы Индійской уже можно возвыситься до эпохи, безъ сомнѣнія чрезвычайно древней, когда, можетъ быть, два самые ученые языка въ Азіи, Санскритскій на берегахъ Гангеса, и Зендскій въ Бактріанѣ, почти сливались въ одно нарѣчіе. Сіе слѣдствіе великаго историческаго воззрѣнія пріобрѣтаетъ новую важность, когда сообразимъ глубокія отношенія, связующія Санскритскій и Зендскій съ первобытными языками Европы.

Въ то время когда Филологія, приготовляя для Восточной Исторіи столь драгоцѣнныя пособія, даетъ будущимъ изысканіямъ могущественную опору событій, люди, болѣе отважные, стараются привести въ исполненіе планъ зданія обширнаго, для коего матеріялы отвсюду сбираетъ трудолюбивая ученость. Множество событій касательно Индіи было представлено любопытству публики. Труды Общества Калькуттскаго и переводъ многихъ текстовъ пояснили разныя подробности. Но до сихъ поръ не было книги, гдѣ излагались-бы въ послѣдовательномъ порядкѣ общія слѣдствія изысканій, начатыхъ лѣтъ за двадцать. Не думая из-

лишне унижать труда Варда объ Индусахъ, можно прибавить, что доказанная невѣрность его переводовъ, и худо скрытое пристрастіе его къ народу, коего нравы и обычаи описываетъ онъ, уменьшаютъ достоинство компиляціи, нѣкогда бывшей полезною. Съ большимъ безпристрастіемъ, и съ начитанностью болѣе разнообразною и основательною, Г. Боленъ хотѣлъ представить полную картину Индійской образованности. Это, по справедливости, первый добросовѣстный трудъ, утвержденный на изысканіяхъ новѣйшихъ. Не говоря о сравненіи Индійскихъ установленій съ тѣмъ, что указываетъ намъ Классическая Древность касательно Египта, книга Г-на Болена отличается частями отдѣльными, составленными весьма тщательно. Науки точныя занимаютъ тамъ мѣсто значительное, и слѣдствія, до коихъ достигъ Авторъ, кажется, должны утвердить за Браманами большую часть великихъ открытій Древней Астрономіи. Наконецъ, всего болѣе достоинъ уваженія сей почтенный трудъ потому, что Авторъ показываетъ обширныя познанія въ языкѣ и Литературѣ Санскритской, изъ коей заимствуетъ онъ доказательства. Въ этомъ родѣ сочиненій, явленіе сіе столь замѣчательно, что мы не можемъ не обратить на него уваженія людей, которыхъ число безпрерывно увеличивается, и которые думаютъ, что настало время замѣнить событія тщетными гипотезами, и черпать Исторію Востока изъ настоящихъ ея источниковъ.

Въ Европѣ, быстрые успѣхи изученія Санскритскаго языка, а въ Англіи выгоды колоссальнаго мо-

гущества, съ каждымъ днемъ открываютъ наукѣ неизмѣримое поприще изысканій, неисчерпаемыхъ для вѣковъ. Пренія, недавно обратившія вниманіе Парламента на вопросъ о привиллегіи Ость-Индской Компаніи, дали поводъ ко множеству изданій, относящихся къ обычаямъ, къ общественному быту, и къ разнымъ народамъ, подвластнымъ Компаніи. Коммисія Англійскаго Парламента издала четырнадцать донесеній, бывшихъ слѣдствіемъ глубокаго изслѣдованія, и заключающихъ въ себѣ объясненія, написанныя достойнѣйшими людьми, касательно всѣхъ политическихъ выгодъ исполинской Имперіи. Поучительно видѣть такихъ людей, какъ Эльфинстонъ, Дженкинсъ, Робинзонъ, и многіе другіе, открывающихъ пружины прежнихъ Правительствъ, и показывающихъ, какія благоразумныя мѣры приняла Компанія для замѣны шаткихъ власшей, съ пользою для Англійскаго могущества, но и съ уваженіемъ къ предразсудкамъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнымъ для побѣжденныхъ, что почти ихъ единственно оставили имъ побѣдители. Объ этомъ предметѣ явилось много сочиненій, достойныхъ размышленій историка и публициста. Но, можетъ быть, ни одно не равняется въ обширности и важности съ превосходною книгою Г-на Бриггса: *О поземельномъ налогѣ въ Индіи*. Не колеблясь означаемъ сію книгу, какъ полное изслѣдованіе о Политической Экономіи у Восточныхъ народовъ.

Въ тоже время, когда общественный бытъ Индіи является въ яркомъ свѣтѣ новой гласности,

шруды, предназначенные для поприща не столь обширнаго, должны пополнить свѣдѣнія, уже собранныя Англичанами о религіяхъ и нарѣчіяхъ сей древней страны. Въ Калькуттѣ, знаменитый Вильсонъ обѣщаетъ переводъ *Нджурведы*, и между тѣмъ приготовляетъ второе изданіе своего Санскритскаго Словаря, уже доведенное далеко. Въ Лондонѣ, Г. Гаугтономъ началъ печатаніе большаго Словаря Санскритскаго, Бенгальскаго и Англійскаго, который будетъ изданъ подъ покровительствомъ Ость-Индской Компаніи. Сочиненіе сіе, плодъ долголѣтнихъ шрудовъ одного изъ достойнѣйшихъ Англійскихъ ученыхъ, послужитъ къ взаимному объясненію двухъ богатѣйшихъ нарѣчій, процвѣтавшихъ въ Индіи отъ самыхъ древнихъ до нашихъ временъ. Наконецъ, нарѣчіе Южной Индіи, доселѣ мало изучаемое, Синтальское, обращаетъ на себя вниманіе Англійскихъ миссіонеровъ. Достопочтенный Клау издаетъ въ двухъ томахъ Словарь сего языка, который умножитъ собою пособія всѣ родовъ, собранныя въ послѣднее время, какъ будто для пролитія неожиданнаго свѣта на одну изъ религій Азійскихъ, наименѣе извѣстныхъ, на религію Будды.

Изъ числа сихъ пособій, мы уже знаемъ многотомныя собранія *Канджура* и *Танджура*, коими Калькуттское Азіятское Общество обязано счастливымъ усиліямъ Г-на Гогдзона. Пріобрѣтеніе сихъ религіозныхъ архивовъ Буддизма, которые конечно найдутъ со временемъ шрудолюбивыхъ изслѣдователей, было-бы уже достаточно для славы

Г-на Гогдзона. Но сей знаменитый путешественникъ сдѣлалъ болѣе: онъ хотѣлъ, чтобы Европа воспользовалась свѣдѣніями, какія пріобрѣлъ онъ, какъ во время пребыванія своего въ Непалѣ, такъ и въ продолжительныхъ разговорахъ съ умными священнослужителями. Записки, помѣщенныя имъ въ собраніяхъ Калькуттскомъ и Лондонскомъ, и уже указанныя нами вашему вниманію, содержатъ въ себѣ слѣдствія наблюденій и вопросовъ, вѣрно направленныхъ къ самымъ возвышеннымъ точкамъ ученія Саманейскаго. Свѣдѣнія, дошолѣ собранныя, оставляли нѣкоторое сомнѣніе касательно философическаго основанія сей религіи. Не льзя было вполнѣ понять отношеній Будды къ вселенной, ибо сей феноменъ казался не имѣющимъ ни дѣйствительности, ни даже причины. Существованіе пройства, совершенно философическаго, которое сливается въ Высшемъ Умѣ, представляетъ окончательное рѣшеніе сихъ великихъ задачъ, и даетъ средство означить отношеніе между Буддизмомъ и Браманизмомъ, въ коемъ родился оный. Г. Гогдзонъ прежде всѣхъ означилъ истинный характеръ сихъ темныхъ ученій, и ясно отличилъ философическое основаніе отъ символической формы. Честь сего открытія принадлежитъ ему тѣмъ основательнѣе, что самый новый изъ его выводовъ подтвержденъ во Франціи неоспоримо. Г. Абель-Ремюза, котораго изслѣдованія уже во многомъ пояснили Исторію вѣры *Шакіа*, показалъ, въ новомъ разборѣ нѣкоторыхъ произвольныхъ мнѣній славнаго Дегиня, что вѣрованіе пройству Буддійскому было основнымъ догматомъ, приняшымъ также

ученѣйшими Китайскими Саманеянами. Такимъ образомъ разсѣяны сомнѣнія, которыя могло-бы возбудить, касательно достовѣрности онаго, сходство догмата сего съ догматами Браманизма, и существованіе онаго въ Непалѣ. Въ изслѣдованіи своемъ, представленномъ Совѣту и помѣщенномъ въ Азіятскомъ Журналѣ, Г. Абель-Ремюза разрѣшилъ другіе, не менѣе важные вопросы, относящіеся къ философическимъ и религіознымъ мнѣніямъ сектаторовъ Будды. Но изъ всѣхъ трудовъ его надъ симъ неисчерпаемымъ предметомъ, одинъ ожидается нетерпѣливѣе всѣхъ другихъ, ибо выводы онаго болѣе всѣхъ разительны: это путешествіе *Фа-Хіена* въ Индію, около 399 года по Рожд. Христа. Китайскій духовный, въ IV вѣкѣ переѣзжаетъ черезъ Тапарію и Гиммалайскія горы; углубляется въ Сѣверъ Индустана; посѣщаетъ мѣста, гдѣ жилъ богъ, чтимый имъ; проводитъ пятнадцать лѣтъ въ семъ благочестивомъ странствіи, и пользуясь своимъ пребываніемъ въ Индіи, изучаетъ Санскритскій языкъ и собираетъ книги закона: это одно изъ тѣхъ любопытныхъ явленій, какихъ не льзя ожидать въ глубинѣ Азіи, въ эпоху столь отдаленную. Но необычайность сей книги составляетъ малѣйшее достоинство ея. Фа-Хіенъ наблюдалъ обычаи виденныхъ имъ странъ съ такою точностію, что она сдѣлала-бы честь и Европейцу. Его извѣстіе есть полная Исторія Буддизма въ Индіи того времени, когда онъ былъ шамъ. Наконецъ, путешествіе сіе имѣетъ большое достоинство историческое, потому что даетъ средство съ точностью опредѣлить мѣста, гдѣ родился и гдѣ

умеръ основатель ея знаменитой вѣры. Г. Абель-Ремюза помѣстилъ, впереди повѣствованія Фа-Хіена, объясненія, плодъ огромной начитанности. Онъ вскорѣ издастъ переводъ всего сочиненія, и мы надѣемся, что за онымъ послѣдуютъ другія описанія сего рода, хотя не столь древнія, однакожъ заключающія въ себѣ столь-же достовѣрныя подробности о древней Географіи Индустана, еще мало извѣстной. Такимъ образомъ, при пособіи ученыхъ объясненій и сравненій, строго основательныхъ, Китайскія книги полезнѣйшіе вопросы, для рѣшенія коихъ одна Индія, казалось, не предоставляла никакого средства.

Впрочемъ, спѣшимъ сказать, что какъ въ первые вѣка нашей эры Китайскіе духовные шли на тѣ мѣста, гдѣ возникла ихъ религія, такъ и мы должны обращаться къ Индіи, къ ея языку, къ ея философическимъ системамъ, дабы вполнѣ понять основанія Буддизма и внутренній смыслъ терминологіи его, чисто Индійской. Вѣра *Шакіа* родилась въ Индіи; языкъ Санскритскій долго былъ священнымъ языкомъ ея книгъ и служителей, и донынѣ остается тѣмъ-же у Бармановъ (Бирмановъ) и Сингалезцевъ, ибо *Пали* есть не иное что какъ языкъ Брамановъ, нѣсколько измѣненный. Китайцы, вездѣ отличающіеся точностью и изыскательностью, подали примѣръ сего обращенія къ Индіи, которое должно принесши богатые плоды при изученіи Буддійской религіи. Въ примѣръ можно поставить знаменитый пяти-язычный Словарь, напечатанный въ Пекинѣ: это огромный репер-

шорій Буддійскихъ терминовъ, написанный на пяти главнѣйшихъ языкахъ Азіи, заключаетъ въ себѣ Санскритское выраженіе каждаго изъ нихъ, Тибетскими буквами. Труды Г-на Абель-Ремюза достаточно показываютъ, сколько темныхъ мѣстъ въ Метафизикѣ и Нравоученіи Будды можетъ пояснить такого рода сочиненіе, въ рукахъ знатока. Слѣдственно, сочиненіе сіе, будучи изданно со всѣми примѣчаніями, какихъ необходимо требуетъ каждая статья и каждое слово, будетъ, можно сказать, изложеніемъ главнѣйшихъ догматовъ и основныхъ началъ религіи, коей эзотерическое ученіе доселѣ было разбираемо поверхностно. Трудъ сей требовалъ, чтобы предпринимающій его зналъ всѣ пять ученыхъ языковъ Азіи, и могъ подвергнуть всѣ части Словаря точной повѣркѣ. Г. Абель-Ремюза собралъ уже много матеріяловъ для сего изданія, и поручилъ Санскритскую часть одному изъ Членовъ вашего Совѣта, посвятившему себя съ давнихъ лѣтъ сравненію ученыхъ нарѣчій Индіи съ Санскритскимъ языкомъ.

Изученіе одного изъ сихъ нарѣчій, Пали, благодаря усердію многихъ путешественниковъ, пріобрѣло пособія, которыя, надѣемся мы, обратятся въ новое средство для изысканій о религіи Будды. Вамъ извѣстно прекрасное собраніе рукописей, на языкахъ Пали и Бирманскомъ, составленное Г-мъ Беланже, Ботаникомъ сада въ Пондишери. Вы, безъ сомнѣнія, съ особеннымъ удовольствіемъ услышите, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ передалъ сіи любопытныя рукописи въ Королевскую Библіо-

шеку. Г-нъ Беланже предложилъ Правительству это единственное въ Европѣ собраніе, изъ признательности за ободренія, коихъ удостоилось описаніе его путешествій по Азіи. Такимъ образомъ Королевская Библіотека обогащена собраніемъ, которое гораздо важнѣе составленнаго ученымъ миссіонеромъ Тольфреемъ, и пріобрѣтеннаго Кабинетомъ Рукописей, по старанію усерднаго блюстителя онаго, Г-на Абель-Ремюза. Сверхъ сего, Библіотека недавно пріобрѣла значительное сочиненіе, на языкѣ Пали, о древнихъ обрядахъ и религіозныхъ церемоніяхъ въ Королевствѣ Авскомъ, вывезенное изъ Англіи Г-мъ Ликомъ. Во время всѣхъ сихъ пріобрѣтеній, блистательно доказанная благосклонность Короля еще умножила наши богатства. Два отличные офицера Французскаго флота, Г-нъ Панисъ, и послѣ него Г-нъ Пупье, поднесли Королю четыре рукописи на языкѣ Пали, украшенныя со всею Восточною роскошью. Король, приказавъ отдать сіи два прекрасныя произведенія въ Кабинетъ Рукописей, повелѣлъ наградить просвѣщенное усердіе Гг. Паниса и Пупье, и въ тоже время изъявить постоянное вниманіе свое къ драгоцѣнному собранію, котораго сокровища, по признанію иностранцевъ, составляютъ часть славы нашей.

Королевская Библіотека обогатилась въ послѣднее время; но сіи обогащенія могутъ быть только началомъ пріобрѣтеній болѣе обширныхъ и разнообразныхъ, если Правительство, любящее просвѣщеніе и строгую ученость, будетъ по прежнему

ободрять путешественниковъ. Повсюду распространившаяся въ наше время любовь къ наукѣ, побуждаетъ усердствовать многихъ людей частныхъ. Ни одинъ предметъ, занимательный въ Исторіи человѣка, не остается нынѣ чуждымъ любопытству многочисленныхъ изыскателей въ Азіи. Французскій Естествоиспытатель, Г-нъ Ламаръ-Пико, обращая непзмѣнное вниманіе на ту отрасль человѣческихъ знаній, которою особенно занимается онъ, нашелъ средство присовокупить къ богатымъ собраніямъ своимъ по Исторіи Естественной, конечно болѣе новое и не менѣе драгоцѣнное собраніе. Пораженный важнымъ зрѣлищемъ Индійскихъ церемоній, странностію обычаевъ и особенно разнообразіемъ чершъ и оттѣнковъ, отличающихъ касты Бенгальскія, Г-нъ Ламаръ-Пико занялся собираніемъ истукановъ, снарядовъ, употребляемыхъ въ религіозныхъ церемоніяхъ, мебелей, оружій, и особенно небольшихъ статуй, изображающихъ Индусовъ различныхъ сословій. Собраніе его заключаетъ въ себѣ многіе образцы тѣхъ грубыхъ изображеній Индійскихъ божествъ, которыя являются на ихъ духовныхъ торжествахъ, и, получивъ дань народнаго суевѣрія, бываютъ разбиваемы. Множество разнообразныхъ мѣдныхъ фигурокъ, представляютъ болѣе уважаемыя изображенія главнѣйшихъ предметовъ обожанія. Вазы, лампы, и другіе снаряды могутъ служить къ объясненію нѣкоторыхъ особенностей церемоній, предписываемыхъ Браманскою религіею. Но изъ всѣхъ предметовъ сихъ, столь достойныхъ вниманія, особенно любопытны статуйки Индусской работы, изъ коихъ иныя отдѣла-

ны съ большимъ совершенствомъ. Это почти полная галлерея Бенгальскихъ касть, отъ Брамана до послѣдняго ремесленника, и, что весьма замѣчательно, въ нихъ означены различія ясными оттѣнками въ цвѣтѣ кожи, а иногда и болѣе глубокими измѣненіями въ чертахъ лица. Такимъ образомъ, кромѣ положительныхъ свѣдѣній о гражданской и религіозной жизни Индусовъ, собраніе сіе представляетъ еще любопытные матеріялы для тѣхъ превосходныхъ изысканій этнографическихъ, которыя бываютъ иногда единственною исторіею народовъ. Наконецъ, въ немъ есть болѣе двадцати статуй Будды, доставшихся Г-ну Ламару-Пико по случаю вторженія Англичанъ къ Барманамъ. Многія изъ сихъ статуй огромнаго размѣра; другія замѣчательны красотою матеріи. Ими достойнымъ образомъ пополняется собраніе, представляющее такимъ образомъ божествъ двухъ первоначальныхъ религій Индійскихъ, Браманизма и Буддизма, которые болѣе всѣхъ другихъ имѣютъ послѣдователей въ Азіи.

Обстоятельства, благопріятствовавшія введенію Буддизма въ Азію Восточную, и успѣхъ, съ коимъ онъ былъ принятъ народами, еще варварскими, подѣйствовали замѣчательнымъ образомъ на первобытныя преданія сихъ народовъ, и на повѣствованія писателей, обратившихся къ Буддизму. Прекрасный и огромный трудъ Г-на Шмидта, Петербургскаго ученаго, *Исторія Восточныхъ Монголовъ*, есть новое доказательство, какъ сильно дѣйствуетъ на народъ, еще мало образованный,

неуклонимая сила религіозныхъ вѣрованій. У Монголовъ было почти такое-же явленіе, какое видимъ въ первыхъ памятникахъ романической и исторической Литтературы народовъ новыхъ, когда изученіе Классицизма изгладило народныя преданія, замѣнивъ ихъ воспоминаніями объ Исторіи Греческой, и когда лѣтописатели искали въ Римѣ происхожденія героевъ Британскихъ. До Чингисъ-Хана, Исторія Монголовъ, говоря собственно, есть Исторія Буддійской вѣры. Но сей недостатокъ значительно выкупается важными подробностями о Буддійской Миѳологіи, занимающими первую часть Исторіи Санангъ-Зешценовой. Впрочемъ, повѣствованіе дѣлается чисто историческимъ со времени изгнанія Монголовъ изъ Китая. Но не одни сіи достоинства отличаютъ трудъ Г-на Шмидта. Исторія Санангъ-Зешценова есть первое историческое сочиненіе, изданное съ Монгольскимъ текстомъ, съ комментаріемъ и съ значительными объясненіями, которыя разливаютъ много свѣта на Тибетскую Исторію. И какъ Санангъ-Зешценъ есть первый, извѣстный въ Европѣ Монголъ, представляющій разныя подробности о своемъ народѣ, почти вездѣ достовѣрныя, такъ Г-нъ Шмидтъ послѣ Іериха, есть первый Европеецъ, до такой степени обладающій языкомъ Монгольскимъ, что онъ съ успѣхомъ могъ перевести столь обширное сочиненіе.

Исторія Монголовъ также была предметомъ двухъ сочиненій О. Іакинѳа Бичурина, изданныхъ, первое подъ заглавіемъ: *Записки о Монголіи*, другое: *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ дома Чингисова*, съ

карпою походовъ ихъ на Юго-Востокѣ Азіи. Сочиненіе сіе, объемлющее Исторію Монгольскаго владычества отъ рожденія основателя онаго, въ 1161-мъ году, до смерти Монгухана въ 1250-мъ, дало нашему ученому собрату, Г-ну Клапроту, поводъ къ глубокомысленной критикѣ, гдѣ оспоривая историческія основанія Китайскихъ подлинниковъ, переведенныхъ О. Іакинѳомъ, онъ возстановляетъ событія, искаженныя систематическими мнѣніями нѣкоторыхъ Монгольскихъ ученыхъ (*). Четырнадцатилѣтнее пребываніе въ Пекинѣ, и свобода ходить по сему обширному городу, которою пользуются живущіе въ Пекинѣ Русскіе, доставили О. Іакинѳу средство составить описаніе столицы Китайской Имперіи. Для сего онъ также съ пользою употребилъ и подлинное, гораздо обширнѣйшее описаніе, которое извѣстно намъ, изъ написаннаго Гг-ми Клапротомъ и Эйріесомъ ученаго обозрѣнія различныхъ плановъ Пекина, донынѣ изданныхъ. Кромѣ сихъ сочиненій, О. Іакинѳъ издалъ Китайскій текстъ *Санъ-Цзе-Кинга*, съ Русскимъ переводомъ и замѣчаніями, находящимися въ подлинникѣ. Книга сія, написанная въ XIII-мъ столѣтіи, въ трехъ-сложныхъ стихахъ, есть родъ дѣтской энциклопедіи, и слѣдственно можетъ

(*) Въ Журналѣ нашемъ, 1831 года, были помѣщены какъ критика Г-на Клапрота, въ Русскомъ переводѣ, такъ и новыя замѣчанія на оную О. Іакинѳа, коими ниспровергается почти вся система Г-на Клапрота. *Прим. Изд.*

дать вѣрное понятіе о свѣдѣніяхъ, составляющихъ основаніе Китайскаго воспитанія. Текстъ литографированъ, подъ смотрѣніемъ Г-на Барона Шиллинга фонъ Канштадтъ, очень хорошо, и переводъ имѣетъ неоспоримое преимущество надъ прежнимъ Русскимъ переводомъ Леонтьева, и Англійскимъ Морриссона, напечатаннымъ въ 1812-мъ году, въ его Horæ Sinicæ.

Китайская Литтература обогатилась и другими, еще болѣе важными произведеніями. Г-нъ Коллисъ, бывшій начальникомъ Англо-Китайскаго училища въ Малакѣ, перевелъ очень хорошо четыре книги, называемыя Конфуціевыми, и уже много разъ переведенныя; однакожь новый Переводчикъ, кажется, не пользовался трудами ни одного изъ своихъ предшественниковъ. Какъ ни мало, по видимому, занимательны сіи нравственныя книги въ наше время, но еще долго будутъ онѣ предметомъ изученія для Европейцевъ, ибо основаніе ихъ встрѣчается во всѣхъ Китайскихъ книгахъ, и правила оныхъ служили основою Китайской образованности. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ сей образованности: *Ши-Кингъ*, переведенъ Г-мъ Молемъ, хотя и былъ уже старинный переводъ онаго, Французскаго миссіонера Лашарма. Это собраніе древнихъ стихотвореній, столь занимательныхъ со стороны литтературной, есть однакожь слѣдствіе мысли, по видимому принадлежащей вполнѣ нашему критическому времени. *Ши-Кингъ*, гдѣ подъ самыми разнообразными формами скрыты мнѣнія политическія, почитался у древнихъ Китайцевъ самымъ про-

стодушнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ народныхъ повѣрій. Это обратило на себя вниманіе Конфуція, и таже причина заставитъ Европу читать его съ любопытствомъ, не смотря на чрезвычайную простоту нѣкоторыхъ, и странность образовъ, изобилующихъ въ другихъ изъ сихъ стихотвореній. Вамъ извѣстно, что вскорѣ мы будемъ одолжены Г-ну Молю другимъ, чрезвычайно важнымъ сочиненіемъ: это таинственная *Книга Триграммъ*, странная и почти непонятная, состоящая не изъ словъ и фразъ, а изъ чертъ и эмблеммъ, подъ коими неизвѣстные философы, кажется, хотѣли скрыть всю систему физическую, нравственную и политическую, и, если можно такъ сказать, всю энциклопедію первобытныхъ народовъ Восточной Азіи. Надобно было, чтобы рукописи Латинскаго перевода сей книги были пересмотрѣны человѣкомъ, глубоко постигшимъ Китайскій языкъ и Философскія Системы Востока. Г-нъ Моль выполнилъ сіе трудное и утомительное дѣло, какъ надлежало ожидать, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ двумя изданіями, нынѣ прибавившимися къ *Шу-Кингу* Гобиля, мы имѣемъ теперь три изъ пяти сочиненій, столь славныхъ въ Китаѣ и въ Европѣ подъ названіемъ *Кинга*. Конфуціевъ *Чеунъ-Сіеу*, котораго рукописный переводъ, Дезотере, хранится въ Королевской библіотекѣ, сдѣлался предметомъ новаго труда Г-на Гутманна, такъ что вскорѣ только *Обрядникъ*, любопытное собраніе законовъ, повѣрій и древнихъ обычаевъ, будетъ единственнымъ не переведеннымъ *Кингомъ*.

Въ послѣднее время были замѣчены отношенія между философическими идеями древнихъ Индусовъ и Китайцевъ; особенно-же старались удостовѣриться, что сія отношенія были связаны не съ однимъ введеніемъ Буддизма въ Китай, въ первомъ вѣкѣ нашей эры. Г-нъ Пошье, остроумнымъ сравненіемъ ученія *Лао-тзеу* съ другимъ ученіемъ, находящимся въ Упанишадахъ Ведъ, хотѣлъ представить въ новомъ свѣтѣ нѣкоторые вопросы, явившіеся отъ изученія сихъ древнихъ памятниковъ. Его диссертація о происхожденіи и распространеніи Философіи *Тао-сее*, обогащенная заимствованіями изъ книгъ Китайскихъ и Санскритскихъ, содержитъ въ себѣ, кромѣ сего, вновь напечатанный Санскритскій текстъ двухъ Упанишадъ, съ Персидскимъ переводомъ, взятымъ изъ Персидскихъ Рукописей Королевской Библіотеки. Наконецъ, Г-нъ Жаке намѣренъ издать въ переводѣ *Книгу тайныхъ предназначеній*, съ обширнымъ комментаріемъ. Это небольшое сочиненіе, принадлежащее къ нравственной части *Тао-сее*, взято изъ любопытнаго Китайскаго сборника, называемаго *Тай-Куен-тси*.

Но не одна Исторія и Философія пользуются нынѣ успѣхами въ изученіи Восточныхъ языковъ. Думали, что Естествознаніе совершенно чуждо изученію Азіи. Но Г-нъ Абель-Ремюза обратилъ на него вниманіе. Двадцать лѣтъ занимается онъ собираніемъ матеріяловъ для Ботаники, Зоологіи, Минералогіи, знаній Медицинскихъ, Экономическихъ, и промышленности Китайцевъ, Японцевъ и Тангаръ. Доселѣ весьма несовершенно знали произ-

ведения сихъ обширныхъ странъ. Французскіе миссіонеры, владѣя хорошо Китайскимъ языкомъ, не занимались Естествознаніемъ, а Европейскіе Естествоиспытатели, впрочемъ весьма не многіе, которымъ удавалось проникнуть въ Китай и въ Японію, мало знакомые съ Восточными языками, посему не имѣли драгоцѣннаго пособія, какое представляютъ описанія и рисунки, собранные Китайскими и Японскими Естествоиспытателями. Такого рода сочиненій есть множество у сихъ народовъ, и они-то служили основаніемъ огромному труду Г-на Абель-Ремюза, гдѣ въ двухъ томахъ in-4 будетъ заключаться Естественная Исторія Восточныхъ странъ Азіи, или полная картина трехъ царствъ природы, по описаніямъ Китайскихъ, Японскихъ и Татарскихъ Естествоиспытателей, коихъ оригинальныя разсужденія въ первый разъ явятся въ переводѣ. Также, синонимія, тщательно установленная между народными названіями и учеными номенклатурами Европы, вмѣстѣ съ показаніемъ всѣхъ Медицинскихъ и домашнихъ употребленій каждаго рода у Восточныхъ народовъ, однимъ словомъ, все удостовѣряетъ, что сей безмѣрный трудъ займетъ высокое мѣсто между замѣчательнѣйшими произведеніями нашего времени, и доставитъ Автору *Изысканій о языкахъ Татарскихъ* новую славу.

Мы представили вамъ, Мм. Гг., краткое обозрѣніе трудовъ относительно Востока, свершенныхъ въ теченіе прошедшаго года въ Европѣ и Азіи. Если Франція не принимала въ оныхъ столь большаго участія, какъ два другіе ученые народа Европы, то надобно вспомнить, что она не обладаетъ

Индію, какъ Англія, и не видитъ, какъ Германія, на всѣхъ точкахъ земли своей тѣхъ блестящихъ Университетовъ, которые предлагаютъ учености мирное убѣжище, не заграждая пути ни къ богатству, ни къ почестямъ. Сверхъ сего, у насъ дарованіе можетъ обѣщать себѣ успѣхи на другихъ поприщахъ, и въ общественной службѣ; дѣятельность умовъ стремится къ этимъ занятіямъ и отвлекается отъ продолжительныхъ и тяжкихъ трудовъ, коихъ единственная награда уваженіе небольшаго числа ученыхъ людей. Не колеблясь скажемъ, что среди важныхъ пользъ, занимающихъ столь сильно умы, надобно нѣкоторое мужество, дабы упорно оставаться на темномъ поприщѣ учености: для сего надобно дѣйствительно знать чистыя наслажденія умственнаго труда, и наконецъ, надобно надѣяться на будущее Науки въ новыхъ обществахъ. Но вашу ревность, ваше усердіе, Мм. Гг., поддерживаетъ сознаніе, что вы принесли пользу и будете приносить ее впередъ. Соединенное самою благородною мыслью, изысканіемъ истины, Азіятское Общество удвоитъ усилія, чтобы снять завѣсу, еще скрывающую Востокъ отъ нашихъ взоровъ, ибо оно увѣрено, что въ Европѣ уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей, и во Франціи покровительство Государя, любящаго все что возвышаетъ и питаетъ умъ, останутся всегдашнею наградою трудовъ его.

Съ Французскаго. Б.

ИЗВѢСТІЕ

о рукописи XVII-го вѣка.

(Статья сія посвящается памяти незабвеннаго моего друга, В—ры П—вны А—вой).

Древнія письмена, уже давно обратившія на себя тщательное и постоянное вниманіе одного трудолюбиваго Археографа, еще не всѣ извѣстны, не всѣ разсмотрѣны, мало очищены Критикою, и многія не напечатаны; слѣдственно, намѣреніе наше: увѣдомить читателей о рукописи XVII-го вѣка, будетъ не только не излишнимъ, но и согласнымъ съ требованіемъ нѣкоторыхъ любителей отечественной старины. Мы еще не такъ богаты матеріялами, чтобы могли отвергать рѣшительно всѣ памятники, не заключающіе въ себѣ важныхъ историческихъ документовъ. Иногда маловажныя, по видимому, письмена предковъ нашихъ, служили твердымъ доводомъ, или объясненіемъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ въ высшей Исторической Критикѣ.

Рукопись, о которой мы намѣрены говорить, есть: *Книга копій съ жалованныхъ грамотъ*, хранящаяся въ скудной библіотекѣ Симонова мона-

спыря, въ Москвѣ, и, какъ единственный остатокъ отъ архива сей обители, разграбленнаго и совершенно уничтоженнаго непріятелемъ въ 1812-мъ году, любопытна (*). Книга сія писана при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, въ 1666-мъ году, на бѣлой, плотной бумагѣ, крупною, но весьма связною древнею скорописью, въ листъ, коихъ слишкомъ 900 (**). Грамоты, въ рукописяхъ находящіяся, восходятъ немного далѣе половины XV вѣка, изъ чего, ка-

---

(*) Книга *Кормовая*, о которой упоминаетъ Карамзинъ (И. Г. Р. V, примѣч. 122) тогда-же погибла. *Синодикъ*, принадлежащій сей обители, писанъ въ въ 1662-мъ году. Онъ любопытенъ за исчисленіемъ важнѣйшихъ монастырскихъ документовъ. Писецъ передалъ о немъ слѣдующее извѣстіе. «Лѣта 7170 мѣсяца Генваря въ 25 день писана сія книга Синодикъ, церковное поминанье въ дому Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія Симонова монастыря, по повелѣнію и благословенію сей обители Отца Архимандрита Прохора, иже о Христѣ, съ братіею. А писалъ сію книгу, Синодикъ, многогрѣшный рабъ, чернецъ Іосифъ Устьюжанинъ.

(**) Грамоты Царей: Ѳеодора (1678 года), Іоанна и Петра (1687 и 1689 годовъ), по видимому, внесены въ книгу сію послѣ, и писаны другою рукою, на оставшихся въ ней бѣлыхъ листахъ. При семъ долгомъ почитаемъ благодарить достопочтеннаго Отца *Иларіона*, Ризничаго Симонова монастыря, за дозволеніе намъ свободнаго доступа въ книгохранилище, ему вѣренное.

жется, можно заключить, что обитель сія уже 165 лѣтъ тому назадъ, не имѣла въ архивѣ своемъ древнѣйшихъ документовъ на недвижимую свою собственность. Сія граматы суть крѣпостные акты: Тархатныя, Разъѣзжія, Льготныя, Правыя, Несудимыя, Ставныя, Дозорныя; сверхъ того здѣсь находятся акты и частныхъ лицъ: Данныя, Закладныя, Купчія, Духовныя, Поступныя записи, Меновныя, Очистныя, Разводныя, Обхожія, и, наконецъ, судныя дѣла, Соборные приговоры, Памяти и Выписи изъ писцовыхъ книгъ. Вотъ предисловіе въ упомянутой рукописи:

«Лѣта 7174-го, Іюля въ 31-й день, Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, Симонова монастыря Архимандритъ Михайло, да келарь старецъ Іосифъ Чирковъ приговорили на соборѣ съ братіею: въ монастырской казнѣ прежнихъ Государей Великихъ Князей и Великихъ Государей Царей, и блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи и Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, ихъ Государскія, жалованныя граматы, и всякія монастырскія вотчинныя крѣпости списати въ книгу, слово въ слово, для того, чтобы монастырскимъ всякимъ крѣпостямъ и монастырской казны истари не было. А которыя Государей Великихъ Князей, и Великихъ Государей Царей, тѣ ихъ Государскія, вотчинныя крѣпости, и котораго мѣсяца и числа, и на которыя вотчины, и то написано въ сей книгѣ по-

розынь. А для пріиску Государевъ подлинныя жалованныя грамоты, и всякія монастырскія вотчинныя крѣпости связаны въ связкахъ по городомъ, вписомѣщены числами порозынь, прошивъ сей же книгѣ, какъ писано въ сей книгѣ ниже сего.»

Слѣдуетъ подробный алфавитъ содержанію документовъ. Мы означимъ здѣсь только тѣ уѣзды, въ которыхъ находились помѣстья, принадлежавшія Симонову монастырю, вѣроятно, до самаго учрежденія духовныхъ штатовъ. Сіи помѣстья находились въ слѣдующихъ уѣздахъ: Московскомъ, Бѣжецкомъ Верху, Каширскомъ, Ярославскомъ, Владимірскомъ, Переяславль Залѣскомъ, Дмитровскомъ, Можайскомъ, Рузскомъ, Волоцкомъ, Ржевскомъ, Муромскомъ, Суздальскомъ, Углицкомъ, Галицкомъ, Коломенскомъ, Нижегородскомъ и Бѣлоозерскомъ.

Разсмотрѣвъ сію рукопись, сколько позволила краткость времени, мы рѣшились выписать изъ оной слѣдующіе акты, находя въ нихъ особенное достоинство:

I-е. Списки съ двухъ судныхъ (слѣдственныхъ) дѣлъ, носящіе на себѣ отпечатокъ юридическаго изложенія письменъ XV и XVI вѣковъ, заслуживающіе общую извѣстность. Относя, такъ называемую, *правую* грамату (писанную безъ означенія года), къ XV вѣку, мы основались на историческихъ соображеніяхъ. Упоминаемыя въ сей граматѣ лица: Симоновскій Архимандритъ Зосима, прозванный *Брадатымъ*, въ началѣ 1490 года уже возведенъ былъ на Митрополію Всероссійскую; Намѣстникъ Московскій, Князь Иванъ Юрьевичъ Па-

трикеевъ, праправнукъ Ольгерда, родной племянникъ Темнаго, скончался въ 1499 году — вотъ доказательства мнѣнія нашего, кажется, неподлежащія опроверженію (*). Мы не знали доселѣ ни судебной формы письменъ предковъ нашихъ, означеннаго вѣка, ни самыхъ обрядовъ при производствѣ слѣдствій. Сверхъ того, Правая наша грамота замѣчательна уже и тѣмъ, что она писана еще за долго до Уложенія В. К. Ивана Васильевича, обнародованнаго, какъ извѣстно, въ 1497-мъ году. Словомъ: обѣ Правыя граматы сіи подаютъ нѣкоторое поняшіе о судѣ Государевомъ — судѣ, о коемъ мы имѣли донынѣ не совсѣмъ удовлетворительныя свѣдѣнія. Если означенные списки не сдѣлаются достояніемъ самой Исторіи, то, по крайней мѣрѣ, они займутъ не послѣднее мѣсто между памятниками, объясняющими наше древнее судопроизводство. Надѣемся услужить любителямъ старины, сообщая сіи любопытные акты.

II-е. Жалованная Тархатная грамота 1602 года, отъ Царя Бориса Ѳеодоровича, въ коей упоминается о сынѣ Донскаго, Князѣ Константинѣ Дмитріевичѣ, названномъ въ иночествѣ *Кассіаномъ*.

По единодушному свидѣтельству многихъ лѣтописей нашихъ, Константинъ Дмитріевичъ родился въ 1389-мъ году, 15 Мая, за четыре дня до кончины Донскаго, отца его. Дмитрій Іоанновичъ, въ

(*) И. Г. Р. IV. 197, 276, 280, и примѣч. 321 и 454.

духовномъ завѣщаніи, писанномъ, какъ извѣстно, еще до рожденія Константиновa, говоритъ: «А дастъ ми Богъ сына, и Княгиня моя подѣлитъ его, возмя по части у большіе его братіи» (*). Въ силу сего завѣщанія, ему отданы были впослѣдствіи: Ржевъ, Угличъ, нѣсколько селъ въ уѣздахъ: Звенигородскомъ, Московскомъ, и Бѣжецкомъ Верху, право держать по годамъ часть Москвы, и часть Соли Галицкой. Политическое бытіе сего Князя замѣчательно единственно тѣмъ, что онъ былъ христіанинъ благочестивый; предводительствуя рашными полками, неоднократно бывалъ въ походахъ прошивъ Ливонцевъ, Татаръ и брата своего Юрія, храбро сражался въ рядахъ дружины, и одерживалъ побѣды; всегда послушный, по видимому, повелѣніямъ старшаго брата своего, долго живалъ онъ, то во Псковѣ, то въ Новѣгородѣ, въ качествѣ Намѣстника (**). Вотъ, что передали

(*) Собр. Госуд. грам. и догов. 1. 60. Замѣтимъ, что въ первой духовной грамотѣ В. К. Василія Дмитріевича (1406 года) сказано: «А брата своего и сына благословляю Князя Костянтина, даю ему въ удѣлъ Тошню, да Успюжну по душевной грамотѣ отца нашего Великаго Князя. (ibidem 73).

(**) Древн. Вивліоѳика 1. 159, 161, 170, 198 и 211. И. Г. Р. V. примѣч. 202 и 254. Собран. Государ. грам. и догов. 1. 87. Софійск. Временникъ (смотр. въ росписи подъ словомъ: *Константинъ*). Въ сей лѣтописи (1. 434) читаемъ: «Того же лѣта (1407 года), Князь Костянтинъ Дмитріевичъ иде рашію

намъ лѣтописи, и другія извѣстія о *молодшемъ* сынѣ Донскаго; но въ Исторіи Государства Россійскаго встрѣчаются нѣкоторыя обстоятельства, подавшія намъ поводъ къ замѣчаніямъ. Разсмотримъ ихъ.

на Нѣмца, со Псковичи, и много зла учинися Нѣмецьской земли, овыхъ посѣкоша, множество и полониша, и взя Нѣмецьскый градъ Порховъ.» Далѣе читаемъ подъ тѣмъ-же годомъ (ibidem 437): «Тогда же Князь Костянтинъ Дмитріевичъ ходи ратію на Нѣмци, со Псковичи, и много повоевавъ, и поплѣни, и изсѣче; и градъ взя, именемъ: *Язвинъ*.» (Въ Никоновской: *Явизна* V. 10). Въ лѣтописяхъ: Воскресенской, Архивской, Псковской и Львова упоминается о сей битвѣ, но вездѣ говорится о взятіи Порхова, а не Язвина. Извѣстно, что Порховъ нынѣ уѣздный городъ Псковской губерніи, лежитъ по обоимъ берегамъ рѣки Шелони, впадающей въ озеро Ильмень. Щекатовъ пишетъ: «у Новогородцевъ назывался онъ *городомъ на Шелонѣ*, также *Демономъ*.» Геогр. Словарь, часть IV, 1265. Думаемъ, что сочинитель Словаря ошибся. Шелонь, Порховъ и Демонъ различные города и вотъ тому доказательства. Въ Новог. лѣт. Попа Іоанна подъ 1345 годомъ сказано: «И взя Шолону и Лугу на щитъ, а съ Порховскаго городка, и со Опоки, взя окупъ.» И. Г. Р. IV. прим. 340. Въ Псков. лѣт.» . . и идоша къ Порхову, и сшоялися 3 дни. . . а Князь Великій споялъ подъ Демономъ» (ibidem V. прим. 255). Въ лѣтописи отъ Академіи Наукъ изданной: «Того же лѣта (1398 года) убіенъ бысть Князь Романъ Юрьевичъ на Шелонѣ, и положе-

« Ссора Василія Димитріевича съ братомъ Константиномъ, въ 1420 году (говоритъ Исторіографъ) подала Новогородцамъ случай сдѣлать не малую досаду первому. Слѣдуя новому уставу въ правахъ наслѣдственныхъ, Великій Князь требовалъ отъ братьевъ, чтобы они клятвенно успѣли старѣйшинство пятилѣтнему сыну его, именемъ Василію. Константинъ не хотѣлъ сдѣлать того, и лишился удѣла; Бояръ его взяли подъ стражу; имѣніе ихъ описали. Злобствуя на Великаго Князя, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ Правительство, ни мало не боясь Васильева гнѣва, съ отмѣнными ласками приняло Константина Димитріевича, дало ему въ удѣлъ всѣ города, бывшіе за Лугвеніемъ, и какой-то особенный денежный сборъ, именуемый *Коробейщиною* (*). »

Знающимъ лѣтописи нашего отечества извѣстно, что ссора Великаго Князя съ меньшимъ его братомъ, о которой упоминаетъ Карамзинъ, состоялась по случаю довольно странныхъ требованій перваго, и вотъ, что о ней разсказываютъ

но бысть шѣло его у Св. Спаса въ Порховѣ» (стр. 347). Ясно, что Шелонь, Порховъ и Демонъ не одно и тоже. Выписавъ совершенно сходныя извѣстія изъ Соф. Временника, признаннаго за исправнѣйшій, мы думаемъ, что второе сказаніе онаго есть не что иное, какъ повтореніе предыдущаго. И такъ *Порховъ* именовался *Язвиномъ*?

(*) И. Г. Р. V. 214.

сами Лѣтописцы: «Въ лѣто 6927 (1419), Князь Великій Василій Дмитріевичъ восхотѣ подписати подъ сына своего меньшаго, Костянтина; Князь же Костянтинъ не восхоте сотворити воли его, и про то отняти у него отчину; онъ же иде въ Новгородъ, и пріяша его Новогородци съ честію, и подаваша ему пригороды, которые были за Лугвенемъ» (*). *Никоновская* прибавляетъ: «Князь Костянтинъ Дмитріевичъ глаголя: нѣсть сія ошъ начала бывало, и ты нынѣ на мнѣ почто хочешь силу сотворити? И братъ его, Князь Великій Василій Дмитріевичъ, про то разгнѣвася на него, и отъя у него отчину его» (**). Вотъ подлинныя слова лѣтописей! Къ сожалѣнію, въ примѣчаніяхъ къ И. Г. Р. (V. 221) не помѣщенъ самый текстъ Новогор. лѣтописи попа Іоанна, которою руководствовался Исторіографъ, описывая событія 1420 года. Сверхъ того, и въ выпискѣ изъ разныхъ лѣтописей не находится сказанія о столь важномъ историческомъ происшествіи. (ibidem стр. 167). Замѣтимъ, что въ Софійскомъ Временникѣ, Лѣт. Русск. Львова, Русскомъ Временникѣ, и лѣтописи Академической, нѣтъ 6527 года.

Спрашиваемъ: обстоятельства, бывшія главнымъ предметомъ ссоры, служили-ль хотя нѣкоторымъ извиненіемъ Великому Князю, настоятельно желавшему лишить брата удѣла, ссылаясь единствен-

(*) См. продолженіе Нестора, 245 и 246.

(*) Ник. Лѣт. V, 73. О томъ-же упоминаетъ и Древній лѣт. II, 444.

но на новый уставъ наслѣдства, имъ-же начертанный? Ни слова о Юріи; но Константинина едвали можно упрекнуть въ нравственномъ порокѣ—честолюбіи!.. Надлежитъ взять въ соображеніе слѣдующее: Константинъ имѣлъ тогда (въ 1419 году) ровно тридцать, а племянникъ его, Василій Васильевичъ, не болѣе пяти лѣтъ; слѣдовательно, возможно-ли было требовать Великому Князю добровольной уступки удѣла, для сына, столь юнаго, не возбудивъ справедливаго негодованія брата, негодованія весьма естественнаго, обнаруживающаго и благородство характера, и смѣлый, не раболѣпный духъ сего Князя? Неужели онъ обязанъ былъ изъявить равнодушное самоотверженіе въ семъ случаѣ, видѣвъ себя *одного* жертвою стряпной политики и чувствительнаго оскорбленія?.. Неужели можно назвать его *противникомъ новому Уставу наслѣдства*, когда онъ защищалъ свое достояніе, ничтожное въ сравненіи съ княжествомъ большаго брата, какъ-бы презиравшаго и духовнымъ завѣщаніемъ отца, и правами гражданскими, и правами родства! Можно-ли предполагать, чтобы другіе братья Константиновы, безпрепятственно владѣвшіе своими удѣлами, были безмолвными свидѣтелями столь несправедливаго требованія, столь явной обиды, по видимому любимаго ими брата? Сверхъ того, они должны были предвидѣть и дальнѣйшія послѣдствія отъ сего насилія, и собственная безопасность заставила-бы ихъ принять мѣры строгія. И такъ, вотъ политика Василіева,

посредствомъ которой желалъ онъ утвердить въ отечествѣ нашемъ новыя права! Нѣтъ: обстоятельство сіе, по надлежащемъ разсмотрѣніи, подвергаетъ укоризнѣ Василія Димитріевича, хотя Исторія признала его, если не Великимъ, то, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ достойнѣйшихъ Князей Русскихъ. Предлагаемъ читателямъ еще нѣсколько доказательствъ, подкрѣпляющихъ мнѣніе наше, относительно ложнаго обвиненія Константина Димитріевича.

Начинаемъ съ того, что лѣтописи наши (извѣстныя, всѣ безъ исключенія) не упоминаютъ, ни о честолюбіи Константиновомъ, ни о строптивости его характера, ни о дѣйствіяхъ его противъ братьевъ, жившихъ съ нимъ въ родственной любви, правдѣ, безъ хитрости. Напротивъ, Константинъ былъ, во-первыхъ, всегда послушнымъ, почтительнымъ въ отношеніи къ Великому Князю; ибо видѣлъ въ немъ и Государя умнаго, и старшаго брата, и вмѣстѣ духовнаго отца своего; во-вторыхъ, онъ былъ и ревностнымъ защитникомъ правъ племянника, хотя еще юнаго, но уже законнаго Государя Великаго Княжества. Не есть-ли это дѣйствіе дружбы и любви, основанной на родственныхъ узахъ, всегда священныхъ для душъ истинно благородныхъ? Ссылаясь на второе духовное завѣщаніе Василія Димитр., многіе полагали, что Константинъ не упоминается въ ономъ единственно потому, что онъ (вмѣстѣ съ Юріемъ) недоброжелательствовалъ Великому Князю, и не

хотѣлъ подписать грамашы, противясь новому уставу наслѣдства... Но Андрей и Петръ развѣ уступали когда нибудь ихъ родительское наслѣдіе? Развѣ духъ удѣльной системы не существовалъ до самой кончины Василія Темнаго? Положимъ, что Василій, дѣйствительно, отнималъ у брата своего удѣлъ, положимъ даже, что онъ дѣлалъ это для того, чтобы нанести вдругъ, уже поколебавшейся системѣ Удѣловъ, рѣшительный ударъ... Спрашиваешся: какую его политику означало возвращеніе того-же самаго удѣла брату, ибо договоры того времени ясно доказываютъ, что Ржевъ и Угличъ постоянно принадлежали Константину Димитріевичу до самаго 1433 года? «Великій Князь долженъ былъ оскорбиться» (отказомъ) — говоритъ Карамзинъ — «но скрылъ гнѣвъ, и примирился съ брашомъ, огорчаемый тогда ужасными естественными бѣдствіями отечества» (*). Изъ сего слѣдуетъ, что Василій, по мнѣнію Исторіографа, болѣе *оскорбленный* Константиномъ, нежели *оскорбившій* сего послѣдняго, не равнодушно смотрѣлъ на собственность брата, возвращенную ему противъ желанія, и скрылъ гнѣвъ для того, чтобы въ удобнѣйшее время снова отнять оную... Но послѣдствія доказываютъ, что Великій Князь раздумалъ лишать его удѣла, и Константинъ *не злобствовалъ*, а великодушно простилъ Василія, ибо

(*) И. Г. Р. V, 214.

возвратился въ Москву въ 1421 году. Далѣе говоритъ Карамзинъ: «Василій ... зналъ честолюбіе братьевъ, въ особенности Юрія и Константина; предвидѣлъ, что они могутъ воспротивиться новому Уставу наслѣдства, подчинявшему дядей племяннику (*). » И такъ Василій скончался *недругомъ*, питая подозрѣніе и месть къ меньшому брату, между тѣмъ какъ тотъ-же Великій Князь, если вѣрить Кормовой книгѣ, дѣлалъ вклады въ Симоновъ по душѣ Константиновой на поминокъ заживо... Убѣжденные собственными разысканіями въ дѣйствительности сихъ Историческихъ обстоятельствъ, но недовѣряя себѣ, мы желали-бы знать источники, изъ коихъ почерпнуты были извѣстія, подавшія поводъ назвать Константина Димитріевича честолюбивымъ. Да не падаютъ пороки и оскорбленія на мертвыхъ, но самоволію живыхъ!..

Былъ-ли Константинъ женатъ? Вопросъ, не подлежавшій доселѣ никакому изслѣдованію. Лѣтописи наши не упоминаютъ о томъ ни слова. Однакожъ есть нѣкоторое подозрѣніе, что сей Князь едвали не имѣлъ супруги. Въ прощальной грамотѣ, или Духовной Митрополита Фотія, писанной въ 1431 году, читаемъ слѣдующее: «Тако-же возлюбленнымъ Княземъ, Князю Андрею Димитріевичу и Князю Ко-

(*) И. Г. Р. V, 220.

стянтину Дмитріевичу, тако-же даю имъ благословеніе и прощеніе и миръ въ сей вѣкъ и въ будущій, и съ *ихъ Княгинями и дѣтьми* (*).» Добродѣтельный, но несчастный, первосвятитель конечно разумѣлъ не будущихъ супругъ сихъ удѣльныхъ Князей (ибо Андрей Дмитріевичъ еще въ 1403 году женился на Княжнѣ Стародубской Агриппинѣ), а Княгинь, коихъ безъ сомнѣнія зналъ лично. Такъ мы думаемъ.

Карамзинъ помѣстилъ, въ примѣчаніяхъ къ И. Г. Р. краткую выписку (въ видѣ отрывковъ) изъ *Кормовой книги*, уже болѣе не существующей; о чемъ мы сказали выше сего. Онъ говоритъ: «Слѣдственно, Князь Константинъ Димитріевичъ скончался инокомъ Симонова Монастыря, чего мы не знали (**).» Напротивъ: обстоятельство сіе давно было извѣстно. Сочинитель *Родословной книги Князей и дворянъ Россійскихъ*, напечатанной еще въ 1787 году, по самовѣрнѣйшимъ спискамъ, книги весьма не рѣдкой, и на которую часто самъ-же Исторіографъ ссылался въ своихъ примѣчаніяхъ, такъ упоминаетъ о немъ: «Князь Константинъ Дмитріевичъ, бездѣтенъ, во иноцѣхъ Кассіанъ, лежитъ на Симоновѣ.» Въ грамотѣ Царя Бориса Ѳеодоровича, ниже сего слѣдующей, дѣйствительно

(*) Соф. Врем. II, 7.

(**) И. Г. Р. V, прим. 122.

сказано то, въ чемъ увѣряетъ Сочинитель Родословной книги. Спрашивается: что именно понудило Константина оставить свой удѣлъ и вступить въ число братій упомянутаго монастыря? Вникнувъ въ положеніе дѣлъ государственныхъ временъ Василія Темнаго, мы полагаемъ, что онъ предвидѣлъ политическій переворотъ, долженствовавшій лишить Удѣльныхъ Князей ихъ наслѣдственной собственности. Сверхъ того братья его (Андрей и Петръ) не могли подать ему руку помощи, ибо ихъ уже не было на свѣтѣ, а Юрій (въ 1433 году) взявъ Москву, объявилъ себя Великимъ Княземъ. Мы думаемъ даже, что Юрій, видѣвъ опаснаго врага въ Константинѣ, врага несправедливости и беззаконія, принудилъ его принять иноческій санъ. По крайней мѣрѣ не должно предполагать, чтобы Константинъ вступилъ въ монашество, находившись по выраженію Лѣтописца, *на конечномъ издыханіи*, слѣдуя обыкновенію своего вѣка, ибо въ большомъ Синодикѣ читаемъ сіи слова: *Князя монаха Кассіана*, слѣдовательно мы можемъ увѣрительно сказать, что младшій сынъ Донскаго, не только что *скончался инокомъ*, но принадлежалъ и при жизни къ монашествующей братіи сей славной обители.

Какимъ образомъ Василій Димитріевичъ, зная коротко честолюбивыя свойства души Константиновой, могъ совмѣстить въ себѣ совершенно различныя чувствованія: и подозрѣніе, и любовь чисто брашскую? Не обнаруживается-ли изъ словъ

выписки новое, совсѣмъ противное мнѣнію Исторіографа обстоятельство, а именно, что Василій болѣе другихъ братьевъ своихъ любилъ *молодшаго*? Поводомъ къ таковому заключенію были для насъ сіи слова Кормовой книги: «Далъ Кн. Вел. Василій Димитріевичъ (слѣдуетъ исчисленіе вкладовъ), по своей душѣ и своемъ братѣ, по Князѣ Константинѣ Дмитріевичѣ, инокѣ Кассіянѣ, на поминокъ.» Вѣроятно все это было вписано въ Кормовую книгу уже гораздо послѣ кончины Василіевой, ибо Константинъ не былъ еще инокомъ въ его государствованіе. Лѣтописи наши утверждаютъ, что въ Княженіе своего племянника В. В. Темнаго, онъ жилъ и дѣйствовалъ не въ тѣсной келліи монастырской обители, но въ полѣ, съ мечемъ въ рукахъ, съ намѣреніями совсѣмъ противными иноческой жизни. Изъ всего этого слѣдуетъ:

I-е, Исторіографъ совершенно несправедливо обвинялъ Константина Димитріевича, въ намѣреніи прошивиться новому уставу наслѣдства, ибо всѣ дѣйствія его на поприщѣ жизни доказываютъ, что честолюбія не было и тѣни въ характерѣ сего Князя. Сверхъ того, Царь Іоаннъ IV Васильевичъ почтилъ его память нѣкоторыми вкладами въ Симоновъ монастырь. Слѣдовательно, Константинъ достоинъ былъ воспоминанія сего Государя.

II-е, Константинъ Димитріевичъ дѣйствительно принадлежалъ къ монашествующей братіи Симоновской обители: это истина, неподлежащая болѣе никакому сомнѣнію.

Да не упрекнутъ насъ въ неблагодарности къ великому труду Карамзина. Критическое обслѣдованіе наше нѣсколькихъ страницъ сего огромнаго созданія, есть плодъ постояннаго изученія онаго. Мы скорѣе согласимся признать ничтожность нашихъ замѣчаній (буде исторически докажутъ намъ ихъ неосновательность), чѣмъ уступимъ кому нибудь уваженіе къ памяти незабвеннаго...

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СМѢСЬ.

Письмо Китайскаго Князя къ Русскому врачу. — Мы имѣли удовольствіе сообщить читателямъ нашимъ, пріятное для каждаго Рускаго извѣстіе о почести, какую воздали Китайцы ученому Медику, соотечественнику нашему (см. *Телеграфъ* N° III, стр. 436 — 439), бывшему въ Пекинѣ. Теперь получили мы отъ почтеннаго П. Т. Баснина и обѣщанный переводъ письма, писаннаго Китайскимъ Княземъ, при отъѣздѣ Г-на Войцеховскаго изъ Пекина. Спѣшимъ сообщить читателямъ сей замѣчательный актъ. Вотъ онъ слово въ слово:

«Россія, въ древности подъ именемъ Царства Динъ-Линъ извѣстная, со временъ Императора Консія начала присылать ученыхъ воспитанниковъ въ Пекинъ, для изученія языковъ, и черезъ каждое десятилѣтіе Миссіи смѣняются. Въ столичномъ нашемъ городѣ, Пекинѣ, назначено особое подворье для ихъ пребыванія, подъ особеннымъ покровительствомъ нашего Двора.

« Въ числѣ Членовъ настоящей Миссіи прибылъ ученѣйшій Докторъ, Іосифъ Войцеховскій, по отличнымъ знаніямъ въ Медицинѣ не только превосходящій въ знаніяхъ нашего знаменитаго Бянъ-Ціо, коему Древность столь много приписываетъ, но могущій стать на ряду съ безсмертными Ци-бо и Хуанъ-ди (Императоромъ, основателемъ Китайской Медицины).

« Въ девятомъ году царствованія Дао-гуанъ (свѣтлаго правленія), 1829-го года, я былъ пораженъ эпидемическою болѣзнію, отъ которой хотя и былъ излеченъ, но подъ конецъ выздоровленія ядъ болѣзни бросился на околоушныя желѣза, и произвелъ швердую, большую опухоль, для разрѣшенія коей многіе наши прославившіеся Доктора, болѣе года, безъ успѣха трудились.

« Для леченія моей болѣзни, прошу я наконецъ Г-на Доктора Войцеховскаго. Онъ лечитъ меня, и окрѣпость, въ коротное время, разрѣшается; я прихожу въ совершеное выздоровленіе, и наслаждаюсь новымъ бытіемъ. Въ изъявленіе моей слабой признательности поставилъ я памятникъ въ Россійскомъ подворьѣ.

« Нынѣ, Г-нъ Войцеховскій возвращается въ свое отечество, и я, съ полною признательностію за великое одолженіе, съ душевнымъ прискорбіемъ о разлукѣ, подношу ему еще четыре нескладныхъ стиха, мною написанные.

« Послѣ десятилѣтнихъ, неусыпныхъ трудовъ въ изученіи языковъ, находившійся въ столицѣ, вожделѣнный гость, отдаленнымъ путемъ, возвращается въ свое отечество. — Государь мой! вы вѣрно и въ другомъ мірѣ были искуснѣйшимъ врачемъ Хуа-шо, ибо отъ одного уже вашего воззрѣнія, или прикосновенія, больные оживаютъ!

« Вамъ угодно было и меня призрѣть, въ моей мучительной болѣзни, многіе мѣсяцы продолжавшейся; но, къ стыду моему, я не воздалъ достойнаго трудамъ вашимъ возмездія!

« Въ прекрасный Майскій день, когда на досугѣ слѣдовало-бы въ полной мѣрѣ наслаждаться разнообразными, прелестными видами природы, вспомнивъ о скоромъ вашемъ отъѣздѣ, я предался печальнымъ чувствованіямъ!

« Мнѣ ясно представляется, какъ ваши экипажи начинаютъ отправляться; отъ движенія ихъ пыль поднимается столбомъ, и тысячи препятствій не могутъ остановить вашего отбытія!

« Провожая васъ, умоляю увѣрить меня, что я буду имѣть счастіе — еще встрѣтить и обнять васъ, въ предмѣстіяхъ нашей Столицы.

Князь Цюань-Чанъ.

— *Нѣсколько замѣчаній о Папскихъ владѣніяхъ.* До половины осьмаго столѣтія Папы не имѣли никакой власти политической и свѣтской. Прежде всѣхъ Пепинъ, желая вознаградить снисходительность Папы Стефана II-го, воздвигъ свѣтскую власть Папъ, и первый призналъ право ихъ изъяснять власть Божескую въ распредѣленіи престоловъ. Побѣдивъ Астольфа, въ 754-мъ году, Пепинъ отдалъ Церкви Святаго Петра Экзархію Равеннскую; Карлъ Великій прибавилъ къ этому Перуджино и Герцогство Сполетто. Въ одиннадцатомъ столѣтіи Папы получили отъ Императора Генриха III-го Герцогство Беневентское; около двѣнадцатаго, отъ знаменитой Матильды Тосканской, землю, извѣстную подъ именемъ *отчины Святаго Петра.* Въ 1532-мъ, Людовикъ Гонзаго, военачальникъ Климента VII-го, присовокупилъ къ Церковной Области Мархію Анконскую, а Герцогство Урбинское сдѣлалось собственностью ея отъ избранія Юлія II-го, которому принадлежало оно. Послѣднія пріобрѣтенія Папъ были: Орвіето, Герцогство Кастро и Графство Ромильоне.

Въ 1796-мъ году Папское Правительство было уничтожено, и земли его превратились въ Республику, тотчасъ павшую, какъ скоро Французы вышли изъ нея. Въ 1808-мъ году Церковная Область была присоединена къ Италіи, но постановленіемъ 17 Февраля 1810 года вошла въ составъ Французской Имперіи. Событія 1814-го года возвратили Папѣ всѣ владѣнія его. Съ того времени, управле-

ніе оныхъ было измѣняемо нѣсколько разъ, но 25 Октября 1824 года утверждено окончательно. Нынѣ владѣнія Папы раздѣляются на 14 областей, изъ коихъ Римская называется *Комарка*; Болонская, Феррарская, Равенская и Форли именуются *Легаціями*, ибо ими управляютъ *Легаты*; другія носятъ названіе *Делегацій*, отъ титула управляющихъ ими, *Делегатовъ*. Делегація Беневентская есть округъ прежняго Княжества, въ Королевствѣ Неаполитанскомъ; земля Понте-Корво составляетъ часть делегаціи Фрозиноской, и также заключается въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Вотъ народонаселеніе каждой изъ 14-ти Папскихъ областей, по переписи 1827 года:

Области.	Народонаселеніе.	Главныя города.
Римъ	292,529	Римъ.
Болонія	306,675	Болонія.
Феррара	205,084	Феррара.
Равенна	148,989	Равенна.
Форли	188,097	Форли.
Урбино и Пезаро . . .	216,071	Урбино.
Анкона	155,397	Анкона.
Мачерата и Камерино .	143,820	Мачерата.
Фермо и Асколи . . .	160,936	Фермо.
Перуза	188,598	Перуза.
Сполетто.	148,598	Сполетто.
Витербе и Чивита-Векіа	145,022	Витербе.
Фрозиноне	169,037	Фрозиноне.
Беневенто	22,704	Беневенто.
Всего .	2,592,329.	

Духовенство во владѣніяхъ Папы многочисленно, однакожъ бѣдно. Самыя богатыя изъ епархій не даютъ дохода болѣе 32,000 рублей. Доходы приходскихъ Священниковъ едва доставляютъ существованіе. Прежде несчастій Рима въ 1797 году, духовенство въ одномъ Римскомъ округѣ имѣло недвижимаго имѣнія почти на 78 милліоновъ р., а имѣніе онаго во всей Церковной Области простиралось до 214 милліоновъ.

Церковная Область (Stato della Chiesa) заключаетъ въ себѣ 811 кв. миль, 90 городовъ, 206 мѣстечекъ и 3863 деревни. Государственные доходы простираются до 12 милліоновъ, а государственный долгъ до 250 милл. гульденовъ. Военная сухопутная сила состоитъ изъ 9000 человѣкъ войска, морская изъ 2-хъ фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Промышленность и гражданская образованность въ большомъ упадкѣ.

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 7.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ,

Историческо-политическо-литтературная Газета, издаваемая въ городѣ N. N., Яковомъ Ротозѣевымъ и Ѳомою Низкопоклонниымъ.

РИМЪ.

Какъ тѣнь сѣдаго великана,
Въ могильномъ саванѣ, какъ дымъ
Подъ ледяной корой волкана,
Такъ ты, великій, дивный Римъ!
Временъ минувшихъ окликъ дикій,
Костьми безсмертныхъ помощенъ,
Какъ твой пустынный Паншеонъ,
Стоишь, въ развалинахъ, великій!
Не говори, не повторяй
Твоихъ завѣтовъ и преданій,
Не возбуждай воспоминаній,
Души поэта не смущай!
Пускай безсмертнаго могила
Не произноситъ мелкихъ словъ,

Пока тебѣ языкъ боговъ,
Моей угрюмой Музы сила
Упрямыхъ, Сѣверныхъ стиховъ
Въ завѣтъ потомку не дарила!
Молчи, краснорѣчивый Римъ;
. . . . . .
Твои развалины святыя,
Твои осташки гробовые,
Я оживлю моимъ стихомъ!
Какъ-бы на Пиѳіи треножникъ,
Съ поникшимъ сиду я челомъ
На тѣ мѣста, гдѣ Скиѳъ-безбожникъ
Съ огнемъ являлся и съ мечемъ;
Стадами думы зароятся
Въ душѣ поэта: смѣло онъ
Глядишъ на міръ, когда шѣснятся
Къ нему стихи со всѣхъ сторонъ!
Онъ обнятъ вьіспреннимъ пожаромъ,
Онъ презираетъ вкусъ и умъ,
Воспламененный чуднымъ даромъ,
Онъ дикъ, онъ смѣлъ, какъ бури шумъ!
Себѣ единому понятенъ,
Для черни смыслъ онъ потерялъ—
И черни гласъ ему невнятенъ,
И ей не знать, что онъ писалъ!

Картофелинъ.

Римъ,
1822 *г. Марта* 3 *д.*

Иностранныя извѣстія.

Лейпцигъ. Вчера скончался здѣсь, извѣстный въ ученомъ свѣтѣ своими филологическими изслѣдованіями о Гренландской азбукѣ, Г-нъ Докторъ Философіи, Городовой Совѣтникъ, Іоаннъ Фридрихъ Клаусъ, на 87-мъ году.

Пишутъ, что въ Нюренбергѣ шелъ дождь, а въ Мадритѣ выпалъ снѣгъ.

Князь Рейсъ-Лобенштейнскій, Генрихъ LXXII-й, изволилъ отправиться на охоту.

Лондонъ. На биржѣ носятся слухи, что кофе нынѣшній годъ подорожаетъ. По другимъ извѣстіямъ, это совершенно несправедливо.

Новости не-политическія.

Паганини давалъ въ Парижѣ концертъ, но сборъ его не сравнялся однакожъ съ сборами прежнихъ его концертовъ.

Г-нъ Арнольдъ, нарочно путешествовавшій по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, какъ полагали донынѣ, Арминій разбилъ Вара, занимается теперь сочиненіемъ о семъ любопытнѣйшемъ пред-

мешѣ, гдѣ хочешъ доказать, что всѣ извѣстныя донынѣ догадки о мѣстѣ разбитія Вара были невѣрны.

Въ Англіи полагаютъ до 16 милльоновъ жителей, а по другимъ извѣстіямъ 15, или 17.

Славный Ахардъ утверждалъ, что выжимки свекловицы (betterave) рѣшительно могутъ замѣнять кофе, если ихъ поджарить, и пить, въ твердомъ увѣреніи, что вкусъ этихъ поджаренныхъ выжимокъ совершенно сходенъ со вкусомъ кофе (см. его Traité sur le sucre européen de betterave, пер. Г-на Дерона). Можно-бы не повѣрить Ахарду, потому, что онъ такъ-же былъ помѣшанъ на свекловицѣ, какъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ влюбился въ Исландскій мохъ, и дѣлалъ изъ него сахаръ, пирожное, хлѣбъ, шоколатъ, и проч. Но Г-нъ Дейё, въ Instruction sur l'extraction du sucre de betterave, подтверждаетъ тоже; въ Шампенуазскомъ Альманахѣ 1812 года тоже говорится. Г-нъ Дюбрюнфо, въ Agriculteur manufacturier, T. I, Май, 1830 г., увѣряетъ, что въ Валансьеннѣ всю негодную свекловицу обращаютъ нынѣ въ кофе. Въ *Экономическомъ Журналѣ*, Г-на Кукольника, Т. 2, N° 3, стр. 210, 1807 года, подтверждается извѣстіе о вкусѣ и здоровости свекловичнаго кофе, и въ Анна-

les des manufactures, 1813 г. № 144, стр. 280 и 281, Издатели смѣло говорятъ, что свекловичный кофе Моккскому не уступаетъ. Читатели наши могутъ сказать, что извѣстія о предметѣ, подобномъ свекловичному кофе, безполезны, а свидѣтельства, приведенныя нами, можно назвать *промышленными сплетнями* (commérage industrielle), потому, что всѣ писатели, о которыхъ мы упомянули, *слышали*, но никто изъ нихъ не испыталъ самъ, а испытавшій не замѣнилъ для себя свекловицею настоящаго кофе. Тогда-бы повѣрили мы — прибавятъ къ этому наши читатели — когда-бы Г-да Ахардъ, Дюбрюнфо, Кукольникъ, или кто нибудь другой, сказалъ: Мм. Гг., я узналъ на опытѣ, и теперь самъ пью этотъ кофе. Безъ этого ссылки на нихъ не похожи-ли на ссылки Купейкина, который тоже видѣлъ въ большой Псалтири, что напечатано въ маленькой, замѣченной имъ у отца Прошопопа? Но мы возразимъ, что наше дѣло только *сообщать новости* по части Промышленности, и обращать вниманіе читателей на новыя вѣтви современной фабрикаціи. А въ самомъ-ли дѣлѣ, гадкія выжимки свекловичныя на кофе походятъ — читатели, если имъ угодно, могутъ испытать сами. Это уже не наше дѣло!

Ученыя извѣстія.

Одинъ изъ знаменитыхъ Литтераторовъ нашего города недавно ѣздилъ въ Москву. Онъ *говоритъ*, что былъ тамъ въ обществѣ многихъ почтеннѣйшихъ Литтераторовъ, видѣлъ многія созрѣвшія и зрѣющія надежды нашей Литтературы. Этотъ путешественникъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что нѣкто изъ Литтераторовъ Московскихъ занимается составленіемъ *Словаря рифмъ*. Пособіе, необходимое для поэтовъ, дѣло важное и обширное! Что такое *стихи?* Слова, которыя поставлены въ извѣстномъ порядкѣ, и заострены на концѣ строчекъ рифмою. О механизмѣ стиховъ писано уже было довольно. Язвицкіе, Меморскіе, Бушовскіе, Вербишскіе, Кавецкіе, Орловскіе, Орнатовскіе, и другіе великіе филологи Русскіе, уже многократно толковали, что такое *ямбъ*, и *хорей*; что такое рифма женская, мужеская; что такое цезура, и проч. Впрочемъ, многіе, какъ-то, Г-нъ * * *, доказали, что въ наше время можно писать стихи, и не знать всей этой дряни. Но *рифма* необходима, и весьма часто дѣлается она мучительницею поэта, уничтожаетъ его восторгъ....

Повторимъ: *Словарь рифмъ необходимъ.* Однакожь виноваты сами поэты наши, если они не знаютъ, что Словарь риѳмъ, даннымъ давно, и именно — 32 года тому назадъ, былъ изданъ. Предпріятіе Московскаго Литтератора показываетъ, что этотъ прежній Словарь не всѣмъ извѣстенъ. Такое небреженіе тѣмъ непростительнѣе, что старинный Словарь этотъ есть твореніе оригинальное, удивительное, стоившіе сочинителю труда ужаснаго. Мы долгомъ почитаемъ представить читателямъ нашимъ извѣстіе о сей превосходной книгѣ.

Вотъ названіе оной: « *Рѳмальный Лексиконъ, или Славено-Россійскаго витійства Словарь*, содержащій въ себѣ всѣ части Граммашической рѣчи, и мѳологическія названія, извращенныя по всѣмъ Славено-Россійской Граммашики измѣненіямъ, приведенныя къ одинаковымъ, однозвоннымъ слово-кончаніямъ, на ямбъ, или хорей исходящимъ, и расположенныя по обыкновенному алфавиту. Сочиненъ, для употребленія и благоуспѣшества желающимъ упражняшься въ стихотвореніи, Секретаремъ Иваномъ Тодорскимъ, а напечатанъ иждивеніемъ желающихъ (М. 1800 г. въ т. В. Окорокова, in-4, 107 стр.).

Не знаемъ: писалъ-ли что нибудь еще Г-нъ Тодорскій? Но уже одно заглавіе сего труда показываетъ, что это былъ человѣкъ, какъ говаривалъ Тредьяковскій, *весьма острый, и въ знаніи Риторики зѣло искусный*. Но дабы вполнѣ могли читатели оцѣнить его вкусъ, умъ, и даровитость, предлагаемъ здѣсь посвященіе книги его Хераскову, бывшему тогда Куратором Московскаго Университета. Вотъ оно:

Бывъ нѣкогда всеобщаго Наукъ соборища обитатель, имѣлъ честь и я пользоваться Вашимъ надо мною начальствомъ, гдѣ находясь покоился въ прохладной тѣни покровительства, и наслаждался частію всѣхъ и на вся богато изливаемыхъ Вами щедротъ и милостей, каковыми и доднесь сопребывающіе тутъ Музолюбцы обилуютъ. — Сіе вѣрно потому, что гласъ упоминаемаго народа, сущій гласъ Божій, съ благодарнымъ къ своему попечителю сердцемъ, отъ преизбыточествованія онаго, нелестными устами вопіетъ всюду любя имя, хваля свойства, и величая доброту души Твоея. — Сей пріятный слухъ поражаетъ уши и, плѣняя духъ во всевозможное къ Вашему Превосходительству, яко истинному учености любителю благоговѣніе, нудитъ меня къ изъявленію толь благотворной и добродушной Особѣ приличнаго почитанія; дабы исполнить долгъ на благоговѣйной душѣ лежащій, или, по крайней мѣрѣ, засвидѣтельствовать при-

знательность Вашимъ доброшамъ. — Ибо опытно шо, что Ваше Превосходительство, во слѣдъ знашнаго, Россійскаго языка Возродителя, Исправителя и гладкіе пуши къ двоякому, въ Прозѣ и Стихахъ преподаніемъ потомству нѣкоторыхъ правилъ и превосходныхъ для подражанія примѣровъ Витійству положившаго, достойно и праведно въ памяши ученыхъ оставшагося Господина Ломоносова, грядеше, и не только шествуеше по прошереннымъ стезямъ его, но будучи Самъ усердный благородныхъ наукъ любитель, а потому учащихся недремлющій Попечитель, Свои оказывашь изволише опыты въ красошѣ Славено-Россійскаго слова, котораго вкусомъ довольно сердца наши услаждаете. — Не говоря о прочихъ, привлекающихъ соотчическое вниманіе, твореніяхъ, одни только, пусшь скажу, несравненные Ваши, въ стихахъ Россіяда и Возрожденный Владимиръ, а въ прозѣ Кадмъ и Гармонія, услаждая слухъ, восхищая мысль и духъ плѣнія, всѣхъ чишающихъ и разумѣющихъ оныя къ себѣ ошвлекаюшъ. Слава Богу, показавшему намъ ревнишелей по Славено-Россійскомъ Витійствѣ, что есшь за кѣмъ во слѣдъ ишши охошникамъ до онаго! Я, далекій послѣдоватсль въ пуши семъ, мысленно взирая на лице Ваше, душевно-жъ почишая имя, съ восхищеніемъ чшу сіи творенія. — Удивляясь-же осшроше мыслей, глубинѣ замысловъ, чисшоше шиля, крашкому, но ясному и полному выраженію и, во всѣхъ часшяхъ, вольному и гладкому словошеченію, съ жадносшію пріемлю на себя о всѣхъ и за вся долгъ благоговѣнія, соединеннаго съ чисшою

Вашему Превосходительству благодарностію; хотя, какую принести, недоумѣваю. Но, какъ вѣрно то, что всякому свое прилично, на примѣръ: Богу вѣра и поклоненіе, Царю дань и вѣрность, Священнику епиѳіамъ, воину мечъ, купцу злато, земледѣльцу плугъ, а Стихотворцу нужна Рѳема. Извѣстно-жъ и то, что въ Особѣ Вашей есть съ превзбыточествомъ высокопарный и глубокомысленный духъ Славено-Россійскаго Стихотворства, и способность, сопряженная съ навыкомъ къ выраженію толикихъ твореній, каковымъ многіе ревнуя, да, такъ скажу, завидуютъ. Желая-жъ уравнишься въ оныхъ, но не имѣя въ себѣ чего нибудь изъ сихъ талантовъ, не только въ мыслях уподобишься, но иногда за недостаткомъ въ скопѣ рѳемъ, ниже гладкаго, складнаго и сходнотоннаго одного другому словоокончанія, приличнаго матеріи, приложить не могутъ; нерѣдко-жъ съ немалымъ умозращеніемъ, или головоломаніемъ, сыскавъ понравившуюся себѣ по тону только рѳему, прикладываютъ оную со всѣмъ не прилично матеріи, чрезъ что и отъ предмета своего удаляются, и заходятъ въ неизвѣстность чѣмъ кончить свое предпріятіе. А дабы таковые до стихотворенія охотники, напаче-жъ начинающіе еще писать стихи, могли имѣть изобиліе приличныхъ и надобныхъ для нихъ рѳемъ, и дабы всѣ оныя, какія только есть и быть могутъ въ Славено-Россійскомъ нашемъ языкѣ, какъ-бы въ зеркалѣ предъ глазами своими видѣть, и изъ числа оныхъ одну по приличію къ матеріи соотвѣтствующую тономъ предыдущей, при-

лагали къ другой строчкѣ стиха, изъ любви къ сочинчамъ, и изъ усердія, елико могъ, услужить новымъ стихослагателямъ (ибо старый и навыкшій въ стихошканіи шворецъ, каково есть въ Вышеватой и Замысловатой Особѣ Вашей, такой, говорю, не имѣешъ большой нужды въ риѳмѣ, поелику сей не за риѳмою гоняешся, но углубляешся паче въ мыслях, и выражая свой предметъ крашко, но ясно, не мысли къ риѳмѣ, но риѳму къ мыслямъ приклоняешъ), для таковыхъ-шо стихошворцовъ, или, лучше сказать, для начинающихъ только писать стихи, и ради удобнѣйшаго плодопринесенія въ ихъ начинаніяхъ, сочинилъ я, съ Божіею помощію, выбравъ одношонныя изъ Россійскихъ Грамматическихъ Словарей, реченія по одинакимъ гласоударѣніямъ и окончаніямъ, риѳмальный, не бывалый еще доселѣ на Россійскомъ Парнассѣ, Лексиконъ, или Славено-Россійскаго Вышійства Словарь, который, по превосходству существующаго въ Вашей Особѣ Вышійственнаго духа, и по преклонности моей къ почитанію оной, усерднѣйше Тебѣ посвящаю. При чемъ ласкаю себя, что оный трудъ, яко посвященный Главѣ Вышійства, и не отринутый ею, можетъ нѣмъ болѣе приносить пользы желающимъ упражняться въ стихосложеніи. — Но успѣлъли я въ своемъ благонамѣреніи, или нѣтъ, отдаю то на разсужденіе безпристрастнаго о будущемъ гаданія. Впрочемъ, дабы пользующіеся сею книгою, могли изъ собраннаго въ ней многаго выбирать, каждой для себя немногое, но нужное и лучшее,

а притомъ готовое, сей мой трудъ съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ вдаю въ руки Твои, съ преданіемъ и самаго сочинителя во благоволеніе.

Въ *Предисловіи* объясняетъ послѣ сего Авторъ, что, какъ воинъ запасается оружіемъ, а экономъ, прежде поспройки дома, матеріялами, «равнымъ образомъ и тотъ, кто желаетъ приводить въ совершенство мысленное свое зданіе, или писать стихи,» долженъ знать механизмъ стиховъ, и имѣть запасъ риѳмъ. Риѳма, говоритъ онъ, «немалую придаетъ красоту, пріятность и важность пѣворенію, наподобіе, какъ сановитую, статную и складную женщину красивый уборъ творитъ болѣе на нее взираемою. А дабы ты, читатель, не имѣлъ нужды при сочиненіи, въ выдумкѣ и пріисканіи нужныхъ риѳмъ, и тѣмъ-бы головы своей не ломалъ понапрасну, вотъ тебѣ цѣлое поле предлежитъ здѣсь оныхъ.» Изъяснивъ, какъ пріискивать надобно риѳмы въ Словарѣ его, Авторъ заключаетъ: «Усерднѣйше желаю тебѣ, любезный соотчичъ, пользоваться сею книгою, и успѣвать въ витійственныхъ твореніяхъ, съ употребленіемъ богатыхъ риѳмъ,» и проч.

Если все это прелесть, какъ, вѣроятно, всякій согласится, то мы прибавимъ, что самый Словарь Г-на Тодорскаго есть прелесть,

ни съ чѣмъ несравнимая! Подлинно — поле красотъ, гдѣ ни развернешь. Взгляните напримѣръ, на слѣдующій рядъ созвучій: *ворона, дрочона, икона, корона, оборона, персона, попона, препона, амвона, звона, трезвона, козогона, погона, ефимона, макарона, учона;* или на эшотъ: *блаже, глаже, гаже, даже, млаже, раже, таже*; или на слѣдующіе: *вскоска, всоска, заноска, засоска, кривоноска, лососка, относка, толстоноска, тезка — ведромѣра, гофъ-фурьера, живодера, канонера, штабъ-офицера, фузелера — червяка, чествяка, шелудяка, голяка, земляка, киляка, мерзляка, сопляка, обиняка, дубняка*, и — наконецъ — такого *ка*, которое никогда не случалось намъ видать ни въ прозѣ, ни въ стихахъ, и которое, съ непоняшнымъ добродушіемъ, Г-нъ Тодорскій напечаталъ на 3-й стран. въ 1-й колоннѣ словъ.

Явленіе, любопытное для всякаго читателя, столько-же, сколько поучительное и полезное для поэта. Порадуемся, если статья наша исхитишъ Словарь Г-на Тодорскаго изъ мрака забвенія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1. На Городскомъ театрѣ завтрашній день представлена будетъ, по возобновленіи сал-

ныхъ огарковъ въ оркестрѣ въ первый, а въ теченіе года въ 32-й разъ: *Азинусъ азинумъ фрикатъ, или оселъ осла дурачитъ*, водевиль, соч. Князя А. А. Шаховскаго; за онымъ послѣдуетъ: *Скупой*, комедія Мольера, пер. С. Т. Аксакова. Въ заключеніе спектакля данъ будетъ: *Филатка въ плѣну у Алжирцевъ*, большой, герои-комическій балетъ, съ новыми декораціями, бурями, полетами, превращеніями, пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Во второмъ актѣ, Г-нъ Пискуновъ будетъ пѣть Русскую пѣсню: *Не бѣлы-то снѣга во чистомъ полѣ*, а Г-нъ Безголосовъ прочитаетъ стихи А. С. Пушкина: *Прощай, свободная стихія*. Разбитіе корабля, въ 3-мъ дѣйствіи, изобрѣтеніе Г-на Фирюлькина; буря и тула съ молніею Г-на Кисточкина; свистъ вѣтра будетъ производить ртомъ, и особеннаго рода дудочкою, Г-нъ * * *; въ концѣ балета — всеобщій пожаръ истребляетъ Алжиръ, гора Атласъ падаетъ, и Филатка ѣдетъ шехардою на Алжирскомъ Деѣ. — Многіе изъ зрителей изъявили свое мнѣніе, что *Азинусъ*, *Скупой*, *Благородный театръ*, и другія пьесы, безпрестанно играемыя на нашемъ театрѣ, чрезвычайно всѣмъ надоѣли. Но, зѣвать никому въ театрѣ не запрещается, и зрители могутъ приходить къ началу балета. Вычитать-же деньги за пьесы, ко-

шорных зрашели смотрѣть не хотятъ, какъ предлагали многіе, содержатель театра не можетъ, для того, чтобы избѣжать мѣлочныхъ разсѣтовъ и споровъ, необходимыхъ при подобномъ случаѣ.

2. Судьѣ Городовому потребно исправить починкою, пришедшую въ ветхость отъ времени, совѣсть, и вновь перемостить разсохшіяся правосвѣтныя его правила. Желающіе подрядиться на сіи работы могутъ являться къ шоргамъ ежедневно.

3. Г-жа Эмилія Гёзъ симъ честь имѣетъ извѣстить, что она открыла въ семъ городѣ пансіонъ, для благородныхъ дѣвицъ. Имѣя цѣлію доставить полное и полное воспитаніе, она предположила исключить изъ курса ученія всѣ не нужные для дамъ предметы, и тѣмъ болѣе заняться немногими, важнѣйшими предметами, кои суть: танцованье, Французскій языкъ, музыка и пѣніе. Воспитанницы будутъ изучать, не только всѣ лучшіе общественные танцы, но и пріучаться къ балетнымъ и характернымъ танцамъ, такъ, чтобы въ случаѣ нужды могли онѣ на домашнихъ театрахъ танцовать балеты. Французскій языкъ будетъ преподаваться наиболѣе изъ разговоровъ, такъ, чтобы воспитанницы, съ трудомъ поняли двѣ строки въ кни-

гѣ, могли узнать всѣ каламбуры и тонкости Французскаго разговора. Музыка и пѣніе преподаваемы будутъ въ высокой степени, до того, чтобы воспитанницы могли, не только разобрать аккомпаньеманъ къ каждому романсу, но и пропѣть самый романсъ. Кромѣ того, Г-жа Гёзъ постарается внушать воспитанницамъ вкусъ къ изящнымъ нарядамъ, всегда будетъ водить ихъ въ узкихъ корсетахъ и маленькихъ башмачкахъ, пріучитъ мило кланяться, кстати краснѣть, потуплять и подымать глаза съ возможною выразительностію, и вообще науку нравиться преподастъ имъ въ самомъ обширномъ и полномъ объемѣ, такъ, чтобы вышедши изъ ея пансіона, дѣвушка не засидѣлась долго въ домѣ родительскомъ, и за всѣмъ тѣмъ успѣла-бы покружить головы многимъ женихамъ. Объ условіяхъ узнать у самой Г-жи Гёзъ.

Д. Поступило въ продажу недавно напечатанное, новое сочиненіе: *Историческія изслѣдованія, касательно Русской Исторіи*, изданныя Баккалавромъ Т. П. Желтяковымъ. Въ сей книгѣ содержатся слѣдующія статьи: « Неоспоримыя доказательства, что Рускіе происходятъ « отъ Хазаръ — Разысканія о хохлѣ Святослава « Игоревича, какъ доказательствѣ Восточнаго « происхожденія Руссовъ — Изысканія о перене-

« сенiи въ Россiю Нѣмецкаго городоваго Уло-
« женiя, названнаго въ переводѣ *Русскою Прав-*
« *дою* — О судебныхъ поединкахъ въ Россiи. —
Цѣна 5 рублей.

5. Нижеподписавшiйся, съ истиннымъ, сер-
дечнымъ прискорбiемъ объявляетъ о кончинѣ
родителя своего, Луки Сидоровича Промотае-
ва, послѣ коего оспался онъ единственнымъ
законнымъ наслѣдникомъ. А такъ, какъ всѣ де-
ревни покойнаго въ закладѣ, денегъ наличныхъ
не найдено, да и вещей движимыхъ не оказа-
лось почти никакихъ, въ похищенiи коихъ силь-
но подозрѣвается дочь покойнаго, сестра
нижеподписавшагося, Ѳекла Лукина, по мужѣ
Царапаева, о чемъ и явочное прошенiе подано,
то и рѣшается онъ, нижеподписавшiйся, про-
дать разное поношенное покойнаго родителя
платье. Желающiе могутъ явиться для покуп-
ки къ нему немедленно, въ деревню Безхлѣ-
бову.

Помѣщикъ, отставной Канцеля-
ристъ Филатъ Лукинъ сынъ,
Глупоголововъ.

6. Вновь пріѣхавшiй Химикъ, Физикъ и Ко-
сметикъ симъ извѣщаетъ почтенную публику,
что онъ имѣетъ съ собою разные секреты,

какъ-то: можешь выращать волосы на головѣ, голой какъ ладонь; починивать гнилые зубы, такъ, что они пойдутъ заново; обпачивать стекла для очковъ, такъ, что слѣпой увидитъ; и сверхъ того умѣешь: выгонять мухъ, таракановъ, мышей; сгонять веснушки; лица старухъ дѣлать свѣжими и розовыми, какъ у 15-ти лѣтнихъ дѣвушекъ; унимать кашель у стариковъ душистыми лепешками; выправлять кривыя ноги; красить волосы въ прелестный русый цвѣтъ; возвращать блѣднымъ румянецъ, утомленнымъ свѣжесть, и проч. и проч. Полагаясь на то, что публика до сихъ поръ вѣрила Макассарскому маслу, Одезальпъ, Іерусалимскому бальзаму, Жизненной эссенціи, мозольнымъ пилочкамъ, красотѣ дамъ на балѣ, честности картежныхъ игроковъ, водѣ Грацій, и проч., онъ надѣется, что и ему повѣритъ публика, и что онъ будетъ еще не послѣдній, кому повѣритъ она.

ОБОЗРѢНІЕ

современныхъ Русскихъ Журналовъ.

Лѣтъ за двадцать, у насъ на Руси, чудное было время для многихъ, такъ называемыхъ ученыхъ! Кто умѣлъ обобрать какого нибудь чужеземнаго трудолюбца, и выдать заемный трудъ за свою собственную ученую диссертацію, тотъ безусловно почитался *ученымъ*. Послѣ этого, ему надобно было только поддерживать ученость свою какими нибудь спасейками, съ прикрасою Латинскихъ фразъ и ссылокъ на Фабриція, на Записки Академіи Надписей, на Мереріевъ Лексиконъ; притомъ, съ презрѣніемъ говорить о всѣхъ чужихъ трудахъ, толковать о томъ, какихъ подвиговъ, какихъ испытаній стоитъ ученость; *обѣщать* безпрестанно свои ученыя изысканія, долженствующія преобразить все — и всѣ кандидаты на подобную ученость снимали шляпы, произнося имя нашего *эрудита*, всѣ были увѣрены, что это истинный ученый, достойный наслѣдникъ Эразмовъ, Гейнзіевъ, Эрнестіевъ, Вольфовъ.

Прошло это благое, или лучше сказать, блажное время! И нынѣ у насъ много охотниковъ наряжаться въ чужія перья, но ихъ тотчасъ ощипы-

ваютъ и говорятъ публикѣ, кто нарядился въ павлиньи перья, или въ львиный тулупъ. За то, какъ и ненавидятъ, какъ проклинаютъ эти мнимоученые гонителей своихъ, Журналистовъ, вѣчныхъ, неутомимыхъ преслѣдователей всѣхъ самозванцевъ, а особенно самозванцевъ ученыхъ. Мы, съ своей стороны, не дадимъ отвѣта Музамъ въ бездѣйствіи: мы имѣли счастіе обличить не одного самохвала, уронить не одного враля, сорвать маску не съ одного самозванца. Читатели могутъ быть увѣрены, что мы не утомимся въ этомъ полезномъ трудѣ.

Но, это дѣло постороннее; обратимся къ ближайшему, къ Журналу, все еще носящему заглавіе 1832 *Телескопа*. До сихъ поръ мы замѣчали въ этомъ Журналѣ частныя ошибки и промахи. Такъ въ двухъ предшествовавшихъ статьяхъ доказано нами, что Г-нъ Издатель Телескопа не знаетъ ни Русскаго, ни Французскаго языка; не знаетъ Нѣмецкой Литературы и судитъ о ней по наслышкѣ, называя Цшокке Швейцарскимъ писателемъ; не имѣетъ ни какого понятія о Французской Словесности, ибо онъ нашелъ гексаметры у Расина и Вольтера, чего нѣтъ и быть не можетъ, ибо этому противится природа Французскаго языка. Правда, такого незнанія довольно, чтобы перестать вѣрить Журналу Г-на Надеждина; однакожь мы взглянемъ еще на общность, на духъ и направленіе онаго, дабы сдѣлать окончательный выводъ объ этомъ странномъ явленіи.

Полтора года *Телескопа* доказываютъ, что Издатель его не имѣлъ никакой мысли, никакого лите-

шературнаго побужденія при этомъ важномъ предпріятіи. «Давай-ка издавать Журналъ!» вотъ что было мыслью его. А какъ издавать? Для чего? Объ этомъ придется ему подумать теперь.

Не говоря уже объ общей цѣли, скажемъ, что нѣтъ ни одной части, которую-бы *Телескопъ* обработывалъ съ знаніемъ, съ любовью къ предмету. Напротивъ, каждая часть его скрыпитъ и отваливается отъ непрочнаго фундамента. Издатель *Телескопа* хотѣлъ подражать другимъ Журналамъ, но остался со своимъ духомъ и средствами, то есть съ духомъ и средствами покойныхъ *Галатеи* и *Вѣстника Европы*. Все это разцвѣтилъ онъ своимъ несноснымъ слогомъ, своимъ невѣдѣніемъ, своими смѣшными требованіями на ученость, своимъ пристрастіемъ въ сужденіяхъ — и диво-ли, что Журналъ его такъ плохъ и такъ неуважаемъ? Онъ не представляетъ читателямъ ни одной свѣжей, глубокой идеи; переводя статьи иностранныя, искажаетъ ихъ своими нелѣпѣйшими, несносными переводами; даже передавая извѣстія о современныхъ явленіяхъ, онъ обыкновенно обезображиваетъ и главныя идеи, и подробности.

Посмотрите, напримѣръ, каковъ разборъ *Людовика XI-го* помѣщенъ въ 5-й книжкѣ нынѣшняго года! *Это образецъ безобразія*, какъ остроумно сказалъ одинъ Литераторъ. Прежде всего, Издатель составляетъ тріумвиратъ изъ К. Делавиня, Ламартина и В. Гюго. Поэтическіе тріумвираты давно признаны игрою словъ, и давно брошены; а здѣсь

это ставятъ во главу угла. И почему Издатель нашелъ во Франціи только трехъ поэтовъ? Развѣ А. де Виньи, Жаненъ, Шатобріанъ, Вите, Мериме, Диттмеръ и Каве не поэты современные, ибо онъ сравниваетъ поэтовъ не одного рода?.. Не Издателю *Телескопа* говоримъ это, ибо не хотимъ разсуждать съ нимъ о Французской Литтературѣ: говоримъ знающимъ Французскую Литтературу. А сколько ошибокъ въ подробностяхъ этой рецензіи. Напримѣръ, въ ней сказано, что изъ драматическихъ произведеній Делавиня удержалась на театрѣ одна *Школа стариковъ*. Не судитъ-ли Издатель о Французскомъ театрѣ по Московскому? Въ Парижѣ до сихъ поръ представляютъ и *Парію*, и *Комедіянтовъ*, и даже *Сицилійскія Вечерни* Делавиня. Забавнѣе всего, что единственная мысль во всей рецензіи, а именно, что Делавинь несообразно вывелъ въ Трагедіи комическое лицо Людовика XI-го, эта мысль чужая: она потихоньку взята изъ Journal des Débats, безъ оговорки. Пріискивайте слово, какъ называется такое похищеніе. О слогѣ рецензіи и говорить нечего: извѣстно, какъ пишетъ Издатель 1832-*го Телескопа*. Періоды въ полъ-страницы, гдѣ не доберешься смысла, у него еще красоты. Тамъ есть и подобныя прелести: «*Принцесса Аврелія* возбу-«дила ропотъ при *самомъ* первомъ *явленіи* и упала «*немедленно*; ея *холодная* бездушность, изобли-«чившая въ ней *мертвый* трупъ Французскаго Клас-«сицизма, и проч.» *Бездушность, изобличившая трупъ*!! И какое искуство говорить плеоназмами: *самый первый, упала немедленно, холодная бездуш-*

кость, *мертвый трупъ* — какъ будто можетъ быть *живой трупъ* и *горячая бездушность*!

Еще забавнѣе сказаніе о Поэтѣ Барбье. Не станемъ выписывать Костромскихъ фразъ самого Издателя; посмотримъ, какъ переводитъ, и слѣдственно, какъ понимаетъ онъ Барбье. Поэтъ представилъ Францію кобылицею:

Tout son poil était vierge, et, belle vagabonde,
L'oeil haut, la croupe en mouvement,
Sur ses jarrets dressée, elle effrayait le monde
Du bruit de son hennissement.

Вотъ переводъ Телескопа: «Ея шерсть была дѣв-«ственно *неприкосновенна*: и, *вольная* странница, «*мордy вверхъ*, на *твердо незыблемыхъ* ногахъ, съ «трепетаніемъ жизни въ чреслахъ, устрашала міръ «своимъ *громозвучнымъ* ржаньемъ.» Довольно-ли этого для доказательства, что Г-нъ Издатель не понимаетъ того, что переводитъ?... L'oeil haut значитъ у него *мордy вверхъ*!... Но тутъ для новостей: belle (прелестная) по переводу Г-на Надеждина — *вольная*, vierge (дѣвственная) *дѣвственно-неприкосновенна*. А милая привычка къ плеоназму: *твердо-незыблемыя*?

Окончимъ замѣчанія наши смѣшною чертою Издателя Телескопа. Онъ подписываетъ подъ многими переводными статьями: Изъ Blackwood's Magazine, изъ Foreign Review, изъ Foreign Quarterly Review, изъ Edinburgh Review, изъ New Monthly Magazine,

изъ Literary Journal, и проч.» Какое изобилiе въ Англiйскихъ Журналахъ!» съ удивленiемъ скажешъ иной читатель. Но удивленiе его будетъ совсѣмъ инаго рода, когда онъ узнаетъ, что Издатель Телескопа и не видывалъ ни одного изъ сихъ Англiйскихъ изданiй! Источникъ его—Revue Britannique, гдѣ помѣщаются переводныя статьи изъ Англiйскихъ Журналовъ. И такъ переводя съ Французскаго (и какъ *переводя*!), онъ только пускаетъ въ глаза Англiйскую пыль.

Видятъ-ли теперь читатели наши, что̀ значитъ 1832-*й Телескопъ*?

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les bonnets habillés ont les garnitures beaucoup moins hautes que précédemment. Entre deux rangs de blonde, trois fleurs à égales distances, la tige peu longue; en tout la garniture ne s'élève, autour du visage, qu'environ de la hauteur d'une main.

Les formes des calottes de chapeaux se font très-étroites du haut, cela donne infiniment plus de grâce à la tête que les formes rondes, qui sont lourdes. Toujours la fleur posée droite; plus du tout de fleur tombante.

A la première représentation de la *Tentation*, les robes blanches étaient en majorité; organdi ou mousseline rayée. Des corsages décoletés avec des tours de gorge en tulle ou dentelle à tuyaux dont les rangs étagés tombent en s'étendant beaucoup sur l'épaule.

Avec une coiffure un peu recherchée, on porte des manches courtes, des gants longs.

Les coiffures en cheveux, sont toujours peu élevées; elles étaient pour la plupart en couronne, avec une natte tournée, au milieu de laquelle était un nœud de ruban. Les couleurs les plus remarquées sont rose vif, cerise ou bleu-ciel; les autres perdent à la lumière.

Les écharpes en gaze étaient de couleur tout unie, point de dessins brochés.

Les imitations d'Angleterre sont très-riches lorsque la garniture de pélerine ou du canezou en est faite entièrement, c'est-à-dire lorsque le corps du fichu a des fleurs

(*) Въ Парижѣ до 10-го Іюля (н. сп.)

jetées ou une guirlande, et le bord des bandes est une dent qui renferme la fleur à jour et bordée de picots.

Toutes les femmes, dès qu'elles ne sont pas en négligé, portent des bouquets et des éventails de peau peinte, à montures de bambou.

Avec une robe de batiste de soie à dessins cerise sur blanc, une pélerine de blonde double, à petit collet rabattant, un haut de cou en gaze cerise, glacé de blanc. Chapeau de paille de riz, avec un bouquet de bruyère du Cap; une cornette de blonde.

Une redingote de mousseline brodée, doublée de gros-de-Naples citron, le devant bordé d'une dentelle ainsi que la pélerine qui restait un peu ouverte; des nœuds de gaze citron, diminuant de grandeur, la fermaient. Un col double, carré arrondi, garni de dentelle. Une petite cravate de gros-de-Naples à damiers violets et blancs. Un chapeau de paille de riz avec un bouquet de pensées.

Des mouchoirs brodés, ou garnis de dentelle.

Beaucoup de femmes attachent leurs ceintures, de côté sous le bras, avec des épingles, pas même de coques plates, de manière qu'on ne voit nullement où sont renfermés les bouts du ruban.

Уборка нарядныхъ чепчиковъ дѣлается гораздо ниже, чѣмъ прежде. Между двухъ рядовъ блондъ находятся три цвѣшка, въ равномъ одинъ ошъ другаго разстоянiи, на не длинномъ стеблѣ. Вообще уборка вокругъ чепчика не выше какъ на ладонь.

Тульи у шляпокъ дѣлаются къ верху очень узкiя: это придаетъ головѣ гораздо болѣе прелести, нежели круглая форма шляпокъ, вообще тяжелая. Цвѣ-

токъ прикалывается къ шляпкѣ прямо; висячихъ цвѣтковъ не носятъ.

Въ одномъ блестящемъ спектаклѣ замѣчено всего болѣе платьевъ бѣлыхъ, изъ органди или полосатой кисеи. Лифъ, довольно вырѣзанный, обшитъ тюлемъ или кружевомъ въ трубочкахъ, которыхъ ряды упадаютъ на плеча.

Съ прическою, нѣсколько изысканною, носятъ коротkіе рукава и длинныя перчатки.

Голову причесываютъ все еще не высоко. Въ спектаклѣ, прически были по большей части въ видѣ вѣнца, изъ плешушки, посреди которой находится лепточный бантъ. Самые замѣтные цвѣта: яркорозовый, вишневый и голубой-небесный; другіе мало видны при освѣщеніи.

Газовые шарфы были одноцвѣтные, безъ всякихъ вышитыхъ узоровъ.

Англійскія накладки великолѣпны, если вся уборка пелерины или каньзу сдѣлана изъ нихъ, то-есть если на самой косынкѣ отдѣльные цвѣты или гирлянда, а на краяхъ полосъ большіе зубчики, съ цвѣтками ажуръ, которые обшиты мѣлкими зубчиками.

Какъ скоро дама одѣта не за-просто, она непремѣнно должна имѣть въ рукахъ букетъ, и вѣеръ изъ кожи, съ живописью и съ бамбуковою отдѣлкою.

Вотъ самые новые наряды:

Платье изъ шелковаго батиста, съ вишневыми по бѣлому цвѣтами; двойная пелеринка изъ блондъ, съ откладнымъ воротничкомъ, и съ галстучкомъ изъ вишневаго газа, съ бѣлымъ отпѣнкомъ. Бастовая шляпка, съ букетомъ зелени и съ блондовою вышивкою.

Реденготъ изъ вышитой кисеи, подбитый гроденаплемъ лимоннаго цвѣта, обшитый на переди кружевомъ, шакъ-же какъ и пелерника, нѣсколько открытая. Банты изъ газа лимоннаго цвѣта, постепенно уменьшающіеся, застегиваютъ его. Воротникъ двойной, округленный, убранный кружевомъ. Галстучекъ гроденаплевой, съ узоромъ шахматныхъ клѣтокъ, фіолетовыхъ и бѣлыхъ. Бастовая шляпка съ букетомъ цвѣтковъ pensées.

Платки съ шитьемъ или съ кружевной обшивкой.

Многія дамы прикалываютъ свои пояса булавками, на боку, подъ рукою, но гладко, шакъ что не льзя замѣтишь, гдѣ сходятся концы ленты.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Шляпка соломенная, сшивная, съ цвѣтами. Шляпка бастовая. Платье изъ жаконета, и вышитая пелеринка.

Мужчина. Фракъ Англійскій. Жилетъ изъ пике. Панталоны нанковые. Сюртукъ съ брандебургами и бархатнымъ воротникомъ шалью. Панталоны казимировые.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюля 15 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Николай Лазаревъ.

Въ типографіи Августа Семена.

Къ № 8 Моск. Телегр. 1832.

Пис. Фюзели. Гр. Афанасьевъ.

№ 8. Апрѣль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РИМСКУЮ ИСТОРІЮ.

Сочиненіе Мишеле (*).

Уже далеко то время, когда начали думать, что Исторія первобытнаго Рима можетъ быть совсѣмъ не Исторія. Это былъ одинъ изъ первыхъ предметовъ, на которые обратился воскресавшій духъ Критики. Римъ не властвовалъ

(*) Сею статьею выполняемъ мы одну изъ обязанностей Журналиста: знакомить читателей своихъ съ необыкновенными явленіями въ мірѣ Наукъ и Литтературы. *Римская Исторія*, Мишеле, изданная въ концѣ 1831 года, безспорно принадлежитъ къ симъ явленіямъ, ибо Авторъ ея умѣлъ постигнуть и соединить всѣ взгляды, всѣ изысканія Вико, Нибура и другихъ великихъ людей, занимавшихся Исторіею Рима. Онъ одушевилъ это общностью единой мысли, превосходнымъ изложеніемъ, и далъ просвѣщенному

болѣе надъ міромъ мечемъ легіоновъ, но онъ управлялъ имъ двумя писаніями: Правомъ Церковнымъ и Правомъ Римскимъ. Онъ указывалъ на сіе Право какъ на истину, какъ на *Разумъ писанный*; и даже какъ на власть. Онъ искалъ законности его въ древнемъ владычествѣ Имперіи, въ своей Исторіи. Это заставило остерегаться Исторіи его. Предшественникъ Эразма, Лаврентій Валла подалъ знакъ въ началѣ пятнадцатаго столѣтія. Въ шестнадцатомъ, одинъ изъ друзей Эразма рѣшился разсмотрѣть Тита Ливія, однакожь уклончиво и робко, такъ-же какъ благоразумный другъ его писалъ о Библіи. Этотъ критикъ, первый Профессоръ Словесности во Французскомъ Коллегіумѣ (1521), былъ Швейцаръ, соотечественникъ Цвинглія, урожденецъ Гларуса, по имени Глареанусъ. Швейцарія земля умствователей. Не смотря на

міру Исторію Рима, какой не было. Для насъ, Русскихъ, твореніе его должно быть особенно замѣчательно, ибо у насъ еще до сихъ поръ безотчетно слѣдуютъ Роллену и не знаютъ истинной Исторіи Римской. Посему надѣемся сообщить пріятное извѣстіе, сказавъ, что Исторія Мишеле переводится на Русскій языкъ и не замедлитъ явиться въ свѣтъ. Печатаемые нами отрывки изъ сего перевода состоятъ *Предисловіе* и первую главу *Введенія*. *Изд.*

исполинскую поэзію Альповъ, холодъ ледяныхъ горъ дышитъ прозою; онъ навѣваетъ сомнѣніе.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ настала очередь терпѣливой и важной Голландіи. Скалигеры и Юсты Липсіи, новая Древность Лейденскаго Университета, почти столь-же почтенная какъ та, которую изъясняла она, придала Критикѣ силу своего всезнанія. Въ Исторію, даже въ Филологію, вкрадывался духъ сомнѣнія, порожденный теологическими распрями, но мало по малу распространившійся и на другіе предметы. Этотъ духъ явенъ въ Animadversiones умнаго и копотливаго Перизонія, Лейденскаго Профессора (1685). Онъ сближалъ, сводилъ разныя мѣста, часто показывалъ противорѣчія этихъ, столь чтимыхъ Древнихъ, и встревожилъ не одно старинное вѣрованіе учености. Его книга, сказалъ Бель, есть исчисленіе ошибокъ Историковъ и Критиковъ. Славнѣйшее достоинство Перизонія въ томъ, что онъ призналъ слѣды народныхъ пѣсенъ первобытнаго Рима въ однообразной, ораторской рѣчи Тита Ливія; онъ угадалъ поэзію подъ личиной романа.

Наконецъ явился истинный преобразователь. Это былъ Французъ, поселившійся въ Голландіи, Луи Бофоръ, наставникъ Принца Гессенъ-Гомбургскаго и Членъ Королевскаго Лондонскаго Общества, къ которому принадлежало

много другихъ свободныхъ мыслителей. Онъ завелъ настоящую тяжбу съ условною Исторіею первыхъ временъ Рима. Въ дивной книжечкѣ своей (De l'incertitude, etc., 1738), которую стоило-бы напечатать вновь, онъ оцѣнилъ источники, означилъ пропуски, противорѣчія, генеалогическія поддѣлки. Эта книга низвергла старый романъ. Возстановляй его кто можетъ.

Боффоръ былъ только разрушитель. Его критика, совершенно отрицательная, неплодоносна, даже неполна. Кто умѣетъ лишь сомнѣваться, у того нѣтъ глубины и объемлемости даже въ сомнѣніи. Чтобы довершить разрушеніе романа, чтобы снова начать и пересоздать Исторію, надлежало возвыситься до истинной идеи Рима. Каждое твореніе предполагаетъ идею. Идея возникла въ странѣ идеализма, въ великой Греціи, въ отчизнѣ Джіордано Бруно. Геній Пиѳагора первое вдохновеніе сей земли. Но цѣлый міръ прибавлялъ къ нему; каждый народъ, каждое вторженіе оставило тамъ мысль, какъ каждое изверженіе лаву. Пелазги и Эллины, Этруски и Самниты, Римляне и Варвары, Лонгобарды, Сарацины, Нордманны, Швабы, Провансалы, Испанцы, весь родъ человѣческій, поколѣніе за поколѣніемъ, являлся у подошвы Везувія. Старый геній чиселъ и схо-

ластическая отчетливость, Философія Спиритуалистовъ и Школа Салернская, Право Римское и Право Феодальное, во взаимной противоположности: тамъ все существовало вмѣстѣ. И надъ всѣмъ этимъ, необъятная поэзія историческая, вдохновеніе могилы Виргиліевой, отголосокъ двухъ Тосканцевъ, воспѣвшихъ объ древности Италіи: Виргилій и Данте. Наконецъ, задумчивый отзывъ Эпрусскаго ученія о возрастахъ земныхъ, мысль о правильномъ круговращеніи міра естественнаго и гражданскаго, гдѣ передъ окомъ Провидѣнія всѣ народы составляютъ вѣчный хоръ жизни и смерти: вотъ Неаполь, вотъ Вико.

Въ обширной системѣ основателя Исторической Метафизики уже существуютъ, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, всѣ плоды новѣйшаго знанія. Какъ Вольфъ, онъ сказалъ, что Иліада была произведеніе народа, произведеніе ученое, его высшее выраженіе, послѣ многихъ вѣковъ поэзіи вдохновенной. Какъ Крейцеръ и Гёрресъ, онъ показалъ идеи, символы въ героическихъ или божескихъ фигурахъ первоначальной Исторіи. Прежде Монтескьё, прежде Ганса онъ объяснилъ, какъ Право исходитъ изъ нравовъ народныхъ и вѣрно представляетъ всѣ шаги Исторіи. Что Нибуръ долженъ былъ найдти обширными изысканіями, то Вико угадалъ: онъ

открылъ Римъ Патриціевъ, онъ оживилъ его Куріи и gentes. Если Пиѳагоръ вспоминалъ, что въ первоначальной жизни онъ раповалъ подъ стѣнами Трои, то эти знаменитые Германцы, право, могли-бы припомнить, что нѣкогда всѣ они жили въ Вико (*). Въ этомъ маломъ Пандемоніумѣ: la Scienza nuova, уже заключены, и довольно свободно, всѣ исполины Критики.

Основная мысль его системы смѣла, можетъ быть болѣе нежели подозрѣвалъ самъ творецъ ея. Она касается всѣхъ, занимающихъ міръ великихъ вопросовъ, политическихъ и религіозныхъ. Инстинктъ противниковъ Вико не просмотрѣлъ этого: ненависть ясновидящаго. Къ счастію, книга была посвящена Клименту XII-му. *Новая Наука* хранилась на алтарѣ, доколѣ время не разломило *семи печатей ея*.

(*) Причисляемъ къ нимъ нашего Балланша: это великій поэтъ, святая душа, геній, соединившій въ себѣ отчетливость Александрійскую и откровенность Христіанскую. Духъ Вико останавливается на Балланшѣ, который возстаетъ за нимъ непосредственно, и кажется мало дорожитъ всѣмъ, что наука и жизнь показали намъ послѣ Неаполитанскаго философа. *Прим. Сот.*

. . . . . Эти миѳическіе герои, эти Геркулесы, раздвигающіе горы, эти Ликурги и Ромулы, быстрые законодатели, въ одну жизнь человѣческую совершающіе медленный трудъ вѣковъ, суть созданія мысли народовъ. Одинъ Богъ великъ. Но человѣкъ хотѣлъ полубоговъ, и долженъ былъ сполплять поколѣнія въ одномъ лицѣ, сосредоточивать въ одномъ героѣ созданія цѣлаго круга поэтическаго. Такою цѣною купилъ онъ себѣ идоловъ историческихъ, Ромуловъ и Нумъ. Народы лежали ницъ передъ этими исполинскими тѣнями. Философъ подъемлетъ ихъ и говоритъ имъ: Знаете-ли, что̀ обожаете вы? Самихъ себя, ваши собственныя созданія. Странные, неизъяснимые образы, плававшіе въ воздухѣ, предметы удивленія дѣтскаго, становятся доступны уму. Они оставляютъ Поэзію и входятъ въ Науку. Чудеса отдѣльнаго генія подчиняются закону общему. Уровень Критики проходитъ по человѣческому роду. Но радикализмъ историческій не уничтожаетъ великихъ людей. Есть люди, повелители толпы головой или перевязью; но чело ихъ уже не теряется въ облакахъ. Не другаго рода они: Человѣчество можетъ узнать себя во всей Исторіи своей, единымъ и тожественнымъ самому себѣ.

Всего оригинальнѣе доказательство, что эти

исторические вымыслы были необходимостью нашей природы. Человѣчество, вначалѣ грубое, вещественное, не могло, на языкахъ, еще совершенно приготовившихъ, выражать мысль отвлеченную: надобно было дать ей тѣло, человѣческую личность, имя собственное. Потребность въ упрощеніи, столь сродной слабости, заставила также означать цѣлое собраніе лицъ именемъ человѣка. Этотъ миѳическій человѣкъ, этотъ сынъ народной мысли, означалъ вмѣстѣ и народъ, и идею народа. Ромулъ есть сила и народъ силы.

Такъ отъ символа идетъ Человѣчество въ Исторіи, въ Правѣ, и въ Религіи. Но, оставляя идею овеществленную, объединенную, оно приходитъ къ идеѣ чистой, общей. Въ неподвижной хризалидѣ символа совершается таинство преобразованія духа, который растетъ, раздвигается, доколѣ можно, наконецъ раздираетъ оболочку, и она падаетъ, изсохшая, ветхая. Это особенно замѣтно въ Правѣ: оно означаетъ свои перевороты и вырѣзываетъ ихъ на мѣди. Перевороты религій, языковъ, литературъ, необходимо должны быть освѣщаемы, дополняемы Исторіей Законодательства и Юриспруденціи. Римъ, этотъ міръ Права, долженъ занять важное мѣсто въ формулѣ Исторіи чело-

вѣческаго рода; нигдѣ не является болѣе явною, болѣе драматическою борьба символа съ идеею, буквы съ духомъ.

Въ примѣрѣ Права Римскаго постигнулъ Вико общій законъ движенія Человѣчества. Онъ разгадалъ истинную тайну величія Рима, которой и не подозрѣвалъ Монтескьё, а именно, что этотъ двойственный народъ, чтитель старины и вмѣстѣ нововводитель, принимающій каждую идею, но медленно и съ бою, величился не иначе какъ укрѣпляясь. «Измѣняя форму правленія, говоритъ онъ, Римъ всегда опирался на одни и тѣже начала, начала общества человѣческаго. Отъ того была у Римлянъ самая мудрая Юриспруденція, отъ того Имперія ихъ была самою обширною и прочною изъ всѣхъ Имперій.»

Такъ занятой Римомъ, Вико видѣлъ міръ подъ симметрическою формою города. Онъ хотѣлъ глядѣть на движеніе Человѣчества какъ на вѣчное круговращеніе, corso, ricorso. Онъ не видалъ, или по крайней мѣрѣ не сказалъ, что если Человѣчество идетъ кругообразно, то круги его безпрестанно увеличиваются. Отселѣ мало объемлющій и мѣлко остроумный характеръ является въ книгѣ его при Среднихъ Вѣкахъ. Геній чиселъ и мѣрности, о которомъ говорилъ я въ другомъ мѣстѣ, вездѣ ограничиваетъ по-

мышленія Италіи. Адъ Данте, столь хорошо измѣренный, обрисованный, вычисленный въ гармоніи его девяти круговъ, глубокъ отъ неба до бездны; но онъ не широкъ и не мраченъ какъ адъ Мильтона. Въ тѣсной вышинѣ его есть всѣ ужасы, кромѣ одного ужаса безконечности. Міръ Сѣвера совсѣмъ иначе непостижимъ, нежели міръ Юга; онъ менѣе рѣзокъ, болѣе неопредѣленъ, какъ начатое созданіе. Виды Аппенниновъ строги и начертаны рѣзцомъ. На Югѣ есть что-то изящное, утонченное, однакожъ сухое какъ благоуханія. Хотите-ли жизни и свѣжести? Ступайте на Сѣверъ, въ глубину безконечныхъ и безграничныхъ лѣсовъ, подъ зеленѣющіе дубы, медленно упитанные продолжительнымъ дождемъ. Тамъ есть еще осѣнки варваровъ, съ ихъ бѣлокурыми волосами, съ ихъ свѣжими лицами, съ ихъ вѣчною юностью. Ихъ жребій: обновлять міръ. Римъ былъ обновленъ вторженіемъ жителей Сѣвера, и для обновленія Исторіи Рима былъ надобенъ опять урожденецъ Сѣвера . . .

«Въ моей странѣ, говоритъ съ гордостью Нибуръ, у Дитмарсенцевъ, никогда не было рабовъ.» Это небольшое, мужественное народонаселеніе держалось свободнымъ до семнадцатаго столѣтія, не смотря на то что его окружали большія государства. Тамъ, среди столь-

кихъ переворотовъ, сохранился духъ личной независимости старинныхъ народовъ Саксонскихъ. Германцы, по словамъ Тацита, жили отдѣльно и не любили запираться въ города. Дитмарсенцы и нынѣ разсѣяны по деревнямъ. Феодальный духъ Среднихъ Вѣковъ не проникъ въ ихъ болота. Дитмарсенъ и Фризія всего лучше изображаютъ первобытную Германію.

Сынъ знаменитаго Оріенталиста, сѣвернаго человѣка, Нибуръ не глядѣлъ ни на Сѣверъ, ни на Востокъ. Онъ оставилъ финансы и политику (*), и рано обратилъ свои мысли къ Риму. Когда Австрійскія арміи снова открыли Нѣмцамъ входъ въ Италію, въ 1815-мъ году, онъ также пошелъ въ походъ и началъ свое ученое вторженіе. Первая побѣда его, какъ побѣда великаго Теодорика, была въ Веронѣ. Онъ прибылъ туда, и въ городской библіотекѣ взялъ рукопись Институцій Гаія, которая столько лѣтъ покоилась тамъ и никто не зналъ о ней. Побѣднымъ гостемъ явился онъ въ Римъ, неся вмѣсто доспѣховъ убитаго военачальника драгоцѣнный палимпсестъ, и вызвалъ на бой Аббата Маи, въ его Ватиканѣ.

(*) В. Г. Нибуръ былъ Директоромъ Копенгагенскаго Банка и Совѣтникомъ Короля Прусскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что завоеватель-варваръ имѣлъ право на цѣлый городъ, куда принесъ онъ древніе законы во всей чистотѣ ихъ первоначальнаго чекана. Онъ овладѣлъ Римомъ по праву занятія, tanquàm in rem nullius, и въ театрѣ Марцелла разбилъ свой praetorium. Четыре года жилъ онъ тамъ, дерзко рылся въ древнемъ городѣ и повелительно раздѣлялъ оный между основавшими поколѣніями, присуждая его то Этрускамъ, то Латинамъ (*). Онъ встревожилъ прахъ Королей Римскихъ и развѣялъ ихъ тѣни. Италія возстенала; но, какъ во времена Алариха, должно было исполниться предвѣщаніе: Barbarus! heu! cineres... ossa Quirini, nefas videre! dissipabit insolens.

Онъ истребилъ, но и создалъ вновь; создалъ, разумѣется, сколько могъ; книга его то-же что Forum boarium, столь величественный своими памятниками, хорошо или худо возстановленными. Не рѣдко чувствуешь руку Гота, но всегда дивишься, съ какимъ могуществомъ этотъ варваръ воздвигаетъ италійскіе обломки.

(*) Каковы-бы ни были сіи перемѣны, однакожь Нибуру принадлежитъ слава, что еще въ 1812 году, за двѣнадцать лѣтъ до изумительнаго творенія Тьерри, онъ понялъ всю важность вопроса о племенахъ. *Прим. Сочин.*

Надобно согласиться, что Нибуръ зналъ Древность, какъ не всегда знала она сама себя. Что значитъ подлѣ него Плутархъ и многіе другіе Греки, когда надобно постигать грубый геній первыхъ вѣковъ? Онъ цѣлъ лучше понимаетъ древній, варварскій Римъ, что въ немъ самомъ есть нѣчто изъ него. Это какъ-бы одинъ изъ длинноволосыхъ создателей Салическаго закона, Визогастъ или Виндогастъ, пріобрѣтшій право гражданства, и засѣдающій вмѣстѣ съ мудрымъ Корунканіусомъ, разсудительнымъ Сцеволою и древнимъ Катономъ. Не отваживайтесь нападать на этого собрата Децемвировъ, или говорить о немъ поверхностно.

И теперь еще, когда уже нѣтъ этого великаго человѣка, онъ оставилъ въ своемъ Римѣ Германскую колонію. Его поселенцы дали намъ смѣлу и описаніе своихъ завоеваній (*).

А мы, Французы, неужели мы не попребуемъ никакого участка въ этомъ Римѣ, который былъ и нашимъ? Правда, тяжелъ огромный, широкій мечъ Германцевъ; но развѣ не острѣе его мечъ Франціи?... По крайней мѣрѣ я не могъ покориться безусловно. Даже на первыхъ

(*) *Описаніе Рима*, Гг. Бунсена, Гергарда, и проч.

страницахъ своей книги, гдѣ единственно встрѣчаюсь я съ книгою Нибура, я не слѣдовалъ ему рабски. Часто я не дорожилъ смѣлыми гипотезами его, ибо знаю, что иногда нѣтъ возможности извлечь настоящую Исторію эпохи, которой всѣ памятники погибли.

Италія дала идею, Германія вещественно и жизнь; что остается Франціи? Можетъ быть, метода и изложеніе. Полное изложеніе развитія народа также освѣщаетъ колыбель его. Желая отыскать происхожденіе, можетъ быть не всегда надобно шарить въ окружающемъ оное мракѣ; надобно стать въ свѣтѣ эпохъ болѣе извѣстныхъ, и навести этотъ свѣтъ на эпохи мало вѣдомыя. Чтобы иначе выразить свою мысль, скажу, что объ органическомъ тѣлѣ можно судить только по его общности. Знаніе частей существующихъ, и свѣдѣніе о ихъ гармоническихъ размѣрахъ, могутъ одни оправдать выводъ о томъ, чего недостаетъ и будетъ недоставать вѣчно.

Все что говорилъ я, относится лишь къ четыремъ первымъ вѣкамъ Рима. Въ слѣдующихъ, и до самаго конца Республики, надобно создавать все вновь: тутъ Германія не представляетъ никакого пособія. Остается говорить о томъ, что полагаютъ извѣстнымъ и чего не знаютъ. Что за люди были Аннибалъ и Цезарь? Какъ, отъ Сципіона до Марка-Аврелія, Римъ

былъ покоренъ Греціей и Востокомъ, думая покорить ихъ? Отъ Гракховъ до Маріи, отъ Маріи до Помпея и Цицерона, остается слѣдовать за всепожирающимъ усиленіемъ могущества Всадниковъ, этой корыстолюбивой аристократіи, которая уничтожила жителей сначала въ Италіи, а мало по малу и въ областяхъ, захватывая всѣ земли, обрабатывая ихъ рабами, или оставляя дикимъ растеніямъ. Что касается до Имперіи, то Исторія оной обращается кругомъ четырехъ точекъ: это, послѣднее развитіе Права Римскаго, первое развитіе Христіанства, разсматриваемаго въ самомъ себѣ и въ борьбѣ съ Философіею Александрійцевъ, и наконецъ, состязаніе генія Римскаго съ геніемъ Германскимъ. Какъ ни велико мое удивленіе къ превосходной учености Гиббона, но я смѣю сказать, что, въ своемъ огромномъ твореніи, онъ лишь слегка коснулся этихъ четырехъ точекъ.

Въ первой части, издаваемой мною, есть пропуски неизбѣжные; но есть и произвольные. Часто говорю о рабствѣ, и все еще не довольно; едва означаю начало Римскаго Права и Латинской Литтературы. Они будутъ развиты удобнѣе во второй части; въ этой мнѣ было достаточно означить единство прекраснѣйшей жизни народа, какой не было нигдѣ. Одно сло-

во объ этомъ единствѣ и о возможныхъ дѣленіяхъ онаго.

Было три возраста Римской образованности. Возрастъ *Италійскій*, или народный, оканчивается Катономъ Старшимъ. Возрастъ *Греческій*, начатый подъ вліяніемъ Сципіоновъ, коего плодомъ былъ вѣкъ Августа въ Литтературѣ и Маркъ-Аврелій въ Философіи. Наконецъ, духъ *Восточный*, вошедшій въ Римъ тяжеле, медленнѣе, но напослѣдокъ побѣдившій побѣдителей Востока и давшій имъ своихъ боговъ. Цибелла принесена въ Италію во время второй Пунической войны; но потребно было еще четыреста лѣтъ, чтобы два Сирійца, Геліогабалъ и Александръ Северъ заставили предпочесть боговъ своей страны. Еще прошекъ одинъ вѣкъ, и Христіанство вознеслось надъ Имперіею, при Константинѣ.

Политическая Исторія Рима, то есть Исторія города Римскаго, повинуется сообразному раздѣленію. I. Въ первую эпоху, *Городъ* образуется уравненіемъ и смѣшеніемъ двухъ, обитающихъ въ стѣнахъ его народовъ, патриціевъ и плебеевъ. Это событіе довершено за 350 лѣтъ до Христіанской эры. II. Во вторую эпоху образуется *Имперія*, завоеваніемъ, смѣшеніемъ и уравненіемъ всѣхъ народовъ; *Имперія* образуется, но *городъ* распадается и *разобразуется*

(se déforme): да позволятъ мнѣ это выраженіе. До войнъ Нуманційской и Нумидійской включительно, или, если угодно, до междоусобной войны (около ста лѣтъ до Р. Х), Римъ покоряетъ міръ, умножаетъ число подданныхъ; послѣ междоусобной или Италійской войны, онъ увеличиваетъ число Римлянъ, гражданъ. Какъ скоро Италійцы ворвались въ городъ, то мало по малу войдутъ въ него и всѣ народы.

За всѣмъ тѣмъ, обыкновенное раздѣленіе на *Республику* и *Имперію* представляетъ большую выгоду. Римъ перестаетъ покоряться многимъ главамъ, и повинуется одному военачальнику или Императору въ то самое время, когда начинается Христіанская эра. Имперія соединяется и успокоивается, какъ-бы желая съ большею покорностію принять Слово Божіе. Это Слово заключаетъ въ себѣ жизнь и смерть: . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Въ тоже время, когда уничтоженіемъ Римской аристократіи и равенствомъ Права Гражданскаго начинается уравненіе Императорское, ученіе Христіанскаго равенства распространяется неслышимо. Неви-

димая республика воздвигается на развалинахъ шой, которая ничего не знаетъ о ней. Іисусъ Христосъ ошдалъ духъ свой при Тиберіи.

ВВЕДЕНІЯ

Глава первая.

Видъ Рима и нынѣшняго Лаціума.

Съ высоты Аппенниновъ, образующихъ длинную, ошъ Ломбардіи до Сициліи цѣпь, которую можно назвашь хребшомъ Ишаліи, съ высоты Аппенниновъ къ западу льются двѣ быспрыя, глубокія рѣки, Тибръ и Аніо, Tevere, Teverone; соединясь, онѣ вмѣспѣ впадаюшъ въ море. Во времена ошдаленной Древносши, спраны, лежащія на сѣверъ ошъ Тибра и на югъ ошъ Аніо, были заселены двумя образованными народами, Тусками и Осками или Авзонами. Между двухъ рѣкъ и двухъ народовъ, подобна копью проспиралась къ морю воинственная, варварская земля Сабиновъ. На сей-шо дельшѣ, за семь сошъ или восемь сошъ лѣшъ до нашей эры, воздвигся Римъ, великій городъ Ишаліи, который ошкрылъ свои нѣдра окружавшимъ его различнымъ племенамъ, и покорилъ Ишалію Лаціумомъ, а Ишаліею міръ.

Нынѣ эта страна пустынна. Изъ придцати пяти племенъ, большая часть едва означены какою нибудь полуразвалившеюся *виллою*. И нынѣ Римъ городъ большой, но пустыни встрѣчаются и въ самой срединѣ его. Лисицы кроются въ развалинахъ Палатинскихъ и выходятъ ночью пить изъ Велабра. Стада козъ, воловъ, полудикихъ лошадей встрѣчаются вамъ среди шума и роскоши новой столицы, и напоминаютъ, что городъ окруженъ пустынею. Оставьте за собой ворота, подите къ одному изъ голубыхъ возвышеній, вѣнчающихъ эту картину, наводящую задумчивость, или направьте шаги свои, черезъ Понтинскія болота, по неистребимой дорогѣ Аппія, вы встрѣтите гробницы, водопроводы, можетъ быть и какую нибудь оставленную ферму съ ея монументальными арками; но нѣтъ нигдѣ обрабошки, движенія, жизни! Кой-гдѣ увидите стадо, хранимое свирѣпой собакой, которая какъ волкъ кидается на прохожаго, или буйвола, выказывающаго изъ болота свою черную голову, между тѣмъ какъ тучи воронъ трепещутся на восшокѣ и съ хриплымъ крикомъ подымаются съ горъ. Обратитесь къ Остіи, къ Ардеѣ: вамъ представятся несчастные люди, въ рубищахъ, истощенные до безобразія, дрожащіе отъ лихорадки. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, одинъ путешественникъ нашелъ въ Остіи, вмѣсто всѣхъ жителей,

трехъ старухъ, оберегающихъ городъ лѣпомъ. Юный проводникъ его, пятнадцатилѣтнее дитя, раздѣлялъ съ нимъ пищу и говорилъ блестящими отъ лихорадки глазами: И я знаю, что значитъ мясо, и я отвѣдалъ его.

Но, среди нищеты и опустошенія, страна хранитъ свой чудный характеръ величія и важности. Эти нагорныя озера, въ рамахъ изъ прелестныхъ буковъ и величественныхъ дубовъ; это Неми, зеркало Діаны, speculum Dianæ; этотъ Альбано, древнее мѣстопребываніе религій Лаціума; эти возвышенія, отвсюду господствующія долиною: это вѣнецъ, достойный Рима. Съ Monte Musino, ara mutiæ Этрусковъ, оттуда, изъ темнаго лѣса надобно смотрѣть на эту Пуссеневу картину. Въ дни бури особенно, когда тяжкій Сирокко властвуетъ долиной, и пыль начинаетъ взвиваться облаками, столица пустыни является во всемъ мрачномъ величіи своемъ.

Когда вы прошли Площадь Народа и Египетскій обелискъ, украшающій ее, вы углубляетесь въ эту длинную и печальную улицу Корсо, еще самую оживленную въ Римѣ. Идите до Капитолія; взойдите во дворецъ Сенаторскій, между статуею Марка-Аврелія и трофеями Марія, и вы находитесь въ убѣжищѣ Ромула, intermontium. Это возвышенное мѣсто раздѣля-

ешъ городъ живыхъ и городъ мертвыхъ. Въ первомъ, гдѣ было прежде Марсово поле, вы отличаете колонны Траяна и Антонина, ротонду Пантеона, и самое смѣлое изъ зданій новаго міра: куполъ Святаго Петра.

Оборотитесь: подъ ногами вашими Форумъ, Тріумфальная дорога и новая гостинница Упѣшенія, подлѣ скалы Тарпейской. Тутъ въ безпорядкѣ сбросаны всѣ обломки, всѣ вѣка Древности: арки Септимія-Севера и Тита, колонны Юпитера Громовержца и Согласія. Далѣе, на горѣ Палатинской, страшныя развалины, мрачныя основанія дворцовъ Императорскихъ. Еще далѣе, на лѣво, необъятная громада Колизея. Этотъ единственный видъ заставилъ философа Монтаня вскрикнуть отъ ужаса и удивленія.

Колоссальный амфитеатръ (Colosseum, Колизей), гдѣ столько Христіанъ претерпѣвало мученія, уничтожаетъ величіемъ своимъ всѣ другія зданія человѣческія. Это чудовищная гора камней, сша пятидесяти семи футовъ въ вышину, и тысячи шестьи сотъ сорока въ окружности. На этой полуразвалившейся, но богато украшенной природою горѣ, есть свои растенія, свои деревья, своя флора. Варварство новыхъ временъ взяло изъ нея, какъ изъ каменоломни, цѣлые дворцы. Назначеніе этого на-

мятника убійствъ, гдѣ Траянъ погубилъ десять тысячъ плѣнниковъ во сто дней, видно во всѣхъ его развалинахъ: вы отыщете двои ворота, изъ коихъ въ одни выходили живые трупы, между тѣмъ какъ въ другія выносили трупы мертвые, sanavivaria, sandapilaria.

У воротъ Колизея видѣнъ фонтанъ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, гладіаторы омывали свои раны послѣ битвы. Граница этого фонтана была также первымъ дорожнымъ столбомъ Имперіи: всѣ дороги Римскаго міра шли отъ этого памятника . . . . .

За Колизеемъ и горою Палатинскою, далѣе Авентина, Римъ продолжается своими могилами. Тамъ найдете вы подземный склепъ Сципіоновъ, пирамиду Цестія, башню Цецилія Метелла, и Катакомбы, убѣжище и гробницу мучениковъ, простирающіяся, какъ говорятъ, подъ Римомъ до самаго русла Тибра.

Такъ разсматривая съ Капитолія этотъ трагическій городъ, вы легко постигнете, въ главнѣйшихъ памятникахъ его, постепенный ходъ и единство его Исторіи. Форумъ изображаетъ вамъ Республику, а Пантеонъ Августа и Агриппы соединеніе всѣхъ народовъ и всѣхъ боговъ древняго міра въ одной Имперіи, въ одномъ и томъ-же храмѣ. Этотъ памятникъ

средоточной эпохи Римской Исторіи занимаетъ средоточіе Рима, тогда какъ на двухъ оконечностяхъ его видимъ мы — Колизей, первыя борьбы Христіанства, и — церковь Св. Петра, торжество и господство Святой Вѣры.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НУЧА.

Якутскій разсказъ.

Ночь ненастна, темна!
Въ черныхъ тучахъ луна!
Шумно бьются валы
О крутыя скалы.
Торопися, мой конь!
Близокъ въ юртахъ огонь!

Кто полночной порой
Бродишь тамъ, надъ рѣкой,
Въ непогоду одинъ?..
Крутo темя стремнинъ,
Скользокъ путь по горамъ;
Что-же ищешь онъ тамъ?

Онъ глядишь съ береговъ
На плесканье валовъ;
Воронъ вьется надъ нимъ...
Онъ стоишь недвижимъ...
Торопися, мой конь!
Близокъ въ юршахъ огонь!

Здѣсь пустая страна,
И дика, и страшна,
Здѣсь собранье духовъ;
Съ вѣчно-снѣжныхъ гольцовъ
Ихъ слетается рой
Въ часъ полночи глухой.

Они бродятъ въ хребтахъ,
По лѣсамъ, на лугахъ,
По рѣчнымъ берегамъ,
По заглохшимъ жильямъ;
Но имъ болѣе милъ
Прахъ забытыхъ могилъ.

Но во мглѣ на брегу
Распознать я могу,
Будто въ солнечный день,
Нучи скорбную тѣнь.
Хищный воронъ на горахъ
Расклевалъ его прахъ.

Я бывалъ съ нимъ знакомъ,
Посѣщалъ онъ мой домъ;
Онъ пивалъ мой кумысъ,
Мы друзьями звались;
Но веселой порой
Онъ бывалъ намъ чужой.

Равнодушенъ и тихъ
Онъ смотрѣлъ на Исыкъ.
Пляски стройныя дѣвъ,
Ихъ веселый напѣвъ,
Ихъ роскошный уборъ
Не влекли его взоръ.

Вѣчно дикъ и суровъ,
Полюбилъ онъ лѣсовъ
Безпробудную тѣнь;
Тамъ, бродя ночь и день
Средь безжизненныхъ скалъ,
Онъ вольнѣе дышалъ.

Говорили, что онъ
Вѣдалъ тайный законъ
Призыванья духовъ,
Что будилъ мертвецовъ,
Что гроба вопрошалъ,
Что Шаманство онъ зналъ.

Но правдивъ-ли разсказъ?
Не видалъ я ни разъ,
Чтобъ въ *дюгюрь* онъ бивалъ,
Чтобъ власы распускалъ,
Чтобъ безумствовалъ онъ,
Чародѣйствомъ смущёнъ.

Нуча былъ не шаковъ!
Презиралъ онъ духовъ!
Онъ безстрашно бродилъ
Вкругъ Шаманскихъ могилъ,
Гдѣ властительный прахъ
Схороненъ на древахъ.

Разъ, осенней порой,
Друженъ съ жизнью простой,
Шелъ онъ вслѣдъ Тунгусамъ
По пустыннымъ хребтамъ.
Путь змѣей имъ лежалъ
Межъ разлоговъ и скалъ.

Вошъ спонтиъ на пути,
Гдѣ имъ должно пройдти,
Вѣковая сосна;
Почиталась она
Отто всѣхъ Тунгусовъ
Пребываньемъ духовъ.

Всѣ съ оленей сошли
И дары принесли
Властелинамъ стремнинъ;
Только Нуча одинъ,
Покачавъ головой,
Не далъ жертвы лѣсной.

Путь ихъ далѣ лежалъ.
Тихо день погасалъ;
Поднялъ мѣсяцъ рога.
Вотъ вверху кабарга
На висящихъ скалахъ
Пришаилась въ кустахъ.

Нуча страха не зналъ,
Былъ легокъ и удалъ.
Онъ какъ горный орелъ
Къ кабаргѣ полетѣлъ —
Прочь она — онъ за ней,
Все быстрѣй и быстрѣй.

Вотъ пропали изъ глазъ!
Знать пробилъ его часъ...
Только съ горныхъ стремнинъ
Песъ къ ночлегу одинъ
Безъ стрѣлка прибѣжалъ —
Онъ назадъ не бывалъ.

Какъ хозяинъ исчезъ,
Не сказалъ про то несъ.
Только выль онъ порой
Надъ стремниной крутой,
Гдѣ на каменномъ днѣ
Бьетъ потокъ въ глубинѣ.

Съ того времени тѣнь,
Когда скроется день,
Бродитъ въ мракѣ ночей
До разсвѣтныхъ лучей.
Страшно мщенье духовъ!
Жребій казни суровъ!

Н. Чижовъ.

Олекма.

Примѣчанія.

Нуча. Этимъ именемъ называютъ Якуты Русскихъ. Содержаніе сказокъ своихъ они заимствуютъ по большей части изъ частной жизни. Хорошіе разскащики говорятъ и поютъ попеременно.

Исыхъ или *Ысыхъ*. Такъ называется празднество Якутовъ, бывающее лѣтомъ, въ то время когда поспѣваетъ кумысъ. Собравшись на лугу, они раскладываютъ огонь, дѣлаютъ воз-

лiяніе духамъ, поютъ и пляшутъ. Иногда тутъ же бываютъ конскія скачки, бѣганье, борьба, и проч.

Дюгюрь. Бубенъ, въ который бьютъ Шаманы, призывая духовъ.

Гдѣ властительный прахъ
Схороненъ на древахъ.

Якуты имѣли обычай хоронить покойниковъ на деревьяхъ. Гробъ ставили или между вѣтвями, или, срубая дерева, утверждали его какъ бы на столбахъ. Симъ правомъ долѣе всѣхъ пользовались Шаманы. Еще и теперь можно видѣть остатки подобныхъ могилъ, въ сторонѣ отъ дорогъ и жилыхъ мѣстъ.

Вотъ стоитъ на путн, и проч.

Якуты оказываютъ ко многимъ мѣстамъ нѣкоторый родъ суевѣрнаго благоговѣнія. Наболѣе оно относится къ устарѣвшимъ деревьямъ, почитаемымъ мѣстопребываніемъ духовъ. На нихъ вѣшаютъ вязи конскихъ волосовъ, звѣриныя шкуры и другія вещи, чтобы симъ снискать благосклонность духовъ, могущихъ вредить имъ на пути или въ промыслѣ.

ПОЭТАМЪ

Архипелага Нелѣпостей, въ морѣ пустозвучія.

Печальной Музы кавалеры!
Признайтесь: только стопы вы
Обули въ новые размѣры,
Не убирая головы!
И рады, что нашли возможность,
На разумъ вѣка не смотря,
Свою распухлую ничтожность
Прикрыть цвѣтами словаря!

А. М.

ЖИЗНЬ ТРЕХЪ ДРУЗЕЙ.

Повѣсть Гоффмана (*).

На другой день послѣ Троицы, такъ называемая Веберова палатка, мѣсто, гдѣ собираются гуляющіе въ Берлинскомъ паркѣ, была до такой степени наполнена всякаго рода и разбора людьми, что Александръ съ большимъ трудомъ выхлопоталъ себѣ у забошливаго, туда и сюда толпою увлекаемаго шракширщика столикъ, который велѣлъ поставить подъ прекрасными деревьями, на площадкѣ близъ воды, и помѣстился тутъ съ обоими друзьями своими, Северіномъ и Марцелломъ, которые между тѣмъ не безъ стратегическаго искусства достали стульевъ. Всѣ трое были въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Лишь за нѣсколько дней предъ симъ каждый изъ нихъ пріѣхалъ въ

(*) Это отрывокъ изъ перевода *Серапіоновыхъ братьевъ*, о которомъ говорили мы въ 5-й книжкѣ нашего Журнала. Переводъ всей книги вскорѣ будетъ изданъ. *Изд.*

Берлинъ: Александръ изъ отдаленной провинціи, для того чтобы вступить во владѣніе наслѣдствомъ послѣ старой тетки, умершей дѣвицею, Марцеллъ и Северинъ съ тѣмъ, чтобы снова поступить въ гражданскую службу, давно оставленную ими для участія въ походѣ, изъ котораго они только что возвратились. Теперь хотѣлось имъ въ полной мѣрѣ насладиться свиданіемъ и, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ водится, мысли ихъ были заняты не роковымъ минувшимъ временемъ: нѣтъ! они думали о настоящемъ, о томъ, съ чего начать и къ чему стремиться въ жизни. «Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ Александръ, взявъ кофейникъ и наливая чашки для друзей — въ самомъ дѣлѣ, если-бъ вы видѣли меня въ отдаленномъ домѣ покойной тетки моей, какъ я по-утру, въ задумчивомъ молчаніи, пантомимически расхаживаю по высокимъ, обитымъ темными обоями комнатамъ; какъ потомъ старуха Анна, бывшая домоводкой при покойницѣ, маленькое существо, подобное привидѣнію, задыхаясь и кашляя, приноситъ мнѣ въ дрожащихъ рукахъ, на оловянномъ подносѣ, завтракъ, ставитъ его на столъ, отступаетъ назадъ и дѣлаетъ книксенъ; наконецъ, не говоря ни слова, удаляется, вздыхая и стуча высокими каблуками своихъ туфлей, подобно нищей изъ Локарно; какъ моська и котъ, бросая на меня съ боку

недовѣрчивые, косые взгляды, слѣдуютъ за нею; какъ наконецъ я оспаюсь одинъ, привѣшествуемый меланхолическою бранью попугая и насмѣшливо «глупою улыбкою фарфоровыхъ куколъ, пью одну чашку за другою, и едва осмѣливаюсь недостойнымъ куреніемъ табаку нарушать святыню дѣвическихъ покоевъ, гдѣ прежде приносились однѣ янтарныя и мастиковыя жертвы.... если-бы вы меня видѣли иногда, то непремѣнно приняли-бы по крайней мѣрѣ за околдованнаго.

«Надобно сказать вамъ, что одна свойственная холостымъ людямъ беззаботливость, въ которой вы часто упрекали меня, причиною того, что я, не искавши другой квартиры, помѣстился въ опустѣломъ домѣ моей тетки, который, по педантской аккуратности душеприкащика, сдѣлался для меня весьма непріятнымъ жилищемъ. Возлѣ роскошной постели, гдѣ бросается въ глаза снѣжно-бѣлый балдахинъ и зеленая шелковая мантерія, и теперь еще стоитъ небольшой табуретъ, на которомъ лежитъ прекрасное ночное платье и щегольской, множествомъ бантовъ убранный чепецъ; на полу стоятъ великолѣпно вышитые туфли; серебряная, ярко полированная сирена, вмѣсто ручки какого-то необходимаго сосуда, блеститъ изъ подъ бѣлаго, разными цвѣтами усыпаннаго одѣяла. Въ одной комнатѣ лежитъ не оконченное вязанье,

начатое покойницей не задолго до кончины; тутъ-же раскрыта и книга Арндта о Истинномъ Христіанствѣ; но всего непріятнѣе, и можно сказать ужаснѣе для меня то, что въ этой-же комнатѣ виситъ портретъ тетки моей, во весь ростъ, гдѣ она, назадъ тому лѣтъ тридцать пять или сорокъ, велѣла изобразить себя въ вѣнчальномъ платьѣ, и что она, какъ сказывала мнѣ, заливаясь слезами, старуха Анна... похоронена въ томъ-же самомъ уборѣ.— «Что за странная мысль!» сказалъ Марцеллъ. «Которая впрочемъ весьма понятна,» прервалъ Северинъ, «потому что дѣвицы, умершія невѣстами, невѣстами и остаются. Я думаю, что никто не будетъ имѣть духу принимать въ смѣшную сторону эту благочестивую вѣру, столь свойственную пожилой дѣвицѣ, хотя я и не понимаю, почему твоя тетушка въ молодости велѣла изобразить себя именно невѣстою?

«Такъ какъ мнѣ сказывали, тетушка дѣйствительно была разъ помолвлена; самый день свадьбы былъ уже назначенъ, и она, въ полномъ вѣнчальномъ нарядѣ, ожидала жениха, который однакожъ не пріѣхалъ, разсудивъ за благо, вмѣстѣ съ одною, прежде любимою имъ дѣвушкою, въ тотъ-же день удалиться изъ города. Тетушка чрезвычайно огорчилась этимъ, и, не обнаруживая ни малѣйшаго помѣшательства въ умѣ, съ того самаго времени начала, довольно стран-

нымъ образомъ, праздновать день, назначенный для бракосочетанія. Рано утромъ надѣвала она полный вѣнчальный нарядъ, приказывала, какъ то было въ первый день, накрывать въ уборной комнатѣ, опрятно прибранной, не большой столикъ орѣховаго дерева съ позолоченною насѣчкою, ставить шоколатъ, вино и бисквиты для двухъ особъ; вздыхая и тихо жалуясь, ходила она взадъ и впередъ по комнатѣ, и до 10-ти часовъ вечера дожидалась жениха; потомъ молилась съ усердіемъ, раздѣвалась и, погруженная съ самоё себя, тихо ложилась въ постель.» — Все это чрезвычайно прогательно — сказалъ Марцеллъ. — Горе вѣроломному, виновнику столь глубокой, роковой горести. — «На этотъ случай — возразилъ Александръ — надобно взглянуть и съ другой стороны. Какой-то добрый геній предохранилъ этого человѣка, котораго называешь ты вѣроломнымъ, какимъ онъ дѣйствительно и былъ, хотя-бы имѣлъ на то многія причины; или, если хочешь, собственное благоразуміе отклонило его отъ подобнаго супружества. Ему нравилось одно только имѣніе тетки моей: вѣдь онъ зналъ, что она была властолюбива, сварлива, скупа, словомъ, настоящій духъ-мучитель въ образѣ человѣка.

«Пусть такъ — сказалъ Северинъ, положивъ на столъ трубку, сложивъ накрестъ руки и съ

важнымъ, задумчивымъ видомъ устремивъ взоры впередъ—но откуда такое тихое, прогательное погребальное торжество, и покорныя судьбѣ, только внутренно произносимыя жалобы на вѣроломнаго, если не изъ глубины нѣжной души, которая должна быть чужда земныхъ пороковъ, какими укоряешь ты бѣдную свою тешку. Ахъ! какъ часто такое огорченіе, которому едва можемъ мы противиться, жестоко пораженные въ жизни, какъ часто такое огорченіе обнаруживается уродливымъ образомъ! Такъ все окружавшее покойницу дѣйствовало на нее возмутительно; но этотъ постоянно наступающій день благочестія загладилъ-бы, для меня по крайней мѣрѣ, мученія цѣлаго года.—Согласенъ съ тобою, Северинъ — сказалъ Марцеллъ — старая тетушка (дай Богъ ей царство небесное), не могла быть такъ зла, какъ утверждаетъ Александръ, хотя только по слуху. Впрочемъ, я не люблю имѣть дѣла съ людьми, огорченными въ жизни самою жизнію; лучше, если-бы Александръ, благоговѣя предъ свадебно-погребальнымъ торжествомъ почтенной старушки, рылся въ сундукахъ и ящикахъ со всякою мелюзгою или пересматривалъ богатыя описи, нежели живо представлялъ намъ покинутую невѣсту, въ вѣнчальномъ нарядѣ ожидающую жениха и расхаживающую около столика, уставленнаго шоколатомъ, виномъ и бисквитами.—Съ сильнымъ дви-

женіемъ поставилъ Александръ на столъ чашку кофе, которую только что поднесъ было ко рту, и вскричалъ, всплеснувъ руками: Отвяжись ты отъ меня съ такими мыслями и образами! И здѣсь, подъ прекраснымъ, свѣтлымъ небомъ мнѣ чудится, будто старая тетка моя, вонъ тамъ, изъ той группы молодыхъ дѣвушекъ, какъ привидѣніе выглядываетъ въ своемъ вѣнчальномъ нарядѣ.» — Это страшное чувство—сказалъ Северинъ, слегка улыбаясь и пуская синія, маленькія облака дыму изъ трубки, которую онъ взялъ снова — это страшное чувство есть справедливое наказаніе за твою дерзость, потому что ты дурно отзывался о покойницѣ, которая, умирая, сдѣлала тебѣ добро. — «Знаете-ли вы, господа — началъ опять Александръ—мнѣ кажется, будто и воздухъ въ моемъ жилищѣ до такой степени напитанъ духомъ и бытіемъ старой дѣвицы, что стоитъ только пробыть тамъ сутки двои, для того чтобы самому заразиться?» Въ эту минуту Марцеллъ и Северинъ пододвинули пустыя чашки свои къ Александру, который преловко и въ мѣру положивъ сахару, съ такою-же соразмѣрностью налилъ кофе и сливокъ; потомъ продолжалъ: «Уже одно это, что я такъ скоро пріобрѣлъ таланъ наливать кофе; что я, какъ будто по должности, тотчасъ берусь за кофейникъ, обладая искусствомъ приводить въ гармо-

нію сладкое съ горькимъ, не пролью капли, наливая чашки, ужь одно это должно казаться вамъ въ особенности таинственнымъ; но вы еще болѣе удивитесь, если я скажу вамъ, что во мнѣ открылась необыкновенная страсть къ оловянной и мѣдной посудѣ, къ бѣлымъ серебрянымъ приборамъ, фарфору, хрусталю, словомъ, къ полному хозяйству, какъ какъ оно заведено въ оставленномъ мнѣ покойной тещею имѣніи. На все это смотрю я съ какимъ-то удовольствіемъ, и мнѣ такъ весело владѣть болѣе нежели только постелью, столомъ, стуломъ, подсвѣчникомъ и чернильницею! Г-нъ душеприкащикъ иногда смѣется надо мною, говоря, что мнѣ надобно только жениться, не заботясь ни о чемъ иномъ, кромѣ невѣсты и священника. Въ душѣ-то онъ думаетъ и болѣе, а именно, что не для чего ходить далеко за невѣстою. Дѣло въ томъ, что у него есть дочка, маленькое, разряженное существо, которая все еще ребячится; какъ Гурли, говоритъ всегда такъ простодушно, и вѣчно повертываясь, подпрыгиваетъ, какъ трясогузка. Все это, при ея маленькомъ, бѣленькомъ личикѣ, можно-бы простить ей, лѣтъ шестнадцать тому назадъ, но теперь, въ тридцать два года, такія проказы хоть кому такъ покажутся притворны.» — Оно такъ — вскричалъ Северинъ — однако-же нѣтъ ничего естественнѣе этой губительной, странной мистифика-

ціи! Кто укажетъ на ту точку, на которой остановилась-бы дѣвушка, по какой-бы то ни было причинѣ перезрѣвшая для замужества, и сказала-бы самой себѣ: Я уже не то, что была прежде; цвѣты, которыми когда-то украшалась я, сохранили свѣжесть и юность свою, но лицо мое покрылось блѣдностью, и вотъ терпи, переноси! Такая дѣвушка, лишь невиннымъ заблужденіемъ увлекаемая, наводитъ на меня глубокую грусть, и ужь для одного этого мнѣ-бы хотѣлось быть ея ангеломъ-утѣшителемъ. — «Замѣчаешь-ли Александръ—сказалъ Марцеллъ—что нашъ любезный Северинъ весь проникнутъ нынѣче духомъ терпимости? Сперва онъ вступился за старую тетушку, а теперь за твоего душеприкащика (вѣдь это Военный Совѣтникъ Фальперъ); тридцатидвухлѣтняя Фальперова Сивилла, которую я очень хорошо знаю, наводитъ на него грустное чувство, и вотъ, того смотри, онъ присовѣтуетъ тебѣ жениться на ней, для того только, чтобы избавить ее отъ несноснаго простодушія, отъ котораго, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тебѣ, она откажется тотчасъ послѣ помолвки. Но смотри, не слушайся его; вѣдь по опыту извѣстно, что маленькія простодушныя дѣвицы такого рода, иногда, или лучше сказать довольно часто, имѣютъ кошачью природу; изъ бархатныхъ лапокъ, которыми онѣ гладятъ до свадьбы, вско-

рѣ послѣ шого, при удобномъ случаѣ, выпускаютъ не совсѣмъ тупые когти. — «Боже мой!» прервалъ Александръ друга, «что за болтовня! Ни Фальшерова придцатидвухлѣтняя Сивилла, ни какая другая, будь она въ десять разъ прекраснѣе, моложе и прелестнѣе, не заставитъ меня даромъ погубить золотые годы юношеской свободы, которою теперь только, съ добрымъ запасомъ денегъ и имѣнія, хочу я въ полной мѣрѣ насладиться. Въ самомъ дѣлѣ, старая невѣста-пустушка до такой степени дѣйствуетъ на меня какъ привидѣніе, что я съ словомъ: невѣста, невольно соединяю понятіе о какомъ-то злобномъ, ужасномъ, всякую радость отравляющемъ существѣ.» — Жалѣю тебя — сказалъ Марцеллъ. — Что касается до меня, то я чувствую, что сладостный внутренній трепетъ проникаетъ меня, какъ скоро я воображаю дѣвушку, убранную подъ вѣнецъ; если-же мнѣ случается когда дѣйствительно видѣть такое существо, то, кажется, будто духъ мой стремится къ нему съ какою-то высокою любовью, которая не имѣетъ ничего общаго съ земнымъ. — «О, я это знаю — возразилъ Александръ — ты влюбляешься во всѣхъ невѣстъ безъ исключенія, и во святилищѣ, которое ты фантастически созидаешь въ душѣ своей, не рѣдко занимаетъ мѣсто возлюбленная другаго.» — Онъ любитъ вмѣстѣ съ любящими — сказалъ Севе-

рыхъ — и потому-то я отъ всего сердца люблю его! — «Постойте-же — сказалъ Александръ — вотъ я навяжу ему на шею старую мою тетушку, и такимъ образомъ отдѣлаюсь отъ привидѣнія, которое не даетъ мнѣ покоя. Вы смотрите на меня вопрошающими взорами? ну да, конечно! Природа старой дѣвицы обнаруживается во мнѣ и тѣмъ, что я страдаю несносною боязнью привидѣній, и трепещу, какъ маленькій шалунъ, котораго няня стращаетъ какой нибудь букой. Знаете-ли, мнѣ случается видѣть возлѣ себя острый носъ старой моей тетки, и ея длинные, сухощавые пальцы, которые роются въ бѣльѣ и платьѣ. Беру-ли я когда чайникъ или кастрюлю, то прочія шевелятся сами собою, и я думаю: ну вотъ теперь, того гляди, тетушкина рука подастъ мнѣ другой чайникъ, другую кастрюлю. Тутъ я все бросаю въ сторону, бѣгу со всѣхъ ногъ, безъ оглядки, въ свою комнату, и пою или насвистываю что нибудь, сидя подъ открытымъ окномъ на улицу, а старуха Анна примѣтно сердится на меня за это. Но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что тетушка, каждую ночь, ровно въ 12-ть часовъ, странствуетъ по комнатѣ.» Марцеллъ громко засмѣялся, а Северинъ, храня важный видъ, вскричалъ: — Разсказывай, такъ и быть, когда ужъ дѣло дошло до нелѣпицы, потому что съ твоимъ просвѣще-

ніемъ, какъ могъ ты сдѣлаться духовидцемъ? — «Северинъ — продолжалъ Александръ — и ты, Марцеллъ, вы оба знаете, что никто больше меня не возставалъ противъ вѣрованья въ духовъ. Никогда въ жизни моей, до сихъ поръ, не случалось со мной ничего чрезвычайнаго; я былъ чуждъ и той странной, умъ и чувство поражающей боязни, которую производитъ явленіе духовъ. Но теперь выслушайте, что случилось со мною въ первую ночь послѣ моего пріѣзда.» — Разсказывай поспише—прервалъ Марцеллъ—мнѣ кажется, что насъ стараются подслушать.» — Никто посторонній не долженъ знать этого — возразилъ Александръ — и тѣмъ болѣе, что я и отъ васъ хотѣлъ утаить свою повѣсть о привидѣніи, но, шакъ и быть, я разскажу! Слушайте! Старуха Анна встрѣтила меня въ глубокомъ трауръ и съ глубокой грустью на лицѣ. Держа серебряный фонарь въ дрожащей рукѣ своей, стоная и задыхаясь, шла она впереди меня по опустѣлымъ комнатамъ до самой спальни. Здѣсь извощикъ поставилъ мой дорожный сундукъ. Этотъ добрый малый, распахнувъ свой широкій, длинный кафтанъ, съ усердною благодарностью положилъ въ кожаный кошелекъ щедрою рукою данныя ему на водку деньги. Онъ съ улыбкою окинувъ взоромъ комнату, остановилъ взглядъ на высоко взгроможденной постели съ зеленымъ занавѣсомъ, о которой я говорилъ вамъ, и на-

конецъ вскричалъ: «Ага! шушъ шо, баринъ, вы уснеше на раздольѣ, поспокойнѣе чѣмъ въ почтовой тѣлежкѣ; а вошъ и халашецъ съ калпачкомъ!» Этотъ проказникъ говорилъ о почтенномъ ночномъ плашѣ моей пестки. Старуха Анна, отступивъ назадъ и спотыкнувшись, чуть не уронила фонаря, но я еще во время схватилъ его и проводилъ извощика, который удалился, лукаво посмотрѣвъ на старушку. Возвратясь въ комнату, я примѣтилъ, что Анна трясласъ и трепетала: она думала, что наступило время страшнаго переворота въ домѣ, а именно, что я, отправивъ ее на покой, расположусь на дѣвической постели. Она пришла въ себя, когда я ласково и скромно объявилъ ей, что не привыкъ спать на такихъ мягкихъ постеляхъ, и чтобы она, безъ дальнихъ хлопотъ, постлала мнѣ что нибудь пожестче въ одной изъ другихъ комнатъ. Такимъ образомъ страшнаго переворота не было, но случилось не слыханное дѣло: покрытое морщинами, печальное лицо Анны прояснилось радостною улыбкою, такъ, что я никогда послѣ того не видалъ ея въ такомъ восторженномъ состояніи; она бросилась мнѣ въ ноги, опираясь длинными костлявыми руками о полъ; потомъ выправила смятые задки своихъ шуфлей, ловко напянула ихъ на острыя пятки, и сказавъ тихимъ, полубоязливымъ, полурадостнымъ голосомъ: «Очень хорошо, мой

добрый, почтенный баринъ,» со стукомъ и шопотомъ пустилась изъ комнаты. « А такъ какъ я расположенъ спать довольно долго, то прошу приготовить мнѣ кофе не раньше девяти часовъ. »Съ этими, нѣкоторымъ образомъ Валленштейновыми словами, отпустилъ я старушку. Смертельно утомленный, я думалъ, что сонъ въ минуту овладѣетъ мною; но разныя мысли и думы, вертѣвшіяся въ головѣ моей, прошмыгнулись сну. Теперь только со всею живостью представилась мнѣ быстрая перемѣна моего положенія. Теперь только, дѣйствительно владѣя новымъ имѣніемъ и находясь въ немъ, ясно видѣлъ я, какъ жизнь, со всѣми благодѣтельными удобствами и пріятностями своими, раскрывается для меня, выведеннаго изъ мучительной бѣдности. Несносная флейта ночнаго сторожа пропищала одиннадцать. . . . двѣнадцать, я былъ такъ бодръ, что могъ слышать бой своихъ карманныхъ часовъ и тихій стукъ сверчка, гнѣздившагося гдѣ-то въ комнатѣ. Но съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцати часовъ на одной изъ башенъ, откуда звуки глухо доходили до меня, послышались мѣрные, тихіе шаги, взадъ и впередъ по комнатѣ, и съ каждымъ шагомъ раздавался горестный вздохъ и стонъ, которые, усиливаясь болѣе и болѣе, обратились наконецъ въ раздирающія сердце жалобы существа, томимаго смертельною горестью: это существо всхли-

пывало и царапалось въ дверь сосѣдственной комнаты, и вотъ какая-то собака начала визжать и жалобно кричать голосомъ, похожимъ на человѣческій. Еще вечеромъ примѣтилъ я сѣрую моську, любимицу покойной тетки: ея то жалобы, безъ сомнѣнія, и слышались мнѣ теперь. Я всталъ съ постели; началъ осматривать комнату, тускло освѣщаемую ночнымъ мерцаніемъ; все, что было въ ней, видѣлъ я довольно явственно, но не видалъ никого, взадъ и впередъ расхаживающаго, а между тѣмъ слышалъ шаги, и все еще кто-то вздыхалъ и стоналъ, какъ прежде, проходя мимо самой постели моей. Вдругъ овладѣлъ мною ужасъ, производимый присутствіемъ духовъ, ужасъ, какого я никогда не зналъ: я чувствовалъ какъ холодный потъ выступалъ на лбу моемъ, и волосы, какъ-бы оледенѣвъ, становились дыбомъ. Я не имѣлъ силъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, ни закричать отъ ужаса; кровь моя сильно волновалась; я хранилъ внутреннее чувство сознанія, которое однакожъ не могло повелѣвать внѣшними, какъ-бы въ смертной борьбѣ оцѣпенѣвшими органами. Вдругъ затихли шаги, умолкли стоны; вмѣсто того послышался удушливый кашель, заскрыпѣла дверь шкафа, раздался стукъ серебряными ложками; потомъ, казалось, кто-то откупорилъ и поставилъ въ шкафъ бутылку.... странный отвратительный

кашель. . . . продолжительный вздохъ. . . . Въ эту минуту, высокаго роста существо, въ бѣлой одеждѣ, начало двигаться отъ стѣны; меня обдало морозомъ, ужасъ дошелъ до высочайшей степени, и я лишился чувствъ. Я проснулся съ ощущеніемъ, какое бываетъ всегда послѣ паденія съ высоты; вамъ извѣстны обыкновенныя сновидѣнія такого рода, но я не въ силахъ описать особеннаго чувства, которое наполняло тогда мою душу. Сперва мнѣ должно было образумиться, гдѣ находился я; но потомъ мнѣ казалось, будто нѣчто ужасное происходило со мною, но что продолжительный, глубокій, смертный сонъ изгладилъ всякое воспоминаніе объ этомъ. Наконецъ, мало по малу, я припомнилъ все случившееся и принялъ это за сновидѣніе, въ которомъ какое-то привидѣніе издѣвалось надо мною. Лишь только всталъ я, какъ портретъ невѣсты въ вѣнчальномъ платьѣ бросился мнѣ въ глаза, и холодная дрожь пробѣжала по спинѣ моей, потому что мнѣ казалось, будто это самое изображеніе расхаживало ночью по комнатѣ; но обстоятельство, что въ комнатѣ вовсе не было шкафа, снова увѣрило меня, что я видѣлъ только сонъ. Старуха Анна принесла кофе и, взглянувъ на меня, сказала: «Господи твоя воля! что это вы такъ блѣдны? Ужь здоровы-ли вы? не приключилось-ли вамъ чего? «Вовсе не желая говорить съ нею о при-

видѣніи, я жаловался на сильное давленіе въ груди, которое не давало мнѣ спать. «Такъ, такъ — проворчала старуха — вся бѣда отъ желудка; да этому мы пособимъ!» Тутъ подошла она къ спѣнѣ, отворила прежде не замѣченныя мною дверцы, и я увидѣлъ шкафъ, гдѣ были рюмки, маленькая бутылка и пара серебряныхъ ложекъ. Со звономъ и стукомъ взяла она ложку, откупорила бутылку, налила нѣсколько капель какой-то жидкости, снова поставила въ шкафъ бутылку и потащилась ко мнѣ. Я закричалъ отъ ужаса, потому что воображенію моему представились явленія минувшей ночи. «И, полноте, полноте, любезный баринъ — проворчала старушка, странною улыбкою сморщивъ лицо свое—вѣдь это очень хорошее лекарство; покойница также страдала желудкомъ, и часто принимала эти капли!» Я ободрился и проглотилъ крѣпкій, жгучій желудочный эликсиръ. Взоры мои невольно устремились на поршретъ невѣсты, который висѣлъ надъ самымъ шкафомъ въ спѣнѣ. Чей это поршретъ? спросилъ я. «Покойной шетушки вашей, сударь! упокой ты ее, Царь Небесный!» сказала старуха, обливаясь слезами. Моська начала визжать точно такъ какъ ночью. Едва удерживая внутренній трепетъ, едва собравшись съ духомъ, сказалъ я: «Любезная Анна, я думаю, что покойная шетушка прошедшею ночью въ двѣнадцать

часовъ была у этого шкафа и выпила капель?» Старуха, казалось, ни сколько не удивилась этому, и сказала тихимъ голосомъ, между тѣмъ какъ смертная блѣдность погасила и послѣднюю искру жизни, на покрытомъ морщинами лицѣ ея: «Развѣ у насъ нынче опять день Обрѣтенія Креста? вѣдь трешье-то Мая давно уже прошло!» Я не могъ болѣе спрашивать; старушка удалилась; я наскоро одѣлся, вовсе не прикасался къ завтраку, и выбѣжалъ на открытый воздухъ, для того чтобы избавишься отъ несноснаго мечтательнаго состоянія, которое снова начинало владѣть мною. Безъ моего приказанія, Анна перенесла вечеромъ мою постель въ веселый кабинетъ окошками на улицу. Я ни слова не говорилъ съ ней болѣе о привидѣніи, и вовсе не разсказывалъ о томъ Военному Совѣтнику. Сдѣлайте милость, молчите и вы объ этомъ, а не то подымется ужасная болтовня, не будетъ конца распросамъ и несноснымъ изслѣдованіямъ любопытныхъ дилетантовъ. Даже въ кабинетѣ моемъ, каждую ночь въ 12-ть часовъ, слышатся мнѣ шаги и стоны; но я хочу еще нѣсколько дней побороться съ ужасомъ, и потомъ, безъ дальнихъ хлопотъ, переѣду изъ дому на другую квартиру.» Александръ замолчалъ, и, не прежде какъ чрезъ нѣсколько секундъ, Марцеллъ началъ разговоръ: — Твое приключеніе довольно чудно и страшно, но, не

смотря на то, что я охотно вѣрю явленію духовъ, какимъ-бы то ни было образомъ, все таки разсказанное тобою слишкомъ сбивается на обыкновенную мистеріальность. Шаги, вздохи, стоны, и тому подобное я совершенно допускаю; но что покойница, какъ и при жизни, пьетъ желудочныя капли, это напоминаетъ мнѣ о той женщинѣ, которая, являясь послѣ смерти, какъ котенокъ ползаетъ по закрытымъ окнамъ. —

« Вотъ еще какая странная мистификація ! » возразилъ Северинъ. « Допуская возможность явленія духовъ и признавая вліяніе ихъ на наши внѣшнія чувства, ты хочешь предписать имъ извѣстныя ограниченія въ разсужденіи того, какъ приличнo или неприлично поступать. По твоей теоріи, любезный Марцеллъ, духъ можетъ ходить въ туфляхъ, вздыхать, стонать, но только отнюдь не откупоривать бутылокъ и не пить капель. Здѣсь надобно замѣтить, что духъ нашъ, въ своихъ мечтахъ о высшемъ, въ однихъ предощущеніяхъ предполагающемся бытіи, не рѣдко попадаетъ на общія мѣста вседневной жизни, и потому бросаетъ на нее тѣнь какой-то горькой иронiи. Эта самая иронія, которая глубоко заключается въ природѣ, сознающей свое перерожденіе, не можетъ-ли быть также свойственна и душѣ, совлекшей

съ себя тѣлесную оболочку и ускользнувшей изъ міра тѣней, если уже мы допускаемъ, что она можетъ принимать образъ оставленнаго тѣла? Такимъ образомъ сила воли и вліяніе какого нибудь духа, наяву увлекающаго насъ въ міръ тѣней, можетъ служить условіемъ всякаго рода привидѣній, которыя мы думаемъ ощущать внѣшними органами. Смѣшно было-бы, по нашему понятію предписывать этимъ привидѣніямъ какой нибудь нравственный уставъ. Замѣчательно, что лунатики, эти настоящіе мечтатели, обращаются къ самымъ обыкновеннымъ дѣламъ жизнейскимъ: вспомните о томъ, который въ каждое новолуніе выводилъ свою лошадь изъ стойла, осѣдлывалъ и опять разсѣдлывалъ ее, отводилъ въ стойло и потомъ возвращался въ оставленную постель. Но все, что я ни говорю, есть нечто иное, какъ mem-bra disjecta; но я думаю... « — Стало вы вѣрите появленію старой тетки моей? — не много поблѣднѣвъ прервалъ Александръ друга. « Какъ не вѣрить! » вскричалъ Марцеллъ. « Я развѣ не вѣрующій, хотя не такой записной духовидецъ, какъ нашъ Северинъ? Такъ не упаю-же и я опъ васъ, что на квартирѣ моей, меня до смерти напугало привидѣніе, ужасное не менѣе Александровой тетки. » — А со мною развѣ не случилось того-же? — проворчалъ Северинъ. « Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ — продолжалъ Мар-

целлъ — нанялъ я, на Фридриховой улицѣ, опрятную меблированную комнату. Подобно Александру, смертельно утомленный, бросился я на постель, но не спалъ и часу, какъ вдругъ сквозь закрытыя вѣки свои примѣтилъ яркій свѣтъ. Открываю глаза и... предстанье мой ужасъ! возлѣ самой кровати моей стоитъ длинный, сухощавый человѣкъ, съ лицомъ, покрытымъ смертною блѣдностью, устремивъ прямо на меня свои впалые, мутные глаза. Бѣлая рубашка покрываетъ весь станъ его; грудь открыта и кажется окровавленною; въ лѣвой рукѣ держитъ онъ фонарь съ двумя ярко горящими восковыми свѣчами, въ правой большой стаканъ, наполненный водою. Безмолвно смотрѣлъ я на это страшное существо, которое, съ ужасными визгливыми звуками, начало обводить большіе круги и стаканомъ и фонаремъ. Такъ-же какъ и Александромъ, мною овладѣлъ страхъ, какой производятъ привидѣнія. Тише и тише обводило оно круги фонаремъ и стаканомъ, и наконецъ совсѣмъ перестало. Тутъ показалось мнѣ, что тихое пѣніе раздалось въ комнатѣ; существо, оскаливъ зубы, улыбнулось и медленными шагами вышло изъ комнаты. Много времени прошло, пока я ободрился, всталъ и поспѣшно замкнулъ дверь, которую, какъ я тутъ примѣтилъ, забылъ запереть ложась въ постель. Сколько разъ бывало во время похода,

что посторонній человѣкъ неожиданно стоитъ у моей постели, когда я просыпаюсь, и я ни сколько не пугался этого; но что здѣсь кажется какая-то чрезвычайность, что это даже привидѣніе, въ томъ я твердо былъ увѣренъ. Утромъ хотѣлъ я идти къ хозяйкѣ и разсказать ей, какимъ образомъ ужасное привидѣніе нарушило мой сонъ. Когда я вошелъ въ сѣни, предо мною отворилась дверь, и высокій, сухощавый человѣкъ въ длинномъ халатѣ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Я тотчасъ узналъ смертно-блѣдное лицо и впалые, мутные глаза злаго духа минувшей ночи, и хотя очень хорошо зналъ, что въ подобномъ случаѣ можно поколотить или вышолкать изъ дверей всякое привидѣніе, однако почувствовалъ страхъ и хотѣлъ скоро сбѣжать съ лѣстницы. Но этотъ человѣкъ загородилъ мнѣ дорогу, тихо взялъ меня за руку, и, радушно улыбаясь, спросилъ тихимъ, ласковымъ голосомъ: « Дорогой мой сосѣдушка! каково-то провели вы ночь на своей новой квартирѣ? » Я подробно разсказалъ ему о случившемся, и прибавилъ, что, какъ кажется, онъ-то самъ и приходилъ ко мнѣ ночью. Я изъявилъ радость, что не застрѣлилъ его съ урономъ обратить тылъ, воображая себя на осадѣ непріятельскаго города, что легко могло придти въ голову мнѣ, недавно возвратившемуся изъ похода; но впередъ не ручался за это. Въ

продолженіе моего разсказа незнакомецъ, улыбаясь, качалъ головою, и когда я окончилъ, сказалъ онъ очень тихо: « Дорогой мой сосѣдушка! не принимайте этого въ дурную сторону! Такъ, такъ! я тотчасъ-же подумалъ, что это тѣмъ кончится. Нынче утромъ я ужь зналъ, что оно такъ и вышло, потому что чувствовалъ себя очень хорошо, былъ совершенно спокоенъ внутренно. Я нѣсколько безпокойный человѣкъ: ужь такъ тому, вѣрно, и быть. Знаете-ли, говорятъ, что послѣ завтра...» Тутъ перешелъ онъ къ городскимъ новостямъ, за которыми слѣдовали другаго рода извѣстія, очень любопытныя для пріѣзжаго. Разсказъ его былъ живъ, иногда приправленъ тонкою ироніею. Находя въ незнакомцѣ человѣка очень занимательнаго, я снова завелъ рѣчь о ночномъ приключеніи, и просилъ, безъ всякихъ околичностей, сказать мнѣ, что заставило его такимъ страннымъ, разительнымъ образомъ нарушить сонъ мой. « Ахъ, не принимайте въ дурную сторону, дорогой мой сосѣдушка — началъ онъ — что я, самъ не знаю какъ, осмѣлился. Это было для того только, чтобы имѣть понятіе о вашемъ ко мнѣ расположеніи; я безпокойный человѣкъ; всякій новый сосѣдъ стѣсняетъ меня, если я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ находится онъ со мною.» Я увѣрялъ страннаго незнакомца, что все это мнѣ ничего не объясня-

ешъ. Тутъ взялъ онъ меня за руку и повелъ въ свою комнату. «Для чего таиться мнѣ передъ вами, любезный сосѣдъ!» сказалъ онъ, подошедши со мною къ окошку. «Для чего скрываешь дивный даръ, которымъ обладаю я? Господь силенъ въ слабыхъ, и потому мнѣ, бѣдному, ничѣмъ не огражденному отъ стрѣлъ враговъ моихъ, для обороны дана чудесная сила, по извѣстнымъ условіямъ заглядывать въ сердца людей и угадывать ихъ сокровеннѣйшія мысли. Такъ, напримѣръ, я беру этотъ, изъ самаго чистаго стекла сдѣланный, чистѣйшею водою наполненный сосудъ (онъ взялъ съ окна бокалъ, и это былъ тотъ самый, который держалъ онъ въ рукѣ ночью), всѣ мысли устремляю на ту особу, которой сердце хочу разоблачить, и, по опредѣленнымъ, мнѣ одному извѣстнымъ направленіямъ, обвожу круги стаканомъ. Въ стаканѣ начинаютъ подыматься и опускаться маленькіе пузырьки, образующіеся подобно зеркальной наводкѣ, и когда я смотрю въ воду, мнѣ кажется, что мой собственный духъ явственно отражается въ ней, но какое-то высшее сознаніе усматриваетъ въ этомъ отраженіи то существо, на которое устремлены мои мысли. Часто, когда близость постороннаго, еще не испытаннаго человѣка слишкомъ тревожитъ меня, часто случается, что я произвожу свои операціи въ ночное время:

это самое происходило и въ послѣднюю ночь, потому что, признаюсь вамъ откровенно, вчера вечеромъ вы причинили мнѣ не малое безпокойство.» Вдругъ странный незнакомецъ бросился обнимать меня, съ восторгомъ восклицая... «Но какая радость была мнѣ, когда узналъ я ваше доброе ко мнѣ расположеніе. О, мой любезный, неоцѣненный сосѣдъ! Ужели ошибаюсь я? Не правда-ли, что мы весело, счастливо жили съ вами въ Цейланѣ, назадъ тому не болѣе двухъ сотъ лѣтъ?» Тутъ мой незнакомецъ потерялся въ престранныхъ соображеніяхъ. Къ счастію, я догадался съ кѣмъ имѣю дѣло, и радъ, радъ былъ, когда, впрочемъ не безъ труда, отдѣлался отъ него. Послѣ подробныхъ распросовъ у хозяйки узналъ я, что мой сосѣдъ, долгое время слывшій многосторонне образованнымъ ученымъ и искуснымъ дѣловымъ человѣкомъ, недавно впалъ въ глубокую меланхолію, въ которой ему мечталось, что всякій посторонній человѣкъ, съ дурной стороны расположенъ къ нему, и такимъ или инымъ образомъ ищетъ его погибели. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что нашелъ способъ, узнавать враговъ своихъ и брать противъ нихъ мѣры предосторожности. Съ этою мыслію перешелъ онъ къ нынѣшнему спокойному, веселому состоянію постояннаго сумасшествія. Онъ сидитъ ночи весь день подъ окномъ и производитъ

опыты посредствомъ спиранна. Его онъ природы добрый, чистосердечный характеръ обнаруживается въ томъ, что онъ почти всякій разъ открываетъ въ людяхъ добрыя намѣренія, и что онъ не сердится, если встрѣчаетъ сомнительный характеръ, но впадаетъ въ тихую грусть. Слѣдственно, сумасшествіе его не столько не вредно, и его старшій братъ, подъ опекою котораго находится онъ, позволяетъ ему, безъ всякаго надзора, жить самому по себѣ гдѣ угодно. »

— Стало быть, это привидѣніе — сказалъ Северинъ — принадлежитъ собственно къ числу описанныхъ Вагнеромъ, въ его книгѣ о духахъ, потому что объясненіе, какъ все естественнымъ образомъ происходило и какъ фантазія твоя благоразумно дѣйствовала при этомъ случаѣ, тянется такъ-же скучно, какъ и въ обыкновенныхъ разсказахъ, содержащихся въ той благоразумнѣйшей изъ всѣхъ книгъ. — « Если ты хочешь слышать вообще только о духахъ — возразилъ Марцеллъ — въ такомъ случаѣ ты правъ; но всетаки мой сумасшедшій, съ которымъ я теперь въ большихъ ладахъ, чрезвычайно любопытное явленіе. Одно только не нравится мнѣ, а именно то, что онъ начинаетъ нападать на другія постоянныя мысли, напримѣръ, воображаетъ, что онъ былъ Королемъ въ Амбоанѣ, взятъ въ плѣнъ, и въ продолженіе пятиде-

сами лѣтъ, за деньги показывался, какъ райская птица. Такого рода небылицы могутъ довести до чрезвычайнаго бѣшенства. Я помню одного сумасшедшаго, который былъ очень спокоенъ ночью, воображая себя мѣсяцемъ; но тотчасъ приходилъ въ бѣшенство днемъ, считая себя восходящимъ солнцемъ.» — Послушайте, господа — вскричалъ Александръ — что это за разговоры, здѣсь, среди множества разряженныхъ, пирующихъ гостей, при яркомъ сіяніи солнца? Теперь очередь за Севериномъ, который смотритъ такъ мрачно и задумчиво. Ужь не случилось-ли на дняхъ и съ нимъ чего нибудь, несравненно болѣе страшнаго, нежели съ нами, и не хочетъ-ли онъ угостить насъ такимъ разсказомъ? — «Въ самомъ дѣлѣ — началъ Северинъ — привидѣнія мнѣ не являлись, но какая-то невѣдомая, ужасная сила до такой степени обнаруживала надо мною свое явленіе, что я, съ душевнымъ спѣсненіемъ, чувствовалъ узы, которыми она опутала какъ меня, такъ и всѣхъ насъ.» — Не правда-ли моя — сказалъ Александръ, обращаясь къ Марцеллу — что у Северина направленіе духа основано на чемъ-то чрезвычайномъ? —

«Мы сей часъ услышимъ шиу баснословнаго!» возразилъ Марцеллъ, улыбаясь, на что Северинъ замѣтилъ: «Если Александрова покойная тетка принимала желудочныя капли,

если Тайный Совѣтникъ Нешпельманъ (вѣдьи давно знаю этого сумасшедшаго) видитъ въ стаканѣ доброе расположеніе Марцелла, то да позволено будетъ и мнѣ припомнить одно изъ самыхъ странныхъ предощущеній, которое таинственнымъ образомъ осуществилось для меня. Вы знаете, продолжалъ Северинъ, что я живу въ отдаленной сторонѣ звѣринца, близъ придворнаго егеря. Въ первый день послѣ моего пріѣзда....» Въ эту минуту одинъ пожилой, очень хорошо одѣтый мужчина прервалъ Северина, вѣжливо прося его подвинуть немного стулъ и позволить ему пройдти. Северинъ всталъ, и мужчина, поклонясь привѣтливо, провелъ пожилую даму, вѣроятно, свою супругу; за ними шелъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Северинъ хотѣлъ опять сѣсть, какъ Александръ пошихоньку сказалъ ему: «Постой, вонъ эта дѣвушка, кажется, принадлежитъ также къ этому семейству.» Друзья увидѣли прелестное лицо красавицы, которая, глядя въ сторону, приближалась медленными, невѣрными шагами. Казалось, она искала кого-то; можетъ быть, прошедшаго мимо. Вскорѣ потомъ одинъ молодой человѣкъ вывернулся изъ толпы, прямо къ ней, и подалъ записку, которую она прескоро спрятала на груди. Между тѣмъ пожилой мужчина, не вдалекѣ отъ друзей нашихъ, занялъ только что опростав-

шійся столъ и преподробно толковалъ шороплівому шракширщику, держа его за кафтанъ, чего и сколько именно подать, а дама преусердно обивала пыль со стульевъ, и такимъ образомъ они не замѣтили медленности своей дочери, которая, ни мало не обращая вниманія на вѣжливость Северина, все еще стоявшаго отодвинувъ стулъ, скоро присоединилась къ нимъ. Она сѣла такъ, что друзья, на перекоръ большой соломенной шляпкѣ, могли прямо смотрѣть на прелестное лицо, и на черные, томные глаза красавицы. Во всѣхъ пріемахъ, въ малѣйшемъ движеніи ея было что-то радостно-очаровательное. Она одѣта была съ большимъ вкусомъ, по послѣдней модѣ, даже слишкомъ нарядно для прогулки, но безъ всякой изысканности, столь свойственной дѣвушкамъ. Мать поклонилась одной поодаль сидящей дамѣ: обѣ всшали и приблизились другъ къ другу для разговора; пожилой мужчина подошелъ между тѣмъ къ фонарю и закурилъ трубку. Дѣвушка воспользовалась этой минутой, вынула записку и быстро пробѣжала ее. Тутъ друзья увидѣли, какъ кровь бросилась въ лицо красавицы, какъ слезы перлами навернулись на прекрасныхъ глазахъ ея, какъ грудь подымалась и опускалась отъ внутренняго движенія. Она разорвала записку на множество маленькихъ лоскушковъ, и медленно бросала ихъ одинъ за дру-

гимъ на вѣтеръ, какъ будто съ каждымъ изъ нихъ улетала радостная надежда. Старики возвратились. Отецъ пристально посмотрѣлъ на заплаканные глаза дѣвушки и, казалось, спросилъ: «Что съ тобою?» Дѣвушка сказала нѣсколько тихо-жалобныхъ словъ, которыхъ друзья конечно не могли слышать; но такъ какъ она тотчасъ взяла платокъ и закрыла имъ щеку, то вѣроятно, что она жаловалась на зубную боль. Друзьямъ нашимъ странно показалось, что старикъ, у котораго вообще лицо было нѣсколько иронически каррикатурно, сдѣлалъ тутовскую гримасу и громко засмѣялся. Никто до сихъ поръ, ни Александръ, ни Марцеллъ, ни Северинъ, не вымолвилъ слова; всѣ трое не сводили глазъ съ дѣвушки, которая предавалась своей горести. Мальчикъ также сѣлъ за столъ, а сестра его перемѣнила мѣсто, но такъ, что сидѣла уже спиною къ друзьямъ нашимъ. Тутъ рушилось очарованіе, и Александръ, вставъ съ мѣста и тихо ударивъ Северина по плечу, сказалъ: «Ну любезный Северинъ, гдѣ-жь разсказъ твой о предощущеніи, которое, осуществилось для тебя? Гдѣ Тайный Совѣтникъ Неттельманъ и покойная тетка? Куда дѣвались всѣ наши затѣйливые разговоры? Скажите, что это за существо, которое явилось теперь всѣмъ намъ, связало языкъ и неподвижно остановило

на себѣ взоры наши?»—Я знаю только — сказалъ Марцеллъ съ глубокимъ вздохомъ—что эта жалкая дѣвушка... прелестнѣйшее, чистѣйшее, ангельское существо, какого я никогда не видывалъ.— «Ахъ—началъ Северинъ со вздохомъ еще болѣе глубокимъ, еще болѣе грустнымъ—и это небесное существо должно носить оковы земной жизни и страдать!» — Можетъ быть — сказалъ Марцеллъ— въ эту минуту жестоко терзаемая желѣзною рукою судьбы...—«Я того-же мнѣнія—прибавилъ Александръ— и ужь какъ-бы порадовался и нашѣшился я, если-бы попался мнѣ въ руки этотъ негодяй, который подалъ ей проклятую записку. Безъ сомнѣнія, это былъ самъ нетерпѣливо-ожидаемый возлюбленный, и вмѣсто того, чтобы свободно войдти въ кругъ этого семейства, онъ, изъ какой нибудь нелѣпой ревности, или иной любовной досады, написалъ ей укорительныя строки.»— Но, любезный Александръ — прервалъ нетерпѣливо Марцеллъ — какъ можешь ты, подобно вовсе неопытному въ жизни юношѣ, судить такъ неосновательно? Удары твои посыпались-бы на совершенно невиннаго, мирнаго передателя письма. Не замѣтилъ-ли ты по простодушно-улыбающемуся лицу, по всѣмъ пріемамъ, даже по самой походкѣ, что молодой человѣкъ былъ передатель, а не сочинитель письма? Кто съ чего ни начни, но если слова поставлены въ настоящемъ значеніи своемъ, то содержаніе чёткими

буквами отпечатывается на лицѣ! По крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ лицо можно сравнить съ краткимъ означеніемъ содержанія, выставляемаго на оффиціяльныхъ бумагахъ, которое всегда объясняетъ, о чемъ идетъ дѣло. Да и можно-ли безъ иронiи, слишкомъ непростительной, самой безбожной, подавать своей возлюбленной записку въ такомъ низкопоклонномъ положеніи, въ какомъ явился этотъ молодой человѣкъ? Вѣроятнѣе всего, что дѣвушка надѣялась найдти здѣсь втайнѣ любимаго ею человѣка, котораго не должна или не можетъ иначе видѣть. Ему встрѣтились неминуемыя препятствія, или, какъ думаетъ Александръ, какая нибудь пустая любовная досада удержала его, и онъ послалъ записку съ своимъ другомъ. Какъ-бы то ни было, но эта сцена раздираетъ мнѣ сердце.—«Ахъ, любезный Марцеллъ — подхватилъ Северинъ — и ты приводишь такія пошлыя причины стѣсняющей грудь горести, которою страждетъ эта бѣдная дѣвушка? Она любитъ втайнѣ, можетъ быть, противъ воли отца; вся надежда была на какой нибудь случай, который нынче, именно нынче долженъ былъ дать послѣднее рѣшеніе, и оно произнесено наперекоръ самой любви! Все прости! И свѣтлая звѣзда надежды, и счастіе всей жизни! Видѣли-ль вы съ какою безнадежною, прямо въ душу стѣсняющеюся грустью рвала она, на множество лоскутковъ, зловѣщее

письмо, и бросала на вѣтеръ, какъ Офелія гирлянду, или какъ Эмилія Галотти розу? Ахъ! Я готовъ былъ пролить кровавыя слезы, когда вѣтеръ, какъ-бы ужасно издѣвался, крушилъ убійственныя слова въ воздухѣ! Ужели нѣтъ болѣе утѣшенія на землѣ для этого ангела?» Ну вотъ, Северинъ — вскричалъ Александръ — ты опять занесся подъ небеса! Трагедія готова! Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ лишать этого ангела всякой надежды, всего счастія жизни? Я, право, думаю, что она и сама не совсѣмъ отчаявается, потому что теперь, кажется, совершенно успокоилась. Посмотрите, какъ бережно кладетъ она бѣлыя перчатки на бѣлый платокъ, и съ какою пріятностію опускаетъ сухарь въ чашку; какъ она ласково киваетъ головою старику, который наливаетъ ей нѣсколько капель рому въ чашку. Мальчикъ преусердно уписываетъ свой бутербродъ!...пуфъ! ну, вотъ онъ уронилъ его въ чай и обрызгалъ себѣ лицо... Старики смѣются. Посмотрите, посмотрите, какъ дѣвушка помираетъ со смѣху. — «Ахъ!—прервалъ Северинъ наблюдателя—это-то и ужасно, что она бѣдная должна, обыкновенною внѣшнею стороною жизни, прикрывать въ душѣ глубокую, убійственную горесть. И при томъ не легче-ли смѣяться, нежели быть равнодушнымъ, когда духъ смущается въ насъ?» — Не-

ресшань, сдѣлай милосшь, Северинъ — сказалъ Марцеллъ — мы оправимъ всѣ наши чувсшва, если не забудемъ объ этой дѣвушкѣ. — Александръ былъ совершенно согласенъ съ Марцелломъ, и вошъ друзья спарались начашь веселый, ошъ одного предмеша къ другому свободно переходящій разговоръ. Имъ удалось эшо шѣмъ скорѣе, чшо они много шумѣли на счешъ вещей самыхъ обыкновенныхъ и находили ихъ чрезвычайно занимашельными. Но все, чшо ни говорили они, имѣло какой-шо особенный оттѣнокъ, особенный шонъ, кошорый никакъ не ладилъ съ предмешомъ, шакъ, чшо слова казались какими-шо совершенно иное означающими цифрами. Они согласились наконецъ, за холоднымъ пуншемъ отпраздновашь незабвенный день свиданія, и уже за трешьимъ спаканомъ, съ слезами на глазахъ, бросились въ объятія другъ къ другу. Дѣвушка всшала, подошла къ загородкѣ близъ воды, облокотилась, и грустно-задумчивыми взорами своими слѣдовала за мимо-лешящими облаками. «Быстрыя облака, вы, парусы воздушные!» началъ Марцеллъ, пріятно-жалобнымъ голосомъ; но Северинъ, бросивъ спаканъ и сильно ударивъ по сполу, разсказалъ, какъ однажды, при ясномъ свѣшѣ луны, проѣзжая полемъ битвы, онъ встрѣтилъ блѣдныхъ мертвецовъ, коюрые устремили на него полные жизни, искрящіеся взоры свои. «Боже сохрани и помилуй!» вскри-

чалъ Александръ. « Что такое нашло на тебя, любезный братъ! » — Дѣвушка опять сѣла за столъ; друзья въ одинъ мигъ вскочили съ мѣста и въ запуски бросились къ загородкѣ; но смѣлымъ прыжкомъ, чрезъ два стула, Александръ опередилъ друзей своихъ, и облокотясь тамъ, гдѣ стояла дѣвушка, упорно хотѣлъ удержать за собой это мѣсто, не смотря на то, что Марцеллъ съ одной, а Северинъ съ другой стороны, подъ предлогомъ дружескихъ объятій, силились оттащить его. Северинъ торжественно и мистически говорилъ объ облакахъ и объ ихъ теченіи; старался объяснить, какъ нѣчто важное, образы, какіе они принимали; Марцеллъ, не слушая его, сравнивалъ Бельвю съ какою-то Римскою виллою, и не смотря на то, что ѣхалъ назадъ черезъ Швейцарію и Франконію, находилъ прекраснымъ, даже романтическимъ это скучное мѣсто, съ высокими, похожими на крючковатыя висѣлицы громовыми отводами на пороховыхъ магазинахъ, и называлъ ихъ мачтами, которыя увѣнчаны блестящими звѣздами. Александръ ограничился похвалою прекрасному вечеру и очаровательному времяпровожденію въ Веберовой палаткѣ. Семейство, къ которому принадлежала красавица, по видимому, собиралось уже домой, потому что старикъ выбивалъ трубку, мать и дочь укладывали свою

рабошу, а мальчикъ искалъ и спрашивалъ карпшуза, коиорый наконецъ услужливо подалъ ему рѣзвый пудель, давно игравшій карпузомъ. Друзья пришли въ какое-то смятеніе; все семейство прекрасной дѣвушки ласково поклонилось имъ; суетясь и шороиливо оправляясь, они поклоннлись въ одно время, и довольно громко стукнулись головами. Пока они успѣли образумиться, семейство скрылось уже изъ виду. Тутъ возвратились они, молча и съ недовольнымъ видомъ, къ столу; принялись за холодный пуншъ, но онъ казался безвкуснымъ. Живописныя облака исчезали въ густомъ, мрачномъ туманѣ; Бельвю былъ просто Бельвю; всякой громовой отводъ просто громовой отводъ; а Веберова палатка казалась самой обыкновенной таверной. Не оставалось болѣе ни одного человѣка; наступалъ непріятный холодъ; даже трубки не раскуривались, и друзья, ведя разговоръ, коиорый какъ догорающая свѣча, все еще, нѣтъ, нѣтъ, да вспыхнетъ, удалились изъ таверны. Северинъ еще въ звѣринцѣ разстался съ ними и пошелъ домой; Марцеллъ, поворотивъ на Фридрихову улицу, также оставилъ своего пріятеля, коиорый отправился въ отдаленный домъ покойной тетки. Единственно по причинѣ дальняго разстоянія жилищъ своихъ, пріятели выбрали публичное мѣсто, гдѣ и условились схо-

дишься въ назначенный день и часъ. Оно такъ и было. Но они приходили болѣе для того, чтобы сдержать данное слово, а не по внутреннему побужденію. Напрасно старались они попасть на радушно-веселый тонъ, который нѣкогда господствовалъ между ними. Казалось, каждый носилъ въ душѣ своей что-то нарушающее и радость и свободу, какъ будто обязанный хранить какую-то мрачную, губительную тайну. Чрезъ нѣсколько времени Северина вдругъ не стало въ Берлинѣ. Вскорѣ потомъ Александръ, съ нѣкотораго рода отчаяніемъ, началъ жаловаться, что онъ напрасно хлопоталъ объ отсрочкѣ своего отпуска; что не успѣвъ привести въ порядокъ наслѣдственнаго имѣнія, онъ долженъ ѣхать и оставить спокойный, прекрасный домъ свой. «Но,» спросилъ Марцеллъ, «мнѣ кажется, что ты находилъ свое жилище несноснымъ? Ужели тебѣ не хочется разстаться съ нимъ? И что сдѣлалось съ привидѣніемъ покойной твоей тещи?» — Ахъ — вскричалъ Александръ съ досадою — она ужь давнымъ давно не является болѣе. Увѣряю тебя, что я душой стремлюсь къ домашнему спокойствію, и, вѣроятно, скоро выйду въ отставку, съ тѣмъ чтобы безпрепятственно посвятить себя Искуствамъ и Литературѣ.—Александръ въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько дней уѣхалъ. Вскорѣ потомъ снова вспыхнула война, и Марцеллъ,

вмѣсто того чтобы слѣдовать прежнему плану, отправился въ армію. Такъ разстались наши пріятели, прежде нежели, въ собственномъ значеніи слова, сошлись другъ съ другомъ.

(До слѣд. книжки).

Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Сочиненіе Ипполита Ѳедоровича Богдановича. *Изданіе десятое*, печатанное съ изданія 1824 года, безъ исправленій. М. Въ т. Лазаревыхъ Института Восточн. языковъ. 1832. 118 стр. in-12.

(Окончаніе).

Когда дитя, начиная лепетать, еще въ неясныхъ звукахъ высказываетъ намъ какое нибудь понятіе, какое нибудь наблюденіе, мы слушаемъ лепетъ его съ чувствомъ неизъяснимо-пріятнымъ! Почти съ такимъ-же чувствомъ смотримъ мы на Богдановича, который въ младенчествѣ Словесности нашей, и болѣе нежели въ младенчествѣ языка, передалъ намъ прелестное сказаніе, и можетъ быть высокій мнѣ объ Амурѣ и Психеѣ. Одна мысль: усвоить своему языку это созданіе, одинъ выборъ предмета, уже были-бы достаточны для славы поэта.

Но Богдановичъ показалъ и самобытность, не рабски слѣдовавши своему образцу, Лафонтену. Писатель обыкновенный просто перевелъ-бы Французскій оригиналъ, и конечно много смѣлости надлежало имѣть въ душѣ своей, чтобы осмѣлиться на борьбу съ великаномъ, озареннымъ блестящею славою. Нашъ Поэтъ облекъ разсказъ Лафонтена цвѣтами Поэзіи. Стихи его часто грубы, слишкомъ часто напоминаютъ время, въ которое они писаны, однакожъ они часто и благозвучны, игривы, легки, врѣзываются въ память, и украшаютъ ее не обременяя, подобно цвѣтамъ, украшающимъ голову прекрасной женщины.

Вопросъ о томъ, что приличнѣе было его предмету: стихи или проза, увлекъ-бы насъ въ разсужденіе о сущности и происхожденіи стиховъ; но мы не хотимъ этого. Всякій разсказъ хорошъ, когда онъ не скученъ; а разсказа Богдановича никто не назоветъ скучнымъ. Въ Лафонтенѣ видно болѣе поэтической смѣлливости, когда онъ ведетъ повѣствованіе свое прозою, и только въ мѣстахъ лирическихъ, или въ шѣхъ, которыя надлежало выставить изрѣченіями, переходитъ къ стихамъ. Но, впрочемъ, Богдановича могла увлечь и та ложная мысль, которую послѣ сказалъ Критикъ его, Карамзинъ: «Хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ Искуствахъ.» Можетъ быть эта-же мысль заставила и Тредьяковскаго переложить въ стихи Телемака. Тогда всѣ думали какъ Карамзинъ, а что принадлежитъ всѣмъ, въ томъ не виноватъ никто.

Главная заслуга Богдановича, какъ мы думаемъ, та, что онъ попалъ въ разсказѣ своемъ именно въ тотъ поэтическій тонъ, который былъ приличенъ его поэмѣ. Русскія сказки составляли услажденіе досуговъ его: это могли-бы мы сказать и не зная подробностей его жизни, а прочитавъ одну *Душеньку*. Не многіе изъ поэтовъ нашихъ, и даже современниковъ, такъ хорошо знаютъ и чувствуютъ прелесть старинныхъ Русскихъ разсказовъ, какъ зналъ и чувствовалъ ее Богдановичъ. Онъ понялъ, что въ легкомъ разсказѣ, единственное спасеніе Русскаго Поэта — наши старинныя были и небылицы, гдѣ отсвѣчивается, и, какъ лучъ солнца на волнѣ, играетъ поэтическій духъ народа. Въ этомъ отношеніи, дивлюсь и привѣтствую Поэта, который умѣлъ писать такъ обольстительно, какъ написаны слѣдующіе стихи:

Но тотъ, о коемъ я хочу сказать теперь,
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь.
. . . . . .
И если находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Иный коровій хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ,
Инымъ верблюжій горбъ, инымъ бараній рогъ.
Отъ ѣдкой древности, которая все глотаетъ,
Архива дѣлъ его не вся сбережена;
Оспашокъ правъ его, однако, почитаетъ
И самый поздній свѣтъ, по наши времена.
Завистливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ пружаться,
Чтобъ счастіе другихъ
Всегда крушило ихъ,

И не могли-бъ они покоемъ наслаждаться ;
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться ;
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казнь такую-жь спѣсь,
Какая видима осталась и поднесь ;
Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ,
Тому, кто льстилъ и лицемѣрилъ ;
Клеветникамъ въ удѣлъ,
И доносителямъ неправды Государю,
Вездѣ носить велѣлъ
Пропитанѣйшую харю,
Какая изъявляетъ клевещущихъ могла :
Такая видима была,
Не въ давнемъ времени, въ Москвѣ на маскарадѣ,
Когда на Масляной, въ торжественномъ парадѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.

Множество подобныхъ мѣстъ, и можетъ быть еще болѣе цвѣтистыхъ, яркихъ, ибо мы сдѣлали выписку безъ всякаго выбора, докажутъ любому невѣрующему, что Богдановичъ постигалъ прелесть языка народнаго. Все, что знаемъ мы плѣнительнаго, прекраснаго у Дмитріева и Пушкина, все это было слѣдствіемъ мысли Богдановича, который угадалъ какъ поэтъ то, что оправдываетъ и доказываетъ опытъ и Критика нашего времени.

Но, бывши оригинальнымъ въ изложеніи своемъ, Богдановичъ воспользовался, и весьма счастливо, особеннымъ свойствомъ Лафонтена, подъ видомъ

шутки, мимоходомъ, какъ будто нечаянно высказывать колкую и мѣткую правду, задѣвать разнородныя самолюбія, и въ комплиментахъ говорить истину. До него, никто не умѣлъ у насъ владѣть этимъ оружіемъ. Впрочемъ, это почти единственный полезный заемъ, сдѣланный имъ у Лафонтена: все остальное, чѣмъ обольстился онъ у этого богача, дорого обошлось нашей Литтературѣ, ибо дурное сбираетъ проценты скорѣе и вѣрнѣе, нежели доброе. Онъ заимствовалъ у него весьма вредный недостатокъ: безцвѣтность общаго характера поэмы. Спрашиваю: гдѣ было дѣйствіе? Богдановичъ на слово увѣряетъ, что оно случилось въ Греціи, хотя ни Лафонтенъ, ни Апулей не говорятъ этого. Но согласимся, что Психея была Греческой породы. Гдѣ-же Греція у Богдановича? Не все-ли равно, если-бы онъ сказалъ, что отецъ Душеньки былъ Русскій Князь: краски его такъ-же приличны Греціи, какъ и Руси. Но во Франціи, и во всей Европѣ, тогда не знали Греціи, и потому-то, одѣвая Ахиллеса во Французскій кафтанъ, ни разу не подумали, что Греція имѣла многія эпохи, столь различныя одна отъ другой, что въ нихъ почти не было ни какого сходства. Греція Омирова и Софоклова; Греція Александра и Августа; Греція Константина Великаго и Магомеда II-го: этого не видалъ никто. *Греція*, все *Греція*! Такъ одинъ Русскій, великій Поэтъ не умѣлъ различать размѣра стиховъ, и когда ему напоминали объ этомъ, онъ съ увѣренностію отвѣчалъ: «Ну, да что-жь такое? Все, братецъ, *дактиль*!» Все было дактиль.

Слѣдственно, почитая Богдановича первымъ образцомъ въ легкой Поэзіи нашей, мы однакожь имѣемъ право обвинить его въ этой общей безотчетности характера, которую впослѣдствіи размѣняли у насъ на мѣлкую монету, и заставили говорить пастуховъ Греческихъ какъ Камеръ-пажей, и Князей Русскихъ какъ рыцарей-крестоносцевъ. Конечно, въ этомъ виноватъ Богдановичъ какъ жилецъ вѣка, въ которомъ всѣ одинаково понимали Поэзію; однакожь шѣмъ не менѣе это недостатокъ его поэмы.

Вѣкъ! слово многозначащее. Мы уже говорили объ его общемъ характерѣ. Посмотримъ, что именно отразилось изъ этого вѣка въ *Душенькѣ*.

Форма сочиненія сего безспорно принадлежитъ не Богдановичу, а вѣку его. Можетъ быть убѣдившись словами Лафонтена, который, какъ мы видѣли, не зналъ, что такое пишетъ онъ: поэму, романъ, или Исторію, Богдановичъ не посмѣлъ выступить изъ указныхъ граней, и назвавши сказку свою Древнею Повѣстью, далъ ей мнимую Форму поэмы, то есть поставилъ въ началѣ *пою*, сдѣлалъ *воззваніе*, раздѣлилъ, какъ Телемака, на книги. Впрочемъ, это значило-бы не много, если-бы не заставило Богдановича въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стать на ходули, и во многомъ удалиться отъ первобытной неизысканности оригинала. Такъ описаніе Дворца Душенькина, населеннаго Лафонтеномъ живыми существами, на перекоръ Апулею, лишено всей простоты: это описаніе обыкновеннаго дворца, съ прибавкой кой-какихъ волшебныхъ

принадлежностей. Перемѣните названіе зефировъ, нимфъ, на Камеръ-пажей, Камеръ-фрейлинъ, и вы въ Версали, въ Фонтенбло, гдѣ угодно, только не въ волшебномъ замкѣ Амура. А отъ чего? Отъ того, что не знали иныхъ дворцовъ, иныхъ садовъ, кромѣ Версальскихъ и Фонтенблосскихъ. Поѣзжайте въ подмосковные Дворцы Шереметева: и тамъ увидите вы тоже, что въ поэмѣ Богдановича.

Еще можно указать на одну рѣзкую черту, принадлежащую вѣку и замѣтную въ разсказѣ Богдановича: это желаніе похвастать какимъ-то безстыдствомъ, и показать, что мы не боимся строгой нравственности. Замѣчательно и то, что Карамзинъ, въ критикѣ своей, съ особеннымъ удовольствіемъ выписываетъ многія изъ такихъ мѣстъ, и между прочимъ извѣстное описаніе, какъ Душенька хотѣла повѣситься на дубовомъ суку, оканчивающееся стихами:

Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ,
Другое чудо изъ чудесъ!

Но простимъ слабость, тогда общую, и скажемъ о главномъ недостаткѣ, отличающемъ почти всѣ поэтическія произведенія XVIII вѣка, недостаткѣ столь явномъ въ *Душенькѣ*, что онъ, какъ на Римской монетѣ имя Императора, можетъ всегда показать, къ какому времени принадлежитъ повѣсть Богдановича. Это — отсутствіе вдохновенія поэтическаго.

Можно, безъ укора совѣсти, хвалить хорошіе стихи, многія прелестныя подробности, выборъ предмета, остроуміе Богдановича, ибо все это есть въ повѣсти его; но едва-ли кто найдетъ въ ней истинное вдохновеніе. Впрочемъ, не будемъ взыскательны болѣе нежели должно. Каждый вѣкъ имѣетъ свой характеръ, свое одушевленіе. Богдановичъ не виноватъ, что его вѣкъ былъ униженъ матеріялизмомъ и увлеченъ отъ истинной поэзіи въ сферу слишкомъ земную.

Поэзія обратилась тогда въ стихотворство, въ занятіе, которому посвящали себя такъ-же, какъ духовной или гражданской службѣ. *Литераторъ* былъ то-же что *чиновникъ* въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ. Съ названіемъ Литератора можно было имѣть входъ въ лучшія общества. Чего-же болѣе? Занятые мелкими общественными отношеніями и жалкою существенностью, когда и гдѣ могли поэты найдти вдохновеніе? Такъ называемое лучшее общество было единственною ихъ цѣлью. Преданіе о страдальцахъ поэтахъ, о Дантѣ, Тассѣ, Сервантесѣ, сдѣлалась пріятною миѳологіею, которой однакожь никто не хотѣлъ испытывать на себѣ, потому что промѣнять на существенныя выгоды отдаленный, и часто не вѣрный вѣнокъ поэта, казалось безумiемъ. Уединеніе видѣли только въ загородныхъ дворцахъ барь, и знали его только по книгѣ Циммермана. Образцы казались сосредоточенными въ Пиитикѣ Буало и Курсѣ Баттё. И кто осмѣлился-бы идти противъ такого авторитета? Кто подумалъ-бы *обжу-*

читься, читая Шекспира или народныя стихотворенія? Слѣдствіемъ было то, что наконецъ думали единственно объ условныхъ законахъ піитическихъ, и о гладкости, выправкѣ стиховъ. « Чистите, выправляйте, полируйте стихи! » восклицалъ Буало. « Чистите, выправляйте! » повторялъ хоръ бездарныхъ стихотворцевъ, отъ береговъ Сены до Волги, отъ исполненнаго дарованій Вольтера, до нашего пустозвучнаго Хераскова. Желаніе вырабатывать стихи и отличаться одними стихами породило фалангу стихотворцевъ, которые написали непостижимое множество сонетовъ, шріолетовъ, рондо, мадригаловъ, эпиграммъ, шарадъ, эпитафій, кенотафій, и проч. и проч. Не понимая сущности всѣхъ сихъ стихотвореній, не зная вдохновенныхъ сонетовъ Петрарки и Шекспира, не думая что Французы въ сущности языка своего нашли многіе другіе роды, поэты всѣхъ странъ пустились за ними, повторяя законъ Буало :

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme.

При такомъ взглядѣ на стихотворство, естественно было не знать вдохновенія, и потерять о немъ даже преданіе. Виноватъ-ли Богдановичъ, что онъ жилъ въ это несчастное время? И онъ не зналъ вдохновенія. Онъ искалъ предметовъ, не ожидая что они сами придутъ къ нему, и повинуясь гармонической душѣ своей, писалъ оды, басни, пѣсни, посланія, эпиграммы. Вотъ причина всѣхъ неудачъ его, вотъ причина истинная, почему забыты всѣ его стихотворенія, кромѣ *Душеньки*.

Это просто *стихотворенія*, хотя въ нихъ часто встрѣчаются хорошіе стихи. Лишенныя вдохновенія и поэзіи, они, какъ тяжелый грузъ, мало по малу осѣли на дно Лѣты.

Но, спросятъ насъ: если мы отрицаемъ вдохновеніе во всѣхъ стихотвореніяхъ Богдановича, и даже въ самой *Душенькѣ*; если присутствіе поэзіи ставимъ гранью между другими сочиненіями его и пошлостью, то что-же составляетъ жизненную силу самой *Душеньки*? Въ чемъ заключается ея достоинство, которое, какъ мы сказали, обѣщаетъ ей долгую жизнь?

Это будетъ выводомъ всей нашей статьи, слѣдствіемъ всѣхъ изысканій нашихъ, и къ сему-то важному, главному предмету должны мы приступить.

Помните-ли вы Наполеона? Неудивительно если *да*, потому что этотъ человѣкъ навсегда остался памятенъ въ вѣкахъ, своими побѣдительными странствованіями во всѣхъ климатахъ. Но я увѣренъ, что вамъ извѣстны имена и всѣхъ знаменитыхъ сотрудниковъ его. Кто не знаетъ именъ Мюрата, Евгенія, Магдональда, Нея, Удино, Мара, Дюрока, и множества другихъ? Такъ великія событія приковываютъ къ себѣ цѣлый рядъ именъ, которыя иначе остались-бы въ безвѣстности. Такъ Троя прославила имена многихъ Грековъ, такъ паденіе Рима вынесло изъ забвенія имена многихъ варваровъ.

Опустимся нѣсколько ниже сихъ великихъ событій; перейдемъ съ кроваваго поприща войны къ мирнымъ ручьямъ и лугамъ поэтовъ, къ прелест-

нымъ вымысламъ Греціи, къ очаровательной баснѣ о Душенькѣ. Что вы думаете: если-бы Богдановичъ просто перевелъ Душеньку Апулея или Лафонтена, перевелъ въ смыслѣ піитическомъ, стихами, не уронивъ, не исказивъ подлинника? Осталось-ли бы имя его въ числѣ почетныхъ именъ Русской Литтературы? Нѣтъ никакого сомнѣнія.

Но Богдановичъ сдѣлалъ болѣе. Онъ придалъ Душенькѣ характеръ, болѣе понятный для Русскихъ; онъ, правда, не сохранилъ ни свѣжести Греческаго вымысла, ни прелестнаго языка Французской передѣлки, но за то обогатилъ нашу Поэзію новыми, невиданными до него красотами, заимствованными изъ народной Поэзіи и запечатлѣнными народною игривостью Русскаго ума. Поэтическая тѣнь его должна молишься Душенькѣ, или лучше сказать Греческому вымыслу о страсти Любви къ Душѣ, ибо сей вымыселъ заключаетъ въ себѣ столь много красотъ, что съ ними Русскій Поэтъ долженъ былъ вынырнуть изъ волнъ рѣки забвенія. Поэтическое вдохновеніе не посѣтило его; но за то, какъ перелагатель, онъ вполнѣ поддержалъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ состоитъ заслуга Богдановича? Конечно не въ прибавкахъ его къ разсказу Апулея, большею частью изысканныхъ, лишнихъ, и не въ подробностяхъ, почти безъ исключенія заимствованныхъ у Лафонтена. Прелесть *Душеньки* заключается въ самомъ вымыслѣ повѣсти, который такъ изященъ, что его почти не льзя исказить: развѣ надобно было имѣть для этого могучія силы Тредьяковскаго или

Сумарокова. Но Богдановичъ былъ стихотворецъ отличный: прочтите забытые *шесть томовъ* его Сочиненій, и вы убѣдитесь въ томъ. Посмотрите какъ перевелъ онъ Вольтерову поэму на разрушеніе Лиссабона: вы увидите, что этотъ человѣкъ владѣлъ языкомъ стихотворнымъ. При этомъ дарованіи, онъ счастливо попалъ на предметъ, ибо мы видимъ, что не по внутреннему вдохновенію началъ онъ перелагать Душеньку въ стихи. Это попытка его, такая-же какъ и многія другія. Но попытка была сообразна его дарованію, его способу писать стихи, и *Душенька* осталась первымъ памятникомъ нашей легкой Поэзіи.

Такимъ образомъ, слѣдствіе сужденій нашихъ о *Душенькѣ* можно представить въ слѣдующихъ словахъ: достоинство ея заключается въ прелести самаго вымысла, и въ удачномъ переложеніи, которое показало первый образецъ легкихъ, истинно Русскихъ стиховъ.

До сихъ поръ *Душенька* пользовалась народною извѣстностью: тому доказательствомъ *десятое изданіе*, находящееся передъ нами. Но мы увѣрены, что въ этомъ отношеніи, счастливая звѣзда ея скоро померкнетъ. Грубость и жесткость многихъ стиховъ, языкъ, вообще устарѣвшій, и несообразность съ духомъ вымысла, вскорѣ заставятъ самую большую часть публики забыть это замѣчательное произведеніе нашей Словесности. Оно можетъ остаться въ народѣ какъ сказка, подобно тому, какъ остались сказаніе о взятіи Трои и Потерянный Рай, читаемые въ смѣшныхъ пе-

реводахъ, слугами и лавочниками, въ передникъ и за прилавками; но вообще для публики время *Душеньки* миновалось. За то, въ глазахъ истинныхъ любителей, слѣдующихъ за развитіемъ нашей Словесности, она останется вѣчнымъ памятникомъ, и въ этомъ-то смыслѣ мы предсказываемъ ей несомнѣнное долголѣтіе.

Разборъ нашъ конченъ. Но мы должны обратиться еще къ одному любопытному предмету, который связанъ съ воспоминаніемъ о *Душенькѣ*: это критика, написанная Карамзинымъ. Нѣтъ надобности упоминать, ни о славѣ Карамзина, ни объ его образованности, извѣстныхъ всякому. Но посему-то необходимо взглянуть, какъ судилъ о произведеніи Богдановича этотъ необыкновенный человѣкъ? Взглядъ сей будетъ для насъ полезенъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ подтвержденіе всего, что говорили мы о духѣ и направленіи времени, и какъ оправданіе Богдановича, который конечно не былъ выше Карамзина въ своихъ понятіяхъ.

Сказавъ, что хорошіе стихи лучше хорошей прозы, и что въ Искусствахъ имѣетъ болѣе цѣны то, что труднѣе, Карамзинъ продолжаетъ: «Надобно также замѣтить, что нѣкоторые изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ, «*для большаго удовольствія читателей*, и что ни «какая гармоническая, *цвѣтная* проза не замѣнитъ «ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня *Душеньки*). Случаи неестественные должны быть «описаны и языкомъ необыкновеннымъ; *должны*

« быть украшены всѣми хитростями Искуства, « чтобы занимать насъ повѣстію, въ которой нѣтъ « и тѣни истины, или вѣроятности. »

Точно, какъ будто читаете разсужденіе о какомъ нибудь ремеслѣ! *Удовольствіе читателей*: вотъ цѣль; стихи или *цвѣтная* проза: вотъ формы, безъ всякаго понятія о томъ, что форма бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ сущности! *Чудесное* значитъ *неестественное*, какъ будто все то неестественно, что не принадлежитъ къ тремъ царствамъ природы, слѣдственно и душа наша, настроивающая насъ ко всѣмъ фантазіямъ чудеснаго! Въ *Душенькѣ* нѣтъ и тѣни вѣроятности, по мнѣнію Карамзина, какъ будто невѣроятно то, что творитъ фантазія, и какъ будто вдохновеніе поэта должно соображаться съ тѣмъ, что случается съ нами ежедневно! И что за умозаключенія! Не также-ли отчетисто было-бы сказать: « Цвѣтная проза всегда можетъ замѣнить стихи; — случаи самые неестественные должны быть описаны языкомъ обыкновеннымъ. »

« Стихотворство есть пріятная игра ума, » говоритъ далѣе Карамзинъ. Принимаемъ слово: *Стихотворство* въ подлинномъ его значеніи, и совѣстимся даже напоминать читателямъ нашимъ, что стихи суть необходимое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выраженіе, а отнюдь не игрушка. Но такое-то понятіе и обратило наконецъ Поэзію въ пустословіе, въ искуство писать стихи.

« *Душенька* не есть Поэма Героическая; мы не « можемъ, слѣдуя правиламъ Аристотеля, съ важ-

« носишю разсматривать ея *басню*, *правы*, *харак-*
« *теры* и *выраженіе* ихъ; не можемъ, къ счастію,
« быть въ семъ случаѣ педантами, которыхъ боят-
« ся Граціи и любимцы ихъ. *Душенька* есть легкая
« игра воображенія, основанная на однихъ прави-
« лахъ нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристо-
« теля. »

Карамзинъ говорилъ все это не шутя. Критика его показываетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ почиталъ *Душеньку* игрушкою, а не произведеніемъ творческимъ; хотѣлъ глядѣть на нее какъ на милый вздоръ, и потому-то назвалъ педантами людей, ищущихъ правилъ въ произведеніяхъ духа человѣческаго. « Для правилъ нѣжнаго вкуса нѣтъ Аристотеля! » говорилъ онъ, вѣроятно думая сказать что-то острое; но если есть *правила*, то какъ-же не слѣдовать имъ? Аристотель точно писалъ правила для *вкуса Греческаго*; но мы, въ своемъ новомъ мірѣ, имѣемъ свои, новыя правила для всѣхъ произведеній творящаго духа. Не только должно совѣтоваться съ ними, но и не льзя писать безъ нихъ. Иначе, вы погрѣшите противъ истины поэтической, а это проступокъ незагладимый ничѣмъ.

Въ заключеніе своего разбора, Карамзинъ говоритъ: « Замѣтивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ
« *Душенькѣ*, скажемъ, что она конечно не вся пи-
« сана такими счастливыми стихами; но вообще
« столь пріятна, что благоразумный Критикъ, чув-
« ствительный къ красотамъ Искуства и дарованія
» (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе),
« не захочетъ на счетъ ея доказывать своей тон-

« кой разборчивости, и не забудешь, что Ипполитъ Богдановичъ *первый* на Русскомъ языкѣ игралъ « воображеніемъ въ легкихъ стихахъ. »

И такъ вотъ чѣмъ ограничивался весь судъ Критики! *Счастливые стихи, легкіе стихи*: вотъ что высоко цѣнили, вотъ чѣмъ восхищались въ поэмѣ Богдановича! Но стихи самого Карамзина развѣ не глаже, не благозвучнѣе стиховъ Богдановича? Отъ чего-же никто не читаетъ ихъ въ наше время? И ты, законодательный, умный Буало! Развѣ твои стихи не сильны, не прекрасны, не изящно отдѣланы? Почему-же такъ мало уважаютъ ихъ наши современники? Потому, что ни въ гладкихъ стихахъ Карамзина, ни въ эпиграфическихъ стихахъ Буало, нѣтъ души, нѣтъ поэзіи, нѣтъ существенности, достойной памяти и любви потомства.

Счастливъ Богдановичъ, встрѣтившійся съ безсмертнымъ вымысломъ Греческимъ, къ которому неразлучимо присоединилъ онъ свое имя, по крайней мѣрѣ для насъ Русскихъ. Не смотря на то, что стихи въ другихъ произведеніяхъ его такъ-же хороши какъ въ *Душенькѣ*, они погибли; но стихи *Душеньки* проживутъ еще долго. Это кусокъ прелестнаго мрамора, который не страшится всеразрушающаго времени въ статуѣ Праксителя, тогда какъ цѣлыя громады его, изъ той-же самой ломки, погибли давно, и не возвратно.

Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ изданіи *Душеньки*, *десятомъ*, напечатанномъ въ типографіи Лазаревыхъ Института. Грѣшно и непростительно такъ издавать произведенія своихъ лучшихъ пи-

сателей, которыхъ у насъ очень не много. Непріятный форматъ и дурная бумага, еще не главные недостатки *десятаго изданія Душеньки*, такъже какъ и большей части нашихъ хорошихъ книгъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ примѣчаній, никакихъ объясненій, варіянтовъ; нѣтъ извѣстія о самомъ Авторѣ и его трудѣ. Но всякій-ли читатель имѣетъ возможность и даже досугъ искать въ двадцати разныхъ книгахъ то, что надобно знать для полнаго понятія о произведеніи классическомъ? Для сего-то необходимы были-бы многія приложенія къ *Душенькѣ* Богдановича. Какъ не вспомнишь при этомъ случаѣ просвѣщенныхъ иностранцевъ!.. Невольно вздохнешь, зная удобныя, прекрасныя и обогащенныя критическими дополненіями изданія Дидотовъ и Мурреевъ, и глядя на наши лучшія книги, въ первобытной простотѣ являющіяся въ 1832-мъ году!

К. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Изображеніе характера и содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій.* Ивана Шульгина. СПб. 1832. Въ т. Н. Греча. VIII и 160 стр. in-8.

Упрямые защитники неподвижности нашего вѣка, такъ простодушно осмѣивающіе его торжественное шествіе впередъ (а не назадъ, какъ-бы имъ хотѣлось), вѣроятно съ неудовольствіемъ встрѣтятъ книгу Г-на Шульгина, ибо она показываетъ, что и у насъ въ Россіи есть люди, которымъ не страшны и не дики современныя понятія. Тутъ представляютъ намъ Исторію уже не сочиненіемъ, для *пользы и удовольствія написаннымъ*, но наукою, необходимою въ кругу другихъ наукъ; показываютъ сущность и внѣшность ея не въ пустозвонныхъ опредѣленіяхъ, но въ глубокомысленныхъ выводахъ. Однимъ словомъ, это взглядъ, достойный Исторіи. По крайней мѣрѣ видно желаніе открыть и представить истину; а это уже много, и всравненіи съ безотчетнымъ переписываніемъ пустыхъ, ничего не значащихъ опредѣленій, и

вершенія со взглядомъ, который хуже слѣпоты, ибо онъ ведетъ къ заблужденію.

Вотъ что говоритъ Г. Шульгинъ объ Исторіи вообще: «Одна, истинно достойная своего высо-«каго назначенія Исторія есть та, которая изо-«бражаетъ великіе перевороты въ ихъ взаимной «связи, объясняетъ одинъ другимъ, и доказыва-«етъ, что великія событія міра не были дѣломъ «слѣпаго случая, и что всякое изъ нихъ въ судьбѣ «человѣческаго рода имѣло свою цѣль, волею пре-«мудрою и всемогущею опредѣленную.» Такого понятія о Всеобщей Исторіи еще не было изложено у насъ, на Русскомъ языкѣ. Но Авторъ особенно занимается въ книгѣ своей Новою Исторіею. Взглянемъ на его сочиненіе въ семъ отношеніи.

«Отличительный характеръ Исторіи Новой со-«стоитъ въ тѣсной связи государствъ и народовъ «историческихъ другъ съ другомъ.» (Стр. 9-я).

Это опредѣленіе едва-ли выдержитъ Критику. Можно доказать даже совершенно противное, то есть, что въ Древности народы сближались болѣе нежели въ новыя времена. Напримѣръ, въ наше время, только Россія и Англія состоятъ въ сношеніяхъ съ Азіятскими государствами; напротивъ во времена Рима, и прежде еще болѣе, дѣла Азіятскія и Европейскія были въ безпрерывной связи. Приводимыя Авторомъ доказательства слишкомъ слабы. Онъ говоритъ, что Александру Македонскому не мѣшали громить Персію; но въ наше время Наполеону, кто помѣшалъ идти на Россію? Кто помѣшалъ и его безумной континентальной

системѣ? Кромѣ самихъ событій, никто. Слѣдственно, какъ прежде, такъ и нынѣ, сила и умъ играютъ обыкновенную свою ролю: они устанавливаютъ отношенія между государствами.

Приступая къ Исторіи Новой, Авторъ указываетъ на нѣкоторыя происшествія, будто-бы наиболѣе перемѣнившія дѣла Европы. Это: 1-е, изобрѣтеніе компаса, 2-е, пороха, 3-е, книгопечатанія, 4-е, взятіе Турками Константинополя, 5 и 6-е, открытіе Америки и морскаго пути въ Ость-Индію.

Нѣтъ сомнѣнія, что происшествія сіи были важны и произвели послѣдствія великія; но полагать ихъ главными историческими событіями, значитъ безъ изслѣдованія повторять старое. Неужели менѣе важны были: Реформація и ограниченіе власти Папъ; общее введеніе Монархическаго правленія, когда напримѣръ во Франціи была уничтожена власть Парламентовъ; явленіе въ міръ Петра Великаго и сближеніе Россіи съ Европою; изобрѣтеніе газетъ и слѣдственно выраженіе общественнаго мнѣнія; освобожденіе Сѣверной Америки; изобрѣтеніе паровыхъ машинъ, и проч. и проч.? Но и всѣ сіи великія событія, что значатъ всравнепіи съ общимъ ходомъ человѣчества, съ духомъ времени, съ неисповѣдимою волею судебъ? Авторъ прекрасно означилъ все это въ приведенныхъ нами сначала строкахъ; но здѣсь онъ увлекся событіями частными, или, вѣрнѣе, односторонпимъ понятіемъ объ оныхъ.

Сверхъ того, очень часто бываетъ, что теоретическое положеніе вѣрно, между тѣмъ какъ примѣненія, практика, совершенно удаляются отъ него. Такъ, напримѣръ, Авторъ находитъ *сходство въ образѣ жизни и степени образованія* народовъ Европейскихъ. Онъ говоритъ: « Звѣроловы и рыболовы, номады, бродящіе по степямъ необозримъ, и наконецъ народы осѣдлые: вотъ составъ « народонаселенія прочихъ частей Свѣта. » Можно-ли сказать это объ Америкѣ и Азіи! Многія знаменитыя государства и области находятся на равной степени съ Европейскими государствами: таковы въ Америкѣ Соединенные Штаты, Англійскія владѣнія, и отчасти нѣкоторыя другія. Въ Азіи: Китай, Японія, Индія, Персія, Малая Азія, суть государства не *номадныя*, но имѣющія полное гражданское образованіе. Оно различно съ нашимъ; но менѣе-ли различенъ бытъ и образованность Турокъ и Французовъ, Англичанъ и Испанцевъ, Русскихъ и Итальянцевъ? Тутъ сходство такъ-же мало, какъ велико оно между Англичанами и Сѣверо-Американцами, между Персіянами и Турками. Послѣ сего можно видѣть, справедливо-ли говоритъ Авторъ, что: « Европа, напротивъ, *вся населена* « *народами образованными* (*), которые живутъ « обществами, въ городахъ и деревняхъ. »

Далѣе Авторъ находитъ, что « Исторія трехъ « послѣднихъ вѣковъ можетъ назваться *Исторіею*

(*) А Турки? А Волохи, Молдаване, Булгары, Сербы, Греки, и проч. и проч.?

«системы равновѣсія Европейскихъ государствъ.» Онъ доказываетъ сіе положеніе довольно пространно. Мы, напротивъ, не только не видимъ въ Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій этого стремленія къ равновѣсію, но даже не понимаемъ, какъ Авторъ нашелъ его, послѣ всѣхъ доказательствъ, изложенныхъ многими, особенно Нѣмецкими писателями, и послѣ могущественныхъ убѣжденій Исторіи, что сіе равновѣсіе никогда не существовало.

Но, обозрѣніе переворотовъ въ Европѣ, возведенныхъ къ сей одной, общей имъ причинѣ, составитъ (по мнѣнію Г-на Шульгина) изображеніе содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій.

Не мѣсто здѣсь доказывать, какъ невѣренъ сей взглядъ Автора. Не мѣсто исчислять и многія, важнѣйшія причины событій. Утвердивъ, что въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій Монархическій образъ правленія сдѣлался общимъ въ Европѣ, должно было въ направленіи и духѣ владѣвшихъ Государей, въ ихъ личномъ характерѣ и страстяхъ искать причины войнъ и другихъ великихъ событій. Въ самомъ дѣлѣ, неужели стремленіе къ равновѣсію произвело войны Людовика XIV-го? Неужели равновѣсіе государствъ было цѣлью буйнаго Карла XII-го? Неужели и нашъ Великій Петръ не имѣлъ другихъ, болѣе обширныхъ и больше близкихъ причинъ, смиряя Карла и усвоивая себѣ пограничныя области? А духъ вѣка и народовъ, развѣ не играетъ столь-же великой роли въ событіяхъ? Развѣ для равновѣсія горѣла Тридцатилѣтняя война?

Указывая на недостатки сочиненія Г-на Шульгина, мы не думаемъ унижать его прекраснаго труда. Напротивъ, повторяемъ, что это первое явленіе въ своемъ родѣ, на Русскомъ языкѣ. Авторъ глядитъ на Исторію, какъ долженъ глядѣть на нее писатель XIX-го столѣтія: не изъ-за преданій стародавнихъ; но въ подробностяхъ причинъ онъ представляетъ многое невѣрно. Можетъ быть и этому есть какія нибудь особенныя причины, которыхъ проникать мы не хотимъ.

Слогъ Г-на Шульгина чистъ, ясенъ и отчетистъ. Во многихъ мѣстахъ видна душа и сильное чувство: два свойства, составляющія красу служителя Кліо.

— *Товарищъ Черной шали.* Историческій романъ, извлеченный изъ Русскихъ Лѣтописей Сенъ Тома, Переводчикомъ Исторіи Государства Россійскаго *сог. Карамзина.* Четыре части. М. 1832. Въ т. Н. Степанова. 204, 171, 161, 118 стр. in-12.

— *Якарей-Уасу или Тупинамбасы.* Бразильская Хроника. Сочиненіе Габета и Бушера. Переводъ съ Французскаго. Двѣ части. М. Въ т. С. Селивановскаго. 1832. IV, 238 и 153 стр. in-12.

Русскій и Бразильскій романы!.. Вотъ что заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ двухъ произведеніяхъ, подобныхъ многимъ другимъ явленіямъ не Литтературы, а промышленности Французской.

Да, промышленности! Скажите, можетъ-ли быть Литтература у Бразильцевъ, едва вступившихъ на

степень образованности, едва вошедших въ кругъ государствъ всемірныхъ? Литература бываетъ слѣдствіемъ роскоши просвѣщенія, когда умы, успокоенные въ настоящемъ, вѣрующіе въ будущее, образованные долгою жизнью общежитія и гражданскаго благоустройства, начинаютъ чувствовать потребности, такъ-же какъ и вещественность человѣческая. Но гдѣ спитъ умъ, гдѣ сердце бьется лишь отъ заботъ о настоящемъ днѣ, тамъ Литература будетъ тоже что Дворъ покойнаго Гапнскаго Короля, а произведенія литературныя будутъ похожи на Графовъ Мармеладовъ и Лимонадовъ, которые у Короля Кристофа передразнивали иноземныхъ Министровъ и Каммергеровъ.

Доказательствомъ сего можетъ служить то, что не только Бразилія, на нашей памяти сдѣлавшаяся настоящимъ государствомъ, но и величественная Россія, уже болѣе чѣмъ за сто лѣтъ вступившая въ разрядъ образованныхъ Европейскихъ государствъ, и Россія еще не имѣетъ Литературы, ибо, какъ говорятъ Французы, *одна ласточка не показываетъ весны.* Во сто лѣтъ, много-ли скопили мы богатства? Нѣсколько десятковъ томовъ и нѣсколько именъ, упрочившихъ себѣ историческую память! Любопытно, поучительно развитіе нашего необъятнаго Царства; но не въ Литературѣ будемъ мы искать его въ настоящее время. Любопытна и сама Литература наша, но не для иностранцевъ, а для насъ самихъ: это шалости и часто проказы мальчика, по которымъ родные могутъ судить о будущей судьбѣ

его; но гость съ улыбкой взглянетъ на нашего ребенка, и тотчасъ забудетъ даже то, отъ чего улыбнулся онъ. При зараждавшемся просвѣщеніи родился Данте; въ глубинѣ дальней и уже далекой Россіи возникъ безсмертный Державинъ; но исключенія сіи не доказываютъ ничего.

И при такомъ-то состояніи Литтературы хотятъ отъ насъ того-же, что есть въ Литтературѣ Англійской! Романовъ! «А гдѣ ихъ взять? Богъ вѣсть!» повторяемъ мы съ Просподумомъ Княжнина.

Но Французы, или, лучше сказать, не Французы, а Парижскій книгопродавецъ Госселенъ и его соучастники, нажившіе себѣ много денегъ отъ романовъ Вальтера Скотта, и вообще отъ переводовъ Г-на Дефоконпре, этого Тезея и Геркулеса переводовъ, хотятъ непремѣнно еще денегъ, и слѣдственно еще романовъ. Но, какъ смѣтливые люди, хорошо понимающіе требованія времени, они знаютъ, что успѣхъ можетъ быть только для романовъ оригинальныхъ, въ коихъ выражается народность. Подрядъ на всесвѣтную народность! Разумѣется, что нашлись люди, которые выставили имъ цѣлыя коллекціи романовъ Ирландскихъ, Португальскихъ, Шведскихъ, Американскихъ, Датскихъ, Польскихъ, Русскихъ, и даже Бразильскихъ! И надобно прибавить, что это не тѣ старинныя произведенія, которыя могли отыскаться въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ Литтературъ, но романы новые, написанные въ наше время. Впрочемъ, еще можно было отыскать въ Ирландіи Банима, въ

Польшѣ Броникоскаго, писателей не безъ дарованія, хотя, скажемъ мимоходомъ, романы Банина удобны для замѣны самаго крѣпкаго усыпительнаго: съ трехъ страницъ положатъ самаго могучаго читателя. Но гдѣ было взять романовъ Русскихъ и Бразильскихъ? Перевели *Выжигина*; мало: только четыре тома! Напечатали въ переводѣ *Юрія Милославскаго*: нейдетъ съ рукъ! Одинъ путешественникъ, жившій въ послѣднее время въ Парижѣ, сказывалъ намъ, что *Милославскій* не произвелъ тамъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; да мы и здѣсь видѣли это изъ отзывовъ Французскихъ Журналистовъ. Но за всѣмъ тѣмъ коллекція была слишкомъ мала. Въ это время получена была рукопись Г-на Сенъ-Тома, Переводчика Исторіи Карамзина и Автора нѣкоторыхъ пріятныхъ стихотвореній, который и не думалъ выдавать новаго сочиненія своего за Русскій оригинальный романъ. Но Г-нъ Госселенъ придалъ роману Г-на Сенъ-Тома общую наружность своихъ изданій, напечаталъ на обверткѣ: *Русскій романъ*, и предоставилъ публикѣ догадываться о новой спекуляціи своей.

И что-же? Въ Россіи нашелся переводчикъ для этого романа, вѣроятно не знавшій о спекуляціи Г-на Госселена, и потому истратившій на нее Русскую бумагу и Русскій трудъ. Какъ не пожалѣть объ этомъ?

Прелестно самое посвященіе книги, *Его Высокоблагородію Михаилу Николаевичу Загоскину*, гдѣ Переводчикъ увѣряетъ, что *истинное уваженіе къ Автору отечественныхъ Литтературныхъ произведеній* заставило его *принять смѣлость украсить*

слабый трудъ именемъ Г-на Загоскина, *и просить позволенія съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣть счастіе быть его покорнѣйшимъ слугою.* Хорошо и *уваженіе* и *счастіе*!

Романъ, или, какъ называется онъ по-Русски, *Бразильская Хроника*, *Якарей-Уасу*, такая-же спекуляція, какъ и *Товарищи Черной шали*. И это сочиненіе Французское, потому что Бразильскаго самороднаго взять нѣгдѣ. Бразиліи нѣтъ и слѣду въ этомъ поддѣльномъ романѣ, кромѣ варварскихъ именъ и немногихъ подробностей, за которыя не ручается никто и ничто. Вообще совѣтуемъ читателямъ нашимъ остерегаться всѣхъ, такъ называемыхъ, Португальскихъ, Татарскихъ и Калмыцкихъ — и Богъ знаетъ еще какихъ—романовъ, которые произведетъ Французская промышленность, и переведетъ Русское просвѣщеніе или духъ спекуляціи. Если мы предупредимъ хотъ одного изъ читателей нашихъ отъ покупки подобныхъ книгъ, и, что гораздо важнѣе, отъ траты времени на чтеніе оныхъ, то цѣль нашей статьи будетъ достигнута.

Говорить-ли о содержаніи обоихъ романовъ, Русскаго и Бразильскаго? Нѣтъ, потому что сказать нечего о нихъ. Да, кажется, довольно и того, что уже сказано. «Каковы переводы?» спросятъ, можетъ быть, насъ? Переводы немножко хуже самихъ романовъ. Во многихъ мѣстахъ не найдете тамъ рѣшительно никакого смысла. Ошибокъ противъ языка и противъ всѣхъ возможныхъ правилъ и условій, что песку на берегу моря! Напримѣръ, Переводчикъ Русскаго романа говоритъ: «*Рамадань*,

названіе Великаго Поста (!) у Магометанъ,»—«*Моллаки* равны саномъ Архіепископамъ, *Кади* Епископамъ, *Имаумы* Протопопамъ!!!!»

— *Словацкія пѣсни.* Харьковъ. Въ Университетской типографіи. 1832. 62 стр. in-16.

Словаки, потомки первобытныхъ Дунайскихъ Славянъ, обитаютъ нынѣ въ Сѣверо-Западной части Венгріи; но въ послѣднее время начали они разселяться, отдѣльными колоніями, и по всей странѣ. Чисто Словакскіе округи суть: Тренчинъ, Турочъ, Арва, Липто и Золь; округи Нейтра, Ципсъ, Шарошъ, Барсъ, Цемплинъ, Гёмёръ и Гонтъ большею частію населены Словаками; напротивъ ихъ менѣе нежели другихъ жителей въ округахъ Пресбургскомъ, Неоградскомъ, Пестскомъ, и Абоійскомъ. Во многихъ другихъ Венгерскихъ округахъ находятся лишь колоніи Словакскія. Трудно опредѣлить общее число сего племени. Соображая указанія разныхъ писателей, можно полагать Словаковъ около 2,000,000 человѣкъ (*), изъ коихъ одна четверть Евангелическаго, а три четверти Католическаго исповѣданія.

Языкъ Словакскій (Slowensky gazyk, Slowencina, какъ говорятъ сами Словаки (*), а не Slowácky

(*) Малтебрёнъ насчитываетъ ихъ 2,900,000, Шаффарикъ 1,800,000.

(*) См. Schaffarik, Geschichte der slawischen Sprache und Litteratur (1826. Ofen). стр. 375-я.

gazyk, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ новыхъ писателей) есть особенное нарѣчіе, въ нынѣшнемъ состояніи своемъ наиболѣе сходное съ Богемскимъ. Это, и еще другое обстоятельство, что со времени Реформаціи Словаки избрали Богемское нарѣчіе для своего литературнаго языка, побудило Добровскаго сначала утверждать, что Словакское, за исключеніемъ немногихъ особенностей, есть не иное что какъ Древне-Богемское. Но впослѣдствіи онъ отступился отъ сего мнѣнія, и уже въ *Исторіи Богемскаго языка*, и въ Instit. Ling. Slav., признавъ Словакское нарѣчіе особеннымъ, на ряду съ Богемскимъ, Вандійскимъ и Польскимъ. Такъ и должно быть, ибо Словакское составляетъ переходъ отъ Богемскаго къ Виндійско-Кроатскому, и въ основаніи своемъ весьма сходно съ Церковно-Славянскимъ. Географическое положеніе народа, сосѣдство Богемцевъ, Поляковъ, Русняковъ, Сербовъ и Виндовъ, а сверхъ сего еще и то, что собственно Словакскій народный языкъ никогда не возвышался до языка письменнаго, не имѣлъ твердыхъ правилъ, и былъ предоставленъ слѣпому образованію и искаженію отъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, все это было причиной, что въ немъ находится множество подраздѣленій и оттѣнковъ, такъ что нынѣ даже чрезвычайно трудно подвести его подъ однообразныя правила. Впрочемъ, это почти всегдашнее явленіе въ языкахъ народовъ не самобытныхъ. Писатели Словакскіе пишутъ на Богемскомъ языкѣ, испещренномъ словами и оборотами Словакскими. Народъ погруженъ въ самое жалкое невѣжество.

После сего можно судить о заслуге Русскаго Издателя Словацкихъ пѣсенъ. Его собраніе, обломокъ отъ корабля, разбитаго бурею! Видимъ на немъ начертанія знакомыя; читаемъ эти буквы вѣковъ прошедшихъ: звуки отзываются чѣмъ-то не чужимъ для насъ. Но какое слѣдствіе, какую пользу можемъ мы извлечь изъ этихъ немногихъ Словацкихъ пѣсенъ? Можемъ-ли мы по нимъ заключать о чемъ нибудь? Сомнѣваюсь.... Нѣтъ! не такъ должно изучать и представлять поэтическіе отзывы народовъ, какъ будто забытыхъ судьбою, брошенныхъ, загнанныхъ въ горы, въ степи, окруженныхъ чуждыми племенами, которыя лишаютъ ихъ самаго драгоцѣннаго, родныхъ обычаевъ, языка, и даже родныхъ звуковъ. Образцовымъ, безсмертнымъ трудомъ въ семъ отношеніи почитаемъ мы трудъ Форіеля, ученаго, глубокомысленнаго, сильнаго духомъ, который умѣлъ извлечь изъ забвенія отчужденныхъ Клефтовъ, и представилъ намъ ихъ гнѣвъ, ихъ стоны и клики радости, въ прекрасномъ переводѣ, обогащенномъ всѣми подробностями, какихъ желаетъ пытательный умъ человѣка. Но гдѣ Форіель для нашихъ Славянскихъ народовъ?... Будемъ, покуда, принимать съ благодарностью и то, что представляютъ намъ мимолетные путешественники.

ОБОЗРѢНІЕ

НОВЫХЪ ОТКРЫТІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

Жители Великобританіи, сего совершенно отдѣльнаго острова, обладающіе могущественною морскою силою, и одушевляемые всегда одинакимъ стремленіемъ Правительства, имѣютъ драгоцѣнную выгоду, постоянно продолжать свои удивительныя открытія. Англійскіе путешественники, побуждаемые страстью къ изысканіямъ и вспомоществуемые патріотизмомъ соотечественниковъ, наблюдаютъ при семъ и частную пользу торговли и общую пользу образованности. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ, каждый годъ Великобританія увеличиваетъ свои богатства и надежды. Изъ того, что извѣстно уже о новѣйшихъ открытіяхъ въ трехъ частяхъ міра, можно заключить, что 1830-й и 1831-й годы были важны для нея не менѣе предшествовавшихъ.

Населеніе Новой Голландіи процвѣтаетъ и распространяется до странъ, прежде непѣдомыхъ. Но здѣсь распространеніе Британской гражданственности испытываетъ, во многихъ отношеніяхъ, препятствія, неизбѣжныя при великомъ протяженіи сего материка. Скрывать ихъ отъ себя было-бы опасно. Новая Голландія, столь-же

обширная какъ Европа, изображается на картахъ нашихъ въ размѣрѣ, произвольно стѣсняемомъ отъ невѣдѣнія художниковъ, дѣлающихъ карты. Но когда сія обширная часть свѣта будетъ извѣстна лучше, когда Англійское народонаселеніе, вспомоществуемое многочисленными переселеніями, устремится, въ свою очередь, распространять на всемъ Восточномъ Архипелагѣ языкъ, законы и установленія Англіи, тогда окружность Новой Голландіи будетъ очерчена достовѣрнѣе и топографія сдѣлается извѣстнѣе.

Точное описаніе всѣхъ частей обширныхъ Британскихъ владѣній, извѣстныхъ подъ именемъ Австралія, необходимо еще и потому, что областныя газеты, по какому-то пагубному соревнованію, безпрестанно помѣщаютъ свѣдѣнія о тамошнихъ странахъ, невѣрныя или неполныя, такъ что многія семейства, которымъ полезно было-бы переселиться въ новыя колоніи, со всѣмъ, что есть у нихъ, остаются дома, или подвергаются бѣдствіямъ, отъ неопредѣленности и ложности извѣстій. Такъ, напримѣръ судя по Журналамъ, думаютъ, что среди Австралія есть озеро или средиземное море, куда впадаютъ всѣ рѣки, вытекающія изъ окружныхъ горъ. Это предположеніе уничтожено недавнимъ открытіемъ рѣки Моромбиджи, которая, соединившись съ Лахланомъ, сливается съ большою рѣкою Муррей и напослѣдокъ составляетъ морской рукавъ, въ шестьдесятъ Англійскихъ миль длины, при тридцати ширины. Правда и то, что намъ извѣстны лишь берега Австралія; да и тѣ

обозрѣны наскоро, безъ изслѣдованій, такъ что при внимательнѣйшемъ осмотрѣ, вѣроятно откроются тамъ устья рѣкъ, которыя нынѣ совершенно невѣдомы. Напримѣръ, по западному берегу, отъ мыса сѣверо-западнаго, до пролива Кларенсскаго, на разстояніи болѣе нежели 1000 миль, находятся большіе, неизвѣстные заливы, куда, вѣроятно, впадаютъ великія рѣки.

Тамъ весь берегъ осыпанъ множествомъ острововъ, раздѣленныхъ страшно-быстрыми проливами. Земля Дампіера, простирающаяся отъ мыса Левисова до мѣста, названнаго по имени Гантома, составляетъ островъ, отдѣленный проливомъ въ 80 миль, гдѣ, въ Архипелагѣ Буканьеровъ приливъ морской бываетъ отъ двадцати до тридцати футовъ, между тѣмъ какъ у другихъ частей берега онъ восходитъ не болѣе какъ на восемь или на девять футовъ. Всѣ извѣстія о сихъ водахъ возбуждаютъ живѣйшее вниманіе. Ширина залива, быстрота теченій, высота приливовъ показываютъ самый удивительный изъ всѣхъ извѣстныхъ рукавовъ морскихъ. Къ сожалѣнію, берега его такъ опасны, что ихъ можно изслѣдывать только съ швердой земли, при помощи лодокъ.

Колонія Рѣки Лебедей, основанная года за три, теперь самая цвѣтущая въ Австраліи. При устьѣ сей рѣки, и около залива, названнаго отъ морехода Флиндера *Заливомъ Опасности*, хотя опасности въ немъ нѣтъ никакой, Капитанъ Стирлингъ основалъ недавно колонію изъ сотни переселенцевъ, которые, по видимому очень довольны своимъ водво-

реніемъ. Суда найдутъ тамъ превосходную воду и богатое снабженіе дровами, овощами и фруктами. Въ этомъ мѣстѣ ширина залива простирается на тридцать шесть миль; къ востоку отъ него идутъ обширныя земли, съ красивыми возвышеніями; окружные луга, или обширныя долины представляютъ повсюду изобильныя пастьбища. Далѣе находится рѣчка, которую во время дождей можно почесть большою рѣкою. Еще неизвѣстны ни исшокъ ея, ни направленіе, и, что замѣчательно, до 40 градуса южной широты не усмотрѣно по сему берегу никакого устья рѣки. Къ юго-востоку, на протяженіи 86 миль, есть превосходная земля. Далѣе встрѣчается цѣпь высокихъ косогоровъ, которые къ восточной сторонѣ соединяются съ крутыми боками исполинской горы, теряющейся въ облакахъ, и возвышающейся, вѣроятно, тысячь на десять фушовъ.

Флора странъ, омываемыхъ Рѣкою Лебедей, была написана Г-мъ Броуномъ. Сей знаменитый Ботаникъ говоритъ, что у него находится не болѣе ста сорока видовъ; а это недостаточно для общихъ выводовъ о произрастеніяхъ сей части юго-западнаго берега Новой Голландіи; но, прибавляетъ онъ, если собраніе его даетъ неблагопріятную идею о качествѣ почвы, то надобно замѣтить, что въ оном нѣтъ многихъ семействъ, которыхъ великое изобиліе въ тамошнихъ изслѣдованныхъ странахъ; что гербарій его былъ составленъ въ неблагопріятное время года; что трава, называемая *кангару* растетъ тамъ съ чрезвычайною силою; что

нѣкоторые виды растенія, именуемаго *банксія*, бываютъ тамъ необыкновенно огромны; что наконецъ большое число родовъ было описано на мѣстѣ, безъ пособій для глазъ. Не останавливаясь на подробностяхъ, занимательныхъ только для ботаника, мы послѣдуемъ за Г-мъ Броуномъ въ любопытныхъ замѣчаніяхъ его о двухъ родахъ, самыхъ общихъ и обильныхъ на западномъ берегу Австраліи: это Eucaliptus и *безлистная акація*.

Деревья сіи принадлежатъ къ различнымъ семействамъ, но имѣютъ разительное отношеніе между собою, такъ что даютъ особенную физіономію лѣсамъ Австраліи. Такъ напримѣръ, ихъ листья (или то, что играетъ роль листьевъ въ обоихъ видахъ), расположены вертикально, то есть они держатся однимъ изъ краевъ за вѣшку, и составляя на ней родъ бахромы, выставляютъ такимъ образомъ обѣ свои поверхности солнечнымъ лучамъ.

Это всегда единообразно является въ Австралійской акаціи, потому что листья развертываются на ней вертикально; но Eucaliptus не всегда показываетъ сіе явленіе, ибо тамъ оно происходитъ отъ стѣсненія перепонокъ листа, послѣ того какъ онъ развернется. Прибавимъ, что въ обоихъ сихъ родахъ, ноздреватая ткань, которую Г-нъ Броунъ именуетъ накожными желѣзками, находится на обѣихъ сторонахъ листа, тогда какъ обыкновенно ткань сія, въ деревахъ и кустарникахъ, бываетъ на нижней, и лишь въ нѣкоторыхъ хвойныхъ растеніяхъ на верхней сторонѣ. Впрочемъ, и во

многихъ другихъ родахъ Флоры Австралійской, сіи драгоцѣнные органы занимаютъ обѣ стороны. Отъ этой-то организаціи вообще кажутся такъ мрачны лѣса Новой Голландіи.

Открытія, сдѣланныя въ Австраліи, благопріятствовали также другимъ открытіямъ, которыя весьма важны въ отношеніи къ Геологіи и Наукамъ Физическимъ. Мы разумѣемъ здѣсь нѣкоторые острова Тихаго Океана, происшедшіе отъ подводныхъ волкановъ. Таковы: островъ Измѣны, одинъ изъ Новыхъ Шетландскихъ; островъ Св. Павла и другіе.

Англійскому Капитану Смиту обязаны подробнымъ изслѣдованіемъ, или лучше сказать вторымъ открытіемъ Новыхъ Шетландскихъ острововъ. Голландецъ Диркъ Гериць, Капитанъ одного изъ пяти кораблей, отплывшихъ изъ Роттердама въ 1598 году, съ тѣмъ чтобы пройдти въ Индію западнымъ путемъ, былъ отбитъ отъ другихъ кораблей, на высотѣ мыса Горна, жесточайшею бурею, которая увлекла его до 64° южной широты. Онъ открылъ въ тамошнихъ моряхъ крутые берега, покрытые инеемъ, какъ берега Норвегіи. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ архипелагъ Шетландскій. Вѣроятно сіи острова суть продолженіе цѣпи Кордильеровъ Андскихъ и архипелага Огненной Земли. Видъ ихъ и геологическое сложеніе такіе-же какъ и у сихъ послѣднихъ. Между ими, островъ *Измѣны* есть не иное что какъ волканъ, котораго крашеръ совершенно сходенъ съ крашеромъ острова Амстердамскаго, названнаго нѣкоторыми море-

плавающими островомъ *Св. Павла*, и находящагося между Мысомъ Доброй Надежды и Австраліею. Образованіемъ своимъ они совершенно сходны съ лагунами (*), встрѣчаемыми на большей части коралловыхъ острововъ, разсѣянныхъ въ междутропической части Тихаго Океана; а послѣ этого можно съ вѣроятностью предположить (и такова мнѣніе Г-на Барроу), что кораллы, сіи странныя существа, которыхъ Естествоиспытатели относятъ къ оконечностямъ животнаго царства, умножаются отъ подводныхъ волкановъ, ибо края кратера, силою послѣдовательныхъ изверженій, сближаются съ поверхностью моря до того, что симъ міріадамъ живыхъ существъ уже достаточно свѣта и теплоты для развитія и таинственной работы ихъ.

Сообразивъ внѣшнюю форму кратера подводнаго волкана, и расположеніе коралловыхъ отмѣлей вокругъ лагунъ, опоясываемыхъ ими со всѣхъ сторонъ (кромѣ пролива, въ который вливается морская вода), можно легко понять ихъ сходство. Если-бы *подводное дѣйствіе* обратилось на коралловыя отмели, коими усѣянъ Тихій Океанъ, съ такою силою, что могло-бы поднять ихъ на большую вышину, то оно произвело-бы тысячи острововъ, подобныхъ островамъ Измѣны и Амстердамскому. Посему, хотя внутренность большей части сихъ

(*) Лагуна, озеро посреди острова, и самый островъ.

коралловыхъ острововъ не изслѣдована, однако можно думать, что ихъ лагуны суть настоящіе кратеры. Истина сія подтверждается тѣмъ, что на нихъ вообще находятъ цѣлые слои пемзы и другихъ волканическихъ произведеній. Обыкновенно вплоть подлѣ волкановъ бываетъ известковый грунтъ, и посему вѣроятно что *литофиты*, известные подъ именемъ кораллovъ, имѣютъ непреодолимое влеченіе къ сему веществу, гдѣ кладутъ они съ удивительнымъ искусствомъ покрышку, свою темницу и могилу. Правда, что коралловые слои встрѣчаются и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не видно волканическаго дѣйствія, какъ на примѣръ на восточномъ берегу Австраліи; но въ семъ случаѣ вѣроятно, что основаніемъ ихъ служитъ опять верхушка скалъ, составляющихъ окружность подводныхъ кратеровъ, и что они, извиваясь, продолжаются до такого мѣста, гдѣ другія известковыя громады, не принадлежащія къ волканической системѣ, составляютъ опору для этой цѣпи гнѣздъ, продолжаемой миріадами поколѣній. Замѣчательный примѣръ сего видимъ въ коралловыхъ отмеляхъ, облегающихъ острова Сешельскіе. Одна изъ нихъ получила, отъ образованія своего, названіе отмели *Змѣиной*. Однакожъ вообще, и особенно въ Тихомъ Океанѣ, онѣ образуютъ острова съ лагунами и утверждаются кругообразно на гребнѣ подводныхъ волкановъ. Адмиралъ Крузенштернъ насчитываетъ отмелей сего рода не менѣе ста, между 24 и 20 градусами южной широты и 134 и 149 градусами западной долготы. Изъ тридцати двухъ коралловыхъ острововъ, изслѣдованныхъ Капитаномъ Бичи,

гдѣ наблюдалъ онъ рабошу литофитовъ, двадцать девять составляли окружность, занятую лагунами.

Можетъ быть возразятъ, что на большей части сихъ острововъ не замѣчаютъ лавы и веществъ волканическихъ; но это не доказываетъ ничего. На островѣ, передъ нашими глазами выдвинувшемся между Пантелларіею и берегомъ Сициліи, также не было лавы. Ни малѣйшаго слѣда ея не замѣчено, ни въ жидкихъ веществахъ, которыя подводная сила выкидывала на воздухъ, ни въ массахъ болѣе огустѣвшихъ, которыя поднялись изъ воды на 160 или 170 футовъ. Одинъ изъ зрителей замѣтилъ даже, что дымъ, или бѣловатый паръ, выходившій изъ нихъ, не имѣлъ въ себѣ ничего сѣрнаго, *и что* онъ былъ только насыщенъ обугленнымъ водороднымъ газомъ. Г. Осборнъ, хирургъ корабля *Ганга*, сошелъ на островъ, и удостовѣрился, что онъ состоялъ только изъ пепла, изъ превращенныхъ въ порошокъ углей, освобожденныхъ отъ маслянистыхъ частицъ, изъ желѣза, изъ шлаку и изъ особеннаго рода желѣзистаго мѣлу, но безъ всякаго признака лавы, волканическаго пепла, пемзы, ракушекъ и морскихъ камней, обыкновенно находимыхъ въ извергаемыхъ изъ Этны и Везувія веществахъ. По сему случаю мы замѣтимъ, что 28 Іюня, за двѣ недѣли до появленія острова, корабль Англійскаго Адмирала Пультенея Малькольма, проходя по тому мѣсту, гдѣ выдвинулся островъ, получилъ такіе толчки, какъ будто-бы онъ ударился о песчаную мель. *Географическій Журналъ*, въ статьѣ объ упоминаемомъ островѣ, говоритъ, что

народное преданіе въ Мальтѣ, съ начала послѣдняго столѣтія, именно на этомъ мѣстѣ означало существованіе волкана. На картѣ Средиземнаго моря, за нѣсколько времени изданной Фаденомъ, тутъ означено мѣлкое мѣсто, въ четыре сажени, названное имъ Larmour's Breakers. Часть сего-то мѣста была выдвинута выше воды. Можетъ быть, не запасный-ли это клапанъ подземныхъ горнилъ, для коихъ Этна и Везувій служатъ дымовыми трубами? Въ самомъ дѣлѣ, объ изверженіяхъ сихъ двухъ волкановъ не было слышно ничего около года. Но возвратимся къ нашему предмету.

Въ числѣ физическихъ переворотовъ, являющихся на поверхности земнаго шара, и производимыхъ наиболѣе волканами, всѣхъ менѣе были наблюдаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всѣхъ любопытны означенные нами. Они выдвинули со дна морей, и постепенно возвысили до поверхности водъ, часть известковой оболочки нашего земнаго шара; а міріады живыхъ существъ, которымъ едва удостоиваютъ назначать послѣднее мѣсто въ обширной системѣ природы, превратили сіи возвышенія въ производящую землю. Мы худо знаемъ и организацію сихъ литофитовъ, и способъ работы, производимой ими по тому инстинкту, который Гунтеръ назвалъ побужденіемъ необходимости; но тѣмъ не менѣе справедливо, что симъ червячкамъ одолжены образованіемъ тысячи острововъ и милліоновъ акровъ земли, покрывающихъ Атлантическій Океанъ и особенно моря Индійскія и Тихій Океанъ! Разсматривая подъ водою ихъ известковыя трубочки,

и безчисленное разнообразіе ихъ переплетеній, находятъ иногда, что верхніе слои влажны и тягучи; другіе, напротивъ, не имѣютъ сей тягучести, которой и вовсе нѣтъ въ окаменѣлыхъ коралловыхъ отмѣляхъ, видимыхъ надъ водою. Естественное слѣдствіе сего наблюденія, что литофиты работаютъ во всю свою жизнь, и что лишь послѣ смерти ихъ, футляръ, гдѣ жили они, окрѣпляется и твердѣетъ. Не льзя сомнѣваться также, что коралловые острова и отмѣли, безпрерывно умножаются и распространяются. Къ сожалѣнію это дѣлается незамѣтно; а не имѣя ряда послѣдовательныхъ наблюденій, произведенныхъ на мѣстѣ явленія, не льзя съ точностью подтвердить этого. Однакожь на Бермудскихъ островахъ сдѣланы были довольно точныя наблюденія, по коимъ можно заключать, что окружающія сіи острова коралловыя отмѣли возвысились, лѣтъ во сто, до того, что это замѣтно приблизило ихъ къ поверхности водъ.

Для пользы Науки, Географическое Общество должно было-бы дать мореплавателямъ, обыкновенно посѣщающимъ Индійскія моря, цѣлый списокъ вопросовъ о семъ важномъ предметѣ, и препоручить имъ доставить образчики, какъ разныхъ родовъ образованія коралловъ, такъ и дна, на которомъ утверждены они. Всего важнѣе для изслѣдованій сего рода обширный архипелагъ Малдивскій: это можетъ быть самая удивительная изъ сихъ чудесныхъ фобрикъ. Мусульманскій путешественникъ Батута, посѣтившій тамошніе острова въ тринадцатомъ столѣтіи, и давшій имъ названіе

Зобишъ-эль-Магаль, означаетъ ихъ какъ одно изъ чудесъ міра. Онъ насчиталъ ихъ около двухъ тысячь, изъ коихъ сто, расположенные рядомъ, соприкасаются какъ зерна ожерелья. Два другіе Мусульманскіе путешественника, шедшіе въ Китай въ девятомъ столѣтіи, полагаютъ число ихъ въ 1900; Марко Поло въ 12,700, а Линсхотенъ до 11,000.

Знаменитый Девисъ видѣлъ острова сіи въ 1598 году; онъ не могъ сосчитать ихъ, но ему говорили, что число всѣхъ простирается до 11,000. Французъ, по имени Пейрардъ де Лаваль, претерпѣвшій кораблекрушеніе въ тамошнемъ архипелагѣ, въ 1602 году, и остававшійся въ плѣну пять лѣтъ, сказывалъ, что владѣлецъ его былъ Султанъ, именемъ Ибрагимъ, который называлъ себя Суданомъ Тринадцати Областей и двѣнадцати тысячь острововъ. Эти Области суть тринадцать различныхъ купъ, составленныхъ изъ безчисленнаго множества отмѣлей или островковъ, посреди коихъ находятся круглыя или эллиптическія лагуны, сообщающіяся съ моремъ посредствомъ пролива. Неизмѣримыя гряды сихъ коралловъ простираются отъ 1-го градуса южной широты до $7\frac{1}{2}$ широты сѣверной, на 600 Англійскихъ миль въ длину и на 70 и 80 въ ширину. Онѣ покрыты кокосовыми деревьями, которыя снабжаютъ пищею многочисленное народонаселеніе.

Прекраснымъ предметомъ для задачи, которую Географическое Общество предлагаетъ и награждаетъ каждогодно, былъ-бы опытъ о образованіи

кораллов и о естественной исторіи литофитовъ, производящихъ оные.

Въ тоже время, когда Англійскіе мореплаватели сообщаютъ геологу и естествоиспытателю плоды своей ревности къ путешествіямъ, они съ не меньшимъ жаромъ, на моряхъ ближайшихъ, но можетъ быть еще менѣе изслѣдованныхъ, даютъ пособія Критикѣ Исторической и Археологіи. Одна изъ любопытнѣйшихъ въ семъ отношеніи статей, есть извѣстіе о путешествіи Г-на Гуденоу Старшины Уэльсскаго, по Черному морю, въ 1829 году, на кораблѣ Англійскаго флота la Blonde. Это первый военный корабль, которому было дозволено войдти въ Понтъ Эвксинскій. До сихъ поръ, и особенно въ царствованіе Елисаветы и Карла II, море сіе было открыто однимъ купеческимъ кораблямъ, которые занимались только своею торговлею, и не оставляли ученому міру даже малѣйшаго слѣда своихъ путешествій.

«Ни варварскія толпы сѣверныхъ и западныхъ береговъ Эвксина, ни деспоты Азіятскіе, которыхъ владѣнія ограничивали оный съ юга и востока, говоритъ Г. Гуденоу, никогда не стремились быть властителями сего моря. Народы, обладавшіе Константинополемъ и его проливомъ, всегда сохраняли большое вліяніе на кораблеплаваніе и торговлю въ Черномъ морѣ. Безмѣрные поборы, коихъ требовали они отъ иностранныхъ купцовъ за входъ въ оное, конечно подвергали ихъ многочисленнымъ нападеніямъ и строгой отплатѣ; но, гораздо чаще, и даже при ослабленіи ихъ

могущества, они были одолжены единственно своему топографическому положенію уваженіями и снисхожденіемъ иностранныхъ Державъ. За сто пятьдесятъ лѣтъ до Рожд. Христова, Полибій писалъ: » Мѣстоположеніе Византіи очень слабо со стороны земли, но превосходно отъ Геллеспонта: ни одинъ корабль не можетъ ни войдти въ Понтъ Эвксинскій, ни выйдти изъ онаго, безъ позволенія ея; потому-то Византійцы и располагаютъ тамошнею торговлею самовластно. Черезъ ихъ посредство идутъ на торжища Средиземнаго моря всѣ славные предметы, коими снабжаетъ тамошнее море, какъ то: стада и лучшіе невольники, медъ, воскъ, и соленая рыба. » Тогда хлѣбъ не былъ, какъ нынѣ, единственнымъ важнымъ товаромъ, вывозимымъ изъ Чернаго моря. Въ отрывкѣ изъ Полибія, приводимомъ Аѳенеемъ (Кн. VI, гл. 21), находятся нѣкоторыя подробности о соленой рыбѣ, привозившейся изъ сего моря, и составлявшей такой предметъ роскоши въ Римѣ, что это обратило на себя строгость Катона Цензора. Онъ горько жаловался, что Римскіе граждане покупаютъ горшокъ или боченокъ рыбы, сухой или маринированной, цѣною по триста драхмъ (около 250 рублей на наши деньги), и платятъ за молодаго рабенка дороже чѣмъ за помѣстье. Впрочемъ, довольно взглянуть на монеты Византійскія и Греческихъ городовъ Чернаго моря, дошедшія до насъ, гдѣ изображены уды или рыбы, чтобы видѣть, какое вниманіе обращала на себя эта драгоцѣнная отрасль промышленности.

«Удивительно, какъ Полибій, столь благоразумный Историкъ и просвѣщенный Географъ, хвалившійся тѣмъ, что издаетъ слѣдствія собственныхъ своихъ наблюденій, рѣшился предсказать, что вскорѣ, какъ полагаетъ онъ, Эвксинъ перестанетъ быть судоходнымъ и превратится въ грязное болото. «Когда, говоритъ онъ, постоянная причина дѣйствуетъ на предметъ ограниченный, то, какъ бы ни было слабо ея дѣйствіе, она превозможетъ напослѣдокъ. Углубленіе Чернаго моря имѣетъ границы; но теченіе рѣкъ, прямо или черезъ Азовское море впадающихъ въ него и оставляющихъ въ немъ наносы, ничѣмъ не ограничено въ продолжительности своей; слѣдственно, должно кончиться тѣмъ, что наносы завалятъ море: Если мы сообразимъ теперь необъятное количество водъ, вливающихся въ него безпрерывно, то будетъ явно, что причина, дѣйствующая съ такимъ могуществомъ и такъ постоянно, должна сблизить эпоху, когда исполнится предвидимое нами слѣдствіе.» Къ этому разсужденію Полибій прибавляетъ, что «Палусъ-Меотидесъ (Азовское или Гнилое море), по всѣмъ преданіямъ составлявшій прежде одну массу водъ съ Чернымъ моремъ, нынѣ есть не иное что какъ озеро прѣсной воды, въ пять или шесть саженъ глубины, гдѣ трехъ-палубныя галеры не могутъ ходить безъ пособія кормчаго.» Онъ упоминаетъ еще о наносахъ, загражданихъ въ его время устья Дуная.

«Не восходя къ потопу Девкаліонову, мы справимся только съ извѣстіемъ Г-на Дюпеса, Капи-

шана Англійскаго флота, бывшаго въ Таганрогѣ въ 1823 году. «Вблизи отъ сего города, говоритъ онъ, около устья Дона, воды чрезвычайно мѣлки, и вышина ихъ бываетъ отъ десяти до трехъ футовъ, сообразно направленію вѣтра. Когда онъ дуетъ отъ юго-запада, съ противоположной Таганрогу стороны, и подымаетъ воду до величайшей высоты ея, она становится солоноватою, хотя въ обыкновенное время можно употреблять ее въ кушанье. Взглянувъ на превосходную карту Чернаго моря, изданную въ Парижѣ въ 1822 году, съ исправленіями корабельнаго Капитана Готье, и Г-на Бенуа, Инженеръ-Географа, въ точности которой мы увѣрились на мѣстѣ, можно видѣть, что исключая означенную нами отмѣль, глубина Азовскаго моря, на срединѣ составляетъ 40 футовъ, а около береговъ отъ 17-ти до 18-ти. Такимъ образомъ наносы, долженствовавшіе по гипотезѣ Полибія вскорѣ завалить Эвксинъ, не прибавились чувствительно, въ продолженіе почти двухъ тысячъ лѣтъ, даже въ Азовскомъ морѣ.

«Такъ-же какъ во времена сего Историка, и нынѣ Босфоръ Киммерійскій, соединяющій море Азовское съ Чернымъ, и чрезвычайно сжатый со стороны перваго, описываетъ кривую линію, расширяющуюся ко второму. Сему-то расположенію пролива, мало выгодному для теченія отъ Сѣвера къ Югу, должно приписать заносы Южныхъ береговъ Азовскаго моря. Въ верхней части пролива высота водъ простирается только на 13 футовъ; но ниже, около Чернаго моря, много разъ брошенный

лотъ показалъ отъ 4-хъ до 20-ти саженъ. Около восточнаго берега, дно сначала глинисто; пять миль далѣе глина смѣшана съ пескомъ; еще далѣе являются ракушки. По срединѣ пролива совсѣмъ нѣтъ ила: дно состоитъ изъ слою раковинъ и песку. Такимъ образомъ нынѣшнее состояніе Босфора Киммерійскаго даетъ надежду, что онъ не будетъ занесенъ и черезъ нѣсколько тысячь лѣтъ.

«Касательно Чернаго моря, вотъ слѣдствіе нашихъ наблюденій. Выходя изъ Босфора Оракійскаго, мы нашли 48 саженъ глубины и дно изъ песку, смѣшаннаго съ ракушками. Вдоль береговъ, около устьевъ Дуная, лотъ показалъ дно глинистое, но глубины только отъ 45 до 55 саженъ, тогда какъ на 35 миль въ открытое море не льзя достать дна лотомъ въ 166 саженъ, по указанію Французской карты. Измѣренія, сдѣланныя съ корабля La Blonde, представляютъ слѣдующій выводъ: при устьѣ Дуная 36 саженъ; 18 миль далѣе къ сѣверо-востоку 50 саженъ; около Севастополя 100, 120, и наконецъ лотомъ во 140 не достали дна. Сей послѣдній былъ брошенъ въ 16 миляхъ къ открытому морю отъ маяка, находящагося передъ городомъ.

«Такимъ образомъ, глубина Чернаго моря и Константинопольскаго пролива, который усиливаетъ быстроту теченія самымъ сжатіемъ своимъ (не смотря на видимую иногда убыль воды, производимую на поверхности его южными вѣтрами:) вотъ что всегда будетъ опровергать теорію Полибія; а наносы важнѣйшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Эвксинъ, каковы Дунай, Борисѳенъ, Донъ, Фазисъ, Кубань и другія, смѣшиваясь съ волнами

моря и воздымаясь вмѣстѣ съ ними при бурятъ, которыя производитъ тамъ въ извѣстное время года сѣверный вѣтръ, еще долго будутъ находить себѣ выходъ по Константинопольскому проливу.»

Впрочемъ, Полибій не первый надложилъ мнѣніе, опровергнутое Г-мъ Гуденоу. Довольно любопытно, что Докторъ Кларкъ также согласился съ Полибіемъ, взглянувъ на болота Таганрогскія и отмѣли при устьѣ Дона. «Послѣ этого, говоритъ ученый путешественникъ, естественно заключить, что море Черное и Азовское, отъ безпрерывнаго возвышенія грунта образуютъ наконецъ множество болотъ, которыя будутъ раздѣляться теченіемъ рѣкъ, впадающихъ нынѣ въ море.» Г. Гуденоу замѣчаетъ при этомъ, что вѣроятно Г. Кларкъ удивлялся точности, съ какою Страбонъ описываетъ берега Крыма, и, взявши нѣкоторыя замѣчанія сего писателя, о вѣроятномъ засореніи Эвксина, по ошибкѣ принялъ чужія замѣчанія за свои собственныя мысли, когда приводилъ въ порядокъ свою рукопись. Будемъ надѣяться, что Г. Гуденоу издастъ также свои наблюденія надъ любопытными странами, находящимися между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, и омываемыми рѣкою Фазисомъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ИЗВѢСТІЕ

о рукописи XVII-го вѣка.

(Окончаніе.)

Въ рукописи, о которой идетъ рѣчь, находятся весьма любопытные монастырскіе документы, имѣющіе цѣнность въ отношеніи къ Исторіи Россійской Іерархіи. Такъ, напримѣръ, въ *Данной* Боярина Юрія Яншеевича Сулешева, писанной въ 7151 (1643) году, упоминается о сооруженіи *храма* въ Монастырѣ Симоновскомъ, во имя Знаменія Божія Матери, и о другихъ не менѣе любопытныхъ историческихъ предметахъ, коихъ мы доселѣ совсѣмъ не знали. Выписываю изъ этой Данной слѣдующее:

..... «Да азъ же Бояринъ Князь Юрій Яншеевичь въ Симоновѣ Монастырѣ, въ Соборной церкви, обложилъ царскія двери серебромъ, въ чеканъ. А пошло на нихъ окладу, серебра и золота, на пятьсячу рублевъ. Да по обѣщанію моему сооружена, церковь въ Симоновѣ монастырѣ надъ гробами родителей моихъ во имя *Знаменія Пречистыя Богородицы* (*). И на церковь стопила со всѣмъ церков-

(*) Слѣдственно, восточныя ворота подъ симъ храмомъ сдѣланы послѣ. Изъ статьи о надписяхъ въ Симоновѣ Монастырѣ, помѣщенной въ *Древн. Росс.*

нымъ строеніемъ тысяча двѣсти пять рублевъ. Да азъ же Боярин, Князь Юрій Яншеевичь Сулешевъ, далъ вкладу, по приказу брата своего, Крайчаго, Князя Василія Яншеевича, и невѣстки своей Княгини Ѳеодиньи Ивановны, на городовое дѣло тысячу рублевъ .... И далъ есмя я вотчину ея прародительскую въ вѣчный ихъ поминокъ, при Архимандритѣ Иліѣ .....

Судное дѣло, и Правая грамота Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи.

По Великаго Князя Ивана Васильевича слову, всеа Русіи, сей судъ судилъ Князь Иванъ Юрьевичь. Тягался, Пречистыя Симонова Монастыря Архимандритъ Зосима, и за всю братью Симоновскихъ старцевъ, съ Ивашкомъ Соврасовымъ. Такъ

Виѳліоѳикѣ, часть XIX, видно, что гробы Сулешевыхъ находятся подъ папертью Собора; но могилы Князя Юрія Яншеевича въ надписяхъ не значится. Достойно замѣчанія, что равнодушная невнимательность и всеразрушающее время, совершенно изгладили и самую память о сподвижникахъ монашествующей братіи сей древней обители. Іосифъ Волоколамскій, ревностный противникъ Новогородской ереси, въ книгѣ своей (X-я глава) упоминаетъ, о Преподобныхъ: Варѳоломеѣ Строителѣ, Іоаннѣ Златомъ, и Игнатіи Иконникѣ. Они, по увѣренію Іосифа, покоятся въ Симоновомъ монастырѣ; но гробы ихъ неизвѣстны, и имена ихъ не украшаютъ листовъ Исторіи нашей Іерархіи.

рекъ Архимандритъ Зосима: шолъ, господине, Ивашко, пооралъ нашу землю, Симоновскаго монастыря, Ѳедошовскую Нелидову. А далъ, господине, въ домъ Пречистыя, въ великій моръ, шу землю Ѳедошъ Нелидовъ по себѣ. И Князь Иванъ Юрьевичь вспросилъ Ивашка: ответчай? — и Ивашко шакъ рекъ: что, господине, Архимандритъ Зосима называетъ монастырскою, землю Ѳедошовскую Нелидова, шу землю, которую язъ пооралъ, и шо, господине, земля Великаго Князя, Черная, Левковская, да Ощуновская; а мнѣ, господине, далъ Князь Великій шу землю, осенью, о Покровѣ Святыя Богородицы, а се, господине, Великаго Князя грамаша предъ тобою. И Князь Иванъ Юрьевичь, выслушавъ грамашу, вспросилъ Архимандрита Зосиму: почему-же та земля ваша, Ѳедошовская Нелидова? И Архимандритъ Зосима шако рекъ: Была, господине, у насъ на шу землю *Данная* грамаша Ѳедошова, да погорѣла, господине; въ городѣ, у насъ въ пожарахъ шѣ наши грамашы, земныя и купчія, и данныя, всѣ погорѣли давно. А се, господине, у насъ Великихъ Князей грамаша жалованная на всѣ на шѣ грамашы, данныя и купчія, передъ тобою. И Князь Иванъ Юрьевичь возрѣвъ въ грамашу, а въ грамашѣ пишешъ: «По отца своего, Великаго Князя Василія Васильевича грамашѣ, се азъ, Князь Великій Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми дому Святыя Богородицы, монастыря своего Симоновскаго Архимандрита Аѳанасія, съ братіею, или кто по немъ иной Архимандритъ будетъ, что у нихъ были грамашы жалованныя въ монастырѣ, Прадѣда моего Великаго

Князя Димитрія Ивановича, и дѣда моего, Василія Димитріевича, и тѣ у нихъ грамашы погорѣли. Также кто довалъ что имъ, монастырю, землю, и воды, и луга, и лѣсы, и иныя какія угодія, и что сами у кого купили, и тѣ у нихъ грамашы данныя и купчія погорѣли-жъ. И что къ нимъ будетъ по тягло, и монастырю до того пожара, при Архимандритѣ Іонѣ, и при Архимандритѣ Иванѣ, земля, и воды, и лѣсы, и луги, или какіе иныя угодья, что-нибудь, и что все къ нимъ потянетъ, къ монастырю, потому-жъ, какъ и предъ сею тянуло. А невступается у нихъ въ то ни вочто, никто. А дана грамата лѣта 6970-го, мѣсяца Іюня въ 5 день.» — И Князь Иванъ Юрьевичъ, выслушавъ грамашу, вспросилъ Архимандрита Зосима: кому-жъ то у васъ вѣдомо, что земля монастырская, Ѳедотовская Нелидова? И Архимандритъ Зосима такъ рекъ: вѣдомо то, господине, у насъ, Великаго Князя Христіаномъ, людямъ добрымъ, старожильцамъ, Якушу Кучесалкову сыну, да Никону Илимову, да Сенькѣ Столбову, да Степану Сергееву Описойцѣ, да Великаго Князю сыну боярскому Хваширеву Даніилу, что то земля монастырская, Ѳедотовская Нелидова. А се, господине, тѣ наши знахари передъ тобою. И Князь Иванъ Юрьевичъ вспросилъ Ивашка: А у тебя кому вѣдомо, что Великаго Князя земля Черная? И Ивашко такъ рекъ: вѣдомо то, господине, Великаго Князя Христіяномъ старожильцамъ: Сенькѣ Гридину, да Якушу, Ивашкову сыну, Хрепшову, да Лучкѣ Лазареву десяцкому, да Ѳедькѣ Максимову, что та земля Великаго

Князя Черная, Левковская, да Якушевская. А се, господине, тѣ мои знахари передъ тобою. И Князь Иванъ Юрьевичь вспросилъ Архимандричьихъ Зосимовыхъ знахарей, Якушка, и Никонка, и Сенка, и Степанка, и Данилка: Скажите, какъ право передъ Богомъ, чья то земля, которую Ивашко ораль? И Якушъ, и Никонъ, и Сенка, и Степанко, и Данилко, такъ рекли: Язъ, господине, Якушъ, помню, отъ сѣхъ мѣстъ за шестьдесятъ лѣтъ, что то земля Ѳедотовская Нелидова, Симоновскаго монастыря, и пашутъ крестьяне монастырскіе. А язъ, господине, Никонъ, помню до *Момотыковщины* за десять лѣтъ, что то земля Ѳедотовская Нелидова, Симоновскаго монастыря, а пашутъ крестьяне монастырскіе. А язъ, господине, Сенка, помню отъ сѣхъ мѣстъ за пятьдесятъ лѣтъ, то земля Ѳедотовская Нелидова, Симоновскаго монастыря, а пашутъ крестьяне монастырскіе. А язъ, господине, Степанко, помню отъ сѣхъ мѣстъ за сорокъ лѣтъ, что та земля Ѳедотовская Нелидова, Симоновскаго монастыря, а пашутъ крестьяне монастырскіе. А язъ, господине, Данилко, помню за тридцать лѣтъ отъ сѣхъ мѣстъ, что то земля Ѳедотовская Нелидова, а пашутъ крестьяне монастырскіе. И Князь Иванъ Юрьевичь вспросилъ Ивашковыхъ Совасова знахарей, Сеньки Гридена, съ товарищи: Скажите, какъ предъ Богомъ право — чья то земля, которую Ивашко пооралъ? И Сенька Гриденъ, да Якушъ, и Лучука, и Ѳедко, такъ рекли: Язъ, господине, Сенька, помню до великаго мору, что то Великаго Князя земля черная Якушевская, да Левковская. А

косили се на Великаго Князя косу на станової. А язъ, господине, Якушъ, помню отъ великаго мору, что та земля Левковская, да Якушевская Великаго Князя Черная, а косилъ ее, господине, Ѳедко Максимовъ да Саврасъ Товаровъ на Великаго Князя косу, на станової. А язъ, господине, Лучука Десятко, помню, что дядя мой Анисимъ Писало косилъ Толсвсковой и Якушева на Великаго Князя косу на станової, становыми крестьяны, при сотникѣ при Степанѣ при Сарычинѣ. Да въ той же, господине, Ѳедотовской землѣ вышла полоса Велнкаго Князя земли Еремкины, а пахали ее къ Ѳедотовской землѣ монастырскіе крестьяне. И язъ, господине, на ту землю, на Еремкину полосу, возводилъ Судью, Великаго Князя Тіуна, Карпа Ховрилева. И Карпъ, господине, ту полосу присудилъ мнѣ Еремкину, къ Великаго Князя землѣ, а грамоты ми правыя, господине, не далъ. А на судѣ, господине, съ нимъ былъ Степанъ Сарычекъ. А язъ, господине, Ѳедко, помню до великаго мору, что то земля была боярская Ѳедота Нелидова. И Ѳедотъ, господине, послѣ своего живота, въ великой моръ, далъ ее къ Пречистой, на Симоновъ монастырь. А Левкова и Якушева, господине, есми въ той Ѳедотовской землѣ не слыхалъ И Князъ Иванъ Юрьевичь вспросилъ Ивашка: отъ сѣхъ мѣстъ года за три, за четыре, кто ту землю пахалъ, и если нынѣча на ней чей хлѣбъ, рожъли, яри-ли? И Ивашко такъ рекъ: Пахали, господине, ту землю Христіяне Симоновскаго монастыря, на монастырь, и нынѣча, господине, на той землѣ Симоновскаго монастыря сѣяна рожъ. А язъ,

господине, си весны ее подъ ярь взоралъ. И Князь Иванъ Юрьевичь передъ Великимъ Княземъ посташа обоихъ истцовъ, Архимандрита Зосиму и Ивашка, судъ свой сказалъ. И Князь Великій Иванъ Васильевичь всеа Русіи выслушавъ судъ, велѣлъ Князю Ивану Юрьевичу, Пречистыя Симоновскаго монастыря, Архимандрита Зосиму, съ брашею, оправити, и землю Ѳедотовскую Нелидова, что было Ивашко Соврасовъ взоралъ, велѣлъ присудити Архимандриту Зосимѣ съ брашею. А Ивашка Соврасова велѣлъ обвинити. И по Великаго Князя слову, Ивана Васильевича, всеа Русіи, Князь Иванъ Юрьевичь, Пречистыя Симоновскаго монастыря, Зосиму Архимандрита, съ брашею, оправилъ, и землю Ѳедотовскую Нелидова, что было Ивашка Соврасовъ взоралъ, присудилъ Архимандриту Зосимѣ съ брашею, а Ивашка Соврасова обвинилъ. А коли Князь Иванъ Юрьевичъ Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи судъ свой сказывалъ, и тутъ у Великаго Князя былъ Окольничій Иванъ Васильевичь Чеботъ. А на судѣ у Князя у Ивана у Юрьевича были: Скряба Морозовъ, да Василій Чубаръ-Безобразовъ, да Великаго Князя Тіунъ Олдіи Шишкаревъ. А подписалъ Дьякъ Василій Домнашовъ.

У подлиннаго суднаго списка печать черная.

Правая грамата безсудная.

Се билъ челомъ, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу, всея Русіи, Григорій Ивановъ сынъ Оключеевъ, на Ѳедора Иванова сына Пестова. А сказалъ: держишь, государь, за собою прадѣда моего вотчину, Андрея Кузмина сына Оключеева, сельцо Скишово, съ деревнями, въ Московскомъ уѣздѣ, невѣдомо почему. И Царь, и Великій Князь, выслушавъ челобитную велѣлъ по Ѳедора по Пестова послать Недѣльщика Ѳедора Тютчева, съ грамашою, а велѣлъ его поставить предъ собою, предъ Царемъ и Великимъ Княземъ. Недѣльщикъ Ѳедоръ Тютчевъ, сказалъ: Посылалъ еси Государь меня съ грамашою, по Ѳедора по Пестова, и велѣлъ его поставити передъ собою *высцовейску* Григорья Оключеева въ вотчинѣ. А язъ, Государь, по Ѳедора ѣздилъ, да его неизъѣхалъ, и язъ, Государь, взялъ человѣка его Мишку Урина, а се, Государь, тотъ Мишка передъ тобою. И Царь и Великій Князь вспросилъ Ѳедорова человѣка Пестова Мишку: гдѣ твой государь, Ѳедоръ, и можно-ли тебѣ его передо мною поставити? И Ѳедоровъ человѣкъ, Мишка, сказалъ: Государь! государь мой Ѳедоръ поѣхалъ ко племяни гостити, а государя, Государь, мнѣ своего передъ тобою Государемъ поставити немочно. И Царь и Великій Князь велѣлъ по Ѳедора по Пестова въ другое послать Недѣльщика Ѳедора-жъ Тютчева, съ записью, а велѣлъ его передъ собою поставити, и передъ Царемъ и Великимъ Княземъ. Недѣльщикъ Ѳедоръ Тютчевъ ска-

залъ: Посылалъ еси, Государь, меня, съ записью, по Ѳедора по Пестова, и язъ, Государь, по Ѳедора ѣздилъ, и Ѳедоръ; Государь, у меня ушекъ на лѣсъ въ очехъ; и язъ, Государь, взялъ другаго человѣка его, Левку Филипова, и се, Государь, и шолъ его человѣкъ, Левка, передъ тобою. И Царь и Великій Князь вспросилъ Ѳедорова человѣка Пестова, Левка: гдѣ твой Государь Ѳедоръ, и мочно-ль тебѣ его поставити передо мною?' И Ѳедоровъ человѣкъ Пестова Левка сказалъ: Государь! государь мой Ѳедоръ отъ Недѣльщина ушекъ на лѣсъ въ очехъ, а мнѣ, Государь, государя своего передъ тобою Государемъ поставити не мочно. И Царь и Великій Князь велѣлъ послать въ ту вотчину подъячаго Ивашку Дмитріева, да велѣлъ въ той вотчинѣ переписати дворы, и хороны, и люди въ нихъ по именамъ, и землю пашенную, и не пашенную, и луги, и лѣсы, и всякія угодьи. И передъ Царемъ и Великимъ Княземъ Подъячій Ивашко Дмитріевъ переписи своя положилъ списокъ. И въ переписномъ спискѣ написано: въ Московскомъ уѣздѣ, по Ждальскомъ стану, въ сельцѣ въ Скишовѣ, пашни боярскія и крестьянскія тридцать четвертей въ полѣ, въ дву потому-жъ. Сѣна по кустаремъ, боярскаго и крестьянскаго, одиннадцать десятинъ. Лѣсу пашеннаго кустарю десять десятинъ. Земля середчая. Да того-жъ сельца, деревня Козье-болотцо пуста. Пашни въ полѣ двенадцать четвертей, въ дву потому-жъ. Сѣна меж кустари три десятины, земля середняя. И Царь, и Великій Князь Иванъ всеа Русіи, велѣлъ тое вотчину, сельцо Скишово, да деревню Козье-

болотцо, отдать Григорью Оключееву, потому: посылапъ по Өедора по Пестова, въ той вотчинѣ Недѣльщикъ Өедоръ Тютчевъ дважды, а онъ отъ Недѣльщика бѣгаетъ, низъѣхати его не мочно. А люди его, два человѣка, у Недѣльщика въ томъ дѣлѣ сидѣли отъ Марта второгонадесятъ числа по Май по десятое число. И онъ людей своихъ сступился, и къ Москвѣ ко отвѣту въ томъ дѣлѣ не бывалъ. И велѣлъ тою вотчиною, сельцомъ Скатовымъ, да деревнею Козьимъ болотцомъ владѣти Григорью Оключееву по сей грамотѣ: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи. Къ сей грамотѣ велѣлъ печать свою приложити, лѣта 7076, Маія въ 26 день.

А у подлинной грамоты двѣ приписи, Дьяковъ: Рахмана Житкова, да Булгака Безсенова.

А та грамота за печатью, за черною.

Жалованная тарханная грамата.

Отъ Царя и Великаго Князя Бориса Өеодоровича всеа Русіи, къ Галицкой Соли, Губному старостѣ Третяку Черевину, да Городовому Прикащику пятому Сохонину, да посадскимъ пудовымъ цѣловальникамъ: Аөонѣ Левонтьеву, съ товарищи. Били намъ челомъ, Пречистыя Богородицы Симонова монастыря, Архимандритъ Іона, съ братіею, а сказалъ: Пречистыя Богородицы въ дому, въ Симоновѣ монастырѣ, наше жалованье у Соли у Га-

лицкія, изъ дву колодезей *варятъ* соль въ пяти *варницахъ*, а данье Великаго Князя Димитрія Ивановича Донскова, и *сына его, Князя Константина, во иноцехъ Кесьяна, что лежитъ на Симоновѣ*, и жалованныя де граматы у нихъ нѣтъ. Монастырскія варницы блаженныя памяти Царя г. Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, есть не на наше, на Царское имя подписаны. А по той де нашей жалованной грамашѣ, съ тѣхъ ихъ, монастырскихъ, съ пяти варницъ, соли, шапки, и замышныхъ и пудовыхъ, и рублевыхъ, и ошвозныхъ, и всякихъ пошлинъ имати не велѣлъ. А нынѣ-де ихъ монастырскихъ варницъ поимся у Соли, для монастырскаго обихода, только двѣ варницы. И съ тое-де ихъ соли пудовые цѣловальники правятъ на нихъ пудовыхъ пошлинъ, и наши-де жалованную грамату Соли Галицкія пудовые цѣловальники судятъ, и дамъ-бы ихъ, Симонова монастыря Архимандрита Іону, съ братіею, пожаловати, наши Царскія жалованныя граматы судишь, и съ ихъ соли нашихъ, всякихъ пошлинъ, по нашей жалованной грамашѣ имати не велѣти. А въ нашей Царской, жалованной грамашѣ у нихъ написано: соль имъ варити на монастырь, изъ дву колодезей, въ пяти варницахъ, и съ тое ихъ соли, что варятъ изъ дву колодезей, въ пяти варницахъ, пудовыя, и шаможнія, и ошобозныхъ, и замышныхъ, и рублевыхъ пошлинъ имати не велѣти, въ наше Царское имя на ихъ прежняя жалованная грамата подписана. И мы, Симонова монастыря Архимандрита Іону, съ братіею, пожаловали, по нашей жалованной грамашѣ у Соли у Галицкія, съ ихъ, съ пяти

варницъ соли, пудовыя пошлины по прежнему имать не велѣли. И какъ къ вамъ ся наша жалованная грамота придетъ, и вы-бъ по нашей жалованной грамотѣ Симонова монастыря, съ монастырскихъ пяти варницъ соли пудовыя пошлины, на старцехъ и на слугахъ не правили, и въ передъ на нихъ съ тѣхъ варницъ ссоли пудовыя пошлины имать не велѣли, чтобъ намъ о томъ, Симонова монастыря Архимандритъ Іона, съ братіею, не били челомъ. А прочетъ сю нашу грамату, и списавъ съ нее прошивень, слово въ слово, отдать ее Симонова монастыря старцемъ и слугамъ, кого они съ сею нашею грамотою пришлютъ, и они ее держать у себя, впередъ, для иныхъ нашихъ приказныхъ людей, и пудовыхъ цѣловальниковъ. Подлинная жалованная грамата на Москвѣ, лѣта 7110, Маія въ 14 день.

У подлинныя жалов. грамоты, на оборотѣ, написано: *Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи*; приписъ Дьяка Андрея Акинфова; справа подъячаго Филипа Лазаревскаго; печать черная.

Н. Андреевъ.

1832 г.

Тула.

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Кто изобразитъ могучую, необъятную, очаровательную, *неизобразимую* Поэзію Шекспира? Кто найдетъ символъ для этого дивнаго, безсмертнаго генія? Какія слова, чья кисть и чей рѣзецъ выразятъ намъ полную идею этого бога Поэзіи? Но въ человѣкѣ есть врожденное стремленіе объяснить идеи свои образами: это было основаніемъ всей Миѳологіи языческой, это и нынѣ служитъ пособіемъ для нашего ума и воображенія. Если Древніе съ именемъ и изображеніемъ Аполлона связывали идею Поэзіи, то наша новая Поэзія можетъ быть выражена именемъ и образомъ Шекспира. Это былъ человѣкъ, къ славѣ рода человѣческаго, и потому нѣтъ надобности изобрѣтать для него апоѳеозовъ и аттрибутовъ. Пусть каждый, проникнутый Поэзіею сего *человѣка*, взглянетъ на портретъ его, изображаемый въ бюстѣ; это будетъ для него самымъ краснорѣчивымъ выраженіемъ идеи, которую соединяемъ мы съ словомъ: *Шекспиръ*.

Посему-то, думаемъ мы, не льзя созданіемъ самой пламенной фантазіи олицетворить сего исполина. Изобрѣтайте что угодно, созданіе ваше

всегда будетъ бѣдно и невыразительно всравненіи съ самою идеею онаго.

Были однакожъ счастливыя попытки въ семъ родѣ. Между прочимъ, Англійскій Живописецъ Фюзели изобразилъ *воспитаніе Шекспира*, въ картинѣ, съ которой очеркъ приложенъ при сей книжкѣ нашего Журнала. Вотъ подробное изъясненіе картины Фюзели, написанное Коннингамомъ, извѣстнымъ современнымъ писателемъ (См. Life of Fuseli).

«Прекрасная, задумчивая женщина питаетъ грудью своею будущаго пѣвца: это *Трагедія*. Какъ занята она этою материнскою обязанностію! Губы дитяти омочены молокомъ ея; глаза его блистаютъ вдохновеніемъ и здоровьемъ... Но онъ какъ будто хочетъ оставить питающую его грудь; онъ обращается къ *Комедіи*. Это женщина, болѣе молодая и веселая; взглядъ ея пріятенъ, нарядъ небреженъ; лицо смѣющееся. Она уже забавляетъ своего любимца и старается передать ему нѣкоторыя слова. Вокругъ этой купы, художникъ помѣстилъ разные характеры, созданные Поэтомъ: вотъ *Леди Констенсъ* въ слезахъ; вотъ *Леди Макбетъ*, «которой открытые глаза затворены для всякаго впечатлѣнія.» Мученія совѣсти терзаютъ ее. Три женщины, «чудныя, дикія видомъ:» то *вѣдьмы*, изображенныя въ туманѣ; однакожъ черты ихъ обрисованы ясно. Тутъ-же видите вы Сира Джона *Фальстофа*, этого «шута-рыцаря, состарѣвшагося въ распутствѣ.» Далѣе *Калибанъ*, «странное созданіе, что-то среднее между человѣкомъ и звѣремъ:» онъ подвигается пресмыкаясь,

для того чтобы взглянуть на своего творца. Выше всѣхъ *тѣнь Гамлетова отца*: она покрываетъ все окружающее чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Подъ маншіею Трагедіи маска *Отелло*. *Королева Мабъ* и одинъ изъ ея подвластныхъ играютъ въ колыбели Шекспира.»

Основная мысль художника прекрасна; не льзя сказать того-же объ исполненіи и подробностяхъ оной. Лицо и видъ младенца-Шекспира неудовлетворительны. Изображеніе Трагедіи также не соотвѣтствуетъ понятію нашему о трагедіяхъ Шекспира. Другія фигуры почти всѣ изобрѣтены превосходно. Впрочемъ, надобно прибавить, что Фальстафъ, Вѣдьмы, Калибанъ и многія другія изъ главныхъ созданій Шекспировскихъ, имѣютъ свою, извѣстную всѣмъ, опредѣленную физіономію, и всегда одинаково изображаются, такъ что Англичанинъ, взглянувъ на нихъ, тотчасъ скажетъ вамъ: «Это Калибанъ, это Фальстафъ, это Пукъ.» Такова сила генія! У Шекспира есть своя Миѳологія, своя Иконографія, свой міръ!...

Эстампъ съ каршины Фюзели былъ выгравированъ Гаугтономъ.

Видъ Кремля, за два столѣтія до нашего времени.— При сей книжкѣ Телеграфа находится *точный снимокъ* съ изображенія Кремля, приложеннаго къ Путешествію Олеарія. Мы полагаемъ, что читателямъ любопытно узнать: каковъ былъ въ старину нашъ золотоглавый Кремль, *ровно за двѣсти лѣтъ*,

ибо Олеарій отправился въ путь изъ Голштиніи, посломъ отъ шогдашняго Герцога Фридриха, въ Октябрѣ 1633 года, и въ Августѣ 1634 года прибылъ въ Москву, а выѣхалъ изъ нея въ Декабрѣ.

Видъ снятъ былъ рисовальщикомъ Олеарія съ Лобнаго мѣста, и рисунокъ обнимаетъ все пространство Кремля, отъ Никольскихъ воротъ, почти до Константино-Еленскихъ (нынѣ заложенныхъ). Спасскую башню тотчасъ угадать можно. Другія башни Кремлевскія, безъ ихъ верховъ, построенныхъ въ позднѣйшее время, не походятъ на нынѣшнія, а также вовсе не похожи на нынѣшнія, перестроенныя, Никольскія ворота. Успенскій Соборъ и Вознесенскій монастырь, почти не измѣнились, а также и церковь Василія Блаженнаго. Но Иванъ Великій, или лучше сказать строеніе, примыкающее къ колоссу Ивана Великаго, совсѣмъ передѣлано. Вообще надобно замѣтить, что множество фигурныхъ украшеній въ Кремлѣ и Кремлевскихъ строеніяхъ, почитаемое многими за остатки глубокой древности, есть произведеніе новѣйшее. Общій характеръ древняго Кремля составляли простота, грубость, тяжелость. Много разъ имѣли мы случай говорить о томъ, что небрежность, съ какою разрушаемъ и передѣлываемъ мы все старинное, возбуждаетъ невольное прискорбіе . . . Вскорѣ мы не будемъ узнавать Кремля, Троицкой Лавры, старинныхъ церквей и зданій нашихъ — такъ быстро и безжалостно обезображиваются они *новыми перестройками, презрядной и великолѣпной архитектуры* (какъ говорится въ описаніяхъ перестроекъ

прошедшаго вѣка)! Вокругъ всего Кремля былъ ровъ, выкладенный кирпичемъ и обнесенный стѣнами. Къ воротамъ Кремлевскимъ вели мосты. Ровъ и мосты сіи, кромѣ Троицкаго, уничтожены уже послѣ нашествія Наполеона, и замѣнены садами и бульварами.

ВОЗРАЖЕНІЕ

НА СТАТЬЮ СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ (*).

Подъ великолѣпнымъ названіемъ: *Отечественная промышленность*, напечатано въ 149 и 150 № Сѣверной Пчелы *огромное* описаніе *небольшой* шелковой фабрики Санктпетербургскаго 3-й гильдіи купца Серебренникова, находящейся (по словамъ Сочинителя статьи) въ *маленькомъ деревянномъ*

(*) Статья сія доставлена къ намъ отъ нѣсколькихъ Московскихъ фабрикантовъ. Сколько ни уважаемъ мы Сочинителя статьи въ Сѣверной Пчелѣ, но, правда дороже всего, и мы не могли не напечатать отвѣта почтенныхъ фабрикантовъ Московскихъ. Это можетъ послужить маленькимъ урокомъ, что не надобно говорить о томъ, чего мы хорошо не знаемъ. *Изд. Тел.*

флигелѣ, гдѣ въ четырехъ *залахъ* (*) расположены 14 станковъ, одинъ прессъ, два каландра, и проч. Если-бы статья Сѣверной Пчелы заключала въ себѣ только описаніе фабрики, то намъ осталось-бы сказать Сочинителю оной, что онъ дѣйствительно увлекся *книжно-патріотическимъ чванствомъ* (его слова), говоря, что у Г. Серебренникова «дѣлаются *тюлевыя* матеріи, газовые и кре«повые платочки, шарфы, ленты, косынки, плат«ки, печатные и крашеные, *какъ-бы à la gouache*, «и фулары, которые мы видимъ въ великолѣпныхъ «магазинахъ на Невскомъ Проспектѣ.» — Не нужно, кажется, быть очень свѣдущимъ въ мануфактурномъ дѣлѣ, чтобы убѣдиться въ несправедливости всего этого, ибо 14-ю ткацкими станами, безъ красильно-набивнаго заведенія, и безъ особеннаго устройства *для не существующаго во все у насъ въ Россіи производства тюлей*, не льзя производить всѣхъ вышеозначенныхъ, столь между собою различныхъ издѣлій для магазиновъ Невскаго Проспекта. Не въ томъ однакожь дѣло. Сочинителю простительно всякое преувеличеніе, потому что его *патріотизмъ* (какъ онъ самъ сознается) былъ *лелѣянъ* въ комнатахъ Г. Серебренникова. Но какъ могъ онъ, относительно личности почтеннаго Г. Серебренникова, рѣшиться на обидную для сего

(*) По сей метафорѣ, каждая хижина нашихъ Московскихъ куспарниковъ, заключающая въ себѣ иногда отъ 5 до 6 становъ, есть *зала*; а какъ-же назвать огромныя свѣтлицы нашихъ фабрикантовъ?

фабриканта насмѣшку, приписывая ему такія науки и познанія, которыми и ученѣйшій изъ ученыхъ едва-ли похвалишься захочетъ? Вотъ вопросъ, который шѣмъ труднѣе къ разрѣшенію, чѣмъ справедливѣе пословица: *излишняя похвала хуже брани.*

Придерживаясь правила Вейса: accordons par sagesse ce que le simple donna par ignorance, мы не споримъ, что изъ числа торгующихъ въ Санктпетербургскомъ Гостиномъ дворѣ, Г. Серебренниковъ дѣйствительно отличается добрымъ начинаніемъ мануфактурнаго дѣла, пишающаго уже и нынѣ на фабрикѣ его нѣсколько человѣкъ рабочихъ, и могущаго (по мѣрѣ *улучшенія кредита* Г. Серебренникова и распространенія его производства), содѣлаться источникомъ пропитанія для многихъ десятковъ людей и многихъ бѣдныхъ семействъ. Но не угодно-ли послушать, что говоритъ объ немъ Г. Сочинитель статьи?

Послѣ смѣлой и забавной укоризны всѣмъ отечественнымъ мануфактуристамъ, что *они сами рѣшительно почти большею частію ничего не дѣлаютъ, и лишь тщеславясь своими заведеніями, выписываютъ Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Италіянцевъ и Швейцарцевъ, отъ которыхъ узнаютъ, что это, что то, какую пользу можно извлечь изъ такого-то изобрѣтенія, и проч.*, Г. Сочинитель статьи продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

« Но Серебренниковъ, слѣдуя пословицѣ старика Лафонтена: l'œil du maître est toujours le meilleur,

все знаетъ самъ и всѣмъ вѣтвямъ своего производства даетъ ходъ своими свѣдѣніями: онъ подъ часъ и Химикъ, и Физикъ, и Рисовальщикъ, и Механикъ; послѣдняя часть особенно ему извѣстна: сіе доказывается тѣмъ, что онъ имѣетъ на своей фабрикѣ машины *собственнаго изобрѣтенія*, кои суть: 1). *Прессъ съ рѣзальною машиною, для рѣзки картъ, употребляемыхъ на Жакардовой машинѣ*, которая въ особенности полезна для сего рода фабрикаціи, *и механизмъ коей еще нѣсколько здѣсь усовершенствованъ.* Посредствомъ особеннаго способа рѣзки каршъ, происходитъ то, что рисунокъ *на волнистыхъ матеріяхъ удивительно ровенъ*, и чрезъ то много способствуетъ къ красотѣ издѣлій. 2). *Часы, для измѣренія лентъ.* Это роскошь, довольно однако нужная, ибо при измѣреніи лентъ аршиномъ, *оныя рвутся* (?!), считающій можетъ легко ошибиться; но здѣсь вы кладете сто аршинъ, и они намашываются очень быстро; когда дошло до 25, вы перемѣняете ходъ колеса, и такимъ образомъ идетъ далѣе. Нѣчто подобное для канатовъ существуетъ въ Англіи, но нашъ изобрѣтатель не зналъ о семъ въ то время, и нечаянно совпалъ съ Бриганскимъ Механикомъ. 3). *Машина для размотки шелку*, весьма полезная, не только потому, что она предохраняетъ шелковину отъ запутанности, но также и для того что посредствомъ оной весьма сокращается число рукъ, ибо она въ 6 шпуль, и вмѣсто шести рабочниковъ, все это дѣлается однимъ мальчикомъ.» —

Послѣ сего читатели Сѣверной Пчелы, вѣрно, видятъ въ Г-нѣ Серебренниковѣ необыкновеннаго

генія — изобрѣтателя по части Механики. Но мы почитаемъ долгомъ вывести Публику изъ сего заблужденія.

Первая изъ вышеозначенныхъ машинъ, которую Г. Сочинитель спарыи, по незнанію своему, называетъ *Прессомъ*, есть извѣстная *Лизаж машина* (lisages), безъ которой изготовленіе кардъ для Жакардова станка производилось бы весьма медленно. Машина сія, изобрѣтенная во Франціи, почти въ одно время съ Жакардовою, устроена была въ Россіи въ первый разъ, лѣтъ девять тому назадъ, на фабрикѣ Господъ братьевъ Рогожиныхъ; а потомъ число оныхъ машинъ распространялось въ Москвѣ и ея Губерніи такъ быстро, что теперь нѣтъ уже ни одного крестьянина, производящаго узорчатыя издѣлія, который-бы не имѣлъ оной машины, для болѣе успѣшной насѣчки рисуночныхъ кардъ. На большихъ-же фабрикахъ имѣется по нѣскольку таковыхъ машинъ различной величины, т. е. въ 400, 600, 800, 1000 снурковъ и т. д. — Вѣроятно, что находящаяся и у Г. Серебренникова *Лизажъ машина* сработана въ Москвѣ, ибо даже для огромнаго заведенія Санктпетербургскихъ фабрикантовъ *Бинара и Пимельзридера*, подобный снарядъ сдѣланъ былъ Московскимъ мастеромъ *Семеновымъ*.

Вторую машину, для измѣренія издѣлій, всякій посѣтитель Императорской Александровской Мануфактуры могъ видѣть, нѣсколько лѣтъ прежде устроенія Г-мъ Серебренниковымъ знаменитыхъ 14 *становъ*, *двухъ каландровъ*, и проч.

Что-же касается до прежней, то есть *шпульной машины*, то, не угодно-ли будетъ Г-ну Сочинителю сшаться пожаловать въ Москву, гдѣ мы покажемъ ему на фабрикѣ Г-дъ братьевъ Рогожиныхъ шаковую-же, еще въ 1825 году изъ за границы привезенную. Сожалѣемъ что Г. Сочинитель не придумываетъ для себя средства, находящагося въ выхваляемой имъ шпульной машинѣ, *предохраняющей отъ запутанности*; ибо онъ неоднократно подвергся сему неудобству, въ сшатьѣ своей, *оригинально-замысловатыми* (*) прошиворѣчіями. Вотъ два примѣра:

а). Сказавъ, что на первый вопросъ: «могу-ли видѣть Г. Серебренникова»? Хозяинъ, сбросивъ свой тулупъ, отвѣчалъ: имѣю честь быть къ услугамъ вашимъ, и *повелъ его на фабрику*, Сочинитель говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «*входъ на сію фабрику возбраненъ постороннимъ лицамъ*. Видно, что Сочинитель *не постороннее* лицо для Г-на Серебренникова.

б). Сказавъ, что Г-нъ Серебренниковъ подъ часъ и Химикъ, и Физикъ, и Рисовальщикъ, и Механикъ, все знаетъ самъ и всѣмъ вѣщамъ своего производства даетъ ходъ своими свѣдѣніями, онъ увѣряетъ насъ далѣе, что Г-нъ Серебренниковъ *платитъ своему первому мастеру* 3000 *р. въ годъ, кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія* — и все это для наблюденія за 14-ю сшанами, двумя калан-

(*) Мы заимствуемъ сіе выраженіе у самого Г-на Сочинителя сшатьи.

драми и прессомъ? Гдѣ-же шутъ пословица Лафонтена: l'œil du maître est toujours le meilleur?

Если хотите удостовѣриться въ познаніяхъ Г-на Сочинителя въ мануфактурной производимости, прочтите упреки, дѣлаемые имъ нынѣшнимъ Французскимъ фабрикантамъ, коихъ ленты, по его «словамъ *стали весьма плохи*: *онѣ бѣдны шелкомъ*, «*а потому жидки*; *на красный цвѣтъ*, *вмѣсто* «*драгоцѣннаго кармина* (!!!) *употребляется обык*- «*новенная кошениль*.» — Вотъ новыя средства для достиженія очаго цвѣта на лентахъ! Сожалѣемъ только, что Г-нъ Сочинитель не описываетъ намъ живописи, на потолкахъ тѣхъ комнатъ, *гдѣ былъ зелѣнъ его патріотизмъ*, ибо, судя по вышесказанному *сафлоръ* игралъ-бы главную роль въ семъ описаніи!

Истощивъ все краснорѣчіе свое въ такихъ похвалахъ Г-ну Серебренникову, которыхъ ни одинъ изъ посѣтителей Сентъ-Уанской фабрики не отдалъ бы и *знаменитому Терно* (питающему многочисленными мануфактурами своими до 11,000 семействъ, а не 40 только человѣкъ работниковъ), Г-нъ Сочинитель статьи говоритъ наконецъ: «*теперь поговоримъ о самомъ Г-нѣ Серебренниковѣ*«, и послѣ краткой біографіи его присовокупляетъ, «что онъ въ «1829 году началъ удовлетворять своей страсти «къ мануфактурному производству, и тогда то «безъ всякаго — замѣтьте — пособія Правительства «завелъ эту маленькую фабрику, на которой въ это «время было...» *сколько-бы вы думали*?.... Четыре работника! Воля ваша, а это, право, походитъ

на извѣстный анекдотъ: Кто идетъ?— Калмыки!— Много-ли васъ?— Одна Калмыка!—

Забавнѣе всего нравоучительный урокъ нашему Купечеству, которому Г. Сочинитель ставитъ въ примѣръ самоотверженіе Г. Серебренникова, *не жаждущаго*, какъ онъ говоритъ, «*славы, почестей и извѣстности; не подобнаго* «*этимъ хитростнымъ монополистамъ, которымъ* «*въ ихъ гнусной жадности хотѣлось-бы все захва-* «*тить, все присвоить лишь себѣ однимъ, и не* «*сходнаго съ этими сынками, получившими отъ* «*батюшекъ милліоны, и проматывающими золото* «*на всѣ руки въ обществѣ игроковъ, цыганокъ, псе-* «*рей и льстецовъ, составляющихъ ихъ дворъ и уви-* «*вающихся около ихъ меркантильнаго трона.*»

Тутъ похвала Г. Серебренникову *отрицательная*, но обида для нашего Купечества положительная, а потому и совѣтуемъ Г. Сочинителю воздерживаться въ нравоученіяхъ своихъ отъ общихъ примѣненій. Во всякомъ сословіи, безспорно, есть люди порочные и добродѣтельные; Купечество-же наше, Русское, вообще отличается болѣе гражданскими добродѣтелями, нежели тѣми гнусными пороками, о которыхъ говоритъ Г. Сочинитель. Что касается до восторга, съ которымъ онъ говоритъ обо всемъ до Г. Серебренникова касающемся, то напоминаемъ ему слова Дюпена: «Тотъ патріотизмъ безразсу-«денъ и пагубенъ, который трубитъ о своемъ пре-«восходствѣ не заслуживъ онаго.»

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 8.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ,

Историческо-политическо-литтературная Газета, издаваемая въ городѣ N. N., Яковомъ Ротозѣевымъ и Ѳомою Низкопоклонниымъ.

ПОЭТЪ.

(Посвящено Ѳ. Ѳ. Мотылькову).

«Самовластительный губитель
Забавъ и доблестей своихъ,
То добрый геній, то мучитель,
Мертвецъ средь радостей земныхъ
И гость веселый на кладбищѣ,
Поэтъ! скажи мнѣ: гдѣ жилище,
Гдѣ домъ твой, дивный чародѣй?
Небрежной лирою своей,
Ты насъ то мучишь, то терзаешь
То радуешь, то веселишь;
Къ ногамъ порока упадаешь,
Добро презрѣніемъ даришь;
То надъ неопытною дѣвой,
Какъ старый грѣшникъ, шутишь ты

И страшишь дикія мечты

. . . . . .

Скажи: за чѣмъ твои сомнѣнья,
Твои безумныя волненья,
Зачѣмъ въ тебѣ порокъ и зло
Блестящимъ даромъ облекло
Судьбы счастливой заблужденье?
Зачѣмъ къ тебѣ — суетъ дитя,
Вползли, взгнѣздилися пороки:
Лжи, лести, низости уроки,
Ты проповѣдуешь шутя?
Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ,
Зачѣмъ, презрѣнной славы льстецъ,
За чѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
Мрачишь лавровый свой вѣнецъ?»
Такъ говорила чернь слѣпая,
Поэту дивному внимая;
Онъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль и клики черни дикой,
Не дорожа ея улыбкой,
Какъ юный, бодрственный орелъ,
Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ,
И пѣсни дивныя, живыя,
Въ восторгѣ радости запѣлъ.

Безсмысловъ.

СПб., 1832.

Новости политическія.

По причинѣ поздняго полученія иностранной почты, мы ничего не можемъ сообщить нашимъ читателямъ.

Афоризмы (*).

Изобрѣтательность человѣческая *тороватѣе* природы на выдумки, особенно, когда все дѣло зависитъ отъ одного навыка *пускать гусиное перо* по *широкому полю бумаги*. Нуженъ только чичероне, который-бы умѣлъ, не только *назвать имена*, но и *растолковать по родимымъ пятнамъ курьёзныя свойства* всѣхъ многочисленныхъ и многоразличныхъ *издѣлій* пишущаго Человѣчества (*Телескопъ*, 1831, Т. I, стр. 115).

Что хорошаго въ поэмѣ Козлова: *Безумная*? — «Безумная, *какъ идеальное лицо*, изображена

(*) Мы рѣшились собирать и вписывать въ нашу Газету всѣ рѣзкія, прекрасныя идеи, которыя найдемъ въ сочиненіяхъ современныхъ Русскихъ писателей. Такимъ образомъ сославшись мы для потомковъ, да и для тѣхъ современниковъ, которые лѣнятся читать много, *духъ* современнаго намъ просвѣщенія и образованности. *Изд. Муравьи.*

прекрасно. *Фантастическое скитаніе* разстроенныхъ мыслей, *порѣваемыхъ бурною силою клокочущей страсти*, представлено также мастерски (*Телескопъ*, Т. I, стр. 117).

Кажется, будто Поэзія наша нѣсколько дремлетъ; но сія *дремота прерывается* нерѣдко плѣнительными *грезами*. Жизнь поэтическая *просіяваетъ* въ нихъ, болѣе или менѣе яркими *блестками*... *Прозѣ Изящной* сооруженъ величественный памятникъ въ *Исторіи* государства Россійскаго, памятникъ, *объ* который время изломаетъ *свою косу*!.. Для насъ *зачинается* эра *живой* народной Словесности, ибо мы имѣемъ — *Басни Крылова* и *Юрія Милославскаго* (Телеск. Т. I, стр. 45).

Характеристическая черта 1830 года *отмѣтится* въ лѣтописяхъ нашей Литтературы, не какъ начало новой жизни, но какъ послѣдній, высшая степень *лихорадочнаго пароксизма*, долженствовавшаго *приготовить* переходъ нашей *младенчествующей* Словесности къ *зрѣлой возмужалости*. Природа физическая *возобновляетъ себя* бурями и землетрясеніями: для природы нашей *литтературной* необходимы также періоды бурь, и *сотрясеній*, чрезъ *посредство* коихъ всѣ *тлетворныя нечистоты*, *накопившія*

ся въ ея нѣдрахъ, должны отдѣлиться, развѣяться, и облегчивъ шѣмъ ей *путь къ дальнѣйшему преспѣянію.* Такъ и было въ послѣдніе времена нашей Словесности. Лихорадка, *схваченная* ею въ неосторожныхъ прогулкахъ по чужеземной *слякоти, истрепала ее до горячечнаго сумасбродства.* Люшая желчь разлилась у ней во всѣхъ суставахъ, и только *судорожныя конвульсіи и дикіе вопли* были признаками ея жизни. Въ началѣ 1830 г. это болѣзненное разстройство находилось въ своемъ *апогеѣ* (*Телеск.* Т. I, стр. 578).

НОВОСТИ,

по части промышленности и торговли.

Въ то время, когда просвѣщеніе и образованность распространяютъ побѣды Промышленности и Торговли на всѣ царства природы и на всѣ части свѣта, мы не отстаемъ отъ другихъ издателей Газетъ и Журналовъ, даже и такихъ, которые посвящены исключительно торговлѣ и промышленности. Постоянно сообщаемъ мы извѣстія о ходѣ и положеніи всемірной торговли, и важнѣйшихъ успѣхахъ по части фабрикъ и заводовъ. Въ то время, когда Англичане пролагаютъ новые пути среди льдовъ Сѣверной Америки, заселяютъ цѣлыя царства

въ Австраліи, роютъ пути подъ ръками, захватываютъ торговлю Леванта, проникаютъ въ Африканскія пустыни пароходами по Нигеру, пробиваютъ горы чугунными дорогами, и перекидываютъ сіи дороги сверхъ долинъ — мы соревнуемъ ихъ подвигамъ, и прилагаемъ силы къ силамъ, чтобы газетными извѣстіями поставить нашу промышленность и торговлю на ряду съ другими Европейскими промышленностями и торговлями. Такъ въ прошедшихъ нумерахъ нашего *Муравья*, мы сообщили читателямъ важныя извѣстія о просѣваніи сора на волочильныхъ фабрикахъ новыми, механическими снпами; объ употребленіи соломы, вмѣсто тряпья, *для* бумаги; о новоизобрѣтенномъ способѣ наводить на фарфоровыхъ чашкахъ золотыя полоски; о новомъ способѣ смачивать табакъ въ табакеркѣ, когда онъ очень высохъ, и о машинкѣ, которою ткачъ можетъ высморкать носъ, не оставляя своей работы. Не менѣе важны и полезны для нашихъ соотечественниковъ извѣстія о торговлѣ рогожами между Лаосомъ и Сіамомъ; о числѣ кораблей, ежегодно приходящихъ изъ Отаити въ Новую Зеландію; о количествѣ чая, ежегодно потребляемаго Кантонскимъ Губернаторомъ, и о синей краскѣ, которую извлекаютъ на островѣ Ниео, изъ кореньевъ растенія, называемаго: *Австральный пырей*. Не наша вина, если промышленники и

торговцы не читаютъ нашего *Муравья*, и не пользуются свѣдѣніями и извѣстіями, въ немъ помѣщаемыми.

Теперь получили мы, съ послѣдней Лейпцигской ярмарки, десять маленькихъ брошюрокъ, по части торговли и промышленности, написанныхъ отъ нечего дѣлать, или за нѣсколько грошей разными Нѣмецкими студентами, и постараемся передать содержаніе ихъ читателямъ нашимъ.

Спѣшимъ извѣстить также, что одинъ почтенный литтераторъ, сотрудникъ нашъ, занимается переводомъ съ Французскаго книги: *Руководство, какъ держать сапожнику шило, при строкѣ сапоговъ въ рантъ*, и съ Нѣмецкаго языка переводитъ онъ драгоцѣнное и любопытное Руководство, какъ выдувать разноцвѣтные, мыльные пузыри.

Мангеймскій корреспондентъ пишетъ къ Издателю Аугсбургской Газеты, о вновь открывшемся предметѣ потребленія на Востокѣ. Турецкіе щеголи вздумали чистить зубы, послѣ кушанья, особеннаго рода деревянными крючками. Такихъ крючковъ отправлено было въ прошломъ году изъ одного Мангейма болѣе 2,000, и сотня ихъ продавалась въ Смирнѣ по 1½ талера и 2 гроша, когда въ Смирну обходятся они, съ провозомъ, не дороже 2 талеровъ. Знаменитый Мангеймскій механикъ, Товія, Іаковъ Цук-

керъ, приготовляетъ теперь болѣе 100 дюжинъ такихъ крючковъ, по заказу Вѣнскаго торговаго дома І. Х. Лейба-Гершковича.

Желательно, чтобы наши фабриканты воспользовались сею важною, и совершенно новою отраслью торговли. Они имѣютъ всѣ удобства дѣлать и отправлять зубочистки для Мусульманскихъ щеголей. Къ одному изъ слѣдующихъ N° *Муравья*, мы приложимъ рисунки оныхъ.

(Продолженіе впредь).

Отечественныя извѣстія.

По извѣстіямъ изъ Москвы, на тамошнемъ театрѣ вновь играли, давно невиданныя пьесы: *Мужъ и любовникъ*, комедія; *Актеръ на родинѣ*, водевиль; *Гулянье перваго Мая въ Сокольникахъ*, дивертисманъ, и *Зефиръ, или вѣтренникъ, сдѣлавшійся (?) постояннымъ*, балетъ. Пишутъ, что едва доставало билетовъ, для всѣхъ пѣхъ, кто желалъ видѣть эти прекрасныя новости.

На Петербургскомъ театрѣ недавно давали новое, превосходное драматическое произведеніе: *Сальваторъ, атаманъ братьевъ невидимокъ, или разбойники въ скалахъ Мадонны* — ужасную драму! Воображаемъ себѣ восторгъ зрителей,

при этомъ необыкновенномъ произведеніи.—Также не забыли тамъ вновь дать прелестный дивертисманъ: *Митавская ярмарка, или Филатка въ маскарадѣ.*

Вотъ новыя, замѣчательныя библіографическія явленія, поступившія въ продажу, въ разныхъ Московскихъ книжныхъ лавкахъ:

— *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи*, съ кончины Петра Великаго, до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Соч. Александра Вейдемейера. *Изданіе второе, исправленное и дополненное.* 3 части. СПб. 1832 года, въ т. Плюшара; цѣна на вел. бумагѣ 11 рублей.

Робертсоны и Гиббоны, Гизо и Тьерри — бездѣлки противъ сего великаго историческаго сочиненія: стыдно читать ихъ послѣ этой книги. Пусть читатели наши судятъ о достоинствѣ книги Г-на Вейдемейера потому, что менѣе нежели въ годъ вышло оной цѣлое изданіе, и напечатано уже второе.

— *Подарокъ матерямъ*, или искусство пособлять однолѣтнему малюткѣ правильно и въ скоромъ времени говорить, а двухъ-лѣтняго учить читать по слуху. Соч. А. Гуслистаго. М. 1832 г. въ т. Кн. Львова. Цѣна 5 рублей.

Если нѣмыхъ учатъ говорить, то какъ не пособить нашурѣ-дурѣ, и не поучить говоря-

щаго говорить скоро и правильно? *Читать по слуху* — намъ кажется, изобрѣтеніе очень остроумное. Не льзя-ли теперь придумать, какъ-бы *писать по обоянію*? Вотъ предметъ, который осмѣливаемся мы рекомендовать для новыхъ занятій Г-на Гуслистаго.

Ученыя извѣстія.

Г-нъ Штудіусъ, Докторъ и Профессоръ Вирцбургскаго Университета, рѣшился наконецъ напечатать вторымъ изданіемъ свою небольшую книгу о достовѣрности твореній Петронія. Увѣряютъ, что книгопродавецъ Арнольдъ, въ Дрезденѣ, взялъ изданіе это на свой счетъ. Когда дождемся мы подобныхъ трудовъ отъ нашихъ Писателей? Когда и книгопродавцы наши станутъ отваживаться на изданіе подобныхъ книгъ, которыхъ хотя никто не читаетъ, но которыя, не смотря на то, сотнями выходятъ въ Германіи? Подобно товару, дорогому и малотребуемому, сіи книги составляютъ прочную литературную славу народа. Пора, пора намъ ревновать сей славѣ, и показать свѣту своихъ Штудіусовъ!

«*Покажи мнѣ записную книгу твоихъ приходовъ и расходовъ, и я скажу, кто ты, и ка-*

ковъ ты.» Такъ говорилъ одинъ умный человѣкъ. Бюджетъ Франціи на 1832 годъ, невольно заставляетъ повторить сіи слова. Изъ доходовъ Франціи, на Министерство Военное предположено истратить въ 1832 году, 307½ милльоновъ; на содержаніе Католическаго Духовенства около 34-хъ милльоновъ, а на воспитаніе народное — только *два съ половиною* милліона. Между тѣмъ Министерство Финансовъ истратитъ около 23-хъ милльоновъ, а на полученіе и сборъ 1000 милльоновъ дохода, отдѣлено у Французскаго Правительства около 120 милльоновъ франковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1. Нижеподписавшійся, Русскій Литераторъ, симъ честь имѣетъ извѣстить, что по заказу принимаетъ онъ на себя поставку, оригинальныхъ, Историческихъ романовъ, Романтическихъ трагедій, и передѣланныхъ на Русскіе нравы водевилей, романовъ, переведенныхъ съ Французскаго, и проч. За оригинальный Историческій романъ, въ 4-хъ томахъ, съ любовью, Русскими и мужицкими фразами, множествомъ собственныхъ именъ, и, по крайней мѣрѣ, пятьюдесятью выписками изъ Исторіи Карамзина, и двадцатью

описаніями нравовъ, обычаевъ и одежд, взятыми изъ книги Успенскаго — цѣна 300 *рублей ассигнаціями.* За Романтическую трагедію, съ совершеннымъ несоблюденіемъ единства дѣйствія, времени, и мѣста, въ пятистопныхъ стихахъ, безъ рифмъ — 100 рублей. За передѣланный водевиль, онъ доволенъ будетъ хорошимъ обѣдомъ и бутылкою Шампанскаго, а за переводъ романа съ Французскаго возметъ, съ перепискою его на бѣло, по 25 рублей за томъ. Онъ ручается, что все это поставитъ скоро, исправно, и въ самомъ новомъ, современномъ вкусѣ. У него-же продаются, по мѣлочи, разныя Романтическіе стихи, какъ-то: отрывки изъ Трагедій, Комедій, Поэмъ, весьма годные въ Альманахи, и могущіе составить порядочную литературную извѣстность; куплеты для водевилей, гдѣ помѣщены совершенно новыя насмѣшки надъ судьями, женщинами и Журналистами; цѣлыя стихотворныя пьески, отъ 10 до 50 стиховъ, съ рифмами, гдѣ изъясняются разныя воспоминанія объ утраченной молодости, о бываломъ весельѣ, о глазахъ, рукахъ и ногахъ дѣвъ, о кипящемъ винѣ, о студенческой жизни, и проч. — Имѣетъ онъ также готовыя пьески, писанныя къ разнымъ людямъ, въ разныя мѣста и по разнымъ дѣламъ, съ пробѣлами, гдѣ можно вставлять собственныя имена, и потому весьма удобно примѣнять и подносить ихъ

кому слѣдуетъ, или кому угодно. Спросить у нашего городскаго Ладыка, Г-на Вздороноргуева, или въ пракширѣ, подлѣ находящемся.

С. Рифмоскрыповъ.

2. Потребны въ отъѣздъ кучеръ, порядочнаго поведенія, садовникъ, знающій свое дѣло, *мусье* гувернёръ, изъ Нѣмцовъ, для хожденія гулять съ дѣтьми, и развлеченія ихъ чѣмъ нибудь дома, въ сырую и пасмурную погоду, а также *мадамъ*, или, по нуждѣ, *мамзель*, немолодыхъ лѣтъ, которая знала-бы Французскій языкъ, и могла говорить на немъ съ дѣтьми. Нѣжные и попечительные родители не пожалѣютъ денегъ, и готовы заплатить Мусье рублей 300, а Мадамѣ даже до 500 рублей въ годъ. Адресоваться въ деревню Чадолюбову, къ тамошнему помѣщику Пустоголовскому.

3. Симъ вызываются подрядчики, на перетряску трехъ перинъ и 6 подушекъ, и перебивку полудюжины стульевъ, новою кожею, съ мѣдными гвоздями; также потребны 2 палочки сургучу, дюжина перьевъ, и кусочекъ резинласшику, для канцеляріи. Желающіе взять на себя сей подрядъ и сію поставку, могутъ являться къ торгамъ, первые 7, 14 и 21 числъ, и къ переторжкѣ 22 числа, а послѣдніе 8, 15, 23-го, и къ переторжкѣ 24 числъ, текущаго мѣсяца.

4. Продаются обрывки старыхъ веревокъ, обломки колесъ, каретный, ветхій кузовъ, нисколько пучковъ мочалъ, или осташковъ рогожъ, что все опредѣлено, для сбереженія интереса, за излишествомъ, продать съ публичнаго торга. Торги назначаются, 1, 7 и 14-го числъ, въ присутствіи.

5. Въ книжной лавкѣ И. Ѳ. Шилобрюшина продаются слѣдующія, вновь отпечатанныя книги:

— *Новѣйшій, самый полный, подробный и самовѣрнѣйшій лекарь, хозяинъ, садовникъ, пряка, поваръ, сургучникъ, цирюльникъ, птицеловъ и земледѣлецъ*, или энциклопедическое собраніе всѣхъ донынѣ неизвѣстныхъ секретовъ, по части городскаго и сельскаго хозяйства, извлеченный изъ сочиненій самолучшихъ и извѣстнѣйшихъ хозяевъ и агрономовъ, и расположенный удобнѣйшимъ образомъ, для употребленія помѣщиковъ, хозяевъ, поваровъ, прачекъ, цирюльниковъ, и проч. — Цѣна, за два тома, содержащіе въ себѣ до 300 страницъ, въ цвѣтной обверткѣ 5 рублей.

— *Нашествіе Батыя*, или героическій примѣръ любви и великодушія древнихъ Россіянъ. Историческій романъ XIII-го столѣтія, сочиненіе И. П. Безазова-Безбукина, въ 4-хъ частяхъ. Въ цвѣтной обверткѣ, цѣна 15 рублей.

Въ семъ романѣ, пламенными чертами изображено ужасное бѣдствіе отечества, при нашествіи Батыя, и героическое самоотверженіе, какое древніе Русскіе Рыцари оказывали всегда, одушевленные патріотизмомъ и мудрою любовью къ истинѣ и славѣ. Среди сей мрачной рамы, являетъ потомъ Авторъ читателямъ любовь и трагическую смерть Рязанской Княгини Евпраксіи, и основаніе города Зарайска, или Заразска. Балъ у Батыя, карусель у Георгія Всеволодовича, любовь Батыя къ Евпраксіи, и разные романсы и куплеты, которые сынъ Батыя сочиняетъ для Русскихъ красавицъ — суть мѣста истинно поэтическія и романическія.

— *Недотыка*, Альманахъ, или карманная книжка для любителей и любительницъ отечественной Словесности, изданная И. Пузырьковымъ и Ф. Безмысленнымъ, съ лубочною картинкою, изображающею Недотыку. Цѣна, на обвертошной бумагѣ 10 руб. асс., а на сѣрой лучшей, или анти-веленевой 15 рублей.

Сей Альманахъ содержитъ въ себѣ прозу и стихи извѣстныхъ авторовъ. Не означая здѣсь именъ ихъ, мы означимъ только содержаніе главнѣйшихъ пьесъ. *Проза*. Обзоръ Русской Литературы за минувшій годъ — Ѳома и Лукерья. Русская повѣсть — Отрывокъ изъ романа: *Вла-*

диміръ Мономахъ, или взятіе Кафы — Письма къ другу, о томъ, что если дождь идетъ, то на улицахъ бываетъ грязно — Бамбалыкъ-Камбалыкъ Эгорза. Татарская повѣсть. — *Стихи.* Гимнъ на побѣды Русскихъ — Къ ней — Мечта — *Соловей Разбойникъ.* Русская Баллада — Бывалому счастью — Къ Филлидѣ (переводъ съ Португальскаго) — Опытъ перевода Данѳева *Ада* двухъ-стопными стихами — *Подражанія Древнимъ*: Другу — Собакѣ — Красавицѣ — Отрывокъ изъ вольнаго перевода Шекспирова *Цимбелина* — Къ Мирзѣ (переводъ съ Арабскаго), и проч.

6. Содержатель Городоваго Театра симъ *объявляетъ*, что завтра представлена будетъ трагедія: *Пожарскій*; за нею послѣдуетъ водевиль: *Гусарскія шутки, или у семи нянекъ дитя безъ глаза*, переведенный Г-мъ Грошевиковымъ. Въ заключеніе данъ будетъ *дивертисманъ*, гдѣ, для знатоковъ Драматическаго Искусства, вновь пріѣхавшій Цыганъ будетъ плясать по Цыгански, а знаменитый Гротескъ Бреславскаго театра, Г-нъ Шпрингеръ, представитъ комическую пантомиму *Чортова ступа* (Teufelsmörser), и будетъ ломаться и кривляться, а наконецъ станетъ обѣдать на слабо натянутомъ канатѣ. Г-нъ Шпрингеръ немедленно послѣ сего уѣдетъ, почему содержатель театра надѣется, что знатоки поспѣшатъ доставить на этотъ разъ

театру хорошій сборъ, и насладится искусствомъ Г-на Шпрингера. А если кто нибудь изъ нихъ станетъ жаловаться, что подобныя зрѣлища годятся только для гаерскихъ балагановъ, а не для храма Таліи и Мельпомены, то содержатель, симъ честь имѣетъ объявить, что его дѣло больше собрать денегъ, а о Драматическомъ Искусствѣ думай тотъ, кому угодно.

7. Приказнымъ служителемъ, М. П. Полушкинымъ, найденъ послѣ присутствія забытый, неизвѣстно кѣмъ, снурокъ, изъ тонкой шесьмы, 18 вершковъ въ длину, которымъ вѣроятно, связаны были бумаги. Потерявшій сей снурокъ благоволитъ явиться въ присутствіе Суда, съ ясными о принадлежности снурка доказательствами. Надѣется, что безкорыстіе нашедшаго конечно вознаградится приличнымъ даромъ.

ОБОЗРѢНІЕ

современныхъ Русскихъ Журналовъ.

Оставимъ на время 1832-й *Телескопъ*, со всѣми его красотами. Пусть покуда онъ расширитъ свои волчцы и терны и заготовляетъ новую жатву Критикѣ.

Надобно признаться, что мы съ большою неохотою помѣщаемъ нѣсколько минутъ времени замѣчаніямъ на Русскіе Журналы. Но это необходимо. Это должно принести существенную пользу, *ибо* нѣкоторые Журналы наши представляютъ чудеса, невиданныя и неслыханныя отъ начала Журналистики и похожія на дѣйствіе и опіума; потому-что благонамѣренный писатель долженъ разсматривать и объяснять ихъ, чтобы предохранить неопытныхъ или довѣрчивыхъ.

Впрочемъ, на этотъ разъ мы обратимся къ предмету вовсе не досадному, но за то смѣшному въ самой высокой степени: мы будемъ говорить о 58-мъ N° *Молвы*, гдѣ напечатана дерзкая и отчаянная выходка противъ насъ. Это послѣднее усиліе обличенной и оскорбленной страсти писать о томъ, чего не знаютъ, и что выше силъ пишущаго. Не угодно-ли посмотрѣть Русскихъ чудесъ?

Мы обличили Издателя *Телескопа* въ незнаніи: 1-е, Французскаго языка; 2-е, въ незнаніи Нѣмец-

кой Литтературы; 3-е, въ незнаніи Французской Литтературы, о которой однакожь онъ позволяетъ себѣ судить; 4-е, въ незнаніи Русскаго языка. Теперь онъ оправдывается въ этомъ. Наконецъ!.. Видно что поддѣльное равнодушіе его было не убѣдительно; видно что онъ увидѣлъ дѣйствіе не многихъ, но вѣрныхъ обличительныхъ словъ. Совѣтуемъ однакожь ему быть осторожнѣе въ своихъ оправданіяхъ, ибо въ напечатанномъ имъ онъ опутываетъ себя новыми грѣхами, которые и хотимъ мы ему растолковать.

Мы привели въ примѣръ его незнанія Французскаго языка выписки изъ Шамполліона, и переводъ оныхъ, гдѣ *эстампъ* принятъ за *гравировку*, *овалъ* за *рамочку*, и проч., гдѣ искажены слова и мысли Шамполліона. Онъ говоритъ, что это переводъ не его. Но Г-нъ Издатель забылъ, что подлѣ перевода напечатанъ въ его Журналѣ и текстъ, слѣдовательно онъ могъ, онъ *долженъ былъ* видѣть невѣрность перевода. Мы и говорили не о самой статьѣ, а о выпискахъ. Г-нъ Издатель долженъ сознаться въ одномъ изъ двухъ: или онъ не знаетъ что печатается въ его Журналѣ, или не знаетъ Французскаго языка. Пусть скажетъ, что онъ не знаетъ и не видитъ печатаемыхъ у него статей; тогда мы укажемъ ему на *глазъ*, превратившійся въ *морду*, на Расина и Вольтера, которые запѣли гексаметрами... Но объ этомъ поговоримъ далѣе.

Оставимъ въ покоѣ Г-на Гульянова, за котораго вступается Г-нъ Надеждинъ. Состязанія Г-на Гульянова съ Шамполліономъ пойдутъ къ нашему

разбору. Пишущій сіи строки сіи обязанъ сказать однакожь, что не Издатель *Московскаго Телеграфа* писалъ и пишетъ въ Телеграфѣ спашьи о Русскихъ Журналахъ; слѣдственно гнѣвъ Г-на Надеждина на Издателя сего Журнала напрасенъ. Но при семъ вѣрномъ случаѣ Г-нъ Надеждинъ припомнилъ, что самъ Издатель Телеграфа иногда ошибался. Какое дивное дѣло! Но, видно, ему показалось мало этой важной истины, и потому онъ рѣшился выдумать какое-то *разстрѣливаніе изъ пушекъ*, будто-бы сказанное Издателемъ Телеграфа вмѣсто слова: *катонизація*. Это — коротко и ясно — неправда! Пусть Г-нъ Надеждинъ укажетъ книгу и страницу, гдѣ было это напечатано, или, въ противномъ случаѣ, пусть признается что онъ послѣдовалъ *правилу* Фигаро: Calomnions, calomnions, il en reste toujours quelque chose!.. Если Г-нъ Надеждинъ хочетъ знать смыслъ этихъ словъ, то пусть попроситъ кого нибудь перевести ихъ.

Послѣ этого Издатель *Телескопа* вооружился всею своею ученостью и сблизилъ всѣ запасы ея для доказательства, что онъ знаетъ значеніе слова *сонеты*. Онъ съ самою комическою важностью сказываетъ намъ, что у него есть *Испанскій Лексиконъ*, слѣдственно онъ знаетъ, что̀ значитъ это роковое слово!... Смиряемся передъ ученостью Г-на Надеждина, но съ своей стороны смиренно объявляемъ, что и у насъ давно есть этотъ Лексиконъ, только мы не справляемся въ немъ когда рѣчь идетъ о Французскомъ словѣ, какого-бы ни было оно происхожденія, Испанскаго, Арабскаго или

Гонескаго. Дѣло въ томъ, какъ употребляютъ, какъ понимаютъ его Французы. Посмотримъ однакожь, что нашелъ въ своемъ Испанскомъ Лексиконѣ Г. Надеждинъ.

«Saynete есть слово Испанское, происходящее отъ «Испанскаго-же слова sayno, которое значитъ по-«Русски *свинью*.» Къ чему эта генеалогія свиньи? Не понимаю; только вижу, что Г. Надеждинъ не знаетъ, что свинья по-Испански называется cochino, а sayno или saino значитъ особое животное, въ родѣ называемаго Французами cochon d'Inde (*). Зачѣмъ-же онъ говоритъ о томъ, чего не знаетъ? «Само оно означаетъ собственно *мясо* и *жиръ*, «которымъ кормятъ соколовъ, потомъ *переносно* (?), «всякой *лакомой кусокъ*, далѣе *сладость* и *припра-«ву*, потомъ вообще *украшеніе* и *пріятность*, и «наконецъ въ самомъ уже часшномъ и переносномъ «смыслѣ, не простонародныя театральныя пьесы, «а интермедіи въ комедіяхъ, балетахъ и другихъ «театральныхъ пьесахъ!» Удивительная ученость! Только мы не повѣрили ей на слово, справились въ Испанскомъ Лексиконѣ, и нашли, что Г-нъ Надеждинъ и здѣсь перепутался все. Sainete значитъ не *мясо* и *жиръ*, а *можжечекъ*, который даютъ соколу, когда онъ возвращится съ добычею, и въ переносномъ смыслѣ, кромѣ *лакомаго куска* и *приправы*, означаетъ оно все *пріятное*, также *укра-*

(*) Conejillo de Indias, mas pequeno que el regular, y que grune como el lechoncillo.

шеніе, *уборку платья*; наконецъ — для насъ не послѣднее, а главное — *интермедію* въ комедіи, въ балетѣ, *особенный родъ драматическихъ сочиненій*. Послѣ этого я не понимаю, какими глазами смотритъ Г-нъ Надеждинъ въ Лексиконъ свой? Гляди въ него онъ не видалъ самаго важнаго, и *драматическое сочиненіе* превратилъ въ *мясо!* Нечего сказать: это самая алхимическая ученость! Видно и по-Испански онъ знаетъ такъ-же хорошо какъ по-Французски.

Но, повторяемъ, не къ Испанскому Лексикону надобно было обратиться Г-ну Надеждину, а къ Французскому, и къ Французскимъ Литтераторамъ, которые знаютъ что пишутъ. Тогда, у Буаста нашелъ-бы онъ: *Saynete*, petite pièce bouffone, en Espagne, а у Мериме, въ Предисловіи къ его Théâtre de Clara Gazul, самое слово saynete, употребленное въ этомъ-же смыслѣ.

Спрашиваемъ: понимаетъ-ли Г-нъ Надеждинъ то, о чемъ онъ пишетъ? И не новый-ли это грѣхъ въ его Литтературномъ вѣдѣніи? Но, если столько смѣшно защищеніе Издателя *Телескопа*, когда онъ называетъ онъ слово saynete, то его желаніе увѣрить всю образованную публику Русскую, что она не знаетъ значенія слова гексаметръ... даже неприлично.

Читатели припомнятъ, что Г-нъ Надеждинъ нашелъ гексаметры у Расина и Вольтера; мы сказали на это, что гексаметровъ нѣтъ, не только у сихъ поэтовъ, но и вообще во Французской Словесности, и что слѣдственно Г. Надеждинъ не знаетъ

ни языка Французскаго, ни Словесности Французской. Кажется, дѣло такъ ясно, что и говорить не о чемъ. Но Издатель *Телескопа* рѣшился подкрѣпить наши обличенія, и сдѣлалъ это какъ не льзя лучше.

Онъ говоритъ во-первыхъ, что «значеніе слова гексаметръ извѣстно каждому школьнику.» Не спорю, но доказываю что Г-нъ Надеждинъ не знаетъ сего значенія. Далѣе онъ говоритъ обо мнѣ: «Онъ «*проговорился*, что подъ именемъ *гекзаметра* раз- «умѣетъ только шестистопный дактило-хореиче- «скій стихъ, образованный въ новѣйшія времена у «Нѣмцевъ и у насъ, по образцу древняго, количе- «ственнаго шестистопнаго стиха Грековъ и Рим- «лянъ.»

Я нигдѣ не говорилъ этого: новое доказательство, какимъ оружіемъ дѣйствуетъ Г-нъ Надеждинъ! Но забавно, что и здѣсь онъ ошибся, сказавъ будто Нѣмецкій гексаметръ состоитъ изъ *дактилей* и *хореевъ*. Напротивъ, Нѣмецкій гексаметръ образованъ изъ дактилей, трохеевъ и спондеевъ, хотя нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ поэтовъ доказывали, что можно обходиться даже безъ трохеевъ.

Но, мало было всѣхъ этихъ ошибокъ. Къ нимъ прибавлено еще слѣдующее: «*Гекзаметръ* озна- «чаетъ *всякій шестистопный стихъ*: такъ упо- «требляется сіе слово во всѣхъ древнихъ и «новыхъ Піитикахъ.» Не опечатка-ли это? Быть не можетъ, чтобы, кромѣ Гг. * * * *,

кто нибудь такъ понималъ гексаметръ! *Всякій шестистопный стихъ есть гексаметръ*! Совѣстно изъяснять передъ глазами публики, что̀ значитъ гексаметръ, но должно, ибо Г-нъ Надеждинъ — увы! — не знаетъ этого. Онъ ссылается на *древнія Піитики*. Напрасно! Мы посовѣтуемъ ему лучше заглянуть въ *Опытъ о Русскомъ стихосложеніи*, Г-на Востокова, а не въ *древнія Піитики*, ибо во времена Аристотеля, и даже въ золотой вѣкъ Литтературы Лашинской, не было еще ни Нѣмцевъ, ни Рускихъ, ни Французовъ, слѣдственно тогдашніе сочинители Піитикъ не могли изъяснять, есть-ли у Французовъ и Рускихъ гексаметръ. Въ Опытѣ Г-на Востокова узнаетъ онъ, что значитъ гексаметръ, какъ составляется онъ, и также, *что̀ значитъ* стопа, чѣмъ отличается она отъ слога, и можно-ли почитать за одно стихъ составленный изъ стопъ, и стихъ изъ слоговъ. Мы ограничимся только однимъ вопросомъ: На какомъ языкѣ писалъ Г. Надеждинъ о гексаметрахъ Расина и Вольтера? На Русскомъ? Слѣдственно, пусть докажетъ онъ, что по-Русски имѣютъ одинакое значеніе слова: *гексаметръ* и *Александрійскій стихъ* (а не *Александрискій*, какъ говоритъ онъ: это опять ошибка). Если онъ докажетъ это, то я соглашусь, что всѣ просвѣщенные Рускіе ошибаются, почитая гексаметръ стихомъ, отличнымъ отъ Александрійскаго. Въ ожиданіи этого, мы остаемся удостовѣрены, что онъ такъ-же понимаетъ различіе между *стопою и слогомъ*, какъ между *театральною пьесою и мясомъ*.

Но, желая еще лучше показать свое невѣдѣніе, Г-нъ Надеждинъ утверждаетъ, что Французы называютъ гексаметромъ стихъ Александрійскій. Напрошивъ, всѣмъ извѣстно, что подъ названіемъ гексаметра Французы всегда разумѣютъ гексаметръ древній, а не свой двѣнадцатисложный стихъ, называемый героическимъ и Александрійскимъ. Г-нъ Надеждинъ не знаетъ этого, и, думая поразить насъ совершенно, ссылается на Палладіумъ своей учености, на Journal des Débats, гдѣ о *Людовикѣ XI-мъ* Делавиня сказано: « Des unités avec ce bonhomme! des *hexamètres* à Louis XI! » Но что-жь это доказываетъ? спроситъ читатель. А вотъ что: Г. Надеждинъ не знаетъ Французскаго языка, и потому онъ вообразилъ, что des hexamètres à Louis XI значитъ: «гексаметры *въ Людовикѣ XI-мъ*! Вѣрно такъ! Отъ него все станется! Но пусть кто нибудь, жалостливый человѣкъ, растолкуетъ ему эти загадочныя слова.

Далѣе онъ говоритъ, что я доказываю его незнаніе Нѣмецкой Литтературы выпискою, будтобы переведенною имъ изъ Менцеля; нѣтъ! я указывалъ на эту выписку какъ на образчикъ его сужденій о Нѣмецкой Литтературѣ. А незнаніе его въ семъ предметѣ доказалъ я тѣмъ, что онъ видитъ въ Цшокке Швейцарскаго писателя, и восхищается его Швейцаризмомъ, тогда какъ Цшокке чистый Нѣмецъ!..

Наконецъ, Г-нъ Надеждинъ превосходно оправдывается въ незнаніи Русскаго языка. Онъ называетъ « замѣчательнымъ *пунктомъ* недостатокъ *точки* въ его Журналѣ. » Какой писатель! Не знаетъ и того, что *пунктъ* и *точка* одно и тоже! Онъ говоритъ: « Точка эта какъ « бѣльмо на глазу у Издателя Телеграфа. Онъ все« тощилъ надъ ней все свое остроуміе: прозвалъ « мой Журналъ 1832-*мъ Телескопомъ*... » Вотъ это я люблю! прозвалъ! Кто *прозвалъ*? Развѣ не самъ Издатель *Телескопа*? Я не понимаю . . . . . : драматическую пьесу называетъ онъ мясомъ, гексаметръ Александрійскимъ стихомъ, и самъ напишетъ безсмыслицу, да и хочетъ чтобы другіе признали ее своею!.. Не я прозвалъ *Телескопъ* 1832-мъ, а самъ Издатель его; я только совѣтовалъ ему перемѣнить это заглавіе, ибо мнѣ самому жаль смѣяться надъ нимъ, да жаль и видѣть какъ смѣются другіе. Совѣтую ему и теперь, не только поправить все заглавіе (ибо я доказалъ ему, что оно *все* ошибочно), но и вообще поучиться Русской грамотѣ. Для этого есть прекрасная книга: *Начальныя Правила Русской Грамматики, изданныя Николаемъ Гречемъ. СПб.* 1830. *Изд. 2-е.* Думаю что теперь совѣтъ мой будетъ принятъ, ибо Г-нъ Надеждинъ уже признается, что у него *недостаетъ точки*. Одной-ли точки! Недостаетъ очень многаго. Эта *точка* лишь одинъ *пунктъ*, какъ говоритъ онъ самъ.

Желалъ-бы я еще, чтобы Г-нъ Надеждинъ по-

учился быть вѣжливымъ въ своихъ критикахъ и антикритикахъ, и чтобы не называлъ онъ чьихъ-бы то ни было критикъ *клеветою*, *ложью*, *грубою клеветою*, *помѣшательствомъ* и подобными богатырскими именами. Онъ можетъ быть увѣренъ, что брань ни сколько не оправдаетъ его; напротивъ, она показываетъ, что онъ не знаетъ условій образованнаго общества.

Кажется, я начисто расквитался съ своимъ противникомъ. Подтвердилъ доказательствами все, что утверждалъ прежде, и показалъ еще новыя ошибки и новыя свидѣтельства его невѣдѣнія. Ихъ накопилось уже такъ много, что я рѣшаюсь исчислить главнѣйшія обвинительныя статьи. Пусть Г-нъ Надеждинъ оправдывается, а я уличаю его въ слѣдующемъ: 1-е, что выписки изъ Шамполліона переведены безъ всякаго знанія языка Французскаго, такъ-же какъ и стихотвореніе Барбье, гдѣ *глазъ* названъ *мордою*, и что слѣдственно *онъ не знаетъ Французскаго языка*; 2-е, что ни у Расина, ни у Вольтера нѣтъ гексаметровъ; что Французы не называютъ своего двѣнадцатисложнаго стиха гексаметромъ; что по-Русски гексаметръ не значитъ одно и тоже что Александрійскій шестистопный стихъ; что *стопа* и *слогъ* не одно и тоже, и что Г-нъ Надеждинъ, утверждающій противное, *не знаетъ ни Французской Литтературы, и ни Русской, ни Французской версификаціи*; 3-е, что Цшокке не урожденецъ Швейцаріи, что онъ не Швейцарскій писатель, и что Г-нъ Надеждинъ,

который восхищается Швейцаризмомъ его, *не знаетъ Нѣмецкой Литтературы и восхищается тѣмъ чего не знаетъ*; 4-е, что онъ напрасно превратилъ sayno въ свинью, а saynete въ мясо, и все отъ того, что *не только не знаетъ Испанскаго языка, но не умѣетъ справиться и въ Лексиконѣ*; . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . 5-е, что Нѣмецкій гексаметръ состоитъ не изъ дактилей и хореевъ, а изъ дактилей, трохеевъ и спондеевъ, и Г. Надеждинъ, утверждающій первое, *не читалъ Нѣмецкихъ гексаметровъ и потому не понимаетъ ихъ*; 6-е, что онъ не понялъ выраженія: des hexamètres à Louis XI, и слѣдственно опять *судитъ о томъ чего не понимаетъ*; 7-е, что онъ самъ назвалъ свой Журналъ 1832-*мъ Телескопомъ*, не потому чтобы хотѣлъ этого, а потому что *не знаетъ Русскаго языка*; 8 е, онъ пишетъ варварскимъ, испещреннымъ ошибками слогомъ, что доказано нами множествомъ выписокъ изъ его Журнала, слѣдственно *не умѣетъ писать по-Русски*. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Но довольно! Пусть оправдается Г. Надеждинъ.

Я съ своей стороны объявляю, что всѣ статьи о Журналахъ Г-на Надеждина писаны не Издателемъ *Телеграфа*, а мною, который, какъ благородный рыцарь, готовъ былъ-бы объявить свое

имя; но для противника, находящагося теперь въ непріятельской дистанціи отъ меня, я и не прикоснусь къ забралу моего шлема.

Въ избѣжаніе недоразумѣній я однакожь буду подписывать полемическія статьи свои такимъ словомъ, которое всегда покажетъ, что я не Издатель Телеграфа, а, просто,

*Аноним*ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XLIV-й ЧАСТИ.

	Стран.
Походныя Записки Василья Мирошевскаго....	3
Объ Энциклопедіяхъ. Сочиненіе Гизо.....157,307	
Взглядъ на Римскую Исторію. Сочиненіе Мишеле.....	465
Замѣчанія объ Индійскомъ Архипелагѣ. изъ Соч. Реффлеса.....	126
Успѣхи въ изслѣдованіи Восточной Литтературы.....268,419	
Обозрѣніе новыхъ открытій путешественниковъ.....	562
Уставъ Казиміра, Короля Польскаго.....	144
Физіогномическія и хироманшическія свѣдѣнія древнихъ Россіянъ.....	250
Извѣстіе о рукописи XVII вѣка (Г-на Андреева).	419 и

Первое дѣйствіе Шекспировой трагедіи: *Король Лиръ*. Переводъ Г-на Якимова.....	19
Стихотворенія:	
— Нуча, Якутскій разсказъ (Г-на Чижева).....	487
— Повтамъ Архипелага Нелѣпостей, въ морѣ пустозвучія (А. М.).....	494
Отрывокъ изъ третьей Части *Странника* (А. Ѳ. Вельтмана).....	223
Примѣчаніе къ Повѣсти *Аммалатъ-Бекъ*....	80
Отрывокъ изъ романа: *Семейство Холмскихъ*	187,336
Жизнь трехъ друзей. Повѣсть Гоффмана.....	495

Ideen über die Politik etc. — De la Politique, etc. (О политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ Древнихъ народовъ. Сочиненіе Геерена (продолженіе)..... 84
Разборъ трагедіи: *Ермакъ сoч. Г-на Хомякова* 225
Разборъ повѣсти Богдановича: *Душенька*..... 377, и

Современная Русская Библіографія.....107, 245, 397 и
Нѣсколько словъ опять Сочинителя Повѣсти:
Андрей, Князь Переяславскій..... 243
Еще нѣсколько словъ его-же..... 300
Смѣсь.....150, 302, 459 и

Камеръ-Обскура книгъ и людей № 5, 6, 7, 8.
Общество беззубыхъ Литтераторовъ (окончаніе). 81
Трудолюбивый Муравей, историческо-политическо-литтературная газета, издаваемая въ городѣ N. N., Яковомъ Ротозѣевымъ и Ѳомою Низкопоклонинымъ.....105, 129,
Обозрѣніе современныхъ Русскихъ Журналовъ.....98, 124, 147 и 170

При сей часпи Телеграфа находятся: *Два очерка съ картинъ Мецциса и Фюзели; Видъ Кремля за двѣсти лѣтъ; Два изображенія: столика и модной драпировки оконъ; Шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.*

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les robes blanches, et les peignoirs, en jaconas ou en mousseline, sont toujours des toilettes de distinction plus ou moins négligées, selon qu'ils sont ornés de broderies ou de dentelle.

Les chapeaux de paille d'Italie, avec une ou plusieurs plumes blanches, conviennent aussi bien le matin, avec une robe de mousseline de couleur, que le soir avec une robe d'étoffe.

Les guingams avec lesquels on fait des peignoirs du matin, doivent être à petits quadrilles; ils imitent exactement les gros-de-Naples.

Les ceintures, à nœuds, ou les écharpes de ruban, se portent beaucoup avec des robes de mousseline blanche, ou de légères gazes de couleur.

Nous avons eu l'occasion de voir un trousseau dont voici quelques détails :

Les chemisettes en batiste brodées et garnies de dentelle; quelques-unes brodées en cœur pour mettre avec des robes à draperies ouvertes.

Une robe, en chaly rose, si pur et si frais qu'on ne peut le désigner que comme une *feuille de rose*. Le corsage drapé avec une mantille de tulle à petits tuyaux.

Une redingote de gros-de-Naples *Pompadoura*, couleur toute nouvelle, avec des pélerines.

Une élégante et belle robe de cachemire jaune-turc avec une bordure à palmes arlequin, le bord frangé; le corsage

(*) Въ Парижѣ до 25-го Іюля (н. ст.)

drapé à la tyrolienne ; des manches courtes, et des manches longues pour ajouter en négligé.

Les parures complètes de bal, étaient variées à l'infini.

Outre les cachemires, une écharpe en cachemire de l'Inde, jaune à bordure arlequin.

Une écharpe en point de Bruxelles, bordée d'une petite guirlande, dessins de fleurs, au bas et au milieu.

Une écharpe de blonde, se rapportant de dessins avec une mantille, un volant et des manches. Fleurs très-légères. Des demi-voiles de blonde.

Une robe de mousseline de soie était de la plus élégante recherche, en sortant de toutes les broderies d'or lamé ; le plain était semé de pierres de couleurs ; les broderies en soie unie formaient toute la branche, et la grappe de lilas était d'améthiste. Le corsage et les manches bordés de petites guirlandes.

Puis, ce qui méritait un examen d'admiration, était une robe de gros-de-Tours, peinte dans son entier en bouquet de fleurs, par un élève de Redouté. Elle était renfermée avec soin dans un étui chinois, peint également en fleurs, et relevé d'or.

Il y avait des mouchoirs de poche de forme octogone, brodés.

Бѣлыя платья и пудермантели, изъ жаконета или кисеи, все еще въ большомъ употребленіи, и смотря по отдѣлкѣ, съ шитьемъ или съ кружевомъ, составляютъ нарядъ болѣе или менѣе простой.

Шляпы изъ Итальянской соломы, съ однимъ или нѣсколькими бѣлыми перьями, въ такомъ-же употребленіи утромъ, съ цвѣтнымъ кисейнымъ плашемъ, какъ и вечеромъ съ шелковымъ.

Парижскія моды.

Ткань, называемая *генгань*, изъ которой дѣлаютъ утренніе пудерманшели, должна быть въ мѣлкихъ клѣткахъ. Она чрезвычайно похожа на гроденапль.

Въ большомъ употребленіи также пояса съ бантами, или ленточные шарфы, съ бѣлымъ кисейнымъ, или легкаго цвѣтнаго газу платьемъ.

Мы имѣли случай, говоритъ Издатель Парижскаго Журнала, видѣть приданое, о которомъ сообщаемъ нѣсколько подробностей.

Батистовыя шемизетки всѣ вышиты и убраны кружевомъ; нѣкоторыя вышиты въ видѣ сердца. Ихъ надѣваютъ съ платьемъ, вырѣзаннымъ на груди и драпированнымъ.

Платье изъ розоваго шали, цвѣту чистаго и нѣжнаго какъ *розовый листъ*. Лифъ драпированный шнурковою, въ мѣлкихъ трубочкахъ манжильей.

Реденготъ съ пелеринками, изъ гроденапля, цвѣта *Помпадура*: этотъ цвѣтъ совершенно новый.

Нарядное и прекрасное кашемировое платье, желтаго-турецкаго цвѣта, съ каймою пестрыхъ пальмъ; края бахромчатые; лифъ драпированный à la Tyrolienne. Къ этому платью рукава короткіе и рукава длинные, которые надѣваютъ запросто.

Полные наряды для баловъ, были разнообразны до безконечности.

Кромѣ шалей, мы замѣтили шарфъ изъ Индійскаго кашемиру, желтый съ пестрою каймой.

Шарфъ Брюссельскаго шитья, украшенный маленькою гирляндою; на немъ узоръ изъ цвѣтовъ по концамъ и по срединѣ.

Блондовый шарфъ, одинакаго узора съ манжильей, уборкой и рукавами. Цвѣты чрезвычайно нѣжные.

Блондовые } полувуали.

Платье изъ шелковой кисеи, превосходило всѣ платья съ блестками. Оно было усѣяно цвѣтными каменьями; шитье, изъ несученаго шелку, составляло на немъ вѣшки; кисшь синели была изъ аметистовъ. Лифъ и рукава были украшены маленькими гирляндами.

Болѣе всего заслуживало вниманіе платье изъ гроде-Туръ, гдѣ букеты цвѣтовъ были нарисованы ученикомъ Редуте. Оно было бережно вложено въ Китайскій футляръ, также разрисованный цвѣтами и украшенный золотомъ.

Замѣчены также осміугольные платки носовые, вышитые.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Платье и пелеринка изъ вышитой кисеи. Креповый капотъ-шляпка, съ полувуалемъ.

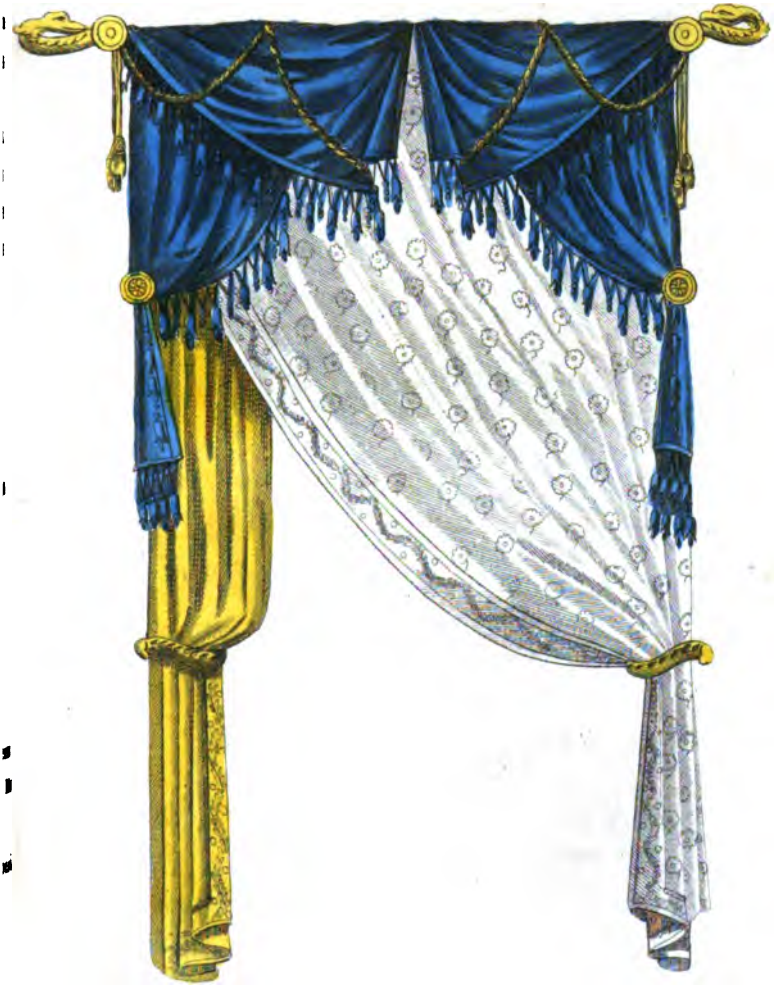
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюля 15 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Николай Лазаревъ.

Въ типографіи Августа Семена.

Къ N, 8) Камеръ-обскуры 1832 г.



The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
JUL 0 2 2006
CANCELLED

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.